

АКАДЕМИЯ НАУК АБХАЗИИ
Абхазский институт гуманитарных исследований
им. Д. И. Гулиа

В. Е. КВАРЧИЯ

ИЗ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ
АБХАЗСКОГО (АПСУА // АБАЗА) НАРОДА,
ИЛИ
О ЯЗЫКЕ И ИСТОРИИ АБХАЗОВ И АБАЗИН

Сухум, 2015

ББК 63.521 (=602) я73

К 32

УДК 394

Научные редакторы:

доктор филологических наук, проф. **О. П. Дзидзария**,
кандидат исторических наук **Г. Д. Гумба**

Рецензенты:

доктор филологических наук **Л. Х. Саманба**,
кандидат исторических наук **О. В. Маан**

КВАРЧИЯ В. Е.

Из этнической истории абхазского (апсуа // абазы) народа, или о языке и истории абхазов и абазин. /В. Е. Кварчия: АН Абхазии, Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа. – Сухум: Госиздат, 2015. 665 с. – Г/р 978-5-122-72-1105

Книга историка, лингвиста, доктора филологических наук, академика В. Е. Кварчия представляет собой многоплановое исследование вопросов истории этногенеза абхазо-абазинского этнического мира с древнейших времен до конца XIII в. н. э. Работа автора базируется на материалах аналогичных исследований ученых Абхазии и других стран, а также на древних, античных и средневековых письменных источниках; широко привлекаются историко-этнографические, фольклорные материалы, и в особенности разнообразный материал как абхазо-абазинских, так и других языков. Комплексное исследование проблемы позволило автору дать принципиально новые оценки не только историческому прошлому абхазов и абазин, но и, в определенной мере, отдельным периодам истории ряда народов Кавказа.

Книга рассчитана на специалистов, студентов и широкий круг читателей.

© Академия наук Абхазии,
Абхазский институт гуманитарных
исследований им. Д. И. Гулиа, 2015

**ACADEMY OF SCIENCES OF ABKHAZIA
D. I. Gulia Abkhazian Institute of Humanitarian Studies**

V. E. KVARCHIA

**FROM THE ETHNIC HISTORY
OF THE ABKHAZIAN (APSUA // ABAZA) PEOPLE,
OR
ON THE LANGUAGE AND HISTORY OF
ABKHAZIANS AND ABAZINIANS**

Sukhum, 2015

Scientific editors:

Doctor of Philological Sciences **O. P. Dzidzaria**,
Candidate of Historic Sciences **G. D. Gumba**.

Reviewers:

Doctor of Philological Sciences **L. Kh. Samanba**,
Candidate of Historic Sciences **O. W. Maan**.

KVARCHIA V. E.

From the ethnic history of the Abkhazian (Apsua // Abaza) people, or On the language and history of Abkhazians and Abazinians. – Sukhum, 2015. 665 p.

The book by the historian, doctor of philological sciences, academician V. E. Kvarchia is a multi-faceted study of the history of the ethnogenesis of the Abkhaz-Abazinian ethnic world from ancient times until the end of the XIII century A. D. The author's work is based on materials of similar studies of Abkhazian and other scientists, as well as on the ancient and medieval written sources. Historical, ethnographic, folklore, and especially, various language materials of both Abkhaz-Abazinian and other languages are widely used. A comprehensive study of the problem allowed the author to give a fundamentally new assessment of not only the past of Abkhaz and Abazinian, but to a certain extent, of different historical periods of a number of peoples of Caucasus.

The book is intended for professionals, students and for a wider readership.

© Academy of Sciences of Abkhazia.

D. I. Gulia Abkhazian Institute of Humanitarian Studies, 2015

ПРЕДИСЛОВИЕ

История конкретной страны, государства, этноса, как ныне существующего, так и уже исчезнувшего, является важной частью мировой истории. Вместе с тем народ в своем развитии базируется, прежде всего, на опыте собственной истории и на знании своих места и роли в окружавшем его в разное время этническом мире.

Невозможно реконструировать прошлое того или иного народа без совокупности археологических, этнографических, антропологических, языковых, письменных и других данных. Среди них представляется наиболее значительным языковой материал, ибо сам язык в целом является прямым и живым отражением всей истории его носителей.

Абхазы и абазины, о которых пойдет речь ниже, еще в недавнем прошлом (в XVIII–XIX вв.) составляли один народ, сегодня же они развиваются раздельно и представляют близкородственную абхазо-абазинскую группу языков. Их этнические предки распознаются в древневосточных письменных источниках, начиная, по крайней мере, со второй половины II тыс. до н. э., и далее они все четче вырисовываются в античных и средневековых исторических сведениях.

Научно-познавательный интерес к языку и истории абхазов и абазин стал проявляться с XVII столетия. Причем первоначально он исходил от иностранцев-путешественников, миссионеров и других лиц.

В частности, к числу древних письменных свидетельств абхазского языка относится запись 40 абхазских слов и фраз, которую сделал в 1641 г. известный турецкий путешественник Эвлия (Евлия) Челеби. Сохраняют и ныне свою научную значимость приводимые им и этнопонимические, а также этнографические и другие сведения, касающиеся Черноморского побережья Западного Кавказа [1].

Во второй половине XVII в. к истории и быту абхазов проявлял некоторый интерес итальянский миссионер Арканджело Ламберти [2], французский путешественник Шарден [3] и др.

К середине XVIII столетия грузинский царевич Вахушти Багратиони завершает свои сочинения «Описание царства грузинского» [4], «География Грузии» [5], в которых немалое место занимают материалы и рассуждения по истории Абхазии.

С конца XVIII в. абхазским языком начинают заниматься русские и западноевропейские ученые И. Гюльденшtedт, П. Паллас, Ю. Клапрот, Г. Розен и др. В частности И. Гюльденшtedту принадлежит первенство в определении родства абхазо-адыгских языков.

В первой половине XIX столетия издается немало работ, так или иначе касающихся истории Абхазии. Среди них наиболее значительными являются публикации С. Броневского [6], Ф. Дюбуа [7], А. Нордмана [8], Ф. Ф. Торнау [9] и других известных авторов.

В середине XIX столетия появляются работы первого абхазского этнографа С. Званба [10].

В 1862 г. публикуется основополагающий труд по абхазскому языку выдающегося кавказоведа П. К. Услара [11]. Тогда же зарождается абхазская письменность, основанная на русской графике, создавшая возможность фиксации и правильной письменной передачи материалов абхазской речи и развития национальной литературы и литературного языка.

Выход вышеуказанной работы П. К. Услара заметно расширил интерес ученых к языку, истории абхазов и абазин. Вскоре, уже в начале XX в., этой тематикой глубоко увлекся акад. Н. Я. Марр. Он в абхазах видел народ, уходящий своими корнями в глубочайшую древность, а их язык относил к числу древнейших языков мира. О той огромной ключевой роли в языкознании, которой Н. Я. Марр отводил абхазскому языку, свидетельствуют не только его научные выкладки, но и название одной из его известных работ – «Постановка учения о языке в мировом масштабе и абхазский язык» [12].

В 1907 г. выходит важная как тогда, так и сегодня работа П. Воронова «Абхазия – не Грузия» [54].

Значительным вкладом в воссоздание цельной истории абхазов стал труд К. Д. Мачавариани «Описательный путеводитель по Сухуму и Сухумскому округу», изданный в 1913 г. [13]. В нем отдельно дается краткий, довольно объективный историко-этнографический очерк Абхазии [13, 222–347].

В 1919 г., в период оккупации Абхазии войсками Грузинской демократической республики, публикуется работа Н. Воробьева «О неосновательности притязаний Грузии на Сухумский округ (Абхазию)» [14].

Несомненно, наиболее значительным событием для исторического абхазоведения явилась монография талантливого историка К. Кудрявцева, вышедшая в 1922 г. под скромным названием «Сборник материалов по истории Абхазии» [15]. Данная работа, написанная и изданная в непростых условиях, и по сей день сохраняет свое научно-концептуальное значение.

Вслед за вышеназванным исследованием в 1923 г. появляется еще один значительный абхазоведческий труд известного ученого, общественно-политического деятеля, народного просветителя С. П. Басария «Абхазия в географическом, этнографическом и экономическом отношении» [16].

В 1925 г. увидела свет довольно актуальная аналитическая работа С. А. Ашхацава «Пути развития абхазской истории» [17]. Книга позже была запрещена, а ее автор был репрессирован в 1939 г.

В том же 1925 г., впервые под названием «История Абхазии» (т. 1), выходит известное многострадальное исследование абхазского ученого, основоположника абхазской литературы Д. И. Гулиа [18]. Этот труд, являющийся по своему характеру историко-лингвистическим исследованием, стал, как и надеялся ее автор, первым абхазским камнем, брошенным в спокойную гладь научного равнодушия к истории культур и наций Кавказа [18, 14]. Многие положения гулиевской «Истории Абхазии» до сих пор продолжают оставаться в научном обиходе. Некоторые же его предположения и сегодня ждут внимания компетентных исследователей.

Отдельные периоды истории Абхазии находят свое отражение в работах известного советского историка А. В. Фадеева, археологов Л. Н. Соловьева, А. Л. Лукина, Б. А. Куфтина, С. Н. Замятниина и др., а также этнографов Г. Ф. Чурсина и И. А. Аджинджала, изданных в 1930–1960-х гг. В те же годы к истории Абхазии проявляют значительный интерес и грузинские ученые: И. А. Джавахишвили, С. Н. Джанашия, С. Г. Каухчишвили, Н. А. Бердзенишвили, Г. А. Меликишвили, А. С. Чикобава, К. В. Ломтатидзе и многие другие.

В 1940–1950-е гг. приступает к научной деятельности целый ряд национальных кадров. Это З. В. Анчабадзе, Г. А. Дзидзария, Ш. Д. Инал-ипа, Л. Х. Акаба, А. Э. Куправа, Б. Е. Сагария, археологи М. М. Трапш, М. М. Гунба, лингвисты К. С. Шакрыл, Х. С. Бгажба и др., ставшие впоследствии корифеями абхазоведения.

С наступлением хрущевской оттепели, несмотря на существование жесткой цензуры, обслуживавшей грузинскую националистическую конъюнктуру, в Абхазии широко развернулось всестороннее изучение истории и культуры абхазского народа.

В 1959 г. выходит монография абхазского ученого, признанного научного авторитета в среде кавказоведов З. В. Анчабадзе «Из истории средневековой Абхазии (VI–XVII вв.)» [19]. Она стала первой серьезной работой, пробившей брешь в свалке надуманных небылиц по средневековой истории Абхазии и Грузии. Вместе с тем автор вынужден был трактовать целый ряд положений в духе политической конъюнктуры, существовавшей в его время. Значительным вкладом в абхазоведение стали и последующие его работы: «История и культура древней Абхазии» [20], «Очерк этнической истории абхазского народа» [21] и др.

В 1960 г. стало возможным издание абхазоведами сводного труда по истории Абхазии с древнейших времен по 50-е гг. XX в. (в двух частях) [22]. Данный труд, как и монографии З. В. Анчабадзе и работы других абхазоведов, создавался на фоне продолжавшегося с 30-х гг. яростного отрицания многими грузинскими учеными и политиками существования какой-либо значимой истории у абхазов, отрицание самого абхазского народа как отдельного этноса и т. д. Поэтому названный коллективный труд, хоть и был строго ограничен дозволенными сверху пределами и концепциями, представлял собой наиболее серьезную попытку научной разработки накопленных фактических данных, кратким итогом многолетних исследований коллектива абхазских историков и других ученых.

Вместе с тем работа над этим первым сводным трудом показала, что для создания в будущем более содержательного обобщающего труда необходимы монографические исследования по отдельным периодам истории Абхазии, в том числе археологии и этнографии, а также историко-лингвистические исследования абхазо-абазинских языков, абхазо-абазинского фольклора и т. д.

В том же 1960 г. не менее значительным событием стал выход общеизвестного историко-этнографического труда крупнейшего абхазского ученого Ш. Д. Инал-ипа «Абхазы», переизданного в дополненном виде в 1965 г. [23]. Этот поистине энциклопедический труд стал основой для дальнейшего углубленного изучения всех направлений абхазоведческой науки. Среди многих последующих исследований Ш. Д. Инал-ипа особо важное место занимает его монография «Вопросы этнокультурной истории абхазов» [24], появление которой всполошило весь гуманитарный научный мир и политическое руководство Грузии конца 70-х гг. XX в. Несмотря на все усилия последних очернить эту работу, она получила тогда высокую оценку со стороны ведущих ученых СССР. Переработанный и дополненный вариант данного исследования увидел свет в 2011 г. [365].

В 1964 г. издается известная монография крупного абхазского лингвиста Х. С. Бгажба «Бзыбский диалект абхазского языка», а затем его же работа «Этюды и исследования» [168] и др.

Определенную растерянность и негативную реакцию вызвало в Тбилиси и открытие ленинградским ученым проф. Г. Ф. Турчиновым древнеабхазского письма [25].

В 1950–1980 гг. выходят десятки работ по истории Абхазии XIX–XX вв. общепризнанного кавказоведа, флагмана абхазоведческой науки второй половины XX столетия Г. А. Дзидзария. Неоценимое значение имеют такие крупные его монографии, как «Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия» (1975, 1982) [26], «Формирование дореволюционной абхазской интеллигенции» (1979) [27], «Очерки истории Абхазии (1910–1921)» [28], а также и его исследования по истории Абхазии советского периода.

Значительным вкладом в изучение истории и культуры Абхазии явились и работы уже названных абхазских ученых: М. М. Трапша, М. М. Гунба, Б. Е. Сагария, А. Э. Куправа, К. С. Шакрыла, Х. С. Бгажба, а также нового поколения ученых: Г. К. Шамба, Г. А. Амичба, Р. А. Хонелиа, О. Х. Бгажба, Ц. Н. Бжания, В. В. Бжания, Ю. Н. Воронова, И. И. Цвинария, Л. Г. Хрушковой, В. Г. Ардзинба, Е. М. Малиа, Ю. Г. Аргуна, Р. К. Чанба; языковедов – Ш. К. Аристава, Л. П. Чкадуа, В. Х. Конджария, В. А. Амичба, С. А. Амичба, Р. К. Гублия, Т. Х. Халбада, Н. В. Аршба; фольклористов – Ш. Х. Салакая, С. Л. Зухба, А. А. Аншба, З. Д. Джапуа и многих других.

В 70-х гг. XX в. приступает к научной деятельности известный специалист по древним языкам, хеттолог В. Г. Ардзинба. В 1977 г. он публикует статью «Заметки к текстам хеттских ритуалов» [486], далее выходит целый ряд интересных работ, таких как «Нартский сюжет о рождении героя из камня» [137], «Некоторые сходные структурные признаки хаттского и абхазо-адыгских языков» [361], «Ритуалы и мифы Древней Анатолии» [487] и другие.

Определенным итогом исследований всех вышеназванных и других авторов стал сводный труд «История Абхазии», составленный в виде краткого учебного пособия профессорами З. В. Анчабадзе, Г. А. Дзидзария, А. Э. Куправа [29]. Значение этого первого учебника по истории Абхазии, изданного в 1986 г., трудно переоценить. В тех условиях сам факт издания учебника под названием «История Абхазии» оказался возможным только благодаря большому научному авторитету и настойчивости его авторов и членов редколлегии. Конечно же, отдельные периоды истории Абхазии авторы вынуждены были изложить приближенно к концепции грузинской историографии. Например, что абхазские цари вели общегрузинскую политику, что в Абхазском царстве VIII–X вв. грузинское население было преобладающим, что Абхазия в XI–XIII вв. являлась составной частью «единого Грузинского государства» и т. д. В целом же названный учебник во многом объективно и лаконично отразил в свете уже известных фактов историю Абхазии и абхазского народа с древнейших времен по 80-е гг. XX в.

В 80-е гг., вопреки политической конъюнктуре, начинается разработка так называемых запретных тем. В 1983 г. в Тбилиси выходит монография О. Х. Бгажба «Черная металлургия и металлообработка в древней и средневековой Абхазии» (VIII в. до н. э. – XV в. н. э.) [379]. Несмотря на всевозможные препятствия, выходят и работы автора этой книги по топонимии Абхазии «Ойконимы Абхазии в письменных источниках» (1985) [30], «Материалы топонимики Очамчирского района Абхазской АССР» (1988, на абх. яз.), а также исследования С. М. Шамба «Монетное обращение на территории Абхазии» (1987 г.) [590], «Гюнос – I» (1988 г.) [591]. Далее увидели свет: в 1990 г. книга С. Лакоба «Очерки политической истории Абхазии» [31], а в 1992 г. – коллективный труд «Абхазия: документы свидетельствуют. 1937–1953 гг.» (составители Б. Е. Сагария, Т. А. Ачугба, В. М. Пачулиа) [32].

Значительным событием следует считать также выход в 1992 г. первого учебника по истории Абхазии на абхазском языке «*Аҧсны аҭоурых*» («История Абхазии»), составленного В. Л. Бигуаа [33]. Он же автор оригинального исследования «Вопросы традиционной религии и бытовой культуры абхазов» [595].

В 1991 г. (второе издание – 1993 г.) коллектив ученых Абхазского института издает на русском языке очередное учебное пособие «История Абхазии» [34]. Оно по своему объему, содержанию и объективности качественно отличается от предыдущего аналогичного издания. В нем представлен целый ряд принципиальных объективных оценок исторического прошлого абхазов, основанных на документальном материале.

Вместе с тем этот коллективный труд создавался в ускоренном режиме, на фоне начавшегося в конце 80-х годов прошлого столетия распада СССР и резкого обострения абхазо-грузинских отношений, чем и объясняются некоторые недостатки этого издания, например отсутствие академической формы изложения текста, повторение и здесь отдельных, не соответствующих первоисточникам, формулировок грузинской историографии и т. д. В целом же изданием этого многозначительного учебного пособия завершился советский этап развития абхазоведческой науки. Это был длительный период, охвативший пору репрессий, запретов и уничтожения неугодных книг и авторов, жесткой цензуры, вынужденного написания уважаемыми учеными «самопроверяющих работ», как, например, «О моей книге “История Абхазии”» Д. И. Гулиа и т. д., и т. п. Тем не менее за этот период ученым все же удалось значительно продвинуться в сторону правдивого и всестороннего освещения истории и культуры Абхазии и абхазского народа.

Немало было сделано в советский период и в изучении прошлого и настоящего ближайшей ветви абхазского народа – абазин и убыхов. Из специально посвященных им работ наиболее значительными, обобщающими являются историко-этнографические очерки под названием «Абазины» Л. И. Лаврова (1955) [35], Е. П. Алексеевой (1971) [36], Е. Н. Даниловой (1984) [37], коллективный труд «Абазины» (1989) [38], а также монографии М. С. Тхайцухова «Очерки истории абазин конца XVIII–XIX вв.» (1992) [39], его же «Абазины» (2006) [377] и др.

Наряду с вышеназванными и др. работами представляются основополагающими и исследования лингвистов: К. В. Ломтатидзе «Тапантский диалект абхазского языка» (1944) [40], «Ашхарский диалект и его место среди других абхазско-абазинских диалектов» (1954) [41], «О некоторых вопросах этнической принадлежности и расселении абхазов» [232] и др.; А. Н. Генко «Абазинский язык» (1955) [42], Г. П. Сердюченко «Язык абазин» (1955) [43], Н. Т. Табуловой «Грамматика абазинского языка» (1976) [44] и др.

Таким образом, в конце 80-х гг. XX в. в абхазоведческом портфеле накопилось значительное количество важных разновременных первоисточников и исследований по истории абхазов и абазин. С 1990-х гг. появилась и возможность непредвзятого переосмысления многих публикаций в свете данных первоисточников и других материалов. Этим качественно отличаются в основном последующие абхазоведческие публикации, о чем более подробно будет сказано ниже.

С какими же искажениями первоисточников по истории Абхазии борются абхазские и другие ученые на протяжении многих десятков лет?

Как известно, основными письменными источниками, которыми пользуются исследователи древней истории Кавказа, в том числе Абхазии и Грузии, являются греко-римские. Для исследователей же средневековой истории, наряду с византийскими сведениями, представляют значительный интерес древнегрузинские, армянские, персидские, арабские, итальянские, турецкие и русские источники.

Камнем же преткновения оказались прежде всего грузинские летописные сведения об Абхазии и Грузии раннего и зрелого Средневековья, подвергающиеся основательной ревизии в течение уже многих лет. Основа этому была заложена еще в начале XVIII столетия в Москве потомками грузинских «царей», изгнанных персами и турками из разрозненной Грузии. Они годами вынужденно отсиживались в Москве в надежде получить русскую помощь в освобождении отнятых у них «царств» (т. е. владений). Как известно, эти многолетние тягостные ожидания были безрезультатными. Вместе с тем пребывание в Москве давало им возможность знакомства с русской и европейской культурой. Здесь развернул свою литературную деятельность имеретинский царь

Арчил. По его же инициативе в Москве было начато книгопечатание на грузинском языке, здесь же редактировались и готовились к печати грузинские церковные книги и т. д. [45, 117–118].

По совету также грузинских царей-беженцев, находившихся в Москве, будущий омусульманенный ставленник Ирана в Картли Вахтанг VI составил в начале XVIII в. комиссию «ученых мужей» по «реставрации» свода грузинских летописей [46, 24] и создания цельной истории Грузии.

В то время Грузия испытывала большое политико-культурное влияние (давление) со стороны Персии. Сам Вахтанг VI был посажен на картлийский престол персидским шахом и выполнял функции главнокомандующего грузинскими войсками, которые нужны были ему для борьбы с афганцами. Вахтанг прекрасно знал языки, занимался переводами книг и сам писал стихи.

В 1709 г. Вахтанг в Тбилиси основал свою типографию и сам стал печатать книги. В 1712 г. он издает поэму «Витязь в тигровой шкуре». Тогда эта, ныне известная, поэма была воспринята грузинской элитой, и прежде всего грузинской церковью, как инородное, заслуживающее осуждения произведение. Практически весь ее тираж был утоплен в Куре [417, 21, 22]. Учитывая эти обстоятельства и время появления поэмы «Витязь в тигровой шкуре», а также на основании глубокого анализа ее содержания, отдельные авторы приходят к выводу о том, что «...поэма возникла где-то в конце XVII – в начале XVIII столетий и ее автором, с большой долей вероятности, был молодой грузинский царь Вахтанг VI, который и издал ее под псевдонимом Шота Руставели в 1712 г.» [417, 30].

Фальсификация истории, как пишет П. Л. Карабущенко, – любимое занятие политических идеологов и аристократов: первым нужно оправдать существующий политический режим, найдя опору в истории, вторым – необходимо углубить свою родословную, дабы доказать всем свою породистость и право на социальные привилегии. Именно этим мотивом и должен был руководствоваться молодой грузинский царь Вахтанг, когда он взялся за исправление источников по истории своей страны. Именно этот мотив мог двигать им, когда он поставил под своей поэмой псевдоним и отправил ее на 500 лет назад, вглубь истории своей страны. [417, 30].

Как увидим ниже, созданной Вахтангом VI комиссией «ученых мужей» по «реставрации» свода грузинских летописей и создания цельной истории Грузии двигал тот же мотив, что и самим Вахтангом VI. Комиссия «ученых мужей» выполнила поставленную перед ней задачу. Она исправила все «погрешности», допущенные переписчиками прошлых времен «Картлис цховреба», и дала исправленную и дополненную, поистине новую «Картлис цховреба» [47, 14]. О каких исправлениях и дополнениях идет речь, можно не только догадываться, но и определить их путем сличения труда «ученых мужей» с данными самих первоисточников, притом, что их исходные варианты чудесным образом оказались затерянными. К тому же почему-то в России трижды горели дома Арчила вместе с вывезенным им из Имеретии царским архивом [45, 84, 117]. Один из грузинских комментаторов нового «Картлис цховреба» справедливо писал: «И все же, отдавая дань уважения и благодарности комиссии Вахтанга, следует заметить, что некоторые исправления носили тенденциозный характер. Поэтому мы не можем безоговорочно принимать вахтанговскую редакцию «Картлис цховреба» [47, 14].

Сын Вахтанга VI – царевич Вахушти, проживавший также в качестве беженца в Москве с 1724 г. до самой своей смерти (1757), посвятил себя написанию истории Грузии. Он, главным образом на основе «обновленных» и произвольно дополненных отцом первоисточников, пишет свою историю Грузии [4] и географию [5]. Работы Вахушти вскоре были переведены на русский и французский языки и, таким образом, стали достоянием русских и европейских ученых того времени.

Труды Вахтанга и его сына Вахушти получили среди ученых неоднозначную оценку. Одни, например акад. М. Броссе и др., преувеличивали их значение, а другие призывали ученых относиться к ним с осторожностью. Известный грузиновед, французский ученый Виктор Лангуа писал: «Стоит только бросить взгляд на содержание первых страниц грузинских летописей, которые содержат курьезные образчики невежественной и религиозной литературы, как наталкиваешься на героические легенды и вскоре хроникер переносит вас к первым векам нашей эры, эпохи чисто исторической для других народов, которая для Грузии все еще частью остается героической. И действительно,

составители избрали первые века нашей эры, чтобы заставить нас присутствовать при появлении не родоначальника, но восстановителя нации, героя грузинского, по преимуществу необычайного завоевателя, который успешно расширил границы своей страны, восторжествовал при помощи своих войск со славой над всеми своими врагами и царствовал могущественно над обширными странами, ему подчинившимися. И странное дело, это героическое лицо, которое хроникером называется Вахтангом Гургасланом — лев — волк, жило в V в. нашей эры, следовательно, очень немногим ранее Юстиниана и Хосроя Нуширвана. Читая описание жизни и приключения Вахтанга Гургаслана, тотчас же признаешь в нем одно из тех поэтических сочинений, которые обязаны своим созданием воображению какого-нибудь энтузиаста, создавшего национального героя, высокие деяния которого должны служить вступлением к истории его родины. Вахтанг, так, как он обрисован в летописях, есть скорее Вакх-индийский или Псевдо-Александр — полубог, полугерой, проходивший через Азию, подчиняя ее своим законам, чем глава маленького государства, которое с такой суровостью квалифицирует Тацит... Как бы то ни было, биография Вахтанга, как она передана летописями, была странным образом искажена и дополнена — и критика отказывается признать ее подлинность... Тем не менее, курьезно видеть, что в V в. нашей эры грузины были еще в своем героическом периоде и что их история по большей части покоится на поэтических вымыслах». [15, 76, 77]. Еще в XIX в. известный ученый, профессор Петроградского университета, основатель русской школы востоковедения О. И. Сенковский предупреждал, что летописи «Вахтанга и Вахушти... требуют большой недоверчивости и крайне хладнокровной критики со стороны ориенталиста... потому, что однажды преувеличив ее достоинства, легко распространить в ученом свете на счет истории грузинов такие заблуждения, на опровержение которых нужно будет потом сорок лет времени и сорок томов печати, то есть ровно в восемьдесят раз больше, нежели чего, как кажется, стоит вся эта история» [48, 172].

Названный уважаемый профессор ошибся только в одном, а именно во времени и затратах, необходимых на опровержение так называемых «заблуждений» названных авторов. Как известно, этого по-настоящему не произошло до сих пор, ибо эти «за-

блуждения» постоянно подпитывались и подпитываются всеми правдами и неправдами многими грузинскими учеными.

Одной из причин этого обстоятельства заключается в отсутствии в природе первоисточников, указывающих на существование с VII по XIX в. какого-либо централизованного грузинского государства в Закавказье, тогда как в грузинской летописи и в других источниках речь идет с VIII по XIV в. об абхазах, абхазских царях, Абхазском государстве, просуществовавшем около 500 лет и занимавшем значительную часть Закавказья, в том числе и территорию современной Грузии. Обо всем этом красноречиво говорят приводимые самим Вахушти исторические сведения об Абхазии в книге «История царства грузинского» [4, 220–224]. Однако эти сведения никак не соответствуют заглавию раздела его книги «Жизнь Эгриси, Абхазети или Имерети», придуманной автором (или кем-то другим?) для затушевывания сути и значимости этого государства [4, 220]. Более того, в другой своей работе – «География Грузии» – он уже пишет, что абхазский царь Баграт III (998–1024) был «абхазо-грузинским царем», а его государство являлось «грузинским царством».

Таким образом, одним росчерком пера наиболее значительная 300-летняя средневековая история Абхазии превращается в героическую историю вовсе не существовавшего тогда грузинского государства. Соответственно, не существовало тогда ни современного названия страны «Грузия», ни этнонима «грузины», а также и самоназвания грузинского народа «картвелы» и их страны «Сакартвело». Все это, как известно, появляется лишь после распада в 1245 г. Абхазского государства, т. е. в период формирования грузинской феодальной народности «картвелы» [50, 35, 141; 51, 108; 52, 11; 45, 311, 313–326].

С вводом в научный оборот вахтанговской редакции «Картлис цховреба» и трудов Вахушти последующие авторы начинают робко и неуклюже пользоваться их «новым вкладом» в текст первоисточников, например, как можно понять слова известного грузинского ученого второй половины XIX в. Д. М. Бакрадзе: «Известно, что с конца X века цари Грузии титуловались царями не только Абхазии, но и Грузии, Армении и Рани и др.» [53, 5]. Эта алогичная цитата становится вполне понятной, если в ней вместо «цари Грузии» поставить «абхазские цари».

В дальнейшем названный автор и многие другие все чаще избегают таких терминов, как «царь абхазов», «абхазское царство», «абхазо-картлийское (карталинское) царство», фигурирующих многократно в летописных сообщениях. Более того, вскоре грузинским ученым удастся путем подтасовок, тенденциозных толкований терминов и всевозможных домыслов сфокусировать историческую действительность в нужном им свете. Так, в наименование присоединенной в начале XI в. к Абхазскому царству области – Картли вкладывается не существовавшее тогда понятие «Грузия». Вместе с тем территориальное понятие «картлийцы» или «карталинцы» отождествляется с понятием «картвелы», «грузины», соответственно этому титул «царь абхазов и карталинцев» меняется на «царь абхазов и грузин» и т. д. В конечном итоге Абхазское царство объявляется грузинским, а абхазы – грузинами.

Александр Широкоград пишет: «...как быть с титулом “царь Абхазии”. Поначалу шулеры стали после слова “Абхазия” ставить в скобках “Грузия”. Ну, а потом слово “Абхазия” убрали, а слово “Грузия” освободили от скобок... Согласно тифлисской мифологии, Баграт III объединил Грузию и присоединил к ней Абхазию. Как мы знаем, все было с точностью до наоборот, и в Тифлисе по-прежнему сидел арабский эмир. Но, как говорится, “чем чудовищнее ложь, тем больше ей верят”... Грузинские и совковые шулеры от истории навязывают нам термин “Грузия” чуть ли с каменного века...» [476, 23].

Искажение истории абхазов особо стало проявляться после трагических событий в Абхазии в 1866, 1877–1878 гг., поставивших абхазский народ на грань исчезновения.

В уже названной книге «Абхазия – не Грузия», изданной в Москве в 1907 г., читаем: «В последнее время целый ряд авторов грузин... выступили пред русской публикой с брошюрами и статьями, доказывающими, что абхазцы живут на “грузинском” берегу Черного моря и Абхазия – грузинская провинция, что абхазский язык и народ – грузинского происхождения...» [54, 1, 4].

С этого времени историко-теоретические усилия грузинской интеллигенции по присвоению истории Абхазии и абхазов непременно сопровождаются практическими действиями грузинского правительства, направленными на захват самой территории Абхазии и ассимиляции оставшейся на ней части абхазского на-

рода. С этой целью с конца XIX в. организовывается массовое заселение полуопустевшей Абхазии картвельским этническим элементом, а в 1918–1920 гг. страна оказывается оккупированной грузинскими меньшевиками. Последние были изгнаны в начале 1921 г., и тогда же Абхазия была провозглашена Социалистической Республикой, однако спустя десять лет, в 1931 г., по воле Сталина и Орджоникидзе Абхазская Республика становится на правах автономии составной частью Грузинской ССР. Эта акция, как известно, имела плачевные последствия для абхазского народа. В 1936–1940 гг. Абхазия была физически обезглавлена, а ее автономия превращена в фикцию. В это время, а также в 40-х и начале 50-х гг., говоря словами З. В. Анчабадзе, «Берия и его подручные пытались проводить в Абхазии великодержавно-шовинистическую политику. Шовинисты упразднили абхазские школы и ввели в них преподавание по всем предметам на грузинском языке... Проводилась великодержавно-шовинистическая фальсификация истории Абхазии, грузинизация абхазской топонимики, в абхазский язык искусственно вводились грузинские слова, абхазы вытеснялись из руководящих советских и особенно партийных органов и т. п.» [2, 142].

Вместе с тем в 40-е гг. XX в. грузинская историческая наука и политическая конъюнктура достигли такого уровня, когда его деятели начали ощущать себя не вполне комфортно от явного несоответствия написанной ими истории Грузии данным первоисточников, и прежде всего древнегрузинских. В них, как и в других средневековых исторических анналах, вместо желанных терминов «грузины», «Грузия», «Грузинское государство» значатся «абхазы», «Абхазия», «Абхазское государство» и т. д. Механическая же подмена последних первыми не давала желаемого эффекта. Поэтому начались поиски иного подхода к толкованию исторических сведений и терминов. Так, в 1954 г. появляется объемный труд грузинского ученого-литературоведа П. Ингороква «Георгий Мерчуле – грузинский писатель X века» [55]. В ней предпринимается попытка доказать, что средневековые и современные абхазы – это два разных народа, что нынешние абхазы в Абхазии пришлый народ, который, оказывается, появился здесь лишь только в XVII столетии. Отсюда – упоминаемые в античных и средневековых источниках апсилы, саниги, абазги, мисимияне,

обезы, абхазы – это грузинские племена. Этноним «абхазы», якобы в Средневековье означавший одно из грузинских племен, присвоили нынешние «пришлые» абхазы, являвшиеся сами по себе апсуйским племенем. Эту свою теорию Ингороква подкрепляет огульными соображениями и фантастической грузинской этимологией многих абхазских топонимов. Данная работа была подвергнута жесткой критике известными учеными К. В. Ломтатидзе [56], З. В. Анчабадзе [57, 261–278], Х. С. Бгажба [58, 279–303] и др., что вызвало, в свою очередь, злобную реакцию со стороны грузинских националистов [59]. По поводу книги П. Ингороква уже в наше время грузинский ученый, сотрудник Парижского Института политической науки Торнике Гордадзе пишет: «Чтобы доказать, что Абхазия – это часть Грузии, грузинские научные работники были вынуждены доказывать, что абхазы являются частью грузинского этноса, потому что для советской науки значение имел только этнос. Результатом такой сложной “научной гимнастики” была и книга П. Ингороква “Георгий Мерчуле” (1954), в которой он совершенно антинаучно обосновывал теорию старых и современных абхазов. Можно лишь сожалеть, что книга Ингороква обрела вторую жизнь в 80–90-х гг. с легкой руки грузинских диссидентов» [60].

Теория Ингороква, в отличие от уже существовавших, открыла для тенденциозных исследователей упрощенную возможность выдать всю историю Абхазии и абхазов за историю Грузии и грузин, и это, как известно, стало делаться и делается до сих пор. Уже изданы в Тбилиси более сотни книг подобного толка. Новым образцом таких фальсификаторских работ стала вышедшая недавно объемная книга В. Гамахария и Б. Гогия «Абхазия – историческая область Грузии» [61]. Она, как и другие подобные публикации, пестрит такими «пояснениями», как: «колхи, т. е. грузины», «апсилы, т. е. грузины», «абазги, т. е. грузины», «абхазы, т. е. грузины», «Абхазия, т. е. Грузия или Западная Грузия», «абхазский царь, т. е. грузинский царь», «Абхазское царство, т. е. Грузинское государство» и т. п. [61]. И это не говоря уже о названии самой книги...

Следует сказать, что не все грузинские авторы всецело придерживаются теории П. Ингороква. Напротив, некоторые из них признают этническую индивидуальность абхазов и считают их автохтонным народом Западного Кавказа. Признается также при-

частность абхазов к созданию в VIII в. Абхазского царства, но при этом пишут, как и Вахушти, о чудесном превращении в конце X в. Абхазского царства в Грузинское государство. Вместе с тем абхазам и их средневековым царям приписываются большое желание и стремление к созданию единого грузинского государства (С. Н. Джанашия, Г. А. Меликишвили, М. Д. Лордкипанидзе, З. В. Анчабадзе и др.).

Придумана также «компромиссная», по сути абсурдная, теория двуаборигенности, по которой коренными жителями Абхазии признаются сразу два народа – абхазы и грузины (М. Д. Лордкипанидзе, Д. Л. Мухелишвили и др.).

Перед распадом СССР для грузинских политиков и историков особую значимость приобретает вышеназванная теория П. Ингороква. Они в националистическом порыве публикуют многочисленные брошюры и газетные статьи, в которых бесцеремонно объявляют абхазов пришлым народом, оккупировавшим Абхазию пару столетий тому назад. Поэтому, как они заявляли, абхазы не имеют никакого права на автономию и на саму Абхазию. Так, например, группа грузинских писателей (М. Кахидзе, Р. Мишвеладзе, Т. Мебуришвили, Г. Джулухидзе) пишет: «Используя нашу тысячелетнюю доброту и с нашего вежливого согласия, пару веков тому назад с Северного Кавказа к нам пришли адыгейские племена (апсилы и абазги). Мы пригтели их на нашей грузинской земле... Пришелец из-за гор, покрывший мхом нашу национальную плоть, оспаривает нашу землю» [373]. Один из них (Р. Мишвеладзе) договорился до того, что «...в природе никогда и нигде не существовали ни абхазский язык, ни абхазская культура, а проклятые большевики ввели в заблуждение наивных адыгейцев, придумали для них на территории Грузии абхазскую автономию и в паспортах записали несуществующую национальность – “абхаз”» [62, 4].

Еще более показательно выступление бывшего главы Грузии Э. Шеварднадзе на 47-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН (сентябрь 1992 г.). Он, опасаясь проигрышного для Грузии исхода грузино-абхазской войны, развязанной ею же, просил с высокой трибуны мировое сообщество защитить (5 млн. – В. К.) грузин, которые якобы уничтожаются на своей же земле какими-то (100 тыс. – В. К.) пришлыми «лилипутами» и «пигмеями» [375].

Комментарии, как говорится, излишни. Остается только подчеркнуть, что все это явилось плодом «достижений» грузинской историографии, выполнявшей главным образом политический заказ грузинского руководства всех времен. В заданном направлении она достигла многого. Ее деятели путем искусных фабрикаций, подтасовок исторических фактов и других недобросовестных приемов сумели предоставить грузинскому народу и мировому сообществу стройную, на первый взгляд правдоподобную, историю никогда не существовавшего в природе «великого, централизованного грузинского государства». Вместе с тем они сумели возбудить в грузинском народе великодержавно-шовинистический дух, приведший в конце концов к кровопролитной грузино-абхазской войне в 1992–1993 гг. По поводу причин начала этой войны грузинский автор П. Закарейшвили писал: «Самая главная ошибка грузинских властей заключается в том, что недальновидная и преступная политика оттолкнула абхазов от властей Грузии, от которых им только и приходилось слышать, что абхазский народ – это пришедшее откуда-то население, и поэтому абхазы должны вести себя как подобает гостям» [63, 6].

Фальсификация истории абхазов, как уже было сказано, изначально происходила путем уничтожения и искажения первоисточников. Так, были уничтожены уже в наше время, т. е. в период грузино-абхазской войны, Абхазский институт с его уникальным архивом, музей Н. А. Лакоба с его архивом, также преступно был сожжен Государственный архив Абхазии и т. д.

Как говорят, нет худа без добра – в результате развязанной грузинским руководством в 1992 г. войны абхазы из положения «гостей» на собственной исторической родине вновь превратились в независимых хозяев своей страны. У народа появилась возможность свободного развития и правдивого освещения своего прошлого и настоящего.

Так, с 1993 г., начинается новый период истории Абхазии.

За короткое послевоенное время, несмотря на то, что были сожжены и разграблены научно-исследовательские учреждения, архивы, научные библиотеки, несмотря на тяжелые последствия войны и другие обстоятельства, абхазским ученым удалось сделать многое.

Перед войной и во время боевых действий абхазоведами публикуется множество статей и брошюр в ответ на тотальное иде-

ологическое и военное наступление интеллигенции и руководства Грузии на абхазов.

В 1992 г. выходит брошюра И. Марыхуба «Об абхазах и Абхазии», переизданная в дополненном виде в 1993 г. [64], им же составлен и в 1994 г. издан свод важнейших документов по истории Абхазии XX столетия под названием «Абхазские письма» [65]; издаются также и другие книги автора, среди которых и монография «Очерки политической истории Абхазии» (2000 г.) [66].

В период военных действий, т. е. в 1993 г., публикуются работы акад. Б. Е. Сагария «О “белых” и “черных” пятнах в истории Абхазии» [67] и брошюра известного кавказоведа Ю. Н. Воронова «Абхазы – кто они?» [68]. Монография же последнего – «Колхида на рубеже средневековья», изданная в 1998 г., явилась одной из важнейших абхазоведческих публикаций [69]. В том же 1993 г. выходит и работа С. З. Лакоба «Столетняя война Грузии против Абхазии» [70], далее автор выдает ряд интересных публикаций, таких как «Асланбей» (1999 г.) [71], «Ответ историкам из Тбилиси» [72] и др.

Трудно переоценить важность для абхазоведения и таких очередных послевоенных трудов проф. Ш. Д. Инал-ипа, как «Садзы» (1995 г.) [73], «Антропонимия абхазов» (2002 г.) [74].

Активно продолжает работать и опытный историк, проф. А. Э. Куправа. Актуальны и содержательны его монографии «Из истории абхазской традиционной культуры» (1998 г.) [79], «Из истории абхазской антропонимии» (2003 г.) [76], «Вопросы традиционной культуры абхазов XIX–XX вв.» [366] и др.

Представляются значительным вкладом в абхазскую историографию такие работы Т. А. Ачугба, как «Этническая революция в Абхазии» (1995 г.) [62], «Отечественная война Абхазии и “грузинские беженцы”» (Сборник материалов в двух томах) [77], [78], «О проблемах национального самосознания населения юго-восточной Абхазии» [79], «Этническая история абхазов XIX–XX вв.» [367] и др.

Ученый, осторожный политик, бывший секретарь Абхазского обкома партии по идеологии М. Ш. Хварцкия издает в 1997 г. принципиально важную работу – «История фальсификации или фальсификация истории» [80], наглядно показывающую всю негативную сторону абхазо-грузинских отношений XX столетия.

Ряд важных вопросов абхазской истории освещается в исследованиях Е. К. Аджинджала «Из истории абхазской государственности» (1996 г.) [8], «Из истории христианства в Абхазии» (2000 г.) [82], «Приоритеты исторического абхазоведения» (2005 г.) [83], «О титулатуре абхазских царей» [488] и др.

Несомненно, значительный интерес представляют для кавказоведов работы абхазских ученых предвоенного поколения: Г. Гумба – «Значение терминов “Грузия” и “Сакартвело” в средневековых источниках» (1994 г.) [52], «Об истоках исторической концепции грузинского историка XI в. Леонти Мровели» (2003 г.) [240], «К вопросу идентификации р. Эгрисцкали Джуаншера Джуаншерияни» (2004 г.) [322] и др.; В. Ф. Бутба – «Племена Западного Кавказа по “Ашхарауцу”» (2001 г.) [84], его же «Труды» (2005 г.) [85]; Д. К. Чачхалиа – «Абхазская Православная церковь» (1997 г.) [86], «Хроника абхазских царей» (2000 г.) [87]; Л. И. Цвижба – «Этнодемографические процессы в Абхазии в XIX веке» (2001 г.) [378].

В последние годы увидел свет целый ряд крупных монографий абхазоведов: Г. А. Амичба – «Культура и идеология раннесредневековой Абхазии (VI–VIII вв.)» (1999 г.), [88], его же: «Абхазия в эпоху раннего средневековья» (2002 г.) [89], его же: «Труды» (на абх. яз. 2004 г.) [90]; Г. К. Шамба – «Абхазия в I тысячелетии до нашей эры» (2000 г.) [91], «Древний Сухум» (2005 г.) [92]; автора этих строк – «*Aḥсны атопонимика*» (2003 г.) [93], «Историческая и современная топонимия Абхазии» (2006 г.) [94]; Т. Ш. Гицба – «Абхазские топонимы Кавказских гор и горных троп» (на абх. яз., 2002 г.) [95], его же: «Страна древних абазгов» [382]; В. И. Ворошилова – «Топонимы Российского Черноморья» (2005 г.) [96], «Убыхи» (2006 г.) [97]; иеромонаха Дорофея (Дбар) – «История христианства в Абхазии в первом тысячелетии» (2005 г.) [98], его же: «Православная церковь в Абхазии: прошлое, настоящее, будущее» (2012 г.) [368]; Вячеслава Бигуаа – «Абхазский исторический роман» (2003 г.) [99]; О. В. Маана – «Абжуа» (2006 г.) [100], его же: «Из истории торгово-экономических связей древней и средневековой Абхазии» (2012) [376], «Проблемы этнического развития и традиционно-бытовой культуры абхазов» (2014 г.); [484] и др.; А. Ф. Авидзба – «Отечественная война (1992–1993)» [380], его же: «Абхазия и Грузия: завтра была война» [381], «Проблемы военно-политической истории Отечественной войны в Абхазии»

(1992–1993 гг.)» [485]; В. М. Пачулия – «Грузино-абхазская война 1992–1993» [391].

В 2006 г. наконец вышла эпохальная, глубоко выстраданная монография А. Л. Папаскира «Обезы в древнерусской литературе и проблемы истории Абхазии» [42], в которой впервые, на основе глубокого анализа первоисточников и надуманных разными авторами теорий, высвечена неконъюнктурная абхазская концепция всей истории Абхазии.

Недавно также изданы: большая монография Р. Х. Агуажба «Из истории Кавказской диаспоры: абхазы, убыхи...» [488], название которой говорит само за себя, и многоплановое исследование М. Х.-Б. Кишмахова «Проблемы этнической истории и культуры убыхов» [416].

Несомненно, значительным вкладом в абхазоведение являются также коллективные монографии «Абхазы» (2007 г.) [369], (второе издание – 2012 г. отв. ред. Анчабадзе Ю. Д., Аргун Ю. Г.) [374]; «Искусство Абхазского царства VIII–XI веков» [383]; сборники материалов по истории Абхазии – «Абхазия и абхазы в российской периодике» (составители Агуажба Р. Х., Ачугба Т. А.), книга I [384], книга II [385]; «Материалы по истории Абхазии XIX века», т. I [386], т. III [388]; «Абхазия – документы и материалы (1917–1921 гг.)» [389], «Материалы по истории Абхазии советского периода», т. I [390], новый учебник по истории Абхазии (сост. О. Х. Бгажба, С. З. Лакоба) [398] и др.

В послевоенный период наблюдается продвижение и в абхазской лингвистике, в частности как в области грамматики, так и в лексикологии и лексикографии.

В 2003 г. увидела свет монография академиков Ш. К. Аристава и Л. П. Чкадуа «Грамматика абхазского языка» [101].

В отделе языка Абхазского института выполнены и изданы: «Абхазско-русский словарь» (в двух томах) проф. В. А. Касландзия [102], «Абхазско-русский археологический словарь» С. Б. Начкебия [103], «Словарь спортивных терминов» А. Д. Хеция [104], «О границах полисемии и омонимии» [105], «Лексические и лексико-грамматические омонимы абхазского языка» [106] Л. Х. Саманба, «Заимствованная лексика абхазского языка» Б. Г. Джонуа [107], а также вышеназванные работы автора по абхазской топонимии и др.

Вместе с тем абхазскими языковедами Т. П. Шакрылом, В. М. Бганба, А. Д. Хеция, Л. Р. Хагба, Э. К. Килба, Н. В. Аршба публикуется целый ряд важных статей по различным проблемам абхазского языкознания.

Плодотворно работает уже именитый абхазский лингвист, докт. фил. наук, академик В. А. Чирикба. Им опубликованы такие важные работы, как: «Баскские и северокавказские языки» (1985 г.) [594], «К вопросу об абхазских заимствованиях в мегрельском языке» (1998) [493], «Расселение абхазов и абазин в Турции» (2012) [597] и др.

Представляют также значительный интерес и выполненные в АГУ работы абхазских лингвистов: Р. К. Гублиа – «Абазо-адыгские этимологии» (2004 г.) [108], «Об абхазских лексических заимствованиях в картвельских языках» [551], «Очерки по абхазской этимологии» [556] и др.; проф. О. П. Дзидзария – «Морская лексика в абхазском языке» [147], «Море и абхазы» [592], «Некоторые абхазизмы, представленные в картвельских языках» [593], «Историко-этимологический анализ отраслевой лексики абхазо-адыгских языков» (2005 г.) [109] и др.

В 1993 г. в Карачаево-Черкесии выходит довольно актуальная работа С. Х. Ионовой «Абазинская топонимия» [110], а также «Абазинские фамилии и имена» [425]. Над проблемами абхазо-абазинских языков плодотворно работают за рубежом известные ученые З. М. Габуниа, Дж. Хиуйт и др.

Однако, несмотря на очевидные достижения абхазской лингвистики, она, к сожалению, как и в целом кавказское языкознание, еще не вполне готова отвечать на все историко-культурологические запросы абхазоведения. Находится еще в зачаточном состоянии историко-этимологическое исследование абхазо-абазинских языков. Предстоит сделать еще многое в изучении культурно-отраслевой и контактной лексики, ономастики и т. д. Все это довольно актуально, ибо, как известно, язык является важнейшим памятником, наиболее ярко отражающим этнокультурную историю любого народа, его этническим лицом.

Автор в данной работе ставит перед собой сложную задачу – состыковать различные исторические свидетельства с доступными ему данными абхазо-абазинских и других языков и, таким образом, попытаться проследить пути этнокультурного и исторического развития абхазов и абазин с древнейших времен.

В заключение хочется выразить благодарность моим коллегам: академикам О. Х. Бгажба, Т. А. Ачугба, проф. О. П. Дзидзария, специалисту по древней истории Кавказа Г. Д. Гумба, а также директору Абхазского института В. Ш. Авидзба, прочитавшим рукопись работы и высказавшим ценные замечания и пожелания.

Признателен также О. В. Маану и Р. Х. Агуажба – за предоставление отдельных материалов, и абхазскому филологу В. Б. Агрба – за перевод с грузинского языка на русский целого ряда текстов и цитат, представлявших для нас интерес.

Не могу не вспомнить с благодарностью и набиравших технически довольно сложный текст этой работы Л. Чамагуа, Х. Ардзинба, А. Гурцкая, а также И. Шоуа, практически являющуюся редактором данной книги.

Естественно, не могу не выразить свою благодарность и акад. З. Д. Джапуа за изыскание возможности издания данной работы.

Наконец, о ссылочном аппарате. В целях экономии и удобства пронумерована использованная в работе литература: в тексте в скобках первым указывается номер источника, а затем через запятые – страницы; далее через точку с запятой – номер и страницы следующего источника в том же порядке.

ГЛАВА I

ИЗ ИСТОРИИ ДРЕВНЕЙШЕЙ АБХАЗИИ

Человеческая часть истории любой территории начинается с начального этапа заселения ее людьми.

Абхазия, без преувеличения, является одним из регионов нашей планеты, где ранее всего появляется человеческое общество. Об этом свидетельствуют многочисленные, разновременные, древнейшие археологические памятники, открытые и довольно хорошо изученные многими как местными, так и зарубежными, именитыми археологами на протяжении последних ста лет. Эти открытия обобщены и подвергнуты цельному историческому анализу в работах известных кавказоведов С. Н. Замятнина [111], Л. Н. Соловьева [112], А. Л. Лукина [128], З. В. Анчабадзе [20], М. М. Трапша [113], Ю. Н. Воронова [392] и др.

Как полагают ученые, территория Абхазии и сопредельные с ним районы Черноморского побережья не случайно оказались местом обитания первобытных людей и последующего формирования человеческой культуры. Для этого здесь имелись определенные предпосылки. Территория Абхазии – довольно своеобразная часть Кавказского Причерноморья. Она отличается своей природной спецификой. Сочетание Главного Кавказского хребта, прикрывающего Абхазию от вторжения с севера холодных воздушных масс, и Черного моря, являющегося источником тепла и влаги, создает здесь микроклимат, близкий к субтропическому. Богатая растительность, наличие ресурсов питания растительного происхождения, разнообразие дичи, богатый водный ресурс, масса пещер и гротов представляло этот край наиболее подходящим местом для обитания первобытных людей и последующего развития человеческого рода.

Древнейший период человеческой истории, как известно, именуется *палеолитом* (по-греч. *палайос* – древний, *литос* – камень), т. е. древний каменный век. Эпоха палеолита делится на *ранний палеолит*, *средний* и *поздний*.

1. Палеолит. По общепринятой периодизации человеческой истории начальный период становления первобытного общества относится к палеолиту (т. е. древнекаменному), охватывающему огромный промежуток времени – от 800 тысяч лет до 40 или 50 тысяч лет до нашей эры. Это самый длительный этап становления человеческого общества. Палеолит делится на ранний (*ашель*), средний (*мустье*) и поздний [245, 12]. Название *Ашель* и *Мустье* связаны с именами местечка Сант-Ашель в Северной Франции, а также деревни и пещеры Ле-Мустье на юго-западе Франции, где впервые были найдены орудия древнейшего типа [20, 6].

Согласно исследованиям археологов, памятники (каменные орудия) Ашельской эпохи в Абхазии появляются около 400–300 тыс. лет назад.

Археологические памятники ашельского периода обнаружены в Абхазии и в сопредельных с ним районах в предгорьях, возвышающихся над современным уровнем моря на 80–110 м. [392]. Объясняется это тем, что уровень Черного моря находился тогда примерно на 60 м выше современного.

Из ранних (ашельских) памятников Абхазии наиболее древними и значительными являются стоянки первобытных людей в долине Восточной Гумисты и на горе Яштух, открытые археологами в 1958 г. Яштухская стоянка, пользующаяся широкой известностью в научном мире, занимает около 70 га. Здесь обнаружено большое количество образцов рукотворных каменных орудий труда: миндалевидные массивные рубила, отбойники, отщепы от камней (нуклеусы), кремневые острия, скребла, прополки. По всей Абхазии были обнаружены десятки древнепалеолитических местонахождений домустьерского периода: в Гагрском районе – с. Псахара (быв. Колхида), Гечрипш (быв. Леселидзе), Амзара (быв. Хейвани); в Гудаутском р-не – с. Анхуа (Анухва), Кюр-дере (вблизи Нового Афона); в Сухумском р-не – с. Нижний Яштух (Яштуха), горы – Бырц (*Бырцə*), Гвард (Гуарда) и Апианча; в Очамчирском р-не – с. Отап (Уатап); в Галском р-не – с. Чубурхиндж и др. [111, 9–13; 20, 8].

2. Средний палеолит – мустьерская эпоха. Наиболее важным периодом становления человека считается эпоха мустье, обозначаемая и как «средний палеолит». Памятники культуры мустье в Абхазии представлены гораздо шире, чем памятники предшеству-

ющей эпохи. В настоящее время здесь зафиксировано свыше 100 пунктов находок мустьерских орудий [34, 16]. Они обнаруживаются преимущественно в низменной части морского побережья, в таких населенных пунктах, как: Лыхны, Гудаута, Лечкоп, Келасур, Багажиашта, Очамчира, Моква, Елыр (Илори), Ачгуара, Гал (Гали) и в других местах. Это объясняется исследователями уже произошедшим тогда снижением уровня Черного моря. Вместе с тем также установлено, что начало мустье совпало с наступлением так называемого рисского оледенения, приведшего к резкому изменению климата. Наступившие сильные холода ускорили выработку способов искусственного добывания огня. Огонь становится жизненной необходимостью, важнейшим фактором выживания людей этой эпохи. Тогда же возрастает значение пещер, гротов, как места укрытия и проживания. Об этом свидетельствуют исследованные археологами пещерные стоянки первобытных людей на территории Абхазии и в сопредельных с ним районах: Ахштырская на р. Мзымта, Навалашинские 1-я и 2-я на р. Кудепста, Хостинская и Воронцовская на р. Хоста, Ацинская на р. Ац (приток р. Соча) [114, 100–101; 115, 30–34], Мачагуа в абхазском селе Хуап, Акуи (вблизи Нового Афона), гроты – Апианчская, Хупынипшахва и др. [34, 17–18, 21]. В эпоху мустье значительно усовершенствуется методика изготовления каменных орудий. Появляются наконечники копий из камня, пользуются копьями и рогатинами. Все это делает занятие охотой более продуктивным. Мясо становится все чаще употребляемой пищей. Объектами охоты выступают пещерные медведи, бизоны, олени и др. животные. Вместе с тем собирательство остается традиционным занятием первобытных людей.

В дальнейшем переход от дородовой общины к матриархальному общинному устройству сопровождался разделением труда по полу и возрасту. Главным занятием мужчин становится охота, а собирательство преимущественно остается в руках женщин, подростков и маломощных людей [20, 23]. Внутри матриархально-родовых общин, состоявших из родственных групп людей, объединенных единством происхождения, а также общностью хозяйственной и духовной жизни, происходят существенные изменения и в характере брачных отношений полов. Вместо существовавших в дородовом обществе беспорядочных внутриродовых брачных связей

возникает и укрепляется экзогамия (внеполовой брак), являющийся непременным условием существования родовой общины.

В мустьерскую эпоху произошли существенные изменения и в физическом облике человека. Согласно утверждению ученых, мустьерский тип людей не был на земле изначальным.

Древнейший человеческий род в науке принято называть архантропы (от греч. «первоначальные люди»), со временем их сменяют палеоантропы («древние люди»). Последние в эпоху мустье трансформируются в неандертальцев – ближайших предков современных людей. Как известно, само же обозначение этого типа древнейших людей происходит от названия немецкой деревни Неандерталь, где впервые были обнаружены их кости. Считается, что неандертальцы гораздо лучше владели речью, чем их предшественники. Следует заметить, что не просто труд и освоение огня выделило человека из животного мира, как общепринято считать, но и появление на основе инстинкта самосохранения и трудовой деятельности возможности мышления и, вместе с нею, способности знакового и знако-звукового общения. По поводу происхождения человеческой речи (языка) в разное время высказывались различные точки зрения как лингвистами, так историками, психологами и представителями других специальностей. Современный уровень науки позволил ученым сделать общепринятое заключение о том, что язык неразрывно связан с мышлением. Возникая и развиваясь вместе с мышлением, язык является его основным и специфическим орудием и его материальной опорой. В словах и словосочетаниях откладываются и материально закрепляются результаты работы мышления и познавательной работы человеческого общества на всем протяжении его существования. Такому заключению предшествовали не только теоретические исследования ученых, но и всевозможные практические работы (опыты) и наблюдения над животными, главным образом над обезьянами, с целью выяснения биологических предпосылок возникновению речи. Мало кто знает, что такие работы долгое время проводились и в Сухумском питомнике обезьян Института экспериментальной медицины СССР. Выводы ученых этого института были обобщены в объемной книге Н. А. Тих «Предыстория общества» [116]. Установлено, что обезьяны, в отличие от других животных, сравнительно широко пользуются, как средством общения, жестами-

ляцией, мимикой, звуками. Исследователями зафиксировано более 30 биологических звуков обезьян, таких как: звуки общения («ы-ы»), зова («у, оу») опаски и подчинения («ак-ак» или «ах-ах»), опасности («е», «ее»), агрессии («хы» – «ххы»), звуки обыскивания («ц-ц-ц»), обращения взрослого к детенышу («мля-мля»), обращение слабого к сильному («бла-бла» или «ала-ала») и т. д. [116, 187–200].

В. В. Бунак писал, что речь возникла на основе звуков, свойственных высшим антропоидам, но не аффектных криков, а аффективно-нейтральных жизненных шумов, сопровождавших обыденные акты поведения. К ним он относит звуки хрюканья, аканья, еканья, мяканья, уханья, хмыканья и другие [117, 27]. Правы, видимо, и ученые, считающие, что аффектные звуки, звуки детско-биологического происхождения также могли составить основу будущих слов первобытного человека [118]. С появлением у древних людей способности ассоциации естественных звуков с ситуациями, при которых они произносятся, эти звуки превращаются в знаковые единицы – слова, означающие соответствующие им ситуации и действия. Таким образом, появляется первоначальный скудный словарь антропоида. В дальнейшем этот словарь пополняется, благодаря дальнейшему развитию мышления и способности повторять звуки природных явлений и окружающей среды, как обозначения их источников. Например, в абхазском языке такие слова как *ан* – «мать», «самка», *аб* – «самец», *ам* – «еда», *а-мла* – «голод», похоже, имеют детско-биологическое происхождение. Вполне вероятно, что и указательные местоимения *а-на* – «там», *а-ни* – «тот», «то» также происходят из детской речи и связаны с местонахождением матери.

Явно же звукоподражательными (звукоизобразительными) являются такие слова, как: *цэа* (*ацэа-ра*) – «сосать», *а-цша* – «ветер», *а-дыд* («гром») – *адыд-ра* («гремять»), *а-гэыр-гэыр-ра* – «шуметь», *цсы* – «вода», *а-бжы* – «жук», *а-хэа* – «свинья», *а-гэыр-ра* – «хрюкать», *а-хэыхэ* – «голубь», *а-хэажь* – «сойка», *а-шэи-шэи* – «индюшка», *а-кака-ра* – «кудахтать» и многие другие. Слова, напоминающие как по звучанию, так и по содержанию биологические звуки антропоидов и слова звукоподражательного происхождения, присутствуют во всех языках мира. Они составляют общую роднящую их начальную основу.

Язык получает дальнейшее развитие уже в результате удвоения одного знакового звука [119, 228], а также сложения (комбинации) различных знаковых основ. Удвоение основ, как один из древних важных приемов абхазского словообразования, отмечено в работах ряда ученых, и примеров тому более чем достаточно [120, 115–135; 121; 122, 280–330].

Вероятно, в конце среднего палеолита уже существовали в разных уголках планеты прообразы (стартовые основы) современных языковых групп, носителями которых являлись отдельные матриархально-родовые общины, получившие свое развитие в следующую эпоху.

Люди же конца позднего палеолита качественно отличаются от своих предшественников как усовершенствованными орудиями труда, охоты и собирательства, так и гораздо более обширным, разносторонним словарным запасом и более развитой речевой системой. По этому языковому пласту можно судить о древнейшей истории человеческого общества и о путях языкового строительства.

Известный исследователь палеолитической культуры Л. Н. Соловьев не без основания считал, что абхазский язык, один из древнейших живых языков, может служить исключительно ценным источником для освещения некоторых сторон жизни первобытного человечества [112, 74]. Например, он относит к глубочайшей старине абхазо-абазинское сложное слово *ашьанџа* – «кремень», буквально «кровь выводящий» (точнее, «кровь наносящий»: от «*а-шьа* – «кровь» и «*нџа* – «наносящий». – В. К.). Он также считает древнейшим и название самшита – *ашыц*, переводимый им как «белый зубец» (из *аш* – «белый» и *ац* – «зуб, клык») или «белый наконечник», который усиливал действия примитивнейшего копья – заостренной палки (однако *ашыц* может восходить к *асыц*, бзыб. *ас'ыц*, которое переводится как «зубец копья» «наконечник копья»: от *а-са* – «короткое копье», «меч» (при *ас-ра* – «бить») и *ц* – «зубец», «кончик». – В. К.).

Представляет также интерес увязка автором двух значений абхазского слова *аџса* – «пихта» и «копье» (точнее «наконечник копья», «пика», «штык». – В. К.). Он пишет: «Ветви пихты (*аџса*. – В. К.) в основании сильно обогащены смолой и образуют сучок очень твердый с двумя острыми концами, из которых один входит в мягкую древесину ствола, другой в ветку. Когда упавшее дерево

сгнивает, эти острые сучки выпадают... Они очень тверды, а по своей форме напоминают веретенообразный наконечник копья, подобный древнейшим костяным копьям верхнего палеолита» [112, 73, 74].

Похоже, что к нижнепалеолитической эпохе восходит целый ряд и других абхазо-абазинских слов, таких как: *ахахэ* из *ахаху* – «камень», букв. «камень-ручка» или «камень дерево» (от *аха* «камень» – *аха-цха* «каменный мост», *аха-ша* «известняк», букв. «белый камень» и т. д.); *ахапы* – «пещера», «скальный навес», *ахайа* – «грот», букв. «под камнем»; *ахака* – плоский камень с углублением в середине для растирания продуктов питания, букв. «плоский камень», *атың* – «стоянка»; *а-тзы* – «стена», букв. «укрывающее место» или «укрытое место», что в дальнейшем приобретает и значения «дом», «семья»; основа глагола *а-таа-ра* («посещать кого-чего-л.», «приходить») – *таа* осмысливается как «посещаемое место» «место посещения» или как «место – люди» (от *т* – «место» и *аа* – «приходить», срав. *аа-ра* – «приходить» или от *аа* – показатель множественного числа класса людей). Похоже, что этой основой первоначально обозначались общее место обитания группы людей, а также и сама группа. В дальнейшем от основы *а-таа* образуется гл. *а-таа-ра* – «приходить к кому-чему-л.» и существительное *аттаа-ца* – «род», «семья», где *ца* также является показателем множественности класса людей. Возможно от этой же основы и *ахэшттаа-ра* – «очаг» [123, 155–158]. Категория подобных слов, несомненно, составляет древнейший пласт любого языка, они в более перевозданном виде выявляются в праязыках современных языковых групп. Этот языковой пласт является также важным свидетельством истории людей древнего каменного века, как и археологические памятники того же периода.

3. Верхний палеолит. Родовое общество. Следующую за нижним и средним палеолитом археологическую эпоху принято называть Верхним или Поздним палеолитом. Примерно она охватывает период от 40 до 14–12 тысяч лет тому назад.

На территории Абхазии известно более 10 стоянок верхнепалеолитического времени.

Наиболее значительные находки обнаружены в селах: Гума (Михайловское), Лечкоп, Яштуха (близ Сухума), Отап (Очамч. р-н), Гал (Гал. р-н), а также в пещерах Квачара (условное назва-

ние) и Хупынипшахва (близ с. Цебельда, Гулр. р-н). Выявленные здесь и в других местах орудия труда свидетельствуют о том, что в эпоху позднего палеолита получает более высокое развитие техника обработки камня. В кремневый инвентарь вышеназванных стоянок входят ножевидные пластины, скребки на концах удлиненных пластин, боковые резцы с краевой ретушью, массивные нуклеидные скребки и скобели. Многие из этих памятников обнаруживаются над культурным слоем эпохи мустье [13, 57]. Вместе с тем в этот период связь расположения поселений с речными потоками не прослеживается уже так отчетливо, как это было ранее [111, 9–18].

К числу наиболее замечательных памятников конца позднего палеолита относятся находки в гроте Хупынипшахва: выпрямитель для стрел и дротиков, изготовленный из плоско обточенного и отшлифованного предплечья пещерного медведя, и образцы арнаментированных постоянных гарпунов, предназначенных для рыболовства. Здесь же обнаружены останки ископаемого человека рассматриваемой эпохи [20, 27, 30; 23, 61].

В целом же палеолитические памятники Абхазии, как отмечают ученые, проявляют генетические связи с нижним палеолитом Черноморского побережья Малой Азии. По этому поводу З. В. Анчабадзе пишет: «Верхнепалеолитическая культура на Кавказе и в прилегающих районах Передней Азии отличается удивительным однообразием, что позволяет сделать заключение об общих этнических чертах ее носителей» [21, 12].

В период позднего палеолита происходят важные изменения как в технике изготовления орудий труда, так и в формах хозяйства, образа жизни, общественных отношениях и в самом физическом типе человека. Значительно повышается продуктивность охоты – в результате усовершенствования метательного оружия (копья, пики, дротики) и изобретения лука и стрелы (абхазо-абаз. *хыри-хыц*; детский вариант в абхаз. *ахыци а-хумпали*). Последний факт имел огромное историческое значение в жизни первобытного человека. По этому поводу Энгельс писал: «Для эпохи дикости лук и стрела были тем же, чем стал железный меч для варварства и огнестрельное оружие для цивилизации» [124, 30].

Наряду с охотой получает свое развитие рыболовство. Значительную роль играет накопленный опыт собирательства. Все это,

а также запрет внутриродовых кровосмесительных брачных связей, улучшение возможностей языкового общения и мыслительных способностей, привели к появлению в позднепалеолитическую эпоху человека современного типа *Homo Sapiens* (разумный человек), пришедшего на смену своему предку-неандертальцу [20, 30]. Тогда же завершается процесс становления родового строя – матриархата, в котором женское начало, материнский род становятся определяющими. Прекращение брачных связей между членами обособленного материнского рода привело не только к биологическому усовершенствованию человека, но и к сближению между собой представителей разных общин, а в дальнейшем и к формированию племени (племен), являющихся более сложной социально-экономической организацией. Экзогамный порядок брачных связей, действовавший в полную силу и в эпоху патриархальных отношений, и ныне соблюдается в определенной степени многими народами [125, 20–104], в том числе абхазами [23, 446]. Последние и сегодня придерживаются тех же правил, о которых говорил еще Г. Ф. Чурсин: «Лица, принадлежащие к одной фамилии, не могут вступать в брак, хотя бы они происходили из различных районов Абхазии и находились в самых отдаленных степенях родства» [126, 159].

Как полагают ученые, родовые общины конца позднего палеолита жили уже в условиях более продолжительной, чем раньше, оседлости. В то же время зарождаются примитивные формы домостроительства, вместе с тем человек начинает одеваться в скромную и шитую одежду, о чем свидетельствуют обнаруживаемые в большом количестве кремневые и костяные острия – проколки, а также костяные иглы с отверстиями для нитей [20, 32].

4. Мезолит. Переходной этап от палеолита к неолиту принято называть мезолитом (т. е. средний каменный век). Он датируется примерно XIII–VI тыс. до н. э.

В Абхазии мезолитические пласты выявляются в пещерных стоянках предыдущих периодов – Квачара и Хупынипшахва (р-н с. Цебельда), а также на горе Яштух и в других местах. В этом периоде обычный позднепалеолитический инвентарь пополняется усовершенствованными образцами костяных гарпунов, грубыми прототипами топора, долота, рубанков и других хозяйственных предметов. Однако наиболее важными являются находки (при-

митивные зернотерки, мотыги, терочники и др.), указывающие на появление зачатков земледелия, а может быть и скотоводства [127, 194].

В рассматриваемый период общество продолжает жить правилами матриархально-общинного строя. Расширяется круг людей, связанных кровным и брачным родством. Сообразно этому расширяется и состав межобщинных союзов – будущего племени.

5. Неолит. Промежуток времени, охватывающий примерно VI–IV тыс. до н. э., известен в науке под названием неолита или новокаменного века. Не без основания он считается исключительно важным периодом в истории человечества. В эту эпоху «люди изобрели глиняную посуду, научились изготавливать полированные каменные орудия, освоили способы сверления и пиления камня и, что особенно важно, стали активно переходить от присваивающего хозяйства к хозяйству производящему. В неолите появляются домашние животные, и распространяется земледелие» [20, 38].

Образцы неолитического инвентаря обнаружены в Абхазии в районе г. Очамчира, вблизи Сухума (Гуадику), на северной окраине г. Гудаута (у устья р. Кистрик), в поселке Адзалагарахук (с. Лыхны) и в других местах.

Среди выявленных на территории Абхазии неолитических селищ наиболее изученным и значительным является Кистрикское, располагавшееся на морском берегу в северо-западной части г. Гудаута. Кистрикское поселение, охватывающее около 6 га, было открыто еще в конце 40-х гг. известным археологом А. Л. Лукиным [128], и в дальнейшем оно исследовалось долгое время В. Бжания [129]. Сегодня можно говорить о том, что насыщенность, многообразие и выразительность кистрикского археологического материала ставит это неолитическое селище в ряд древних памятников мирового значения. Создательницей и носительницей этой археологической культуры являлась развитая матриархальная родовая община, напоминающая уже племя, и бытовавшая на этой территории в продолжение длительного времени [20, 50]. Именно к неолиту ученые относят расцвет матриархально-родового строя. Эта эпоха отличается от предыдущих периодов не только более развитыми материальной культурой, общественными отношениями и расширением видов хозяйственной деятельности, но и довольно высоким уровнем возможностей языкового общения и развитием

религиозных воззрений. К этому времени люди, общавшиеся на более или менее понятном языке, занимали значительные территории. Их словарный запас был довольно обширным. Сформировались основы систем современных языковых групп.

Довольно интересный языковой пласт, касающийся матриархально-родового строя, можно выделить в абхазском и абазинском языках. Уже отмечалось, что в названных языках от слова *ан* // *ана* – «мать» могут быть производными указательные местоимения *а-на* – «там», *ани* – «тот», «то» (см. выше), а также, похоже, от этой же основы и древняя абхазо-адыгская глагольная основа *ны-кэ* (*а-ныкэа-ра*) – «ходить» (букв. «отрываться от матери»). Термин *а-н* // *а-на* – «мать», «породительница» со временем приобрел и значение «покровительница» → «бог», а отсюда и слова *аныхэа* («моление», «праздник») – *аныхэара* («молиться», букв. «просить мать (покровительницу)»), т. е. «молиться матери – покровительнице»: от *ан* – «мать», «породительница, покровительница» и *хэа-ра* – «просить, умолять»). В значении «породитель, покровитель (покровительница → бог)» основа *ан* присутствует в именах покровителей (богов) отдельных отраслей животноводства: *Джаб-р-ан* (абхаз. *Цьабран*) – покровитель мелкого рогатого скота, *Жвабр-ан* (абхаз. *Жэабран*) – покровитель крупного рогатого скота, *Аеышьашь-ан* – «покровитель коневодства». З. В. Анчабадзе допускал, что и абхазское слово *анышэ* – «земля», «почва» в основе своей может иметь понятие «мать» («ан»). Отсюда и богиня земли и плодородия мыслилась в образе женщины. В период созревания урожая абхазы проводили «*нанхва*», т. е. моление в честь великой матери плодородия земли (20, 52). Несомненно, от той же основы *ан* – «мать», «породительница» путем ее удвоения производно слово *Анана* – упрощенно *нан* // *нана* («бабушка»), букв. «мать + мать», т. е. «мать матери». Ныне оно сохраняется в виде обращения бабушки к внукам и матери к детям, а также в названии праздника *нанхэа*, посвященного богине плодородия *Анан* // *Нан* (*нанхэа* – из *нан ныхэа*, букв. «моление (богинь) нан», т. е. «моление прародительнице»). От уже сложного образования *нан* // *нана* – «бабушка», «прародитель» с помощью прилагательного *ду* – «большой (большая)» образуется новое слово *нанду* – «прабабушка», букв. «большая бабушка», от последнего *нанду* происходит и следующий термин этого ряда *нанду ду* – «прапрабабушка»,

букв. «большая прабабушка». Позже по такой же модели создаются обозначения отцовской линии: *аб* // *аба* – «отец», отсюда *баба* – «дед», т. е. «отец отца», *баба* + *ду* – «прадед, т. е. большой дед», *бабаду ду* – «прапрадед», его вариант «*даду*» – из *дад ду* [130, 12]. С распадом большой родовой семьи наиболее старшими членами отделившихся ячеек становятся дед и бабушка, в связи с чем позже в абхазском языке за ними больше закрепляются термины *анду* или *нанду* – «бабушка», в прошлом же – *нанду* («прабабушка»), *абду* или *бабаду* – «дед» (первоначально «прадед»).

В период матриархата культ породителей, т. е. матери, бабушки, прабабушки, становятся настолько развитым, что они возносятся в ранг богов – покровителей. Объединяли их и общим термином, имевшим форму множественного числа *Анцџа* – «боги», букв. «матери», т. е. «породители», «покровители», что в конце-концов становится у абхазов и абазин именем единого бога – *Анцџа*.

Представляет интерес и целый ряд других абхазских терминов родства, несомненно восходящих к периоду матриархата:

– *анхџа* – «свекровь», «теща» и более позднее *абхџа* – «свекор», «тесть» (трактуются некоторыми учеными как «кривая мать», «кривой отец» [131, 93]); похоже, восходят к *анџа* – «вторая мать» и *абџа* – «второй отец», где окончание *џа* является древней формой современного числительного *шы* (*џ-ба*) – «два»;

– *анишьа* – «дядя по матери», букв. «брат матери» (*ан* «мать» + *шьа* «брат», «кровь») – *анишь-џа* – «родня матери»;

– *абиашьа* («дядя по отцу») – *абиашь-џа* («родня отца»), наличие в составе этих терминов, в отличие от первой *анишьа*, классного показателя 2-го л. ед. ч. *и* – «его» (*аб-иа-шьа*) свидетельствует о их более позднем происхождении, как это и должно быть;

– *амахџа* – «зять» (существующие варианты этимологии см. [132, 259–260; 133, 128] – исходной формой может быть *анахџа*, осмысливающийся как «проситель матери (жены)» (от *ан* – «мать» и глагольной основы *хџа* – *ахџара* – «просить», «умолять»). Отсюда словосочетание *махџара џара*, т. е. «идти к родственникам жены», первоначально же – *анхџара џара*, букв. «идти просить мать (жены)», что вполне вписывается в матриархальные отношения, в положение мужа, зятя этого времени;

– *амхара* – название небольшого строения круглой конфигурации для новобрачных, которое могло иметь место как на террито-

рии рода жены, так и, на территории стороны мужа [134, 254–260]. Этимологически *амҳара* осмысливается как «не слышать», однако *амҳара* может быть и из *анҳара*, которое уже переводится как «место матери-главы» – от *анҳа*, букв. «мать-глава».

С древним материнским родом связываются и происхождение ряда современных родовых имен (фамилий), как *Ануа*, *Анаа* (ед. ч. *Анба*), переводится как «люди матери» (*уа* – «люди», *аа* – суффикс множественного числа класса людей), имя же *Нанаа* буквально означает «Бабушкины», а *Нанба* – «Бабушкин» – (В. К.).

В эпоху материнского родового строя словарь людей значительно пополняется и за счет слов-терминов, возникавших в результате трудовой деятельности. Видимо, к тому времени относится формирование в абхазском языке орудивного суффикса «*га*», с помощью которого создаются наименования различных орудий труда. Например: *арпыга* – «палка с крюкообразным концом», букв. переводится как «то, чем рыхлить (землю)»: из глагольной основы *а-рпы* от *арпра* – «разрыхлять» и орудийного суффикса «*га*», последнее, т. е. *арпы-га*, сохраняется и как название части куриного тела – куриной крюкообразной кости – *арпыга*; срав. *аңхны-га* – «камень для растирания продуктов питания»; *аңка-га* – «режущий инструмент», букв. «то, чем режут»; *аңеы-га* – «то, чем ломают»; *аҕы-га* – «долото», букв. «то, чем долбят, дырявят»; *аҕа-га* – «тляпка», «мотыга»; *аҳәәа-га* – «грабли»; *ажы-га* – «лопата» и т. д. Словарь людей рассматриваемого периода насыщается и другими категориями слов – видовыми названиями животных и растений, обозначениями небесных тел, природных явлений и многими другими. В целом же язык в тот период представляет собой уже довольно развитое системное образование.

Матриархально-родовой строй оставил глубокий след и в устной народной словесности. К числу замечательных памятников древности относится абхазо-адыгский Нартский эпос. В нем речь идет о большой родовой семье, состоящей из 99 братьев и одной сестры, управляемой их общей матерью *Сатаней* (об эпосе см. [135; 136; 137, 128–161]). Главная сила матери-героини заключается в быточности ее желаний, изречений, проклятий, что вполне может быть указанием на этимологию самого имени, *Саҭанеи* из *Ҩаҭанеи*, буквально переводимое как «доходящее (сбывающееся) изречение», где *Ҩаҭа* – «изречение» (*аҨаҭа-хьа*

– «обет», «клятва»), и *неи*, букв. «доходящий», т. е. «сбывающееся, исполняющееся».

Неолит является концом огромной по времени палеолитической эпохи. Археологическая культура Абхазии этого исторического периода обнаруживает как самобытные истоки, так и определенные связи с аналогичной культурой близлежащих и более отдаленных от нее регионов. Академик Б. Б. Пиотровский писал: «Кавказ, в частности Закавказье и Восточный берег Черного моря, представляется нам одним из центров древнейшей человеческой культуры, связывающим звеном палеолитических культур Средиземноморья с Северным Причерноморьем» [138, 24].

Известный палеолитчик А. А. Формозов же поздний палеолит Кавказа (в том числе Абхазии) и Приазовья объединял в одну культурную область с палеолитом Передней Азии [139, 51].

6. Энеолит. В IV тыс. до н. э. неолит, т. е. новокаменный век, сменяется новой археологической эпохой. Это так называемый энеолит или период меднокаменного века. На это же время приходится и переход от матриархата к патриархату [113, 59].

Судя по многочисленным и разнообразным археологическим материалам эпохи энеолита, в жизни людей того времени происходят крупнейшие изменения. Суть этих изменений состояла не только в употреблении неизвестных ранее металлических изделий, но и в том, что на смену охоте и собирательству, составлявшим основу существования людей предшествующего периода, приходят земледелие и скотоводство. О сочетании примитивного земледелия со скотоводством свидетельствуют находки кремневых вкладышей серпов, каменных мотыг, зернотерок, зерен пшеницы и ячменя, керамической посуды, костей крупного и мелкого рогатого скота [24, 68].

Охота и рыболовство продолжают играть заметную роль для людей энеолитического периода. Среди находок имеется немало прекрасно отретушированных кремневых наконечников стрел и дротиков, а также грузила для рыболовных сетей и ткацкого станка, просверленный рог, представлявший иглу для вязания сетей, обнаруживаются следы жилых и хозяйственных помещений. Ученые допускают, что в этот период уже были в употреблении лодки, на которых люди плавали в мелководном заливе и на небольших глубинах у морского берега. Медные изделия в Абхазии впервые

были обнаружены при раскопках дольменов в селе Эшыра вблизи Сухума. Дольмен, именуемый у абхазов *адамра*, представляет собой древнее монументальное наземное погребальное сооружение, сложенное из огромных каменных плит, четыре из которых ставились на ребро, образуя как бы комнату, а пятая, самая большая плита, клалась сверху. В передней стене дольмена делалась круглое отверстие, затыкавшееся большой каменной пробкой. Дольмены такого типа обнаружены и в других пунктах Абхазии (с. Азанта, Ачандара, Отхара и др.), а также и в других местах северо-западного Кавказа. Они служили на протяжении длительного времени и в период ранней бронзы для последовательных захоронений, скорее всего, племенных вождей. Строительство дольменов северо-западного Кавказа датируется III–II тыс. до н. э. Из нижнего слоя дна местных дольменов происходят вислообушные топоры, пластинчатые медные ножи, наконечники копий и своеобразные крюки, имеющие аналоги в материалах дольменов сопредельных районов [113, 61].

Как отмечают археологи, энеолитическая культура Абхазии и в целом Кавказа проявляет также близость к энеолитической культуре Передней Азии [21, 20], дольмены же Западного Кавказа увязываются с аналогичными памятниками Средиземноморья [405, 223].

Представляют интерес также и языковые факты.

Медь обозначается в абхазском языке словом *абюа*, созвучным с другим абхаз.-абаз. словом *бафы* // *бфы* – «кость». Абхазо-абазинское *а-баа* – «медь», несомненно, родственно *биа* – «медь» древнеегипетских текстов III тыс. до н. э. [141, 84], что позже закрепилось в некоторых языках в значении «железо», «руда» [142, 210]. В абхазском же языке медная руда обозначалась словом *ахабба*, букв. «камень-медь» (от *ха* – «камень»), что ныне сохраняется в качестве названия рудоносной горы в Гудаутском районе – *Хаббы*. Значительными памятниками медно-бронзового века являются известные Башкапсарские (г. Башкапсара) медные рудники в верховьях р. Бзыбь, функционировавшие, предположительно, с конца III тыс. по VIII в. до н. э.

В эпоху энеолита и освоения металлов завершается переход от матриархальных отношений к патриархальным. Усиливается процесс социальной дифференциации общества, выделения

племенной аристократии. Тому свидетельство – появление с середины III тыс. курганных насыпей и дольменов с погребениями племенных предводителей. В ту пору основной социальной единицей общественного устройства становится патриархальная семейная община, в которой частнособственническое начало все более и более растет и укрепляется. Семьи, связанные общей отцовской линией (патронимии), объединяются в более крупные единицы – в патриархальный род. Объединения родов составляют племя, народ.

Подобная структура общественного устройства оставила свое отражение в языках и этнографических пережитках разных народов, в том числе и абхазов.

По этому остаточному отражению, как отмечали Ш. Д. Инал-ипа и З. В. Анчабадзе, можно говорить о том, что элементарную клетку общества у абхазов составляла отдельная семья «*аҭаацәа*»: ближайшие родственные семьи объединялись в своеобразные патронимии, которые назывались «*абиҭара*» (досл. «сыновство по отцу»); объединение патронимии составляло «братство» («*аеишьара*»). Совокупность последних составляла патриархальный род в собственном смысле, именовавшийся «*ажәла*» (букв. «семья»)… Все члены *ажәла* считались братьями. Совокупность родственных и соседних патриархальных родов – *ажәла* составляла племя, «народ» – «*ажәлар*» (мн. ч. – от «*ажә-ла*», букв. «семена», т. е. род. – *В. К.*) [20, 102; 23, 403–405].

Главу семьи и рода именовали *а-хы* – «голова», т. е. «глава»; *аҭаацәа рхы* – «глава семьи», букв. «семьи их голова (глава)» – где *р* – классный показатель 3-го л. мн. ч. «их», *ажәлантә рхы* – «глава рода (однофамильцев)». От слова *а-хы* образован другой социальный термин: *ахада* – «правитель», «начальник», а ныне и «президент», который, видимо, восходит к *ахы аҭа* – «давать голову», т. е. «дающий направление», «управляющий» (срав. глг. *ах(ы)аҭара* – «давать направление», «управлять»).

С объединением родов, образованием племен появляется более могучее, избранное (признанное) лицо, управляющее всеми главами родов. Такое лицо предками абхазов и абазин было названо *аҳ*, *аҳа*, букв. «высший», «большой» (срав. совр. *аҳа-ра* – «высота», «вершина», *аҳа-рак* – «высокий»). Примечательно, что тогда как высшее должностное лицо именуется *аҳ* – «высокий» (ныне

«князь», «владелец», «царь»), подчиненные ему люди называются *алаа*, букв. «низы», «нижние люди».

В рассматриваемый период основой политической надстройки патриархально-общинных отношений и внутриплеменного устройства, а также племенных союзов становится так называемая «военная демократия». Как отмечал Ф. Энгельс, «...война и организация для войны становятся теперь регулярными функциями народной жизни» [124, 164].

К пережиткам типичной военной демократии ученые относят, например, решение важнейших вопросов на народном сходе – у абхазов *ажалар реизара*, букв. «собрание родов», где также на время военных походов выбирали себе военных вожаков – «*аңыз*а» [20, 105]. Видимо, к этому времени в абхазском языке закрепляются и такие термины, как: *аибашьра* – «война», «воевать», букв. «убивать друг друга» (где *аи* – проверб взаимности и *ашьра* – «убивать»), *ақыла* (*ақылаф*) («нападающий», «разбойник») – *ақылар* («нападать», «разбойничать»), *апкара* – «бить» и «побить кого-л.», *хьызрацара* – «идти в поход», букв. «идти за славой». Тогда же появляется и термин *а-тэы* (первонач. *аты*) – «раб», букв. «принадлежность», причем рабами могли стать как отдельные представители рода, племени, так и целое племя. Захваченная территория вместе с людьми обозначалась *атэыла* – из *атэыра* (*атыра*, букв. «владение» – в дальнейшем «страна», отсюда *атэыларбгара*, букв. «разрушить страну», сохраняющееся ныне в абхазском языке в переносном смысле «совершать что-нибудь грандиозное»). Видимо, в то же время определенное развитие получает мореходство [144, 145]. В связи с этим представляют интерес отдельные термины из разветвленной абхазской лексики мореходства [146, 189–211, 177]. Например, *амишын* («море») – *амишын ныкэара* («ходить по морю»), *азсара* («плавать») – из *азцара* (букв. «ходить по воде»), *арра* («переплывать, переходить (реку, море)») – отсюда *арга* («средство для переплывания»), *аишхэа* («лодка» и «куриная лопата») – *аишхэар* («морской отряд»), *амар* (*хамар*) – «челнок ткацкого станка», увязывающийся с названием лодки *камар* у генихов – предков абхазов и абазин (см. ниже), *ажэа* – «весло», *апра* – «парус» и др.

В период расцвета военной демократии значительно расширяется круг отраслей хозяйственной деятельности челове-

ского общества. Возрастает значение гончарного производства – «ахапишьаңера», ткаческого ремесла – «асра», пчеловодства – «аишьхаазара» и в особенности земледелия – «аарыхра» и животноводства – «арахэаазара». Причем пчеловодство и ткацкое ремесло становятся в основном женским занятием. Важностью этих женских занятий в жизни предков абхазов и абазин обусловлено возникновение образов богов-покровителей: *Анана-Гэында* «богиня пчеловодства» и *Ерыш* «божество ткацкого ремесла», *Кэыкэын* (*Кукун*) «покровительница льноводства и хлопководства». От занятия пчеловодством получали: *ацха* – «мед», *ацэа* – «воск»; ткацкого ремесла: *аишлых* – «льняные полотна», *абырфын* – «шелк», *аласалых* – «шерстяные ткани», «сукно», ковры – «ақыдыршэыла», «ақэыршэ», «ауархал», и различные веревки – «ашаха», «аиашэа», «ацапырхэа» и др. Они готовились не только для внутреннего пользования, но, как отмечают многие авторы, являлись предметами экспорта [23, 260–265]. Еще древние писатели (в частности Ксенофонт) отмечали превосходные качества колхидского льна и льняного полотна, а Геродот писал, что колхи обрабатывают лен, и что колхидское полотно у греков носит название сардонического [23, 260; 215, 256]. В связи с этим обращает внимание близость основы названия колхидского полотна *сарды* (сарданический) с абхаз. *асыртэ* или *асырта* (*асра* «ткать») «ткацкий станок», «ткацкий цех». Большим спросом также пользовались, как и в недавнем прошлом, веревки, изготовленные из конопли, известные у соседних народов под названием «абхазских» [149, 198].

Сырьевую базу ткацкого ремесла составляла продукция животноводства (овечья шерсть, абхаз. «аласа»), земледелия (лен. «аиш» и конопля «ақэны», а также хлопок «абымба») и шелководство «ақанчаазара».

Энеолит, фактически являвшийся зарей медно-бронзового века, сменяется в конце IV тыс. временем бронзы.

В эпоху бронзы получают свое дальнейшее развитие земледелие и скотоводство, являвшиеся тогда и в последующие периоды ведущими отраслями народного хозяйства. Они на протяжении длительного времени определяли как общий уровень, так и специфические черты развития культуры того или иного этноса.

На территории Абхазии наиболее изученным и значительным по своему содержанию считается Очамчирское селище ранней

бронзы, датируемое примерно серединой III тыс. до н. э. [140, 6, 5]. Судя по многочисленным и разнообразным археологическим материалам селища, основными чертами хозяйства этой эпохи были земледелие, скотоводство, рыболовство, охота, собирательство, ткачество, керамическое производство, обработка камня, кости, торговля и т. д.

Земледелие становится значительно более продуктивным с началом использования тягловой силы и сохи для обработки земли. В абхазском языке соха вместе с ярмом обозначается словом *ацѣматѣа*, букв. «бычье одеяние». Соха же в отдельности именовалась *ацѣыхѣа* (бзыб. *ацѣахѣа*), восходящее к названию примитивного земледельческого ручного орудия *ацѣыхѣа* – «палка с крючкообразным, заостренным концом», букв. «кривая (согнутая) палка». Отсюда, видимо, и глагол *ацѣагѣара* – «пахать»: от *ацѣагѣара* – «черкать», «взрыхлять», «соскабливать» [23, 232]. Представляет также интерес абхазское название ярма *ауѣа*, *ауыѣа* «*ау(ы)гу*», родственное груз. *уѣели*, мегр. *уѣи*, сван. *уѣва*, которое некоторые языковеды возводят к реконструированному индоевр. *iug* – «ярмо» [150, 186]. Однако довольно соблазнительно видеть в абхазском *а-у(ы) гѣа* («ярмо») более древнюю форму *ѣыгѣа* (срав. индоевр. *iug*) или *гѣыгѣа*, букв. «две доски», «две перекладины», где *ѣы* – основа числительного –*ѣба* («два») и *гѣы* («доска»). Такая семантика термина вполне соответствует древнему виду ярма, которое составлялось из двух обтесанных досок – перекладин, одна из которых ложилась на шею тягловой пары животных, другая же закреплялась снизу под шеей путем связывания (закрепления) ее с верхней перекладиной, с фиксацией боковых сторон на шее животного. Интересно, что у абхазов нижняя доска такого ярма именовалась *ацѣацѣгѣы*, букв. «подложная доска», (т. е. нижняя доска) получившая и переносное значение «основа», «основание», «подоплека».

Судя по археологическим материалам, на территории Абхазии в рассматриваемый период имели распространение, в той или иной степени, разные сельскохозяйственные культуры, в том числе хлебные злаки – пшеница, просо и др. В абхазском языке хлеб и пшеница обозначается словом «*ача*», белое просо – «*аишы*», а чумизу именуют *ахѣыѣ* или *абыѣста* (последнее из абхаз. название мамалыги – *абыѣста*). Похоже, абхамам была известна и пол-

ба (особый вид пшеницы) под именем «*аџи*», название которой позже было перенесено на кукурузу – «*аџи*». Это слово вряд ли можно отделить от названия особого вида полбы «бешо», которую выращивали египтяне во времена Древнего царства [141, 22].

Очевидно, у предков абхазов и абазин в прошлом, на протяжении длительного времени, наиболее употребляемой была пшеница «*ача*», отчего и возникли десятки производных от этой основы других абхазских слов: *ача* («хлеб», «пшеница», «рожь») – *ачарз* // *ачарыц* («пшеничное зерно»), *ачажэла* – «семена пшеницы», *ачха* – «колос хлебный», *ачашыла* – «пшеничная мука», *ачара* – «есть», «насыщаться», *ачара* – «свадьба», «застолье», *ачеи-мыка* – «хлеб-соль», *ачыс* – «мучные изделия», «пища», *ачагъа* – «крошка», *ачхэар* – «поджаристая корка», *ачаиэ* – «сырники», «пирог с сыром (хачапур)», *ачацъ* – «блинчики», *ачгъахъа* – «скромный», *ачгара* – «поститься», *ачафага* – «средство существования», *ачахра* – «откармливание», *ачаргэ* – «деревянная лопата», «хлебная лопата», «хлебная доска», *ачартъа* // *ачатра* – «хлебное поле», *аеафра* – «урожай» из *ачаура*, букв. «возделывание пшеницы», *аебыга* // *ачаџыга* – «коса с обоюдоострым лезвием» (*аебыга*, срав. с абаз. *аеа* – «трава», «сено»), *ачаала*, бзыб. *ачалаа* – «коса», *ачаз* – «хлебная солома», «мякина», *ача* – «перепелка», *ачалт* – «борона», *ачачра* – «молотить», *ачачаб* – «плетенка из хлебных или кукурузных стеблей», *ачакъа* – «куча», «стог хлебных стеблей» и др. [151, 116].

Занятие земледелием нашло свое отражение также в абхазском лунном календаре и пантеоне; так, например, у абхазов май месяц обозначается «*лайџамза*» // «*лайџарамза*», букв. «месяц сеяния», август – «*нанхъа*», т. е. «месяц моления богине плодородия», сентябрь – «*абџара*», т. е. «месяц сбора проса». Значительными божеествами земледелия являлись: *Нан* «великая богиня плодородия», именуемая также названием посвященного ей праздника *Нанхъа* из *Нан ныхъа*, букв. «моление (богине) Нан»; *Цаџа* (Джаджа) «покровительница посевов»; *Къыкэын* (*Кукун*) – покровительница льноводства и хлопководства.

Высокий уровень развития ткаческого ремесла и земледелия предполагает и широкое развитие животноводства. На это указывает наличие в археологической культуре Абхазии рассматриваемого периода множества бронзовых фигур почти всех видов

домашних животных, а также элементов конского снаряжения. Вместе с тем существующие этнографические описания культуры животноводства у абхазов [243; 23, 204–225] и анализ связанной с нею широко разветвленной лексики [151] дают возможность утверждать, что животноводство в эпоху бронзы уже являлось одним из ведущих видов хозяйства абхазов и абазин. Оно развивалось по отраслевому принципу. Разведение мелкого рогатого скота «*аңсаса*» шло по двум направлениям: *аңьмаазара* – «козоводство» (*аңьмахьча* «козопас») и *ауасаазара* – «овцеводство» (*ауасахьча* «чабан»); оба направления имели одного бога-покровителя – *Цабран*, букв. «бог (покровитель) коз». Разведение крупного рогатого скота «*ашьамака*» именовалось «*ашьамакаазара*» (пастух же «*ажэхьча*», букв. «пастух коров»), покровителем этой отрасли являлся *Жэабран* «бог коров». Далее: *аеаазара* «коневодство» (*аеыхьча* – «табунщик») – *Аеышьаишан* «покровитель коневодства»; *аҳэаазара* «свиноводство» (*аҳэахьча* – «свинопас») – *Аҳэарах* «покровитель свиноводства»; *алаазара* «собаководство» (*алахьча* – «псарь») – *Алышькьынтыр* «покровитель собак». Все животноводческие божества представлялись частями семидольного великого бога обновления природы размножения и особенно скотоводства – *Аиҭар* [152, 23–24].

Таким образом, анализ древних археологических материалов Абхазии и сопредельных с ней районов и соответствующие им языковые факты убедительно говорят, что в эпоху медно-бронзового века широкое развитие получают не только культура металлургии, но и гончарное производство, ткацкое ремесло, земледелие, животноводство и связанные с ним человеческое миропонимание.

В дальнейшем бронзовая металлургия и металлообработка достигает своего расцвета в Абхазии в VIII–VI вв. до н. э. Здесь производятся бронзовые боевые, парадные, гравированные топоры, разнообразные кинжалы, дугообразные фибулы – застёжки, пластинчатые пояса, гравированные ритоны, различные бронзовые культовые предметы и т. д.

В период поздней бронзы территория Абхазии входила в так называемую «колхидско-кобанскую металлургическую провинцию», ареал которой совпадал с ареалом распространения абхазо-адыгских племен от Геленджика до Орду (Турция) [245, 39].

В период расцвета бронзовой металлургии в Абхазии начинает зарождаться и металлургия железа. Железные изделия появляются здесь в VIII в. до н. э. В VII–VI вв. до н. э. в Абхазии научились целенаправленно, с помощью цементации, превращать железо в сталь, которая могла воспринимать закалку (подробности о металлургии железа см. [379]). Открытие железа и способов его закалки оказали, как известно, огромное влияние на развитие всех сфер человеческой деятельности.

Об интенсивном занятии абхазов в прошлом производством металлов и кузнечным ремеслом, а также о значимости этого занятия в их жизни говорит культ кузни и нахождение в абхазском пантеоне бога-покровителя металлургии и кузнечного ремесла *Шьаишэ* (*Шашвы*) [365, 587, 589]. На это же указывает широкий круг металлургической, кузнечной терминологии в абхазском языке (подробно об этом см. ниже в гл. VI, § 5).

ГЛАВА II

ЭТЮДЫ ИЗ ИСТОРИИ ЯЗЫКА И ЭТНОГЕНЕЗА АБХАЗО-АБАЗИНСКОГО НАРОДА – «АБАЗА»

§ 1. О родстве и особенностях кавказских языков

Язык, как основной этнический показатель, является и основным материалом, отражающим историю и особенности этногенеза того или иного народа. Изучение какого-либо народа, как отмечал еще П. К. Услар, без знания языка его немыслимо [153, 7].

Как известно, языки народов мира по признаку родства группируются в различные языковые семьи. Одним из них является и кавказская семья языков.

В понятие «кавказские языки» (или в прошлом иберийско-кавказские языки) объединяются три отдельные языковые группы: абхазо-адыгская, нахско-дагестанская и картвельская.

Генетическая общность кавказских языков была отмечена еще П. К. Усларом. В 1864 г. он пишет: «Теперь уже утвердительно можно сказать, что к великим семействам языков старого света: индоевропейскому, семитскому, кушитскому (коптский, эфиопский) и урало-алтайскому, должно присоединить еще совершенно самостоятельное семейство языков кавказских, так как все эти языки, при изумительном разнообразии, представляют глубокие родственные черты (без армянского и осетинского)» [359, 465]. В дальнейшем другому известному языковеду Н. С. Трубецкому удалось выявить ряд черт, характерных, как для абхазо-адыгской группы, так и для восточно-кавказских языков, т. е. нахско-дагестанских. Так зародилась в XIX в. теория родства кавказских языков, которая и ныне находится на стадии разработки. По мнению же ряда ученых, родство кавказских языков все еще остается не вполне доказанным [154, 10].

По этому поводу А. С. Чикобава писал: «Иберийско-кавказские языки (т. е. кавказские языки. – В. К.), в нынешнем их состоянии резко

расходятся между собою вплоть до того, что общность даже морфологического типа ставится под сомнение: так, например, в абхазском языке имена не склоняются, но глагол исключительно богат формами, выражая морфологические категории грамматических классов и чисел, лиц (субъекта и объекта), переходности, статичности и динамичности, времени, наклонения, включая также частицы обстоятельства места, времени и т. д. В лезгинском же языке склонение развито хорошо, но глагол изменяется лишь по временам и наклонениям, не различая ни лиц, ни грамматических классов. Более того, даже языки одной группы обнаруживают различия по существенным моментам: в адыгейском, лезгинском грамматические классы не различаются, в морфологии же абхазского, лакского, даргийского языков категории грамматических классов играет важную роль» [155, 223].

Вместе с тем кавказоведами выделено немало лексических параллелизмов и звукосоответствий в этих языках, проявляющихся на уровне древнейшего языкового пласта. Делаются интересные попытки реконструкции общекавказской, прежде всего северокавказской (абхазо-адыгской и нахско-дагестанской) языковой основы [156; 157].

Более отчетливо определена степень родства языков абхазо-адыгской группы.

Данная языковая группа состоит из пяти западнокавказских языков: абхазского, абазинского, убыхского, адыгейского и кабардинского (кабардино-черкесского). Они же представлены тремя подгруппами: абхазской, адгьской и убыхской.

Языки абхазо-адыгского семейства роднит прежде всего общность фонетического строя, характеризующегося простой системой гласных и богатством согласных фонем. Консонантизму абхазо-адыгских языков свойственны различия твердых и мягких фонем (в том числе среди шипящих), нелабиализованных и лабиализованных, наличие шипяще-свистящих аффрикат и спирантов, материальных спирантов [164, 80].

По морфологическому типу абхазо-адыгские языки относятся к агглютинативным языкам. Иначе говоря, здесь в основном слова образуются путем присоединения стандартных аффиксов к неизменяемым основам или корням. Проявляется общность и в других формах словообразования. Немаловажным фактором является связывающие эти языки общий полисинтетический тип

глагола. Ему присущи такие морфологические категории, как: переходность – непереходность, статичность – динамичность, финитность – инфинитность, лицо, число, время, наклонение, побудительность, версия, произвольность, возвратность, союзность, совместность, взаимность [164, 82].

В основном однообразен и синтаксис западно-кавказских языков. Здесь налицо номинативная эргативная и инверсивная конструкция простого предложения. Сравнительно-историческое изучение абхазо-адыгских языков выявило также немало (около 250) общих лексических основ. Общими являются обозначения личных местоимений «я», «ты», «вы». В число лексических параллелей входят отдельные названия частей тела, некоторые числительные и термины родства, а также ряд названий предметов и явлений из области неживой природы, названий растений и животных, орудий труда, глаголы, прилагательные [165, 48–54].

Вместе с тем, судя по остальному языковому материалу, распад абхазо-адыгского праязыка произошел в далеком прошлом. Ш. Д. Инал-ипа пишет: «Общность основных терминов кровного родства при отсутствии совпадений названий, выражающих более поздно возникающее родство по свойству (за исключением одного слова – “зять”), а также расхождения таких важных с культурно-исторической точки зрения лексических единиц, как бронза, железо, лен и т. д., свидетельствуют о том, что абхазский и адыгские языки разошлись по путям своего самостоятельного развития очень рано, еще задолго до эпохи классической бронзовой культуры. Вместе с тем, судя по некоторым оригинально-абхазским нартским личным именам (*Нарцъхьоу*, *Хэажэарцъис* и др.), можно предполагать, что уже в эпоху создания самого ядра нартского эпоса происходило формирование и выделение абхазского языка как особой единицы» [24, 347].

На временные рамки распада праязыка могут указывать и результаты сопоставления абхазо-абазинской животноводческой терминологии с аналогичным в адыгских языках. В них выявляются ряд совпадений в видовых названиях животных. Однако здесь вовсе нет параллелей в названиях, различающих животных по полу, возрасту, цвету, упитанности и другим признакам. Нет также общих основ и в группе терминов, связанных с практической деятельностью человека по разведению и использованию домашних животных, а также и мясомолочной продукции. Все это дает основание

думать, что распад западно-кавказского языка-основы произошел в глубокой древности – в начальной стадии развития скотоводства, примерно в IV тыс. до н. э. [151, 128, 129]. Таким образом, можно полагать, что в IV тыс. до н. э. абхазский и адыгский ветви праязыка уже стояли на отдельных путях своего развития. Стало быть, и их носители, т. е. предки абхазов и предки адыгов, также представляли собой обособившиеся этнические образования.

В научной литературе существует немало высказываний по поводу возможной генетической связи праязыка кавказских народов (абхазо-адыгского и нахско-дагестанского) с хаттским и хуррито-урартским языками древней Малой Азии и языком басков Испании.

Например, целый ряд таких ученых, как Э. Форрер, И. М. Дьяконов [158, 11, 166–176], И. М. Дунаевская [159, 73–77], Г. Г. Гиоргадзе [160, 189, 206], Г. А. Меликишвили [161, 169, 168], О. Н. Трубочев [162, 35], М. А. Кумахов, В. Г. Ардзинба [361, 7–20] и другие, усматривают генетическую связь носителей абхазо-адыгских языков с хаттами. Значительное внимание уделяет данному вопросу и исследователь проблемы этногенеза абхазов Ш. Д. Инал-ипа, в работе которого освещаются все известные материалы, связанные с данной проблематикой [24, 122–166].

Мнение о возможном родстве кавказских языков с баскским также не ново. Оно озвучено такими известными учеными, как Г. Шухардт, А. Тромбетти, Н. Я. Марр, К. Боуда, Р. Лафон, В. Георгиев, И. М. Дьяконов, Ю. В. Зыцарь, В. А. Чирикба. Последним, т. е. В. Чирикба, не так давно опубликована интересная работа, посвященная отдельным фактам лингвистических соответствий между баскским и северокавказскими языками. Выявленные этим автором и другими учеными звукосоответствия представляются весьма существенными для обоснования родства этих языков [163, 95–104], но пока же это родство не считается несомненно доказанным.

§ 2. Абхазо-абазинские языки, наречия и о наименованиях их носителей

В западно-кавказских языках эту подгруппу составляют собственно абхазский, абазинский, которые еще находятся вблизи диалектного различия. По своему составу убыхский язык зани-

мает промежуточное положение между абхазскими и адыгскими языками.

Абхазский и абазинский языки ныне подразделяются на четыре наречия: абжуйское, бзыбское, ашхарское и тапантское. Принято считать первую пару абхазскими диалектами, а вторую пару – абазинскими. К абхазским наречиям следует относить и практически уже исчезающий садзский говор.

Вместе с тем очевидна более тесная связь ашхарского диалекта абазинского языка с южно-абхазскими наречиями, а тапантского диалекта, составляющего основу современного абазинского языка, с садзским (джигетским) наречием.

В целом же все эти диалекты базируются на общей фонетической, морфологической, лексической и грамматической основе. Имеющиеся же в них некоторые различия являются результатом разновременных (неравномерных) фонетических, семантических и грамматических сдвигов, а также влияния на них языков соседствующих народов. Поэтому с точки зрения исторического развития абхазского языка можно говорить об абазинском и садзском наречиях, как о диалектах абхазского языка [40; 41].

Абхазский язык выделяется прежде всего многообразием своей фонетики. В отдельных его диалектах, в том числе и в абазинском, число согласных звуков доходит до 80 [393, 30–31]. Действующий абхазский алфавит обозначает 56 согласных фонем и 6 гласных. Из шести гласных (*a, e, u, o, y, ы*) первичными и основными являются *a* и *ы*, они же представлены в древних корнесловах типа открытого слога.

Одним из отличительных черт абхазского языка является отсутствие склонения имен. Вместе с тем богатство глагольных форм как бы восполняет в абхазском языке отсутствие изменения имен по падежам. Нет также родового деления существительных, если не считать показателей мужского и женского рода в отношении человеческой личности.

В абхазском языке имя, как правило, маркируется префиксом *a*, чего нет в абазинском и других родственных языках.

Наиболее интересной и вместе с тем сложной формой абхазо-абазинской речи является глагол. Главнейшие его особенности – полисинтетизм и полиперсонализм. Это означает, что в одной глагольной форме выражены не только субъект действия, но и объект,

на который распространяется действие. В состав глагола-сказуемого включаются личные местоимения, локально-пространственные префиксы, связывающие глагол-сказуемое с подлежащим, дополнениями, обстоятельствами [311, 3; 312, 223; 313, 123]. Таким образом, абхазский глагол является и носителем существенных синтаксических функций. Он может отражать в своей структуре весь строй абхазского предложения [314, 9].

Абхазский язык в целом — давно сложившийся системный язык, с оригинальной формой строя речи, восходящий своими корнями к глубокой древности. По этому поводу акад. Н. Я. Марр отмечал: «Абхазский язык и в настоящем своем состоянии представляет строй речи, систему более архаичную, чем язык шумерских клинописей, имеющих сейчас изначальную дату почти шесть тысяч лет» [49, 45]. Далее Н. Я. Марр приходит к выводу о том, что «абхазский язык лингвистически стоит на одной из самых высоких ступеней развития человеческой речи. Он, среди родственных с ним языков, занимает ту ступень, который английский занимает среди европейских» [294, 63].

Абхазы непрерывно пользуются собственной письменностью со второй половины XIX в. (с 1862 г.), а абазины с 1933 г. Вместе с тем существует немало материалов, указывающих на существование у них и более древней письменной традиции [25; 49, 48–50; 24, 258].

До второй половины XIX в. все носители абхазо-абазинских диалектов и наречий осознали себя единым народом и называли себя в разное время общими именами: *аҭаса* // *абаза*, во мн. ч. *аҭаса-қәа* // *абаза-қәа*, или же *аҭса-уаа* // *абза-уаа*; *абаза* // *аҭаса*, усеченно *аҭса*, во мн. ч. *аҭса-р*, *аҭса-қәа*, *аҭса-цәа*, *аҭса-уа*, *аҭс-уаа* — отсюда и название всей территории (страны) их обитания: *Аҭсны* [394, 127; 9, 109, 123–124; 367, 29]. При этом каждое сообщество выделяло себя из общей этнической среды отдельным локальным именем. Другим же народам все они (в том числе и убыхи, занимавшие по языку промежуточное положение между абхазами и адыгами) были известны также под общими названиями *абаза* или *абхазы* [217, 479–480; 11, 77–79]. Кабардинцы и другие самоуправлявшиеся адыгские общества к народу *абаза* причисляли и *абадзехов*, *шапсугов*, *натухайцев*, называя их *абадзе-чиль*, буквально означающее «абазские народы». Именем *абаза* иногда

обозначали также *бжедугов*, *махошевцев* и *жанеевцев* [167, 10, 11], что, похоже, указывает на их абазские корни.

Ареал распространения абхазов и абхазского (абазского) языка в различные периоды истории был разным и всегда выходил далеко за пределы современной Абхазии. Так, например, во времена Абхазского царства VIII–XIII вв. устойчивыми границами Абхазского царства (стало быть, и распространения абхазов) являлись «...р. Нечепсухо (Никопсия) – на севере: Сурамский хребет – на юго-востоке: Главный Кавказский хребет – на северо-востоке: р. Чорох (Апсара) – на юге; Черное море – на западе» [374, 67].

После распада Абхазского царства, согласно сообщению итальянского миссионера Иоване де Галонифонтибуса, абхазы компактно проживали в Абхазии между Черкесией и Мегрелией [603, 18, 19]. В XVI же веке Сигизмунд Герберштейн находит около Меотийских болот и Понта при реке Кубань абхазские поселения. В частности он пишет: «...около болот Меотиды и Понта, при реке Кубани, впадающей в болото, живет народ Афгазы...» [395, 2, 159–160].

Известный турецкий ученый-путешественник Эвлия Челеби, побывавший в 1641 г. во всех регионах Абхазии (Абаза) и вполне различавший грузин, абхазов и адыгов, помещает между р. Риони (Фаша) и Анапой 25 крупных абхазских этнографических обществ [1, 49–56] и фиксирует образцы абхазской речи.

По утверждению М. Пейсонеля, занимавшегося в 1750–1762 гг. исследованием Черноморского побережья Кавказа, абхазы или абаза в его время проживали между Суджуком (Новороссийск) и Мегрелией [396, 29]. Об этом же пишет и Гюльденштедт [399]. Согласно этим и другим авторам, ареал распространения абхазов и абхазского языка и влияния Абхазского княжества к началу XVIII в. охватывали Черноморское побережье от Анапы или р. Кубань до р. Ингур, а также и часть сопредельной с Абхазии территории современной Карачаево-Черкесии. В известном энциклопедическом труде, изданном в 1788 г. под названием «Новый и полный географический словарь Российского государства, или Лексикон», читаем: «*Абхазы* – вольный и многочисленный народ, живущий в Кавказских горах, язык которых ни с каким из известных, как только с черкасским некоторое, но и то небольшое сходство показывает. Земля, на которой живет народ сей, на собственном их

языке *Абсне* называется; татарез, турки и черкасы называют ее Абаза, а грузины Абхазети... В прежние времена жил народ сей только по западной к Черному морю примыкающей стороны Кавказских гор, по рекам прямо в сие море между Кубанью и Енгури впадающим. Последняя река отделяет его от *мегрельцев*. Большая часть народа живет и до ныне в сей стране, и составляют уезды: Хирпис, Чаши, Садз, Аибга и Ахшипса... За сими уездами, кой полуденно-западную часть Абхазии составляют, следуют на северо-запад уезды: Туби, Убух, Шаши и Шапсих, которые с Черкасскими уездами Бжана и Гатукай граничат... Третья малая часть абхазского есть та, которая в прежнем столетии на северную сторону гор перешла, где она между Черкасскими уездами Кабардою и Безленом реку Куму, верхней части Кубани и впадающие в Кубань реки Инджик и Уарпа или Арпа занимает, и живет по линии от Георгиевской до Ставропольской крепости на полдень параллельно» [178, 2–4].

Вышеприведенное описание границ Абхазии и расселения абхазских обществ в основном совпадает также с данными авторов первой половины XIX в.: Гамба [400, 87], барона И. К. Аш [23, 357], Хан Гирея [175, 57, 76, 82], Люлье [167, 9], Дж. Белла [217, 479, 480], Броневского [6, 326–328] и др. Все эти сведения подкрепляются турецкими, французскими, немецкими и русскими картами XVII–XIX вв. На них территория Абхазии указывается раздельно под названием *Большая Абхазия* и *Малая Абхазия*. Большая Абхазия на французской карте Делисле (1723 г.) – GRANDE ABAZA ou ABKASIE [401, К–7], на немецкой карте (1802, 1804 гг.) – Der CROSSEN ABASA – ABSNE [402, К–8], на русских (1770–1825 гг.) – *Большая Абхазия* или *Большая Абаза* помещается на Черноморском побережье между реками Ингур и Кубань [403, К–9; К–10; К–11]. В них же *Малой Абазой* («Petite Abasa», «Kleine Abasa», или «Малая Абхазия или Абаза») именуется северо-кавказская часть Абхазии, располагавшаяся на территории современной Карачаево-Черкесии [94, 7–10].

На карте Кавказских земель (1823 г.), [404, К–12], составленной известным исследователем Кавказа С. Броневским, также указываются пределы страны *Абхазия* или *Абаза*, соответствующие сделанному им же словесному описанию границ Абхазии. Согласно последнему, в начале XIX в. *Абхазия*, или *Абаза*, граничила «к

юго-западу с Черным морем, к северу с черкесами закубанскими, к северо-востоку с Кабардою, в горах на полдень с карачаевцами, к востоку с Мигрелией». В другом месте Броневский пишет: «Абхазы живут на берегу Черного моря, начиная от реки Ингур... до Геленджикского залива и немного далее. Сия часть... называется Юго-западная или Большая Абхазия... Часть, лежащая по северному и северо-западному наклонению гор, названа Северной и Северо-восточной Абхазиею», известная и под именем Малой Абазы [6, 326, 328], т. е. Малой Абхазии.

Вместе с тем, по причине того, что абхазо-абазины в прошлом занимали значительный по длине берег Черного моря, последнее, т. е. Черное море, также именовалось «*Абазинское море*», т. е. «*Абазское // Абхазское море*» [491, 109]. Поэтому же и этнотопонимом *Абаза* назывался «сильный восточный ветер, нередко свирепствующий у западных берегов Черного моря и особенно опасный для дунайских рыболовов» [492, 5].

В последние столетия этническая ситуация в северо-западной окраине Абхазии начинает меняться. В результате миграции адыгов на юго-восток и ассимиляционных процессов, здесь в XVII–XVIII вв. формируется абхазско-адыгский этнический массив с тенденцией сокращения в нем абхазского элемента. В 30-е гг. XIX в. Хан-Гирей, Броневский и другие уже проводят приморскую границу между Абхазией и Черкесией вблизи Геленджикского залива, а р. Лаба Хан-Гирей указывает границею «между абадзехами и абхазскими коленами».

Именно в названных пределах Абхазское княжество в 1810 г. было принято под протекторат Российской империи. Однако не вся территория Абхазии оказалась подконтрольной последней. Причина в том, что Абхазия была принята «в вечное подданство» России с подачи одного из сыновей бывшего могучего провителя Абхазии Келешбея Чачба (Шервашидзе) – Георгия (Сафарбея), жившего в Мегрелии в качестве опального к своему старшему брату Асланбею – законному наследнику владельца Абхазии. Поэтому сам факт принятия Абхазского княжества под протектарат Российской империи свершился без ведома и согласия подавляющего большинства его граждан. Этот политический акт и последовавшее за ним водворение Георгия Чачба (Шервашидзе) в Абхазию силой русского оружия привели к русско-абхазскому противосто-

янию и к многолетней (1810–1830 гг.) междусобной войне в Абхазии [398, 212–226]. В результате этой войны от Абхазского княжества отошли абхазские горные общества и вся Северо-Западная Абхазия, которые впоследствии были вовлечены под черкесским флагом в русско-кавказскую войну. В этой связи некоторые авторы в середине XIX в. начинают рассматривать Северо-Западную Абхазию как часть Черкесии, а ее абхазское население именуют «черкесами» или «черкесскими абхазами» [367, 31, 58–59]. Убыхи и садзы, оказавшиеся вне пределов Абхазского княжества, не раз совершают карательные экспедиции в Юго-Восточную Абхазию [10] по причине ее прорусской ориентации. В дальнейшем Российская империя, покоря абхазские общества, присоединила их территории непосредственно к своим пределам.

В мае 1864 г. Россия праздновала свое победное завершение Кавказской войны в уже безлюдной Садзской Абхазии в местности Красная поляна, известной в источниках *Кбааде*, *Губааде*: из абхазского – Губаадэ, букв. «поле (местности) Губаа» или *Губаа адэду* (искаженно – *Губаа Абду*), букв. «большое поле (местности) Губаа». Спустя месяц после этого празднества была упразднена союзная с Россией часть Абхазского княжества, заключавшаяся между реками Ингур и Багрипта. Как известно, итогом всего этого стал вынужденный массовый исход абхазов и абазин, как и черкесов, со своей исторической родины в Турцию и другие страны Ближнего Востока.

Ныне во всем мире насчитывается абхазов и абазин около миллиона человек, из них лишь 160 тысяч проживает на своей исторической родине.

Абхазы – государствообразующая нация независимой страны *Аҧсны Ареспублика // Республика Абхазия*, расположенной на Черноморском берегу Кавказа между р. Псоу и Ингур.

Вместе с тем Северо-Кавказская историческая часть абхазского (или абазского) этноса ныне предстает как устойчивая этническая общность – абазинский народ, предки которого, в начале XIX в. оказавшись окончательно оторванными от пределов и влияния Абхазского княжества, стали формироваться в составе Российской империи в отдельную народность.

Раздвоению народа способствовал не только отрыв от Абхазии ее Северо-Кавказской территории, но и получившее в дальнейшем

в литературе искусственное разделение народа *апсуа* или *абаза* на *абхазов* и *абаза* или *абазины*, *абазинцы*.

Таким образом, за северо-кавказской абхазской (абазской) этнографической группой тапантцев и ашхарцев закрепляется русскоязычный этноним *абазины*, которым первоначально именовалось все абхазоязычное население Западного Кавказа. В российских энциклопедиях конца XIX в. они уже значатся как «абазинское племя, принадлежащее к абхазскому племени» [489, 10; 490, 6]. Вместе с тем практически все известные источники подчеркивают этническое единство абхазов, садзов и абазин и равнозначность их наименований: *апсуа*, *обезы*, *абаза*, *абхазы*. Они всегда фигурируют у адыгов, турок, арабов под общим именем *абаза*, в древне-русских источниках – *обезы* [48], позже они же – *абаза*, *абазины*, *абазинцы*. Этнонимам *апсуа*, *абаза*, *абазины*, *абазинцы* соответствует грузинское *аҭхазы*, отсюда рус. *абхазы*, от которых производны названия страны абхазов – груз. *Аҭхазети* и рус. – *Абхазия*.

Однозначность вышеназванных этнонимов подтверждают многие известные авторы прошлых веков, такие как академик И. А. Гюльденштедт [317, 46–47], М. Пейсонель (XVIII в.) [206, 2 9], Ф. Ф. Торнау [9, 106, 109, 123–124], Л. Я. Люлье [167, 9], П. К. Услар (XIX в.) [11, 77–79] и др. Известный лингвист, один из исследователей абазинского языка А. Н. Генко пишет: «Абазины сами называют себя в настоящее время абазинами (Абаза) лишь под влиянием русского и кабардинского словоупотребления. Термин Абадза или Абаза очень древнего происхождения... и имеет собирательное значение: так назывались представителями черкесских племен все племена абхазские (в самом широком смысле, включая сюда и... убыхов), объединявшиеся общностью языка и культуры и жившие к югу от черкесов, главным образом в горных долинах Причерноморья... На основе этого-то черкесского термина Абаза... возник и с XVIII в. упрочился русский термин – абазины (абазинцы) в специальном значении абхазоязычных племен Северного Кавказа» [42, 7, 8]. Единство содержания названий *абхазы*, *абаза*, *абазины*, как отмечает Г. П. Сердюченко, сохранялось еще до первой половины XIX в. Он пишет: «...в исторической и международной литературе, а также во всей официальной русской документации, в частности, военной переписке по Кавказу

(рапорты, донесения и пр.), наименование абазины было равнозначно термину “абхазы”...» [39, 23]. Дальнейший расклад названий абхазы и абазины, по справедливому замечанию М. Тхайцухова [39, 24], на протяжении многих лет вносит путаницу в общую историю абхазов и абазин.

Абазиновед М. С. Тхайцухов является автором ряда работ по истории абазин. В первых своих публикациях он, как и подавляющее большинство исследователей Северо-Западного Кавказа, говорит о равнозначности фиксирующихся в античных и средневековых источниках этнонимов – «*абазг*», «*аббаз*», «*обез*», «*обесесы*», «*абаса*», «*абаза*», «*абеслинцы*», «*афгазы*», «*абхазы*», «*аббазы*», «*абассини*», «*абазы*», «*абазинцы*» и т. д. [39, 23]. Далее он пишет: «Выявления связи термина “абаза” с терминами “Абхазия” и “абхазы”, последние, как известно, вошли в литературу из грузинских средневековых источников, указывают на этнокультурную общность носителей этих терминов в историческом прошлом» [39, 24].

Автором выявлены множество общих абхазо-абазинских фамилий, а также и немало общих фамильных тамг. На основе этих и других материалов М. Тхайцухов приходит к выводу о том, что предки абазин переселялись на Северный Кавказ из всей территории исторической Абхазии, т. е. от р. Ингур – на востоке, до Туапсе – на западе [39, 17; 39, 151]. Таким образом, абхазов и абазин объединяют общее их обозначение, общая языковая основа, общая историческая территория, общие фамилии, тамги и т. д. Все это значит, что абхазы и абазины до недавнего времени являлись одним народом с общим историческим прошлым. Однако, несмотря на это, в последние годы М. Тхайцухов стал придерживаться иного мнения. Вызывают недоумение его новые утверждения, заключающиеся в следующем: термин *абаза* восходит к племенному названию *абазги* (хотя должно быть наоборот, от *абаза* > *абазг*. – В. К.); современные абазины – прямые потомки абазгов; этнонимы *абазги*, *абаза*, *абазины*, *абазинцы* всегда обозначали только предков нынешних абазин и их территорию. Из этого умозаключения автора вытекает, что на территории исторической и современной Абхазии не было народа *аңсуа* под иноязычными названиями *абхазы*, *абаза* и страны *Апсны*, известной другим народам как *Абаза*, или *Абхазия*, а также Абхазского царства, Абхазского княжества и

т. д. Это утверждение автора, грубо искажающее историю абхазов и абазин, подвергнуто в научной литературе справедливой критике [49, 148–154].

Как уже было сказано, общим древним самоназванием абхазо-абазинского этнического мира является *абаза* // *аңаса*, стяженно – *аңса*. От фонетических (диалектных) вариантов *абаза*, *аңаса*, и *аңса* производны известные формы этнонима: *абаз-г*, *абез*, *аңс-ил*, *аңса-р*, *аңса-қға*, *аңса-цға*, *аңс-уаа*, а также абхазское *аңс-шға* – «абхазский язык», сохраняющийся у турецких абхазов как *аңса-шға* и *аңаса-шға*. То, что вышеназванные автонимные формы *аңс*, *аңса*, *аңаса* по своему происхождению неотделимы от формы *абаза*, было отмечено еще П. Усларом. С ними же ряд авторов увязывает и наименования древних абхазо-абазинских этнических образований *аңс-ил*, *абас-к* или *абаз-х*, *абаз-г*. Х. С. Бгажба пишет: «Абазги и апсилы являются ближайшими родственными этническими образованиями, о чем указывают и их самоназвания, восходящие к одному и тому же корню, представленному различными фонетическими вариантами: *ps* // *ps'* (← *pas* // *pas'*) // *bs* (← *bas* // *bas* //) // *pš* (← *paš*). Таким образом, стяженный корень *ңс* (*ср. а-ңс-уа*) является видоизменением *ңас*» [168, 150].

Вероятнее всего, древние автонимные формы *абаза*, *аңаса* восходят к абхазо-адыгскому *а-быз* – «язык». Отсюда *абаз-а* или *абыз-а*, букв. «язык, люди», т. е. «одноязычные»: от *абыз* – «язык» + *а* – показатель множественности класса людей. То же самое означает его более поздняя форма *абз-уа* → *аңс-уа* из *абыз* – «язык» + *уа* – «люди» (срав. *ақырт-уа* – «грузин», *агыр-уа* – «мегрел», *асаdz-уа* – «садз» и т. д.). Из основы *абыз* – «язык» происходит абхазское слово *абызшға* – «язык (разговорный)». Среди имен народов мира известны немало этнонимов, означающих «человек», «люди», «понимающие», «говорящие». Как отмечает В. А. Никонов, носители одного языка, понимая друг друга, называли себя «говорящие», в отличие от всех других, языка которых не понимали [169, 16]. У абхазов и абазин и сегодня можно услышать выражение *ҳабзуаа* – букв. «нашего языка люди».

Как нам представляется, одного происхождения не только основы *а-быз*, *а-баз*, *а-бас*, *а-ңс*, но и окончания этнонимов *аңс-уа*, *абас-к* или *абаз-х*, *абаз-г*, а также *кол-х*, *бру-х*, *зи-х*, *сани-к* // *сани-г* древнегреческих источников. Похоже, что варьирующий суффиксальный

элемент у (*ჯაყ*), г, гу (*базгун*) к, х древних записей восходит к абхазо-адыгскому гортанному *ჯაყ* – «человек», «люди» [94, 64–65], что впоследствии в абхазском языке дало у, *აყ* [170, 46]. Основа *ჯაყ* имеется в убыхском слове *тыჯаса* – «человек», она же в форме *уы* присутствует в адыгском термине *шыуы* – «всадник» [132, 22].

Академик Н. Я. Марр считал, что этноним «абхаз» является также формой древнего названия абхазов – *абазг* [12, 44].

Это мнение разделяли И. А. Джавахишвили, С. Н. Джанашия, З. В. Анчабадзе, Ш. Д. Инал-ипа и др. При этом для подавляющего большинства кавказоведов не вызывает сомнения, что древним названием *абазг* именовались именно *абхазы* – жители Западной части исторической Абхазии – Абазгии. Такая же трактовка имеется во всех исторических справочниках и энциклопедиях. Вместе с тем вышеназванные этнонимы, в том числе «абхаз» и «абаза», увязывающиеся с древними абхазо-абазинскими этническими образованиями, давно стали камнем преткновения для грузинской историографии. Причина тому – историзм и принятое понимание этих терминов, не дающие некоторым грузинским «патриотам» возможность видеть как в самих древнегрузинских источниках, так и древнегреческих, армянских, арабских, русских и др. свидетельствах желаемой, безраздельной героической истории Грузии и грузинского народа (см. Предисловие). Поэтому, чтобы как-то «выправить» данное обстоятельство, П. Ингорква, К. И. Бердзенишвили, М. П. Инадзе, Н. Ю. Ломоури и многие другие пытались доказывать, что этнонимы *абхаз*, *აჟსილ*, *абазг* в прошлом означали грузинские племена, что современные абхазы появились в Абхазии (неизвестно откуда) 200–300 лет тому назад и присвоили себе грузинское имя *абхазы*. В наше время академик Т. В. Гамкрелидзе, также решив как-то обосновать эту теорию, старается убедить, что этноним *абхаз*, появившийся в обиходе в VII–VIII вв., является исходным для *абазг*, *абаск*, упоминаемого древними источниками за 500 лет раньше первого. Далее его логика проста: если этноним *абхазы* бытует в грузинском языке, то он грузинский и связан с грузинским этносом [171, 89–95]. Данная работа, а также в целом и сама версия названных авторов, справедливо подвергнута обстоятельной критике и признана несостоятельной как грузинскими, так и абхазскими, и другими авторитетными учеными (Анчабадзе, Ломтатидзе, Бгажба, Гордадзе, Бганба).

В литературе существует также попытка объяснить этимологию *абхаз* на почве армянского языка. В XIII в. армянский историк Мхитар Айриванский писал, что *абхаз* на армянском языке означает «меченая ладонь» (от *an* – «ладонь» и *хаз* – «штрих, знак»). Беспочвенность такой этимологии отмечена З. В. Анчабадзе [19, 173].

В. М. Бганба дает объяснение этимологии этнонима *абхаз* из гибридной формы *a + nēx + az*, где *nēx* – «убых» + *az* (*азра*) – «абхазы» [172, 72].

Высказано также мнение о том, что этноним *абхаз* мог появиться в обиходе в VII–VIII вв. в связи с Абазгией и приобретением ею независимости от Византии. Отсюда и предположение, что *апхаз*, возможно, из абхазского слова *ауаахаз* (→ *ауахаз* → *авхаз* → *абхаз*), букв. «люди самостоятельные, независимые», где *ауаа* – «люди» + *хаз(ы)* – «независимые». При этом представляется, что абхаз. *аухаз* (из *ауаахаз*) в форме *апхаз*, *абхаз* могло быть усвоено грузинским и армянским языками посредством персидского *афхаз*, *апхаз*, или арабского *абхаз*, как название абазгов, а затем всего абхазского этноса. Персидско-арабское посредство вполне соответствует положению персов и арабов в VI–VIII вв. в Грузии, в том числе, в ее западной части и Аписилии [94, 71].

Однако не исключено, что этноним *абхаз* представляет собой более древнее образование и оно, как отмечает Ш. Д. Инал-ипа, по своему корню *абх* сопоставимо с названием причерноморской страны *Хабх*, *Хабхи* зафиксированной в ассирийском источнике XII в. до н. э. (подробнее об этом см. гл. V).

Значительную часть народа *аңсуа* или *абхазы* // *абаза* составляют садзы, проживавшие до их выселения в XIX в. на Черноморском побережье Западной Абхазии между Гагра и р. Сочи, а немного раньше – и до устья р. Кубань. Они в средневековых грузинских источниках известны под названием *чиқи* или *мьихи* – отсюда и русское наименование садзов *джихи*.

С. Я. Чанба еще в 1925 г. писал, что в прошлом территорию от Гагры до р. *Хуаста* (Хоста) абхазы именовали *Цьгьыта* или *Цьгьыта Аңсын хьычы*, т. е. «Джгитская (Джигетская) Малая Абхазия» [173, 443]. На наш взгляд, этот факт представляет значительный историко-лингвистический интерес. Прежде всего обращает на себя внимание родство абхазского *Цьгьыта* или *Цьгьыта* с

чиқи, џықи, џыхи (джихи) «сад-зы» и *Џықети* (Джикети) «Страна садзов» грузинских источников. Вместе с тем похоже на то, что абхазское *Џьгыта* // *Џьгыта* является трансформированной формой исходного *Чыгқыта*, букв. «село Чиговых». Как известно, до махаджирства сразу за Гагрой начинались владения многочисленного дворянского рода Чиговых (Чыгаа, Чыг-ба, Чыгу-ба, Ачыгу-ба). Они практически занимали всю обширную горную территорию между Гагрским ущельем и Цандрипшской долиной, являвшейся труднопроходимой преградой между Западной и Восточной Абхазией [94, 140]. Здесь находилось село под названием *Чыгрыпшь*, означавшее «край Чиговых», р. *Чыгрыпшь акэара* «Река Чыгрыпшь», *Чыгрха* (Чыгурха) «Чигуская долина» или «Чигуское плато», *Чыгырхуа* (*Чыгэырхэа*) «гора Чиговых», *Чыгэрныха* или *Чыгэырханыха* «Чигуская святыня» или «Чыгурхская святыня». Здесь же, ближе к морю, располагалось «божество Ага», наводившее страх на мореходов (*Ага икэу*), которому поклонялся род *Чыгу* (Чыгуба) [73, 224]. Этот район являлся и центром Садзской Абхазии, т. е. Джигетии, на что указывает сообщение И. Аверкиева: «Народное собрание, как и народный суд, происходили на местах, считающихся священными, русские называют такие места “присягой”. У джигетов таким местом собрания был небольшой холм, называющийся Чугур-ханаха (*Чыгэы-рха-ныха*. – В. К.), находящийся вблизи р. *Чугур*, в верстах 15-ти от Гагр. Здесь же приносили жертву во имя успеха набега или воровства» [174].

Как видно, в прошлом стратегически важную территорию между Гагрой и р. *Цандрыпшь* плотно занимал могущественный род *Чыговых*, защищавший, по обстоятельствам, вход то в Западную, то в Восточную Абхазию. Абхазы называли ее *Чыгқыта*, со временем трансформированное в *Џьгыта* – «село (район) Чиговых», «поселение Чиговых». В дальнейшем последнее, т. е. *Џьгыта*, стало покрывать всю садзскую Абхазию от Гагр до р. Хоста; *Џьгыта* или *Џьгыта Аңсын хэчы* – «Джигетия Малая Абхазия».

Похуже, что также от родового имени Чыг и грузинское название садзов *Чики, Џьики* (джики) и название страны садзов – *Чикети, Джикети* (Чик-ети. Джик-ети), срав. с *Апхаз-ети* [94, 286, 287].

Абхазами же вся садзская территория именовалась *Сазны* (от *садз* и *н* – локативный суффикс), т. е. «территория, страна садзов».

Современное абхазское обозначение садзов: *асаз*, *асзуа* – «садз», *асазуаа*, *асазқәа* – «садзы» – зафиксировано в речи некоторых информаторов Бзыбской Абхазии и как *а-санз*, *асанзуа* (*асанзуа*, *асанзқәа*, т. е. «садзы»), что, похоже, является более древней формой. Оно состоит из основы *сан* и *зы* – показателя множественного числа; *а-санз*, букв. «сановы», т. е. «садзы».

Форму *санз* сохраняет и родовое имя *Санзаа*, букв. «Сандзовы», а также названия влиятельного садзского общества и большого села *Цандрыишь* (из *Цанзрыишь*) // *Цандрыишь* (из *Цанзрыишь*), и р. *Сандрыиш* (из *Санзрыишь*) в Гагрском районе. Варьирующие названия *Сандрыишь*, *Цандрыишь*, *Цандрыишь* букв. означают «край Сандзевых или Цандзевых, Цандзовых», где *ишьы* – «край». От этнонимической основы *цан* // *йан* происходит и родовое имя известных садзских князей *Цан-ба* // *Цан-ба* (ед. ч.) – *Цанаа*, *Цанаа* («Цановы»). Как известно, садзов (*сан-зы*) ученые отождествляют с *сан-игами* античных авторов, что и подтверждается вышеприведенным этнопатронимным и топонимическим материалом.

В XVIII–XIX вв. народ *аңсуаа*, т. е. абхазы или абаза, делились на следующие крупные территориально-этнографические общества: *асазқәа* (*асанзқәа*), *аҳыңсаа*, *аибга*, *ңсҳәы*, *аиәуаа* (совр. абазины), *абзыңқәа*, *гәымаа*, *дал*, *йабал*, *абжьыуаа*, *самырзаканаа*. К ним причислялись и родственные, как абхазам, так и черкесам, убыхи (*аубыхқәа*), жившие в верховьях р. *Соча* (*Шәача*). Автор начала XIX в. Хан-Гирей считал также абхазами по происхождению и абадзехов. Он пишет: «Племя это именуется абадзех для легчайшего произношения на наречии низовых черкес, хотя понастоящему должно выговариваться *абадзех*: ибо это наименование, по всем вероятностям произошло от того, что первоначальные абадзахи были абхазцы, почему абхазцев называли прочие черкесы абадзех, то есть абхазцы» [175, 199].

Этнонимом *абадза* (ср. абаза) обозначались, наряду с абадзехами и шапсуги, натхокоадцы [175, 229]. Тот же Хан-Гирей прямо указывает местонахождение чисто абхазских анклавов в среде абадзехских, шапсугских и натхокуадских поселений [175, 82]. Согласно источникам XVIII и начала XIX в., народ *аңсуаа* (абхазы, абаза) был довольно многочисленным, по своему количественному составу он ненамного уступал своим ближайшим соседям – грузинам [176, 199; 177, 148; 178, 2].

Абхазы свою этнополитическую территорию издавна именуют *Апсны*. Абхазское *Апсны* и русское *Абхазия* являются сегодня конституционно утвержденными названиями страны.

Апсны впервые фиксируется в V в. в древнеармянском источнике в форме «*Псин*» [84, 76, 78]. Далее, с XVII в., абхазское *Апсны*, как «Абсне», начинает часто фигурировать в различных источниках (см. К-12, К-13, К-16; 176]. Термины *Апсны*, *Абаза*, *Абазия*, *Абхазия*, *Апхазети*, упоминаемые в разное время и разными авторами, являются синонимами. В источниках и на географических картах они встречаются отдельно или вместе. Так, на карте Ламберти (XVII в.) написано: «*Абасса* или *Абхазия*», а на карте Рейнеке (1802 г.) – «Абаза – *Апсне*».

В абхазском языке, наряду с *Апсны*, имеются термины *Апсынду* – «Большая Абхазия», *Апсынъакъаду* – «Великая Абхазия», *Апсынхэчы* – «Малая Абхазия». Второе – *Апсынъакъаду* («Великая Абхазия», букв. «Абхазия широкая, большая») – видимо, восходит к периоду существования Абхазского царства, занимавшего обширную территорию. С XVIII в. термином *Апсынду* – Большая Абхазия – обозначается область от р. Енгури до р. Кубань, а земля, прилегающая к Абхазии со стороны современной Карачаево-Черкесии, именуется *Апсынхэчы* – Малая Абхазия [178].

Страна в целом также именуется *Апсынтэыла*, букв. «страна Апсны», т. е. «страна Абхазия», где *тэыла* – «страна». С помощью основы *тэыла* – «страна» созданы имена других стран: *Урыстэыла* – «Россия», *Қыртэыла* – «Грузия» и т. д.

Собственно *Апсны*, как отмечал еще Услар, состоит из основы самоназвания абхазов «*апс-уа*» и элемента *ны*, выражающего понятие «место», «страна», отсюда *Апсны*, букв. «Страна апсов», т. е. «Страна абхазов», срав.: *Агырны* – «Мегрелия» от *агыр-уа* – «мегрел», *Зыхэ-ны* – «Черкесия» от *а-зыхэ* – «черкес», *Шэа-ны* – «Сванетия» и т. д.

ГЛАВА III

АРЕАЛ РАСПРОСТРАНЕНИЯ АБХАЗО-АДЫГСКИХ ЯЗЫКОВ В ЭПОХУ ДРЕВНЕЙШИХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Как полагают многие авторитетные ученые, область распространения носителей абхазо-адыгских, и в частности абхазского, языков (апсуа-абаза) охватывала в древности не только область Западного Кавказа, но и обширные территории Малой Азии. Еще в 60-е гг. XIX в. известный лингвист Фридрих Мюллер писал: «... кавказские языки – наподобие баскскому языку в Европе – представляют собой остатки какой-то большой группы языков, которая была распространена на Кавказской территории и южнее от нее до появления здесь семитских, арийских и урало-алтайских племен» [179, 21].

В начале XX в. авторитетный исследователь древней истории П. Н. Ушаков также отмечал: «Во времена глубокой древности, за 15–18 вв. до н. э., племена абхазо-черкесской группы занимали все пространство западной половины Кавказа от Черноморской губернии через всю Колхиду сплошной полосой до истоков Евфрата и делились на четыре ветви: народ митанни, колхи, абасги (абхазцы) и убыхи...» [406, 27]. Вслед за П. Н. Ушаковым и профессор А. К. Глейе считал, что язык прото-абхазо-убыхов являлся языком «могущественного народа Митанни» [253, 25–27; 49, 40].

По мнению же востоковеда И. М. Дьяконова, «...на всем протяжении от центральной и западной части Северного Кавказа и Закавказья, через Восточное Причерноморье... в III и, вероятно, во II тыс. до н. э. были распространены племена, либо непосредственно принадлежавшие к северо-западно-кавказской (абхазо-адыгской) языковой группе, либо говорившие на языках, родственных абхазо-адыгским, а в отдельных районах (Закавказья), вероятно, на картвельских» [180, 13].

В монографии С. А. Токарева «Религия в истории народов мира» читаем: «Малая Азия издавна была населена племенами,

говорившими на языках, родственных яфетическим кавказским языкам» [185, 371].

Академик А. Чикобава, в результате анализа различных языковых данных, приходит также к следующему убеждению: «Чем дальше мы смотрим в историческое прошлое картвельских и других кавказских языков, тем ощутимее становится генетическая связь этих языков с языками древней цивилизации Передней Азии и Среднеземноморья (урартским, хурритским, хаттским, эламским, шумерским)» [179, 23].

Конкретно о предках абхазов и абхазском языке Н. Я. Марр писал: «В одних абхазах, нас сейчас интересующих, мы имеем основания, как в драгоценном обломке целого, до нас не дошедшем, видеть часть древнего Передне-Азиатского культурного мира и, следовательно, редкий живой источник. И поэтому вполне естественно, что абхазский язык начинает оказывать помощь в разборе до сих пор не понимавшихся клинописных памятников не только этого мира, но и Армении, Индии и Элама» [17, 32; 12, 147].

Выше говорилось и об устоявшемся мнении ученых в пользу родства народов абхазо-адыгской языковой группы с древнейшим населением Малой Азии – хаттами.

Вместе с тем в плане этногенеза абхазского народа, представляют интерес не только данные хаттского языка (см. выше), которые отдельными отрывками засвидетельствованы в хеттских текстах, но и материалы, обнаруживающиеся и в письменах других народов – создателей древнейших государств Малой Азии и Переднего Востока в III тыс. до н. э. Сравнение этих данных с материалом кавказских и, в частности, абхазо-адыгских языков создает впечатление о некоем древнем кавказском субстрате на этой территории. Не в малой степени об этом свидетельствуют целый ряд языковых параллелей между абхазской группой языков и древними языками этого региона. В предыдущей главе приводились, по мере необходимости, образцы древнейшей абхазской лексики, соответствующие той или иной первобытной эпохе.

Примерно уже в IV тыс. до н. э. предки абхазов и абазин говорили на вполне самостоятельном системном языке. В эпоху освоения металлов в их языке имелась довольно развитая терминология, связанная с животноводством, земледелием, металлургией, гончарным производством, ткаческим ремеслом, мореходством

и др. отраслями человеческой деятельности. Широко был развит абхазский языческий пантеон и мифология (см. выше). Именно в этой части абхазской лексики представлен значительный круг культурно-исторических терминов, прямо или косвенно перекликающихся с аналогичным материалом древнейших письменных языков и прежде всего египетских и шумерских источников. При этом большинство языковых фактов, о которых ниже пойдет речь, похоже, имело место еще до появления древних цивилизаций, т. е. до III тыс. до н. э.

§ 1. Протоабхазы и Египет

Как известно, единое Египетское государство возникло на рубеже IV и III тыс. до н. э. Его основное население говорило на языке, относящемся к семито-хамитской группе. К этому этническому массиву примешивались чужеземные народы: с юга – кушиты (копты) или нубийцы, известные у греков как эфиопы, с запада – ливийцы, отличавшиеся светлой кожей и голубыми глазами, а с северо-востока не раз вторгались в долину Нила азиатские народы [181, 151].

В научном мире не раз высказывалась мысль о возможных древних связях кавказских языков с семитскими. Более того, П. К. Услар, Н. Я. Марр, А. Н. Грен, Д. И. Гулиа в одно время пытались установить общность этих языков. К этому их подталкивало, главным образом, мнение Геродота о том, что колхи, возможно, родом из Египта. Д. И. Гулиа же свою теорию египетского происхождения абхазов обосновывал как сообщением Геродота, так и созвучием самоназвания абхазов *аҭса* // *абас* // *аҭсар* совр. *аҭсуа* и названия их страны *Аҭсны* с Египетской *Абассией* (Абиссинией) т. е. страной абасов. Он приводит довольно интересную абхазскую легенду о выходе абхазов из Египта, опубликованную еще в 1919 г. [18, 95, 103]. Возможно, что и сам Геродот, говоря об египетском происхождении колхов, опирался на то же созвучие указанных этнонимов и был знаком с чем-то вроде вышеназванной легенды.

Д. И. Гулиа в своей книге «История Абхазии» значительное место отводит иллюстрации абхазских языковых и фольклорных данных, перекликающихся с египетскими. На основе этих срав-

нений и других материалов им же делается вывод: «...абхазы и их предки гениохи (иниохи) суть колхи, вышедшие из Египта и, главным образом, из Абиссинии» [18, 12, 110]. По его мнению, колхи могли быть одними из тех, которые были переселены правителями Египта из-за своего мятежного характера на окраину государства, сопредельного с Закавказьем [18, 118].

Однако многое из языкового материала, приводимого Д. И. Гулиа, считается сомнительным, и сама теория египетского происхождения абхазов не была воспринята научным миром. Вместе с тем, в действительности, есть немало разительного материала, похоже указывающего на древние контакты предков абхазов и абазин с Египтом. И это притом, что до сих пор нет специальных лингвистических исследований, расширяющих наши знания в этой области.

Как отмечал еще Д. И. Гулиа, абхазы именуют Египет – *Мсыр*, а адыги *Миссир*. От названия *Мсыр* – «Египет» происходит абхазское *амсыркъаад* – «папирус», букв. «египетская бумага», что является свидетельством давнего знакомства предков абхазов и абазин с древней страной Египет. Вместе с тем на существование более глубоких связей, похоже, указывает прежде всего терминология, связанная с древнейшими религиозными воззрениями, именами египетских правителей, а также и целый ряд лексических совпадений.

По утверждению ученых-египтологов среди богов египетского пантеона наиболее древним является бог солнца *Хору Аха* (от чего последующие формы теонима *Хор // Гор*), он же покровитель царской власти, изображавшийся в виде сокола, символизировавшего высоту [182, 38; 184, 202]. Этому богу в начале поклонялись только в Иераконполе и в Эдфу, а затем вышедшие из этой области цари – первые объединители Египта (конец IV тыс. до н. э.) превратили свое племенное божество в общеегипетского бога солнца [185, 334]. Египетское имя бога солнца, передаваемое (приблизительно) как *Хору Аха* (Хор, Гор), похоже, имеет некоторое объяснение на материале абхазо-абазинских (абхазского, абазинского и садзского) языков: так, например, в абхазском и абазинском языках *а-хы* означает «голова», «начало», «глава», отсюда форма *о-хары* («головная часть», «главенство») – *ахарыуаа* («главенствующие»). Вместе с тем в этих же языках имеется и корнеслово *хы*

в значении «высокий», отсюда *а-ҳара* – «высота» и *а-ҳ* – «князь», «царь», *а-ҳра* – «княжество», «царство». Если исходить из этих фактов, египетское *Хору Аха* можно было бы перевести как «голова главных», «начало главенствующих» или из *ҳары аха* – «высшее начало», «начало царей», «начало царства».

Судя по именам царей (Ахтой I Хети; Ахтой II Хети и т. д.), в конце III тыс. до н. э. в Египте появляется новая царская династия, похоже, принадлежащая хаттам. Вслед за этим, в период XI династии, египтяне начинают прибавлять к именам царей слово *хатеп* или *хатти*, переводимое, как представляется, не очень подходяще – «довольный» [201, 504]. Например, в абхазском и абазинском языках *хатың* означает «наместник», «заместитель», «наследник», и если исходить из этого, то Ментухатеп букв. будет означать «наместник (наследник) Ментуа», Амонхатеп – букв. «наместник Амона», т. е. «наместник бога солнца Амона» и т. д.

В титулатуре египетских царей появляются и такие элементы, как *ах* (h), срав. абхазо-абаз. *аҳ* («царь», «князь») – египет. Аххатеп, на абхазском – «наместник царя», Ях-мос или Ах-маси – «царь Маси»; абхаз. *а-хи* (*ахы*) – «золото», например, Ахетатон, букв. «золотой Татон», т. е. «золотое солнце» (переведено же как «небосклон солнца»), срав. также египетское имя «казнохранителя бога» – Хи-р-хуф; имя царицы «Хи-шапсауы (Хатшепсут) может быть из Хи-шапцы – «золотая ступня», «золото ступня», срав. абхаз. *Анцәа ихъышьаргәыйҟа*, букв. «золотая ступня Бога», *Ахыы Зосҳан* «золотой Зосхан» – бог оспы.

В абхазском и абазинском языках солнце обозначается словом – *а-мра*, в абаз. *мара*, что существенным образом отличается от названий солнца в других кавказских языках, в том числе в близкородственном адыгском: в адыг. *дыгъэ* // *тыгъэ*, убых. *д(ы)гъа*, *ндгъэ* – «солнце» [132, 153]; в груз. *дґе*, мегр. *дґа*, чан. *набґа*, сван. *ла-беґ* – «день», что первоначально означало «солнце» [186, 3]. На основе звукосоответствия *гъ:p* все эти формы сближаются с вариантами названия солнца в восточно-кавказских языках, и получается, что в основе всех кавказских названий солнца лежат соответствующие друг с другом морфемы *ра* и *гъа*. В абхазском *а-мра* и абаз. *мара* согласный *-м-* считается окаменелым экспонентом грамматического класса, восходящим (фонетически) к *-б-* [132, 153]. Таким образом, в абхазо-абазинском названии солнца

выделяется значимая основа *pa*, что, собственно, в абхазском и абазинском, а также в египетском языках означало «солнце».

В связи с египетско-абхазо-абазинским *pa* – «солнце» и культом солнца в Египте во II тыс. до н. э., представляет значительный интерес абхазо-абазинский древний и основной рефрен «*Уа рада, сиуа рада уа хахаира*», который первоначально мог звучать как «*Уа Ра ду, есиуа Ра ду, уа хаха-ира*», что переводится «Уа! (обращение) Великий Ра, всегда рождающийся Великий Ра, Уа! Царь царем рожденный». Бытует также и вариант «*Уа рарира уа радоу*» – из «*Уа! Ра-ри-Ра, уа! Ра ду*»: дословно «Уа! Рожденный от Ра (т. е. солнца). Уа! Великий Ра», где Ра – «бог солнца», *ри* – «рожденный», *ари-ра* – «рождать» и *ду* – «великий».

Известен также некий служитель Храма солнца в Египте, именовавший себя *Аман ана* [201, 509], т. е. «сын солнца (Аман)», где *па* тождественно абхазо-абазинскому *па* – «сын».

Обращает на себя внимание и название египетского солнечного города Гелиуполя – *Ане* // *Ана* [201, 498, 508] или *Иуну*, *Уну* [214, 234 250], где располагался «дом солнца»; *Ане* или *Иуну*, *Уну* (условно озвучены), срав. адыг. *уны*, абхаз. *оны* – «дом».

В абхазском языке используется окаменелое непонятное выражение *нын* // *ныын* или *ныын-ныын* при недоуменном вопрошании: *ныын-нын! избо закәузеи* – «ныын-ныын! что я вижу?»; *ныын! ииҳәо закәузеи?* – «ныын! что он говорит?» и т. д. Похоже, что это недоуменное вопрошание адресовано какому-то забытому древнему богу Нын или Ныын, напоминающему имя древнеегипетского бога *Нуна* – породителя бога солнца *Ра* [187, 172].

С известным именем быка бога солнца Ра – *Апис* [185, 336] можно сопоставить абхазо-абазинскую форму *абц* (*абцәы*), букв. «отец бык», от *аб* // *ап* – «отец», «самец» и общекавказского *ц(ы)*, совр. абхаз. *а-цә* – «бык». Как известно, у египтян «солнце» и «лодка» назывались одинаково – *ра*-, кажется, и в абхазском имеем то же самое – и здесь название солнца *амра* // *а-мара* в усеченной форме *амар* означает «лодка» – «челнок ткацкого станка» (см. ниже). Похоже, что и название египетского храма *Афы* [201, 444] соответствует абхазо-абазинскому *Афы* – «бог грома и молнии».

Вряд ли является случайностью и близость, как по форме, так и по содержанию, имени древнеегипетского бога *Анубис* – покровитель умерших [184, 161, 201] и абхазского бога *Аныңс* // *Аныбыс*

(*Аныџс ныха* – «образ бога Аныпс») – покровителя мертвых: абхаз. *Аныџс* этимологически прозрачно и состоит из *Ан* – «бог» (мать, породитель) и *џс* – «мертвый», «мертвец» [188, 42]. Похоже, что этот образ языческого бога в период утверждения христианства был идентифицирован абхазами с образом успения богоматери.

Древние египтяне представляли небо в виде огромной коровы, рождающей золотого теленка – солнце [187, 88]. В связи с этим обращает на себя внимание и абхазо-абазинское название неба *ажэџан*, которое, возможно, из *ажэ-ан*, букв. «корова-мать» или «корова-небо», «корова-бог», где *ажэ* – «корова» и *ан* – «мать», «бог», т. е. «породитель». Здесь же уместно вспомнить, что у абхазов созвездие Медведицы именуется *жэџараа*, букв. «ведущие корову».

Очевидна также близость египетского *нч* (египет. написание) – *анча* (условно) «бог» с абхазо-абазинским *А-нџаа* – «Верховный бог»; египет. *нх* (*nh*) – *анха* (условно) абхаз.-абаз. *анха-ра* – «жизнь», «жить», где *ра* – масдарный аффикс, придающий основе отвлеченное абстрактное значение; египет. *хт* или *хута* (условно) – «надел», «выделяемый участок» [201, 475], срав. абхаз. *хэџа* – «доля», *ихэџаа* – «его доля», «ему наделенный». У египтян слово *хам* означало «слуга» (хама «служанка»), в этой связи вызывает любопытство абхазо-абаз. полуокаменевшее выражение *хамыжэ уедыр!*, известное и как название одной из абхазских сказок. В разговорной речи оно используется при необходимости осадить (зарвавшегося, зазнавшегося, потерявшего чувство меры и т. д.) собеседника или партнера. Второе составляющее это выражение – *уедыр* – букв. означает «знай себя», «осознай себя»: первое же *хамыжэ* осложнено абхазским суффиксом пренебрежительности *жэ* – «старый», «негодный», и в целом слово *хамыжэ* букв. означает «негодный хам». Если же исходить из египетского значения *хам* «слуга», то абхаз.-абаз. выражение *хамыжэ уедыр!* букв. будет означать «осознай себя, негодный раб!» При этом следует отметить, что абхаз. *хамыжэ* переводится и как «старая шуба».

Напрашивается также сближение общего названия персонажей абхазо-адыгского эпоса *Нарт* с египет. *ntr* – «бог» при др.-инд. *netr*, мильийском *patri* (натри) – «предводитель», «вождь» [234, 9, 17].

Представляет определенный интерес также и то, что в египетском иероглифическом письме изображением совы обозначалась

морфема *ты*, что в абхазском языке значит «сова». Вместе с тем вряд ли возможно отрицать общность древне-египетского названия меди – *абиа* и абхаз. *абѡа* – «медь». При этом следует учесть, что в самом Египте месторождений медной руды практически не было [189, 146]. Очевидна и близость названия особого вида египетской полбы «беша» с древнеабхазским *а-џи*, ныне выступающей как название кукурузы (см. выше).

К вышеприведенным материалам можно приобщить и приводимые Д. И. Гулиа такие сопоставления, как:

абис. *сыт*, абхаз. *и-сыт* – «дай»;

абис. *теньиш*, абхаз. *анышь* – «шлюпка»;

абис. *адауауа*, абхаз. *адауара*, *адауартѡа* – «судилище»;

абис. *ахуай*, абхаз. *ахуѡы* – «холоп», «прислужник»;

абис. *зара*, абхаз. *азаара* – «состояние бешенства»;

абис. (*гемиро*) *кеѡ* – «коза», абхаз. *кеѡ* – «зов для коз» и др. [18, 124].

Можно было бы приводить целый ряд и других любопытных материалов, однако определяющее слово здесь принадлежит прежде всего специалистам-египтологам.

§ 2. Предки абхазо-абазин и народы древнего Двуречья

Двуречье или Месопотамия – одна из древнейших колыбелей человеческой цивилизации. Считается, что именно здесь, в Шумере, в конце IV тыс. до н. э. человеческое общество едва ли не впервые вышло из стадии первобытности и вступило в эпоху древности; отсюда начинается подлинная история человечества [182, 112].

В IV тыс. до н. э. основными жителями этого региона уже являлись шумеры, родство языка которых с другими языками до сих пор не выяснено. Вместе с тем установлено, что северную часть Месопотамии (Двуречья, в узком смысле) в IV–III тыс. до н. э. населяли племена, говорившие на языках, близких к отдельным современным кавказским языкам и к хурритскому [189, 192].

По мнению ученых, шумеры были выходцами из какой-то горной страны, чем они объясняют обоготворение последними гор, остатки которого сохранились в некоторых их верованиях [191, 100].

С III тыс. до н. э. шумеры перемешиваются с пришлыми семитскими племенами аккадцев. Они же пришли в Двуречье из Страны запада – *Марту* и потому получили название *аморитов* [191, 67]. На наш взгляд, довольно соблазнительно видеть в имени *Марту* абхазо-абазинскую основу *мары* – «солнце», локативный суффикс *т* (*т*) – «место» и этнонимобразующее – *у* (*уа*) – «люди»: абаз. *марты*, абхаз. *мраты* – «место (для) солнца», «вместилище солнца», т. е. «запад», срав. современное абхаз. *мра-та-шгара* – «запад», отсюда *Марту*, букв. «люди запада».

Одним из наиболее значительных достижений шумерского народа было изобретение письменности, появившейся в середине IV тысячелетия до н. э. Похоже, именно в древнейших шумерских письменных памятниках более всего улавливаются элементы абхазо-абазинских, хурритских и других родственных языков, а также отдельные лексические параллели.

Прежде всего это проявляется в именах древних богов, религиозных понятиях и в части земледельческой лексики. По этому поводу абазинский литератор В. З. Копсергенова пишет: «Вчитываясь в каждую строчку внимательно, в шумерских литературных памятниках, я нахожу абазинские и абхазские слова и образные выражения, различные названия, и имена богов и царей» [407, 23]. В действительности, на наш взгляд, во многом это так. Например: у шумеров бог воды первоначально именовался *Ансу*, что совпадает с абхазо-адыгским словом *псы* – «вода», означающим также у абхазов и абазин «душа» и «покойник». В воде шумерийцы видели первородную стихию, в которой коренилось начало жизни [191, 100]. В шумерско-аккадской мифологии *Ансу* встречается и в озвонченной форме *Абзу*. Согласно энциклопедическим словарям «...*Абзу* (шумерское), *Ансу* (аккадское), в шумеро-аккадской мифологии – мировой океан подземных пресных вод, окружающий землю.... Владыка *Абзу* – бог мудрости *Эа* // *Энки*, его храмы в городе Эреду и Уре носили название *Абзу*. Одновременно *Абзу* считалось потаенным, где-то в глубинах спрятанным местом, куда боги не могут заглянуть» [408]. В этой связи следует отметить, что одни ученые *Ансу* и *Абзу* рассматривают как варианты одного слова и переводят в значении «бездна». Другие в форме *Абзу* видят самостоятельное название, обозначающее землю морского дна, из чего (из глины *Абзу*) боги вылепили человека. Согласно той же

мифологии на дне пресноводного океана в «Абзу» хранятся божественные законы жизни. Исходя из этих фактов, уже упомянутый автор В. Копсергенова, на наш взгляд, правомерно *Абзу* сближает с абхазо-абазинским *абзу* – «живой», *абза* – «живое», а *Ансу* переводит в значении «душа». По ее мнению, «первично *Ансу* как Дух, Душа, вторично – *ансу* (“*nse*”) как вода» [407, 9, 14, 106].

В одном из вавилонских мифов так рассказывается о начале мира: «Когда вверху небеса еще не были названы, а внизу суша (?) имени не имела, были только *Ансу* изначальный, отец их Мумму и Тиамат, что родила всех богов...» [185, 365]. Здесь *Ансу* – мужское олицетворение подземной бездны и подземных вод; Тиамат – женское олицетворение той же бездны или первобытного океана, соленой воды, изображавшееся в виде четвероного чудовища с крыльями. Мумму – подчиненный им дух [185, 365]. В связи с этим нельзя не вспомнить абхазо-абазинское слово *мым* – «чудовище», «страшила». Обращает также на себя внимание и следующий факт: сына водяного божества *Ансу* звали *Тамм-уз* (или *Думу-зи*) или же *Думу-зи* (Тамму-зи) – *Ансу*, что значило «истинный сын Апсу» Существовал миф о его гибели, нисхождении в подземный мир и возвращении на землю [185, 361]. Похоже, что основа этого имени *Там* (*Тамм-уз*) также имеется в абхазо-абазинском *тым-и-тыша* – «преисподняя», «глубочайшая пропасть», букв. «пропасть (его) *Тыма*», где *-и-тыша* – «его пропасть». По другим древним шумерским преданиям, водным божеством являлся *Эа* // *Эйа*, обитавший в *Ансу(ва)*, т. е. подземном пресноводном океане [183, 105]. Как уже было сказано, на абхазо-адыгском *ҟсы* – «вода», «река», а имя же *Эйа* напоминает абхазо-абазинскую глагольную основу *айа*, отсюда *аиа-ра* – «ложиться», «лежать». Это наводит на мысль о том, что водное божество первоначально могло именоваться *Ансеиа*, *Ансиа*, означавшее «лежащий в воде», «находящийся в воде», и только позже второй компонент этого имени *айа* // *еиа* – «лежащий» стал выступать в качестве имени бога воды. Похоже, к последнему восходит и абхазское имя водяного бога *Аум* // *Ҩаум* [24, 202].

Представляет также интерес и то, что, согласно шумерской мифологии, уже бог воды *Эа* (*Эйа*) создал первого человека по имени *Адапа*. Учитывая это обстоятельство, в имени *Адапа* можно усмотреть форму *Адзапа* (*Азапа*), что на абхазском означает «сын

воды», «водный отпрыск» – из *азы* (адзы) – «вода» и *на* (*на*) – «сын», «отпрыск».

В поэме о сотворении мира читаем:

«...Когда боги не сияли во славе,
Имен не давали, не вершили судеб,
Тогда среди хаоса возникли боги,
Лахму и Лахаму нарекли имена им,
И прежде, чем выросли эти боги,
Аншар и Кишар великие созданы были...»

Это означает, что бог Апсу создает вершителей судеб: *Лахму* (а по Токореvu – *Ламму* [185, 365]) и *Лахаму*, которые предрекали судьбы всему, что создается и воссоздается во Вселенной. В помощь себе Апсу, пока подрастают Лахму и Лахаму, создает еще себе подобных богов – *Аншар* и *Кишар*.

На наш взгляд, заслуживает внимание попытка В. Копсергеновой объяснения значения названных имен богов на основе абхазо-абазинских языков: *Лахма* и *Лахама* – из абхазо-абазинского *лахьы* – «судьба» (совр. абаз. *лахьы*, абхаз. *алахьы-нџа* – «судьба», *лахьы-цэгьа* – «несчастный»). Имя бога Аншар она переводит с абхазо-абазинского в значении «создатель», хотя, на наш взгляд, был бы более правдоподобным перевод «божье создание», «созданный богом *Ан*», где *Ан* – «бог» и *шара* – «созданный». Имя же *Кишар* В. Копсергенова возводит к абазинскому *Хьшара* – «вос-создатель» [407, 10, 11].

По древней шумеро-аккадской мифологии в Апсу рождается прекрасное, божественное дитя, «ребенок-солнце» *Мардук*, превосходящий всех созданных до него богов. Эпитет «ребенок-солнце» [410; 407, 13] дает основание видеть в имени *Мар-дук* основу *мар(ы)*, означающую у абхазов и абазин «солнце» [407, 13, 14].

У шумеров бог неба именовался *Ан* (у аккад. Ану). Этот же бог (богиня) является главным властелином мира [191, 95]. У абхазов *ан* «мать» – «бог-породитель (творец)». Отсюда абхазское слово *аныҳәара* – «моление», «молиться» (*аныҳәа* – «моление», «праздник»), означающее «просить *ан* (мать)», т. е. «просить (бога) *Ан*», где *ан* – «бог» и (*а*)-*ҳәара* – «просить». С той же основой *ан* – «мать», «породитель» (вернее, «породительница») увязывается и имя Верховного бога абхазов и абазин – *Анцәа*, букв. означающее «породители», т. е. «боги». [192, 23]. Небо же именуется у абха-

зов *ажэан* (*ажшан*), переводимое соответственно воображению древних египтян букв. как «корова-небо» или «корова-бог» (см. выше). От основы *ан* – «мать» произведен также термин *анан* // *нан* – «бабушка», букв. «мать матери», и далее *анан ду* // *нанду* – «прабабушка», букв. «большая бабушка» (см. выше).

Точно так же, как от *ан* – «мать» происходит понятие «породитель», «Бог (творец)», так и от *анан* // *нан* – «бабушка» идет уже понятие «прародитель», «мать богини». Отсюда у абхазов и имя Великой богини – матери богов, богини земли и плодородия *Анана* // *Анан* или *Ананду* – «Великая Анан», *Анана Хибла*, букв. «Анана златоокая», увязанное уже в христианскую эпоху с Богоматерью. [192, 48, 50]. Основа данного теонима сохраняет наименование моления (праздника) – *ананхэа* или *нанхэа*, совершаемого абхазами в честь названной богини *нанхэа*, т. е. *Анан ныхэа* или *Нан ныхэа*, букв. «моление (богине) Анан // Нан».

Абхазский теоним *Анана* // *Анан*, или *Нана* как по форме, так и по содержанию практически идентичен с шумерским *Анана* (аккад. форма *Инанна*) – богиня земного плодородия и любви [181, 138; 184, 203]. Он же перекликается с шумерским именем лунного божества *Нанна* [184, 118, 204]. Теоним *Анана* выступает у абхазов и в значении «бог», «боги»: *Анана Гунда* – «богиня пчеловодства», *Анана шацэа*, букв. «Ананы творцы», т. е. «боги-творцы» [152, 70].

Богиня *Анана* функционально совпадает с более поздней античной *Кибелой* – Великой матерью богов. Ее имя напоминает использовавшийся абхазами по отношению к Великой богине *Анана* эпитет (определение) *Хибла* – «златоокая», из *хи* (*хьы*) – «золото» и *бла* – «око», «глаз». Если исходить из соответствия абхазо-хуррит. *Ху-баба* с формами *Ку-баба*, *Ку-вава* – «лохматое страшилище», «леший» (об этом см. ниже), то вполне допустимо и тождество абхазо-абаз. *Хи-бла* – «златоокая» с античной *Кибла* или *Кибела* – Великой матерью богов [301, 257]. В этой связи представляет интерес малоазийская легенда о Кибеле. Согласно этой легенде, у Кибелы был юный партнер или супруг по имени Аттис. Последний, чтобы избежать любовных домогательств со стороны Кибелы (богини-матери), оскотил себя и умер под сосной. С тех пор сосна считается священным деревом Аттиса [185, 316–317]. Вероятно, абхазское название

сосны – *а-пса* из *псы* – «мертвец», увязано с органическим мифом о Кибеле (абхаз. Анана Хибла или Хибла – «златоокая») и Аттисе, умершем под сосной. Отсюда и традиция сажать сосну около кладбища.

В представлении древних шумеров богиня *Ананна* или *Инанна* являлась дочерью верховного бога *Ан* (аккад. Ану). Считается, что само божество *Ананна* // *Инанна* функционально то же самое, что и аккад. (семитское) *Иштар* – богиня земли и плодородия, скотоводства и земледелия [193, 23]. Ряд ученых именно с аккадским семидольным богом *Иштар* сопоставляют имя аналогичного абхазского божества *Аиҭар* [152, 27; 24, 142], воспринимаемое как бог скотоводства и размножения. С последним абхазы никак не путают богиню земного плодородия и обновления природы *Анана* // *Анан*. В абхазском *Аиҭар* представлены следующие семь долей (божеств): *Ц̣ьаб-р-ан* – «покровитель» (бог) коз», *Ж̣эаб-р-ан* – «божество коров», *А̣еышьашь-ан* – «покровитель лошадей», *А̣лышьк̣ьинтыр* – «покровитель собак», *Амза* – «луна», *Амра* – «солнце» и *Анаҭа-анага* – «покровитель урожая».

Божества – абхаз. *Аиҭар* и шумеро-аккад. *Иштар* – роднит не только их семидольность и созвучие имен, но, похоже, и общее происхождение. Выше названы все семь долей (богов) абхазского *Аиҭар*. О том, что под названием *Аиҭар* кроется не одно божество, говорит и сама многократно повторяющаяся абхазская формула молитвенного текста: *Аиҭар, б̣ж̣ьеиҭар, аб̣ж̣ьныха, аб̣ж̣ьц̣ьымзак зызыкдыр̣ьо*, букв. «Аитар семь Аитар, семи святынь, которому ставятся семь свечей» [152, 27]. Это, в свою очередь, указывает на этимологию самого имени *Аиҭар*, похоже, имеющего первозданную абхазскую форму (но не *Аидыра*, как это ранее представлялось [151, 117]). *Аиҭар* возможно перевести как «совместие», «сожительство» из *аи* // *еи* – преверб совместности, *та* – основа глагола *а-та-ра* – «находится у кого-либо», «сожительствова́ть» (ср. *дыс-тоуп, еиҭоуп* и т. д.) и *р* – суффикс множественности (об ином мнении см. [194, 154]). Что же касается мегр. *Антар*, то оно явно заимствовано из абхазского с закономерным наращением «н», срав. абхаз. *хага* – мегр. *ханга* («сумасшедший»), абхаз. *ац̣ха* – мегр. *нац̣ха* («мост»), абхаз. *Егры* – мегр. *Енгури* (р. Енгур) и т. д.

Вместе с тем, как уже было сказано, шумеро-аккад. имя *Иштар* (первоначально аккад. Ештар – «богиня») может быть ближайшим вариантом абхаз. *Аи́тар*. Иштар из *Еишья́тар* осмысливается как «сопутствующие», «спутники» – из *еишья́тоу* – «сопутствующие друг-другу», «спутники», где *p* – тот же суффикс множественности. Так или иначе, очевидно, что *Аи́тар* и *Иштар* первоначально являлись просто словами, обозначавшими содружество, совместие богов, и только позже они стали восприниматься как имя семидольного бога.

Представляет значительный интерес и следующий факт. У Д. Г. Редера в «Мифы и легенды древнего Двуречья» читаем: «Семь величайших богов и богиня, подающие советы, собрались в зале творения, в доме Дуку, и слепили из глины божественного юношу Лахара, кроткого пастыря, и его сестру, прилежную и заботливую богиню зерна Ашнан» [195, 31]. Прежде всего обращает на себя внимание теоним *Ашнан*, переводимый с абхазского как «богиня проса» или «богиня хлебных злаков»: *ашы* – «просо», «хлебные злаки» (отсюда *ашы-ла* – «мука») и *нан* – «богиня-покровительница» (см. выше). Этнограф В. Л. Бигуаа *Ашнан* переводит с абхазского как «мать пшена» [595, 178], однако пшено абхазы именуют *ахьыз*. На шумерском, как и у абхазов, *Ашнан* этимологизируется из шумерского *ше* (срав. абхаз. *шы* – «просо») «зерно», «ячмень» и *нан* – «богиня»; *Ашнан*, т. е., «богиня зерна», «богиня хлебных злаков» [189, 220, см. таблицу]. Согласно вышеприведенному тексту, семь величайших богов и богинь из глины вылепили, наряду с *Ашнан*, и божественного юношу – пастыря *Лахара* (или Лахар), далее он же – бог, создатель овец и коз, он же – брат богини *Ашнан*, опустившей первые зерна на землю [181, 115, 138]. Представляется, что и это имя божественного юноши сближается с абхазским словом *лаҳара* («желанный», «привлекательный») – *аилаҳара* («пожелать», «сильно захотеть что-л.», «влюбляться») [42, 29]. Что же касается названия дома «дуку», где собираются великие творцы, то и здесь, похоже, просматривается абхазское *адукэа* (*адукэа*) – «великие»: *Анцэа дукэа* – «великие боги», *ауаа дукэа* – «великие люди», «элита», *адукэа рышны* – «дом великих», т. е. «дом элиты» и т. д.

Невозможно не заметить и такие увязывающиеся факты, как: абхазское *Адад* // *Адыд* – «гром» и ашшуро-вавилонское *Адад* –

«бог грома, дождя и бури» [184, 201; 185, 369]; бог дождя *Ишкур*, отождествляемый с Ададом, и абаз. *Ишкур* [409, 100; 407, 33]; шумеро-аккадское имя чудовища-хранителя кедрового леса *Хувава*, *Хумбаба*, *Кубаба* или хуррит. *Хубаба* [181, 141; 189, 509] и абхаз. *Хубаба* (дет. Хумбаба) – «лохматое страшилище», где абхазская форма Ху-баба совершенно прозрачна, состоит из абхаз. *аху* – «волосы», «волосяной покров» и *баба* – «обильно лохматое»; *Ашаку* (в Двуречье) – злой дух, вызывающий головную боль, поражающий голову и абхаз. слово *аша́кэа* («порченный», «тухлый») – *акэ-та́гышакэа* («порченное (тухлое) яйцо»), *ахы́шакэа* (*Ахы́шакэара*) – «больная, отупевшая голова»; *утуку* – злой дух, вызывающий болезнь горла – абхаз. *аты́кэ* – «обух вместе с горловиной для ручки»; *Набу* – бог письма и мудрости – абхаз. *напы* – «рука», *ананы́нџара* – «подписываться».

По мнению исследователя вопросов традиционной религии и бытовой культуры абхазов В. Л. Бигуаа, «на абхазском языке объясняются почти и все другие теонимы, из которых наибольшей прозрачностью отличаются вышеназванные уже *Ансу*, *Аншар*, *Кишар* и *Ашишур*. *Ансу* олицетворяет мировой океан, и по-абхазски *аңсы* – вода. Таково значение этого термина, кстати, и в родственном адыгском языке. По своему звучанию “кишар” походит на абх. “*кашыра*” – всемирная светлость, изобилие, достаток. “*Аншар*” как будто состоит из двух абхазских слов: *ан* – *небо* + *ашара* – *рассвет*. Если *Ашишур* – бог солнца (ассир.), то абхаз. *ашара* – *рассвет*, *ашира* – *кипение*, *ашы* – *кипяток*, *горячий*. Сюда может относиться и другое имя аккадского бога солнца – Шамаш, звучащее так же по-абхазски: *ша* – *свет*, *горячий* + *маш* – *день*. Вряд ли является случайностью также наличие одного корня – *т* – в абхазском имени (atəw^o) чудовища, осуществляющего затмение солнца, и в имени шумерского бога солнца Уту» [595, 180; 598, 88].

Обращает также на себя внимание окончание *ду* в именах *Энки-ду* (*энки* – у шумеров – *слуга*, а у аккад. герой, друг Гильгамеша) и *Эре-ду* (название одного из древнейших шумерских городов, считавшегося местом царственности), *ду* в абхазском и абазинском языках означает «большой», «великий».

Можно говорить и о таких более или менее очевидных параллелях, как:

Шумерский	Абхазский
<i>ан-наку</i> – «олово» (по предположению древних шумеров, небосвод был сделан из олова) [187, 210]	<i>анакуа (анаḱаа)</i> – «густой туман»
<i>ара</i> – «ходить» [189, 20]	<i>аара</i> – «идти», «приходить»
<i>бару</i> – «гадатель» [185, 68]	<i>а-бара</i> – «видеть», «предвидеть», срав. <i>а-ḡири</i> – «гадать», букв. «смотреть»
<i>биа</i> – «железо» (у египтян «медь»)	<i>а-бюа (а-бḡа)</i> – «медь»
<i>дар</i> – «заем»	<i>а-ṭара</i> – «давать»
<i>сим</i> // <i>сум</i> // <i>шум</i> – «лук»	<i>джимишбы (а-мḡым-шы)</i> – «лук»
<i>уру</i> – «пахать»	<i>ура</i> – «возделывать» и сущ. <i>аура</i> – «неубранный урожай»
<i>хека</i> – «властелины (главы) сел и дворов» [189, 165]	<i>ахḱаа</i> – «главы», «управляющие» (срав. также <i>ахḱаа</i> // <i>ахḱаа</i> – «цари», «властелины»)
<i>ше</i> – «ячмень», «зерно»	<i>а-шы</i> – «просо», «хлебный злак»
<i>эммер</i> – «продуктивная пшеница двузернянка»	<i>амара</i> – «продуктивный», «дающий наибольший выход»

Еще Н. Я. Марр сопоставлял абхазо-абаз. *а-ла* – «собака» с шумер. *lu* – «лев» [197, 127] и с рус. *лаять* (← *lau-a-te*) [198, 269].

Напоминает древнешумерский город *Умма* окаменелое, но часто употребляемое в абхазском языке слово *аума* // *оума*, в смысле «нечто ужасное», «великое несчастье», «что-либо огромное», «весьма», «чудо», «чудовищный» и т. д.: *аума ихыт* – «случилось с ним великое несчастье», *амала идууп* – «весьма огромный», *оума аамṭа* – большое (долгое) время, *омажэ* – «великан» и т. д. Возможно, абхаз. *а-ума* является далеким отзвуком великого разгрома древнего сильного города-государства Уммы в середине III тыс. до н. э. соседним государством Лагаш. Это событие было увеко-

вечено в так называемой «Стеле коршунов», в которой изображен ужасный для Уммы исход битвы [189, 204; 184, 135].

Возможно, что и слово *анкба*, употребляемое абхазами в значении «в прошлом», «вначале», как-то увязывается с шумеро-аккадским *Энки* он же *Эйа* – бог-изобретатель, автор древних «технических» достижений; бог пресных вод, владыка мудрости и т. д. [184, 23, 207].

Можно предположить, что в основе названия древнейшего города-государства Двуречья – Ашшур лежит этноним *Ашу* или «ашшу» – ашуец, а во множественном числе *Ашур*, *ашишур* – «ашуйцы», как, например, *апсу* // *аңсуа* («абхаз») – *аңсар* («абхазы»). Первое, т. е. *ашу* (ашшу), сопоставимо с абхаз. *аиуа* (лабиал. *аиэуа*) – «абазин», где *у*, *уа* – «человек», «люди». Возможно, не случайно и созвучие самоназвания абхазов *апсуа* с именем шумерского города *Апсу* (*ва*), упоминаемого в песне об Улликумми [199, 105]. Все это вполне согласуется с мнением ученых о том, что древнейшим населением указанного региона могли быть хурриты, родственные народам Кавказа и Закавказья [189, 311]. Уже в середине III тыс. до н. э. здесь утвердились выходцы из Шумера и семиты из Аккада, создавшие в дальнейшем Ассирийское государство с центром в Ашшуре [182, 101].

С осторожностью также можно допустить связь основы имени известного (могучего) абхазского княжества рода Мар-шьян – *Мар* (см. ниже) с именем древнешумерского небольшого города-государства *Мари*. На это как будто указывает прежде всего наименование старого царского дома *Мари-Зимрилим*, созвучное с именем абазинского ответвления рода Маров (Маршанов) – Зоурым, ныне пишущихся *Зоурумовы*.

В плане вышеприведенных сближений обращает на себя внимание и название города-государства Урук, покровителем которого являлась богиня *Ананна* (*Инанна*). Может быть не случайность – созвучие древнего имени *Урук* с названием реки и местности *Урук*, *Урух* на Северном Кавказе, где в прошлом обитали абазины (абхаз. *аиэуа*). К подобному роду совпадений можно отнести и название другого города-государства древнего Двуречья *Куту* с древней формой наименования города Кутаис – *Кута*, объяснимое из абхаз. *кыта* – «село», или же имя царя страны Киша *Акка*, боровшегося в начале III тыс. до н. э. против царя Урука *Гильгамеша*

(срав. абхаз. *агьыргьылашь* – «великан») с именем царя Колхиды *Акки* и древнеабхазским названием столицы Абхазии – *Акуа*.

Наконец, есть основание думать, что иноязычная форма наименования одного из древнеабхазских племен – *апсил*, в основе которого лежит древнее самоназвание абхазов *апсу* (совр. *аңсуа*), получила свое оформление в шумерской среде. На это, похоже, указывает ее окончание -л, сопоставимое с шумерским *лу* – «человек», «люди» [234, 17]; *апсил* из *апсулу* – «апсилы», что соответствует древнему самоназванию абхазов *апс-у*, совр. *апс-уа*, где *у//уа* – «человек», «люди».

Из всего вышесказанного следует предположение о том, что древне-хурритские, в том числе абхазо-адыгские и, в частности, абхазо-абазинские племена, могли быть, скорее всего, предшественниками шумеров в Двуречье. В основном на базе культуры этих племен зарождается в конце IV тыс. шумерская цивилизация, которая, в свою очередь, стала основой аккадской, ассирийской и других культур. Похоже, что абхазо-абазинские и родственные им народы не теряли связь с цивилизацией данного региона и на протяжении III–II тыс. до н. э.

ГЛАВА IV

АБХАЗО-АБАЗИНСКИЕ ЭТНИЧЕСКИЕ ОБЩЕСТВА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ II ТЫС. ДО Н. Э.

§ 1. Абиша или Абисар

Для понимания древней этнокультурной истории абхазов и абазин, наряду с уже названными языковыми фактами, может быть весьма важным египетская надпись на стене гробницы Ньюбери, датирующаяся XIX в. до н. э. В частности, на этой стене изображена сцена приема высокопоставленным египетским чиновником делегации из 37 человек. Здесь же указываются близкие по фонетическому облику имена *Абиша* и *Абисар* [190, 81]. В этих именах исследователи склонны видеть обозначение народа, которого эта группа людей представляет. Некоторые же авторы в указанной сцене и содержании надписи усматривают свидетельство прихода в Египет израильтян во главе с Яковом или Авраамом. Однако несостоятельность этих мнений считается в настоящее время научно доказанной [190, 80–85]. Вместе с тем очевидна близость *абиша* и *абисар* египетской надписи с древними формами самоназвания абхазов. Причем первое, *абиша*, выступает как этнонимная основа в названии народа *абеш-ла*, *абешла-йцы* ассирийских источников XII в. до н. э., отмечавших их в пределах северной части Малой Азии и Южного Закавказья. Многие исследователи древней истории с народом *абешла* увязывают *апсилов* или *абишилов* письменных источников начала I тыс. н. э. и более поздних времен [180, 12, 13; 360, 204; 24, 130] и др. В формах *абешла*, *абишил*, *апсил* принято усматривать древнюю основу современного самоназвания абхазов *апс-уа* – *аң(ы)са*, *аңса*, по-видимому, восходящую к *аб(ы)за* – «одноязычные», срав. *абаза* – обозначение всего абхазо-абазинского этноса (см. гл. II). Что же касается формы *абисар*,

представленной, наряду с *абиша*, в древнеегипетской надписи, то она практически идентична форме множественного числа абхазского автономима «апса» – *апсар* («абхазы»). Последняя, т. е. *апсар*, фиксируется еще в I тыс. до н. э. как название народа, а также реки (сов. Чорох), города и прилегающих к ним земель Черноморского побережья. В дальнейшем этноязыковое лицо народа *апсар* раскрывается в древнегрузинском письменном источнике XII в. н. э. Так, в анонимном сочинении «История и восхваление венценосцев» говорится о том, что царица Тамара назвала своего единственного, долгожданного сына именем *Лаша*, означающем на языке апсар «светоч», «просветитель» [199, 91; 19, 215]. Как известно, это этимологически прозрачное абхазское лексическое образование и сегодня бытует у абхазов не только как личное имя, но и как слово, означающее «светлый», «блистательный», и в масдарной форме – *алаша-ра* – «светиться», «рассветать» и *алашара* – «свет».

Ассирийская *абешла* (апешла), возможно, из *абеш-лы* или *абеш-лу*, окончание которых, похоже, восходит к шумерскому *лы*, *лу* – «человек», «люди» [200, 400]. Это может быть указанием на то, что упоминаемый в ассирийских источниках XII в. до н. э. народ *абешла* был известен в Малой Азии и гораздо раньше – еще в период непосредственного его соседства с шумерами.

С этнонимом *абешла* // *апешла*, как уже было сказано, тождественны варианты этнонима *абишил*, *апсил* более поздних источников. Согласно утверждению известного хеттолога В. Г. Ардзинба, в окончании последних вполне допустим хеттский суффикс происхождения «ил» [24, 220].

Таким образом, как представляется, во II тыс. до н. э. фиксируются в древних письменах два этнонима, образованных от одной основы и относящихся к древнеабхазскому этносу. Первое – это автономим *апса* (*апыса*) и его форма мн. ч. *апсар*, упоминаемые как *абиша*, *абисар*, *апсар* с XIX в. до н. э., и второе – иноязычное *абешла* или *апешла* (*апешлайцы*), указывающиеся в надписях ассирийского царя Тиглатпаласара I (XII в. до н. э.), а в других источниках как *апишил*, *апсил*.

Представляет также значительный интерес этническое имя *каски* или *кашки*, часто появляющееся в хеттских документах XVII–XIII вв. до н. э., и фиксирующееся уже в XII в. до н. э. вместе с

апешла (*абешла*) в надписях вышеназванного ассирийского царя. Так, в походе Тиглатпаласара I, предпринятом в 1114 г. до н. э. против мушков, как назывались у ассирийцев фрако-фригийские племена, принимало участие 4000 отрядов кашков-абешлайцев и урумейцев [180, 181]. В анналах Тиглатпаласара I апешлайцы и урумейцы названы «некоторыми людьми Хеттской страны», они выставили против ассирийцев 4 тыс. воинов и 120 колесниц, но затем подчинились им и были «причислены к людям Ассирии» [201, 107].

С названием «*каски*» // «*кашки*» учеными сопоставляется этноним «*касоги*» («*косоги*», «*кашаги*», «*кешаги*»), упоминающиеся в более поздних византийских, арабских, древнегрузинских, древнеармянских, древнерусских источниках как наименование адыгских племен, обитавших в Прикубанье [24, 130].

Если *каска* // *кашка* – предки адыгов, а *абешла* – абхазов, то не случайна и связка имен двух близкородственных народов «*кашков-абешлайцев*», что по смыслу совпадает с современным именем «*абхазо-адыги*». По этому поводу известный востоковед И. М. Дьяконов пишет, что племенное название «абешлайцы», упоминаемое в ассирийских источниках конца II тыс. до н. э. в связи с касками, как и название последних, т. е. каски, «может быть истолковано как принадлежащее к языку абхазо-адыгской группы» [180, 12].

Как полагают ученые, к началу II тыс. до н. э. каски или каскейцы жили вдоль Черноморского побережья от устья р. Галис по направлению к Западному Закавказью. Они делились на множество отдельных племен. Каски имели укрепленные постоянные селения и занимались скотоводством и земледелием. В тот же период с юго-востока к каскам примыкали близкородственные им апешлайцы (апсары), которые, как выше сказано, считаются одними из предков современных абхазов и абазин [201, 107, 118–119].

Следует подчеркнуть, что абхазы и адыги ко II тыс. до н. э. представляли собой вполне отделившихся от общего корня два народа со своими этническими подразделениями, с разнящимися языками и пределами обитания. Вместе с тем они находились, как и сегодня, в тесном, непосредственном контакте друг с другом и в момент опасности осознавали себя единым народом.

§ 2. Абхазо-адыги и хатты

Древние абхазо-адыги, т. е. кашки и абешлайцы, как уже отмечено выше, считаются родственными по языку хаттам – древним обитателям Малой Азии, фиксирующимся источниками первой половины II тыс. до н. э. в пределах большой излучины р. Галис восточнее касков.

Учеными разных поколений выявлены такие показательные черты структурного и материального сходства абхазо-адыгских языков с хаттским, как: наличие в них системы двух гласных (*a*, *ы*); разграничение префиксальной, корневой и суффиксальной части глагола; расположение префиксов в определенной последовательности, сходство положения и функций локативного префикса (хатт. *та*, абхаз. *та*, адыг. *т*); одно-двухсложные корни глаголов, образование повелительного наклонения от чистой глагольной основы, слабое развитие склонения имени (в абхазо-абазинских языках, сохранивших исходное состояние, системы склонения вообще отсутствует, а в адыгских она также образовалась сравнительно поздно и представлена в зачаточном состоянии); морфологическая недифференцированность существительного и прилагательного, сходные типы редупликации основы имени; одинаковое сочетание имен; совпадения в построении простых предложений и др. [24, 421]. По утверждению тех же ученых, в частности И. М. Дьяконова, И. М. Дунаевской, Г. А. Меликишвили, И. А. Джавахишвили, Н. Я. Марра, О. Н. Трубачева, Ш. Д. Инал-ипа и др., хатто-кашко-абешлайский (апсарский) этнический массив во II тыс. до н. э. занимал довольно значительную территорию от центральной Малой Азии до Юго-Восточного Причерноморья и далее – всю морскую береговую полосу Кавказа, включая и современную Абхазию. По мнению же Ш. Д. Инал-ипа, И. М. Дьяконова и др. хатто-абхазо-адыгская языковая семья в III–II тыс. до н. э. территориально простиралась и до центральной части Северного Кавказа [24, 424; 180, 13].

В этой цепи, если как-то определены места расселения древних касков и хаттов, то не совсем ясно, где располагались наиболее восточные из абхазо-адыгов – *апешлайцы*. Напрашиваются и целый ряд других вопросов. Например, если принять за самое раннее упоминание апешлайцев (абиша, абисар) египетским источником XIX

в. до н. э., то почему они исчезают с поля зрения вплоть до развала Хеттского царства? Что же стало с хаттским языком и хаттами с завоеванием их страны в XVII в до н. э. иноязычными *хеттами-неситтами*? Действительно ли вымер хаттский язык к концу III – началу II тыс. до н. э., как это записано в одной солидной исторической работе [201, 119], или же он имеет своего наследника в лице какого-либо современного живого языка? Наконец, несмотря на выявленные усилиями целого ряда ученых довольно важных общих черт, связывающих абхазо-адыгские языки с хаттским, остается до сих пор непонятным: какая часть абхазо-адыгов генетически ближе стоит к хаттам; а может быть, хаттский язык являлся самостоятельной ветвью прото-абхазо-адыгского языка и т. д.? Ответы на эти и другие важные вопросы возможно получить прежде всего в результате сравнительно-исторического изучения хаттского и абхазо-адыгских языков. Однако на этом пути имеются довольно серьезные препятствия. Как известно, существующее представление о хаттском языке сложилось благодаря исследованию хеттских документов, составленных на языке индоевропейского толка, где, как правило, делались вставки и тексты на хаттском языке с пометкой «хаттили» («по-хаттски»), т. е. обозначением, которое является производным от названия страны «хатти» [202, 70].

При этом известно, что хеттские писцы, записывавшие, главным образом, отрывки хаттских религиозных обрядов, сами хаттского языка уже не понимали, и поэтому точность их передачи текста оригинала (вплоть до неправильного словоделения) вызывает у специалистов определенное сомнение. Кроме того, система аккадской клинописи в том виде, как она применялась для записи как хеттских, так и хаттских текстов, совершенно не приспособлена для передачи хаттского звукового состава: так, она позволяет различать только 13–14 согласных, хотя в хаттском их могло быть (и, вероятно, было) несколько десятков. Поэтому, как отмечают специалисты-хаттологи, до сих пор было невозможно восстановить фонологическую систему хаттского языка, а это, в свою очередь, делало невозможным и достоверное решение о его принадлежности к определенной языковой семье, так как для этого необходимо установить закономерные соответствия между фонемами хаттского и сравниваемого языка (или лучше – праязыка такой же древности, как хаттский) [201, 119].

В этой ситуации, наряду с данными хеттских текстов и материалов абхазо-адыгских языков, немаловажную роль играет анализ древних культурных терминов, бытовавших у целого ряда народов, прежде всего находившихся во II тыс. до н. э. под влиянием хеттов. Представляется также ключевым и ономастический материал, в большей степени, историческая топонимия Малой Азии и прежде всего этнотопоним – *хатты*.

Как теперь известно, именем «*хатти*» первоначально обозначались город (ныне Богазкёй в Турции) и его жители [201, 119], а затем оно становится именем страны и его народа, и далее оно же, в форме «*хетты*», начинает представлять народ индоевропейской языковой группы, являющийся одним из создателей в XVII в. до н. э. Хеттского царства.

Название «хатты» – по первоисточнику «*hatti*», как уже было сказано, фигурируется в научной литературе в качестве обозначения города, страны, народа и в значении «хаттский», «по-хаттски». Однако не может быть, чтобы слово, переводящееся как «хаттский» и тем более «по-хаттски», также являлось этнотопонимом. Как правило, первое должно быть производным от последнего, т. е. от имени города, страны или народа.

Поэтому в слове *hatti* – «хаттский» следует видеть основу, являвшуюся в чистом виде именем города или страны, народа и суффиксальный элемент. Как представляется, такой исходной основой здесь может быть *hatə*, записанный древним писцом в форме *hattə*, т. е. с двумя *t*, что, похоже, указывает на предыхательность конечного элемента слова *ha-tə*, соответствующего абхазо-абаз. *тҭы*. В связи с этим представляет интерес засвидетельствованное в египетских источниках времен Нового царства (XVI–XIII вв. до н. э.) имя народа *ht'* (условно озвученное как «хета») в качестве злейшего врага Египта в Палестине и Сирии [201, 121].

Если исходить из того, что *hatə* (*ht'*) первоначально являлось названием города, местом резиденции правителей определенной территории, то эта основа идентична прозрачной абхазо-абазинской *аҭҭы* // *хатҭы* – «резиденция», букв. «князя или царя место», где *х* – «князь», «царь» (совр. абхаз. *аҭ*, абаз. *а-хы* «князь, царь») и *тҭы* – локативный суффикс. Фонетические варианты этого слова выявляются в отдельных географических названиях Абхазии. В столице Абхазии, в городе Сухум, имеется возвышенность, извест-

ная как *Ахт-хәа* или *Хат-хәа*, где располагалась в прошлом одна из резиденций правителей Абхазии, в том числе известного Келешбея Чачба; *Ахт-хәы* // *Хат-хәы*, букв. «царского (или княжеского) места гора» [94, 111]. Территория же, прилегающая к резиденции царей-правителей Абхазии в селе Лыхны, именуется *Ахты-хәйа*, букв. «подгорье царской (княжеской) резиденции», где *ахты* – «резиденция» и *хәйа* – «подгорье». От основы *а-хты* производно также абхаз. *ахт-ны* – «столица», где *ны* – локативный суффикс, образующий названия этнических территорий и административных центров: Лых-ны – столица Абхазии позднего Средневековья, Апс-ны – «Абхазия», Егыр-ны – «Мегрелия» и т. д.

Представляется также вполне объяснимым и хатт. *hatti* в значении «хаттский» – из хатт. *hata*, др.-абхаз. *хты* или *хаты* – «место царя», «стольный город – государство (страна)» и суффикса принадлежности (притяжательности) *ti*, абхаз. *ти*, позже лабиализованного в *тәи*, срав. гагра-тәи – «гагрский», москва-тәи – «московский», лыхны-тәи – «лыхненский» и т. д. Таким образом, слово *hat-ti* и его абхазская форма *хат-ти* (совр. *хат-тәи*) на абхазском и абазинском языках, как и в хаттском, буквально означает «хаттский».

Внутри излучины р. Галис (совр. Кызыл – Ирмак), наряду с *hat* или *Хатти* – столицей хаттов, локализовались такие древние города, как *Амкува* и *Коман* // *Куманы* (срав. село Каман в Абхазии), здесь же и современный город *Ениапан* (абхаз. *апан* «брод»). К городу Богазкёй (быв. Хатти) примыкает с Востока обширное плато под названием *Бозок*, напоминающее иноязычную форму наименования абхазов и абазин *а-база* с древнеармянским суффиксом множественности *-к-* (срав. абхазы – др.-арм. *абхазк*; апсилы – др.-арм. *апишл* и т. д.), гора *Бебрэк* у города Кепрюкёй (срав. с абаз. княжеским родовым именем *Бебер-д*).

Обращает на себя внимание также ряд географических названий сопредельной на западе с излучиной Кызыл-Ирмак территории. Имеются в виду такие названия городов, как *Аяш* (срав. абхаз. дворянское родовое имя Аяш, встречающееся также и в абхазском эпосе об Абрскиле), *Анкара* // *Ангора* // *Анкира*, *Зир* (см. ниже), *Кулу* (срав. с. Кулха – город и страна в Колхиде) и др.

Особый интерес представляет гидронимика этого региона. Многие известные ученые (П. Услар, А. Глейе, Н. Марр, А. Грен, П. Ушаков, И. Джавахишвили, С. Джанашия, Д. Гулиа, И. Дьяко-

нов, Ш. Инал-ипа и др.) в северо-восточной части Малой Азии и в Юго-Западном Закавказье выделяют такие абхазо-адыгские топонимические реалии, как *Синопэ*, *Акамписис*, *Арипса*, *Арпас*, *Дирапс*, *Апсар*, *Апсарея*, *Дуабзу*, *Супса*, *Фазис*, *Кура* и др.

На наш взгляд, к числу последних относятся также гидронимы Малой Азии с окончанием на «з» // «с».

Гидронимы с окончанием на «з» встречаются в Турции вне излучины Кызыл-Ирмак по направлению к югу:

р. Девре-з (левый приток р. Кызыл-Ирмак);

р. Бана-з (исток у хр. Ахыр, здесь же город Баназ; в нижнем течении р. Баназ именуется Большой Мендерес);

р. Геди-з (берет свое начало ниже города Кырка и впадает в Эгейское море).

Общее для этих гидронимов окончание «з» практически идентично абхазо-абазинской основе «з» (*дз*) – «вода», «река», известной и как продуктивный абхазо-абазинский гидронимообразующий элемент.

К основе «з» (*дз*) – «вода», «река», по-видимому, восходит и окончание «с» и таких дотюркских гидронимов интересующего нас региона, как: *Арак-с* или *Ара-с* – из *Арак-з* (абхаз. *Арак-з*), букв. «река Арак» или *Арас* из *Араз* (*Араз*), букв. «река Ара»; *р. Кар-с* из *Карз* (*Карз*), букв. «река Кар»; *р. Арпас* (или *Арпа*) – из *Арпаз* (*Арпаз*), букв. «река Арпа» и др.

По-видимому, тот же элемент «з» представлен и в препозиции имени города *Зир*, находящегося в междуречье р. Ова и Чубук, а именно – у слияния этих двух рек: срав. *Зир*. с абхаз. *зыр* // *зры* – «воды» и топонимами Абхазии – *р. Зыр-қәа* и *Зыр-хә* [93, 623].

В номенклатуре того же района обращает на себя внимание и гидроним Эгриоз. Река Эгриоз берет свое начало ниже плато Бозок (о нем см. выше) и впадает в р. Канак. Основа этого гидронима – *Эгри* (срав. тур. *егри* – «кривой») присутствует также в названии турецкого озера Эгри-дир и в наименовании горы Эгри-гёз (в междуречье р. Эмет и Симав). Известно, что эта же основа в чистом виде «*Эгри*» выступала в античный период как одно из названий р. Чорох, затем р. Цхенисцкали, а ныне абхаз. *Егры* (Эгры) является наименованием р. Ингур.

Следует подчеркнуть, что все вышеназванные гидронимы, представляющиеся привлекательными с точки зрения носителя

абхазо-адыгских языков, локализуются в групповом порядке в определенно ограниченных регионах Турции.

По этому признаку, как уже было сказано, выделяется прежде всего территория излучины р. Кызыл-Ирмак (древн. Галис), т. е. территория исторических хаттов. Древний ономастический пласт этого региона как будто указывает на генетическую связь хаттов с абхазо-адыгским – и прежде всего абхазо-абазинским этническим миром.

Вместе с тем, как известно, главным показателем родства языков является прежде всего сходство их грамматических и лексических основ.

Если исходить из того, что используемые для сравнения хаттские слова, извлеченные из хеттских текстов, не были изначально искажены писцами при их включении в хеттские документы и в дальнейшем правильно озвучены чтецами, в чем сомневаются ученые (см. выше), то похоже, что т. н. хаттский язык периода Хеттского царства никак не увязывается напрямую как с абхазскими, так и с адыгскими языками.

Выявляемые учеными общие черты в этих языках говорят пока лишь о далеком их родстве. Сам же т. н. хаттский язык, известный из материалов хеттских текстов, представляется как вполне самостоятельная, структурно сформировавшаяся ветвь прото-абхазо-адыгских языков, уже намного отличная от последних, во всяком случае, абхазо-абазинских наречий. По мнению же И. М. Дьяконова, хаттский язык либо очень древнее ответвление от абхазо-адыгской группы, либо промежуточное звено между этими языками и языками картвельской группы [158, 11]. Исследователь убыхского языка А. Дирр же усматривал в убыхах потомков древних хеттов (хаттов), а убыхский (пэкхийский) язык считал генетически связанным с протохеттским, т. е. хаттским [411, 14, 96; 412, 195].

В то же время древняя географическая номенклатура территории Хатти, как уже было сказано, похоже, больше увязывается с абхазо-абазинским этносом. Данное обстоятельство может быть указанием на то, что древние коренные хатты и хатты времен Хеттского царства не являлись одним и тем же народом. Есть основание думать, что в самом начале II тыс. до н. э. носители т. н. хаттского языка (псевдохатты) времен хеттского царства занимали северную часть излучины р. Галис, соответствующую пределам

древнего города-государства (царства) *Куссара* или *Кушшара* (видимо, это совр. область Чорум в Турции). Ниже царства Куссара располагалось город-государство *h(a)ttā*, контролировавшее всю южную часть территории излучины р. Галис. Это царство и его население, как справедливо отмечают исследователи [201, 119], получили свое название *hatti* от имени стольного города *hattā*, и, судя по топонимии, в том числе и названию *h(a)ttā* (см. выше), первоначальное население этого региона, более чем вероятно, являлось в основном абхазоязычным; возможно, оно и представляло часть народа *абисар* // *апешла* древних источников.

В хеттских документах содержатся косвенные свидетельства о том, что ближе к началу XVIII столетия до н. э. на территории излучины р. Галис происходят определенные события, приведшие вскоре к резкому изменению этнополитической ситуации во всей центральной Малой Азии. Все начинается с того, что царь Куссара (Кушшара) – некий *Питханас* со своими людьми, по неизвестной причине (похоже, под натиском хаттских правителей), оказывается вне пределов своего и хаттского царства далеко на юге, на левой стороне р. Галис. Здесь этот же Питханас, «взяв в плен царя города Несы, захватив этот город ночью штурмом и, не причинив неситам никакого вреда, перенес туда свою резиденцию» [201, 127]. Укрепившись в этом регионе, уже сын Питханаса – Аниттас, вместе с неситам (по происхождению индоевропейцы) нападает на Хаттское царство, измором берет город Хатти и разрушает его до основания. Этот древний престольный город, видимо, настолько был ненавистным, и настолько боялись его возрождения, что Аниттас проклял всякого, кто захотел бы сделать Хатти своей резиденцией. При этом он имел в виду возможных будущих царей *hattā* из числа ее первоначальных граждан, а не граждан Несы и Куссары [201, 128]. Из этого также следует, что древний город и государство *hattā* было разгромлено с особой жестокостью (в XVII в. до н. э.), а его территория отошла к Куссаро-Неситскому царству. Видимо, тогда же здесь произошла и смена населения – коренные (абхазоязычные?) хатты, похоже, оказались на западных и южных перифериях уже нового по существу Куссаро-Неситского государства, известного как Хеттское царство. Видимо, с этим связано то, что в дальнейшем апешлайцы и кашки становятся непримиримыми врагами Хеттской державы на все время ее существования.

Что же касается самой территории разгромленного Хаттского государства, то оно продолжает именоваться прежним названием *hattʔ*, а новые его хозяева, видимо *куссары*, завоевавшие вместе с несситами эту территорию, обозначаются как «хаттские люди» или «люди страны Хатти». В дальнейшем название *hattʔ* переименовывается в *хетты*, и последнее становится именем индоевропейцев – основного населения Хеттского государства. В XV же веке до н. э. восстанавливается и «проклятый» древний город *hattʔ* (хетт. Хаттус) – в качестве новой столицы Хеттской державы. Учитывая все это и прежде всего роль и место куссаров в истории Хеттского государства, можно говорить о том, что встречающийся в хеттских текстах языковой материал с пометкой *хаттили* – «по-хаттски», «хаттский» принадлежит именно куссарам. Сам языковой материал, известный как хаттский, больше указывает на то, что хаттский, т. е. куссарский (новохаттский) язык, являлся, скорее всего, как выше отмечено, самостоятельной ветвью прото-абхазо-адыгской языковой основы. Этот, т. е. псевдохаттский (куссарский. – В. К.) язык, как полагают ученые, был поглощен индоевропейской языковой средой еще в эпоху Хеттской державы [189, 367].

Наконец, следует отметить, что в качестве важных аргументов связи предков абхазов и абазин с древней страной Хатти выступают и фольклорные данные. Так, например, абазинский фольклор сохраняет этнопоним *ХIаты*. Абазиноведы С. У. Пазов, А. Х. Татаршао пишут: «...существует фразеологизм *ХIаты дцатI* (“ушел в Хатты”. – В. К.) // *ХIаты дцан дгIаџтI* (“ушел в Хатты и вернулся”. – В. К.)» [413, 12].

Фольклорист В. Б. Тугов публикует следующую абазинскую скороговорку, упоминающую также страну Хатты:

БахIы-бахIы!	Кхы-кхы!
Ауи дзачIвыйа?	Кто это?
ЦIаракIвыжв сакIвпI	Царакуж я.
Уабаъаз?	Где ты был?
ХIатты саъан.	В <i>Хаттах</i> .
ЙудрыфIа?	Чем угостил?
Тшыбгъабаста.	Бастой со спины лошади.
Схъвы абау?	А где моя доля?
АцIла йхъапI.	На дереве.
АцIла абау?	А где дерево?

АгврыхIа йпнакьытI.	Топор срубил.
АгврыхIа абау?	А где топор?
АлгъачI йабылтI.	Степной пал сжег.
АлгъачI абау?	А где степной пал?
Адзы йарычвтI.	Вода потушила.
Адзы абау?	А где вода?
Ала йажвтI.	Собака выпила.
Ала абау?	А где собака?
Дон йцатI!	Ушла на Дон!

Существует также дразнилка о хаттах:

ХIатт, хIатт – джьалала!

ХIатты, хIатты – джьалала!

ХIатт, хIатт – джьалала!

ХIатты, хIатты – джьалала!

Джьалала, как объясняет В. Копсергенова, – беспокойный, неуравновешенный хатт, позволяющий себе делать все, что дозволено и не дозволено [407, 120].

С хаттами увязывается также абазинское название лепешки *хатык* («*хIатыкъ*»), означающее в буквальном переводе «хатовская еда» [407, 121].

Таким образом, думается, что вышесказанное в целом дает определенное основание говорить о том, что древнее Хаттское государство могло быть страной абхазоязычных (т. е. абазоязычных).

ГЛАВА V

АБХАЗО-АБАЗИНСКИЙ ЭТНИЧЕСКИЙ МИР В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ МАЛОЙ АЗИИ XV–XI ВВ. ДО Н. Э.

Безжалостный разгром Хаттского государства в XVII в. до н. э. куссаро-неситами, нужно полагать, повлек и исход из его пределов коренного населения. Данное обстоятельство, а также образование на территории хаттов могущественного Хеттского царства, не могли не повлиять на этнополитическую ситуацию малоазиатского региона. К середине II тыс. до н. э., по-видимому, хатто-абешлайские сообщества уже были одними из создателей ряда царств как на западе, так и на юге, юго-востоке Малой Азии. На западе, предположительно, такими царствами являлись *Арцава* и т. н. *Страна реки Сеха* (возможно и *Ассува*), располагавшиеся в междуречье рек *Баназ* (Большой Медерес) и *Гедиз* (Герм). Южный же край этой территории примыкал к Эгейскому морю. Царство *Арцава*, как полагают ученые, являлось крупным разноплеменным государством, куда порой входила и Страна реки Сеха, и другие автономные образования.

Этот регион примечателен такими наименованиями географических объектов, как: хр. *Ахыр* у истока р. Баназ (о втором хребте Ахыр см. ниже) – *Ахыр*, срав. с абхаз. *ахра* или *ахыр* – «утес», «скальная гора», а также с *ахры* – «верха», «вершины»; здесь же горы – *Гал*, *Эгри-гёз*; города – *Ходжалы* (у подошвы г. Чал), *Карачал* (у р. Эрен), *Кырка* (город и река), *Чине* (город и левый приток р. Бол. Мендерес), а также города на левобережье р. Мал. Мендерес – *Чатал*, *Одемиш*. Все эти названия практически компактно представлены и в топонимии Абхазии: село и гора *Чал*, р. *Эгры*, г. *Хуаджал*, город *Ткуарчал* // *Карчал* [30, 31, 76; 93]; *Кырка* – срав. с *Кирки-нал*; с. *Чин*, г. *Чатал*; *Одемиш* – срав. с названием сел *Тамыш*, *Тоу-мыш*, *Герге-мыш* и др. [93]. В этом же регионе Турции и город Кечи-барлу (срав. р. *Кеч-псы* – рукав р. Кубань и

Кеч, *Геч* – абхаз. княжеско-дворянское родовое имя), *Карты* (срав. *Карт* – древнее название город Тбилиси), *Кула* (срав. город *Кула* в Колхиде). Здесь же и уже упоминавшиеся реки *Бана-з*, *Геди-з* и р. *Кум* – правый рукав р. Гедиз (срав. м-сть. *Гум*, *Гума* и р. *Гум-ста* в Абхазии, а также р. *Кум* на Северном Кавказе) и др.

Наконец, рассматриваемый регион примечателен также и тем, что в междуречье Большой Мендерес (Бана-з) и Малый Мендерес, вблизи Эгейского моря, ученые локализуют древний город *Апаса* (совр. *Ефес*) [см. карту, приложенную к книге «История древнего Востока» (201)], что совпадает с древней формой самоназвания абхазов и абазин *апаса* // *абаса* // *абаза* (см. гл. II). Обращает на себя внимание и окончание названия территории и царства – Арца-ва – «*ва*», сопоставимое с абхазским *уа* «люди», что также является этнонимообразующим элементом: *апс-уа* – «абхаз», *агыр-уа* – «мегрел», *ақырт-уа* – «грузин» и т. д. В географических названиях Малой Азии с окончанием на *-у(ва)*, *-уа* И. М. Дьяконов видит хурритский суффикс родительного падежа – *ва*; отсюда, например, топоним *Салуа* переводится как «область людей Сала» [180, 86]. Это же окончание представлено и в названии царства *Асу-ва* (срав. абхаз. *ашә-уа* из *ас-уа* – «абазин») и *Ахия-ва*, находившихся выше Арцавы, а также и в наименованиях таких царств как *Пахху-ва*, *Ишу-ва*, *Хему-ва* и др. (см. ниже). Известно имя одного из царей Страны реки Сеха *Манана-Татмас*, что букв. переводится с абхазского как «сын Мана-Татмас», где *на* (абхаз. *а-ңа*) – «сын» (упоминаются также имена *Лац-на-с*, *Ат-на-с*). *Татмас*, у абхазов *Татташь*, является сугубо княжеским именем, восходящим к абхазскому слову и имени *Татта*, означающим «мягкий», «добрый», «добродушный».

Хеттский царь Мурсилис II упоминает, наряду с Арцавским городом *Апаса* (Апаса-с), и царя этой страны – *Уаххацит* (*Уаххацит-ис*) [201, 155], совпадающего с именем одного из героев абхазского Нартского эпоса *Уахсит* // *Уахасит* [74, 41].

Наконец, видимо, также не случайно, что слово *ага*, созвучное с названием Эгейского моря, в абхазском языке означает «берег моря», т. е. «предел моря», а иногда и «море».

На юго-востоке Турции, в малоазийском Тавре в бассейнах р. Тарсус, Сеихан и Джейхан, т. е. на территории исторической Кацувадны, также выделяется целая группа любопытных наименова-

ний географических объектов. Это: маленькое горное царство *Табал*, срав. *Цабал* – название горного района и общества в Абхазии; г. *Чамарды* – у истока р. Чакыт – срав. *Ачмарда* // *Чамарда* – гора в Гагрском р-не Абхазии; место и р. *Чакыт* (берет свое начало у г. Чамарды и впадает в р. Сейхан). В этих взаимосвязанных названиях как будто просматривается основа родового имени древних абхазских царей *Ачы* (ныне Ач-ба) – отсюда ароним *Чамарды* (в Абхазии г. Ачмарда // Чамарда), переводится букв. как «подъем или склон Чаовых», где *марды* // *марда* – «крутой склон», «крутой подъем». Второе же – *Чакыт* в буквальном значении «село Чаовых», срав. с названиями сел в Абхазии: *Чаа-ркыт* – «село Чаовых», *Баз-кыт* – «село Базовых», *Еш-кыт* – «село Ешовых», *Лоу-кыт*, *Там-кыт* и т. д.

В указанном регионе также имеются гора и река *Медедсиз*. Похоже, что в этом названии окончанием может быть *дсиз*, сопоставимое с абхаз. *дзыжь* (азыжь) – «водоем», «озерцо». Река Меде-дсиз берет свое начало у одноименной горы и заканчивается в образованных ею же водоемах (озерцах). Представляют также интерес и такие названия, как: *Занапа* – город у р. Медедсиз (срав. *Анапа*, *Куанапа* и др. в исторической Абхазии); город и река *Тарс* // *Тарсус* (срав. *Тарсур* – р. в Абхазии, упоминаемая Аррианом во II в. н. э.). Далее в бассейне р. Джейхан: город и река *Козан* (срав. пос. *Куазан* в абхазском городе Ткуарчал); хр. *Ахыр* (см. выше о первом хр. *Ахыр*); город *Мараиш* – у подножья хр. Ахыр (срав. с основной имени абхазского княжеского рода – *Мар(ы)иш-ан*); город *Даренда* – у правобережья р. Тохма (срав. с названием пос. *Дранда* // *Даранда* в Абхазии [94, 161–166]).

Обращает также на себя внимание название царства *Кицувадна* // *Кацувадны* и его столицы *Кумманна*. По своему окончанию название *Кицува-дны* сближается с такими абхазскими топонимами, как: *Аиш-дэны* – «Абазия» (т. е. «Страна абазин»), *Ацшь-дэны*, *Бгар-дэны*, *Зи-дэны* // *Зи-дэна* – исторические села в Абхазии. Роднящий эти названия конечный элемент *дэны* осмысливается в значении «равнинное место», «равнинная страна» – от *дэ* (древ. ← *д*) – «равнина» и *ны* – локативный суффикс. В основе же названия Кицувадны – *Кицу-ва*, похоже, имеем тот же этнонимный постпозиционный компонент *ва*, что представлен и в названиях царств *Арца-ва*, *Ассу-ва*, *Паху-ва*, *Ишу-ва*, *Хему-ва* и др., вполне

сопоставимое с абхаз. этнонимомобразующим *уа* – «люди» (см. выше). Вместе с тем имя столицы этого царства – *Кумманна* как будто сближается с названием села и святого места *Каманы* в центральной части Абхазии. Наконец, любопытно и то, что горы Кицувадна, являвшиеся широко известным местом железных и серебряных рудников [189, 504], именовались *Тавр* // *Тавра*, что в форме *Тсауры* // *Тсаура* в абхазском буквально означает «место получения свинца (или олова)»: от *тса* – «свинец» (у абаз. – «олово») и *аура* – «получать».

Царство Кицувадна, как полагают ученые, возникло в XVI в. до н. э., и характеризуют его как лувийско-хурритское государство с хурритской царской династией. Оно в начале находилось в договорных отношениях с Хеттской державой, затем оказалось под влиянием державы хурритов Митанни, а в битве египтян и хеттов при Кадеше Кицувадна выступало уже на стороне хеттов. Это царство также было уничтожено «народами моря» в начале XII в. до н. э.

Кицуваднские хурриты говорили на языке, отличном от языка хурритов Митанни [201, 124, 134] и, как представляется, вышеприведенные языковые факты их увязывают с предками абхазов и абазин.

Вблизи вышеочерченной территории Кицувадны, в частности на правом берегу р. Евфрат имеются город и р. *Кяхта* – правый приток р. Евфрат. В этом гидротопониме также можно усматривать абхазо-абазинский гидронимный суффикс *-та* и древнеродовое имя *Кяхъ*, восходящее к кабардинскому *Кехъ* – названию адыгейцев и букв. означающему «низовые» [204, 267]. В эпоху Хеттского царства ниже р. Кяхта на берегу Евфрата находились города *Хахха* и *Хаишу* (*Хаиша*). Последний, по-видимому, соответствует современному турецкому городу *Алтынташ*, название которого переводится с турецкого как «золотой камень», «золотые камни (россыпи)». В связи с этим представляет интерес и возможное объяснение древнего *Хаишу* из абхаз. *Хаша* (*Хаиша*) – «белый камень (или белые камни)», где *ха* – «камень» и *ш* – «белый», «светлый» или же из *хасса* – «мелкие камни», «россыпь мелких камней»; *ахаса* – «крупный песок». Примечательно и то, что жители *Хаишу* именовались *хаишува* или *хассува*, где имеется уже названное окончание *ва* // *уа* – «люди»: *хаишува* // *хассува*, букв.

«люди Хашша», т. е. «хашшуйцы» (см. выше). Название второго древнего города – *Хахха* созвучно абхазо-абазинскому *Хаха* // *Хах-ха* – «растопыренный», «отдельно стоящий», «выпирающий».

К югу от древнего Хашшу (совр. Алтынташ), ближе к турецко-сирийской границе, в Евфрат впадает река с оригинальным именем *Незип*; у этой же реки и город *Низип* (срав. в Абхазии р. *Мезыб*, *Бзып*, *Пиан*; с. *Хуап*, *Гарп* и др.). Чуть ниже р. Незип, у Евфрата, расположен также город *Барак*, название которого созвучно с именем ветви абазинского общества *Барак* (*Барака-ица*), *баракайцы*.

Есть некоторое основание говорить и о существовании в первой половине II тыс. до н. э. (возможно и раньше) каких-то связей части абхазо-абазинских этнических подразделений с Финикией, Палестиной и прилегающим к ним территориям. Если исходить из ономастического материала, то и здесь, как кажется, представлены ряд географических названий, имеющих параллели и в топонимии Абхазии или созвучные с родовыми именами абхазских князей и дворян: *Акка* // *Акки* – самый южный приморский город Финикии – срав. древ. *Акку* // *Акки*, совр. абхаз. *Акуа* – столица Абхазии (Сухум), расположенный также на морском берегу; город *Губла* (*Библ*) – срав. *Убла* (*Аубла*) – родовое имя самого почитаемого у абхазов и абазин княжеского рода, считающегося, по данным фольклора, родственником царскому роду Лау // Лоу (Ачба); город *Цумур* // *Сумур* на морском берегу северной окраины Финикии – срав. *Цумур* // *Сумур* – река и село в центральной Абхазии; г. *Акра* на берегу Средиземного моря в пределах древнего города-государства Угарит (о нем см. ниже) – срав. *Акра* и *Анакра* на морском берегу Абхазии, означающий на абхазском «маяк».

К вышеназванным параллелям можно прибавить и такие сближения, как *Керкемиш* – название древнего города-государства на большой излучине Евфрата и *Гьаргямышь* (*Гьаргьямышь*) – село и местность в Гулрыпшском районе Абхазии [93, 333, 344]; хеттско-сирийский город *Кадеш* (он же Киндза) у р. Оронта и *Кадош* // *Кодош* – приморское село и бухта в исторической Западной Абхазии вблизи г. Туапсе. Последнее, т. е. кавказское *Кадош* // *Кодош*, зафиксировано еще в середине XVIII в. Пейсонелем [206]. Он пишет: «Кадош – открытая бухта. Тут именно знаменитое дерево, называемое Кодош, которое чтут и абазинцы и черкесы (дерево *pangiassan*). Этимология

слова Кадош, означающего “святой”, так же, как rangiassan, происходит от греческого panaghia – имени, которое греки дают святой деве» [207, 198–199]. По мнению Дж. Н. Кокова, то обстоятельство, что исторически черкесы и абазины словом Кадош обозначали почитаемые, святые места, говорит в пользу этимологии – «святой», ср. араб. Кудус «святой». Далее он пишет: «Вряд ли есть смысл рассматривать топоним Кадош (Кадош) на Западном Кавказе в отрыве от переднеазиатского Кадеш (имя древнеасирийской богини, изображаемой в виде женщины, сидящей на спине льва; название крупнейшей хеттской крепости в Сирии). Эта параллель не должна быть исключена хотя бы потому, что не является единственным кавказско-малоазийским ономастическим сближением» [207, 198–199].

Вместе с тем, согласно материалам абхазского фольклора, *Ко-дош*, абхаз. *Куадаш*, мог быть родовым, обожествленным именем. Так, в абхазском фольклоре, как отмечает Ш. Д. Инал-ипа, *Куадаш-пха* (*пха* – «дочь») – неопределенный образ некой небесной девы без личного имени: известно только то, что она происходила из рода Куадаш [74, 35, 191].

Представляет интерес и совпадение второго названия малоазийского города Кадеш – *Киндза* с именем абхазо-абазинского дворянского рода *Киндза* // *Кинца* [74, 166, 184, 206], а также близость основы названия р. *Оронт* // *Оронта*, у которой располагался этот город, и имени рода абхазо-абазинских князей *Аран* // *Арин* // *Арын* (*Арын-ба*, *Арын-д-ба*) [74, 160]; окончание же гидронима Оронта – *та* может быть тем же самым, что и абхазский гидронимный суффикс *та*, ср. *Гумыс-та*, *Хыц-та*, *Мчышь-та*, *Зиа-та*, *Басла-та* и т. д. [91, 46].

О присутствии во II тыс. до н. э. части предков абхазо-абазин в пределах Финикии, Палестине и прилегающих к ним территориях, похоже, говорят и другие факты. Так, например, австрийский ученый А. Ирку и русский профессор-эпиграфист Г. Ф. Турчанинов и др. считают, что псевдоиероглифическое письмо принесли с собой в 2000–1800 гг. до н. э. в Библ люди, родственные кавказцам, в частности абхазо-абазинам, – *ашуйцы*. Один из памятников этого письма, т. е. «Майкопская надпись» XIII–XII вв. до н. э., дешифрованный Г. Ф. Турчаниновым на древнеабхазо-абазинском языке, назван им «колх(ид)ское (древнеабхазское) письмо» или «ашуйское (древнеабхазо-абазинско-убыхское) письмо» [208, 18].

Вместе с тем представляют довольно значительный интерес материалы угаритских текстов XV–XIII вв. до н. э. Прежде всего это фигурирующие в них имена царей, высокопоставленных чиновников и отдельные термины, похоже, говорящие о существовании во второй половине II тыс. до н. э. в городе-государстве *Угарите* абхазоязычной царской династии. Так, в материалах угаритского архива называются последовательно цари Угарита *Никм-Адду I*, *Никм-Эпа*, *Никм-Адду II* и его сын *Никм-Эпа* и др. Царское имя *Никм-Адду* переводится с абхазского как «Никм Великий», где *адду* (адыу) – «большой», «великий». Судя по другим материалам, прилагательное «*адду*», в сочетании с именами царей, означавшее «великий», в других случаях (как и у абхазов) выступало и в значении «старшина», «глава», «главный» (глава семьи, рода, общины и т. д.).¹

Сын царя *Никм-Адду* именуется *Никм-Эпе*, в котором нетрудно усмотреть абхазскую форму *Никм-иҧы* или *Никм-иҧа*, букв. «сын Никма» – от *и-на* // *и-ны* – «его сын», где *и* – притяжательное местоимение 2-го л., *на* – «сын».

Далее в угаритских текстах речь идет о некоем *Абду* // *Абди*, усыновившим в отместку своим сыновьям своего внука от дочери, которому и передал свое наследство. Очевидно, здесь называется не собственное имя этого деда, а слово *абду*, означающий на абхазском «дед», букв. «большой отец». Видимо, усыновленным внуком являлся Азиру – наследник другого деда, уже со стороны отца, первого правителя Амурру *Абду* (*Абди*) – *Ашырта* (?). Поэтому вряд ли случайно, что в источнике эти два деда именуются одинаково *Абду*, т. е. «дед». Азиру впоследствии становится самым сильным царем Амурра [201, 248–249].

Известен также и один из состоятельных придворных царя Угарита *Никм-Эпы*, а затем и его наследник с именем *Аммистамр(у)*, в котором угадывается абхазский социальный термин *аамыста* – «придворный», «дворянин» и *мары* // *мара* – «иметь» «владеть». В Угарите после царя Аммистамры царствует Иберану (видимо – сын Аммистамры), далее сын – наследник Иберану именуется *Никм-Адду III*, последним же царем Угарита становится *Амурапи* (конец XIII – начало XII вв. до н. э.) [201, 259].

¹С ним созвучно имя бога грозы и дождя Адду // Адды, представляющее собой усеченную форму Адыд → Адды («гром»).

Вместе с тем представляют интерес и имена царей Библа или Губла. В XIV–XIII вв. до н. э. цари Губла (Библа), где египетское влияние прочно укрепилось уже почти тысячелетием раньше, пользовались египетским языком как официальным и составляли на нем надписи, обычно выступая как исполнители воли фараонов [201, 226]. Так, в них упоминаются цари Библа (конец XIV в. до н. э.) *Абишему I* и его сын *Янашему* – *Аби I*. В имени отца *Аби-шему I* (абхаз. *аб* – «отец»), похоже, просматривается абхазский термин *абиашьа* – «дядя», букв. «отца брат», а окончание *му* остается непонятным. Имя же второго царя – *Яна-шему-Аби I*, являвшегося сыном Абишему I, осмысливается «Аби I сына брат» (видимо, по матери), где препозиционный компонент *Яна* соответствует абхаз. *и-на*, букв. «его сын» (см. выше). В Библи позже царствовала и вторая семейная пара – отец *Абишему II* и его сын *Яна-шему-Аби II*. Все они, и последующий царь Библа, Риб-Адди, правившие в довольно смутное для региона время, были тесно связаны с фараоновской властью. Во времена царя Риб-Адди здесь сложилась крайне тяжелая военно-политическая ситуация, что вызвало массовое разорение населения и отток людей в вольные области хапиру, где воспользовавшиеся этим хапири создали царство Амурру.

Как пишут востоковеды, в частности И. Дьяконов, уже первый правитель Амурра *Абди Аширта* стал призывать народ к нападению на Библ (Губла) и к изгнанию градоначальников из близлежащих стран (городов), намекать на необходимость создания антифараоновской коалиции. Вместе с тем *Абди-Аширта*, позже и его сын *Азиру*, в своих письмах в Египет из осторожности прикидывались верными слугами фараона, но оба они систематически через своих агентов призывали население окрестных городов убивать своих «градоначальников» и примыкать к хапиру. Это происходило не только в Библи, но и в соседних городах – Тире и Амби (Аммия) и даже в Палестине, вплоть до границ Египта, где дело доходило до мятежных выступлений рабов. Так, один из ханаанейских царьков Палестины (*Милькиэль*) просил у фараона военной помощи «чтобы не убили нас рабы наши», а *Абди-Хеба*, царек Иерусалима, сообщает, что некоего сановника его рабы действительно убили у ворот города *Зилу* (точнее *Чилу*, срав. с с. Члоу в Абхазии) и затем присоединились к хапиру [201, 248]. В войне

с народами городов – государств Финикии был убит и сам *Абда-иширта* (или *Абди-Аиширта*) [189, 393]. В связи с этим вызывает любопытство вторая часть имени Абди-Аиширта // Абдаиширта – *аиширта*, буквально означающая на абхазском «место убийства», «место убийства», «место казни» – от глагола *аишьы* – *аишьра* – «убивать» и *та* – локативного суффикса, срав. абаз. *аба-шьыртә*, абхаз. *аиба-шьыртә* – «место сражения», букв. «место взаимного убийства», в Абхазии *аб-аишьыртә* – «место убийства тура» и т. д. Если исходить из абхазской этимологии, то возникает сомнение в правильности записи или прочтения первоисточника, где, возможно, *Абдиаиширта* является не собственным именем правителя Амурра, а названием места (территории), где он был убит, срав. абхаз. *Абдуишьыртә*, букв. «место убийства Абди (или Абду)». Настоящее же имя правителя Амурру – *Абди* // *Абду* («дед», «великий (большой) отец»). С именем этого жестокого и кровожадного царя *Абди* или *Абду* может быть как-то увязано устаревшее окаменелое абхазское выражение «*Хаи! Абду ихы лахааит*» и усеченно «*Хаи! Абадиха (абадихуа)*», выражающее большое сожаление, чувство досады, проклятье. Первая полная форма переводится как «Ой! Чтобы свернулась (свисла) голова Абдуа», в смысле «чтобы он сдох (провалился)», срав. абхазское проклятие *ухы лахааит* – «чтобы свернулась у тебя голова», т. е. «чтобы ты умер».

Обращает также на себя внимание и имя правителя Иерусалима *Абди-Хеба* [201, 248]. Второй компонент этого имени – *Хеба* напоминает абхаз. *еиҳабы* – «старший», «старшина», «правитель» (отсюда *аиҳабы-ра* – «правительство»). Возможно, *Абди-Хеба*, являлся старшим братом *Абди-Аиширта*: *Абди-Хеба*, срав. абхаз. *Абду еиҳабы*, буквально означающим «старший Абду (Абди) или же «старший дед».

Думается, что о былом присутствии абхазо-абазинского этнического элемента в указанных регионах могут свидетельствовать и целый ряд других языковых фактов. Так, к ним можно отнести абхазское просительное выражение «*иахуа*», широко бытующее особенно в Восточной Абхазии. С его помощью оформляются всякие просительные обращения: *иахуа суҳәоит* «иахуа, я тебя прошу», *иахуа исыт* «иахуа, дай мне его», *иахуа угыл* «иахуа, встань» и т. д., и т. п. Вряд ли это, давно окаменевшее в абхазском языке, слово отделимо от имени израильского бога *Яхве* (срав. абхаз. *Иахуа*).

Весьма любопытен и другой факт – это близость абхазо-абазинского *цабыш* // *сабыш* – «суббота» и еврейского *шабаиш* – «суббота» (переносно «отдых», «празднование», «конец недели»). Как известно, из еврейского *шабаиш* (др.-еврейск. *šabbad*) ученые выводят рус. *суббота* (старослав. *субота*), латынское *Sabbata*, ср.-греч. *sambata*, *sabbaton*, груз. *шабати* и другие созвучные с ними варианты названия шестого дня недели [209, 391; 210, 460].

Вместе с тем, насколько известно, этимология еврейского *шабаиш* «суббота» до сих пор остается до конца невыясненной. Непонятно также, почему родственные др.-еврейск. *шаббад* основы, например в груз. *шабати*, армян. *шацци* и целый ряд других языковых вариантов, выступают в названиях дней недели в значении «день», «рассвет» и в значении «суббота». Обращает на себя внимание и то, что в этих языках (в грузинском, армянском и др.) порядковый отсчет дней недели начинается с воскресенья, так, например, в груз. понедельник именуется *оршабати*, букв. «второй день», *самшабати* «вторник», букв. «третий день» и т. д. То же самое наблюдается в армянском, в таджикском, узбекском и в целом ряде иных языков, тогда как у абхазо-адыгов, славян и других народов счет начинается с понедельника, т. е. понедельник является первым днем недели.

В абхазском и абазинском языках понедельник именуется ныне не очень понятным именем *аишэахьа* // *аишэахьы*, что, похоже, трансформировано из *аиахы* – «начало дней» или «головной день». Далее все понятно: *а-џаиш* // *а-џаиша* – «вторник», букв. «второй день»: от основы числительного *џ-ба* – «два» и *шы* (*ша*) – «день», «свет» (совр. *ам-иш* – «день»); *а-хаиш* // *а-хаиша* – «среда», букв. «третий день»; *а-цшиаиш* // *а-цшиаиша* – «четверг» – «четвертый день»; *а-хэаиш* // *а-хэаиша* – «пятница» – «пятый день»; *а-цабыш* // *а-сабыш* (совр. литер. *а-сабиша*, абаз. *цабыш*) – «суббота» (букв. «шестой день») и, наконец, *а-мџеиш* // *а-мџеиша* – «воскресенье». Последний термин, т. е. *а-мџеиш* // *амџеиша*, скорее всего, восходит к форме *а-миыш(а)*, букв. «светлый день», и увязывается с днем оживления Христа. Вместе с тем похоже, что воскресенье, т. е. седьмой день недели, у абхазов и абазин первоначально именовался *амчыбжь* – из *амибжь*, букв. «седьмой день» или «семь дней», что ныне означает «неделя», букв. «семь дней». Таким образом, абхазо-абазинская древняя основа *цабыш* // *сабыш* (из *ца-*

баиш) – «суббота», сближающаяся с еврейск. *шабаш* – «суббота», представляется довольно прозрачным двусложным образованием. Состоит она из основы *цы* (*ца*) – абхазо-абазинского числительного *ц-ба* – «шесть» (*цы-иэ* – «шестьсот»)² [246, 566] и уже известного корнеслова *шы* (*ша*) – «день», «рассвет». В целом же абхазо-абазинское *цабы-иш* или *цаба-иш* – «суббота» буквально означают «шестой день», поэтому вполне возможно, что эта основа и является исходной для еврейск. *шабаш* – «суббота».

Вместе с тем может возникнуть вопрос: почему в абхазском языке в названиях второго, третьего, четвертого и пятого дней недели в препозиции представлены усеченные формы числительных *ә* – от *әба*, *х* – от *хәа* (*хпа*) «три», *цшь* – от *цшьба* «четыре», *хэ* – от *хэба* «пять», а в названии шестого дня имеем полную форму числительной основы *ц(ы)* – *цба* «шесть», от которой *цабыиш* или *цабаиш* «шестой день»? Возможно, ожидаемая здесь усеченная основа *цаиш* (*цыиш*) уступила место своей полной, более благозвучной форме, *цабыиш*. Последняя же может быть и древним диалектным вариантом. В этой связи следует отметить, что некоторую особенность проявляет и название седьмого дня недели *амчыбжь* из *амибжь* – «воскресенье», «неделя», где вместо ожидаемого *бжьы-иш* – «седьмой день» имеем *ами-бжь* (*амчыбжь*) – «день седьмой».

Представляет также значительный интерес довольно важный социальный термин *хуциу*, *хуцше*, уже известный в первой половине II тыс. до н. э. в Ассирии, Финикии, Митанни и, возможно, в других государствах Ближнего Востока. В Ассирии он означал низший разряд воинов, набиравшихся из людей, зависимых от царя и получавших от дворца либо земельный надел, либо только довольствие [189, 322]. В Финикии он обозначал зависимых крестьян. Так, «царь Библа Риб-Адди писал фараону, что его *хуциу*, оставившие свои поля вследствие голода и вторжения неприятеля, бежали или в город Библ, или в области соседних городов» [189, 388; 201, 244, 249]. Этот термин вряд ли можно отделить от

²Для ясности отметим, что в абхазо-абазинских языках числительные основы, обозначающие счет от двух до одиннадцати, оформляются общим окончанием *ба* // *әа*: *ә-ба* – «два», *х-әа* – «три», *цшь-ба* – «четыре», *ху-ба* – «пять», *ц-ба* – «шесть» (в абаз. *ц-ба* → в абх. *ф-ба*), *бжь-ба* – «семь», *аа-ба* – «восемь», *жэ-ба* – «девять», *жэа-ба* – «десять»).

абхазо-абазинского этимологически понятного слова *а-хьыңшы* – «зависимый», что, в частности, обозначает и категорию зависимых крестьян [211, 17, 27; 23, 502], а также зависимого от кого-либо человека или следующую за кем-либо группу людей: *Аңсха и-хьыңшы(у)* – «подданные (абхазского) царя», *аҳ и-хьыңшу* – «люди, зависимые от князя», *ахьыңшы* или *анхафы хьыңшы* – «зависимый крестьянин», *атәыла хьыңшы* – «зависимая страна», *ажәлар з-хьыңшу* – «тот, за которым идет народ», *ар з-хьыңшу* – «предводитель», т. е. «тот, за которым идет армия», и т. д. От основы *хьыңшы* образованы сущ. *ахьыңш-ра* – «зависимость», а с помощью элемента отрицания *м* – слово *ахьыңшы-м-ра* – «независимость».

Интересующая нас основа *хьыңшы* имеет и второе значение: «следующий (за кем-либо)» – отсюда и глагольная форма *ахьыңшра* – «следовать за кем-либо» [212, 354]. Похоже, именно второе значение ближе к исходному. Слово *а-хьыңшы* представляется древним двусложным образованием, где препозиционное *хь(ы)* выступает в значении «зад», «задний», а второй компонент – *ңшы* является основой глагола *аңш-ра* – «смотреть», «глядеть»: срав. *а-хьа-ңшра* («оглядываться назад») – от морфемы (преверба) *хьы* – «назад» и *аңшра* – «смотреть»; *а-хь(ы)-шьтра* – «оставленный сзади след», где *ашьтра* – «след», *ахьа-йра* – «отступить», «отступление»; *хьи!* – оклик волов, употребляемый с целью отодвинуть их назад и т. д. Таким образом, слово *ахьыңшы* в целом буквально переводится, как «смотрящий в зад кого-л.», т. е. «следующий (стоящий) за кем-л.» – отсюда *а-хьыңш-ра* – «последовать за кем-л.», а в дальнейшем *ахьыңшы* – «человек, следующий за своим предводителем или хозяином», «люди, зависящие от кого-л.» и, наконец, понятие «зависимые». Древнюю форму слова *хушшу* также можно сопоставить с основой абхазского глагола *хуаңшы* → *а-хуаңш-ра* – «смотреть (глядеть) на кого-либо».

В Ассирии, наряду с социальным термином *хушшу*, было и обиходное и не менее важное древнее слово *алайау* – «общинник» [189, 322]. Похоже, оно также находит определенную связь с абхазо-абазинскими *аила* (аилар) – «община» и *аилаецуоу* – «общинник». Первое осмысливается в абхазском и абазинском в значении «совместье», «коллектив», букв. же означает «находящиеся друг в друге»: от *аи(еи)* – префикса взаимности [213, 144] и элемента

(преверба) *л-а* – «входить». От основы *аила* (срав. угарит. *ала* – «община»), с помощью суффикса множественности *р* образован термин *аилар* – «община» [94, 169]. Эта же основа выступает в качестве преверба во многих сложных словах: *аилага* – «сумасшедший», т. е. «помешанный»; *аила-га-ра* – «помешать»; *аила-жра* – «закопать всех вместе»; *аила-жьра* – «валить всех вместе», *аила-жэ-ра* – «сварить все вместе»; *аила-кра* – «закрывать всех вместе»; *аила-ңса* – «общак» и т. д., и т. п. От древней формы *а-ила* (совр. *аила-р*) – «община», «коллектив», «совместье» происходит и сложное слово *аилаеиуоу* (срав. ассир. – *алайау* – «общинник»), букв. «принадлежащий к общине», т. е. «общинник»: от *аила* (совр. *аила-р*) – «община» и *еиуоу* – «принадлежащий», «относящийся».

Вышеприведенные языковые факты, в том числе и древние египетско-абхазо-абазинские лексические параллели (см. гл. II), как представляется, дают веское основание говорить о былом присутствии абхазоязычного этнического элемента на восточной стороне Средиземного моря, в пределах подвластных Египту и отчасти Хеттскому царству территориях Финикии, Палестины и прилегающих к ним районов. Более того, создается впечатление, что в XV–XIV вв. до н. э. (возможно и раньше) ряд городов-государств этого региона находились под властью какой-то абхазоязычной правящей касты, возможно являвшейся частью гиксо-сов, которых египтяне именовали «вожди или властители чужих стран» [201, 229].

В первой половине II тыс. до н. э. египетское влияние распространялось широко за его пределами, и в частности на интересующую нас территорию Восточного Средиземноморья.

К середине XIV в. до н. э., в связи с обострением хеттско-египетских отношений, здесь резко усложняется этнополитическая ситуация. Видимо, не без поддержки хеттского царя, у р. Оронта возникает государство хапиров – Амурру. Первые же его правители Абди-Аширта и его преемник Азиру, опираясь на поддержку хеттов, начинают свою деятельность с яростных попыток завоевания городов-государств Финикии и Палестины. В то же время они призывают население этих стран убивать, прогонять своих правителей, где последние, возможно, уже являлись чуждыми для большинства подвластных им граждан. Население охватывает голод и паника, люди разбегаются со своих мест по разным на-

правлениям. В этой связи проегипетские правители жалобно просят помощи у фараона. Однако эти просьбы в основном остаются безответными, тогда как прохеттские цари Уагарита *Никм-Адду* и его сын *Никм-Эна*, а также цари *Амурру Абди-Аширта* и *Азиру* и др. пользуются реальной поддержкой хеттской державы [201, 249, 254, 255].

В то же время происходит покорение хеттами сильного хурритского государства Митанни – союзника Египта. Все началось с довольно интересного факта – бегства большой массы людей с подвластных хеттам южных земель в царство Ишуву, а оттуда в Хайасу. Это подтолкнуло царя хеттов Суппилулиумаса к войне с этими царствами, приведшей к бегству уже населения самой Ишуву в Митанни. Тогда хетты, обвинив уже митанийцев в укрывательстве врагов, напали на них, и, как известно, это закончилось разгромом Митанни. Падение союзной с Египтом Митанни ставит в еще худшее положение проегипетские города-государства; ситуация выглядит не лучшим образом и после знаменитого сражения египтян и хеттов у Кадеша (1312 г.) с участием египетского фараона Рамсеса II и хеттского царя Муватталлу.

Как представляется, эти события, происходившие на территории восточной части Средиземного моря, и прежде всего – вынужденный исход части населения из этого региона во второй половине XIV в. (возможно позже), значительно перекликается с рассуждениями отца истории Геродота об египетском происхождении колхов и с данными абхазских этногенетических преданий.

Так, например, Геродот переход колхов из пределов Египта на Черноморское побережье связывает именно с уже упомянутым египетским фараоном Рамсесом (Рамзесом) II – он же Сезострис, царствовавшим 67 лет с конца XIV в. и на протяжении всей второй половины XIII в. до н. э. Как известно, этот царь, возглавлявший египетскую армию при знаменитом сражении с хеттами в конце XIV в. при Кадеше, и в дальнейшем носился «как опустошительный смерч... по своим непокорным владениям, сокрушая крепости, уничтожая леса, угоняя жителей. Египетские войска прорывались до самых подступов к Малой Азии» [189, 354]. Согласно Геродоту, Рамсес II (Сезострис), доходил до р. Фасис. В связи с этим Геродот пишет: «...Я не могу с точностью сказать, сам ли царь Сезострис, отделив некоторую часть своего войска,

оставил там для заселения страны или же некоторые из его войск, недовольные его странствованиями, остались на реке Фасисе. Ведь колхи, очевидно, египтяне: я высказываю это мнение, сам пришедший к нему прежде, чем слышал от других, а так это заинтересовало меня, то я, расспрашивая тех и других, и колхи лучше помнили египтян, нежели египтяне колхов. Египтяне говорили, что, по их мнению, колхи происходят от Сезострисова войска. Сам я предположил это потому, что колхи темнокожи и курчавы. Впрочем, это ничего не доказывает, так как есть и другие с подобными приметами. Гораздо важнее то обстоятельство, что колхи, египтяне и эфиопы – одни из всех людей исконно совершают обрезание... Теперь я приведу еще другое доказательство родства колхов с египтянами: они и египтяне одни только обрабатывают лен и притом одинаковым способом, и вообще весь образ жизни их и язык представляют взаимное сходство. Колхидское полотно у эллинов носит название сардонического, а привозимое из Египта называется египетским» [215, 256].

В связи с сообщением Геродота Д. И. Гулиа писал: «По его (Геродота. – *В. К.*) идее египетские войска, по всей вероятности недовольные 9-летним странствованием и частыми войнами фараона, откололись от фараонова войска; конечно, это могло быть не на Кавказе, как это полагал Геродот, а еще в Сирии, около р. Оронты и хеттского гор. Кадеша, как это выясняет Ленорман, где происходила борьба египтян с хеттами и оттуда, быть может, с некоторыми другими племенами (митанийцами), по своей ли воле или под давлением ассирийцев с одной, хеттов с другой стороны, двинулись на север, где и заняли юго-восточный и восточный берег Черного моря» [18, 117–118]. Другой же автор, Д. Бакрадзе, еще во второй половине XIX в. писал: «Абхазцы получили свое начало от египетской колонии, которую Сазострис Великий в XII в. до Р. Х. водворил на берегах Понта Эвксинского, в доказательство чего некоторые из новейших авторов указывают на сходство абхазских физиономий с чертами лиц, сохранившимися на египетских мумиях, на удержавшиеся в их языке коптские слова, на обычаи, общие в жизни обоих народов, и даже на некоторые древние колхидские монеты, имеющие стиль египетских монет» [216; 24, 162].

Так или иначе, в этих предположениях, похоже, имеются определенные зерна истины. Действительно, часть колхов могли быть по-

томками беженцев времен Рамсеса II из подвластных Египту Финикии и других территорий Восточного Средиземноморья, а также с юго-восточных провинций Хеттской державы. В пользу этого говорят и абхазо-абазинские этногенетические предания, главными мотивами которых являются: 1) выход абхазов и черкесов из Египта, вообще с юга; 2) вынужденное их бегство от нависшей над ними угрозы расправы; 3) беженцы останавливают хлебом и солью догнавшего их царя (или пророка, полководца) Азарталы или Хазарталы (у черкесов Хазрет-Али); 4) догнавший их царь-преследователь уговаривает абхазов вернуться назад на Родину, последние не соглашаются, и тогда он благословляет их путь [18, 103–104; 24, 164–174].

Как нам представляется, имя царя-преследователя – *Азарталы* или *Хазарталы* // *Хазартаалы*, фигурирующее в этих преданиях, напоминает известного царя Амурра *Азира* – наследника Абди-Аширта. Оба эти царя являлись союзниками хеттов и с особым усердием терроризировали города-государства, подвластные египтянам в Финикии и на прилегающих к ней территориях (*Азиру* → *Азыр-талы*, срав. с именем хеттского царя *Муватталла*). В кабардинском варианте интересующего нас предания, записанного еще в XVIII в., называется и страна Кара-Хисса, куда прибыли беженцы из своей Родины. Здесь до них дошла весть о том, что они могут вернуться в свою страну, однако они этого не сделали [217, 24, 164–166]. Кажется, в тюркизированном названии *Кара-Хисса* усматривается наименование древнего царства *Хайаса*, куда, согласно источнику, через царство Ишува прибыла масса беженцев из юго-восточной окраины Хеттской державы при хеттском царе Суппилулиумасе. Последний же, преследуя беженцев, вошел в пределы Ишуве и Хайасы, и в конечном итоге эти царства, а затем и Митанни были разгромлены (см. выше).

Шансуги – одно из подразделений абхазо-адыгских народов – также считают себя выходцами из Сирии, именуемой у последних Шьам, и свое имя возводят к форме *Шьамҧсыгә* [24, 174], что на абхазском может означать «сирийские абхазы» – из *Шьам* «Сирия» и *ҧсы-гә*, то же самое, что и совр. *ҧсыуа* «абхазы» (о переходе гә → ӡ → у см. выше).

Таким образом, сообщения Геродота и названные этногенетические предания можно считать далеким отражением реальных эпизодов этнической истории как абхазов и абазин, так и адыгов.

По определению ученых в XV–XII вв. до н. э. в северо-восточной части Малой Азии существовали такие этнополитические образования, т. е. царства, как: *Каска*, *Ацци*, *Хайаса* (или *Ацци-Хайаса*), *Паххува*, *Цухма*, *Ииува*, *Тегарама*, *Алзи*, *Хемува*, *Салуа*.

Царство *касков* располагалось между северным, северо-восточными пределами Хеттского царства и Черным морем. Сам термин *каска*, упоминающийся часто в хеттских документах с XVII вв. до н. э., как уже было сказано, увязывается с обозначением адыгов (черкесов) – «касоги», «кашаги», «кешаги» более поздних источников (см. выше).

Вместе с тем известно, что термин «каска» нередко употреблялся хеттами и в собирательном значении для обозначения вообще северо-восточных горцев [180, 123; 235, 169; 24, 124, 127].

Восточнее касков к Черноморскому берегу прилегало царство *Ацци*. В XVI–XV вв. до н. э. племена касков, воспользовавшись ослаблением Хеттского царства, продвинулись в южном направлении далеко вглубь его территории, а люди царства *Ацци* вторглись в область верховьев р. Галис и «сделали своей границей г. Самуху» [24, 124].

К востоку от Ацци, в верховьях Евфрата и Чороха, располагалось довольно значительное царство – *Хайаса*, которое до XII в. до н. э. находилось в тесном союзе с царством *Ацци*, и этот союз именовался *Ацци-Хайаса*. Видимо, эти два царства объединялись прежде всего по признаку генетического родства населения этих стран, и это притом, что они были разделены географически Понтийским хребтом. В тоже время этническое лицо ацци-хайасцев пока все еще остается не вполне ясным.

Одни исследователи склонны считать хайасцев древним ядром армянской народности [189, 514], другие же исключают какое-либо их родство. Считается также, что нет достаточного основания причислять хайасцев и к хурритам. Вместе с тем такими крупными востоковедами как Г. А. Меликшвили, И. М. Дьяконов и др. представляется более вероятным принадлежность хайасцев к хаттской или северо-западно-кавказской (в частности, абхазо-адыгской) языковой группе. К этой мысли склоняют некоторые особенности географической номенклатуры, «особенно название Арипса, относящееся к типу абхазо-адыгской топонимики» [205, 83–85; 180, 184]. Эту же мысль подтверждают и ряд других язы-

ковых материалов. Так, например, слово «*ашьха*», означающее в абхазском «гора» и выступающее также как оронообразующая основа, представлено в составе названия Восточно-Понтийской горной области *Ашхарпайя* (*Asharpaja*). Последнее упоминается как каскская гора *Асхарпа* (*Asharpa*) хеттским царем Мурсилис II (XIV в. до н. э.) в связи с описанием войн с касками, обитавшими в этой области. Ш. Д. Инал-ипа пишет: «“Ашхарпайя” выглядит почти совершенно идентичным абхазскому (прозрачному. – В. К.) слову “*ашьхарпы*” (*ашьхарпы*), означающему “предгорье”, “горная местность”» [24, 140]. Точно так же переводят названный топоним Г. А. Меликишвили [205, 78] и В. Н. Хачатрян [236, 88].

Ш. Д. Инал-ипа обращает внимание на наличие общего для абхазского, каскского и хаттского языков суффикса *ра* для образования географических названий, а также ими сопоставляются хеттские топонимы с окончанием на *нда* – хетт. *Пурусханда*, *Кабуранда* с абхаз. *Дра-нда*, *Пицу-нда*, хетт. *Аланда*, *Ланда* с *Аланда* в Абхазии в верховьях р. Кодор; название страны *Киндари* (в бассейне р. Чорох XII в. до н. э.) с названием абхазского приморского села *Кындыг* (*Кындья*); страны *Ацци* (между Черным морем и верховьем р. Чорох) с *Аацы* – селом в Гудаутском районе Абхазии [24, 140–141]

Последнее, т. е. название страны *Ацци* (срав. также р. *Ац* – приток р. Сочи в исторической Западной Абхазии. – В. К.), напрашивается и на сопоставление с названием скальной горы *Хацци*, упоминаемым в хурритском эпосе «Песнь об Улликумми». Форма *Ацци* может быть из *Хацци* – в результате усечения или ассимиляции препозиционного *х(h)* соседним подударным *а*. Согласно названному эпосу, хеттский бог грозы со своим братом Тасмисом направляется к базальтовой скале *Хацци*, которая все время растет, угрожая разрушить трон бога [233, 120]. После первого сражения с каменным чудовищем Улликумми бог грозы делает местом своего пребывания гору *Хацци* [182, 132]. Название легендарной базальтовой скалы *Хацци* практически идентично с абхазо-абазинским *а-ҳац* – «выпирающая скала», «одинокое выпирающая скальная вершина», букв. «каменный клык», «каменный зубец»: от *ҳа* – «камень» (см. выше) и *а-ц* – «зубец», «клык».

Не исключено, что от названия скалы, а затем и горы *Хацци* получила свое название страна *Ацци* (*Хацци* → *Ацци*) и союзное

царство *Ацци-Хайаса*, представлявшее постоянную угрозу Хеттскому государству. Думается, что именно об этой угрозе, более всего, идет речь в эпосе «Песнь об Улликумми», когда говорится о скале (стране. – В. К.) *Хацци*, которая все время растет, угрожая разрушить трон бога (т. е. трон хеттских царей. – В. К.). Похоже, что с этим же эпосом как-то увязано и второе название страны – *Хайаса*, которое может быть объяснено из абхазского *хаеиџса* (хаеиуса) – «рассеченный камень»: из *ха* – «камень» и *еиџса* – «рассеченный» – *а-џса-ра* – «рассекать». По эпосу же каменное чудовище Улликумми было резаком отсечено от плеча великана [182, 133].

Вместе с тем, если исходить из того, что в эпосе гора и скала Хацци подчеркнута называются базальтовыми, то представляется также уместным видеть в названии *Хайаса* исковерканное абхазо-абазинское *а-хаиџџа* (ахаицва) – «базальт», букв. «зеленый камень», где *а-ха* – «камень», *иџџа* (иџџа) – «зеленый» (ср. *ахаскьын иџџа* – «зеленая трава», *абџьы-иџџа* – «зеленые листья» и т. д.). Как известно, базальт – распространенная плотная, обычно темного цвета, легкоплавкая стеклообразная вулканическая черная порода [237, 84]. Древнейшие виды базальта (палеобазальт), именуемые диабазы и порфириды имеют зеленую окраску, вследствие чего они, вместе с сопровождающими их туфами, носят название зеленокаменных толщ. Базальт используется как ценный строительный материал для мостовых, в керамической и стекольной промышленности. В древности же базальт применялся как материал для скульптуры в искусстве Египта, позднего Рима, Византии [238, 36] и, таким образом, представлял значительную ценность. Любопытно, что само греческое слово «базальт» переводимо как «абазский (абхазский) камень», где *льт* – от греч. *лит* («камень»).

Наконец, основа названия страны Хайа-са «*Хайа*» (*с* // *са* может быть хетт. окончанием) также сопоставима с именем полумифической страны *Айа* // *Эйа* древнегреческих сказаний об аргонавтах. Форма же *Айа*, возможно, получена из *Хайа* в результате ассимиляции препозиционного *х* (абхаз. *х*). Однако не исключено и обратное, т. е. в форме *Хайа* (Хайа-са) начальное *х* (*х*) может быть наращением. Название царства – *Хайаса* (Хайа-са – Ацци) хеттских источников (XIV–XII вв. до н. э.), *А-йа* древнегреческих

сказаний (XIII–XII вв. до н. э.) совместимы не только по близости названия, но также территориально и по времени их существования (см. ниже).

На юге от страны Хайаса или Ацци-Хайаса, на правой стороне р. Евфрат, находилось царство *Паххува*, оно же граничило по р. Евфрат с царством *Цухма*. В основе названия царства *Пахх-ува* – *пахх*, как справедливо отмечали Ш. Д. Инал-ипа [221, 224], Г. А. Меликишвили [161, 63] и другие, усматривается название убыхов *а-пёх*, *пёх*, *пахы*, абхаз. *ау-бых*, адыг. *у-ббых* – «убыхи» и окончание *ва* – от абхаз. *уа* – «люди» (см. выше), отсюда *Паххува*, букв. «пахховцы», т. е. «убыхи» (см. [416, 198, 199]).

Что же касается населения *Цухмы*, то, как полагают некоторые исследователи, оно могло быть протоармянским. При этом название страны *Цухма* сопоставляется с грузинским словом «сомехи» – «армянин», что, якобы, означает жителей области *Цухма* (хетт.) или *Сухму* (ассирийск.) на верхнем Евфрате [180, 196, 234; 24, 118]. Однако варианты названия царства – *Цухма* // *Сухму* гораздо ближе к фиксируемому еще в раннем Средневековье наименованиям области и города *Цхом* и *Сухум* в исторической Абхазии (сов. Сухум – столица Абхазии). Что же касается грузинского «сомехи» и абхазского *ашамахь* (ашвамах) – «армянин», «армяне», то они гораздо ближе к названию древнего города-государства *Самухи* или *Шамухи*, располагавшегося примерно на р. Келькит (?) [201, 84, 126, 144]

Южнее царства Паххувы, на правой стороне реки Евфрат, размещалось царство *Тегарама*, а на левой стороне этой же реки – страна *Ишува*, и далее на востоке – царство *Алзи*. Есть некоторое основание думать, что *Тегарама*, возможно наряду с городом-государством *Самухи*, являлось древним протоармянским этнополитическим образованием. Пока же на это намекает близость названия этого царства – *Тегарама* с именем «отца» урартских (кавказских) народов – *Таргамо-са*, который «пришел со всем племенем своим и утвердился между двумя недоступными человеку горами – Араратом и Масисом...» [239, 21; 240, 110–120].

В начале XIV в. царство *Тегарама* было покорено Ишувой, последнее расширило свои пределы и далее до страны Кацувадна [201, 144], однако при хеттском царе Суппилиумасе Ишува было силой подчинено хеттам (см. выше).

На востоке от Сухма и Ишува, в центре Армянского нагорья, локализовались царства *Хемува* и *Салуа* (*Сала*). Последнее, т. е. Салуа, лежало у самой южной окраины Араратских гор, длинная цепь которых именуется *Агры* или *Агры-даг*, и верховьях рек Аракс и Арацани (Мурат). Под названием *Агры* ныне известен также турецкий вилайет, расположенный между хребтом Агрыдаг и Ираном. Турецкое *Агрыдаг* означает «гора Агры», где тур. *даг* – «гора». В основе же «*агры*», кажется, имеем абхазское слово *агры* – «предельный», «крайний», «край» – от *ага* «предел», «край»: *амшын ага* «берег моря» – первонач. «предел или край моря» – *Агрышьха* «предельная (пограничная) гора», *Агрызы* «предельная река» и т. д.

Представляют интерес и гидронимы *Аракс*, *Хыныс* – реки, берущие свое начало недалеко друг от друга в вышеуказанной области. Их общее окончание *с*, возможно, восходит к абхазо-абазинскому *з* (з, дз, тс) – «вода», «река». Похоже, что и название крупной реки *Арацани* (совр. Мурат) производно от *Аразы* (Арадзы), букв. «река Ара», т. е. «река горы Ара (срав. А-ра-рат)». Обращает также на себя внимание близость названий горной территории и города *Мыгды*, расположенных здесь на правом берегу р. Мурат (Арацани), и названия г. *Мыгды* // *Мды* и р. *Мыгды-азыхь* (Мигдадзех) в Абхазии [93, 172].

Географические названия с окончанием на «*уа*» встречается также южнее озера Урмия. Это *Замуа* (или Мазамуа) – область в бассейне р. Джегету и верховья р. Малый Заб и *Парсуа* или *Парсава* в бассейне р. Диялы [244, 88, 89]. Последнее, т. е. Парасуа или *Парсава*, как установлено, не имеет отношения к персам и означает «край», «окраина» [244, 161] (основу *пар(ы)* срав. с абхаз. *вары* «боковой» – *а-вара* «бок»); *Парсуа* с абхазского переводится букв. «люди Парса» или «парсские люди», т. е. «парсцы». Что же касается названия области *Замуа*, то оно буквально означает «замские люди» или «люди Зама», т. е. «замцы». Вместе с тем очевидна близость основ – *зам* (Зам-уа) и абхазо-абазинского *Джам* – «Персия», «Иран» – отсюда абхазо-абаз. *а-джам*, *а-джамуа* (срав. Зам-уа) – «перс», *аджам-уаа*, *аджа-мқәа* – «персы», «иранцы». В южной части *Замуа* было известно и маленькое царство *Араштуа* [244, 157].

Таким образом, судя по ономастическому материалу, прежде всего по-абхазскому окончанию *уа*, *ва* – «люди» названий царств

Паху-ва, Иашу-ва, Хему-ва, Сал-уа, Замуа, Парсуа, Араштуа и ассирийским источникам, фиксирующим *апешлайцев* и *урумейцев* в районе Шубарты, можно говорить о том, что в XV–XII вв. до н. э. значительную территорию Армянского нагорья занимали абхазо-абазинские этнические подразделения. Вместе с тем не исключено, что после разгрома во второй половине XIV в. до н. э. хеттами царств Ишувы, Хайасы и Митанни какой-то абхазо-абазинский этнический элемент вместе с хурритским, возможно и картвельским, осел в области озера Ван. Эту версию как будто подтверждает абхазская этимология названия древней крепости *Туиша*, ставшей намного позже столицей государства Урарту. *Туиша* из абхаз. *Тышба*, (срав. совр. *атышабаа*), букв. «крепость пропасти», где определяющая основа *тыш* – «пропасть» и определяемая основа *ба* (совр. *баа*) – «крепость». Такое название вполне соответствует крепости, характеризующейся как «недоступная горная твердыня на вершине скалы, круто обрывающаяся со всех сторон» [181, 222]. Уместно также привести подмеченный акад. Н. Я. Марром факт восхождения основ армянского варианта имени Прометея *Mher*, груз. *Амирани*, и абхаз. *Aberskile* к абхазскому *a-mra* или *amer* – «солнце» [12, 144–145; 219, 75]. Вместе с тем один из известных исследователей абхазо-адыгского эпоса Ш. Х. Салакая считает, что объединяющее имя героев нартского эпоса – *нарты* может быть увязано с названием древнего царства *Наири* (Хубушкиа), позже вошедшего в состав племенного союза Наири-Урарту [220, 74; 189, 515].

Наконец, видимо, не совсем безосновательна и существовавшая у части абхазов версия их выхода из Армении. Так, Яков Рейнегтс еще в XVIII в. н. э. писал: «Сами абхазцы не согласуются в своем происхождении: некоторые полагают оный от армян, другие же подтверждают, что предки их были выходцами из Египта или, может быть, из Абиссинии, ибо абхазцы себя называют Абсне» [218, 4–5; 24, 164].

Вместе с тем, как уже отмечали, во второй половине II тыс. до н. э. на северо-западной окраине Малой Азии, в регионе Эгейского моря, существовали такие царства, как: *Ахиява, Арцава, Ассува*, а на самой северо-западной окраине между Ассувой и проливом Дарданеллы – *Мисия*.

Судя по уже описанному топонимическому материалу этого региона (см. выше), в том числе и названиям этих царств, здесь

располагалась часть абхазо-абазинского этнического мира, появление которой в этом регионе могло быть следствием разгрома хеттами древнехаттского царства в XVII в. до н. э.

Этнотопоним *Ахиява*, видимо, являлся абхазской формой наименования ахейцев и их страны. Название же страны *Мисия* напрашивается на сравнение с именем древнеабхазского этнического подразделения *Мысы* или *Мысаа*, упоминающегося в VI в. н. э. Агафием под названием миси-мияне, как один из горных воинственных народов в пределах территории нынешней Абхазии. Топонимия страны *Арцава* и прежде всего само название царства и его главного города *Анаса*, указывают на абхазов, на древнюю форму их самоназвания *анаса* // *абаза*. Что же касается царства *Ассува*, то, как уже отмечалось, его название идентично с абхазским названием абазин *ассуа* (→ *ашәуа*), где *уа* – «люди», основа же *ас* // *асс* соответствует адыгскому названию абхазов и абазин *аз* или *аз-ра*. Область *Ассува*, где позже расположилась Лидия, греки называли *Асия*, откуда произошло и слово «*Азия*» [189, 281], а население же указанных царств причислялось к догреческим пеласгам.

К началу XIV в. до н. э. в основном все предполагаемые абхазо-адыго-язычные царства предпринимают наступления с четырех сторон на Хеттскую державу: с запада – Арцава, с севера – народы Каска, с северо-востока – Ацци и Хайаса, с востока – Ишува, а с юга – Кацувадна, что поставило державу хеттов на грань полного разгрома. Однако вскоре ситуация меняется в пользу хеттов [201, 144].

Уже в середине XIV в. до н. э. хеттский царь Суппилулиум с особой жестокостью покорил Арцаву. Он увел из этой страны огромное количество людей – 66 тыс. человек [189, 370], которых поселил на южной окраине своей державы. Видимо, они и бежали вскоре в Ишуву, а затем в царство Хайаса, где существовала родственная им этническая среда. В силу того, что они не были выданы хеттам, произошли при Суппилулиуме уже описанные грандиозные события. Преемник Суппилулиума Мурсилис II также стал требовать от хайасцев возвращения беглецов. Хайасцы в ответ на это предприняли военные действия против хеттов и отхватили у последних территории по верхней части р. Галис [201, 148]. Каски также начинают совершать набеги на хеттские территории.

Некоторое время Арцава выступала и как союзница Хеттского государства. Войска Арцавы принимали участие в знаменитом сражении под Кинзой (Кадешом) на стороне хеттов против египетского фараона Рамсеса II. Однако к концу первой половины XIII в. Западная Малая Азия (в том числе Арцава, Ассува и Ахиява) полностью отпала от Хеттской державы. В связи с этим хеттами предпринимаются военные действия против Арцавы и Ассувы. Последняя же была спасена благодаря каскам, напавшим на хеттов во время похода хеттского царя на Ассуву, что вынудило царя прервать этот поход [201, 188].

Вскоре за этим, уже в самом начале XII в. до н., народы царств Западной Малой Азии – Миссии, Ахейявы, Ассувы и Арцавы, в числе т. н. «народов моря», вместе с касками и абешлайцами [201, 192] и др. сыграли решающую роль в окончательном разгроме Хеттской державы. Этому предшествовало, как полагают ученые, захват ахейцами города Трои, подчинение Страны реки Сеха и появление вслед за этим со стороны Балкан каких-то племен [201, 192].

Из надписи египетского фараона Рамсеса II известны имена части племен т. н. «народов моря». Среди них представляют интерес такие, как: *шрдн*, *чкр*, *шкрш*, *три*, *рк*, имеющие египетскую форму записи с опущением гласных звуков. Представители племени (народа) *шрдн* служили, как сообщает Рамсес II, наемниками в египетском войске. Затем, во время войны фараона Мернептаха с ливийцами, в числе союзников последних были *шрдн*, *шкли*, *кви*, *рк* и *три* [201, 192, 194, 196]. Предполагают, что племя *шрдн* или *шардан* происходили из района города Сарды, располагавшегося в т. н. Стране реки Сеха [189, 383] или царстве Ассува [см. карту в книге 189, 376].

Название города *Сарды* сопоставимо с абхаз. *А-шэырды* (из Асырды) «абазинская равнина» – отсюда форма *А-шэырдыны* (или Ашэдэны) «Страна абазин», «Абазия», где *ашэды* от *ашэуа* (← асуа, срав. Ассува) «абазин», *-р* – притяжательное местоимение 3-го л. мн. ч. «их», *дэ* (древ. *ды*) «равнина», «поле», и *ны* – локативный суффикс; а комплекс же *дэны* (дны) означает «равнинное место», «равнинная страна». Последний, как уже отмечалось, представлен в таких абхазских географических названиях, как *Ашшьыр-дэны* // *Ашшь-дэны*, *Зи-дэны*, *Бгар-дэны* и т. д. Похоже, что это же оконча-

ние и в названии царства Киццува-дна – «равнина, (страна) Киццува», «равнина, страны Киццуовых» (?). Вместе с тем любопытно созвучие название племени *шардан* с именем древнего абазинско-кабардинского княжеского рода *Шардан*, (пишется *Шарданов*), а также с *Шурадын* (Шарадын) – именем персонажа абхазского нартского эпоса, представителя племенной группы *радыз* [74, 42]. Далее: племя *чкр*, срав. *чикир-еи* // *чигир-еи* – известное абазинское родовое сообщество и родовое имя *Чыкыр* // *Джикыр* (пишется Джикир-ба); племя *шкриш* срав. *Скрыш* // *Цкрыш* – абхазское родовое имя, а также речка и село в Восточной Абхазии; племя *триш*, срав. древне абхазо-абазинский род *Трыш* (Трыш – пишется *Трыш-ба*, у абаз. *Татрыш-ау*); племя *рк*, срав. родовое имя *Рик-уаа* у мегр. *Рик-ва-ва*. Как полагают ученые, часть разнородной этнической массы «народов моря», двигавшейся с запада после разгрома хеттов, задержалась на востоке полуострова или продвинулась на Армянское нагорье [201, 194] – в область похоже родственной им абхазо-адыгской этнической среды. Другая же обосновалась в основном в пределах Восточного Средиземноморья.

В связи с вышесказанным приобретает некоторый реальный смысл и этногенетическое предание абазин о том, что они некогда жили среди арнаутов, т. е. албанцев [24, 167]. С этим, в какой-то мере, перекликается и албанская легенда, опубликованная в 1916 г. М. К. Первухиным. Легенда гласит:

«На юге от реки Евфрат в незапамятные времена жили два семейных брата. Были они очень богаты: не было счета их коням, верблюдам, рабам. Но вот разгневался творец на ту землю и послал засуху. Погибла большая часть стад, умирали с голоду люди. И тогда братья, в поисках новых мест, пошли на север. Дошли до высоких гор, где буйные потоки мчатся по дну пропастей, а седые облака разрывают грудь свою о вершины бесплодных скал.

– Это и есть обетованная страна! – сказал один брат. – Видишь, сколько тут воды? Засухи нечего опасаться! И травы всегда хватит для наших стад!

Но другой брат не захотел оставаться здесь, и они расстались. Старший – его звали Абхазом – остался в приглянувшихся ему горах Кавказа, младший – его звали Наутом – пошел дальше, обошел Черное море, пересек Балканы. И, наконец, увидел горы, походившие на те, которые задержали Абхаза.

– Эти горы будут моими и детей и внуков моих! – сказал Наут. И раскинул свой стан там, где теперь стоит город Эльбассан. От старшего, Абхаза, пошло самое воинственное племя Кавказа – абхазы, родные братья албанцев. От Наута пошли арнауты, или албанцы, – самое неукротимое племя в мире» [222, 172].

Наконец, видимо, не случайно, что в I тыс. до н. э. *Ахея*, *ахейцы* фиксируются на Черноморском побережье Кавказа западнее гениохов. Более того, древнегреческие авторы упорно твердили о том, что кавказские *ахейцы* и их соседи *зихи* и *гениохи* пеласгийского происхождения, что они родом из западной части Малой Азии («...ахейцы, гениохи и зиги, чада земли пеласгийской»; «...ахейцы, гениохи и зиги племя очень дикое, происходящее, по преданию, от пеласгов») и т. д. [223, 240, 251].

В целом же, о значительном физическом и культурном представительстве предков абхазов и абазин в среде народов Малой Азии в II тыс. до н. э. говорят, наряду с уже названными, и другие не менее важные языковые факты.

Ряд ученых (Ю. Мессарош, В. Георгиев, Г. Меликишвили и др.) в своих исследованиях не раз ссылаются на общность происхождения протохеттского (хаттского) *уашхуа* (*Washaw*) – «бог» и абхазо-абазинского «*уашхуа*», убых. «*уашхва*», адыгейского «*уашхъуэ*», «*уашххо*», кабардинского «*уашхъуэ*», употребляемого, главным образом, как наистрожайшая клятвенная формула [24, 152]. Уделяя значительное внимание этому обстоятельству, сопоставляя материалы кавказских языков, Ш. Д. Инал-ипа приходит к выводу о том, что «уашхо» – это общее наследие праязыка абхазо-адыгских народов, что, в свою очередь, напрямую связывает с хатт. *Уашхуа* (*wa-shaw*) – «бог» [24, 157]. Однако, при всей очевидности этой связи, абхазо-адыгское «уашхо // уашхуа», как представляется, не имеет убедительного объяснения этимологии на местной языковой почве, во всяком случае – на уровне абхазского и абазинского языков. Более того, абхазо-адыгская семантика – употребление «уашхо» как выражение самой сильной, верной клятвы и заверения, например в случае отказа от сопротивления, признания своего поражения, безоговорочного подчинения воле победителя и т. п. [24, 146], – указывает, скорее всего, на его инородное происхождение, что некий бог «Уашхо» был чужд для абхазского и абазинского (возможно и для всего абхазо-адыгского) пантео-

на. Его абхазо-адыгская семантика, похоже, возникла в результате того, что некогда этот чуждый бог и клятва в верности ему навязывалось силой этническим подразделением абхазо-адыгов. Это было равносильно принуждению мусульман к признанию Христа и клятвы на верность ему или наоборот, принуждению христиан в верности Аллаху и т. д.

Поэтому связь абхазо-адыгского «уашхо» с хатто-хетским «уашхау» важен не в плане доказательства родства хаттов с абхазо-адыгами, а в плане определения характера этнополитических взаимоотношений хатто-хеттов с кашками и абешлаицами, т. е. с предками абхазо-адыгов, в период могущества Хеттской державы. А эти отношения, как уже выше было отмечено, являлись далеко не приятельскими.

Вместе с тем представляется как будто очевидным абхазо-абазинская этимология имени героя хурритского эпоса «О герое Гурпаранцаху» [182, 133]. Эпическое имя *Гурпаранцаху* переводится буквально с абхазского как «бог (покровитель) двора (или дворовых)» или «божество гурповых», где *гурпа*, возможно, от *аггарп* («двор») – *аггарпаа* («дворовые»), или: *гурпа* – этноним, и далее *ры* – притяжательное местоимение 3-го л. мн. ч. – «их», и *нцэаху* – «божество», «покровитель» (ха-нцэаху, букв. «наш бог»).

Обращает на себя внимание и сходство основы хеттского термина *аппанте-с* – «схваченный», «плененный», т. е. *аппанте* [189, 370], с основой абхазского слова *абаанда-фы* – «пленник», «заклученный», где *фы* – «человек», отсюда форма мн. ч. *абаанда-фцэа* – «пленники», «заклученные» и глагол *абаандаю-тэра* – «пленить», «арестовывать». Основа *абаанда* хетт. *аппанте* как будто объясняется на абхазском из *абаа* (в перс. *баа*) – «крепость» и *аанда* «изгородь», «ограда», в целом же абхазо-абаз. *абаанда-фы* – «пленник», «заклученный» букв. означает «человек крепостной ограды», «крепостник», т. е. «заклученный», «плененный».

Вместе с тем очевидно также родство абхаз. «а-фы», хетт. «вийаны», латын. «винум», греч. «ойнос», финик. «йаин», рус. «вино», груз. «гвино» и других близких к ним вариантов, выступающих в значении «вино». Индоевропейские вариации названия вина ряд ученых выводят из реконструируемой ими индоевропейской основы *uei* – «вить», «плести» [210, 71; 224, 647–649]. Другие же исследователи индоевропейских языков (Томсон и др.) утверж-

дают, что это слово не является коренным индоевропейским и что оно должно быть заимствовано. Семитологи также не считают его словом семитического происхождения (Легард, Гомель, Генезиус). Н. Я. Марр и Г. В. Церетели предполагали грузинское происхождение этого слова, мотивируя, главным образом, библейским преданием, в котором говорится о Закавказье как родине виноградарства и виноделия [179, 73]. Однако современные авторы – Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Иванов – груз. название вина *гвино* (gwino) рассматривают как иноязычный вклад в грузинском языке [224, 651].

В связи с абхазским названием вина *фы*-(*а-фы*) *w'ъ* представляет интерес прежде всего фонетически близкая к нему, реконструированная индоевропейцами исходная форма названия вина *wei*. Вместе с тем предполагаемая учеными изначальная семантика и.е. *uei* – «вить», «плести», отсюда «вьющееся растение» – «виноград», затем – «плоды его» и далее – «напиток из виноградного сока», представляется не вполне убедительным.

Если же исходить из признания идентичности абхаз. *фы* (*а-фы*) – «вино» и основы индоевропейских вариантов названия вина – *uei*, то, похоже, появляется возможность уточнить с помощью абхазо-абазинских языков первоначальное значение этой основы. Так, в абхазском языке *а-фы* – «вино» осмысливается в значении «выжим», т. е. «сок», а слово *а-фа* означает «сухой», «сухое», т. е. «высушенное», «выжатое». От этой основы образованы каузативная форма абхаз. *масдара ар-фа-ра* – «выжимать», сущ. *ар-фа-га* – «пресс», букв. «то, чем выжимают», *ажьагъ-р-фа-га* – «специальный пресс для выжимания виноградного сока» и т. д.

Возможно также и другое объяснение, вполне соответствующее технологии приготовления вина, – из глагольной основы «*а-ф*» – *аф-ра* «мешать», «взбивать (напр. яйцо)», абаз. *афа-тра* (*ала-фа-тра*), абхаз. *афы-нтра* (*аила-фы-нтра*) «взбалтываться», «перемешение», «бурление» – переносно «суматоха».

Вместе с тем определенно можно говорить о том, что неосложненная форма абхазского названия вина *фы* является показателем ее более древнего происхождения по сравнению с вышеназванными производными вариациями исходного наименования вина.

Как известно, виноградарство и виноделие с древних времен является традиционным занятием абхазов, о чем свидетельствует

и связанная с ними широкоразвитая отраслевая лексика. До недавнего времени в Абхазии культивировались более сорока сортов винограда [13, 181], а вино являлось объектом экспорта и бартерных сделок: например, еще в XIX и в начале XX в. абхазы свое вино обменивали на мегрельскую кукурузу и на другие виды товаров.

Вместе с тем следует отметить, что культура виноградарства и виноделия слабо выражены у абазин и других абхазо-адыгских народов Северного Кавказа в силу климатических условий их местопроживания и утверждения здесь мусульманства.

О широких культурных и исторических связях кавказских народов, в том числе предков абхазов и абазин, с древними цивилизациями Малой Азии говорят и целый ряд других языковых фактов. Например, обращает на себя внимание близость абхаз. *а-еы* абаз. *чы*, убых. *чы*, адыг. *шы*, груз. (детское) *ачу*, *ачи* (считается заимствованным из абхазского), авар. *чу*, лакск. *чу* с хурр. *issi*, хетт. *assu*, др. пер. *asa*, др.-инд. *asva* – «лошадь» [151, 87–88]. В абхазо-адыгских языках от основы *еы* // *чы* // *шы*, означающей «лошадь», образовано название осла: абхаз. *а-еада*, абаз. *еада*, убых. *еыды*, адыг. *шыды*, каб. *шыд* – «осел». Значение же конечного элемента *д* // *ды* пока еще остается не до конца выясненным [151, 90–91]. Однако похоже, что он восходит к адыг. *ты* (ды) – «отец», «самец», отсюда адыг. *шыды*, букв. «лошадь-самец», точно так же, как в абхазском и абазинском *а-еаба* «жеребец» – из *а-еы* «лошадь» и *аб* // *аба* «самец», «отец».

Абхазо-адыгское название лошади *еы* // *чы* // *шы* присутствует также и в наименовании верблюда: абхаз. *а-мах-е*, абаз. *мах-еа*, убых. *маху-ча*, адыг. *махъ-шэ* // *махъу-шэ* – «верблюд» [225, 100; 151, 92, 98]. Если рассматривать данное слово как исконно кавказское, то элемент *мах* можно было увязывать с абхазо-абазинским названием луки (седла) – *а-маха* (*амаха* – также «конечность»), и тогда *а-мах-еы*, букв. «лошадь, имеющая луки (лука)». Такое название верблюд мог получить благодаря форме его горба. А. Куйперс [226, 101], А. Шагиров [132, 262] и др. не исключали и возможность заимствования. Однако трудно сказать, в какой связи может быть абхазо-адыгское *мах-еы* // *махъ-шэ* – «верблюд» с кирг. *мокочо* – «бука», «чудовище» (детское) [227, 437] или с перс. *махчи* – «арабская лошадь-полукровка», где перс. *мах* – «нечистый, с примесью» [227, 437].

Вместе с тем абхазо-абазинское *а-гужь* – «мул», несомненно, восходит к и.-е. *ekuos*, лат. *egus* – «конь», «лошадь» [228, 48]. Возможно, что здесь мы имеем тот случай, когда, как отмечал В. И. Абаев, слово, означающее у одного народа «лошадь», вообще у соседей нередко получает насмешливое значение «кляча» и т. д. [229, 256; 151, 98].

Вряд ли также можно отрицать общность абхазо-абаз. термина *а-уаса* – «овца», адыг. *уаса* – «цена», и.-е. **owis*, ср.-хетт. *hawas*, лат. *ovis*, рус. *овца*, не имеющего до сих пор убедительной этимологии [228, 70; 151, 72]. Поэтому не лишне говорить и о возможном объяснении абхазо-абаз. *уаса* из *ху(а)са* или *ху(а)сса*, букв. «тонкорунный», где *ху(а)* – «шерсть», «волосяной покров» и *са* // *сса* – «тонкий», «мелкий» (*са* является также основой глагола *а-са-ра* – «стричь», «брить», *а-са* – «стриженный», «бритый»). Вместе с тем баран в абхазском и абазинском языках обозначается иноязычным словом *а-ты*, которое, скорее всего, восходит к адыг. *т* // *ы* «баран» – из *ты* «самец», «отец», точно так же, как абхазо-абаз. *аб* «козел» – из *аб* «самец», «отец».

На непосредственное знакомство прото-абхазо-абазин с самой крупной пустыней мира – *Сахарой* может указывать абхазо-абазинское слово *а-сакара* (ср. «Сахара»), означающее «пустыня» (в араб. *сахара*, в тур. *sahra* «пустыня»). В этой связи представляет значительный интерес являющееся страшным проклятием у абхазов выражение «*агэы-сакара укэхааит*», букв. «чтобы ты застрял в центре Сакары» – переносно *асакара* или *агу-сакара* (агуысакара) – «безнадежный», «неодолимый», «трудноодолимый», где *агу* (агэы) – «центр», «середина». Думается, что термин *а-сакара* появился в языке прото-абхазо-абазин гораздо раньше II тыс. до н. э., а сам термин по-своему фонетическому облику и суффиксальному оформлению вполне вписывается в абхазо-абазинский словарь исконных терминов: *асака-ра* – «пустыня», срав. *аиша-ра* – «равнина», *агэава-ра* – «лощина», *аиьха-ра* – «гористое место», *азбаа-ра* – «болото», *абна-ра* – «лесной массив» и т. д.

В известной степени с пустыней ассоциируются древние ее обитатели – негры и арабы. Последние именуются у абхазов и абазин одним именем «*арап*», имеющим параллели в ряде других языков. Вместе с тем абхазо-абазинское *арап* означает не только «негр», «араб», но и «черный», «кожура (плода) грецко-

го ореха». Похоже, что все это не случайно: названные значения вполне увязаны между собой. При этом, как представляется, по крайней мере абхазо-абаз. *араҧ* первоначально являлось обозначением черной (красящей) кожуры плода грецкого ореха, что подтверждается абхазо-абазинской этимологией слова *араҧ* (ара-п): из *ара* – «грецкий орех» (срав. *ара-са* – «фундук», букв. «мелкий орех») и *а-ҧ* – «кожура», «мякина» [212, 51]. Отсюда, переносно, прилагательное *араҧ* – «черный» и далее «негр», «араб» т. е. «черные, темные люди». Думается, что именно от той же основы *ара* – «орех» происходит и другое абхазо-абазинское слово *арацәа* – «уголь», букв. «шкура (плода) грецкого ореха», где *цәа* – «шкура», «кожа», «оболочка». В связи с этим следует подчеркнуть, что грецкий орех занимал с древнейших времен важное место в жизни абхазов и абазин. В силу этого абхазы называли его также *аҧсныхәша*, букв. «масло Абхазии», и, действительно, последние из него получали (впрочем, как и сегодня) ценное ореховое масло, ореховое тесто, являвшееся основой для соусов, подлив, а также разных обыденных и праздничных блюд. Кожура же плода грецкого ореха употреблялась в качестве краски, а ореховая древесина использовалась как ценный строительный материал. В прошлом многих путешественников и других лиц, попадавших в Абхазию, поражало обилие здесь громадных ореховых деревьев [247, 47], причем состоявших из разных сортов.

В связи с этнонимом *араҧ* – «араб» представляет интерес название контролировавшей хурритами в первой половине II тыс. до н. э. области – *Аррапха*. Она являлась в указанный период крайней восточной областью хурритского государства Митанни [189, 316]. Название же *Аррапха* // *Араҧха* осмысливается на абхазском как «головные арабы», «передние (начальные) арабы»: от *аррап* // *араҧ* – «араб» и *хы* // *ха* – «голова (головной)», «начало (начальный)».

Что касается самого государства – Митанни, то оно было создано хурритами в первой половине II тыс. до н. э. в междуречье Тигра и Евфрата, куда входили области от Северной Сирии до Ашшура и Аррапхи. Оно долгое время соперничало с такими могущественными государствами, как Хеттское царство и Египет.

Хурриты Митанни считаются изобретателями боевых колесниц и методов подготовки лошадей, впрягавшихся в них [187,

129], и т. д. Управлял страной Митанни «дворец» – сосредоточие местного государственного хозяйства [189, 316]. Столица именовалась Вашшуккани. Окончание этого названия *кан* или *ккан-и* сопоставимо с абхаз. *хан* (а-хан) – «дворец», например Лоу-хан – «дворец Лоуовых»: абхаз. *а-хан*, букв. «место главы», *хы* – «глава» и *н* – локкативный суффикс, срав. *аф-ны* из *ау-ны* (*агә-ны*) – «дом», букв. «человек места». С названием страны Митанни как будто увязывается и полуокаменевшее абхазское слово *а-матанеи-ра*, букв. «матенеиствовать», что употребляется в значении «просить у кого-л. пощады», «раболопствовать», «замазывать свою вину путем подхалимства» [102, (т. 1), 667]. Абхазское *аматанеи-ра* – то же самое, что и греческое *μετάνοια* [370, 1082], церк. *μετάνειο* [371, 512; 372, 248, 495] – «каяться», «раскаиваться», «покаяние», «сожаление», «коленопреклонение». Возможно, это является отголоском безжалостного разгрома хеттами Митанни из-за принятия ею бежавшего от хеттов населения царства Ишувы. В разгромленной Митанни – союзнице Египта – стал править уже зять хеттского царя.

Как установлено учеными, хурритские племена были широко распространены и за пределами Митанни. Их помещают практически во всех вышеназванных территориях: царств Ассува, Арцава, Кицуадна и в верховье р. Евфрат, а также на Армянском нагорье и в Восточном Средиземноморье. Хурриты, как уже отмечалось, считаются по языку родственным кавказским народам – нахско-дагестанской и абхазо-адыгской языковым группам. Поэтому и неслучайно, что именно в названных местах проглядываются следы абхазо-абазинских этнических подразделений.

Можно говорить и о длительных тесных контактах части предков абхазов и абазин с картвельскими племенами именно на территории Малой Азии во II тыс. до н. э., а возможно и раньше. Причем, как установлено учеными, абхазский язык оказывал довольно серьезное воздействие на языки последних, которые ныне считаются по происхождению индоевропейскими. Так, например, акад. А. С. Чикобава подчеркивал значительное влияние абхазского языка в далеком прошлом на мегрельскую и чанскую речь [230, 288]. В частности, он обоснованно указывает на морфологические заимствования из абхазского языка – превербов *ла*, *та*, *қа*, *йа*, *на*, которые оказали значительное влияние на строй речи

мегрельского и чанского диалектов занского языка [231, 165–166]. К. В. Ломтатидзе, также являющаяся крупным авторитетом в кавказской лингвистике, пишет: «Племена, говорившие на абхазском языке, имели с древнейших времен неразрывные связи с грузинскими племенами. Результатом этих взаимоотношений является бесспорное влияние абхазского языка на грузинский, не только в области лексики, но также в определенных областях морфологии. Факты подобного рода в языке не могут быть результатом простого влияния. В этом случае мы имеем дело с абхазским субстратом в мегрело-чанском языке. Этот факт есть факт далекого прошлого, и он указывает на древнейшие интенсивные контакты между названными племенами» [232, 138].

Эти контакты продолжают иметь место и в конце II тыс. до н. э., уже в пределах северо-восточного региона Малой Азии, где вслед за разгромом Хеттской державы (возможно и раньше), похоже, возникает союз между отдельными царствами абхазо-адыгских, т. е. кашко-абешлайских, этнических подразделений [24, 129].

Вместе с тем наблюдается здесь и некоторое передвижение или смешение местных родственных племен. Так, например, в начале XII в. до н. э. на правобережье р. Евфрат вместо Паххува уже значится Каски, а в место царства Хайаса (в области верховья рек Чорох и Евфрат) появляется царство Дайаэни или Диауехи // Диаохи, т. е. «Страна таохов» [189, 515]. Примечательно, что названия царств *Паххува* и *Дайохи* // *Диауехи* непосредственно увязываются с убыхами, являвшимися всегда территориально и по языку промежуточным звеном между абхазами и адыгами. Выше уже говорилось об этимологии названия царства *Паххува*, состоящей из названия убыхов *пахы*, [161, 63], *пëх*, и абхазского этнонимобразующего окончания *уа* – «люди». Паххува, букв. «пахховцы», т. е. «убыхи».

С появлением убыхов в верховье р. Чороха и создания здесь, при их определяющей роли, мощного абхазо-убыхского государства и река Чорох начинает именоваться абхазо-адыгским именем убыхов *Пëх*, *Бух*; видимо, отсюда и древнеармянское название р. Чорох – *Вох* [240, 121], а также название народа *похи* у древнеармянского автора V в. до н. э. Фавстоса Бузанда [414, 15, 16] и *пухи* в «Армянской географии» VII в. [415, 38] (об этом же см. в работе М. Кишмахова [416, 199, 200]).

В названии нового царства *Дайазни* или *Диаохи* // *Диаухи*, переводимом учеными как «страна таохов», явно имеем уже самоназвание убыхов *туахы* (*тэахы*), отсюда *туахыбза* – «убыхский язык» и абхазо-убыхский – *Туахы* (*Тэахы*) – «Убыхия». Вместе с тем название *таох* образовано от этнонимной основы *тао*, отсюда и местное название страны *Тао*, зафиксированное в древнегрузинской исторической литературе (249, 245), а в армянских же источниках *Тао* именуется *Таук*. Похоже, что в этнониме *Тао* конечное *о* восходит к абхазскому этнонимообразующему элементу *уа* (см. выше) *тауа* → *тао* – «тауцы». В дальнейшем этноним *тао* (*тауа*) был осложнен и урартским аффиксом множественности *х* – *таох*. Отсюда и внешнее название народа и страны – *Диаух* или *Таох*. Со временем последнее стало и самообозначением (самоназванием) убыхов.

В ассирийских источниках конца II тыс. до н. э., в частности, в анналах Тиглатпаласара I, наряду с абешлайцами и кашками (касками), страной *Диаени* (*Диаохи*) упоминается и страна *Хабхи*, похоже, прилегавшая к «великому морью», т. е. Черному морю. Как полагает Ш. Д. Инал-ипа, название *Хабхи* может быть основой внешнего обозначения народа апсуа (древ. апсар) – *абхазы* и их страны *Абхазия* или же увязанным с самоназванием убыхов – *пэх* (24, 111).

В первой половине XII в. до н. э. абхазо-адыгские этнические подразделения совершают целый ряд военных походов в юго-восточные районы Малой Азии. В частности, тогда же каски и абешла прошли через территорию Мелид-Камману [180, 181], с этого времени они все чаще упоминаются на восточной части территории Малой Азии, по соседству с табалами и мушками. Они также соседствовали и с аримами – урумейцами и действовали зачастую с ними вместе [24, 125]. Кашки и абешлайцы сумели завхватить и страну Шубарту. Однако их экспансия на юг и юго-восток Малой Азии была приостановлена встречным движением ассирийского царя Тиглатпаласара I. Последний пишет: «4000 кашкайцев... (и) урумейцев, непокорных людей Хеттской страны, которые силой своей захватили поселения страны Шубарту... битвы они убоялись (и) обняли мои ноги» [24, 129]. В другой же своей хвалебной надписи сообщает: «...Урумейцев (и) абешлайцев... непокорных людей страны хеттской, я схватил, причислил к людям моей страны» [24, 129].

По-видимому, удачные походы Тиглатпаласара I в конце XII до н. э. вынудили абешлайцев-апсаров сосредоточиться в верховье Евфрата и бассейне р. Чорох, а также на восточном и кавказском берегах Черного моря. Однако вскоре абхазо-адыгские этнические формирования вновь начинают играть значительную роль на восточных территориях бывшего Хеттского государства [189, 515]. Часть касков обосновывается в области верховья р. Галис и создает здесь мощное царство Каску. Что же касается убыхо-абхазского этнополитического образования *Туахы* (Тэахы) или *Диауехи* (Дайаэни), то оно не только устояло от натиска ассирийцев, но и сумело уже в XI–X вв. превратиться в самое сильное и богатое государство в восточной части Малой Азии, в том числе, во всем Армянском нагорье [189, 515; 241, 140; 24, 110]. Оно возглавляло крупную коалицию племен, живших к северу против Ассирии. Вся эта обширная территория была известна под названием Наири, и здесь существовали десятки мелких царств.

Влияние царства Диаохи или Дайаэни распространялось и на многие причерноморские племена, войска которых приходили на помощь подвергающемуся нападению со стороны ассирийцев Диаохи (249, 193–194).

К концу II тыс. до н. э. в Юго-Восточном Причерноморье, в непосредственном соседстве с Диаохи, продолжает существовать и царство *Хайа* (*Хайа-са*), по-видимому, соответствующее *Аиа* (Айа) или *Еиа* (Ейа) древнегреческих источников и ассирийскому *Хабхи*.

Таким образом, есть довольно веское основание полагать, что предки абхазов, абазин, убыхов и адыгов составляли еще во II тыс. до н. э. многочисленный этнический массив. Это близкородственное этническое сообщество, как отмечают многие авторитетные ученые (А. Глейе, И. А. Джавахишвили, И. М. Дьяконов, Н. Я. Марр, Г. А. Меликишвили, Ш. Д. Инал-ипа и др.), занимало во II тыс. до н. э. территорию от центральной Малой Азии до Юго-Восточного Причерноморья и далее – всю морскую береговую полосу Кавказа, включая территорию современной Абхазии (24, 424; 180, 13).

Заметная роль абхазо-адыгов в истории древней цивилизации Малой и Передней Азии предполагает и возможность существования у последних своего древнего письма. На это же намекает и собственно абхазо-абазинская древняя терминология чтения и

письма [242; 99, 57]. Вместе с тем известно, что во II тыс. до н. э. в Малой Азии государственные и иные документы составлялись на шумерском или аккадском, египетском (коптском), хеттском, лувийском, палайском, хурритском языках. Существуют здесь и недешифрованные тексты неизвестного происхождения. Большая часть иероглифических и других текстов II тыс. до н. э., записывались на деревянных табличках (абхаз. *ašəḱəy* – «письмо», «книга», букв. «продолбленный бук»), поэтому они могли и не дойти до нас [182, 122]. Из вышеназванных письменных культур в малоазиатском регионе больше всего использовалась аккадская клинопись, чаще вместе с аккадским языком, известно и протобиблское или т. н. псевдоиероглифическое библиское письмо, употреблявшееся параллельно с возникшим на его основе усовершенствованным финикийским письмом [201, 266]. Как уже было сказано, австрийский семитолог А. Ирку и советский кавказовед-эпиграфист Г. Ф. Турчанинов и др. считают, что это древнее письмо принесли в Финикию (в Библ или Губла) предки абхазов и абазин с Кавказа. Дешифровке и исследованию составленных на нем текстов Г. Ф. Турчанинов посвятил две известные монографии: «Памятники письма и языка народов Кавказа и Восточной Европы» [25] и «Открытие и дешифровка древнейшей письменности Кавказа» [208].

По поводу открытия Г. Ф. Турчаниновым древнеабхазского (ашуйского) письма одобрительно высказался целый ряд известных востоковедов. Но, к сожалению, со смертью автора и поддерживавших его ученых начатая им работа остается до сих пор без продолжения. Тем не менее сегодня можно говорить о главном, т. е. о том, что Г. Ф. Турчанинову удалось обнаружить в текстах этого письма древние образцы абхазо-абазинской речи. Немаловажно, что это письмо и тексты увязываются с Финикией, где, как уже отмечалось, во II тыс. до н. э. мог быть представленным абхазо-абазинский этнический элемент.

Пока же для исследователей древнейшей истории Малой Азии и Кавказа основной историографической базой остаются дешифрованные учеными тексты вышеназванных письменных культур. Из этих источников материал отбирался с учетом особенностей древней письменной традиции. Прежде всего имеется в виду, что на ранней стадии развития письменности при записи слов опускались (особенно у египтян) гласные звуки, и при чтении ученым

приходилось восстанавливать их условно. Кроме того, каждый текст отражал и нормы языка самого писца и степень его грамотности. Поэтому при сопоставлении языкового материала древних текстов с данными современных языков определяющим является прежде всего единство или звукосоответствие комплекса корневых согласных и совместимость их семантических нагрузок. Думается, что в этом плане вышеозначенные языковые сближения вполне допустимы и вписываются в исторический фон древнейшей Малой и Передней Азии и Кавказа.

ГЛАВА VI

ЮЖНОЕ ЗАКАВКАЗЬЕ, ЮГО-ВОСТОЧНОЕ И КАВКАЗСКОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ I ТЫС. ДО Н. Э.

§ 1. Этнические сообщества Юго-Западного Закавказья по данным урартских источников. Царство Дайаэни или Диаохи

В начале I тыс. до н. э. в Юго-Западном Закавказье и на примыкающей к ней с юга территории представляются наиболее развитыми в экономическом и культурном отношении малоазийско-кавказские абхазо-адыгские этнические подразделения. В верховье р. Чорох все еще остается значительным этнополитическим образованием царство *Диаэни* или *Дайаэни*, именуемое также *Ди-ауехи* // *Диаохи* (т. е. «Страна тахов») – от самоназвания убыхов *туахы* (см. выше).

В IX в. до н. э. Ассирия предпринимает новые крупные походы против северных территорий. В связи с этим в ассирийских источниках вновь появляются сведения о стране Дайаэни как о крупной политической единице. В то же время рядом с Дайаэни (или Диаохи) вокруг Ванского озера возникает сильное государство Урарту, в лице которого Дайаэни получает довольно опасного врага. Это обстоятельство вынуждает Дайаэни выступить в союзе с бывшим ее противником – Ассирией против Урарту. Однако в конце IX в. Дайаэни приходится полагаться уже только на собственные силы против натиска Урарту. Используя выгодную для себя ситуацию, урартский царь Менуа на рубеже IX–VIII вв. до н. э. предпринимает удачный военный поход против Дайаэни, именуемой в урартских источниках Диауехи, Диаохи. В язлыташской скальной надписи, посвященной этому событию, Менуа сообщает: «Бог Халди выступил (в

поход) со своим оружием (?) против Диауехи, могущественной страны. Завоевал я страну Диауехи, в бою я завоевал город Шашилу, царский город. Страну я сжег, крепости (разрушил?). Дошел (?) я до страны Шешети, (до) города Зуа... Утупурши, царь Диауехи, явился передо мною, обнял (мои) ноги, ниц повергся: я отнесся (?) (к нему) милостиво (?), пощадил я (его) под условием (выплаты) дани: дал он мне золото (и) серебро, дал дань. Тех пленников, (?) (которые) возвратились (к нему), он вернул полностью...» [250, 36].

Примечательно, что в этой надписи урартский царь Менуа о Диауехи говорит как о могущественной стране с множеством крепостей и подвластных царьков. По этой же надписи и другим урартским источникам, в Диауехи более всего было развито скотоводство и металлургия. В отрасли скотоводства на первом месте стояло разведение мелкого рогатого скота, в частности овцеводство. Значительное место занимало также коневодство. Большим спросом у соседних народов пользовались диауехские кони. В Диауехи широко применялись металлы – медь, золото, серебро [249, 201], особенно выделялась здесь металлургия меди. Соседние страны, в том числе Урартское государство, доставляли медь из Диауехи [214, 408].

В урартских источниках, наряду с названием страны *Диаохи* // *Диауехи* и реки Чорох (*Вох*, *Бох*) (см. о них выше), упоминаются целый ряд и других любопытных топонимов. Прежде всего представляет значительный интерес название царского города Диаохи *Шашил* // *Шашил-уни*, сближающийся по своему окончанию с древним именем юго-восточных абхазов – *апсилы* или *абишил* (см. выше) и в полной своей форме сохраняющийся и ныне в названии большого села в Галском районе Абхазии – *Шешелети* // *Шашилети*, абхаз. *Шьашьыл қыт*. В этом же районе и р. *Шаикуара*, букв. на абхаз. «речка Шашов». Название села *Шьашьыл-қыт*, как, впрочем, и многие другие топонимы Абхазии, абхазские махаджиры (переселенцы) во второй половине XIX в. увезли с собой в Турцию, где также существует село *Шашилқыт* [268, 429]. Первое, т. е. *Шашилети*, оформлено грузинским суффиксом *ети* (срав. груз. *Абхаз-ети* – «Абхазия», *Кахети* – «Кахетия» и т. д.) и в целом означает «страна или земля Шашилов», абхазское же *Шьашьыл-қыт* букв. «село или община шашилов».

В урартских источниках дается и форма *шашк*, *шаики* (292, 31). Этнонимной основой для шаш-ил и шаш-к является *шаи*, представленная в упоминаемой урартским царем Менуа страны *Шашети*, *Шешети*, букв. «Страна шашов», где *ети* – локативный суффикс. Название страны (области) *Шашети* позже в грузинских источниках было переименовано в *Шавшети*. В основе этих названий просматривается родовое имя абхазских князей и царей *Шаиш* (у северо-западных абхазов) [35, 9; 74, 172] или *Чач* (в восточной Абхазии). Этим же именем *Шаиш* обозначалась и одна из областей исторической Западной Абхазии (293, 3), от которой, похоже, происходит и название города Сочи, известного в прошлом и как *Шаша*, *Шаше* (96, 191, 194).

В надписях урартского царя Менуа, наряду с царским городом Диаохи – *Шашилу*, упоминается и город *Зуа* (*Зуа-ни*), который уже Аргишти называет царским городом (292, 42). В названии *Зуа* также налицо его абхазское этнонимобразующее окончание *уа* «люди» – *Зуа*, букв. «Зуовцы». Этноним *Зуа* сопоставим с именем горного абхазского общества *Зоу* (из *Зауа*) и связанными с ними географическими именами в Гагрском р-не Абхазии: горы – *Зоу*, *Зоу ду*, букв. «Большой Зоу», *Зоу хэчы* «Маленький Зоу», *Зоу ихэы*, букв. «возвышенность Зоуа»; река *Зоуазы* «Зоуская река», *Зоу азхычечеа* «Зоуский водопад». От этнонима *Зуа* или *Зауа*, похоже, образовано урартское название страны – *Забаха* из *Зауах* > *Заваха* > *Забаха*, груз. *Дзаваха* // *Джаваха*. Как справедливо полагает Г. А. Меликишвили, от названия исторической области Диаохи – *Забаха* происходит груз. *Джаваха* и *Джавахети* (292, 30).

В связи с этнонимом *Зуа* представляет интерес и одно из известных наименований абхазов – *азра* (217; 11, 77, 79; 24, 323, 353). Последнее представляет абазинскую форму множественного числа этнонима *аз*. Возможно, от абазинской формы – *азра* образовано название соседней с Забаха области и города *Одзр(а)хе* [249, 205, 220], представляющее чанскую передачу урартско-абазинского *Азра-ха* (*ха* – хурриттский аффикс принадлежности [292, 30], срав. *Заба-ха*, *Кул-ха* и т. д.). По мнению же Г. А. Меликишвили, это название связано с безирами греческих источников, упоминаемыми на Черноморском побережье, южнее устья Чорохи [249, 212] (о безирах см. ниже.).

Преемником урартского царя Менуа – Аргишти I (VIII в. до н. э.) в число завоеванных племен включаются как *шаики*, так и *кабилухи*. В названии племени «кабилухи» также присутствует окончание «хи», что и в других, уже упомянутых именах. Это дает основание усматривать в препозиционном «*кабил*» этнонимную основу. Вместе с тем похоже, что сама основа «*кабил*» по своему же окончанию роднится с такими древними именами племен Причерноморья, как *апсил*, *дрил*, *шашил* и др. Поэтому можно говорить об основе *кабил* как об этнониме, от которого производно урартское «*кабилухи*». Этнонимная основа *кабил* распознается в названии крупного левого притока верховья реки Кура – *Коблиани* (она же – Джах-суй), а также и в наименовании прибрежного района Аджарии – *Кобулет*, букв. с грузинского «место (село) Кобулов». Как нам представляется, этнониму *Кабил* или *Кобл* (р. Кобл-иани), *Кобул* (Кобул-ети) соответствует название абхазо-шапсугского общества – шапс. *Кобла*, абхаз. *Куапал*, абаз. *Кабулов*. С этнонимной основой «*куапал*» совпадает топоним *Копал*, обозначающий местность в верховье Евфрата, в среднем течении ее притока Гексу, ниже области Абаза [К–2].

От абхазского *Куапал* (во мн. ч. *Купалаа* «Купаловы», в ед. ч. *Купалба* «Купалов») происходят родовые имена: груз. (сван.) *Копалиани* (Копал-иани) и мегр. *Кобалиа* (Кобал-иа).

Сообщество *Кобла* или *Купал* // *Куапал*, *Кабул* (абаз.) до XIX в. занимало западную окраину Абхазского княжества, а затем основная ее часть вынужденно оказалась в Турции, остальные же переселились вглубь Абхазии и на Северный Кавказ.

Царство Диаохи (т. е. таохов) к концу IX в. до н. э. начинает приходить в упадок в связи с военными неудачами в борьбе с Урарту. Урартийцы все более уверенно берут ориентацию на присоединение территории Диаохи к своей стране. Сын Менуа – Аргишти I в первой половине VIII в. до н. э. повторяет опустошительный поход своего отца на Диаохи, обратив эту страну, по крайней мере частично, в урартское наместничество [189, 518]. Вскоре, уже в конце VIII в. до н. э., эта страна, существовавшая около 500 лет, исчезает в источниках как государство под названием Диаохи (или Диауехи, Диаохи). Вместе с тем тогда же, в северной части Диаохи, урартийцы уже сталкиваются с политическим образованием *Кулха*, что, по мнению акад. Г. А. Меликишвили, соответствует

стране *Хабх* // *Хабхи*, зафиксированной в анналах ассирийского царя Тиглатпаласара I (1112 г. до н. э.) как царство, расположенное вблизи Великого (Верхнего) моря, т. е. Черного моря.

В VIII в. до н. э., наряду с Кулха урартских источников, в древнегреческой литературе начинает фигурировать и страна *Эйа* // *Айа*, а в дальнейшем она же *Колхида*. Во всех случаях, похоже, речь идет об одной и той же территории и этнополитическом объединении *Хабхи*, *Айа*, *Кулха*, *Айа-Колхиде*.

§ 2. Народ и страна Хабхи

Как уже было сказано, согласно ассирийскому источнику, *Хабхи* являлась самой северной из стран Наири и располагалась у Черного моря, что, по мнению ученых, территориально соответствует царству *Кулха*.

Отождествляя страну *Хабхи* с урартским *Кулха*, акад. Г. А. Меликишвили высказывает вместе с тем сомнение в правильности прочтения названия страны как «*Хабхи*» и полагает, что для *Хабхи* могут быть исходными формы *Килхи* или *Кулха*. По этому поводу проф. Ш. Д. Инал-ипа пишет: «...прочтение названия “*Хабхи*” Г. А. Меликишвили считает неправильным и предлагает свое толкование наименования этого этнополитического образования как Килхи на том, в частности, основании, что “*Килхи*” близко стоит к известному из урартских источников VIII в. до н. э. царству *Кулха*, хотя в порядке рабочей гипотезы “*Хабхи*” (“*Хапхи*”) можно было бы сопоставить и с корнем названия “*Абхазия*”, или самоназванием убыхов – *пёх*, учитывая наличие значительного абхазо-адыгского слоя в топонимике этих мест» [24, 111].

Действительно, вряд ли можно считать основанием для сомнения в правильности ассирийской формы названия страны *Хабхи* лишь факт несовпадения его с более поздним *Килхи* (?) или *Кулха*, трудно также представить этимологическую и фонетическую близость форм *Хабхи* и *Кулха*, хотя они являются названием одной и той же территории и этнополитического образования. Единственное, что роднит эти названия, – это их окончание -х- (*Хаб-х-и*, *Кул-х-а*), присутствующее также в именах многих древних Кавказских племен: *тао-х*, *пё-х*, *мос-х*, *заба-х* (джавах), *абас-х*, *зи-х*

и т. д. Поэтому с уверенностью можно говорить только о том, что в названиях *Хабх* // *Хабхи* и *Кулх* // *Кулха* этнонимными основами являются *хаб* и *кул*.

Вместе с тем, на наш взгляд, заслуживает серьезного внимания указание Ш. Д. Инал-ипа на возможность сближения названия *Хабхи* с корнем наименования страны «Абхазия». Если быть точнее, последнее образовано от этнонима *абхаз* (абхазы), корнем которого в действительности может быть *абха*, сопоставляемое Ш. Д. Инал-ипа с *Хабхи*. Исходной формой для *Хабхи* вполне допустимо *абха*, где препозиционное *а* вероятно произносилось с приступом и могло дать формы *Хаб-ха* // *Җабх-а* // *Кабх-а* // *Кабх-а* (срав. древнее название лодки, абхаз. *амар* в греч. передаче *ка-мар*). Однако не исключено обратное, т. е. каждая из последних форм в результате ассимиляции препозиционного согласного могла преобразиться в *абха*. Так или иначе, довольно похоже на то, что от этнонима *абха* (Хабхи, Хабха, Кабха) с помощью садзского суффикса множественного числа *з* (*дз*) образована усложненная форма имени *абха* – *абхаз* → *абхаз* (Хабхаз, Кабхаз), по-видимому первоначально обозначавшая одно из абхазо-абазинских сообществ. Впоследствии садзское *абхаз* было усвоено картвельскими племенами и соседними с ними народами как название всего абхазского этноса – срав. груз. *апхаз*, *апхазни*, *апхас*; мегр. *ап-хаза*; армян. *апхаз*, *апхазк*; араб. *аугаз*, *авгаз*, *абхаз*; перс. *афхаз*; др.-греч. – *авогаз*; итал. *абкас*, *абкац*. От груз. *апхаз* образовано грузинское название страны абхазов «*Апхазети*», а от формы *абхаз(ы)* – «Абхазия».

Вместе с тем обращает на себя внимание древнефиникийское название Кавказских гор *Каф*, которое вполне может быть одной из фонетических вариаций корня ассирийского *Хабхи* – *Хаб*, срав. *аб*, *каб*, *кап*, *каф*, *кав*, *кау*. Если исходить из возможных фонетических форм ассирийского *Хабх* (Хабхи, Хабха) – *Хабк*, *Кабк*, соответствующих формам *абх*, *абк*, то, с определенной уверенностью, можно увязать с ними упоминаемое Масуди арабское название Кавказских гор *Кабк* [61, 194]. Современное же название этих гор *Кавказ*, засвидетельствованное еще Эсхилом (V в. до н. э.) как «*Ка-укас*» (Каукасос), представляется производным от форм *Кабказ*, *Капказ* (→ *Кавказ*) для которых, как уже было отмечено, исходным может быть этноним *абхаз* // *апхаз* // *абкас*. Последний, со-

гласно сообщению арабского автора Иакута (Якута), был известен как название не только народа, но и горной страны, в частности, по словам Иакута: «Абхаз... название одного из краев на горе Каб-ки (Кавказ. – В. К.)» [61, 215]³.

§ 3. Страна и царство Айа // Эя

Сведения о стране, царстве и городе *Айа // Эя*, а также о народе аиасос, широко представлены в разных версиях сказания об аргонавтах и мифе о прикованном к Кавказским горам Прометее. Они, как известно, восходят к поэмам Гомера VIII–VII вв. до н. э. Сам же миф об аргонавтах, как полагают ученые, сложился еще в догомеровское время. События в нем происходят за одно поколение до троянской войны на малоазийском берегу Геллеспонта (конец XIII или начало XII в. до н. э.).

Страну *Эйю*, куда совершили свое плавание аргонавты, многие авторы, как древнегреческие, так и современные исследователи, отождествляют с Колхидой [24, 199–200]. Вместе с тем следует отметить, что имя *Эя // Айа* также фиксируется в догреческих источниках и вне связи с названным царством.

Выше уже говорилось о том, что в древней Месопотамии именем *Эя // Эа* обозначалось водное божество, обитавшее в подземном океане *Ансу(ва)* [см. гл. II]. Оно же и бог мудрости в г. Эреду.

В Египте был известен придворный чиновник под именем *Айа // Ау // Эя*, ставший затем фараоном в XIV в. до н. э. [201, 148, 575].

В гомеровской «Одиссее» остров, где обитает дочь бога Гелиоса и сестра Аиета // Аэта – богиня *Цирцея*, также именуется *Эя // Эйя* [256, 120]. Ряд авторов его локализуют у берегов Лации (в Италии).

По сообщению Корнелия Тацита, в древности существовал и город под названием *Эя* в Северной Африке [257, 529; 99, 52].

Как отмечает Ю. В. Откупщиков, древнее название Колхиды – *Аиа // Айа* также совпадает с названием города в Фесалии, откуда и отправились в свой поход аргонавты [258, 68–69], жившие, согласно античным сведениям, до Троянской войны. Последних

³Об иной этимологии оронима «Кавказ» см. работу автора (94, 179).

многие авторы отождествляют с карийцами [258, 65] и пеласгами, т. е. с догреческим, не индоевропейским населением Греции. Натиск древних греков вынуждает последних обосноваться в первой половине II тыс. до н. э. на среднеземноморском (эгейском) побережье Малой Азии. В частности, страна карийцев – *Кария* отмечается на юго-восточной стороне территории царства Арцава, похоже являвшегося, наряду с Страной реки Сеха, Ассувой, Миссией, одним из абхазо-абазиноязычных этнополитических образований в западной части Малой Азии в середине II тыс. до н. э. [см. гл. III]. Ряд древних и современных авторов считает, что карийцы, являвшиеся «сильным морским народом», были первыми, кто из эгейского мира стал посещать берега Черного моря еще задолго до начала греческой колонизации. Именно с ними увязываются многие древние топонимы и имена персонажей сказаний о походе аргонавтов [258, 65–74]. В основном, не отрицая это мнение, можно предположительно говорить о том, что морские походы могли совершать и ближайшие соседи карийцев – люди Арцавы, а также Страны реки Сеха, Миссии и других прибрежных районов, часть из которых, как уже отмечалось, похоже, являлись абхазо-абазиноязычным. Они и могли быть морским связующим звеном между эгейским миром и Черноморским побережьем Айя-Колхиды и Северо-Западного Кавказа, где уже проживали родственные им племена. Видимо, не случайно, что, наряду с ономастическим материалом, и дольменная культура Северо-Западного Кавказа находит ближайшую аналогию в Среднеземноморье [259, 322; 260, 29, 43, 50].

Контакты могли быть обоюдными. Известный кавказовед Л. И. Лавров пишет, что у строителей кавказских дольменов – предков адыгейцев, кабардинцев, убыхов, абазин и абхазов, идея и опыт строительства этих сооружений могли появиться в результате торгового и военного мореплавания в страны Среднеземноморского бассейна, начиная с неолитической эпохи [261, 105–107].

На древнюю связь между этими двумя регионами указывают также утверждения отдельных античных авторов о пеласгийском происхождении генихов (предков абхазов) и зихов (адыгов) Кавказского Причерноморья [223, 240, 251].

Однако все это никак не проливает свет на этимологию древнего названия Колхиды и ее столицы *Айя* // *Эйя*. Что же касается ана-

логий, то они порой бывают и не взаимосвязанными. Как уже отмечено в предыдущей главе, *Айа*, *Эйа* древнегреческих источников и *Хайа*, т. е. *Хайа-са* хеттских источников XIV–XII вв. до н. э., похоже, являются фонетическими вариантами названия одного и того же царства. В отдельные периоды *Айа* или *Хайа* (*Хайаса*) и *Ацци* выступали как одно целое под названием *Хайаса – Ацци* (срав. *Аацы* – село у древней столицы Абхазского царства Апсар – совр. Новый Афон). В XII–VIII вв. до н. э. на территории этого царства также были представлены два союзных царства: в южной части убыхо-абхазское *Диаохи* (*Диайэни*), а в северной – *Хайа* или *Айа*, оно же ассирийское *Хабхи* и *Құлха* урартских источников второй половины VIII в. до н. э. Последнее в трудах ряда исследователей именуется «Южно-Колхидское царство» или «Айа-Колхидское царство».

Колхидское *Айа* // *Эйа* первоначально могло быть также узкоэтническим племенным именем, отсюда и обозначением территории и царства. С этой точки зрения, вызывает любопытство известное абхазское родовое имя *Аи* // *Аиа*, пишущееся в единственном числе *Аи-ба* (где *ба* – «сын»), а во множественном *Аиаа* или *Аи-р* // *Аи-раа*, букв. «Айцы», «Айовы». Последние формы образованы с помощью суффиксов множественности *р* и *аа*, как и древнее самоназвание абхазов *аңса-р* или *аңса-раа* – «абхазы» от *аңса* // *аңсуа* – «абхаз». Родовое имя *Аи* // *Аиа* широко представлено и в топонимии Абхазии: *Аи-шьха* – гора в Гагрском районе, букв. «гора Аиовых», где *шьха* – «гора»; *Аи-б́за* – исторический регион Абхазии и хребет в верховье р. Псоу, букв. «хребет (гора) Аиовых»; *Аибы-хэ́ца* – село в Гулрипшском районе и местность в с. Аацы (Гудаутский р-н), букв. «предгорье Аиовых (Аиовых)»; *Аи-раа ры́бна* – лес в с. Звандрипш (Гуд. р-н), букв. «лес Аиовых», где *Аи-раа* форма мн. ч.; *Аи-раа ры́цьра* «дубняк Аиовых» в с. Апшидны (Гуд. р-н); *Аирқ́да* // *Аирқ́да ры́зха* – большой родник в с. Аацы вблизи местности Аибыхэца, букв. «родник Аиовых (Аиовых)», гора и река *Аиц* – правый приток р. Ингур в восточной окраине Абхазии – из *Аи́з* (Аидз), букв. «Аиов река (вода)», где, *з* (→ *ц*) «река» «вода» [93, 190, 555, 217, 345, 246, 275, 303, 550]. Представляет также интерес и то, что в с. Отхара (Гуд. р-н), являющимся одним из мест проживания рода *Аиовых* (Аиовых), имеется широкое каменистое поле под названием *Акула* [93, 273], напоминающее урартское обозначение колхов – *Кул-ха* (Кулха).

Судя по ассирийским, урартским и древнегреческим источникам, Аяа-Колхидское царство занимало Восточное и Юго-Восточное Причерноморье и простиралось от Черного моря до верховья р. Кура, с охватом территории исторических *мосхов* (Мосхети, Месхети) и *забахов* (Джавахети). Согласно же поэмам Гомера, влияние царства *Айа* распространялось и на все Северо-Западное Причерноморье до Крыма (об этом см. ниже).

На крайний восточный предел Аяа-Колхиды, похоже, указывает сохраняющееся и сегодня название крупного левого притока верховья р. Куры – «Ай», «Айа» (ныне – на территории Турции) [К–2].

Политический центр древнего Аяа-Колхидского царства, по-видимому, располагался в районе бассейна р. Чорох. В этой связи довольно определенно высказывается акад. Г. А. Меликишвили. В частности, он пишет: «Помещение политического центра (мифической) Колхиды на р. Риони является, несомненно, продуктом позднего осмысления, когда этот центр на самом деле переместился сюда. Раньше он должен был находиться намного южнее, в Юго-Восточном Причерноморье, близко от древневосточных государств (Урарту и т. д.). Вместе с тем органическая связь между представлениями о Колхиде и о реке Фасисе говорит о том, что этот древнейший центр Колхиды надо все же искать на какой-то большой реке Восточного или Юго-Восточного Причерноморья. Если это не может быть р. Риони, то остается думать, что это, вероятно, другая большая река этой области – Чорохи, впадающая в море недалеко (южнее) от совр. Батуми. Древнюю столицу Кулха, видимо, и нужно искать в приморской полосе, в нижнем или среднем течении р. Чорохи. В топонимике и этнонимике этой области сохранились названия, связанные с названием “Фасис” (область Басиани, племена фасианов и т. д.). По-видимому, “Фасис” и являлся древнейшим названием р. Чорохи. На р. Риони это название, очевидно, было перенесено позднее» [249, 207].

Соглашаясь в основном с мнением уважаемого автора, еще раз отметим, что в урартских источниках р. Чорох (похоже, ее верховье) именуется *Вох* или *Бох*. Последнее, как уже было сказано, увязывается с этнонимом *пѣх* – «убых», от которого и название царства *Похува*, располагавшегося в верховьях указанной реки. Кроме того, греческий полководец Ксенофонт (V в. до н. э.) со-

общает, что ему вместе со своей армией пришлось перейти (где-то в среднем течении) большую реку *Арнас*, которая, как полагают исследователи, соответствует р. Чорох. Если исключить возможность присутствия в гидрониме *Арнас* греческого окончания «с», то форма *Арнас*, возможно, из абхазо-абазинского *Арпаз* (Арпадз), букв. «река Арпа», что напоминает название левого притока р. Кубань, известного под названием – абхаз. *Арпа*, абаз. *Уарпа*, он же *Уруп* [110, 218, 219].

В древнегреческих источниках среднее и нижнее течение р. Чорох фигурирует под названием *Апсар*. Последнее также обозначало гавань и город-крепость, располагавшиеся у левого устья р. Апсар, что соответствует современному Гонию. С IV в. до н. э. в источниках *Апсар* фиксируются и как *Абсары*, *Апсарос*, *Апсарей*, *Апсарунт* [281, 179–180], а также груз. *Апсарети*, букв. «Страна апсаров», и т. д. С большой долей вероятности можно говорить о том, что все эти и другие вариации восходят к множественной форме древнего самоназвания абхазов – *апсар*, состоящей из *апса* (совр. апс-уа – «абхаз») и суффикса множественности *(а)-р* (см. гл. II, III). Эта форма самоназвания абхазов находилась в обиходе вплоть до позднего Средневековья. Примечательно, что первая столица Абхазского царства раннего Средневековья также именовалась *Апсар*, что соответствует г. Новый Афон. Оно же, как отмечалось, фиксируется как этноним в древнегрузинском письменном источнике XII в. вместе с именем сына царицы Тамары *Лаиа*, которое, согласно автору текста, с апсарского (абхазского) языка переводится как «светлый», «блистательный» [199, 91; 19, 215]. Прежде всего этот факт, а также и этимология самого этнопонима *Апсар*, представляются неопровержимым доказательством абхазоязычности древних *апсов*, т. е. *апсар*. Поэтому вполне справедливо М. Г. Джанашивили считал, что *абхазы* – суть *абсары*, *апишлы*, по греческим источникам – *апсарос*, *абсилы*, *апсилы*, а их страна по-грузински *Абсарети* или *Абсирети*... [265, 18, 95]. Также не без основания в абсарах видят абхазов такие известные ученые, как Н. Я. Марр, И. А. Джавахишвили, Б. А. Куфтин, Ш. Д. Инал-ипа, З. В. Анчабадзе и другие.

Наконец, как полагает Г. А. Меликишвили, река Чорох или Апсар ранее могла именоваться «Фазис». Возможно автор и прав, однако эта версия не подтверждается никакими источниками.

Древние же авторы названием Фасис // Фазис обозначают только р. Риони. Г. А. Меликишвили прежде всего исходит из того, что в среднем и нижнем течении р. Чорох базировались древняя область *Басиани* и племена *фасианов*, что, на наш взгляд, никак не исключает распространения последних и до р. Риони, именовавшейся *Фазис*. Вместе с тем автор справедливо указывает на родство названий *Басиани*, *фасианы* и *Фазис* // *Фасис*. Они, по своему оформлению представляющие не местные формы, образованы от этнонимной основы *бас* или *фас*. Варьирующиеся в этих названиях формы *бас* // *нас* // *фас* // *фаз* или *паса* // *Фаса* (*Фаша*) // *Фаза*, как это фиксируется в качестве гидронима и оронима в других источниках, являются, по утверждению многих исследователей (Услар, Глейе, Марр, Куфтин, Бгажба, Инал-ипа и др.), фонетическими вариантами древнего эпонима абхазов *а-паса* // *а-база* // *а-пса*. В частности, акад. Н. Я. Марр, уже применительно к территории Северо-Колхидского царства (VI–I вв. до н. э.), пишет о том, что название горы *Фаса* в верховье р. Риони и греческое название р. Риони – «*Фазис*» сохранили свидетельство, когда эта река протекала среди территории «*нас*»-ского, т. е. абхазского племени. По его мнению, абхазский народ в древности занимал площадь значительно более обширную: на юге – до р. Супсы, был расположен и на р. Риони, носившей некогда его племенное название – Фазис, с древнейшим городом *Кута* или *Кута* (груз. Кутатис, Кутаис), что по-абхазски *акыта*, означает «село» [264, 19]. Того же мнения и П. К. Услар [11 (О яз. убыхов), 78].

К древнему эпониму абхазов *абаса*, более чем похоже, восходят также названия современного города *Абаши* (*Абашья*, *Абасса*) в Сенакском районе Грузии и *Абаши* – притока р. Техура, впадающей в р. Риони (Фасис) [18, 101]. Именно в этом регионе древнегреческие авторы помещают древний город *Айа* // *Эйа*, что современные исследователи отождествляют с нынешним Накалакеви и с «Археополисом» (Древний город) византийских источников [249, 231].

В «Аргонавтике» в связи с царством *Айа* // *Эйа*, наряду с топонимическими *Айа* // *Эйа*, *Фазис*, *Ансар*, многократно упоминается и целый ряд других интересных имен.

На этническое лицо царства *Айа* // *Эйа*, как нам представляется, проливает свет прежде всего этимология имени Айского

(Колхидского) царя – *Аиет* // *Аэт*. В окончании этого имени, с большой долей вероятности, можно усматривать абхазо-абазинский суффикс принадлежности, владения *т*, сохраняющийся в первозданной исходной форме в абазинском, а в абхазском лабиализованной в *тѣ*. Исходя из этого, *Аиет* // *Аэт* буквально можно перевести как «владелец Аиа», т. е. «владелец (страны или города) Аиа». Форма же *аиати* переводится с абхазского как «аиаский» – *аиати ах* «аиаский царь». Поэтому представляется, что *Аиет* // *Ает* первоначально не являлось личным именем аиского (колхидского) царя, а обозначало его титул или его принадлежность. В этой связи примечательны слова Стефана Византийского (V в. н. э.): «Айа // Эя – город колхов, построенный Аиэтом; от имени города образовано имя Айета; как от Азия – Азиат, от Айя – Айат и Аиэт. Имя жителей – айайос» [270, 170; 271, 253; 99, 52]. Со временем имя *Аиета* было обожествлено. Согласно древнегреческой мифологии, *Аиет* // *Аэт* // *Эет* являлся сыном бога солнца *Гелиоса*. У абхазов же до недавнего времени почиталось божество *Эт-ных*, букв. «икона (образ) Эета», «святыня Эета». – В. К.) или *Эт-ных Аг-ных*, букв. «святыня (икона-образ) Эета – морская (прибрежная) святыня», которой особо поклонялось родовое сообщество Ампар села Калдахвара [126, 26; 188, 26; 23, 552]. Наряду с этими обращают также на себя внимание личные мужские имена *Аиат*, *Аиѣ*, *Аиѣа*, бытующие и ныне у абхазов [509, 24].

Одним из наиболее интересных ключевых имен «Аргонавтики» является *Апсирт*, упоминающееся впервые в V в. до н. э. Софоклом и Феркидом. Согласно этим и другим древнегреческим авторам, Апсирт являлся сыном Колхидского царя Аэта. Этимологии этого имени касались многие известные ученые, как Джанашвили, Марр, Джавахишвили, Гулиа, Куфтин, Анчабадзе, Инал-ипа, Откупщиков и др. Большинство из них Апсирт рассматривают как эпоним имени абхазов.

Академик И. А. Джавахишвили этимологию *Абсирт* // *Апсирт* выводит из абхазского языка и переводит как «местожительство абхазов (апсаров)» [266, 67]. По этому поводу Д. Гулиа пишет: «По нашему мнению, Абсирт-а, правда, слово абхазское, но означает оно место смерти, место, где люди вымирают, а не местожительства абхазов» [18, 95].

С точки зрения З. В. Анчабадзе, этническая принадлежность колхидского владетеля Аэта абхазам не должна вызывать сомнения еще и потому, что имя сына Аэта – Апсирт является эпонимом, давшим имя абхазам [267, 9].

В имени *Апсирт* Ш. Д. Инал-ипа также видит абхазское слово, в котором «первая часть (*апс*) является племенным названием, *-р* – абхазским показателем множественности, а последняя частица *-т* – абхазским локативным суффиксом (ты). В таком случае слово Апсирт первоначально обозначало буквально «место обитания апсов» (абхазов. – В. К.)» [24, 220].

Как представляется, вышеприведенные родственные по существу и не безосновательные мнения ученых нуждаются в уточнении.

Прежде всего следует отметить, что формы *Апсирт*-(ы) *Апсирт*(ы) и *Апсирта* отличаются не только по окончаниям, но и по семантике. Слово *апсирта* (совр. абхаз. апсы-рта), как справедливо отмечал Д. Гулиа, довольно прозрачно и на абхазском языке буквально означает «место гибели», «место смерти»: от основы *апсы* – «мертвец» (апс-ра – «умирать») и *рта* – локативного суффикса. Видимо, исходя из этого абхазского значения слова *апсирта*, древние греки объясняли название местности и гавани Апсар, где якобы был убит и похоронен Апсирт [269, 14].

Если исходить из зафиксированной в источниках формы *Апсирт*(ы), то в ней можно видеть основу самоназвания абхазов *апсы*, *р* – притяжательное местоимение 3-го л. мн. ч. «их» и *ты* (совр. *тэы*, *а-тэы*) – «владение», «принадлежность» – отсюда Апсирт(ы), Апсарт(ы), букв. будет означать не «местожительство апсов», как его переводит Ш. Д. Инал-ипа, а «владение апсов». Однако эти предполагаемые значения *Апсирт* или *Апсарт* трудно увязываются с именем героя. Поэтому, скорее всего, в основе имени *Апсирт* или *Апсарт* имеем множественную форму древнего самоназвания абхазов *апсыр* // *апсар*, уже являвшуюся и названием территории, с абхазо-абазинским суффиксом принадлежности *т* (совр. абхаз. *тэ*). В таком случае *Апсирт* // *Апсарт* буквально будет означать «владелец Апсира (Апсара)»; если же исходить из формы *Апсирти* // *Апсартти*, то это уже имя в значении «апсирский // апсарский», срав. с именем (титолом) отца Апсирта – Аэт // Аиет «владелец Аяа» или «айский (царь)».

По данным древнегреческих легенд, у царя *Аиета* были сестра по имени *Цирцея* и два брата: *Персей*, являвшийся царем тавров, и второй – *Фазис* // *Фасис*, от имени которого, якобы, происходит наименование главной Колхидской реки *Фазис* // *Фасис* (сов. р. Риони). Дочь Персея звали *Геката*. По одной из версий Аиет женился на Гекате и имел двух дочерей: Цирцею (иногда она же Кирка) и *Медео*, а также сына *Абсирта* по кличке *Эгалея*. Цирцея была выдана замуж за скифского или сарматского царя, а затем овладела царской короной.

В то время, когда Одиссей прибыл в Айа – Колхиду, здесь властвовала сестра Аиета – волшебница, чародейка Цирцея. Она посылает Одиссея к подземным богам в земли Кемириан, расположенные по обеим сторонам Керчинского пролива, откуда он возвращается к ней. Одиссею пришлось целый год пробыть у Цирцеи, прежде чем освободиться из-под влияния ее чародейства [49, 52].

В поэме Гомера *Цирцея* – дочь бога солнца и сестра божественного царя *Аэта*, характеризуется также как «коварная обольстительница», «сладкоречивая», «светлокудрая» [263, 144]. В этой связи напрашивается сравнение имени *Цирцей* // *Цирцея* с такими абхазскими словами, как *цырцей* – «блистательно сияющий», *цыр-цыр* – «блестящий», *цей-цей* – «жгуче-сияющий», «жгучее сияние». Первое – *цыр-цей* состоит из препозиционного *цыр*, являющегося усеченной формой слова *цыр-цыр* – «блестящий» и постпозиционного *цей* – «сияющий», срав. *амра цей* – «ярко сияющее солнце», «жгучее солнце», *цей-цей* – «ярко сияющий», масдарная форма *а-цей-ра* – «сияние», «сиять».

Цирцея упоминается иногда и под именем *Кирка*. Последнее представляется созвучным абхазскому женскому имени *Хырка*, по-видимому образованному от абхазского слова *а-хыркы* – «красивый», «украшенный», «украшение»; *и-хырк-ны ацэажэара* – «говорить красиво», *а-хырк-ра* – «украшать», «приукрашивать», *мыцхэы и-хырку* – «излишне украшенный» и т. д.

С колхидским царем Аиетом древнегреческие сказания увязывают также и легендарного *Прометея*. Аиет и Прометей были женаты на родных сестрах [49, 57].

Имя героя – *Прометей* по происхождению греческое. Однако сам Прометей – богоборец, носитель добра людям был прикован

по указу Зевса к горам Айа-Колхиды, т. е. к Кавказским горам, а по другой же версии – в пещере у подошвы горы [24, 250]. Арриан сообщает и название этой горы – *Стробил* (о нем см. ниже). Как отмечено многими исследователями, сюжет легенды о Прометее во многом схож с известным абхазским сказанием об *Абрыскиле* и грузинским *Амирани*. Абхазский Прометей – *Абрыскил* был закован в конце глубокой пещеры у подошвы горы в абхазском селе *Отан*, где, согласно легенде, он находится и ныне. Данная пещера у абхазов издавна именуется *Абрыскъыл иҭаҭы* – «Пещера Абрыскила».

Целый ряд исследователей (Н. Я. Марр, Вс. Миллер, С. Л. Зухба и др.) допускают кавказское происхождение греческого мифа о Прометее. Более того, в различной литературе абхазы именуются потомками *Прометея* – *Абрыскила* [49, 54–57].

Значительный интерес вызывает этимология имени *Абрыскъыл* – абхазского двойника Прометея. По этому поводу высказывались Н. Я. Марр, Г. В. Цулая [273, 329–330; 274, 87], Ш. Д. Инал-ипа [24, 249–251, 425], Ш. Х. Салакая [220, 121, 123], Л. Х. Акаба [275, 67–71] и другие исследователи. На наш взгляд, ближе к истине акад. Н. Я. Марр, считавший что *А-бъг-скил* (Абырскил), груз. *Amirani* (Амирани), а также армянский *Mher* восходят к абхаз. *а-мга* или *а-тҭаг* «солнце» [12, 144–145]. Абхазское же *Абырскил* он переводит как «дитя солнца» – из *быр* // *мыр* «солнце» и мегрело-чанского *скил* // *скир* «сын» [219, 75].

Прежде всего следует подчеркнуть, что автор совершенно справедливо отождествляет основу имени Абырскил – *абыр* с *амыр* – «солнце». Известно, что взаимозаменяемость губно-губных *м*, *б* – обычное явление в абхазском языке. Ярким примером того является прозрачное абхазское слова *мрамба*, встречающееся, как топоним, в различных регионах Абхазии. Последнее фиксируется в письменных источниках и произносится то как Мрамба, то как Брамба. Исходное – *Мрамба*, букв. означает «солнце невидящее», т. е. «место, куда не попадают солнечные лучи»: от *мра* – «солнце» и *м-ба* – «невидящий».

Таким образом, трудно возразить Н. Я. Марру в том, что армян. *Mher* и основы груз. *Амирани* – *Амир*, абхаз. *Амырскил* – *Амыр* (→ *абыр*) восходят к абхазо-абазинскому *а-мга* // *а-мыр* – «солнце». В этой связи груз. *Амиран(и)* («и» – грузинское окончание) в

форме *Амиран* // *Амаран* широко бытует как личное имя у абхазов и грузин; фонетические же варианты этого имени *Мрын*, *Марин(е)* фиксируются в древних источниках как имена абхазских царей [25, 39; 276, 112].

По своему составу и фонетическому облику *Амиран* // *Амаран* и его варианты *Мрын*, *Марин* похоже восходят к абхазскому *Амран*, означающему «бог солнца»: от *а-мыр* – «солнце» и *ан* – «бог», «породитель» (срав. *ан-цга* – «боги»): абхаз. *амраныхәа* // *амырныхәа* «моление солнцу» – из *амран* + *ныхәа*, букв. «моление Амрану (т. е. богу солнца)»; *амза* + *ныхәа* «моление луне» – *амзан* + *ныхәа*, букв. «моление Амзану (т. е. богу луны)»; *нанхәа* «моление Великой богине земли и плодородия» – из *нан* + *ныхәа* «моление (богине) Нан» и т. д. (см. выше). Как представляется, значения имен *Амиран* и *Амырскил* (→ *Абырскил*) могут быть идентичными, если рассматривать последнее, т. е. *Амырскил* не как гибридное абхазо-мегрело-чанское слово (Н. Я. Марр), а как абхазо-греческое гибридное образование – *Амрос* + *гель* (→ *Абросгель* → *Абырскил*). Последнее, как и абхаз. *Амран*, будет означать «бог солнца», от – *амрос* – греческой формы абхазского *амра* и греч. *гель* (Гелиос) «бог солнца». Все это вполне соответствует существовавшему в Айа-Колхиде, как и в Египте, культу солнца. В силу этого основатели правящей династии Аэтидов в Айа-Колхиде считались сыновьями бога солнца. Они поклонялись этому богу в храме, носившему его имя. Именно в храме солнца аргонавты встретили Медею – дочь царя Аэта.

Вызывает любопытство и имя «воспитавшего» Фрикса золоторунного говорящего барана – *Криос* (т. е. «баран»), который, по велению Аиета, был принесен в жертву богам. С него же была снята шкура с золотым руном и прибита к стене внутри храма (святилища) *Арея*. Особенности этого мифического барана и его руна дают основание ассоциировать основу имени *Криос* – «*Кри*» (*ос* – греческое окончание) с формой *хьри*, буквально на абхазском означающей «золоторожденный» – от абхаз. *хьы* – «золото» и *ри* – «рожденный». Что же касается названия самого храма (святилища) *Арея*, то, оно, как уже отмечено в литературе [280, 92; 107, 51], напоминает абхазское *Ареяи* (*Ареиааи*) – название божества, покровителя войны и войска, переводимое буквально с абхазского

«побеждающая армия» или «армия победитель» – из *ар* – «армия» и *еиаи* – «побеждающий», «одерживающий победу» (аиааира – «победа», «побеждать»).

§ 4. Корабль «Арго»

Как известно, аргонавты свое имя получили от названия корабля «Арго», на котором они плыли. Согласно поэме Гомера, в самом начале у аргонавтов в составе экспедиции было много кораблей, однако лишь один корабль «Арго» целым доплыл до Айа-Колхиды [256, 149]. Сюда аргонавты добирались со стороны тавров, находившихся тогда в сфере влияния Айского (Колхидского) царя Аэта. Как гласит легенда, в Тавриде сыном Аэта был основан г. Пантикапей, а брат Аэта являлся царем тавров // синдов. Тавры также были хранителями золотого руна в Айа-Колхиде. Дочь Аэта (//Айэта) – Медея говорила на таврском языке и молилась на колхидском языке (возможно, точнее, «молилась по-колхски». – В. К.) [277, 105]. Все это, похоже, указывает на то, что тавры (или синды) и колхи были близкими и по языку. В этом плане является примечательным зафиксированное древнегреческим автором таврское обозначение женского полового органа [...], которое в том же значении бытует и ныне только у абхазов и абазин. Вместе с тем не исключена и возможность приобретения греками корабля, вместе с названием «Арго», у тавров // синдов, которые, как и колхи, обладали значительным опытом кораблестроения [278, 168–171].

Кавказоведы обходят наименование корабля «Арго», видимо считая, что если на корабле «Арго» плыли греки, то и название греческое. Между тем греческая форма названия «Арго» может быть получена из абхазского *арга*. Соответствие абхаз. «а» греч. суффиксу «о» (напр. абхаз. Апсырта → греч. Апсирто) и вообще смешение гласных *а* и *о* в догреческом субстрате отмечено исследователями уже давно [266, 67; 258, 69]. Таким образом, если для греч. «Арго» считать исходным абхазо-абазинское слово *арга*, то этимология первого, похоже, будет понятной: абхаз. *арга*, букв. «средство переправы», т. е. «то, чем переходят (реку, море)». Стоит оно из глагольной основы *ар* (масдарная форма *ар-ра* – «пе-

реходить (реку, море)» и широкопродуктивного орудивного суффикса *га*; срав. *ача-га* (ача-га) – «тяпка», букв. «то, чем тяпают»; *ажы-га* – «лопата», букв. «то, чем копают»; *ахухуа-га* (ахэхэа-га) – «грабли», букв. «то, чем гребут» и т. д.

Как представляется, этимология *арго* из абхазского *арга* «средство переправы», «то, чем переходят (реку, море)» более всего раскрывает предназначение лодки, корабля и вообще всякого средства перехода водного пространства.

Название «Арго» созвучно с наименованием г. Аргос и территории Арголида в Пелопонесе. Если эти названия как-то связаны с именем аргонавтов или именем их корабля, то, надо полагать, что названия Аргос и Арголида могли возникнуть после возвращения аргонавтов в Грецию. Это могло произойти еще задолго до начала троянской войны, т. е. до XII в. до н. э. Древние авторы с аргонавтами увязывают и целый ряд названий территорий, расположенных также далеко от пределов Черноморского региона. Например, Арриан говорит о том, что острова на Адриатическом море, именуемые Апсиртиды, получили свое название от Аэтова сына Апсирта, убитого якобы на одном из них сестрою Медеей [18, 265, 279]. По рассказу Диодора Сицилийского, Цирцея – дочь Аэта, изгнанная из захваченного ею царства, оставив Понт, поселилась на мысе Италии, которому дала свое имя, и который до сих пор называется Цирцейским [18, 286].

§ 5. Колхи и Колхида

В древних же источниках, в качестве общего названия всего населения Айа-Колхидского или Южно-Колхидского царства, наряду с греческим *айайос*, т. е. «айцы», встречается и однозначный с последним этноним *колхос* «колхи», появляющийся в форме *кулха* в урартских источниках конца VIII в. до н. э.

Для исследователей до сих пор остается загадкой происхождение самого термина *Кулха*, *Колха* или *Колх*. Неизвестно также, существовал ли этот термин как обозначение кого-либо этноса или этнополитического образования до VIII в. до н. э. или же он появляется в обиходе в VIII в. до н. э. в связи с какими-то политическими событиями в Восточно-Черноморском регионе.

Если же исходить из «Аргонавтики», как будто все объясняется довольно просто. Название страны *Айа* // *Эйа* происходит от названия города *Айа* // *Эйа*. От последнего образовано имя Айского или Айа-Колхидского царя Аэта. С сыном царя Аэта – Апсиртом увязано название города-крепости и реки – *Апсар* (совр. Чорох), а река Фазис названа именем брата Аэта – *Фазисом*, наконец, по Феоокриту (IV–III вв. до н. э.) [272, 48], Страбону, Дионисию, Перизегету (I в. до н. э. – I в. н. э.) и более позднему Евстафию, у Фазиса, являвшегося братом Аэта, был сын *Колха*, от которого якобы происходит название страны Кулха и ее народа – колхи [18, 259, 279].

Как нам представляется, очевидно одно – вышеприведенная связка имен сделана прежде всего с целью подтверждения равнозначности терминов айцы, фасианы (от Фазис), апсары и колхи.

В древнегреческой литературе встречаются и прямые указания на взаимозаменяемость этих имен. По этому поводу Ш. Д. Иналипа пишет: «В некоторых описаниях древнегреческих авторов (например, у Ксенофонта) в качестве синонима названия “колхи” употребляются “фазиины”, “фасианы”, восходящие, по-видимому, к той же основе “пас” (пс), присутствующей в слове “апсилы”, “апсуа” (т. е. абхазы. – В. К.)» [24, 130].

По поводу существования страны *Кулха* исследователями высказаны различные мнения. Некоторые авторы считают, что политическое образование Кулха существовало и до развала царства Диаохи [249, 205]. Другие же доказывают, что название Диаохи и Кулха являются обозначениями одной и той же страны, которые отражают два этапа политической истории этого царства – сначала с первенствующим положением южной провинции (а быть может, и династии) Диаохи, а затем – Кулха [251, 140]. Есть и исследователи, полагающие, что в I тыс. до н. э. существовали два колхидских царства – одно раннее, Южно-Колхидское (др.-греч. *Айа*, ассир. *Хабхи*, урар. *Кулха*. – В. К.), другое, более позднее, – Северо-Колхидское (Колхида древнегреческих источников). Принято считать, что Южно-Колхидское царство представляло собой не простой союз племен, а являлось уже государственным образованием раннерабовладельческого типа [235, 218–223; 249, 208; 24, 194] и что последнее царство прекратило свое существование в связи с его разгромом скифо-киммерийцами, вторгшимся вдоль восточного побережья Черного моря [235, 115].

Северо-колхидское же царство сложилось в VI в. до н. э. и простиралось от устья р. Чороха до р. Кодор, а может быть, как полагает М. П. Инадзе, еще далее на северо-запад с центром на р. Фазис (Риони) [252, 168].

Грузинские исследователи (Меликишвили, Микеладзе и др.) оба эти колхидских царства рассматривают как раннегрузинские государственные образования [235, 219; 251, 140]. Вместе с тем в исторической литературе имеются и другие утверждения. Еще в V в. до н. э. отец истории Геродот пытался доказать, что колхи – выходцы из Египта [148, 256]. Часть современных исследователей считают, что в названии *Кулха* или *колхи* следует видеть этническое сообщество абхазов и абазин [253, 49–50; 18, 9–12; 49, 42 и др.], а другие авторы рассматривают этноним *колхи* как общее название разноязычных народов, в том числе абхазо-адыгов Восточного Причерноморья I тыс. до н. э. [235, 66–69; 20, 132]. Некоторые же ученые считают, что «*колхос*» представляет собой греческую форму передачи местного названия Кулха [285, 280–321; 286, 175]. Существует и мнение о том, что миф об аргонавтах возник как отражение древних путешествий в Колхиду за металлом [287, 125; 258, 69], что название Колхиды, а отсюда и ее жителей – колхов, было дано еще догреческими мореходами [258, 69]. В этой связи Ю. В. Откупщиков пишет: «Связь между названием страны или ее жителей с названием металла достаточно хорошо известна в истории: лат. *сиргум* “медь” и греч. *Κυπρος*, греч. *χαλυσ* “вид высококачественного железа” (сталь?) и *Χαλυβες* “халибы” (народ, живший на южном Понте и изготавливавший данный металл). Такие топонимы, как *χαλκίς* (Эвбея), *Χαλκιδίκη* (область Фракии, богатая медной рудой), *Χαλκήδωγ* (город у входа в Босфор Фракийский, занимающий ключевые позиции на пути в Понт), возникли, видимо, в связи с греч. (догреч. происхождения) *Χαλκος* “медь”. Топоним *Καλχηδωγ* неоднократно засвидетельствован также в метатезной форме (первичной?) *Καλχηδωγ*. Суффиксальное *δωγ* вычленяется в этом имени без особого труда (ср. *Σαρπηδωγ*, *Μακκηδωγ* и др.). От той же основы образовано имя прорицателя Калханта (*Καλχας*, *-υτος*). Последнее особенно важно подчеркнуть, ибо связь между кузнечным делом и чародейством разного рода хорошо известна в истории народов. Связью с *χαλκος* | *καλχος* можно объяснить и пророческий дар Калханта, и чародейство колхидянки Медеи.

Косвенным аргументом в пользу последнего предположения могут послужить такие имена из греческой мифологии, как Χαλκο – μέδεια и Χαλκο – μέδη.

Следовательно, Κολχis этимологически, быть может, равняется топониму Χαλκis “страна богатая медью”. Словообразовательная модель здесь та же, что и в случаях Χρυσος → Χρυσis и αργυρος → αργυρις. От Καλχος (ср. Καλχηδων) было образовано производное Κολχis, а не Καλχis, во-первых, в силу того, что для греческого субстрата весьма типично “смещение” гласных *a* и *o*, во-вторых, нельзя исключить возможности переосмысления какого-то близко звучащего туземного топонима или этнонима» [258, 69].

В связи с вышеприведенной версией происхождения имени *Колх* следует вспомнить и абхазский термин *а-кал*, означающий на абхазском языке «олово», отсюда глагол *акалра* – «лудить», «латать».

Г. Ф. Турчанинов также увязывает происхождение этнонима *куалх* // *колх* с названием металла «*куа*», выводимый им из абхазского *кэалзы* (куалдзы) «кольчуга», «броня», «панцирь». В частности он пишет: «Слово “кэалзы”, “кIуалзы” сложное. Во второй своей части, опять-таки глагольной, оно совершенно прозрачно: лзы означает “закаленный” (срав. абаз. “лазара” – “закалка”, “закаленный”). Слово “лзы” образовано из корня “зы”, что представлен в глаголе -а-з-ра- “калить”, “обжигать”, “жарить” и отягчен превербом “л” со значением “движения внутрь”, откуда редкое а-л-з-ра – “закалять”, дословно: “вкалять”. Не подлежит сомнению, что “закалять” в прямом смысле слова можно только металл, следовательно “куалзы”, “кIуалзы” – “броня”, “кольчуга”, “панцирь” – это: “куа // кIуа” – металл, “-лзы” – “закаленный”» [208, 27].

В форманте *куа* Г. Ф. Турчанинов усматривает именно название бронзы, а в окончании же этнонима *куалх* // *колх* глагольный компонент «-лс», соответствующий абхазскому и абазинскому корню «лх», дошедшему до нашего времени в обширной семантике действия, обозначающему «выделывание», «переработку», «обработку», «извлечение (чего-либо из чего-либо)». Далее автор приходит к следующему заключению: «Древнее ашуйское (абхазское. – В. К.) сложное слово *куалх* // *кIуалх* греки восприняли в форме *kolc*, передав дифтонг “уа” через “о”. Так появился “этноним”

kolsoj, означавший здесь “металлург”, букв. “бронзодел”. Термин куалх // кIуалх был создан древними ашуйцами, предками абхазо-абазино-убыхов, в ту пору их жизни, когда им была уже известна выплавка и горячее литье металла, т. е., по крайней мере, – во второй половине III тыс. до н. э. Металлические вещи из Майкопского кургана уже говорят о хорошо освоенной технике металлургов ашуйцев» [208, 28]. Однако предложенная автором этимология *куалх* // *колх* кажется не очень убедительной. Во-первых, у абхазов и абазин бронза обозначается словом *ацъаз* (аджаз), формант же *куа* (убых. *кIы*) является основой глагола *акуа-ра* – «ковать». В таком значении она встречается во многих языках и выводят ее из и.-е. *qolcā – «бить» «ударять» [143, 205]. Во-вторых, абхазское *акуалзы* (акулдзы) означает не только «броня», «кольчуга», «панцирь», но и «жилет», женская старинная одежда «безрукавка» [288, 123]. Последнее может быть указанием на то, что слово *акуалзы* могло возникнуть и вне связи с металлом. Так, например, *акуалзы* в форме *акуаалзы* (акуаалдзы) будет означать «сыромятный покров», т. е. «покров из сыромятной кожи», где основа *акуаал* из *акуаала* – «сыромять», «твердая кожа» и -з- (а-зы-ра) – «скрывать», «покрывать», «покров». Вполне логично, что до появления металлической защитной одежды роль панциря, брони выполняла одежда из специально обработанной грубой кожи. В этой связи уместно вспомнить сообщение Геродота о том, что колхи были вооружены сыромятными щитами [18, 245]. Вероятно, название сыромятной одежды позже было перенесено на виды металлических защитных средств (кольчуга, броня, панцирь).

То, что колхи, как и их соседи халибы, были искусными металлургами, не вызывает сомнения у специалистов.

Наличие местной рудной базы, а также накопленный опыт его добычи и переработки, привели к бурному развитию своеобразной бронзовой культуры в IX–VII в. до н. э. на всем Северо-Западном Кавказе. Она выделяется учеными под названием Колхидская или Колхидско-Кобанская культура. По уровню развития этой культуры век бронзовый делится на три периода – ранний, средний и поздний. Наибольший расцвет бронзовая культура достигает в Абхазии и прилегающих к нему регионах в период поздней бронзы.

Бронзовые изделия в Абхазии обнаруживаются повсеместно, в основном в могильниках и в виде кладов. Среди многочисленных

находок более всего представлены бронзовые украшения (браслеты, бусы, серьги, фибулы, булавки, различные фигурки животных и птиц) и оружие (топоры, кинжалы, наконечники копий и стрел, части конской сбруи и др.). При этом наиболее характерными памятниками Колхидской культуры представляются изящные орнаментированные секирообразные боевые и рабочие топоры, которые обнаружены большими кладами в Гаграх, Пицунде, Сухуме, в селах Лыхны, Тагилан (Тагилони) и в других местах. Среди находок имеются и формы для отливания бронзовых предметов, что является еще одним свидетельством местного истока рассматриваемой культуры.

С VIII в. до н. э. начинается также и процесс освоения железа, которое в основном вытесняет бронзу уже примерно к VI в. до н. э. [379].

В связи с историей развития металлургии на Кавказе, и в том числе в Абхазии, особый интерес представляют абхазские термины, связанные с этим занятием, и более всего – с металлургией бронзы.

Как отмечено выше, в абхазском и абазинском языках медь обозначается древним термином *а-бѡа*, встречающемся в форме *биа* в древнеегипетском и других древних языках. Руда же у абхазов именовалась *хабѡы*, букв. «камень медь».

Не менее важным является и термин *ацѡаз* – «бронза», имеющий место и в родственных языках. Он также известен и соседним тюрко-язычным карачаевцам и балкарам, тогда как данный термин отсутствует в турецком и в др. близких им языках. Более чем похоже, что слово *ацѡаз*, как бы оно ни было широко распространено, имеет абхазо-абазинскую этимологию. Дело в том, что бронза представляет собой, главным образом, сплав меди и олова. Последнее, т. е. олово, у абхазов именуется *а-тса*, означающее в абж. «свинец» (при бзыб. *џџа* – «свинец»)⁴, а в абазинском *а-тса* – «олово», и далее: каб. *дзэ-ху* – «олово», адыг. *Пџа-шѡ* – «свинец». Это обстоятельство и учет закономерных фонетических сдвигов в языке дают возможность усматривать для совр. *а-цѡаз* – «бронза» как исходную форму – *а-тсаз*, буквально означаемую «коричневое олово»: от *а-тса* – «олово» и *з* – «бурый, коричневый», срав.

⁴ В значении «олово» абхазы используют и слово *акалаи* [550, 111] из перс. *кала* – «олово», отсюда абхаз. *акалра* – «лудить».

аҭы-з – «гнедая лошадь». При этом следует подчеркнуть, что медь и бронза в ряде языков имеют цветовые обозначения: например, слово «бронза» возводится к итал. *brunezz* – «коричневый», от лат. *brunz* – «коричневый» [143, 51]. В отличие от термина «бронза», абхазо-абаз. *атсаз* (ацъаз) указывает как на цвет, так и на состав металла. Первоначальная форма *а-тсаз* – «бронза» распознается в абхазском названии кольца – *амацъаз* из *амацъатсаз*, букв. «палец – бронза», т. е. «пальцевая бронза» – от *амацъа* – «палец руки» и *атсаз* – «бронза».

Название олова *а-тса*, возможно, лежит и в основе абхазского имени бога (покровителя) металлургии – *Шъашъы*, (о сопоставлении его с адыг. материалом см. [137, 151]). Последнее означало также и плавильную печь, яму, отсюда и проклятие «шъашъы утарблааит», т. е. «чтобы тебя сожгли в плавильной печи (яме)»; форма *Шъашъы*, скорее всего, получена из *тсажъы*, букв. «варящий олово (или свинец)», отсюда и «(место) варения олова (свинца)», где *жъы* – основа глагола *ажъра* «варить». Вместе с тем есть основания полагать, что и абхазо-абазинское *а-жъи* – «кузнец», «металлург» также происходит от слова *атса* – «олово», «свинец»; *атса* > *атси* > *ажъи* – «кузнец», первоначально «оловянщик». Например, в древнем Египте профессия металлурга обозначалась тем же знаком тигля, что и медь «биа» [141, 84]. С термином *ажъи* – «металлург», «кузнец» увязывается целый ряд абхазских обозначений металлургических понятий: *ажъи-ра* – «заниматься кузнечным ремеслом», «кузнечное ремесло», *ажъы-ра* – «кузница», *ажъыракъ* – «шлак», «отходы плавки», *ажъахъа* – «кузнечный молот», *аҭсынгыри* – «наковальня», *ага* – «мех», *ажъырныхъа* – «праздник кузни», букв. «моление кузне» – переносно «Новый год». Из металлургической, кузнечной абхазской лексики можно выделить и такие важные термины, как: *атъара* «плавиться» – *артъара* «плавить», отсюда *арытъа* – «клещи», *аилартъара* – «сплавлять», *аиҭыбаара* – «сваривать», *арацъарца* – «древесный уголь для плавки», *азрыжъра* – «закалка», букв. «поить водой», *ацъуа* – «ртуть», *атышша* – «сера», *аиха* – «железо», «топор», *атъыцъ* – «чугун», *ацыр* – «сталь» и др.

Абхазы и абазинцы издавна имели также значительный опыт обработки золота и серебра. Прежде всего обращает на себя внимание терминология, связанная с обработкой золота. Золото у аб-

хазов именуется собственным словом *ахьы* – от него образованы такие слова, как *ахьи-ра* – «обработка золота», «заниматься обработкой золота», *ахьыра* – место обработки золота» [109, 176], *ахьи* – «золотых дел мастер», *ахьаеижь* – «желтое золото», *ахьзы* – «расплавленное золото», *ахьзыркы* – «позолото», «позолоченный», *ахьзырка* – «золотить», *ахьтэы* – «золотой», *ахьырйдайда* – «вид золота», *ахьыридыгэ* – «золотой слиток», *ахьырхэыц* – «золотая нитка», *ахьыматэа* – «золотая утварь», «изделие из золота», *ахьыңса* – «стоящий золота», «золотая цена», *ахьңара* – «золотые деньги», *ахьтра* – «хранилище золота» и т. д.

В целом вся эта широко развитая металлургическая лексика и данные этнографии и истории [189, 514] вполне вписывают предков абхазов и абазин в бронзовую культуру как Абхазии, так всего Западного Кавказа и Восточного Причерноморья.

Вместе с тем увязка этимологии этнонима *колхи* и топонима *Колхида* с др. греческим названием меди *Халк-ос* или же с понятием «металлург» представляется нам сомнительной.

В имени *Кулха* // *Колхи* в качестве основы вычленяется *кул* или *кол*, а конечное *х* или *к*, по мнению ряда авторов, может быть аффиксом множественного числа (282, 133; 99, 51) или обозначать притяжательность.

Следует прежде всего отметить, что основа *кул* или *куал*, *кол* // *кал* не просматривается ни в одном из известных наименований кавказских народов. Однако указанные вариации широко отмечаются у абхазов и абазин как в основе родовых имен, так и в абхазской топонимии. Еще в начале XX в. абхазские ученые Д. Гулиа, а позже за ним Ш. Инал-ипа, К. Шакрыл сопоставляли название «Колхи» с абхазским родовым дворянским именем *Колхи* // *Калхи* (абхаз. *Калгьы* // *Колгьы*) а «Колхида» – с абхаз. *Колхита* // *Калхита* (*Колгьта* // *Калгьта*), букв. «место колхов» [18, 81; 283, 7; 284, 242–243]. Родовое имя *Колхи* // *Куалхи* // *Калхи* пишется в единственном числе *Колба*, а также и в форме *Колбая* [74, 261]. Похоже, ее вариантом является и фамилия *Куалдзба* (*Кэалзба* // *Акэалзба*) [74, 191], где в окончании *дзба* (*зба*) усматривается садзский аффикс множественности *дз(з)* и фамильное окончание *ба*, означающее «сын». Известны также личные имена *Куал*, *Куалашь* (*Кэалашь*), *Куалдып* (*Кэалзып*) [74, 103, 104] и топоним *Куал иху*, букв. «гора Куала» [93, 247]. Однако, на наш взгляд, ро-

довые имена с основой *кол*, *куал* вернее сопоставлять с *кол* – именем этнического сообщества, упоминаемого Гекатеем Милетским (VI в. до н. э.) и Псевдо-Скилаком Кариандским (IV в. до н. э.). Согласно сообщениям этих авторов, народ и страна Колы находились рядом с кораксами выше колхов, в предгории Кавказа, в частности в пределах восточной Абхазии (20, 133–134). Думается, что основе *кол*, форме *куал* родственна и основа *гуал*, представленная в родовом имени *Гуал-аа*, букв. «Гуаловы» и в географических названиях *Гуал-дхвы* (*Гэалдэхэы*) в с. Верхнее Эшера (Сух. р-н), означающий «поле Гуалов» и *Гул-рыпи* (центр Гулрыпшского района Абхазии) – возможно из *Куал-рипи* или *Гуал-рыпи* «край Гуалов или Куалов» т. е. «край Колов».

В связи с этнонимом *колх*, *колхи*, древней формой которого является урарт. *кулк*, *кулх*, *кулха*, для нас представляет интерес абхазо-абазинские родовые имена и топонимы с основой *кул*. Так, например, *Кул* (*Кэыл*) – фамилия одного из героев абхазского фольклора – *Кул Ахмат*, т. е. Кул по имени Ахмат [99, 51], у абазин и ныне существует род *Кул* (пишется «Кулов») [39, 199, 140], а у абхазов же – *Акул-ба* (*Акулба*) «Акулов», (*ба* «сын» – фамильное окончание) [74, 218] и род *Кул-аа* (*Кэлаа*, *Ақэл-аа*), а у мегрелов *Кула-ва*. Возможно, к основе *кул* восходит и *гул*, представленный в родовых именах *Гул-иа*, *Гул-уа*. Основа *Кул* присутствует в таких географических названиях, как: *Акула* – название большого поля в селе Отхара Гуд. района (о ней см. выше), *Акул-цацхьра*, букв. «Акулов кустарники» в Очам. районе [93, 440, 580], *Кулаа ртвы* (*Кэылаа ртэы*) – «владение Куловых» (в Гуд. районе [93, 265], *Кул-рхуа*, букв. «гора Куловых» (в Гуд. районе [93, 235], *Кул-дзху* (*Кулзхэы*), букв. «прибрежье Куловых» (в Гагрском районе) [93, 193]. С кулами, возможно, связано и название известного с древних времен перевала через Главный Кавказский хребет – *Клухор*, абхаз. *Кылхура* // *Клыхура* [94, 184], которое может происходить из *Кул* + *хура*, букв. «хребет (гора) Кулов». Эта же основа в качестве этнонима фиксируется и в древних письменных источниках. Согласно урартским сообщениям, в период правления царей Ишпуини и Менуа (VIII в. до н. э.) в пределах царства Диаохи существовала страна *Кул-иани* (292, 39).

Вместе с тем более чем похоже, что этнонимная основа *кул* в стянутой форме *кл* присутствует в имени *Клардж*, обозначавшем

народ древне-колхидской области и их страны, известной в древнегрузинских источниках под названием *Кларджети* [249, 205]. На наш взгляд, перед нами название *клардж*, представляющее собой искаженную форму прозрачного абхазского *кулардз* (→ клардж), образованного от этнонимной основы *кул*, формы мн. ч. *кулар*, *кул-ар-дз*, букв. «*кулцы*», где *ар* – тот же абхазский аффикс множественности, что и в этнониме *апс-ар* – «абхазы», осложненный садзским *з* (дз), являющимся также показателем множественного числа (см. выше). Отсюда грузинское название области исторической Колхиды – *Кларджети* из *Кулардз-ети*, букв. «страна (место) кулардзов» (*ети* – груз. локативный суффикс).

Абхазский этноним *кулар*, в форме *кулар*, упоминается в летописи ассирийского царя Шамши Адада V (IX в. до н. э.) как название гор в пределах Южного Закавказья (291, 265). С множественной формой этнонима *кул* // *кулар* увязываются и абхазские родовые имена *Гулар-иа* (из *Кулар-иа*) и *Гулар-д-аа*, мегр. *Гулар-д-ава* (из абхаз.-садз. *Кулар-з-аа*). В связи с абхаз. *кулар* и абхазо-садзским *кулардз* также обращают на себя внимание названия соседнего с кулардзами народа *Катарза* – *Котарзе-на* и *Годерз* (перевал от Самцхе в Аджара) [249, 213, 327–328]. Похоже, что в этнониме *Кат-ар-за* или *Кот-ар-за* представлены, так же как и в *Кул-ар-з*, абхазо-садзский аффикс мн. ч. *ар* + *з*. С *Кат-ар-за*, *Кот-ар-зе* срав. абхаз. родовые имена *Кот*, *Куд*, *Кут* – *Кутар* (отсюда и фамилии *Кот-ба*, *Куд-ба*, *Кут-ба*, *Кутар-ба*).

Таким образом, есть определенное основание говорить о существовании в прошлом в абхазо-абазинском этническом мире родоплеменного сообщества под названием *кул*. Такого же мнения и абхазовед Вяч. Бигуаа [99, 51]. Исходя из этого, логично видеть в основе урартского Кулха этноним *Кул*, а в его окончании – урартско-хурритский аффикс множественности *-х* (*кулх*, *Кулха* → *колх*) или урартскую передачу абхазо-адыгского *гэа* – «человек», «люди», соответствующего современному абхазскому *уа* // *уаа* – «люди» [см. выше]. От основы *кул* // *кол* образовано и название территории и страны кулхов // колхов – *Кулхида* // *Колхида*, которое возможно из формы *Кулкита* // *Колкита*, где постпозиционная его часть из абхаз. *кита* (кыта) – «село», «община», «страна». В таком случае, перед нами топоним *Кулкита* // *Колкита* → *Колхида*, означающий буквально на абхазском

«община (или страна) кулов». Как известно, древнегреческие авторы центр Аяа-Колхидского царства именовали *Кита* (см. выше). Сердцевиной Южно-Колхидского царства являлась территория исторической Кларджети (Кул-ардз-ети), абхаз. Кулки-та (→ Колхида) – страны одного из древних абхазо-абазинских сообществ – *кулов*, множественная форма имени которых *кулар*, *кулардз* соответствует по значению урарт. Кулх, кулха «кулы». В силу значимости *кулов* урартская форма их имени *кулх*, *кулха* (→ колх, колхи) становится и общим внешним названием всех родственных с кулами сообществ и их территорий в пределах царства Кулха, т. е. Колхидского царства первой половины I тыс. до н. э.

Это царство, как полагает Г. А. Меликишвили, прекратило свое существование в конце VIII в. до н. э. в результате разгрома его киммерийцами [249, 209, 215, 216].

Однако в исторических источниках на этот счет нет никаких сведений. На наш взгляд, киммерийцы вряд ли могли быть виновными в исчезновении Диаохи и Южно-Колхидского царства. Напротив, поход киммерийцев на юг, скорее всего, был вызван враждебными действиями Урарту против Диаохи и Аяа-Колхидского царства, поставивших их в первой половине VIII в. до н. э. под угрозу исчезновения. Факты говорят больше за то, что благодаря помощи киммерийцев Диаохи и Аяа-Колхида просуществовали еще около ста лет, вплоть до разгрома киммерийцев скифами. Эти царства не только продержались, но и их население принимало активное участие в походах киммерийцев в Переднюю Азию [189, 530], и прежде всего на Урарту.

Киммерийцы в понимании древнегреческих авторов – это все население Северного Причерноморья. Древневосточные же памятники киммерийцами называют лишь одно сильное племя или племенной союз, обитавший первоначально, по-видимому, в Прикубанье и Крыму. Одни исследователи полагают, что киммерийцы могли быть родственными иранским или фригийским племенам. Большинство же кавказоведов признается, что в начале I тыс. до н. э. Северный Кавказ, часть Черноморского побережья и Восточное Закавказье были заселены племенами, говорившими на языках абхазо-черкесской и северо-восточной (дагестанской) групп кавказских языков [189, 527, 529]. Из-

вестный кавказовед Л. И. Лавров происхождение абхазо-адыгских народов выводит из среды киммерийских племен [290, 198, 199].

В нашем представлении киммерийцы – это союз абхазо-адыгских этнических подразделений северо-западной части Черноморского побережья, известных как *меоты* или *синды* (*зикхи, зихи*) // *тавры* и собственно колхидцы. Судя по данным древнегреческой литературы, синды или тавры в первой половине I тыс. до н. э. находились в сфере влияния Аяа-Колхидского царства, возможно и Диаохи, т. е. в сфере влияния юго-восточных абхазо-адыгов. Например, как отмечает Т. С. Каухчишвили, Евстафий Фессалоникийский в комментариях к 311-й строке Дионисия Перизэгета пишет: «Пантикапей основан сыном Аэта»; а по Диодору Сицилийскому, Кирке (дочь Аэта) была женой сарматского или скифского царя; брат Аэта – Перс был царем тавров; дочь Перса Геката, отравившая своего отца, получила по наследству страну тавров, а затем сошлась с Аэтом (т. е. объединились две страны – колхов и тавров). В Колхиде стражей были тавры; Медея говорила на таврском языке, молилась на колхском языке и т. д. Далее Т. С. Каухчишвили пишет: «Основываясь на данных этих письменных источников (укрепленных археологическими материалами), я полагаю, что взаимоотношения между колхами и таврами // синдами являются неоспоримым фактом» [277, 104, 105].

Киммерийцы, как уже говорилось, рассматриваются как союз племен (абхазо-адыгских. – В. К.) Северо-западного Причерноморья. В этой связи представляют интерес абхазо-абазинская этимология названия этого союза – *Киммер*, *Гимар* или *Гамир* (они же – названия киммерийских владений в Закавказье). Похоже, что эти варианты восходят к абхазскому *Гаеимара*, усеченно – *Геимар*, букв. «прибрежный союз», «прибрежное объединение», где начальное г(а) – от *а-га* – «морское побережье» и *еимара* – «союз», «объединение», «соединение» [94, 83].

Союз причерноморских этнических сообществ, как нам представляется, возник в противовес урартийцам, практически завоевавшим в начале VIII в. до н. э. убыхо-абхазское царство Диаохи и поставившим в середине того же столетия под угрозу уничтожения Южно-Колхидское царство.

Союзные силы причерноморских родственных этнических сообществ формировались и базировались, скорее всего, в центре Колхиды, т. е. в современной Имеретии, а по мнению И. М. Дьяконова, киммерийская страна Гамир находилась в центральной Грузии либо в современной Аджарии и Восточном Понте [24, 112]. Об этом же пишет Г. А. Меликишвили: «Вторгшиеся киммерийцы осели, вероятно, не только в северо-восточной части Малой Азии, но и значительно севернее, во многих местах Южного Закавказья. Вероятно, киммерийское племя треров дало название горному хребту в области в Южной Грузии – Триалети (*Трел* древнеармянских источников)» [249, 212].

По-видимому, с именем киммерийцев увязывается название грузинской области – *Имерети*. Наше мнение основано на грузинской этимологии названия *Имер-ети*, буквально означающего «Страна имеров», где *ети* – груз. локативное окончание. Нетрудно заметить близость основы «*имер*» с *киммер*, *геимар* или *гамир* древних источников, а форма же *имер*, *имар* может быть результатом ассимилятивной редукции *Геимар* → *Имар*, *имер*. Вместе с тем существуют и другие мнения. Проф. О. И. Сенковский основу названия *Имере-ти* – *имер* увязывал с этнонимом *ивер* // *ибер* и названием страны *Иверия* // *Иберия* [516, 27–30]. Существует также мнение о том, что *Имер* или *Имерети* образованы от грузинского указательного местоимения *им* – «тот» (та, то) посредством локативного суффикса «*ети*», отсюда перевод *имерети* вроде как «*то место*» или «*место тех*». В форме же *Амарети*, употребляемой в отношении Восточной Грузии, усматривается в препозиции уже другое местоимение – *ам* в значении «здесь», «тут», а в окончании – локативный аффикс *ети*, отсюда *Амарети* переводится как «здесьнее место». Эти этимологии представляются нам не очень логичными, практически нет примеров подобных образований.

Более вероятно, что груз. *Амарети* происходит от абхазо-абазинского *Амарата*, букв. «место солнца», т. е. «восток» – абаз. *амара*, *амар*, абхаз. *амра* – «солнце» и абхаз. *та* (груз. *ети*) – «место» (совр. абхаз. *амрагылара* – «восток», букв. «солнцесто-яние»).

Исходя из значения слова *амарата* // *амрата* – «восток», возможно и объяснение происхождения названия Имерети также из

абхазо-абазинского *Аиа-мара* или *Аиафра*, букв. «лежащее солнце» – от *аиа* – основа глагола *аиа-ра* «ложиться» и *фра* «солнце» – отсюда *Аиафраҭа*, букв. «место, где ложится солнце, т. е. «запад» (совр. абхаз. *амраҭаиҭара*, *амраҭаиҭарҭа* – «запад», букв. «место впадения солнца»).

Так или иначе, бесспорно то, что кимерийцы в VIII–VII вв. до н. э. играли значительную роль в Закавказье, и в частности на территории совр. Грузии. Они, на наш взгляд, представляя собой коалицию абхазо-адыгских этнических сообществ Северо-Западного Причерноморья и Колхиды – *Геимара* (*Геймар* → *Киммар* // *Киммер*), обладали довольно внушительной силой. Геимарское или киммерийское войско состояло сплошь из конницы, отличалось большой подвижностью, владело незнакомой дотоле народам древнего Востока массовой коннострелковой тактикой [189, 529]. Новшеством являлось использование в военных действиях и боевых собак. Подвергая полнейшему разграблению захваченную территорию, киммерийское войско внушало ужас жителям соседних стран [189, 530].

Киммерийцы уже в 30-е гг. VIII в. до н. э. проникают в Переднюю Азию. Поэтому, похоже, они оттесняют урартийцев из пределов Диаохи и Аиа-Колхиды. Урартийцы же, опасаясь нападения киммерийцев уже на собственно Урарту, решили сами нанести им упреждающий удар. Однако выступление урартийцев закончилось в начале 20-х гг. VIII в. до н. э. разгромом урартийской армии [249, 211]. Урартское государство киммерийцы не смогли разрушить, но им удалось стать хозяевами восточной части Малой Азии. Есть предположение, что именно в битве с ними погиб в 705 г. до н. э. ассирийский царь Саргон II. Около 679 г. киммерийцы попытались проникнуть на ассирийскую территорию, но были отбиты [189, 530].

От киммерийцев наиболее тяжело пострадала Фригия. Как государство она была разрушена. В бою с киммерийцами погиб и фригийский царь Мидас.

В течение первой половины VII в. почти все области Малой Азии подвергаются разрушительным набегам киммерийцев, которые нападают и на столицу Лидии – Сарды, и на греческие города побережья Эгейского моря. Считается, что только после того, как Лидия дважды получила помощь от Ассирии, а кимме-

рийцы были ослаблены столкновениями со скифами, лидийцы одержали победу.

В начале же 40-х гг. VII в. до н. э. киммерийцы были разгромлены скифами. Как полагают ученые, остатки киммерийцев осели в северо-восточной части Малой Азии, где постепенно слились с местным населением [189, 524, 530]. На наш взгляд, с разгромом армии киммерийцев, т. е. армии союза северо-западных абхазо-адыгских этнических сообществ, прекращают свое существование царство Диаохи // Диаухи, а вскоре и Айа-Колхидское или Южно-Колхидское царство.

ГЛАВА VII

АБХАЗО-АБАЗИНСКИЕ СООБЩЕСТВА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ I ТЫС. ДО Н. Э.

§ 1. Этнический состав населения Юго-Восточного Причерноморья

В VI в. до н. э. вслед за Дияохи уходит с исторической сцены Урартское царство. Оно окончательно было разгромлено Мидийским царством около 590 г. до н. э. (205, 319). На смену же самому Мидийскому царству вскоре приходит Персидская держава. К концу VI в. до н. э. в ее пределах оказывается часть южных регионов Айкаколхидского царства, а собственно Южно-Колхидское или Кулхское царство как политическая единица перестает существовать. Несмотря на это, территория этого царства на юге, вплоть до Трапезунта, еще некоторое время именуется *Страной колхов* [215, 311]. Сами же собственно *колхи*, т. е. *кулы*, они же *кулар-ы* или *кулардз-ы*, оказываются в конце V в. до н. э. на Черноморском побережье вблизи Трапезунта [215, 340, 341]. Согласно Геродоту [V в. до н. э.], в его время колхи не входили ни в одну из сатрапий (округов) Персидской державы, но они «через каждые четыре года доставляли дары, которыми себя обложили, именно сто мальчиков и сто девочек» [18, 245]. Вместе с тем Геродот говорит о том, что племена Юго-Восточного Причерноморья – мосхи, тиборены, макроны, моссирики и мары, составляли девятнадцатую сатрапию (округ Персии). Среди названных Геродотом племен нет бизеров, проживавших на левобережье р. Апсар. Видимо, во времена Геродота река, отделявшая бизеров от экехерийцев, уже именовалась Арион (совр. р. Абу у мыса Фартына [см. 295, 242]). По-видимому, эта река и являлась границей между Фасианской Колхидой и Персидской державой в Юго-Восточном Причерноморье, на что прежде всего указывает название реки *Арион*, означающее «персидский» [249, 252].

Вскоре, во времена смут в Персидском дворе, зависимость племен Южного Кавказа и Юго-Восточного Причерноморья становится номинальной. Уже в 401 г. Ксенофонт пишет: «Кардухи, халибы, халдеи, макроны, колхи, моссиники, койты, и тибарены», а также “таохи” не были подчинены царю (персидскому. – В. К.)» [215, 245]. В специальной литературе существуют различные точки зрения по поводу этнической принадлежности этих племен.

Большинство грузинских ученых, на наш взгляд, без всякого основания, их, как и колхов, считают западно-грузинскими племенами.

Некоторые же исследователи: И. А. Джавахишвили, И. М. Дьяконов, М. Кисслинг, П. К. Услар, З. В. Анчабадзе, Ш. Д. Иналипа и другие – допускают присутствие как в Южном Закавказье, так и в Юго-Восточном Причерноморье абхазо-адыгских племен вплоть до конца I тыс. до н. э.

Вышеназванные и другие племена Юго-Восточного Причерноморья впервые упоминаются древнегреческим автором VI в. до н. э. Гекатеем Милетским, а затем о них говорят Геродот (V в. до н. э.), Ксенофонт (V–IV вв. до н. э.), Скилак Кариандский (IV в. до н. э.) и др.

В пределах Юго-Восточного Причерноморья Гекатей Милетский называет следующие племена: *мосхи, хои, вехиры, макроны, мары, моссиники, тибарены, халибы*. В частности, Гекатей говорит:

«*Мосхи*, племя колхов, соседнее с матиенами»;

«*Хои*, народ вблизи вехиров...»

И опять «с хоями соседят к востоку *дизиры*» (видимо, *бизеры*. – В. К.);

«*Макроны*» (Страбон отождествляет с саннами);

«*Мары*, народ, соседний с моссаниками»;

«с *тибарами* к солнечному восходу граничат *моссиники*, а у них город Хейрады»;

«*Халибы*, народ у Понта, на реке Термодонте... и халибои». «*Стамена, город халибов*» [291, 301].

Вышеназванные племена, за исключением *хоев*, упоминает и Геродот. Последующие авторы не называют не только *хоев*, но уже и *мосхов, маров*. Вместе с тем гекатеевский список племен Юго-Восточного Причерноморья Ксенофонт дополняет такими

именами, как *таохи* (т. е. убыхи, см. выше), *скифины*, *враги скифинов*, *колхи*, *моссиники* (упоминает их и Геродот) и *дрилы*.

Позже уже Скилак Кариандский не называет этих племен, но говорит о неизвестных предыдущим авторам *бизерах*, *бехирах*, *экехерийцах* и *длинноголовых*.

В связи с отсутствием других свидетельств, сложно определить этническую принадлежность этих племен. Об этом можно судить лишь на основе лингвистического анализа этнических имен интересующего нас региона и увязываемых с ним географических названий.

Гекатей Милетский первым упоминает колхское племя *мосхов*, соседнее с матиенами. Часть же мосхов фиксируется и в Юго-Восточном Причерноморье, а также на левобережной стороне верхнего и среднего течения р. Кура (о них см. ниже).

В IV в до н. э. Скилак Кариандский, как и Ксенофонт, уже не называет среди племен Юго-Восточного Причерноморья мосхов. Вместе с тем Скилаком впервые на левобережье р. Апсар (Чорох) указывается племя *бизер* [295, 242]. Этноним *бизер*, похоже, распознается в названии р. *Пазар* (на тур. *пазар*, *базар* – «рынок»), впадающей в Черное море между турецкими селами Ардешен и Пазар. В пределах бизеров Скилак называет реки Арион (сов. Абу) и Дараанон, отождествляемые с р. Архаб или Архаве более поздних авторов [295, 242]. Последние, т. е. *Архаб* и *Архаве*, как и гидроним *Пазар*, похоже являются наследием бизеров; *Архаб(а)* на абхазском и абазинском означает «высыхающая долина», где *арха* – «долина» и *ба* – «высыхающая», от глагола *аба-ра* – «высыхать»; вторая же форма *Архаве* – от абхаз. *Архава*, букв. «сухая долина», где постпозиционная *ва* – «сухая». С этими гидротопонимами согласуется и более позднее название населения этого региона *зидрит*, где в основе *зидри* просматривается абхазское слово *дзыдара* (*зыдара*), буквально означающее «безводие», а *дзыдараа* – «безводные». Видимо, отсюда и др-греч. *зидр-ит*, образованное точно так же, как от названия лодки «*камар*» – «*камарит*».

На территории исторических бизеров, в частности в районе города Риза, расположена древняя, оригинальная крепость под названием *Зил кале* или *Зир кале* (*кале* – на тур. «крепость»). В основе *Зил* (Зир), несомненно, название одного из родовых или этнографических обществ абхазо-адыгов. Подтверждение этому –

сообщение Арриана о *зилхах* (*зил-х*), проживавших в его время (II в. н. э.) у реки Ахеунта рядом с санигами [223, 271].

Обращает также на себя внимание и само название причерноморского города *Риза*, в районе которого, как уже было сказано, лежит крепость Зил-кале. Ойконим *Риза* (в древних источниках Rhizion, Rhiziun, Riso и т. д.) до сих пор не имеет общепринятой этимологии. При этом *Риза*, *Ризе* или *Рицеи* [302, 18, 60] по форме напоминают название реки и озера *Рица* в Абхазии. Похоже, что для *Риза* и *Рица* является исходной *Реидзы* или *Риидзы*, состоящие из этнонимной основы *Реи* или *Рии* [168, 174] и абхаз.-абаз. *дзы(зы)* – «вода», «река», отсюда *Реидзы* или *Риидзы* (*Риза*, *Рица*) – «река Реиов или Рииов» [94, 235, 236]. Однако не исключено, что исходным может быть этноним *Риидзы* или *Реидзы*, образованный садзским аффиксом мн. ч. – *дз(з)*.

Древний прибрежный район г. Ризы именуется *Hemşin* или *Амшен*, что напоминает абхаз. *амишын* – «море». В связи с этим представляет интерес то, что армяне – выходцы из Юго-Восточного Причерноморья – называют себя *амишенскими армянами*, и, по их же объяснению, они так себя называют от абхазского *амишын* «море», «Черное море» – *амишенские армяне*, т. е. морские армяне или черноморские армяне.

В 30 км от Ризы, на реке Шаирлер существует известный водопад под названием *Апарон*. Основа этого гидронима – *апар* напоминает абхазский глагол *апара* (*аҭара*) – «прыгать», что представлено в абхаз. *адзыпара* (*азыҭара* // *азырҭара*) – «водопад», буквально же «прыгающая вода» – от *адзы* – «вода» и (*а*)*пара* – «прыгать». При этом остается непонятным аффикс *н* или *он*, что роднит интересующее нас название *Апарон* с топонимом того же региона – *Псарон* (см. ниже). Вместе с тем кажется несомненным происхождение древнего названия современного турецкого села Фындыклы – *Вица* // *Вице* из абхазо-абазинского *а-вица* (*аҭыҭа*) – «подгорье». По своему фонетическому облику обращают на себя внимание и такие названия турецких сел, как *Дутха* (село юго-восточнее Ардашена) и *Хона* (прибрежно-предгорное поселение вблизи села Вица). Последнее исследователями относится к числу абхазо-адыгских географических наименований с окончанием на *n* // *на* (*н* // *на*) [268, 174]. Оно, т. е. *Хона*, практически идентично с *Хоб-и* – названием реки и территории в Мегрелии и *Хуап* (*Хәәп*)

– именем высокогорного села в Бзыпской Абхазии; абхазское *Хуап* буквально переводится «перед горой», «предгорье» [94, 266].

Таким образом, есть основание полагать, что бизеры, как и мосхи, являлись абхазоязычным обществом, а сами этнонимы «бизер» и «мосх» обозначали в прошлом подразделения одного и того же народа. Первое, *бизер*, представляется искаженной формой самоназвания *базыр* или *базыр*, образованной от этнонимной основы *бызы*, *базы* (срав. абазы, абазги) посредством абхазо-абазинского аффикса мн. ч. *и-р*, *а-р*: *базы*, во мн. ч. *баз-ир*, букв. «базы» (срав. от *апса* – апсир, апсар; от *кул* – кулар, кулардз и т. д.). Этнонимная основа *быз* > *баз* // *паз* ныне сохраняется у абхазов и абазин как родовое имя, у абхазов *Базы* – во мн. ч. *Базаа* или *Базыр* (пишется *Базба*), у абазин *Паз* – во мн. ч. *Пазраа* (пишется *Пазов*).

Второе же, *мас-х*, в греческой передаче *мос-х*, похоже, является иноязычной формой названия отрасли абхазского народа – *масыр* // *мысыр* (мысаа), у абазин *масыл* // *мысыл* (см. выше). Однако для формы *масх*(*мосх*) исходной может быть *басх*, сохраняющаяся в основе черкесско-убыхского названия абазин *басх-ыг* (срав. *басхы* и *масхы*) [11, 72; 24, 262].

Гекатей Милетский после мосхов называет племя *хои* или *хоу* (χοῖς) [304, 263], живущих вблизи *вехиров* (бехиров), тогда как последующие авторы их не упоминают. П. К. Ушаков, вслед за ним и В. В. Латышев, полагают, что *хои* «может быть, следует читать таои или таохи» [291, 301], что, на наш взгляд, неубедительно. В конце V в. до н. э. таохов, т. е. убыхов, Ксенофонт находит в местах, где они и прежде обитали, в частности в верховье реки Апсар (Чорох). Представляется, что *хои* или *хоу*, в дальнейшем они же макрокефалы, т. е. «длинноголовые», которые, согласно Скилаку Кариандскому (IV в. до н. э.), проживали между бехирами и моссаниками, и им принадлежала гавань Псарон (295, 242). Этноним «макрокефалы», т. е. «длинноголовые», является не чем иным, как свободным переводом абхазского *хоу*, букв. «длинноголовые», где *х* – «голова» и *ау* – «длинный». Данное толкование может быть и образцом народной этимологии, а на самом же деле изначально это название могло иметь иное значение. Так, например, название *цлыфа*, означающее на адыгском «люди», «человек» было переведено на древнегреческий язык из созвучного с ним абхазского слова *аѳафа* – «вшеед», отсюда др.-греч. *фтейрофаги*,

т. е. «вшееды», что и стало фигурировать в древних источниках [296, 401–404]. Видимо, и Гиппократ (V–IV вв. до н. э.) говорит о фасианах (апсилах. – В. К.), что они «чрезвычайно тучны», «в их теле не заметно ни сочленений, ни жил» [18, 246], исходя именно из созвучного с этнонимом *апсил* абхазского слова *апсыла* – «жирный», «тучный».

На наш взгляд, и перевод названия гавани *хоев* – *Псарон* как «чесоточный» также вряд ли соответствует действительности. Скорее всего, перед нами этнотопоним *Псарон* в значении «а-псарская (гавань)», состоящий из этнического имени *а-псар* и суффикса *он* или *ун* (см. выше Апарон), возможно являющегося древнегреческим. Вместе с тем Псарон может быть искаженной формой абхазо-абазинского этнотопонима *Псарны* или *Псарын*, букв. «место а-псаров» или «страна апсаров», где *н* – локативный суффикс (срав. *апсуаа* «абхазы» – *Апсны* «Абхазия», *агыруа* «мегрелы» – *Агыр-ны* «Мегрелия» и т. д.).

С именем длинноголовых – *хои* или *хоу* – связано упоминаемое Гекатеем название города моссаников *Хеирады*, что у Скилака Кариандского *Хойрады*. Последнее, несомненно, является этнотопонимом, в котором налицо абхазо-абазинская множественная форма имени *хоев* – *хойра* или *хоура*, от нее и образовано название города Хоирады, точно так же, как от этнонима *бехир* – название города *Бехириада* (см. выше). Согласно Гекатею, город *хоев* – *Хоирады* уже в VI в до н. э. находился в пределах моссаников, а в IV в. до н. э. город Хоирады, как и Бехириада, называется эллинским.

Название племени *мар(ы)* встречается также только у Гекатея Милетского и Геродота. Мары и колхи, видимо, были соседями и этнически родственными. Они принимали совместное участие в походе персидской армии против Греции. В этой связи Геродот говорит: «Над марами и колхами начальствовал Фарандат, сын Теспия» [18, 245].

Этноним *мары* возможно связан с основной родовой имени могучих абхазских князей Маршанов, срав. гора и перевал в Абхазии – Марыху, из *Мар* + *рху*, букв. «гора Маров» [24, 234]; за Кавказским хребтом, у абазин, р. *Мара* или *Марытс* – левый приток р. Кубани, букв. «река Маров» [204, 77].

Греческий полководец Ксенофонт в 401 г. до н. э. со своей армией, оставив территорию *таохов* (т. е. убухов), прошел «через

землю халибов» и подошел к р. Арпасу, отделявшей халибов от скифинов [215, 309]. В другом месте он говорит о халибах, граничащих с моссиниками, и что «это был народ малочисленный и подвластный моссаникам; большая часть их жила разработкой железной руды» [215, 314]. В связи с этнонимом *халибы* обращают на себя внимание имя абхазского (садзского) рода *Хал-ина*, а также одно из названий садзов и их территории *Халцис* (абхаз. *Халцис*) [73, 95–96]. Родовое имя рода *Хал-ина* (срав. Халибы) на абхазском означает «сын Хала», что напоминает слова древнегреческого автора Каллимаха (III в. до н. э.): «...Халибы – скифское племя. В земле их добывается железо; они получили свое имя от Халиба, сына Арея...» [18, 266].

Любопытно также, что этнопоним Халцис букв. переводится как «малый Хал», где *цис* (абхаз. *цис*, *цис*) – «малый», «маленький» (срав. *аеы* «лошадь» – *аецис* «жеребенок», т. е. «маленькая лошадь»; *ацэ* «бык» – *аццис* «бычок» и т. д.) [151, 64]. Из этого следует, что если существует *Халцис*, т. е. «Малый Хал», то где-то должен был быть *Хал* или *Халду* (ду «большой», «великий»), возможно это и есть страна *Халды*.

Вместе с тем на этническое лицо халибов, похоже, указывает название р. *Арпас*, отделявшей халибов от скифинов, что по своей форме соответствует названию реки *Арабис* Скилака Кариандского. Первое, т. е. Арпас, исследователями увязывается с р. Чорох и с формой *Арипса*, упоминаемой хеттским царем Мурсилисом (XIV до н. э.) как название горы и крепости на Юго-Восточном Причерноморье в пределах царства Ацци [201, 150]. В Арипса или Арпас почти все исследователи видят абхазо-адыгское название, образованное с помощью абхазо-адыгского гидронимообразующего слова (аффикса) *цсы* – «вода», «река» [297, 204; 180, 84; 266, 428–429 и др.].

Скилак Кариандский на Юго-Восточном Причерноморье южнее бизеров помещает неизвестных предыдущим авторам *экехерийцев*, реки *Порданис* и *Арабис*, город *Лимна* и эллинский город *Одиний* [295, 242]. Похоже, что в имени *экехерийцы* просматривается этнонимная основа *кех* и его форма мн. ч. *кехе-р*, практически идентичная абхазскому общеродовому имени Бениевцев (в Бзыпской Абхазии) – *Кехир* или *Кехир-аа* «Кехиры». Имеется также фамилия *Къахъ* – пишется *Киакба* (Къахъ-ба), т. е. «Киахов». На

кабардинском же языке слово *киахь* означает «нижний», «нижний житель». Обращает на себя внимание и название экехерийской реки *Пордан-ис*. Последнее представляется сопоставимым с названием реки и абхазо-убыхского общества в исторической Западной Абхазии – *Вардан* (Вардане) или *Вордан* (абхаз. *Фардан*).

Как уже отмечено, Гекатей *хоев* (т. е. длинноголовых. – В. К.) помещает вблизи *вехиров*. Спустя почти два века Скилак Кариандский *вехиров*, под названием *бехиры*, локализует между экехерийцами и длинноголовыми, т. е. хоями Гекатея, что является подтверждением идентичности хоев и длинноголовых. В пределах *бехиров* Скилак называет Бехирскую гавань и эллинский город Бехириада [295, 242].

На наш взгляд, в этнониме *бехир* или *вехир* имеем форму мн. ч. имени убыхов *пёх* – *пёхир*, где тот же аффикс множественности *-ир* (срав. бехир, вехир с *пёхир*). К самоназванию убыхов *пёх*, похоже, восходит и название горы *Фех*, откуда, как говорит Ксенофонт, было видно море [215, 309].

Представляется, что к вышеназванным этническим сообществам проявляли языковую близость и *дрилы*. Последние, согласно Ксенофону, являлись воинственным, враждебным к трапезундцам народом, жившим близ моссиников [215, 311, 312], в частности в горах к северо-востоку от Трапезунта. В окончании этнонима *дрил* имеем тот же аффикс *-ил*, что и в названиях древнеабхазских сообществ *апс-ил*, *шаш-ил* (см. выше). Основа же имени *дрил* – *др*, *дыр* представлена в гидрониме *Дирапс* или *Дрипс* древних источников [289, 123; 24, 385], означающем на абхазском и адыгском «река Дыров». Последний соответствует реке, ныне известной под названием Дигермен (со слов же турецких абхазов – *Адзлагарадз*, что с абхаз. – «мельничная вода») и впадает в Черное море у турецкого города Трабзон, греч. Трапезунт. Очевидно, что от древнего абхазо-адыгского имени реки *Дирапс* или *Дырапс* с помощью форманта «унд(а)», «унт-а» (*Пиц-унда*, *Ахе-унта* и т. д.) создано греками название города, лежавшего у устья реки Дирапс – *Дирапис-унт* > *Трапез-унт*, *Трапез-унд*, совр. Трабзон. Представляется, что ту же основу *дир*, *дыр* имеем и в наименовании известного абхазского села *Дрытш* (ныне Дурипш, абх. *Дэрыцшь*), буквально означающем «край Дыровых», или «край Дировых».

В конце V в. до н. э., согласно Ксенофону, Трапезунт являлся эллинским городом и располагался в пределах колхов, а последние проживали вблизи этого города [215, 311]. Однако уже в IV в. до н. э. Псевдо-Скилак нечего не говорит о колхах района Трапезунты, вместо них здесь он помещает длинноголовых, т. е. *хоев*.

К древним этническим сообществам Юго-Восточного Причерноморья относились и *макроны*, о которых упоминают авторы VI–V вв. до н. э. Макронов уже нет в списке племен этого региона, составленном в IV н. э. Скилаком Кариандским, но их называет в III в. до н. э. Аполлоний Родосский [295, 280, 282].

По данным Ксенофонта, *макроны*, видимо, жили в горах, прилегающих к верховью р. Дирапс (совр. Дигермен). Армия греков оказалась на земле макронов вскоре после перехода через уже упомянутую нами гору *Фех*, откуда видно было море. Гора Фех, название которой, на наш взгляд, увязывается с именем убыхов *лех*, отождествляется с высотой в 2000 м близ Зигани, к юго-западу от Трапезунда [215, 309]. После переговоров с макрономи греки в сопровождении макронов за три дня дошли до пределов колхов.

Более поздние авторы макронов идентифицируют с *саннами*; так, например, Страбон (I в. до н. э.) говорит, что в его время их называли не макрономи, а саннами [18, 256; 249, 277]. В этой связи, видимо ошибочно, Арриан (II в. н. э.) махелонов отождествляет с макронами [223, 270]. По существу, это все, что известно о макронах.

Немалый интерес представляет и народ *моссиники*, упоминаемый впервые Гекатеем Милетским «Хейрады, город моссиников» [291, 301]. Далее о нем говорят Геродот, Ксенофонт, Скилак, Аполлоний Родосский и др. Более полную информацию о моссиниках дает тот же Ксенофонт, проходивший со своей армией через земли моссиников. В его время (конец V в. до н. э.) страна моссиников состояла из враждующих между собой двух областей. Причем моссиники северо-восточной области владели городом – «Столицей» и считали себя владыками всех моссиников. Эллина, воспользовавшись этой ситуацией, вступили в союз с обиженной стороной, т. е. с моссиниками южной области, и совместными силами покорили первых моссиников. К пределам последних эллины подошли, пройдя от Керасунта некоторое расстояние в южном

направлении. Поэтому предположительно можно говорить о том, что моссиники занимали территорию, заключенную между рекой, ныне именуемой Аксу, и рекой Милет до самого верховья этих рек. Царь и царьки моссиников жили в *моссинах*, т. е. в деревянных башнях, с чем и увязывают название народа – *моссиники* [215, 342–344].

Согласно Ксенофону, за моссиниками жили халибы: «...этот был народ малочисленный и подвластный моссаникам» [215, 343, 344] (о халибах см. выше). Моссиники также граничили с длинноголовыми и тибаренами. Скилак Кариандский говорит: «За длинноголовыми – народ моссиники, гавань Зафирий, эллинский город Хойрады, остров Ареса. Эти живут в горах. За моссиниками живет народ тибарена. За тибаренами живет народ халибы» [295, 242, 243].

Аполлоний Родосский (III в. до н. э.) также рядом с моссиниками помещает тибаренов и далее пишет: «...моссиники занимают лесистую страну и предгорья, устраивая себе жилище в деревянных башнях и крепкие ограды, которые называются моссинами: отсюда они и сами получили название. А в самом высоком моссине сидит у них царь и творит правый суд своему многочисленному народу» [295, 280, 281].

Этническая принадлежность моссиников пока еще остается не выясненной. Ш. Д. Инал-ипа в своей работе приводит существующие по этой проблеме мнения ученых, в частности, он пишет: «Название моссиников по своему звуковому составу, как указывает Г. А. Меликишвили, близко стоит к названию племени санигов, локализуемому на территории современной северо-западной Абхазии, поэтому не исключено, что в моссиниках мы имеем дело с остатками проникших с Севера племен. При этом он (т. е. Меликишвили. – В. К.) связывает *сан* (чан) с грузинским префиксом *н* и суффиксом *-иг*, наличным в названии санигов, и на этом основании склонен причислять их к грузиноязычному этническому миру» [300, 80; 24, 177]. И. М. Дьяконов, возражая против этого, полагает, что в санигах мы имеем, по всей вероятности, абхазо-адыгское племя. Он пишет: «Мы не имеем основания сомневаться в сообщении Страбона [XII, 3, 18], говорящего о неместном происхождении имени мосинояков (*mosynoikoi*), “живущие в башнях”, где *mosyn*, возможно, не греческое, а первоначально фригийское

слово “башня”; передача имени чанов как *сан* обусловлена греческой фонетикой, но не видно, почему *а* здесь должен перейти в *у*» [180, 122; 24, 177].

На наш взгляд, древние авторы именем «моссиники» называют этнически неоднородное население. Это вытекает из сообщения Ксенофонта о том, что есть моссиники, господствующие и моссиники, зависимые от них. Последние становятся союзниками эллинов. Когда эллины по пути дошли до области своих союзников (части моссиников), им показывали тучных детей богатых лиц, спины у них были разрисованы, а вся передняя часть тела татуирована цветами [215, 344]. Ничего подобного не видели эллины у покоренных ими господствовавшей части моссиников.

Страбон (I в. до н. э.) название «моссиники» употребляет в собирательном значении и применительно к существовавшей до него этнической ситуации в горной части Юго-Восточного Причерноморья [XII, 3, 18].

Важно также и то, что имя «моссиники» не является самоназванием народа, их так называли якобы в связи с тем, что их царь и царьки жили в деревянных башнях, названных неизвестно на каком языке «*моссин*». Если исходить из утверждения древних авторов, то не приходится говорить о родстве этнонима «моссиники» с *саниги* или *сан* (*чан*), за которыми стоят вполне известные этнические общества.

Согласно Аполлонию Родосскому, моссиники являлись многочисленным народом, в пределах которого уже находился город хоев (т. е. длинноголовых) *Хойрады*, позже ставший эллинским. Моссиникам были подчинены халибы, а также безымянная «обиженная» область, которая в конце V в. до н. э., с помощью эллинской армии, стала господствующей в Моссиникии. Поэтому, возможно, в названии мос-син-(ики) представлены две этнонимные основы *мос* (*мосхи*) и *син* (*сан*, *чан*) – обозначение подчиненного мосам племени: *мос-син(ики)*, возможно, из *мос-сан-(ики)* – могло означать «мосские саны (чаны)» или «Санника моссов (мосхов)». Форму *мос-сан* греки могли передать по созвучию с названием башни «*моссин*» как «*моссиники*».

Понтийские мосхи жили в соседстве с тибаренами и моссиниками в районе сов. Орду [215, 344; 249, 220]. Геродот говорит о том, что мосхи и тибарены были представлены под одним началь-

ством в войне ахменидского царя Ксеркса, вторгшегося в Грецию. Он же называет как мосхов, так и моссиников, составлявших с макронами отдельный воинский отряд в персидской армии. Последующие авторы уже не говорят о мосхах как о племени Юго-Восточного Причерноморья, если не считать некоторых позднейших авторов, часто слепо повторяющих своих предшественников.

В пределах моссиников Скилак помещает гавань под названием Зефирий, которой очевидно соответствует имя жителей этого района – *сапиры*. Аполлоний Родосский называет их «гордыми сапирами» [295, 282]. В фонетических вариантах *Зефирий* и *Сапиры* похоже просматривается название абхазского родового общества *Джапыр* (*Цъапыр*), представители которого и ныне живут в Абхазии и более всего – в Турции, в среде абхазских переселенцев. Повидимому, от основы этого имени *джап* // *дзап* (во мн. ч. *джапыр*, *дзапыр*) происходит абхазский княжеский род *Дзиати* (*Дзацъиш-ица*) и крестьянский род *Джъацъиш*.

На наш взгляд, вслед за разгромом эллинами враждебных им племен, в том числе правящих моссиников, возникает некий союз поддержавших эллинов этнических обществ, т. е. дружественный эллинам союз макронов, санов, халибов и тибаренов, в котором, видимо, макроны играли в определенный период главенствующую роль. Подтверждением этому могут быть слова Страбона: «Выше Трапезунда и Фарнакии живут тибарены, халдеи и саны, которых прежде называли макронами» [XII, 3, 18].

К числу древних племен Юго-Восточного Причерноморья относятся также и тибарены, фиксирующиеся рядом с моссиниками. Ряд грузинских ученых тибаренов считает родственными тубалам и мушкам (они же, по их мнению, мосхи) и представляют западногрузинскими племенами. Об этих племенах также говорит Г. А. Меликишвили, который называет их *тубало-тибаренами*, и далее созданный им же этноним рассматривается как собирательное название народностей разного происхождения, среди которых он предполагает присутствие и западногрузинских племен, проникших сюда в XIII–XII вв. до н. э., и многих других племен, стоявших «по языку близко к носителям современных горских кавказских (абхазо-адыгских, бацбийско-кистинских) языков» [235, 169; 24, 127]. И. М. Дьяконов, не удовлетворяясь идентификацией табала или тубала и мушков с тибаренами и мосхами, считает наи-

более вероятным, что «название тибаренов тождественно с именем каскского племени XIV в. до н. э. *типия* (*тибия*), с каким-либо местным суффиксом множественного числа – ар» [180, 123; 24, 127]. Таким образом, название «*тибарены*» также увязывается с абхазо-адыгским племенем и содержит в себе этнонимную основу *тиб* (*тин*), что в абхазской форме мн. ч. *тиб-ар*, видимо, производившееся в чанской среде как *тибар-ени*.

Обращает на себя внимание и название племени *керкит*, упоминаемое Страбоном, – «аппаити, прежние керкити», «древние керкиты». Автор их указывает выше тиборонов, халдов, санов и макронов близ Малой Армении. Под созвучным с *керкит(и)* именем «керкеты» Скилак называет и племя в Западном Причерноморье, что связывается исследователями с этнонимом «черкес». При этом считается, что препозиционное «ч» в названии «черкес», в связи его отсутствия в греческом, передан через «к» – отсюда *черк-ес*, в греч. *керк-ет* (24, 189). Вместе с тем представляется, что страбоновское обозначение племени – *керкит* сохраняется в современном названии р. Келькит, протекающей через места, о которых говорит Страбон, т. е. через область Келькит.

В сообщениях древних авторов конца I тыс. до н. э. среди горских племен Юго-Восточного Причерноморья начинает фигурировать племя *саны*, *санны*, т. е. чаны (см. ниже), которое, на наш взгляд, справедливо считается древнегрузинским. На их историческое местожительство прежде всего указывает название хребта *Джаника* или *Чаника* в Турции. Византийский автор Евстафий в своих комментариях к сообщениям древних авторов пишет: «Макроны, народ понтийский, живущий южнее вехиров. Их мы ныне называем *саннами* или вульгарнее *цанами*... и страну саннов называют Цаникою, употребляющие вульгарную форму имени» [303, 202–205, 08].

По Страбону, санны (чаны) прежде, как и тибарены, халды, именовались макронами, а уже римский чиновник Арриан (II в. н. э.) говорит о том, что санны – это бывшие дрилы. Последнее может быть указанием на то, что к концу I тыс. до н. э. санны (чаны) выдвинулись на передний план среди вышеназванных племен, находившихся до этого в подчинении макронов. В дальнейшем союз племен, возглавляемый саннами (чанами), непокорными врагами Рима, живших в I–II вв. н. э. в условиях родового строя («народ, не

имеющий царей» – по Арриану), как пишет Г. А. Меликишвили, в римскую эпоху достигает такой политической силы, что во второй половине IV в. вторгается в Каппадокию, Киликию и Сирию [300, 83, 86].

Вместе с тем, на наш взгляд, нельзя путать этих *чанов* (греческая форма имени которых *санны* или *цаны*), увязываемых Страбоном, Аррианом и Евстафием с горными племенами южного крыла Юго-Восточного Причерноморья, прилегавшего к Малой Армении, с саннами Плиния, обитавшими в I в. до н. э. вместе с гениохами на Черноморском побережье, главной рекой которых являлась *Ансар*, и санигами Северо-Западного Причерноморья (о них см. ниже).

Этнонимная форма *санны* исследователями выводится из *чан* (*чан*). Считается, что передача имени *чанов* как *сан* обусловлена греческой фонетикой [180, 122]. С именем *чаны* (*цаны*) увязывают как название территории Чаны, Чанети, так и современное обозначение приморского региона Грузии *Ачара* или *Ачанра* [55, 139]. В этой связи представляет интерес абхазское название аджарцев, точнее их предшественников в Аджарии – *чоу* (*чоу*, *а-чоу*) – от *чау* (*а-чау*), состоящего из этнонимной основы *ча* (*ча*) и абхазо-абазинского окончания *у* – «человек», придающего основе форму этнического имени. Чоуский язык абхазы именуют *а́чоу бызшэа*, букв. «язык чоуов». Историческую территорию *чоуов* (чауов) абхазы, похоже, называли *Чаны*, где *ны* – локативный суффикс: *Ча-ны* «Страна чауов» или «место чауов» (срав. *апсуа* «абхазы» – *Аңсны* «Абхазия», *агыруа* «мегрелы» – *Агыр-ны* «Мегрелия» и т. д.). Выходцев из страны (территории) *Чаны* абхазы именовали *а-чануа* (*чануа*), букв. «люди страны Чаны», «чанские люди». Представляется, что этнотопоним *Чаны* и этноним *а-чануа* были заимствованы грузинами у абхазов, в соседстве с которым некогда жил народ *чау* (*чау*). Причем абхазское название страны *чоуов* – *Чаны* было усвоено грузинами и греками как этническое имя чоуов.

Позже сами предки абхазов стали использовать название *чаны* (*цаны*) и производное от него абхаз. *а-чануа*, букв. «чанские люди», как варианты древней этнического имени *чау* (*чау*, *чоу*, *а-чоу*). На это указывает абхазское окаменелое выражение «*и-чан-цаны еибафойт*», использующееся, когда речь идет о бескомпромиссных раздорах между родственными людьми: *и-чан-цаны еибафойт*,

букв. «чан-чаны съедают», что осмыслено означает «друг друга как чан чана съедают». Похоже, в этой фразе сохраняется память о ситуации, когда в древности чанские племена были охвачены жестокими междоусобными распрями.

В конце I тыс. до н. э., в результате распада огромного государства Селевкидов и наступательных действий правителей Понта, начинает значительно меняться этнополитическая ситуация в северной части Малой Азии, и в частности в Юго-Восточном Причерноморье.

В начале II в. до н. э. возникает Армянское государство. Вскоре племена Юго-Восточного Причерноморья оказываются под властью Малой Армении. В прибрежную зону начинают проникать армянский этнический элемент, начинается интенсивный процесс эллинизации и арменизации. В отторгнутых армянами у соседних черноморских племен областях армянский язык становится государственным... С этим же процессом увязывают появление здесь т. н. армяно-халибов [249, 275].

§ 2. Страна фасианов

В конце VII в. до н. э., с падением Дияухи и Южно-Колхидского царства и утверждением в Юго-Восточном Причерноморье сначала Урарту, а затем Персидской державы, политический центр Айя-Колхиды перемещается в Восточное Причерноморье. Население этой области позднее рассматривало себя преемником древних колхов. Перенесение греками сказаний о древней (Южной) Колхиде на позднюю Колхиду (цикл сказаний об аргонавтах), а также, по мнению Г. А. Меликишвили, и самого названия «Фасис» с р. Чорохи на р. Риони, тоже может указывать на эту преемственность [249, 219]). Древними авторами в Восточном Причерноморье выделяется область, заключенная между реками Апсар (Чорох) и Фасис (Риони), что территориально соответствует центральной части Древне-Айского царства. Здесь же, у реки Фасис, как полагают многие исследователи, находился и главный город этого царства – Айа или Эйя. По сообщению Ксенофонта (V в. до н. э.), эта область именовалась «Страна фасианов», и в его же время там царствовал потомок Аэта [249, 221]. Ксенофонт

этих фасианов не путает с колхами, которых он находит отдельно, в Юго-Восточном Причерноморье близ Трапезунда.

В колхах Ксенофонта, по-видимому, следует видеть собственно колхов, т. е. *кулов* – *кулар* или *кулардз* из области *Кулардз* (Кларджети) – центра Южно-Кавказского (Южно-Колхидского) царства – урарт. *Кулх*, *Кулха*, абхаз. *Кулкита*, др.-греч. *Колхида* (см. выше).

Как уже было сказано, в Юго-Восточном Причерноморье, наряду с колхами, Ксенофонтом упоминаются и *таохи* (т. е. убыхи) – потомки основоположников бывшего могучего царства Диаухи, т. е. царство *таохов* [249, 202].

В VI–V вв. до н. э. собственно колхи и таохи по своему политическому статусу и возможностям мало чем отличаются от племен Юго-Восточного Причерноморья. Последние, согласно Геродоту, составляли XIX сатрапию Персидской державы, тогда как в Восточном Причерноморье уже существовало значительное Царство фасианов, традиционно возглавляемое династией Аэтидов.

На наш взгляд, фасианы являлись также одним из подразделений народа, ранее известного как *айаеос* или *колхи*. Поэтому у некоторых древнегреческих авторов название «*колхи*» употребляется как синоним имен «айаеос» и «фасиани». Сам же народ фасиани соответствует древним апсилам, что, похоже, вытекает из сообщения Иппократа (V–IV вв. до н. э.). Он пишет: «...фасианы резко отличаются своей наружностью от остальных людей. Они высоки ростом и чрезвычайно тучны; в их теле незаметно ни сочленений, ни жил» [18, 246]. На наш взгляд, нетрудно заметить, что автор описывает фасианов, исходя из перевода созвучного с этнонимом *апсил* абхазского слова *апсыла* – «тучный», «жирный», полученного им от абхазоязычного информатора.

Как уже было отмечено, многие исследователи, вопреки ученым, видящим в колхах только картвельский элемент, считают *колхов-фасианов* предками абхазов и абазин (см. Страна и царство Айа // Эйа). В колхах-фасианах усматривает также предков современных абхазов и крупнейший знаток древнегреческой литературы, переводчик и комментатор текстов о Скифии и Кавказе В. В. Латышев [215, 265]. Главным аргументом для такого утверждения, конечно же, является ономастический материал этих древнегреческих текстов, увязывающийся в основном с языком абхазов и абазин (см. выше). О родстве древних *айцев*, *колхов*, *фасианов* с абха-

зами может говорить и наличие общих элементов в их материальной и духовной культуре, в особенности – характерный только для них обычай «воздушного захоронения». Нимфодор Сиракузский (IV–III вв. до н. э.) – автор «Варварских законов» – пишет: «Мужские тела колхам нельзя было ни сжигать, ни погребать; тела мужчин завертывали в свежие шкуры и вешали на деревьях, женские же предавали земле» [295, 273]. Аполлоний Родосский (III в. до н. э.) в связи с походом аргонавтов в Аяа-Колхиду говорит о том, что аргонавты по дороге к дворцу Аэта увидели «множество раkit и ив, на верхушках которых висели привязанные веревками трупы». Далее он же, отождествляя айцев с колхами его времени, пишет: «...и теперь еще считается у колхов святотатством предавать огню трупы умерших мужчин: нельзя даже зарывать их в землю и насыпать сверху могильные холмы: их завертывают в невыдубленные бычачьи шкуры и вешают на деревьях вдали от города. Однако и земля получает свое наравне с воздухом, так как трупы женщин предают земле; таков установленный у них обычай» [295, 283].

В дальнейшем, уже в новое время, в Закавказье и на всем Причерноморье только у абхазов фиксируется обычай «воздушного захоронения». Монах доминиканского ордена Жан де Люк, посетивший Абхазию в XVII в., сообщает, что абхазы «покойников кладут в выдолбленные пни деревьев, служащие для них гробом, и потом, привязав их (от шакалов) к четырем столбам, держат их как бы висящими в воздухе» [319, 493]. Турецкий же путешественник Эвлия Челеби (XVII в.) пишет: «Этот абхазский народ странным образом хоронит... тело усопшего кладут в деревянный ящик, который прикрепляется к ветвям высокого дерева» [320, 179]. Более подробное описание абхазскому обычаю «воздушного захоронения» дает итальянский миссионер А. Ламберти, который, в частности, подчеркнуто отмечает: «У абхазов есть замечательный обычай, который нельзя найти ни у одного народа в мире, а именно: покойников не хоронят, но вешают на дереве следующим образом: выдалбливают ствол дерева наподобие гроба, кладут туда покойника и крепкой виноградной лозой подвешивают к верхушке дерева. На этом же дереве вешают все оружие, которое покойник в жизни употреблял на войне», а «чтобы послать на тот свет коня, гоняют его во всю прыть от этого дерева до тех пор, пока тот не околеет. Если он издохнет скоро, то говорят, что хозя-

ин любил его сильно: если же, напротив, он долго не издыхает, то говорят, что покойник этим показывает, как мало заботился о нем» [1, 189, 190; 321, 212].

На наш взгляд, на этническое лицо фасианов-колхов также указывают и древнегрузинские источники. В них, как известно, отсутствуют названия *Колхиды* и *колхи*. Вместо них употребляются *Эгер*, *Эгриси* и *эгры*, означающие в широком смысле всю Колхиду и колхов, а в узком смысле – территорию фасианов: Фасиду и ее население.

Название *Егр(и)* фиксируется и в древнеармянских источниках в форме *Егерк*, как обозначение области в нижнем течении р. Чорох, и *егерацик*, т. е. егры [322, 82]. Видимо, поэтому и река Чорох первоначально в грузинских источниках именуется *Эгрис-Цхали*, бук. «Эгрская река», тогда как у греческих и римских авторов она фигурирует под самоназванием абхазов *Ансап*.

По мнению ряда ученых (И. М. Дьяконова, Д. И. Гулиа, Ш. Д. Инал-ипа и др.), термин «*эгры*» не являлся этническим именем, а обозначал страну, территорию [24, 198]. В этой связи представляет значительный интерес высказывание Д. И. Гулиа о том, что в основе абхазского этнонима *агыр-уа* – «мегрел» лежит абхазское слово *ага* – «морское побережье». В частности, он пишет: «Абхазы их (т. е. мегрелов. – В. К.) называют *агруа*, *агур-уаа*, что означает по-абхазски – “люди берега (моря)”, “береговые люди”, “люди морского берега” – в противоположность *аишхарауа*, *аишхар-уаа* “люди горы” – горцы. (Если бы это слово происходило от слова *Эгри* (река Ингур), или *Эгриси*, как это принято признавать, тогда абхазы, соседи, их, мегрелов, называли бы *эгруа*, *эгур-уаа*, а страну их *Эгурну* (Мегрелия) вместо *Агурну* (агырны).)

Гурийцев же абхазы называют *агураа*, т. е. “центральные люди”, “люди середины”» [18, 69].

Действительно, слово *ага* в абхазском языке означает «морской берег», а производный от него термин *агара* – «приморье», «поморье» (срав. *аишха* – «гора», *аишхара* – «горы») и абазинское *агараа* или абхазское *агарауаа* (усеченно же *агар*) – «приморцы», «поморские». Правда и то, что абхазы и абазины Черноморья делились на горцев и приморских. Горцы назывались у абазин *аишхар*, *аишхараа* (от *аишха* – «гора», *аишхар* – «горы»), отсюда обозначение части абазин – *аишхар* или *аишхараа*, являющихся носи-

телями ашхарского диалекта, с которыми связана и фамилия *Ашь-хараа* (пишется Ашхарава). Абхазским вариантом абаз. *ашьхар*, *ашьхараа* – «горцы» является *ашьхаруа* – от *ашьхара* – «горы» и *уаа* – «люди», отсюда абхазская фамилия *Аишхарауа*. Жители же приморья у обоих народов именовались «агараа» или усеченно «агар». К этой категории в прошлом, видимо, относились предки ныне самого многочисленного рода абхазов и абазин – *Аграа* или *Агыр* (в ед. ч. у абхазов – *Агыр-ба*, у абазин – *Агир-ов*).

Термин «*Эгры*», вполне возможно, из абхазского «агара» или «агар, агр». По утверждению П. Ингорквa в топонимах начальное «а» может соответствовать грузинскому «э» – *Егри* (Егриси) [55, 138].

Исходя из вышесказанного, можно полагать, что абхазское *агара* или *агар* – «приморье» было принято в древности картвельскими племенами как *эгер* в значении «приморье», «прибрежье», а производная от него форма *эгри* стала обозначать приморских абхазов, т. е. колхов-фасианов, отсюда и *Эгриси* – грузинское название территории эгров, известной в древнегреческой литературе как Колхида или Страна фасианов.

Ш. Д. Инал-ипа пишет: «Важно еще раз отметить, что в основе грузинского названия страны Эгриси лежит древняя абхазская форма “Егры”... у адыгов Егерквай – название аула и племен» [365, 22]. По Ц. Нойману Эгер, Экер выступает как армянское название адыгов и абхазов [483; 365, 222].

В генеалогическом древе кавказских народов, составленном грузинским автором XI в. Мровели, один из сыновей общего пра-родителя Таргамоса именуется *Егрос*. Последнему отведено Черноморское побережье до самой реки Малой Хазарии (Кубань), т. е. область, занятая с древних времен абхазо-адыгскими народами, где он построил город *Эгриси* [239, 229].

Имя же *Эгрос*, представляющее греческую форму, производно, по нашему убеждению, от абхазского *Агара* // *Агар* (груз. Эгер, Эгри, армян. Егерк) – «Приморье», отсюда *Эгрос* – *Эгрский*, т. е. «приморский». Поэтому Мровели, писавший о периоде могущества абхазов, в своей генеалогической карте напрямую не называет абхазов, считая их потомками *Эгроса*. П. Ингорквa прав, когда говорит, что «Леонтий Мровели не упоминает об абхазах, поскольку считает их этнически идентичными эгрисцам» [55; 365,

529]. По мнению Г. Д. Гумба, рассказ Мровели о происхождении кавказских народов корнями уходит к временам Урартского царства [240, 115, 127].

Таким образом, можно говорить о равнозначности в прошлом этнонимов *колхи*, *апсары*, *фасианы* и *эгры* грузинских источников. В соответствии с этим Страна фасианов – то же самое, что Колхида или Эгриси.

Как уже было сказано, основная территория *Страны фасианов* или *Эгриси* простиралась от среднего и нижнего течения р. Апсар (Чорох) до р. Фасис (Риони) и ее притока Техури. Вместе с тем считается, что эта страна имела свое продолжение и за р. Фасис. Она, по мнению М. Инадзе, простиралась от устья р. Чорох (Апсар) до р. Кодор или современного Сухума и, может быть, еще далее на северо-запад [252, 168].

На наш взгляд, в VI–V вв. до н. э. юго-восточная граница фасианов начиналась не от устья р. Чорох, а проходила южнее ее – по р. Абу, именовавшейся во времена Ксенофонта *Арион*, т. е. «Персидский» [249, 252]. Эта граница, похоже, была передвинута Александром Македонским уже позже на р. Апсар (Чорох), именуемую в древнегрузинских источниках Эгрис-Цхали.

Согласно утверждениям академиков И. А. Джавахишвили и С. Т. Еремяна, в прошлом в Колхиде существовали две реки с созвучным названием *Эгрис-Цхали* и *Эгрисис-Цхали* [331, 23, 337, 264], которые не следует путать.

Первое, т. е. *Эгрис-Цхали*, букв. «Эгрская река» образовано от названия прибрежной области Эгры или Эгер (абх. Агара // Агар), прилегавшей к нижнему течению р. Чорох, и, как гидроним, *Эгрис-Цхали* представляет грузинский вариант обозначения р. Апсар (Чорох), которая, по мнению Г. А. Меликишвили, в древности именовалась Фасис [249, 207].

Название же второй реки – *Эгрисис-Цхали* является более поздним, чем первое, производно от имени страны *Эгриси*, отсюда *Эгрисис-Цхали* – «Эгрисская река», что в усеченной форме *Эгрис-Цхали* увязывается с р. Квирила (Фасис) [322, 88], а также с р. Ингури [337, 264] и ошибочно – с р. Галидзга [55, 175, 338, 114].

Однако, как нам представляется, название рек *Эгрис-Цхали* (р. Чорох) и *Эгрисис-Цхали* // *Эгрис-Цхали* (Квирила – Фасис) могут быть образованы и от разных основ. Первое, как уже было сказа-

но, – от абхазского названия приморской области *Агара*, усеченно *Агар*, груз. Эгер, Эгры «Приморье» – отсюда груз. Эгри-Цхали (р. Чорох). В основе же второго *Эрисис-Цхали* или *Эгрис-Цхали* (Квирила – Фасис) может быть созвучное с Агара // Агар, Эгер, Эгры – топоним *Агуры*, являющееся абхазским названием центральной части Колхиды – *Агура*, т. е. Гурия. Абхазское *Агура*, букв. «центр, середина, сердцевина» – от *агу* (*агды*) – «сердце, сердцевина, центр» и *ра* – суффикс собирательности, абстрактности [94, 29, 45]. От названия территория *Агура* (Гурия) и абхаз. *агур* – «гуриец», *агураа* «гурийцы» [18, 69].

Как уже было сказано, политический и экономический центр Страны фасианов или Колхиды (Эгриси) располагался по обеим сторонам Фасиса, и этот исторический центр абхазами именовался *Агура*. Последнее, похоже, в закономерной форме *Агуры*, в груз. *Эгури* или *Эгурис-Цхали* обозначало и р. Фасис (Квирила – Фасис). На это, на наш взгляд, указывает современное название р. Ингури, в котором «н» является мегрельским наращением (см. выше). Поэтому современная форма *Ингури* производна от *Эгури*, что из абхазского *Агуры*. Последнее, путем стяжения основы и под влиянием грузинской формы Эгури, позже трансформировалось в современное абхазское *Егры*, а в мегрельском – *Ингури* (Энгури). Грузинское же Эгури или Эгурис-Цхали в древнегрузинских источниках превращается в Эгрис-Цхали, тогда как форма Эгрис-Цхали изначально означала р. Чорох. Вместе с тем не исключен и перенос названия реки от одной к другой, что, как полагают исследователи, было вызвано перемещением коренного населения центральной части Колхиды в северо-западном направлении [322, 89, 90].

Как нам представляется, указанием на то, что р. Фасис (Риони) в конце второй половины I тыс. до н. э. абхазами именовалась Эгры (← Агуры), является упоминаемое Плинием название земли этого района – *Кэгритика*, в которой начальное «к» может быть наращением, срав. *Кэгритика* с *Экректикой* Птолемея. В форме *Эгрит-ика* (К-эгритика) выделяется основа *Эгрит*, напоминающая абхазское *Эгырта*, обозначающее территорию, лежащую в пределах бассейна р. Эгры. По этой модели образованы абхазские названия территории бассейнов крупных рек Абхазии: р. Кудры – Кудырта, Гумсы – Гумыста, Гудоу – Гудоута, Бзып – Бзыпта, Мзым – Мзымта и т. д.

Вслед за Плинием (I в. н. э.) Птолемей (II в.) называет страну, лежащую выше приморской части Колхиды, – *Экректика* [304, 251]. По своему составу название Экректика Птоломея отличается от *Кэгритики* (Эгриктики) Плиния. В имени *Экрект-ика* вычленяется основа *Экрект* из *Эгрект*, что, похоже, восходит к абхазскому *Эгрыкыт* «Эгрская область, община», где абхаз. *кыт*, *кыта* – «область, община, село» (срав. *Эгры-кыта* или *Агура-кыта* с *Кул-кыта* – «область (страны) кулов», т. е. *Колхида*: об этом см. выше).

С абхазо-абазинским *кыта*, как уже было сказано, исследователи увязывают и название центра Айа-Колхиды – *Кита*, *Китеи* древних авторов, что соответствует совр. г. Кутаиси, расположенному в бассейне р. Риони, в междуречьи его верховьев – Верхнего Риони и Квирилы, где и помещается *Эгректика* Птоломея и *Егре-вике* армянских источников.

Царство фасианов, или, как именует его ряд исследователей, Северо-Колхидское царство, в VI–IV вв. до н. э. представляло собой раннеклассовое государство, в котором были еще сильны пережитки первобытно-общинных отношений [249, 233]. Вместе с тем археологический материал того периода свидетельствует о высоком развитии производительных сил, прогрессе во всех областях хозяйства (земледелие, животноводство, ремесло), развитии товарного хозяйства, и в этой связи – интенсивном обращении монет местной чеканки, т. н. «колхидок» [249, 232].

На среднем и нижнем течении р. Фасис (р. Риони) лежали все основные торгово-ремесленные и политические центры Страны фасианов, в том числе и ее столица *Айа*. В этом районе также проходил последний этап международной торгово-транзитной дороги, шедшей из Индии по среднеазиатским рекам и Каспийскому морю, Азербайджану и Восточной Грузии, через Сурамский перевал и р. Фасис, достигающей у устья последней берега Черного моря [249, 231, 232]. Именно у устья р. Фасис в VI в. до н. э. возникает древнегреческий город – торговая фактория Фасис (совр. Поти).

В то же время и в пределах нынешней Южной Абхазии появляются прибрежные греческие фактории под названием Гиен или Гиенос (близ совр. г. Очамчира) и Диоскуриа (совр. город Сухум), что является показателем интенсивности торговых отношений эл-

линов с населением Черноморского побережья Кавказа в VI–IV вв. до н. э. [287, 48–58; 94, 145–146, 159–161].

Однако во второй половине VI в. до н. э. все греческие города малоазийского побережья оказались под властью Персии [301, 35]. По-видимому, в то же время в сфере влияния Персии оказались г. Фасис и вся Страна фасианов-колхов. Геродот (VI в. до н. э.), имея в виду политическое образование – Царство фасианов-колхов, говорит о том, что колхи взяли на себя единое обязательство по отношению к Ахменидской державе – посылать «каждый пятый год» сто мальчиков и сто девочек [249, 219, 220].

Кроме тех «добровольных приношений» Ахменидам, о которых говорит Геродот в связи с колхами, эти последние, очевидно, приняли на себя и обязательство выставлять в случае надобности вспомогательные войска. Об этом говорит сообщение того же Геродота о народах, участвовавших в известном походе персидского царя Ксеркса против Греции в 480 г. до н. э. Среди участников персидского войска он называет и колхов [249, 221].

Несколько позже Ксенофонт (конец V в. до н. э.) – полководец армии греческих наемников – сообщает, что в походе персов участвовали фасианы и гаспориты, над которыми начальствовал Тирибаз [215, 315]. Он же говорит и о том, что в его армии, стоящей в г. Катиоре (совр. Орду), некоторые подняли вопрос о походе к Фасису морским путем и овладении Страной фасианов, по-видимому, считая ее враждебной грекам, проперсидской страной.

В 30-е гг. IV в. до н. э. прекращает свое существование Персидская держава Ахеменидов.

Во второй половине IV в. до н. э., согласно древнегрузинскому источнику, Александр Македонский, вытеснив персов из центрального Закавказья, установил здесь греческое правление. Посадил в Мцхете (Картли) своего ставленника Азо (Азона) [239, 27–28], определил границами Мцхетского (Картлийского) царства «Эрети, Эгрисцкали, Армению и Црольскую гору и ушел» [327, 23]. При Александре и Азо, и окончательно при Фарнавазе, к Мцхетскому (Картлийскому) царству была присоединена Кларджети, доходившая по левобережью р. Чорохи до моря. Думается, что в этом районе, по нижнему течению р. Эрис-Цхали (Апсар, совр. Чорохи) Картлийское царство стало граничить с Эгриси.

Ставленник Александра Македонского в Мцхете – Азо, как гласит источник, «разрушил ограды всех городов Картли и покорил все рубежи ее от Эрети и реки Берунджи до моря Сперского. Вслед за Картли покорил он Эгриси и сделал данниками овсов, леков и хазар» [239, 28, 29]. Однако вскоре против ставленника Понтийских греков Азо восстали все регионы, находившиеся под его управлением. В то время в Стране фасианов или Эгриси правил Кудж. С поддержки последнего восстание возглавил Фарнаваз – сын убитого Александром правителя Мцхеты [239, 29]. Фарнаваз и Кудж объединились, а затем они сговорились с овсами и леками. Согласно источнику, «...пришли к ним овсы и леки, и приумножились войска. В Эгриси созвали бесчисленную рать и пошли на Азона...» [239, 29]. Военные действия коалиции против Азо были поддержаны силами Селевкидов, более того, думается, что само восстание возникло не без их подачи. На это указывает то, что в период резкого противопоставления интересов Селевкидского царства и Понта организатором антипонтийской коалиции в Закавказье становится Фарнаваз, по роду матери – перс Аспанели. В руках последнего, при «фантастических обстоятельствах», оказываются сокровища, которые были использованы им для организации восстания.

Борьба коалиции, возглавляемой Фарнавазом, против Азо закончилась поражением Азо. Фарнаваз получает венец от царя Асурастана (т. е. от Селевкидов), которому он обещал свою покорность, и становится царем Мцхеты (Картли).

Царь фасианов (егров) Кудж, по-видимому, признал над собой верховенство Фарнаваза, что вытекает из слов Куджа «ты чадю патриарха Картлийского (Мцхетского. – В. К.) и тебе подлежит владычествовать надо мною» [239, 29]. Подчинение Куджа Фарнавазу означало подчинение через него и царю Асурастана.

Фарнаваз, похоже, предпринял попытку присоединения к Мцхетскому царству земель своих союзников Куджа и овсов, что не было поддержано последними. Более того, мы полагаем, что при этом Кудж пригрозил Фарнавазу возможностью его перехода в сторону Понтийских греков. Поэтому в источнике говорится «...[земли] в нижнем течении Эгри-Цкали остались за греками, так как население этих мест не изъявило желания отступить от греков. Тогда Фарнаваз выдал одну сестру свою за царя овсов,

другую – за Куджи. И дал он Куджи земли между Эгрис-Цхали и Риони, от моря до гор. В этой [местности] и находился Эгриси и Сванетии. И назначил [Фарнаваз] его там Эриставом. Он, Куджи, воздвиг Цихе-годжи...» [239, 30].

Как нам представляется, в цитируемом тексте имеется некоторое искажение фактов. Во-первых, Фарнаваз не мог дать Куджи территорию, над которой последний властвовал и ранее, когда еще Фарнаваз был никем. Фарнаваз мог только признать за Куджом его владения, по-видимому, заключавшиеся: с юга на север – между морем и Главным Кавказским хребтом; с востока и юго-востока на северо-запад – между нижним течением р. Эгрис-Цхали (р. Апсар, совр. Чорохи), р. Имер-хеви [330, 26, 240, 121], Месхетским хребтом, реками Хонис-Цкали, Квирилой, Эгрисис-Цхали, нижним течением р. Фасис (Риони) и ее правым притоком – р. Техури.

Кроме того, Кудж не мог быть эриставом, потому что, согласно Ксенофону, еще к началу IV в. до н. э. Страной фасианов правил царь из династии Аэтидов, правление которого в III в. до н. э. должен был унаследовать Кудж.

Признав за Куджем его владения и выдав за него свою сестру, Фарнаваз установил как свое влияние, так и влияние Асурастана в *Стране фасианов*, именуемой в древнегрузинских источниках *Эгри*, *Эгриси* (др.-арм. Егерк). Вместе с тем Фарнаваз не мог не учитывать значительную роль Куджа и его страны в освобождении Картли и воцарении там Фарнаваза.

В научной литературе высказаны различные мнения по поводу происхождения и принадлежности имени Куджи. Ю. Г. Гаглойты возводит его к осетинскому *Кудж* – «собака» и делает следующее заключение: «Очевидно, Куджи был сарматским военачальником, находившимся в вассальной зависимости» от правителя Картли, подтверждением чего якобы является «факт совместных действий Куджи и овсов на стороне Фарнаваза» [332, 183, 184]. Однако, согласно хронике, Куджи являлся представителем колхского (фасианского) правящего дома. Кроме того, хроника не путает Куджа и его страну с овсами (осетинами) и их обитанием. Как отмечает Г. Цулая, «совместные действия Куджи и овсов на стороне Фарнаваза были продиктованы не “сарматским происхождением” колхского царя, а единством политических задач народов Кавказа...» [239, 62, 63].

Имени колхского царя Куджи также касается и Ш. Д. Инал-ипа, – в частности он говорит о том, что имя Куджи до сих пор встречается у абхазов и связано с их древними тотемическими воззрениями (*ақәыцъма* по-абхазски означает волк) [24, 201]. Действительно, имя Кудж, не характерное для грузинской ономастики, у абхазов и абазин бытует с древних времен и встречается в формах *Кудж* (Қәыцъ), *Куадж* (Қуацъ) как личные имена представителей привилегированного сословия абхазского общества. Вместе с тем у абхазов и абазин имеется (встречающийся и в фольклоре) княжеско-дворянский род *Кудж* (пишется *Куджба* // *Куджев*) и княжеский род *Куд* – в садзской форме, *Кудз*. Последние до махаджирства проживали в Сочи – Адлерском районе. От их родового имени *Куд* – и происходит название местности и реки этого района *Куде-пта*, букв. «Кудов ущелье», где *пта* – «ущелье». Можно также вспомнить и абхазское родовое сообщество, именуемое *Кутар* (пишется Кутарба «Кутаров»), в основе которого лежит этнонимная основа *Кут*, *Кута* (срав. *Куд*, *Кут* // *Кута* с *Кута-иси*) – отсюда и форма мн. ч. *Кутар*.

Как уже было сказано, Кудж (Куджи) и царь овсов были женаты на сестрах Фарнаваза – дочерях владетеля Мцхеты *Ублоса*. Таким образом, сын Куджа являлся внуком Убло(са). За наследника Куджа была выдана внучка Фарнаваза, являвшаяся дочерью его сына Саурмага. Кажется с этими обстоятельствами увязывается абхазское сказание об Аубле и его внуке Апсха [146, 230–231], по которому у первого абхазского царя *Апсха* (букв. «абхазский царь») по материнской линии дедом являлся Аубла (об этом см. ниже).

У Фарнаваза царство унаследовал его сын Саурмаг – по отцу из рода *Убло(с)*, по матери из дурдзуков, т. е. вейнахов (чеченцев, ингушей, бацбийцев). Воцарение Саурмага во Мцхете не было воспринято собственно мосхами-картлийцами. Последние восстали против него, что, похоже, было вызвано тем, что он стал править страной, опираясь в основном на овсов (осетин), царем которых являлся его двоюродный брат по матери, и дурдзуков – родни его матери. С их же помощью было подавлено восстание мосхов-картлийцев. Согласно хронике, «тогда же Саурмаг привел с собой всех [дурдзуков] – половину рода Кавкасионов. Некоторых из них он сделал родовитыми, остальных посадил в Мтиулети, от Дидоети до Эгриси, которая есть Суанети, и овладел он всеми ими – род-

нею матери своей – надежно...» [239, 30]. В армянской же версии говорится: «...Призвал к себе царя Овсского. Пришел и легко овладел теми землями... привел половину размножившихся кавказских племен и поселил [их] в Мтиулету, которая есть Сванети» [239, 63]. Эти материалы дают возможность полагать, что овсы в конце III в. до н. э. с помощью Саурмага начинают контролировать северо-восточную окраину Страны фасианов (Эгриси), в частности – верховье р. *Кианей* (Верхний Риони), на что указывает появление гидронима *Роан* или *Рион(и)*, вытеснившее позже древнее название *Фасис* [69, 8]. Думается, что гидроним *Роан* или *Рион* происходит от самоназвания части овсов (осетин) – *ирон*. В I в. до н. э. река *Роан* Плиния, похоже, локализуется между р. Ингури и р. Хоб [61, 527].

С появлением в Стране фасианов овсов, возможно, увязывается один из сюжетов абхазского сказания об Абырскиле, где говорится о борьбе героя Абырскила с рыжими, голубоглазыми людьми, которые угнетают слабых и бедных. Г. Ф. Чурсин в этом видел отдаленное воспоминание об упорной борьбе абхазского народа с каким-то чуждым народом – голубоглазыми блондинами [126, 24]. В этой связи представляет интерес абхазская этимология этнонима *ауаҭс*, являющегося абхазской формой *овс*, *опс*, обозначающих осетин и их царей *Уобос* или *Уавбос* [239, 52]. Абхазское *ауаҭс* (*ауаҭс'*, *ауаҭшь*) переводится как «рыжие люди», «блондины» из *ауа(а)* – «люди» и *шь* (*шь*) – «рыжий» (срав. с *ауаҭаҭшь* – «рыжий человек», *адау-аҭшь* – «рыжий великан», *амца-шь* – «пламя» и т. д.) [333, 48].

В пользу такой этимологии абхазского *ауаҭс* (осетин) говорят и сведения древних авторов. Так, Гиппократ (IV в. до н. э.) пишет, что скифы (от которых, как принято считать, происходят аланы-осетины) – рыжие [215, 297]; другой автор Аммиан Марцелин (IV в.) сообщает, что почти все аланы являлись белокуроыми [334, 304]. Кроме того, название одного из сарматских племен *Ρωεολανοί* разъясняется как составное из *rox*s – осет. «светлый» и *alan* – «осетины», – букв. «светлые аланы» [335, 38].

На рубеже III–II вв. до н. э. в Стране фасианов или Эгриси видимому царем становится сын Куджа (имя неизвестно), женатый на дочери Мцхетского (Картлийского) царя Саурмага. Внук же Куджа по имени *Картам* (сын дочери Саурмага) с малолетнего

возраста воспитывался у царя Картли – Бартома и по его взрослению Бартом отдал Картаму в замужество свою дочь и усыновил его [239, 32]. Затем, похоже, Бартом и Картам стали совместно царствовать в Эгриси и Мцхетском (Картлийском) царстве. Однако вскоре они оба были убиты в сражении с их соперником Мирваном.

Намного позже после этого уже правнук Куджа *Адерк* (Адерки) из династии Аэтидов, по матери из Фарнавазов рода *Убло(с)* (абхаз. Аубла), становится царем Картли, видимо, и Эгриси.

Таким образом, Страна фасианов в III–I вв. до н. э. представляется государством, союзным с Картли. Союз этот постоянно подкреплялся родственными связями царей обеих стран. Вместе с тем в III в. до н. э., в период могущества Асурастана, они были больше похожи на сатрапии этого государства. Видимо, в этот период возник топогидроним *Сурий*, обозначающий один из правых притоков (возможно, Техури) р. Фасис, а от названия реки – и город Сурий. В последнем, скорее всего, следует видеть название страны Сурии – «Сирия» (Асурастан). Похоже, что р. Сурий (Техури) одновременно являлась северо-западной границей Страны фасианов и одной из границ Асурастана.

В III–I вв. до н. э., в связи с ослаблением государства Селевкидов, Колхида (Страна фасианов // Эгриси) оказывается в сфере влияния Понтийского государства. Вскоре царь Понта – Митридат VI Эвпатор (111–63 гг. до н. э.) включает в свое государство Юго-Восточное и Восточное Причерноморье (Колхида), а также и территорию Северного Причерноморья (Боспорское царство) [249, 278]. Согласно сообщению Аппиана, в 83 г. до н. э. он уже «воевал с отпавшими колхами и боспорцами» [336, 26]. После поражения Митридата от войск Помпея в 65 г. до н. э. Колхида или Страна фасианов оказывается в политической зависимости от Рима.

§ 3. Мосхи и Мцхетское царство

1. Мосхи

Гекатей Милетский (VI в. до н. э.) первым упоминает племя *мосхов*, соседнее с матиенами. Мосхи, жившие близ матиенов, после ассирийских завоеваний продвинулись вглубь Закавказья. Как

полагают ученые, в V–IV вв. до н. э. они осели к югу от Фасиса и в долине верхнего и среднего течения Куры, на что указывает название Мцхета, которое сопоставляется с племенным названием мосхов [301, 155; 249, 395]. С последними связаны и географические названия *Самцхе*, *Месхети* и *Мосхийские горы*.

По поводу этнической принадлежности *масхов* или *мосхов*, *месхов* в специальной литературе существуют разнящиеся мнения. Некоторые исследователи (Г. Меликишвили, Т. Микеладзе, А. Апакидзе и др.) *месхов* (*мосхов*) идентифицируют с малоазийскими *мушками* лишь на основании некоторого созвучия их имен. Далее эти же авторы, практически безо всякой аргументации, *месхов* или *мосхов* (мушков) называют одним из древнейших грузинских племен [235, 96, 150; 205, 420; 251, 35; 325, 176]. Согласно же И. Дзяконову, никаких следов собственно грузиноязычных племен в местах проживания мушков // мосхов древних источников ни раньше, ни позже не обнаруживается [180, 30, 56; 326, 54].

Гипотезу о принадлежности мосхов древнегрузинским племенам отвергает и кавказовед Г. Д. Гумба. Он выдвигает собственную версию по проблеме происхождения мосхов. По его утверждению, во второй половине I тыс. до н. э. именем *мосхи* обозначались *нахские* племена, проживающие на Центральном Кавказе. В подтверждение своей версии он приводит целый ряд географических названий этого региона, увязывающихся, по мнению автора, с нахскими племенами. В качестве одного из главных аргументов он считает и то, что дагестанцы термином *мосох* называют именно нахских цова-тушин [343, 223]. Вместе с тем, как отмечает сам автор, в вайнахской этнической номенклатуре совершенно отсутствует термин *мушк* или *мосох*. Данный факт свидетельствует, скорее всего, о том, что термин *мосох* не был самоназванием каких-либо нахских племен и что название «*мосхи* // *мосохи*» употреблялось к тому времени (вторая половина I тыс. до н. э.) в общем, собирательном смысле для обозначения всего населения южной и северной части и всего Центрального Кавказа [343, 228]. Вместе с тем известно, что в конце III в. до н. э. картлийский царь Саурмаг переселил в Страну мосхов или Картли значительное количество овсов и вайнахов (дурдзуков) [239, 30, 63]. В этой связи не исключено, что нахских цова-тушин соседи дагестанцы стали именовать и именем *мосх* или *мосох*.

В специальной литературе существуют рассуждения о мосхах и как о древнеабхазском племени. Академик Н. Я. Марр в названии *мосхи* усматривает фонетический вариант этнонимной основы *бас, мас*. Далее Н. Я. Марр с мосхами связывает древнеармянское название Арарата – *Масик* и этноним *маскуты*, а также считает, что в именах *Мцхета*, древнейшего города Грузии, и *Самцхе* видна та же яфетическая основа, ведущая к «мосхам, прародителям абхазов» [18, 94]. По поводу этого мнения акад. И. А. Джавахишвили пишет, что такой взгляд может быть лишним доказательством в пользу того, что *моссиники* (мосхи) и *фазиа-ни* в древности были народами абхазо-черкесского племени [266, 21, 22, 23]. Профессор Тураев также считал народ *маску* (маскуты или мосхи. – В. К.) предками абхазов, переселившихся с юга [316, 133].

Название племени – *мосх(и)* образовано, несомненно, от этнонимной основы *мос* или *мас* (о переходе *а* в *о* см. выше) и хуррито-урартского аффикса мн. ч. *-х* (срав. Кул-х, Кул-ха) – отсюда *мас-хи* или в древнегреческой передаче *мос-хи*, буквально означает «масы» или «мосы». От основы *мас* образован и древний этноним *масил* // *мысыл* (срав. апсил, дрил, шашил), сохраняющийся в наименовании абазинского родового общества *Масыл-пара* // *Мысыл-пара*, букв. «потомки масилов» – они же *Масил-бай* // *Мысыл-бай* (*-бай* – тюркское окончание), фиксирующийся и в форме *Башил-бай*. Общество *Масыл-пара* или *Мысыл-пара* связывают с древнеабхазским племенем *мас* // *мыс*, во мн. ч. в абазинском – *мыс-ра(а)*, в абхазском *мас-ир* или *мыс-ыр* [42, 10, 11; 148, 268, 269]. Похоже, что Геродот, говоря об египетском происхождении колхов, исходит прежде всего из абхазо-абазинского этнического имени *масыр* // *мысыр* (или *мыс-ра*), созвучного с абхазо-абазинским *Мсыр* – «Египет».

Как уже отмечено исследователями, этнонимная основа *мос* или *мас* сопоставима с *пас, фас, фаз, бас, баз*, от которых происходят варианты наименований древних абхазо-абазинских сообществ и их территорий. Для формы *масх* (*мосх, месх*) исходной может быть *басх*, сохраняющийся в основе черкесско-убыкского названия абазин *басх-ыг* (срав. *басхы* с *мосхы*).

Эту же тему более широко рассматривает П. Ингороква. По его мнению, в V–I вв. до н. э. абхазы были известны только под назва-

нием *мосхи*, то же самое, что *месхи*, *масхи*, *басхи*. От последней, т. е. *басхи*, как он пишет, происходит название одного из абхазских кланов – *басхог-и*. От форм *басхи* и *басили* производны соответствующие географические названия: от имени *басхи* произошло название *А-басхети* (Са-басх-ети) или *А-басх-ия*; от *басили* произошло географическое название *А-басилети* (Са-басх-ети) или *А-бсил-ети* [55, 137–139]. Однако, несмотря на это справедливое рассуждение, П. Ингороква в конце делает совершенно противоположный вывод, соответствующий его «странной» теории, по которой мосхи-абхазы и все древнейшие их отрасли по происхождению являлись картвелами.

Как нам представляется, для определения этнического лица *мосхов* или *масхов* значительным подспорьем также является топонимия левобережной части верхнего и среднего течения р. Кура, где и располагались исторические *Забаха* (Джавахети) и *Страна мосхов* (Мосхети или Самцхе).

Начнем с того, что само название р. *Кура* сопоставляется с абхазским *куара* – «река, речка» [18, 62].

В верховье р. Кура существует древний город Ардаган или Ардахан [305; 306]. В основе названия этого города, похоже, лежит родовое имя абхазских (садзских) князей *Ард* // *Арт*, проживавших до середины XIX в. в районе Адлера, отчего и сам ойконим Адлер из тур. Ард-лар, т. е. «Ардовцы». Род князей *Ард* (или *Арыд*; пишется *Арыдба*) ныне проживают в Турции. Название же города *Ардахан* на современном абхазском языке означает «дворец Ардов», где абхазское *хан* – «правитель», «дворец»; форма же *Ардаган* переводится как «область Ардов» или «край Ардов». От именной основы *Арта* образована и персидская форма ойконима Артаани [339, 36, 37].

Вблизи Ардагана г. *Сазара* [305], название которого также, похоже, увязывается с садзами, вернее, с абазинской формой их обозначения – *садзара*, т. е. «садзы».

Западнее Ардагана за хребтом местность *Арлан*, совпадающая с именем садзского сообщества князей Арлан.

Ниже Ардагана слева в Куру впадает р. *Ай(а)*, название которой напоминает, как уже было сказано, наименование древнего царства и его столицы *Айа* // *Эйа*. Река Ай(а) в нижнем течении также именуется *Хани* или *Хони чай* (на тур. – «чай-река»). В реку Ай(а)

впадает ее левый приток *Мачахели* [306, 308], название которого в форме *Мачахелис цкали* (груз. цкали – «вода», «река») выступает и в качестве обозначения одного из правых притоков р. Чорох, здесь же местность *Мачихел* [305, 308]. Топоним *Мачахели* состоит из основы *Мачах(и)* и грузинского суффикса «ели». Вместе с тем сама же основа по своему окончанию *Мача-х(и)* (срав. Хаб-хи, Кабил-ухи, Заба-хи и т. д.) представляет собой хурритско-урартскую форму этнонима *мача*, что соответствует имени одного из абхазо-абазинских сообществ *мача* (мача), упоминаемого в XVII в. турецким путешественником Эвлией Челеби. Как отмечает известный абхазовед Х. С. Бгажба, Мачаовы следы своего существования оставили в Сухумском районе Абхазии в таких названиях, как: река и село *Мача-ра* – букв. «Мачаовы», *Мача-рыпи* – «край Мачаовых», местность *Мача-ныха* – «святыня (рода) Мача» [168, 178]. Этноним *мачара*, в усеченной форме *Мачар*, сохраняется и в названии реки *Мачар-цкали* в Боржомском районе [55, 180]. От родоплеменного имени *мача* происходят фамилии: абхаз. *Мача*, *Мача-ба*; груз. *Мача-ишвили*, *Мача-идзе*; а от абхаз. *Мача-ба* – груз. *Мача-бели*.

Как уже было сказано, за сливом рек Ай и Мачахели в Куру впадает и река под названием *Коблиани*, напоминающим народ *Кабилухи* урартских источников и абхазо-шапсугское общество – шапс. *Кобле*, абхаз. *Куапал*, *Купал* – пишется *Купалба* (подробно об этом см. выше). С абхазским *Купал* или *Копал* идентично обозначение местности в районе среднего течения р. Гёсу ниже местности *Абаза* [306].

Правый приток р. Коблиани именуется *Посх-ови*, что П. Ингоркwa увязывает с этнонимом *мосх* или *босх*. На эту связь, несомненно, указывает и название левого притока р. Коблиани – *Абастуман(и)* и одноименной области, лежащей у ее левобережья. Топоним *Абастумани* из груз. *Абаст-убани* означает «Абасский квартал» или «Абасский район» – из груз. *Абас-т* «Абасы» и *убани* «квартал», «район», срав. с топонимом древней Мцхеты «*Уриатубани*» («Еврейский квартал») [249, 375]. Вместе с тем *Абастуман* возможно из перс. Абас-дуван, что может означать «место собрания абасов (абхазов)» или «место скопления абасов (абхазов)», где *абас* (*абаса*, *абаза*) – «абхазы» и персидское *дуван* – «место, где собираются на совет, на сходку» [318, 192]. При-

мечательно, что именно в этом районе находятся река *Саджа-су* (левый приток р. Посхови) и местность *Садзели* [308], в основе названий которых лежит обозначение части абхазо-абазинского этнического сообщества – «*садз*». Это этническое имя в абхазской форме *Асаз* (асаз) [305] фиксируется справа от р. Аракс вблизи местности *Парнаут* (здесь же – местность Кити) [305]. Последняя (т. е. Парнаут) бытует и в Абхазии в качестве фамилии и названия села [94, 224].

В междуречье Коблиани и Абастумани также представлены и такие названия местности, как:

– *Мохва* [305] – срав. с с. *Моква* в Абхазии, а также с абхазским родовым именем *Маху* – отчего и название *Маху-куара* «Речка Махов», *Махуитып* «Махов стоянка» и *Махураа*, мегр. *Махури* «Маховы» в Галском районе [93, 559, 482, 538];

– *Лиаше* или *Ляше* [305], срав. с абхазским названием Адлерского приморья – *Лиашв* [146, 287];

– *Цре* [305], срав. речка *Цыра* в районе Пицунды [93, 309], а также гора и река *М-цыра* в Сухумском районе [93, 309].

Далее по течению р. Кура, слева от нее, встречаются десятки и других названий, основы которых, похоже, также увязываются с абхазским этническим миром и более всего с садзами. Некоторые из этих названий по времени появления могут быть более поздними и относиться к периоду Абхазского царства. Поэтому мы здесь остановимся лишь на тех именах, которые, на наш взгляд, имеют более древнее происхождение. Таковыми могут быть:

– *Чвинта* [305] – местность выше Ахалциха, похоже из абхаз. *Цхвинта* (*Цәҳынҭа*) «Голое место» – из *цхвина* (*Цәҳына*) – «голый» и *та* – локативный суффикс. Под названием *Цхвын* // *Цхвына* (*Цәҳына*) известны горы в Гагрском, Ткварчалском и Галском районах Абхазии [93, 194, 554; 340, 7];

– *Ацкур* (*Ацкури*) – местность и ручей в прибрежье Куры [308]. Топоним *Ацкур* возводят к абхазскому *Ацкуар* (*Ацәкуар*) – «Бычачий ручей» [17, 31];

– *Боржами* – местность (город) у левобережья Куры [308]. Название производно от основы *Борж* или *Бордж*, что совпадает с абхазским родовым именем князей *Бардз* (во мн. ч. *Бардзаа* «Бардзовы») [74, 191] и *Бырдж* (*Бырджаа* «Бырджовы») [167, 21]. От первого, т. е. *Бардз* – убыхское дворянское родовое имя

Бердзыху или *Бердзеко* (пишется *Берзеков*), а от формы *Бырддж* – село *Бырджа* в Гулрыпшском районе Абхазии [94, 137];

– *Хашури* – местность (город) у левобережья Куры. Несомненно, производно из абхазского *Хаша* (*Хаша*), букв. «Белый камень», т. е. «известняк» [341, 338], *Ахашара* «Известковое место», что вполне соответствует характеру территории района Хашури. В Абхазии р. *Хашпсы* (*Хашпсы*) «Известковая река», а также в Чхорцкуйском районе речка *Хаша* – левый приток р. Хоби, выделяющийся своим известковым руслом;

– *Пса* – местность и левый приток Куры [307], срав. с древним самоназванием абхазов *апса*, отсюда форма множественного числа *апсар*, *апсакуа* (*аңсақәа*), *апсуаа* (от *апсуа*);

– *Агара* – местность у левобережья Куры вблизи впадения в нее р. Пса (совр. Прони) [308]. Название фиксируется также в Абхазии, Западной Грузии и больше всего в Аджарии. К нему проявляли интерес некоторые грузинские ученые – Сабо Орбелиани, Н. Бердзенишвили, Ю. Сихарулидзе и др. По мнению Сабо Орбелиани, Агара – многозначное название. Им обозначались весенние стоянки, места посевов, виноградников, а также поселения [342, 4]. Оно известно и как обозначение ряда гор. На неоднородность местностей, обозначаемых словом Агара, указывает и Ю. Сихарулидзе [281, 145], однако ни один из этих авторов не углубляется в этимологию данного топонима – скорее всего, из-за отсутствия в ее основе картвельской почвы. На самом же деле название *Агара* по своему фонетическому облику представляется как абхазская топоформа, имеющая в зависимости от места ударения несколько значений. С ударением на начальное «а» – *А́гара* – в абхазском языке означает «прибрежье», а с ударением на среднее «а» – *Ага́ра* – означает «кавказская люлька» – переносно в топонимии «седловина». Существует также форма *Аггара* (→ Агара) «голое место», срав. *ацвы-ггара* (ацэыггара) – «голое тело» (букв. «голая кожа»). Название *Аггара* (→ Агара) – «голый» универсально для обозначения любого непокрытого ничем места, будь то гора или участок земли;

– *Абиси* – местность у правобережья р. Лапнис цкали, вблизи слияния ее с р. Пса [308]. Сравните Абиси с самоназванием абхазов *апыс*, *апс* и названием р. Пса;

– *Скра* – местность на реке Кура между Урбниси и Б. Лиахви [308]. Более чем похоже, что Скра является искаженной формой

абхазского имени *Дзкра* (Зыкра) – «место удержания реки», «место пруда реки» – от *дзы* (зы) – «вода», «река» и масдарной основы *кра* – «удерживать». Именно в местности Скра (абхаз. Зыкра) Кура оказывается в теснине; выбравшись оттуда, река резко расширяет свое русло и начинается ее тихое течение;

– *Арагва* (Арагви) – левый приток р. Куры [308], впадает в Куру восточнее города Мцхета. По мнению Д. Гулиа, *Арагва* соответствует абхазскому *Араква* (Аракуа) «ветвь, ветка» – переносно «рукав» [18, 62]. Однако гидроним Араг-ва, судя по его окончанию «*ва*», что в абхаз. «*уа*» «люди», может быть из названия местности или реки *Араг* – отсюда Арагуа (в груз. Арагва, Арагви), букв. «арагские люди», т. е. «арагцы», см. также местность Арагва справа от р. Гандза у ее правого притока [308; 612, 100];

– *Мцхета* – город у слияния рек Куры и Арагви. Мцхета – один из древних городов Центрального Закавказья, по мифическому рассказу Мровели – резиденция этнарха мосхов *Ублоса* [239, 24], имя которого совпадает с именем самого почитаемого в прошлом абхазами и их царями княжеского рода *Аубла* (об этом см. ниже). Род Ублоса является и родоначальником династии Мцхетских (Картлийских) царей, восседавших в IV–I вв. до н. э. в Мцхете. Как уже было сказано, название Мцхета ученые увязывают с этнонимом *мосх*. На наш взгляд, эта увязка нуждается в некотором уточнении. В частности, если видеть в ойкониме Мцхета этноним *мосх*, то в грузинской передаче должна быть не форма *Мцхета*, а *Мосхети* или *Мцхети*. Поэтому, как нам представляется, форма Мцхета восходит к абхазскому *Мысхата* (Мысхата), где основа *Мысха* (Мысха) букв. «князь (царь) мосов», срав. абхаз. *апсха* (*апсха*), букв. «царь абхазов», где постпозиционное «*ха*» из *ах* – «князь, царь». От основы *Мысха* с помощью абхазского локативного суффикса «*та*» образован ойконим *Мысхата* (→ в груз. Мцхета), букв. «место царя (князя) мосов (мысов, масов)», т. е. «резиденция царя (владыки) масов», что и соответствует действительности. Слово «резиденция» в абхазском языке *ахты* (ахты) или *ахтны* (ахтны), букв. «место царя (князя)», см. выше;

– *Карт* или *Картл* (*Картли*) – гора, город, область Центрального Закавказья. Указанные топоформы связывают с именем мифического родоначальника Картлийцев *Картлоса*, который якобы обосновался на горе *Армази* (совр. *Багинети*), после чего его

именем Картл (Картли) стала называться эта гора [239, 47] и «все Картли, от Хунани до моря Сперского» [239, 23]. Как отмечает Г. А. Меликишвили, исходным корнем для Карт, Карта, Картли является *Карт*, которым первоначально именовалась вершина горы [205, 95]. Последнее, т. е. *Карт*, в формах *Кард*, *Карм*, *Гарт*, *Гарта*, *Карта*, *Карты*, имеет широкое распространение от южных пределов Турции до Центрального Закавказья, а под именем *Картла* известна и местность у левобережья р. Чорох [308]. По этимологии термина *Карт* существуют различные точки зрения [343]. Мы лишь отметим, что именем *Карт* абхазы и мегрелы традиционно обозначают грузинскую столицу Тбилиси. От топонима Карт производно абхазское *акыртуа* (*акыртуа*) – «грузин», букв. «картский человек» – от него же и мегрельское *корту* – «грузин», а также и самоназвание грузин – «*картв-ели*». По этому поводу еще академик Н. Я. Марр писал, что в грузинской языковой среде слово карт не имеет объяснения, а «самоназвание грузин ქართველი *kartv-el-i* образовано не от чистой основы термина *kart*, а от абхазской формы *а-карт-уа*, *а-kartw-a*», где «*уа(wa)*» означает «люди», т. е. «люди (местности) Карт» [344, 1047]. По утверждению А. С. Чикобава и К. В. Ломтатидзе первоначально абхазские и картлийские племена находились в тесном и длительном этническом контакте в районе Лихского хребта, пока между ними с юга не вклинились мегрело-чанские племена, о чем свидетельствует древнейший пласт абхазской топонимики (здесь и факты значительного влияния абхазского языка на картлийский, как в области лексики, так и морфологии, минуя мегрело-чанский язык) [231, 149–168; 232, 139];

– *Армаз(и)* – гора-святилище у правобережья р. Кура, напротив Мцхеты. Соответствует совр. Багинети и Страбоновскому Гармозика и горе Карт или Картл (Картли) древнегрузинского источника [239, 47]. На горе Армаз(и), как считают грузинские исследователи, мосхи поклонялись богу луны под хеттским именем *Армас*, что якобы ему здесь был поставлен идол и в честь него же построена крепость *Армаз-цихе*. Однако форма имени *Арма* (*Арма(с)*), скорее всего, является результатом перестановки звуков (метатезы) от абхазского *Амра* – «солнце», что в форме *Амра(с)* указывается в армянской версии «Картлис цховреба» [239, 47]. Поэтому главным божеством мосхов, как и для всех аяа-колхов, являлся (как и

прежде) не хеттский бог луны *Арма(с)*, а богиня солнца *Амра*. В этой связи примечательно, что Александр Македонский, покорив Мцхетский регион, повелел своему ставленнику Азону из Ариан-Картли (т. е. Персидской Картли) почитать Солнце и Луну и пятерицу звезд и служить Богу незримо – создателю всего сущего [239, 28]. Между тем этот Азо (Азон) отправился к отцу своему в Ариан-Картли, привел (оттуда) восемь домов и десять домов сородичей (своих) и поселился в старой Мцхете, имея при себе богами идолов – *Гацц* и *Га* [249, 252]. Они же и считаются божествами картвелов [249, 254]. Согласно древним источникам, в Мцхетском регионе существовало и другое святилище Левкотей, также посвященное богине солнца [249, 355], которое, как отмечает В. Латышев, греческими колонистами было отождествлено с Левкотеей «Аргонавтики» [299, 216].

«В Стране мосхов, – говорит Страбон, – находится святилище *Левкотей*, построенное Фриксом, и его прорицалище, где не приносят в жертву баранов: некогда оно было богато, но на нашей памяти было разграблено Фарнаком (сыном Митридата Эвпатора, царя Боспора) и несколько позже Митридатом Пергамским» [XII, 2, 17]. Разграбление этого храма (40-е гг. I в. до н. э. – В. К.) могучими правителями Понта и Боспора указывает на то, что речь идет не о разграблении самого храма, а скорее всей одноименной с ним области, принадлежавшей храму [249, 304, 356].

Название святилища и территории *Левкотей* представляется искаженной формой абхазо-абазинского *Лоукыта* (срав. абазинское село Лоукыт, Лоукыта), букв. «община или село Лоуов». В греческой *Левкотей* препозиционное *Лев* соответствует родовому имени абазинских князей *Лоу* // *Лау*, и династическому имени абхазских царей Леонидов – *Лоу*. Вторая же часть названия Левкотей – «*кетей*» встречается у древнегреческих авторов как обозначение столицы Колхидского царства – *Китей*, что принято считать производным от абхазо-абазинского *кыта*, *кыт* – «община», «село, селище», с помощью которой образованы многие названия абхазо-абазинских сел (см. выше).

Таким образом, все имеющиеся материалы по мосхам второй половины I тыс. до нашей эры дают веское основание говорить об абхазоязычности мосхов и отсутствии какого-либо намека на их картвельское происхождение.

2. Мцхетское царство

Страна мосхов (Самцхе-Картли) в период могущества Ахеменидской Персии находилась в сфере ее влияния. Вместе с тем Страна мосхов, по-видимому, не считалась Персидской территорией в отличие от Ариан-Картли, т. е. Персидской Картли [249, 252].

В 30-е гг. IV в. до н. э. уходит с исторической сцены Персидская империя Ахеменидов. В то же время, под натиском греко-македонской армии, происходит изменение этнополитической ситуации в Центральном Закавказье, а также в Юго-Восточном и Восточном Причерноморье.

К этому периоду восходят древнегрузинские предания об Александре Македонском и о первых Мцхетских (Картлийских) царях, засвидетельствованные в своде летописей (X в.) «Обращение Картли» [323, 1–117] и в Хронике Леонтия Мровели (XI в.) «Жизнь Картлийских царей» [239, 27–39].

Согласно этим источникам, Александр Македонский дважды побывал (в конце IV в. до н. э.) в Закавказье. Первый его поход, похоже, был разведывательным. Встретив здесь сопротивление, он вернулся обратно. Во второй раз он завоевал Ариан-Картли [323, 1–11], обозначающий «Персидскую Картли», т. е. «Картли, принадлежащая Персии», а также Страну мосхов с центром в Мцхета.

В то же время и Страна фасианов или Егриси находилась в сфере влияния Персии и поэтому греки силами Азо или Азона (у Мровели) покорили также Эгриси (т. е. Страну фасианов). В хронике Леонтия Мровели читаем: «Завоевал Александр всю Картли, сокрушил все пребывающие в Картли смешанные племена, перебил и полонил всех иноплеменников, женщин и отроков-несмышленишек моложе пятнадцати лет; пощадил он [лишь] племена картлосанов и поставил над ними патрикия по имени Азон, сына Иаредоса, уроженца своей же страны Македонии. И дал ему сто тысяч человек из римской области Фротатос. Эти фротатосцы были люди многосильные, статные и беспокоящие государство Рима. Привел [Александр] их в Картли и вручил патрикию Азону. [Таким образом] поставил в Картли эриставом Азона и при нем войско, занявшее Картли. Вслед за Картли покорила он (т. е. Азон. – В. К.) Эгриси и сделал данниками овсов, леков и хазар» [239, 28–29].

В другом же источнике – «Мокцевай Картлисай» – говорится о том, что «царь Александр держал при себе Азо, сына царя Ариан-Картли: он дал ему во владение Мцхета и, назначив ему границами Эрети, Эгрисцкали, Самхитию и Црольскую гору, ушел.

Между тем этот Азо отправился к отцу своему в Ариан-Картли, привел (оттуда) восемь домов и десять домов сородичей (своих) и поселился в старой Мцхета, имея при себе богами идолов – Гаци и Га.

И этот Азо, сын царя ариан-картвелов (вернее, ариан-картлийцев. – В. К.) был первым царем в Мцхета...» [323, 1–11].

Из этого текста, похоже, следует, что Александр Македонский свой первый поход в Закавказье завершил взятием в заложники Азо – сына царя (персидского ставленника) уже бывшей Персидской Картли (Ариан-Картли). Спустя некоторое время после завоевания Александром всей Картли перевоспитанный греками Азо (Азон) становится греческим правителем этого региона с центром в Мцхете. Азо же именуется не царем, а патрикием, эриставом [239, 28].

В «Картлис цховреба» Азо обрисован как чужестранец, завоеватель, опирающийся на «греков», т. е. войска правителей соседнего Понтийского государства. Обосновавшись в Мцхете, Азо как будто подчинил себе (Греции) не только Картли от Эрети и р. Бердуджи до Сперского моря, но и Егриси (Страна фасианов), а также наложил дань на население горного Кавказа – «осетин, леков и хазар». К управлению страной он прежде всего привлекал людей из своей чужестранной армии, из которых формировалось дворянское сословие. Видимо, поэтому с именем Азо или Азон связывают появление названия дворянского сословия «*азнаури*» [249, 255–257].

Правление Азо было жестоким, кровавым и это не могло не вызвать недовольства у местного населения. С другой же стороны – с утверждением греческого господства в Стране мосхов и в целом в Картли никак не могла смириться Персия, т. е. Персидское государство Селевкидов (Асурастан).

Не без усилия последнего сформировалась антигреческая коалиция *Страны фасианов* (Эгриси) во главе с Куджем и *Страны мосхов* (Картли) с Фарнавазом, к которым примкнули *овсы* (осетины) и *леки*. Коалицию возглавил Фарнаваз, являвшийся «...по

отчеству картлиец, из рода Уплоса, сына Мцхетоса, да и по роду матери – перс Аспанели. Был он отпрыском брата Самара, бывшего мцхетским домовладыкой во времена пришествия [в Картли] Александра.

Сей Самар и брат его, отец Фарнаваза, были убиты Александром. Мать же Фарнаваза взяла трехлетнее дитя и скрыла его на Кавказе. Там он был воспитан и возвращен в Мцхету – свою вотчину» [239, 29]. Согласно «Картлис цховреба», Фарнаваз в последний раз, похоже, вернулся со своей матерью в Мцхету из Персии – вотчины его материнского рода. Он привез с собой сокровища, которые якобы случайно нашел в пещере. На самом же деле, видимо, речь идет о средствах, полученных им от властей этой страны для организации сил, способных изгнать ненавистного Азо из Картли. Для этого Фарнаваз вскоре наладил связь с правителем Эгри (Эгриси) Куджом и обратился к нему с предложением союза. В этой связи Кудж говорит Фарнавазу: «Ты чадо патриарха Картлийского и тебе надлежит владычествовать надо мной. Не жалей богатств своих, дабы приумножить нам войско наше. Коли нам будет ниспослана победа, стань владыкой нашим, мне же быть холопом твоим» [239, 29]. Фарнаваза поддерживали, наряду с эграми (фасианами), картлийцы, овсы (осетины), леки и селевкиды. Фарнаваз послал послов с большими дарами «к Антиоху, царю Асурастана», прося его оказать помощь в борьбе с «греками» (т. е. войсками Понта) и обещая свою покорность. Антиох внял его просьбе, послал ему царский венец, а своим эриставам (наместникам) в Армении отдал приказ оказать помощь Фарнавазу [249, 256, 257].

В конечном итоге борьба союзников с Азо закончилась разгромом сил последнего, и Фарнаваз становится коронованным селевкидами царем Картли. Тем самым устанавливается влияние селевкидов в Картли, а через него и в Стране фасианов (Эгриси). Такая система вассальных отношений, видимо, существовала и до этого, поэтому Куджи говорит Фарнавазу: «Ты чадо патриарха Картлийского и тебе надлежит владычествовать надо мной» [239, 29].

Согласно тому же древнегрузинскому преданию, Фарнаваз происходил по отцу из рода *Уплос*, сына *Мцхетоса*, являвшиеся т. н. домовладыками (старейшинами) Мцхеты [239, 29]. *Уплос* же занял Мцхету – место пребывания отца своего Мцхетоса и владел

он страной от Арагви и Тбилиси до Тасискари и Фанавари. Он же, согласно Мровели, построил крепость Уплисхихе [239, 24].

Фарнаваз также устраивает столицу своего царства в Мцхете – резиденции своего отца Уплоса, убитого еще в сражении с войсками Александра Македонского. Так на рубеже IV–III вв. до н. э. возникает *Мцхетское царство*, именуемое также Карлийским царством. Фарнаваз же становится родоначальником династии Мцхетских царей из рода Уплоса. Вызывает особый интерес само родовое имя *Уплос*, представляющее собой греческую форму, производную от основы *Упло*. Последнее практически совпадает с именем самого почитаемого у абхазов княжеского рода *Убла* (*А-убла*), являвшихся князьями сообщества *Шаше* (срав. с Шаш-ети) и владельцами Сочинского района. *Убла* или *Аубла* считался одним из предков абхазских царей *Апсха* [146, 231, 269] (об этом см. выше).

По объяснению Г. В. Цулая, *Уплос* – дословно «владыка» – произведено по греческому образцу от грузинского *упали* – «владыка» [239, 49]. В действительности в имени *Упло-с* абхаз. *Убла* и грузинском термине *упали* – «владыка», «господин» имеем основу, восходящую к *Бел* или *Бал*, обозначавшие у семитских народов – ассирийцев, вавилонян и других – бога солнца, владыки неба и света, создателя мира и людей. Имена *Бал* или *Бел* в значении «владыка» давались также и царям [324, 22; 240, 115].

Препозиционное «у» в имени *Упло*, абхаз. *Убла* и груз. *упали* – «владыка», «господин», похоже, из абхаз. «у» – «человек», отсюда *Упло* или *Убла* – «человек-владыка», в отличие от верховного бога.

С вышесказанным согласуется и имя бога (богини) солнца *Амра* или *Арма* (Армази) главного божества рода Мцхетских *Упло(-с)*. Первое, т. е. *Амра*, на абхазском и абазинском языках означает «солнце». Оно же, как имя богини солнца (*Амра*, *Амрас*), фиксируется в древнеармянском источнике [239, 47]. Вариант имени *Амра* → *Арма* (Армази) древнегрузинских преданий, несомненно, представляет собой измененную форму абхазского *Амра* – «солнце» (см. выше «гора – святилище Армаз-и»).

Как известно, бог солнца являлся главным и в пантеоне Аяа-Колхидского царства, цари Аяа-Колхиды считались сыновьями бога солнца. Думается, что с культом солнца связаны и имена героев легенд – абхаз. *Абрскил* – из Амрос-гель, груз. *Амирани* – из абхаз. *амра*, абаз. *амыр* «солнце».

Из вышесказанного следует, что и для *мосов* (мосхов), считавшихся родом из колхов, главным божеством также являлась богиня солнца *Амра*. Поэтому первый мосхийский (Мцхетский) царь Фарнаваз – сын Уплоса воздвиг на горе Карт или Картл, располагавшейся напротив Мцхеты у правобережья р. Кура, идол именно богини солнца *Амра* (в греч. Амрас), зафиксированной в армянской версии КЦ [239, 47]. Здесь же он поставил и крепость Амра (Амрас), что в грузинских источниках именуется Армаз, Армаз-цихе.

Фарнаваз, коронованный селевкидами, стал устраивать свое царство «наподобие Персидского царства», разделил свои владения на округа и поставил там своих наместников. Укрепил столицу свою Мцхету и все другие города и крепости Картли [249, 257]. Фарнаваз присоединил к своему царству Кларджети и построил крепости Димну и Шорапани [322, 87]. Последняя находилась у левобережья р. Квирилла, являвшейся в тот период границей между Мцхетским царством (Картли) и Страной фасианов (Эгриси) [322, 88]. Название местности *Шорапан-и* или *Сарапан-и* [249, 279], похоже, из абхаз. *Тиырпан* (Азырпан) букв. «лошадиный брод», где абхазо-абазинское *тишы* (эы), *шы* – «лошадь», *р* – показатель 3-го л. мн. ч. – «их» и *пан* – «брод». Именно в местности Шорапан(и) или Сарапан дорога из Кутаиси в Мцхету пересекала (как и сегодня) реку Квирила.

Фарнаваз также подкрепил родственными отношениями связь со своими союзниками – фасианами (апсилами), овсами (осетинами) и дурдзуками (т. е. вайнахами – чечены и ингуши). Так Фарнаваз выдал одну из своих сестер за царя фасианов Куджи, другую за царя овсов, а сам женился «на деве из рода Кавкаса [племени], дурдзуков» [239, 30].

В Мцхетском царстве после Фарнаваза царем становится его сын Саурмаг – по отцу из рода Упло(с) (абхаз. Убла // А-Убла), а по матери – дурдзук. Похоже, что Саурмаг стал править страной в основном опираясь на дурдзуков, в связи с чем, население Мцхетской страны (Картли) восстало против него и Саурмаг вынужден был со своей матерью скрыться у дурдзуков. В дальнейшем на сторону Саурмага перешли римские азнауры, а затем «Саурмаг сговорился с царем овсов – своим двоюродным братом» – и попросил у него вспомоществования. Тот с радостью пришел ему на

помощь; и Саурмаг, собрав к тому же и [население] Дурдзукети, нагрянул на картлийцев. И никто не оказался в силах противостоять [ему]. Захватил [Саурмаг] Картли и сокрушил отступников; затем некоторых помиловал, зато унизил картлосианов и сделал знатными азнауров, преумножились при нем дурдзуки, потомки Кавкаса. В пору же хазарского пленения все пребывали в мире в силу крепости страны, и не вмещала людей Дурдзукети.

Тогда же Саурмаг привел с собой всех [дурдзуков] – половину рода Кавкасионов. Некоторых из них сделал родовитыми, остальных посадил в Мтиулет, от Дидоети до Эгриси, которая есть Суанети, и овладел он всеми ими – роднею матери своей – надежно...» [239, 30].

Согласно процитированному источнику, Саурмаг являлся полным дурзукофилом. У власти он удерживался с помощью материнской стороны – дурдзуков, а также своего двоюродного брата по матери – царя овсов и так называемых римских азнауров. Саурмаг усыновил в качестве своего наследника Мирвана, родом перса, двоюродного брата своей жены [239, 30], а свою дочь выдал за сына Куджа – царя фасианов (апсиллов).

Страна мосхов и в целом Картли являлась многонациональной еще в период нашествия войск Александра [239, 28]. В районе Мцхеты, похоже, проживали мосхи-абхазы, персы, армяне, евреи, дурдзуки, овсы и другие. В период царствования Саурмага удельный вес и влияние местного населения в Мцхетском царстве заметно уменьшилось. Видимо, здесь, благодаря Саурмагу, на передний план выдвигаются дурдзуки и овсы. Однако эта ситуация меняется коренным образом при воцарении усыновленного Саурмагом перса Мирвана. Против него открыто выступила бывшая опора Саурмага – дурдзуки. Они силой заняли Кахети и Базалети [239, 30]. Мирван, собрав войско из местных картлийцев, напал на дурдзуков и разбил их на голову. Последние вынуждены были бежать с территории Мцхетского царства.

В первой половине II в. до н. э. четвертым царем Картли становится сын перса Мирвана Фарнаджом. Согласно КЦ, Фарнаджом умножил строительство многих городов и крепостей. В Кахетии начал строительство города Нелкари, позже ставшего политическим и культурным центром Восточной Грузии – Иберии. Название *Иберия* впервые появляются в источнике II в. до н. э. Оно за-

имствовано, как пишет Страбон, у римского писателя Аполлadora – современника Фарнаджона.

Вместе с тем Фарнаджом становится активным проводником персидской ориентации. Как говорит Мровели, Фарнаджом «возлюбил веру персидскую, огнепоклонство, привел из Персии огнелеслужителей и могов (магов) и посадил их в Мцхете, в том месте, которое ныне называется (местом) могов». По-видимому, Фарнаджом в своей деятельности проявлял крен и в сторону иберов. Это обстоятельство, а также целенаправленное ущемление местных культов, вызвало противостояние среди местного населения Мцхетского царства. Об этом, по-видимому, свидетельствует рассказ Мровели о том, что эриставы картлийские вступили в союз с армянами и свергли Фарнаджона [239, 67].

После свержения Фарнаджона правителями Картли становятся цари родом из армян: *Аршак* (армянский царевич), а затем *Арток*. Последнего, т. е. Артока, царствовавшего в Картли в период нашествия Помпея (65 г. до н. э.), Аппиан (II в. н. э.) называет царем иберов [291, 286]. Страбон же (конец I в. до н. э.) не путает Страну мосхов, колхов с иберами. В частности он пишет: «Область мосхов, в которой находится святилище (т. е. Левкотей. – В. К.) делится на три части, из коих одной владеют колхи, другою – иберы, третьей – армяне» [239, 217].

После Артока (Артаг) в Картли царем становится его сын Бартом. У последнего, т. е. Бартома, не было наследника и усыновил он внука царя фасианов Куджа по имени Картама, мать которого была из рода Фарнавазов – *Ублоса* (абхаз. Убла // Аубла). Вместе с тем супругой Картама становится дочь царя Бартома. А сделал это Бартом, согласно источнику, «в угоду картлийцам, ибо картлийцы были весьма расположены к Фарнавазианам: и не желали они царствования того, кто не причастен к Фарнавазианам» [239, 32]. Однако намерению Бартома и картлийцев не суждено было сбыться. Бартом и Картама были убиты в сражении с персидской армией Мирвана II – сына Фарнаджона, по происхождению перса, воспитанного в Персии. После захвата Картли Мирваном II последний на короткое время становится восьмым царем Картли, а затем царский престол занял его сын Аршак.

В это время правнук Куджа – сын Картама по имени Адерки воспитывался в Армении. Повзрослев, он где-то в конце I в. до

н. э. с помощью войск армянского царя и поддержки картлийцев сверг Аршака. Согласно источнику: «И спешили все картлийцы и пали ниц перед Адерки. И мирно собрались воедино армяне, картлийцы и персы из Рана. Картлийцы принесли венец Аршака, возложили его на Адерки и привели его [в Мцхету]» [239, 33]. Таким образом, царем Картли становится Адерки – правнук царя фасианов (апсиров) Куджа из династии Аэтидов, а по матери – из Фарнавазов рода *Уплова* (абхаз. Убла). Этим самым вновь была восстановлена в Мцхетском царстве (Картли) династия царей Фарнавазов, а также традиция колхско-картлийского союза [239, 67].

Как уже было сказано, население Мцхетского царства было разнородным. Термин *картлийцы*, судя по материалам, в узком смысле означало мосхов (абхазов), в широком же смысле – все население царства (мосхов-абхазов, персов, армян, евреев, иберов и других). Территория этого царства еще к концу I в. до н. э. в греко-римских источниках именуется «Страна мосхов». Похоже, что на данной территории изначально отсутствовали картвельские племена. Попытка проникновения картвелов в Мцхетский регион была предпринята только при ставленнике Александра – *Азо*, что не увенчалось тогда успехом. Мровели же (автор XI в.), исходя из современной ему ситуации, картлийцев отождествляет с поздними картвелами, родоначальником которых якобы является мифический Картлос. Вместе с тем, как нам представляется, со II в. до н. э. возрастает значимость иберов в Мцхетском царстве.

Из всего вышесказанного следует, что во второй половине I тыс. до н. э. колхи в лице колхов-фасианов (апсаров, апсиров) и колхского «племени» мосхов (басхов) занимали обширную территорию от Черного моря до верхнего и среднего течения р. Кура. Они контролировали важнейшие торговые пути от г. Фасиса, а также Юго-Восточного Причерноморья до Мцхета. Сам же город Мцхета – местопребывание рода этнарха *Убло(с)* (абхаз. Убла // А-убла) – являлся местом скрещения дорог, идущих из Северного Кавказа, Армении, Албании и Колхиды [345, 288].

По-видимому, с историей мосхов (басхов) связано появление у общепринятого абхазского названия нартского героического эпоса «*Нартәа ражәабжь*», букв. «Сказание о нартах» – варианта «*Нартәа қартаа ражәабжь*», т. е. «Сказание о нартах и картах».

На наш взгляд в первой половине II в. до н. э., именно в период правления Мцхетского царя Фарнаджона и царя Понта Митридата Евпатора, первенство в Мцхетском царстве от мосхов переходит к иберам. Более того, по-видимому, именно в этот период значительное число мосхов переселилось в Северную Колхиду, где в I в. их находит Мела и др. авторы. По этому поводу Кисслинг пишет: «Мы должны пожалуй предполагать, что Митридат Евпатор намеренно и добровольно предоставлял колхидскую пограничную область кочующим племенам, изгнанным из их старых мест обитания, чтобы использовать эти племена как пограничный караул... Вполне очевидно, что рядом с керкетами он (Митридат Евпатор. – В. К.) поселил мосхов, которые, по-видимому, стали неудобными ему в их старых местах жизни между верхним течением реки Кура и нижним реки Чорох. Во всяком случае, неоспорим факт, что мосхи в первом веке до нашей эры уже жили в Кавказской Северной Колхиде» [350, 265].

Мосхи Северной Колхиды, как мы полагаем, – это басхи (басхоги), в дальнейшем мисимияне, которых апсилы (южные абхазы) называли *мыса* или *мысыр*.

§ 4. Северо-Западное Причерноморье

Как уже отмечалось, Фасианское (Колхидское) царство, сложившееся в VI в до н. э., включало в себя и юго-восточную часть современной Абхазии от р. Ингура до Сухума, «а, может быть, еще далее на северо-запад» [252, 168]. Раньше же все восточное Черноморско-Азовское побережье от Синопа до р. Танаиса (Дона), похоже, находилось под влиянием Айского или Айа-Колхидского царства. На это указывают прежде всего следующие сведения «Аргонавтики»: «Тавры являлись хранителями золотого руна колхов»; «дочь царя Аэта Медея говорила на таврском языке и молилась по-колхски»; «сыном Аэта был основан г. Пантикапей»; «брат Аэта являлся царем синдов»; «сестра Аэта Цирцея посылает Одиссея в землю кемиреян (киммерийцев)»; «Цирцея была выдана замуж за скифского или сарматского царя, а затем овладела царской короной» и т. д. [8; 285–292; 247, 105].

Вместе с тем анализ дольменной культуры Северо-Западного Кавказа и ареала ее распространения, данных «Аргонавтики», а также материалов абхазо-адыгской топонимии и этнонимии дают основания полагать, что в древности все Восточное Черноморско-Азовское побережье в основном занимали абхазо-адыгские племена. Представляется, что эта этническая ситуация сохранялась здесь и во второй половине I тыс. до н. э.

В этот период в северном направлении от р. Фасис на морском берегу древние авторы помещают такие племена, как: *керкеты*, *гелоны*, *меланхлены*, *макропогоны*, *кораксы*, *фтейрофаги*, *гениохи*, *ахеи*, *тореты*, *синды*, *меоты*.

Печально, что ряд грузинских ученых, прежде всего С. Т. Каухчишвили, без всякого основания эти племена, в том числе и апсилов, абазгов, санигов, а также все этнические сообщества Юго-Восточного Причерноморья объявляют грузинскими [346, 28; 249, 234, 277].

Ниже остановимся более конкретно на сведениях древних авторов, касающихся этнических сообществ Северо-Западного Причерноморья второй половины I тыс. до н. э.

1. Керкеты (южные)

Народ под именем *керкеты* относительно Закавказья впервые упоминает Гелланик (IV в. до н. э.), в частности он говорит: «Над керкетами живут мосхи и хариматы, под ними гениохи, а выше кораксы» [347, 25]. Далее, уже на рубеже нашей эры, керкетов упоминает только Страбон: «...за ней [Синдикой] живут ахеи, зиги, гениохи, керкеты и макропогоны (длиннобородые). Выше их лежат теснины фтейрофагов (вшеедов)» [299, 209]. В другом же месте он пишет: «...историки митридатовских деяний, которым следует придавать более значения, первыми называют ахейян, за ними зигов, затем гениохов, далее керкетов, мосхов, колхов, живущих под ними фтейрофагов, соанов и другие мелкие народы у Кавказа» [299, 214].

Ранние авторы – Гекатей Милетский (VI в. до н. э.) и Псевдо-Скилак (IV в. до н. э.) не знают керкетов вблизи гениохов и колхов. Последний, т. е. Скилак, отличающийся от других авторов подробным описанием племен Кавказского Причерноморья, керкетов помещает между синдами и торетами. То же

самое делают, за исключением Страбона, последующие авторы. Поэтому, возможно, Гелланик ошибочно отождествляет имя народа Северо-Западного Причерноморья – *керкеты* с созвучным с ним названием области *Экректика*, лежавшей выше Приморской части Колхиды [304, 251]. Как уже говорилось (см. выше), последнее может быть из абхазского *Егыркыт* – «Эгрская община (село)», (т. е. «егырцы»), где *Эгр* (абхаз. *Егры*) – первоначально р. Фасис, а затем р. Енгур (абхаз. Егры). Отсюда иноязычная передача абхаз. *Егыркыт* как *Экрек(ы)т*-ика и *керкет* – по аналогии с именем народа *керкеты* Северо-Западного Причерноморья. Вместе с тем не исключено и тождество абхазских керкетов Страбона и древних керкетов Северо-Западного Причерноморья. Похоже, на это указывает соседство абхазских керкетов и торетов, подобно тому, как это имело место и в пределах Северного Причерноморья, где они впервые и упоминаются [295, 242].

Ряд авторов этноним *керкет* увязывают по созвучию с современным именем *черкесы*, что остается еще не доказанным. Возможно, и этнонимная форма *керкет* происходит из абхазского *гыркыт* (← *гаркыт*), букв. «сообщество поморян» – от абхаз. *га* (*а-гаа*) – «поморяне», *р* – притяжательное местоимение 3-го л. мн. ч. и *кыт* // *кыта* – «община, село, область»: срав. абхаз. *гыркыт* с *керкет* древних авторов.

2. Торетика

Название производно от этнонима *тореты*. Народ *тореты* впервые упоминает Псевдо-Скилак [IV в до н. э.] в Северном Причерноморье между ахеами и керкетами [295, 242–243]. В I в. до н. э. они (видимо, их осколок) оказываются также на территории современной Абхазии. Здесь торетов фиксирует только Помпоний Мела и помещает их между меланхленами и кораксами [351, 118]. Современник Мела – Страбон не знает торетов. Он вместо торетов Мела локализует керкетов, которых так же, как и торетов, на этой территории до этого никто не упоминал. Из этого следует, что керкеты и тореты – взаимозаменяемые названия. Считается, что керкеты – те же тореты [61, 182].

Как нам представляется, с торетами увязывается происхождение ряда абхазских родовых имен, как: Торт-иа, Тарт-ава (Тортаа)

[74, 323], Тор-уа, Тор-аа (Тор-ава, Тур-ава), Тор-иа, Тар-иа, Тор-чуа (Тор-дз-уа), Тар-пш (Тарцшы) [74, 322], возможно и Тор-наа // Тар-наа.

3. Гелоны

В Закавказском Причерноморье их помещает только Псевдо-Скилак. В частности, он пишет: «За меланхленами – *гелоны*, а за ними народ колхи и город Диоскуриада и Гиен – город Эллинский и Гиен-река» [295, 242]. Вместе с тем Геродот и Скилак Кариандский указывают народ *гелоны*, живущий вместе с *будинами* в пределах Северного Причерноморья. Геродот говорит: «Выше царских скифов к северу обитают *меланхлены*, народ чужой и не скифский; выше же меланхленов болота и безлюдье, насколько нам известно... По ту сторону реки Танаиса [р. Дон. – В. К.] земля уже не скифская, но первая из стран савроматов... Выше сих савроматов во второй стране сей живут будины. Будины суть народ великий и многочисленный, голубоглазый и красноволосый. У них есть город деревянный по имени Гелон... Ибо гелоны по происхождению своему суть эллины, изгнанные из торжищ своих и поселившиеся у будинов; язык у них частично скифский, частью же эллинский. Равно и образом жизни гелоны с будинами не схожи: будины, будучи природными тамошними жителями, суть народ кочующий и один из всех народов страны сей едят вшей; гелоны же возделывают землю, едят хлеб, имеют сады и нимало не походят на будинов ни образом своим, ни цветом лица. Однако эллины и будинов называют гелонами, хотя неправильно...» [348, 27–28, 100–136; 61, 163, 165].

Клавдий Птолемей (II в. н. э.) *гелонов* также помещает в районе Северного Причерноморья: «...побережье океана у Венедского залива занимают *вельты*, выше их – *оссии*, затем – самые северные – *карбоны*, восточнее их – *кареоты* и *салы*; ниже этих – *гелоны*, *гиппоподы* и *меланхлены*» [304, 237].

Если не ошибается Скилак Кариандский, то, по его словам, в VI в. до н. э. *гелоны* также проживали и на территории современной Абхазии на северо-западе от г. Диоскурия (Сухум) между меланхленами и колхами. Вместе с тем с *гелонами*, похоже, увызывается название села *Тагилони* в Галском районе Абхазии, известного находками богатых погребальных комплексов [69, 20].

Кроме того, гелоны Псевдо-Скилака, по-видимому, соответствуют фтейрофагам-салам поздних авторов [354, 93].

Согласно Плинию, в I в. н. э. *салы-фтейрофаги* проживали в верховье р. Хариен, рядом со сванами [61, 171]. *Салы* отождествляются с народом *спалы*, жившим в районе устья р. Танаис (Дон) рядом с гелонами [304, 237].

4. Меланхлены или макропогоны

У Псевдо-Скилака впервые упоминаются и *меланхлены* – в пределах территории современной Абхазии, между гелонами и колами (Коликой). Ранее же Гекатей Милетский их фиксирует в районе Крыма [291, 299]. Геродот также помещает *меланхленов*, как будинов «вшеедов» и гелонов, в пределах Северного Причерноморья и Меотиды, вблизи будинов и гелонов. Далее он пишет: «Меланхлены все носят черные ризы, отчего и получили название свое, обыкновения же у них скифское», выше же он говорит: «Меланхлены, народ чужой и не скифский» [348, 27–28, 100–136; 61, 163, 165]. Клавдий Птолемей (II в. н. э.), как и Геродот (V в. до н. э.), меланхленов и гелонов указывает на Севере [304, 237].

Обращает на себя внимание то, что и Псевдо-Скилак, уже на территории Абхазии, помещает меланхленов и гелонов также рядом друг с другом [295, 242]. Помпоний Мела (I в. до н. э. – I в. н. э.) на Черноморском берегу с юга на северо-запад, сразу же после *колхов*, называет *меланхленов*, и далее идут *тореты*, *ледохеки* (только у автора), а затем *кораксы*, *фтирофаги* (*фтейрофаги*), *гениохи*, *ахеи*, *керкетика* [61, 170]. Плиний же (I в. н. э.) в пределах Аписии на морском берегу помещает «...район, именуемый *Колика*. Племена, занимающие почти весь остальной берег – одетые в черную бурку (меланхлены) и кораксы, с колхидским городом Диоскурия на реке Антемунта» [61, 172]. Как известно, бурка с древнейших времен является важнейшим элементом национальной одежды абхазо-адыгов и ряда северокавказских народов, что не было характерно для картвельских племен. Однако название *меланхлены* – «черноризцы» не проливает свет на их этническое лицо. В этом плане, на наш взгляд, более интересно употребляемое Страбоном вместо «меланхлены» прозвище *макропогоны* – «длиннобородые» [299, 209]. Похоже, что в последнем случае имеем перевод самоназвания одного из древних абхазских сооб-

ществ *псоу*, исходя из созвучной с ним формой *пцоу* (*пџоу*), букв. «длиннобородый», где *пца* – «борода» и *оу* – «длинный». От этнонима *псоу* происходит и название абхазской реки Псоу.

5. Кораксы и колы

Эти два этнических сообщества являются наиболее древними по времени упоминания на Черноморском берегу Абхазии. В VI в. до н. э. только их и называет здесь Гекатей Милетский. В частности, он сообщает: «Кораксы, племя колхов, вблизи колов. Кораксийская крепость и Кораксийская страна» и далее: «Колы, народ у Кавказа... Предгорья Кавказа называются Колскими горами. Страна называется Коликою» [291, 300].

Как выше сказано, уже Псевдо-Скилак на абхазском берегу называет целый ряд этнических сообществ, в том числе кораксов и колов. Последних он помещает между меланхленами и гениохами [295, 242].

У древних авторов, живших в I и II вв. н. э., немного иная раскладка племен Черноморского побережья Абхазии. Так, Помпоний Мела (I в. н. э.) вместо колов называет здесь ранее неизвестных торетов и ледохеков, и от них на северо-запад – кораксов [61, 170]. Вместе с тем Плиний (I в. н. э.) пишет: «Ниже [гениохов. – В. К.] находится Черноморский район, именуемый Колика... Племена, занимающие почти весь остальной берег – одетые в черную бурку (меланхлены) и кораксы, с колхидским городом Диоскурия на реке Антемунта» [61, 172]. У Страбона отсутствуют как *колы*, так и *кораксы*, и *меланхлены*. Вместо них он называет макропогонов и керкетов (о них см. выше).

Таким образом, получается, что *колы*, находившиеся в IV в. до н. э. на абхазском предгорье Кавказа выше кораксов, к I в. н. э. занимают абхазский причерноморский район между гениохами и меланхленами, а за последними оказываются кораксы. Согласно Плинию, весь остальной берег (южнее колов), вместе с г. Диоскурия, занимают меланхлены и кораксы [61, 171]. По сообщению же Помпония Мела, вся эта территория находилась в Стране гениохов: «Диоскурия в стране гениохов» [61, 170]. Это может быть указанием и на то, что *колы*, *кораксы* и *меланхлены* (макропогоны), *керкеты* (т. е. егыркетцы) являлись гениохскими племенами.

Вместе с тем сообщения древних авторов не дают возможности определенно говорить об этнической принадлежности колов и кораксов. Грузинский исследователь П. Ингороква колов отождествляет с миссимиянами верховья р. Кодора более поздних авторов и считает их, как и ряд его тбилисских коллег, мегрело-сванским племенем [55, 143–145], другие же в них видят древнеабхазское племя. На наш взгляд, с древними колами, занимавшими первоначально нагорную часть современной Абхазии, увязывается древне-абхазское родовое сообщество *Кул* или *Куал*, *Гол*, *Гуал*, срав. родовые имена: *Кул-аа* (у абазин Кул-раа, у мегр. Кул-ава) «Куловы» – в ед. ч. пишется *Кул-ба*, *Акул-ба* (у абазин – *Кулов*), т. е. «Кулов» – от родового имени *Кул* и топонимы в Абхазии: *Кул-рхуа*, букв. «гора Кулов», *Кулаа ртвы* (Кулаа ртэы) – «собственность Кулов», *Куал иху* «Гора Куала» (Гудаутский район), *Куладзхвы* (Кулзхэы), букв. «берега р. Кулов» (Гагрский район) [93, 629, 631]. Сюда же, по-видимому, и название перевала *Клухор*, абхаз. *Клыхура*. Последний, возможно, из абхаз. *Кул-хура*, букв. «хребет (гора) Кулов», отсюда *Кулхура ахыџырџа* – «Кулхурский перевал». Абхазскому *Кулхура* «хребет (гора) Кулов» вполне соответствует сообщение Гекатея Милетского: «Колы народ Кавказа... Предгорья Кавказа называют Колскими горами» [291, 300]. Фонетическими вариантами формы *кул*, *куал*, по-видимому, являются и абхазские родовые имена *Гол-аа* (в мегр. Гол-ава – «Головы») или *Гуал-аа* – «Гуаловы» – отсюда топонимы *Гуалдхвы* (Гэал-дэхэы), букв. «поле (равнина) Гуалов» и *Гуалза* или *Гуалџа* (в Сухумском районе), букв. «Гуалово подгорье», а также и известное название центрального района Абхазии – *Гул-рыпи* (возможно, от *Гуал-рыпи*), букв. «край Гулов (Гуалов)», срав. вариации основ *гул*, *гуал*, *кул*, *куал* с этнонимом *кол* древних авторов (см. «Колхи и Колхида»). Вместе с тем напрашивается связь названия центрального приморского района Абхазии – *Гул-рыпи* или *Гуал-рыпи* (срав. *Кол-рыпи*) – «край Гуалов (Колов)» с Черноморским районом, именуемым Плинием *Кол-ика* и находившимся между гениохами и меланхленами. Представляется весьма интересным то, что эту же территорию Помпоний Мела называет «Шесть Колик» [351, 118]. Данная деталь может быть увязанной с главным абазинским сообществом *тапанта*, именуемым шестиродным, т. е. состоящим из шести частей. Ногайцы их именуют Алты Кесек Абаза – «Аба-

за, состоящая из шести частей» [42, 8], они же – Басхи (на кабард. Басхаг), по-видимому, они же и *миссимияне*.

Сложно также говорить об этнической принадлежности *кораксов*.

По сообщению Гекатея (VI в. до н. э.), «кораксы племя колхов, вблизи колов...», колы же, согласно автору, не относятся к колхам. На наш взгляд, из этого вытекает, что кораксы, проживая в районе города Диоскурии (в отличие от колов), находились в пределах Колхидского царства, как и сам город Диоскурия [291, 300].

Что же касается происхождения этнонима *коракс*, то, по мнению П. К. Услара, «это есть чисто греческое название, с легкой неправильностью обозначающее – вороны» [18, 66]. По-видимому, в этой связи Ш. Д. Инал-ипа указывает на созвучие этнонима *коракс* с абхаз. *куараса* «горлица» [24, 181]. Вместе с тем обращает на себя внимание сходство имени *коракс* с упоминаемым Птолемеем названием мыса – *Коракс*, отождествляемым Латышевым с Аю-Даг, находящимся севернее Алушты, и горой *Корак*, локализующейся также в этом регионе [304, 240, 248]. Далее Птолемей говорит о крепости Картерон Тейхос («Сильная крепость»), реке Корак, местности Наана и пограничной черте Колхиды [304, 244, 245, 250]. В данном сообщении р. Корак, по мнению отдельных авторов, может соответствовать р. Бзыбь [55, 150; 61, 517]. Другие же исследователи р. Корак отождествляют с р. Кодор, а *Наана* – с названием современного села *Наа* на правом берегу р. Кодор [304, 244, 245; 18, 37; 24, 181]. На наш взгляд, и Крепость Картерон Тейхос Птолемея может соответствовать крепости Пскал, закрывающей вход в Кодорское ущелье, или другой древней крепости в центральной Абхазии. Что же касается Кораксийской стены Гекатея, то ее Кудрявцев, Гулиа и другие увязывают с Великой Абхазской (Келасурской) стеной [15, 28, 29, 53; 18, 158].

Так или иначе, очевидно, что кораксы, как и керкеты, гелоны, меланхлены, тореты, упоминаются древними авторами одновременно как на территории современной Абхазии, так и в далеком от нее Кубано-Азовском регионе. Среди них на территории Абхазии наиболее древними представляются кораксы, а также колы и гениохи. В целом же, скорее всего, речь идет об абхазо-адыгских племенах, ареал распространения которых, как известно, охватывал всю Черноморско-Приазовскую область. Поэтому ни одно из

вышеназванных племен, в том числе и кораксы, не может быть отнесено к картвельским племенам, как это пытаются доказать некоторые исследователи (Орбели, Гулиа, Мибчуани и др.).

Кораксы, по мнению З. Анчабадзе, Г. Томашева и др., могут быть отождествлены с санниками или абсилами [20, 134]. Услар же полагал, что кораксы – шапсуги или убыхи [15, 53], а Дюбуа де Монпере в них видел цебельдинцев. Поддерживая мнение Дюбуа, Кудрявцев пишет: «Кораксы – это без всяких колебаний кодорцы и впоследствии получившие имя уже не по реке, на которой жили, а ущелью “дальцы”, “цебельдинцы”. Кораксийские стены, – современные Келасурские (т. е. Великая Абхазская стена. – В. К.), пересекающие Кодор» [15, 28, 53].

Д. И. Гулиа допускал возможность происхождения этнического имени *коракс* от обозначения крепостной стены – *Коракс*, т. е. Кораксиновской (Келасурской) стены. В частности, он пишет: «Название этой стены указывает, может быть, на материал, из которого она была сложена туземными жителями: по-абхазски *а-гуараиш* – речные круглые камни: “и” – указание на беловатость камня; корень *гуара*, вероятно, древнегениохское слово, означавшее “камень”. По названию стены возможно, что греки стали называть и местное племя “караксиенами” (вместо *гуараиш-ны* – страны камней или страны, находящейся за стеной). Жители страны: *гуараиш-уа* (*гуарашаа*) = греческое *кораξ-ои*» [18, 158]. Автор имеет в виду название низовья р. Кодор – *Кораси*, абхаз. Кораш (Кѳараш), о котором говорит Инал-ипа [24, 181]. Это же название встречается и во многих местах Абхазии как обозначение рек, берега которых сплошь застланы белыми (известняковыми) камнями [93, 168, 337, 365, 558].

На наш взгляд, представляется более правдоподобной связь этнонима *коракс* с абхазским словом *гуаракуша* (срав. коракс), букв. «окруженная оградой», «окаймленная оградой»: от *а-гуара* – «ограда» и *куша* (глагол *а-куша-ра*) – «окружение», «окаймление». Вместе с тем не исключено, что этнотопоним *коракс* может быть образованным от имени абхазо-абазинского сообщества *коу-ра* или *гоура* с помощью иноязычных суффиксов «к» и «о-с». Сама корневая часть, т. е. *коура* или *гоура*, представляет абазинскую форму мн. ч. первичной основы *коу* или *гоу*, где *у* – этнонимное окончание в значении «человек». Исходная основа *коу* или *гоу* со-

ответствует имени абазинского княжеского рода *Гоу* (ныне пишется *Гоов*, во мн. ч. *Гоураа*), проживавшим в прошлом на западной окраине исторической Абхазии. Здесь же река, гора и населенный пункт (аул) Агой [96, 42–43]. Родовое имя *Гоу* закономерно восходит к форме *Гау* (Гауаа или Агауаа), означающей на абхазо-абазинском «приморцы», «поморяне» – от *га* (а-га) – «морское побережье» и *у* (уа) – «люди» [96, 43].

Как уже было сказано, множественная форма этнонимной основы *гоу* // *коу* – *гоураа* // *коураа*, в греческой передаче *кора*, может быть основой интересующей нас греческой формы названия *кора-к*, отсюда и *корак-с*. Вместе с тем, похоже, эта же основа присутствует в вариантах исторического названия современного села Скурча, лежащего у моря слева от р. Кодор. Речь идет о зафиксированных источниками в разное время таких форм названия, как: Кавро (Дзвампи), Т-кавру, Курса (Досифей), Из-гаур // Ис-гаур (Шарден), Ис-курия (Ламберти), Ис-куар (Фадеев) [94, 178]. С Искурией (Скурча) ряд авторов отождествляют Диоскурию (см. ниже). Возможно и в этом названии, т. е. *Диос-кур-ия* // *Диос-кор-ия*, имеется та же основа *гоура* // *коура*, означавшая *кораксов*, на земле которых находился известный город Диоскурия.

Интересующий нас этноним может также лежать в основе целого ряда местных родовых имен, как: Куар-дзы (срав. Куардзышха «гора Куардзов» в Псху), Куар-дз-аа, Кор-дз-ая, Кор-ч-аа, Куар-ч-иа, Кора-ндз-иа, Кор-с-аа // Кор-с-ава, Кор-с-ая, Кор-т-аа // Кор-т-ава, Кор-т-уа, Кор-уа, Корк-ия, Курык-ба и т. д.

6. Фтейрофаги – «вшееды» или «шишкоеды»

Прозвище *фтейрофаги* – «вшееды» в I в. н. э. упоминает в качестве этнического имени Помпоний Мела. Он помещает фтейрофагов между кораксами и гениохами. Арриан (II в. н. э.), похоже ошибочно, скифское племя фтирофагов Геродота считает народом, жившим в древности в районе Нитики (совр. Гагры). Однако Геродот говорит только о многочисленных будинах и гелонах, обитавших вблизи Танаиса, выше савроматов (см. Гелоны). Арриан же приводит лишь слова Геродота: «...этот народ (т. е. будины. – В. К.) ест вшей, и такая молва о них держится и до настоящего времени... эллины и будинов называют гелонами, хотя неправильно...» [61, 165]. На наш взгляд, южные фтейрофаги, согласно ис-

точникам, могут быть отождествлены с гелонами Псевдо-Скилака и поздними салами Плиния (см. Гелоны).

По мнению Г. Ф. Турчанинова, презрительное название фтейрофаги – «вшееды» представляет собой плод народной этимологии, созданной в абхазской языковой среде. Оно могло возникнуть в результате перевода адыгского слова *цIыфа* – «люди», «человек» из созвучного с ним абхазского слова *йыфа(йафа)*, букв. «вшеед», «вшееды». На самом же деле, как он полагает, адыг. *цIыфа* – «люди», «человек» могло быть древним самоназванием адыгов и не может иметь ничего общего с абхазским *йыфа(йафа)* – «вшеед» [355, 401–404; 356, 18].

В связи с вышесказанным представляет интерес и следующий абхазский языковой факт. Абхазы издавна жителей равнин Северного Кавказа именуют насмешливым прозвищем *шкифа* // *шкиф* (ёкыфа) – «едящий конский навоз», во мн. ч. *шкифа-аа* (ёкыфаа) или *шкифа-цва* (ёкыфа-цэа).

Для нас теперь понятно, что такое прозвище возникло у абхазов в результате перевода известного древнего этнонима «скиф» из созвучного с ним абхазского слова *шкиф-а* (ёкыф-а), букв. «едящий конский навоз», где *шки* (ёкы) – «конский навоз» и *ф-а* – «есть», срав. *цы-фа* – «вшеед». Данный языковой факт несомненно указывает на древнее соседство абхазо-адыгских сообществ со скифами.

7. Гениохи

Гениохи или *Иниохи* – один из раннеупоминаемых древними авторами значительных народов Кавказского Причерноморья. Первым о них говорит Гелланик (V в. до н. э.): «...над керкетами живут мосхи и хариматы, над ними гениохи, а выше кораксы» [347, 25]. Скилак Кариандский (IV в. до н. э.) помещает их между ахеями и кораксами [295, 242] и он же называет гениохов народом «разнородным» [295, 276]. Гераклид (II в. до н. э.) пишет, что по Фасису первоначально жили гениохи [295, 304]. По данным Плиния (I в. н. э.), «...не доходя Трапезунда по берегу река Пиксит, а за ним племя Саннов Иниохов» [351, 178], «...река у них Абсар» [18, 272] и «...племя Абсиллов, крепость Севастополь в 100 000 ш. от Фасида, племя Саников, город Кигн (или Цигн. – В. К.), река и город Пеней, наконец, племена Иниохов, различающиеся мно-

гими названиями» [351, 179; 61, 171]. Помпоний Мела (I в. н. э.) говорит, что в земле Иниохов была основана Диоскуриада [351, 118; 18, 271]. В то же время Страбон (I в. н. э.) указывает, что колхи обитают за гениохами [303, 84–85]: «...За гениохами находится Колхида, лежащая под Кавказскими и Мосхийскими горами» [299, 209–210]. Гениохов также упоминают Диодор Сицилийский, Аристотель, Тацит и многие другие древние авторы.

Указанное Псевдо-Скилаком (IV в. до н. э.) место обитания гениохов, как полагают некоторые исследователи, соответствует части Черноморского побережья, заключенной примерно между гг. Сочи и Сухумом. В районе же города Сухум (Акуа, Диоскурия, Севастополь) и р. *Корак* (Кодор) проживали кораксы, которые граничили с колами и меланхленами. Названные сообщества, т. е. кораксы, колы и меланхлены, по-видимому являлись одними из многих гениоховских племен. На это, похоже, указывает ряд сообщений древних авторов: «...в земле гениохов основана Диоскуриада» (Помпоний Мела): «За гениохами находится Колхида» (Страбон); «От Кавказских ворот (Дарьяльский проход. – В. К.) в Гурдинских горах живут Валлы и Сваны (ошибочно Свавы. – В. К.)... От них до самого Понта живет множество Иниохийских и потом Ахейских племен» (Плиний [351, 182]).

Как уже было сказано, Гераклид, живший во II в. до н. э., указывает район р. Фасис, как первоначальное место жительства гениохов. Согласно же Арриану и другим древним авторам, в I в. н. э. гениохи уже находились и в Восточном Причерноморье, в междуречье Пиксита и Абсара.

У древних авторов *гениохи* или *иниохи* характеризуются как:

– многочисленные племена, различающиеся многими названиями (Плиний);

– «...у гениохов было четыре царя» (Страбон);

– «...воинственные гениохи» – «Меня узнал покоренный араб и *воинственные гениохи*» (Лукан со слов Помпея);

– «...славные племена... генихов» (Псевдо-Орфей);

– «гениохи страшные наездники» (Лукан);

– «Иниохи... названы Иниохами, что весьма искусны в управлении лошадьми» (Схолии к Лукану);

– «гениохи мореходы и пираты» – «Выходя в море на своих камарах и нападая то на грузовые суда, то на какую-нибудь мест-

ность или даже город, они господствуют на море. Случается, что им содействуют и владетели Боспора, предоставляя им стоянки, покупку провианта и продажу награбленного. Возвращаясь в родные места, они, за неимением стоянок, взваливают свои камары на плечи и уносят в леса, в которых и живут, обрабатывая скудную почву, а когда наступит время плавания, они снова сносят камары на берег. Так же поступают они и в чужой стране, где имеют знакомые лесистые местности: скрыв в них камары, они сами бродят пешком днем и ночью с целью захвата людей в рабство; то, что удастся им захватить, они охотно возвращают за выкуп, по отплытии извещая потерпевших» (Страбон);

– «гениохи – камариты» – «...большой народ камариты» (Дионисий); «Они получили название свое от судов, на которых они занимались пиратством, которые назывались у эллинов “καμαραι”» (комментарии Евстафия к Дионисию Периегету).

Античные предания гениохов увязывают с аргонавтами. В частности, Плиний передает: «Многие полагают, что город этот (Диоскурия. – В. К.) построен возницами Кастора и Поллукса – Амфитом и Тохием, от которых, вероятно, и произошло племя гениохов» [18, 274; 351, 179]. Об этом же говорит и Помпоний Мела [351, 118].

Страбон же пишет: «Рассказывают, будто ахейцы – фиоты из язонова отряда заселили здешнюю Ахею, а Гениохию – лаконцы, которыми предводительствовали возницы Диоскуров, Река и Амфистрат; от них-то, вероятно, гениохи и получили свое название» [299, 213].

Встречаются и утверждения о том, что «...гениохи и зигии, чада земли пеласгийской...», «...гениохи и зигии племя очень дикое, происходящее, по преданию, от пеласгов» [223, 240, 251] и т. д.

Эти предания, засвидетельствованные античными авторами, не воспринимаются исследователями древней истории всерьез. Последними выдвигаются отличные от них версии по вопросу этнической принадлежности гениохов. Одни считают гениохов сванами (И. Орбели, Г. Меликишвили, Т. Мибчуани), другие отождествляют их с мегрело-лазами (С. Джанашия, М. Инадзе и др.), третьи же видят в гениохах предков абхазов (А. Кудрявцев, Д. Гулиа, Ш. Инал-ипа, З. Анчабадзе, Ю. Воронов и др.).

На наш взгляд, при определении этнического лица гениохов прежде всего важно разобраться в вариантах их наименований: *гениохи, ениохи, иниохи, возничьи // возницы, камариты*. Все они в прошлом рассматривались не как этнонимы, а как профессиональные прозвища. При этом авторы исходили из перевода созвучного с *гениохи* греческого слова *Υπνίοχοι* в значении «возницы». По этому поводу Д. Гулиа писал: «...“возницы” – такое же выдуманное мнимо-этническое название, как макрокефал – “длинноголовые” (на южном побережье Черного моря), макропогоны – “длиннобордые” и фтейрофаги – “вшееды” (на восточном), да и многие другие» [18, 44].

Название *гениохи*, как этноним кавказского происхождения, первым стал рассматривать П. К. Услар. По его мнению, *гениохи* может быть искаженное греками адыгского *ганноаче*, «каковым словом племя адиге называют лезгин». Однако, как отмечает И. Орбели, сами лезгины этого названия своего не знают [18, 42, 43]. П. Ингороква полагал, что *гениохи* – *возничие* от грузинского *цхени* → *гени* – «лошадь» [55, 178]. Существует и указание на то, что название санигов может являться вариантом названия «гениох». В частности, Г. Меликишвили пишет: «По своему звуковому составу эти названия довольно близко стоят друг к другу. Чередование “S” и “H” мы имеем и в других племенных названиях (напр. *Sper* и *Hiber*)» [345, 91].

Как выше указано, название *гениох* имеет варианты *ениох, иниох*. Последние, скорее всего, получены в результате ассимиляции начального «г» или «h» названия *гениох* – *heviox*. Основой последнего, очевидно, является *генио* др.-греч. – *hevio*, от которой образована форма этнонима *генио-х* с аффиксальным окончанием «х» (срав. *зи-х, абас-х, мос-х, кол-х* и т. д.). Похоже, что этнонимная основа *генио* представляет собой стяженную по закону фонетики форму абхазского слова *гаиану*, букв. «находящиеся в приморье», где *га* (а-га) – «приморье» и *иану* – «находящийся» (срав. *амѡа иану* – «находящийся в дороге», *Аѡсны иану* – «живущие в Абхазии» и т. д.). Представляется, что именно абхаз. *гаиану* или → *геноу* лежит в основе греческого названия древнего города *Гиенос* (о городе, см. [591]). Как уже было сказано, от абхазской основы *а-га* – *агара // агар* «приморье» образованы и названия приморской территории *Егыр // Эгер // Эгриси*, а также и имена примор-

ских жителей *агаруа* (из *агарыуаа*) и *гоуаа* // *гоураа* (см. Кораксы). В связи с гениохами обращают на себя внимание также абхазские родовые имена, как: *Ген* – в мн. ч. *Гена-р*, пишется *Генаба*, а у абазин – *Генов*; *Ин* – во мн. ч. *Ина-р*, пишется *Инарба*; *Ин-ати*, букв. «Рыжий Ин», пишется *Инашиба*; *Гун* – родовое имя, пишется *Гунба* (вариант *Гумба*), у абазин – *Гонов*.

Вызывают особый интерес и такие топонимы Абхазии, как: *Ген-рыти* // *Гинрыти* – в Сухумском р-не, букв. «край Генов (Гинов)»; *Кин-рыти* (срав. *Генрыти*) – в Гудаутском р-не, букв. «край Кинов»; *Генараа ркуара* – в Очамчирском р-не, букв. «речка Генов»; *Генадз* – речка в горах Гулрыпшского р-на, букв. «речка (вода) Геновых»; *Генараа рзыхь* – в Гудаутском р-не, букв. «родник Геновых».

Вместе с тем представляется довольно значительным, ключевым следующий языковой факт. Как известно, греки *гениохов* именовали и словом *камариты* по названию лодок *камары*, на которых те плавали. От названия гениоховской лодки – *камар* вряд ли отделимо абхаз. *амар* – «лодка», «челнок», во мн. ч. *амарква* (*амар-қза*), сохраняющееся ныне как обозначение мини-лодки, т. е. челнока ткацкого станка, переносно и швейной машины. Очевидно, что абхазское *амар*, подобно русскому «челнок», означало «лодку, на которой плавали», а также «мини-лодку – челнок ткацкого станка» и переносно «челнок швейной машины». Слово *амар* – «лодка» в форме множественного числа *амарква* – «челнок – челноки», как и абхазский морской термин *апра* – «парус» [357, 87, 143], заимствовано соседними мегрелами и грузинами.

В препозиции термина *амар*, похоже, представлен «а» с приступом, что может восприниматься и как «к» – отсюда и *амар* может быть озвученным как *камар*. Однако возможно и другое. Форма *амар* может быть из сложного слова *хамар* (*hamar*), означавшего заправленный внутри клубком нити (пряжей) челнок ткацкого станка: *хамар*, букв. «содержащий нить (пряжу)» – от *аха* – «пряжа» (*аха-ра* «прядение», «плести») и *мар* (а-мар-а) – «содержать», «иметь». Исходное *хамар* (*hamar*), в результате ассимиляции начального «х», могло закономерно трансформироваться в *амар*. При этом становится очевидным перенос названия челнока ткацкого станка на схожее с ним плавсредство – лодку (челнок). Таким образом, есть основание говорить о тождестве форм – абхаз. *амар* или

хамар и греческой записи *камар*. Последнее, согласно Дюбуа, сохранялось и у черкесов в качестве одного из названий лодки [7, 58].

Вместе с тем примечательно, что у абхазов и абазин лодка и солнце обозначаются одним словом *амар* (абаз. *амар*, абхаз. *амра* – «солнце»), точно так же, как и у египтян именем *Ра* обозначались солнце и лодка (см. выше).

Наконец, представляется довольно любопытным также и сообщение Диониса (II в. н. э.) о *гениохах-камаритах*. В частности, он говорит, что на Кавказском перешейке живет «большое племя камаритов, которое некогда гостеприимно приняли Вакха после индийской войны и вместе с элинами устроили священный хоровод, надев на грудь передники из оленьей кожи, крича: “Эвой, Вакх!”» [303, 184; 18, 258]. Как нам представляется, в сообщении Диониса объединены легенда о Вакхе со знакомым автору обрядовым хороводом гениохов-камаритов. Возможно, причиной тому звучащий во время хоровода призыв «Эвой, Вакх!», напоминающий имя Вакха. На самом деле, речь может идти об обрядовом хороводе моряков-камаритов, во время которого звучал призыв по Дионисию «*Эвой, Вакх!*», в котором можно усматривать абхаз. *Уах*, букв. «тяни», «гребь», во мн. ч. *Швах* (Шэах) – «тяните», «гребите». Последнее, т. е. множественная форма *Швах*, присутствует в названии и рефрене абхазской песни моряков *Швах амарджа* «Шэах амарца!», букв. «тяните (гребите) амарджа!» В слове же *амарджа* (*амарца*), несомненно, имеем название лодки *амар* (*камар* или *hamar*), а в окончании элемент *джа* (*ца*), который может быть видоизмененной формой абхазского аффикса мн. ч. класса людей – *ца* (*цаа*) – срав. *атиы* (*аеы*) «лошадь» – *атица* (*аеца*) «конники», «всадники». Вместе с тем элемент *джа*, в значении «человек», «люди», присутствует в абхазском *аджвы* (*азы*) – из *аджы*, «один человек», *ви-джа* (*ыца*) «два человека», *аджа-р* (*аца-р*) «множество людей». Отсюда *амарджа* равнозначно слову «*камариты*» – «лодочники», «лодочный отряд», «морской боевой отряд». Форма *Хаи* (или *Ахахаи*) *амарджа!* – первоначально боевой клич моряков, а затем и подбадривающий призыв к любому действию. Слово *амарджа* представлено и в языках некоторых соседних с абхазами народов: в кабардинском – *маржэ*, *мардж* – возглас, обозначающий «призыв», «клич»; в осетинском – *амарджа*, *йамарджа* – поощрительный возглас, что, по

мнению Абаева, из груз. *мардж* «побеждать», от которого и груз. *гамарджоба* – приветствие; в карач.-черкес. *марджа*, *маржа* «пожалуйста (обращение)» и в ног. *марже* – междометие, выражающее обращение, призыв к группе людей. Последние два варианта Шагиров считает заимствованными из кабардинского [132, 260].

8. Ахея и ахейцы

Псевдо-Скилак (IV в. до н. э.) помещает *Ахею* и *ахейцев* между торетами и гениохами: «За торетами – народ ахеи. За ахеями – народ гениохи» [295, 242]. О них упоминают также Диодор Сицилийский (IV в. до н. э.) [358, 188], Аристотель (IV в. до н. э.), Диоген и другие древние авторы. Согласно Артемидору (II–I в. до н. э.) ахейцы проживали от современного Туапсе на юг, вдоль побережья, вплоть до района Сочи [249, 281; 295, 242]. Страбон же говорит: «За ней (Синдикой) живут ахеи, зиги, гениохи...» [299, 209]. Он же, ссылаясь на Артемидора, указывает, что «побережье ахейян, на пространстве пятисот стадиев, далее берег гениохов в тысячу стадиев...» [299, 214, 215]. В I в. н. э. ахейцев упоминают также Помпоний Мела [351, 118] и Плиний Секунд. По сообщению Плиния, от валлов и сванов (или свавы) «до самого Понта живет множество Иниохийских и потом Ахейских племен» [351, 179, 182]. Далее Аппиан (II в. н. э.) пишет о том, что Митридат (в 67 г. до н. э. – *В. К.*) прошел через страну гениохов, которые приняли его дружески», «но ахеев он разбил и преследовал» [18, 283]. По-видимому, из последнего сообщения следует, что после разгрома Митридатом ахейцев, Ахея, как этнополитическое объединение, перестало существовать, именно в этой связи ахейцы постепенно приходят в забвение. Так, например, если в первой половине II в. н. э. Аппиан, Клавдий Птолемей [304, 249], Дионисий [303, 184] еще пользуются термином «ахейцы», то у их современника – Арриана ахейцы в списке народов Кавказского Причерноморья уже не значатся. Здесь вместо них он помещает санигов, а в качестве границы между санигами и зикхами называет р. Ахеиус (р. Шахе). Вместе с тем он указывает территорию под названием «*Старая Ахея*» между *Старой Лазикой* и *гаванью Пагр* (Геленджик) [223, 271, 272].

Согласно древним авторам (Диодор Сицилийский, Аристотель, Тацит, Овидий, Страбон и др.), ахейцы, как и гениохи, являлись

искусными мореходами и славились своим пиратством не только у берегов Кавказа, но и по всему Черному морю [24, 185]. Они также характеризуются и как воинственный народ [61, 175].

В древней и последующей литературе представлены различные точки зрения по происхождению ахейцев. Страбон говорит: «Рассказывают, будто ахейцы-фтиоты из язенова отряда заселили здешнюю Ахею, а Гениохию – лаконцы» [299, 213]. Аппиан же приводит легенду, согласно которой ахейцы являются древними греками, заблудившимися при возвращении из Трои и «много страдали от варваров, как эллины» [223, 285]. Дионисий Периегет (II в. н. э.) также о кавказских ахейцах пишет: «...воинственные ахеи, которые некогда, занесенные южным и западным ветром, приехали сюда от Ксанта и Идейского Симеонта, сопровождая после (Троянской) войны своего царя, сына Аретия; их соседи, гениохи и зиги – также пелазгийского происхождения» [61, 175].

Некоторые новейшие исследователи Ахеи отождествляют их с ахийява хеттских источников [295, 242]. Другие же, в частности Кисслинг и ряд грузинских исследователей, ахейцев, как и керкетов, гениохов и других, причисляют к картвельским племенам [345, 88, 89; 61, 25].

Однако, как справедливо отмечает Ш. Д. Инал-ипа, вряд ли можно сомневаться в том, что кавказские ахейцы, не имеющие, конечно, ничего общего с гомеровскими ахейцами – эллинами (тем более с картвельскими племенами. – В. К.), являются одной из прибрежных древнеабхазских родоплеменных групп [24, 188]. Свое мнение Инал-ипа подтверждает данными абхазской топонимии. В частности, он пишет: «...почти все побережье от Гагры до Адлера старые абхазы и по сей день называют Аха. Недалеко отсюда, в верховьях р. Бзыбь, имеется и местность под именем “селища (рода) Ахба”, а одна из впадающих в нее речек известна под названием Ахей. Воинственные ахейцы, локализуемые в северо-западной части Абхазии, многими исследователями сопоставляются с одним из древнеабхазских племен (срав. абхазские родо-племенные названия Хиба и Ахба, распространенные до сих пор на указанной территории)» [24, 188, 189].

Известный кавказовед А. Н. Генко *ахеи* отождествлял с именем шапсугского общества *гуае*. Соглашаясь с этим, В. И. Ворошилов пишет: «...древние «ахейские» корни имеет и этноним середины

XIX в. *агуйя* и соответственно современный топоним Агой. Справ., тот же Арриан упоминает город Ахеунт (ориентировочно в устье Шахе), в основе названия которого также прозрачно виден этноним *ахеи*, а в XIX в. (до 1864 г.) в междуречье Псецуапсе – Шахе проживало шапсугское подразделение гой или гуайе». Далее Ворошилов говорит, что древние обитатели Юго-Восточного Причерноморья «...Хои – это, по-видимому, те же ахеи...» [96, 43]. Однако лингвистически трудно представить тождество этнонимов *ахей* и *гой*, *гуайе* или *агуйя*. Этимологии этнонима *ахеи* касается также Н. Г. Волкова. Она усматривает в этнониме *ахеи* корень адыгейского названия моря *хы* с абхазо-абазинским суффиксом *а* и греческим окончанием *ои* (*еи*) [362, 34]. Из названных материалов более убедительными нам представляются сопоставления проф. Ш. Д. Инал-ипа. Прежде всего, автор прав в том, что абхазы в прошлом Гагра – Адлерский район именовали *Аха*. Последнее существует в абхазском языке и как слово в значении «верховье», «головная часть чего-либо» – от *ахы* «голова»: *азы аха* – «верховье реки», *ахы-уаа* – «жители верхней части села или страны», *ахы-аамста* – «головной дворянин», т. е. «главный из дворян» [74, 163] и т. д.

Есть основание полагать, что абхазы в прошлом территорию, именуемую *Аха*, делили на две части – *Аха* или *Ахаду* «Большая Аха» и *Ахахучи* (Ахахэчы) или *Ахач* (Ахач) «Малая Аха». На наш взгляд, первое соответствует *Старой Ахее* Арриана (прибрежье от Геленджика до р. Шахе). Второе же – *Ахахучи* «Малая Аха», похоже, восстанавливается из названия хребта *Ахахча* (из *Аха* + *хучы*, где *хучы* – «малый»). Вариант же *Ахач* представляет более древнюю форму и распознается также в значении «Малая Аха» (из *Аха* и *ч* (*ч*) – «малый») в названии известного абхазского общества *Ахачпсоу* // *Ахчыпсоу*, усеченно *Ахчыпсы* или *Хачыпсы* (совр. абхаз. *Ахчыпсы* или *Ахчыпсы*), проживавшего в верховьях рек Мзымта и Псоу. Первое, т. е. *Ахачпсоу*, буквально переводится «Абхазы Малой Аха» – из *Ахач* (Ахач) «Малая Аха» и *псоу* (а-псуа) «абхазы». Из основы *Ахч* (*Ахач*), похоже, образованы также названия района Псху – *Ахчыпсху*, *Ахчыпсхоу* [364, 347, 472] и его жители – ахчыпсхувцы [364, 127]. Таким образом, большая вероятность в том, что древний топоним Северо-Западного Кавказа *Ахеи* произведен от абхазо-абазинского географического термина *аха*

и, возможно, посредством греческого окончания *ой* // *ей* [96, 12] или адыгского притяжательного суффикса «й». С этнотопонимом *Ахеи* Ш. Д. Инал-ипа увязывает, наряду с *Аха*, и родовое имя *Хиаа* (в ед. ч. *Хииба*, *Ахииба* – «Хиибов»), однако, по утверждению исследователей, оно происходит от слова *ахии* (ахьи) – «золотых дел мастер». На наш же взгляд, от родового имени *Аха* образована и княжеско-дворянская фамилия *Ахеиба* [74, 219, 236] – из *Аха* + *и* + *ба* (*Аха* + *и* + *па*), букв. «Ахов сын» (ныне прожив. в Турции).

ГЛАВА VIII

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ ОБРАЗОВАНИЯ ЮГО-ВОСТОЧНОГО И ВОСТОЧНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ В I В. ДО Н. Э. – VII В. Н. Э.

§ 1. Из истории международных отношений конца I тыс. до н. э. и I в. н. э.

В конце I тыс. до н. э. в Малой Азии происходят бурные события. Это борьба государства Селевкидов с Римом, ослабление и распад Селевкидской державы, образование в начале II в. до н. э. армянских царств и их завоевания, усиление Понтийского государства, противостояние Понта и Рима, расширение границ Римской Империи. Все это, несомненно, не могло не отразиться и на этнополитической ситуации Юго-Восточного и Восточного Причерноморья II–I вв. до н. э.

Как выше отмечалось, во II в. до н. э. племена Юго-Восточного Причерноморья оказываются под властью Малой Армении, а затем – Понта.

В начале II в. до н. э. Понт представлял собой уже довольно значительное государство. В первой половине II в. до н. э. понтийский царь Фарнак I захватил Синопу и перенес сюда свою столицу. Соседняя с Понтом Малая Армения, занявшая ранее часть Юго-Восточного Причерноморья, превратилась фактически в зависимое от Понта государство. В конце II в. до н. э., уже при понтийском царе Митридатe VI Эвпаторе, Малая Армения и Колхида были присоединены к Понту. Тогда же Митридат утвердился в государствах Северного Причерноморья, заключив союз с Ольвией и Херсонесом и получив царскую власть над Боспором. Он также постарался утвердиться и на западном берегу Черного моря. И здесь Митридат, не располагая возможностью подчинить местные народы, стремился привлечь их на

свою сторону, заключая союзы и набирая среди них наемников в свои войска.

Таким образом, Митридат VI Эвпатор сделался правителем или союзником всех причерноморских племен и народов [301, 322, 323, 364]. Митридату удалось также подчинить многие области Малой Азии. К 88 г. до н. э. под властью Митридата находилась уже вся Малая Азия, Эллада и берега Черного моря [301, 365].

Одним из преимуществ Митридата как политика и властелина являлось знание многих языков. По Плинию Секунду: «Митридат, величайший из царей своего времени... был единственный из смертных, говоривший на 22 языках, и что в течение своего 56-летнего царствования он не обращался при помощи переводчика ни к одному человеку из подвластных ему племен» [351, 194].

Главным союзником Митридата являлся армянский царь Тигран II. При нем Армения находилась в зените своего могущества. Тигран II в 95 г. до н. э. присоединил к своим владениям Софену. Вслед за этим он захватил ряд пограничных албанских областей и приступил к захвату владений распадавшейся державы Селевкидов. С этой целью Тигран двинулся к берегам Средиземного моря, подчинил своей власти Сирию, Финикию и равнинную Киликию [301, 420]. Армении были подчинены также Иберия и Страна мосхов. [249, 304].

Римская империя не могла мириться с чрезмерным усилением Армении и Понта. Впервые римляне нанесли ощутимый удар Митридату в 87 г. до н. э. в Греции. Здесь войска Митридата были наголову разбиты. В результате, в 85 г. до н. э. по Дарданскому миру Митридат вынужден был отказаться от всех завоеваний в Малой Азии. Однако вскоре, в 83 г. до н. э., Митридат, воспользовавшись неурядицами в Римской державе, начал вторую войну с Римом, в ходе которой ему удалось временно захватить значительную часть Каппадокии [301, 367].

В 73 г. до н. э. Митридат предпринял новую, уже третью по счету войну с Римом, закончившуюся поражением самого Митридата. К 70 г. до н. э. римляне практически завладели всей территорией Понтийского царства. В то же время они заключили союз с правившим на Боспоре сыном Митридата – Махаром и, таким образом, подготовились к военным действиям против Армении, которые развернулись в 69 и 68 гг. до н. э. Митридат же, восполь-

зовавшись занятостью Рима войной с Арменией, вернулся с 8-тысячным войском в пределы своего царства и разбил находящееся здесь римское войско. Тем временем римское войско во главе с Лукуллом в 69 г. до н. э. захватило и ограбило столицу Армении Тигранакерт; в результате этой победы римлян Армения потеряла все свои южные завоевания, сама же страна осталась тогда до конца непокоренной.

В 66 г. до н. э. продолжение войны против Митридата и Тиграна было поручено Гнею Помпею. Войска последнего весной 66 г. до н. э. разгромили на территории Малой Армении силы Митридата, а сам Митридат вынужден был бежать на север – в Колхиду. Прозимовав в Диоскуриаде, Митридат пробился в 65 г. до н. э. на Северное Причерноморье, где начал новые приготовления к войне с Римом. Он заключил союз с меотскими племенами и, обойдя с севера, вновь захватил Боспорское царство, изгнав оттуда Махара. Однако дальнейшим намерениям Митридата не суждено было сбыться, он закончил жизнь самоубийством в 63 г. до н. э. [301, 376].

Римляне, разгромив войска Митридата, в 66 г. до н. э. развернули военные действия уже против Армении. Тигран II, оценив ситуацию, в которой он оказался, сдался Помпею. Вскоре Помпей подчиняет Риму Иберию, Страну мосхов и Страну фасианов (Колхиду). Так заканчиваются бурные события конца I тыс. до н. э., существенным образом отразившиеся на судьбах многих народов Малой Азии, Закавказья, Юго-Восточного и Восточного Причерноморья. В этот период происходит переселение народов, меняются этнические и этнополитические границы, появляются новые этнические имена.

Как уже отмечено, с вышеназванными событиями, в частности – с деятельностью Митридата, увязывают переселение одного из древнеабхазских сообществ мосхов (масхов, басхов, т. е. мисими-ян поздних источников) из Мцхетского царства в Северную Колхиду [350, 265]. На наш взгляд, это переселение могло быть вызвано политикой армянского царя Тиграна II, который, как правило, переселял народы из захваченных им территорий. Перемещение мосхов также могло быть следствием походов в 40-х гг. I в. до н. э. в Страну мосхов боспорского царя Фарнака, а затем Митридата Пергамского, которому Цезарь отдал царство Фарнака. Страна

была разорена. Страбон говорит о разграблении «богатого святилища Левкотей» в Стране мосхов [249, 304].

Разительные изменения происходят в II–I вв. до н. э. в Юго-Восточном и Восточном Причерноморье.

§ 2. Колхида в конце I тыс. до н. э. – I в. н. э.

Как уже было отмечено, на рубеже III–II в. до н. э., в связи с ослаблением Селевкидов, прибрежные районы Восточного Причерноморья оказываются под влиянием эллинистических центров Юго-Восточного Причерноморья и прилегающих к нему областей. Вскоре, уже при Митридате VI Эвпаторе, Царство фасианов или Колхида становится составной частью Понтийского царства и ликвидируется местная государственная власть. По этому поводу Страбон пишет: «Какою славою пользовалась в древности эта страна, показывают мифы, повествующие о походе Язона, дошедшего даже до Мидии, и о предшествующем ему походе Фрикса. Следовавшие затем цари, владея разделенной на провинции страной, не имели особой силы. Когда же особенно усилился Митридат Эвпатор, страна перешла под его власть; в качестве наместника и правителя страны всегда посылался кто-нибудь из его друзей. В числе их был и Моаферн, дядя нашей матери с отцовской стороны. Отсюда шла царю главнейшая помощь для (организации) его морских сил...» [299, 216]. Согласно сообщению Аппиана в 83 г. до н. э. колхи (т. е. фасианы) попытались отложиться от Понтийского царства, в связи с чем Митридат вынужден был воевать с колхами. После подавления этого восстания Митридат назначил правителем Колхиды своего сына, носившего также имя Митридат. Однако отец, заподозрив сына в измене, как говорит Аппиан: «призвав его к себе, заключил в золотые оковы и немного спустя казнил его...» [223, 283]. Похоже, после сына Митридата Колхидой правил некий Олтак (срав. с именем его современника, правителя Иберии – Артак). Именно при этом правителе Помпей, разбив войска Митридата в 65 г., завладел Колхидой.

С Олтаком отождествляется некий начальник «скиф родом, по имени Олкаба», лавировавший между Лукуллом и Митридатом [223, 284], по Плутарху же, Олтак (он же Олкаба. – В. К.) – из

дандариев Меотиды. Плутарх говорит: «В войске Митридата был некий Олтак, властитель дандариев (дандарии – варварское племя из числа живущих по побережью Меотиды), отличавшийся на войне во всех случаях, где нужна сила и отвага, обладавший замечательным умом и, кроме того, приличный в обращении и услужливый. Постоянно споря с одним из соплеменных ему, он обещал оказать Митридату важную услугу – убить Лукулла...» [299, 281]. Согласно Аппиану, он же сообщил Митридату «о другом скифе, по имени Сободак, что тот собирается перебежать к Лукуллу. Сободак был схвачен». [223, 284].

Именно при этом Колхидском правителе Олтаке (он же Олкаба), Помпей, разбив войска Митридата и иберийцев, в 65 г. до н. э. овладел Колхидой. Со своей армией Помпей вошел в Колхиду со стороны Иберии. Кассий Дион говорит, что Помпей («идя вдоль р. Фасиса») «прошел (через земли) колхов и их соседей, действуя то убеждением, то страхом». Так он достиг города Фасиса, где его встретил Публий Сервилий с эскадрой, охраняющей Понт [249, 299, 300]. Вскоре, как известно, состоялся победный триумф Помпея в Риме. В этой связи, как один из участников этого триумфа упоминается «скиптроносец (или «скептух») колхов Олтак» [249, 300]. Вместе с тем в тот же год Помпей, вместо Олтака, правителем Колхиды поставил некоего Аристарха, (65–47 г. до н. э.), которого Европий именует «царем» [249, 301]. В его время в Колхиде, как и прежде, печатались монеты (колхидки), на этот раз – с надписью на греческом языке: «Βασίλεωσ Αρισταρχος Κολχίδος», т. е. «Аристарх базилевс (царь, правитель князь) Колхиды» [15, 63]. После Аристарха, примерно с 47 г. до н. э., Колхида уже не представляла собой даже римской провинции.

На рубеже I в. до н. э. – I в. н. э. Колхида числилась в составе римских провинций Понта и находилась под властью понтийского царя Полеймона (I), а затем – его супруги Пифодариды.

По мнению Г. А. Меликишвили, падение местной государственной власти в Колхиде и установление здесь поверхностного господства Понта широко открыло дорогу в низменную часть Колхиды, в ее прибрежную полосу окружающей стихии горцев, живших в условиях разлагавшегося родового строя. [345, 366].

Из данного заключения автора, на наш взгляд, бесспорно то, что некоторое передвижение причерноморских народов вдоль по-

бережья и образование здесь новых царств в период I в. до н. э. – I в. н. э. были вызваны сложившейся тогда политической ситуацией в Юго-Восточном и Восточном Причерноморье, о которой уже было сказано выше.

Однако же еще в начале I в. н. э., согласно Страбону, этническая ситуация в Колхиде, похоже, остается прежней. С северо-запада на восток Страбон называет уже известных гениохов, у которых «было четыре царя» [299, 211], которым подчинились скептухи и «...великий Питиунт, в триста шестьдесят стадиев, до Диоскуриады», далее, за гениохами, он помещает «керкетов, мосхов, колхов, живущих над ними фтейрофагов, соанов (санов)» [18, 253] и другие мелкие народы у Кавказа [299, 214]. За Диоскуриадой, как говорит Страбон, «...идет остальное побережье Колхиды и смежный с ней Трапезунт» [299, 215]. Из названных здесь народов впервые упоминаются только *соаны* (саны?), что, как увидим ниже, не означает их отсутствия до этого в указанном регионе. Вместе с тем с сожалением приходится говорить о том, что целый ряд важных сообщений Страбона находят разное понимание как у древних авторов, так и у современных исследователей. Это прежде всего касается локализации г. Диоскурии и сванов. Греко-римские авторы называли Диоскурию как один из древних городов Причерноморья и обозначали его также в качестве ориентира. Впервые Диоскурия упоминается в сообщении анонимного автора IV в. до н. э. Псевдо-Скилака Кариандского. В частности, он пишет: «За ними (абхазскими гелонами. – В. К.) народ колхи и город Диоскуриада и Гиен, город эллинский, и Гиен-река, Херобий-река, Хорс-река, Харий-река, Фасис-река и Фасис, город эллинский и вверх по реке 180 стадий плавания до большого варварского города [Эя], откуда была Медея, здесь Рис-река: затем Исис-река, Разбойничья река, Апсар-река» [295, 242].

Вслед за Скилаком о Диоскурии говорит историк III в. до н. э. Тимосфен Родосский. Он утверждает, что «...там (в Диоскурии. – В. К.) собиралось до 300 народов, говоривших на разных языках» [18, 274].

Во II в. н. э. Харакс Пергамский рассказывает о том, что один из кораблей аргонавтов, на котором находились возницы Диоскуров тиндаридов, сбился с пути: «они дали имя гениохам и тиндаритам и *стране Диоскурис*, которая лежит в крайнем углу Понта...

Там же лежит страна тиндаридов» [18, 279, 280]. Современник же Харакса – Никонор Александрийский пишет: «...город Диоскурия у Понта: он называется также Севастополем, прежде же назывался Айа. Жителей его называются диоскурийцами» [420, 213]. Об этом же говорит и Геродиан (II–III в. н. э.): «Севастополь остров в Понте: он же Диоскуриада и раньше Эя» [304, 250, 251]. Их повторяет автор VI в. н. э. Стефан Византийский [61, 189]. Однако данные Страбона и Плиния противоречат этим сообщениям в части соответствия «абхазских» городов Диоскурия и Севастополь. По Страбону Диоскурия отстоит от Питиунта на 360 стадий, что указывает примерно на Скурчу, расположенную на морском берегу вблизи левобережья р. Кодор. Плиний же говорит о Диоскурии и Севастополе, как о разных городах. Он, довольно точно помещая Севастополь на месте современного города Сухум, Диоскурию (уже не существующий в его время город) отодвигает от него на юго-восток на расстояние 30 миль [61, 172], что примерно соответствует морскому берегу между с. Кындых (Киндги) и р. Мыку (Моква). Он здесь помещает Диоскурию на р. Антемунта (?) и говорит, что это уже было пустынной территорией [351, 179].

Вместе с тем, по рассказу Страбона, по-видимому, были известны ему две Диоскурии: одна – на левобережье р. Кодор на расстоянии 360 стадий от Питиунта, другая же – в районе правобережья Фасиса на реке *Харес*. Он пишет: «Возле Диоскуриады течет р. Харес» [299, 217]. Данная река у правобережья Фасиса известна многим древним авторам: *Хариш* [295, 242] или *Ариос* [61, 160] – Псевдо-Скилак; *Харес* [299, 217] – Страбон; *Хариент* [351, 179] или *Хариен* [61, 171] – Плиний; *Хариуста* [304, 251] – Птолемей; *Хариент* [223, 269] – Арриан, и др. Река эта отождествляется акад. С. Джанашия с р. Циви – правым, ближайшим к устью притоком Фасиса [419, 273]. На наш же взгляд, такой рекой может быть и ближайшая к Циви р. Техури, или же правый рукав Фасиса. Такого же мнения и историк Г. Д. Гумба [322, 86, 88].

Древние авторы почти в один голос утверждают, что аргонавты прибыли именно к устью Фасиса, в мифическую столицу Колхиды *Айя*. Последний всеми исследователями отождествляется с г. *Археополис* «Древний город» византийских источников, соответствующий *Цихе-Годжи* грузинских источников и современному *Накалакеви* (*Нокалакеви*) в 17 км к северо-востоку от г. Сенаки, у

левобережья верховья р. Техури [249, 231, 343; 295, 242], а иногда также и с г. Кутаиси [61, 160, 518]. Вместе с тем следует отметить, что во времена Страбона уже давно не было города под названием *Айя*. Страбон говорит лишь о том, что «...и до сих пор еще указывают город “Айю” у реки Фасиса и все верят, что царь *Айэт* царствовал в Колхиде, где имя это до сих пор в употреблении» [420, 56]. В то же время, в этом же регионе, у р. *Харес* Страбон помещает вторую *Диоскурию*, отождествляемую древними авторами с *Айя*. Имея в виду именно этот город, Страбон говорит: «К числу собирающихся в Диоскуриаду, принадлежат и фтейрофаги [вшееды], получившие такое имя от своей нечистоплотности и грязи. Недалеко живут и соаны, нисколько не лучше их в отношении чистоплотности, но превосходящие силой, пожалуй, даже первые (из местных народов) по силе и могуществу. По крайней мере, они господствуют над Диоскуриадой. У них есть царь и совет из трехсот мужей, а войско они набирают, как говорят, даже в двести тысяч, ибо все население отличается воинственностью, хотя бы и не было в строю. Рассказывают еще, что у них потоки сносят золото и что варвары собирают его при помощи просверленных корыт и косматых шкур» [299, 217].

В данном тексте важно не только упоминание Диоскурии, расположенной у р. *Харес*, но и *соанов*, господствовавших над этим городом. Локализация страбоновских сванов уточняется следующими сообщениями Плиния: «Эя в 15 000 шагов от моря на том месте, где в Фасид с разных сторон впадают большие реки Ипп и Кианей... Затем другая река Хариент (Харис. – *В. К.*), народ салти, у древних называвшиеся вшедами, и другой народ – санны; через область сванов с Кавказа течет река Хоб. Далее – Роан, область Кегритика» [351, 179]. В другом месте он пишет: «От Кавказских ворот (Дарьяльский проход. – *В. К.*) в Гурдинских горах живут валлы и сваны (ошибочно – свавы) [352, 194], племена незнакомые с культурой, однако умеющие добывать золото в рудниках. От них до самого Понта живет множество иниохийских и потом ахейских племен» [351, 182]. Как мы видим, сваны проживали высоко в горах именно над Фасианской Колхидой. Территория же, лежащая между ними и морским берегом, была занята «множеством иниохийских и потом ахейских племен». Не учитывая эти важные сведения, ряд исследователей (И. Орбели, Г. Меликишвили

и др.), опираясь лишь на сообщения древних авторов о том, что г. Диоскурия основан на земле гениохов и на слова Страбона «соаны господствуют над Диоскуриадой» утверждают, что гениохи – это сваны. Отсюда и соответствующий вывод – всю Северную Колхиду, в том числе и современную Западную Абхазию до Сочи в древности занимали сваны, что, якобы, это подтверждается и топонимикой названной территории. В действительности, как свидетельствуют древние источники, а также и местная топонимия [421; 93; 94], сваны никогда не имели прямого отношения к указанному региону Причерноморья и, тем более, к гениохам [18, 14, 35–52; 20, 134–137; 24, 184, 188 и др.].

Согласно Плинию, в начале I в. н. э. приморскую часть Колхиды, заключенную между р. Фасис и крепостью Севастополем, занимал, впервые упоминаемый автором, народ *апсилы*, за ними помещаются *санники* и далее «племена *иниохов*, различающиеся многими названиями» [351, 179]. В то же время за апсилами в южной, приморской части Колхиды, в междуречье р. Апсар и Фасис уже проживали ранее не известные здесь гениохи и лазы. Плиний конкретно указывает места их обитания: «В 140 000 ш. от Трапезунта река Абсар с соименною крепостью при устье. В этой местности за горами лежит Иверия, а по берегу живут иниохи, ампревты, лазы, текут реки Акомпсеон, Исид, Могр, Глубокая, потом племена колхов, город Матий, река Ираклий с мысом того же имени и славнейшая из Понтийских рек – Фасид» [351, 178].

Из этого сообщения Плиния следует, что в I в. н. э. современная река Чорох все еще именуется Абсар (Апсар) и слева, при устье реки, существует соименная с нею крепость. Выясняется также, что по берегу моря, на бывшей территории колхов-апсаров между реками Апсар (Чорох) и Кинтриш или Супсой (Могр), проживали *гениохи*, *ампревты* и *лазы*. Колхи же упоминаются отдельно от них и помещаются рядом с ними в пределах, примерно, между р. Могром (Супсой) и Фасисом (Риони), что соответствует в основном современной территории Гурии. Данное обстоятельство указывает на то, что коренные *колхи*, они же *апсары*, *фасианы*, *апсилы*, *егри* (об этом см. выше) были отеснены к берегам Фасиса и далее на север. Возможно, это явилось результатом подавления их антимитридатского восстания в 83 г. до н. э. Освобожденная от колхов территория, примерно соот-

ветствующая пределам современной Аджарии, заселяется уже названными *гениохами*, *ампревтами* (они же амфитаи [61, 171]) и *лазами*.

§ 3. Царство махелонов и гениохов

В конце I тыс. до н. э. в Юго-Восточном Причерноморье, в среде традиционно проживавших здесь этнических сообществ появляются новые поселенцы, *гениохи* или *санны гениохи*. В этом районе впервые их находит Плиний Секунд (I в. н. э.). В частности он пишет: «...За ним (т. е. г. Трапезунтом. – В. К.) живут племя арменохаливов и лежит Великая Армения на расстоянии 30 000 шагов. Не доходя Трапезунта по берегу река Пиксит, а за ним племя Саннов Иниохов» [351, 178]. Вместе с тем о *саннах-иниохах* умалчивают Страбон (63 г. до н. э. – 23 г. н. э.) и Помпоний Мела (15–60 г. н. э.). Похоже, что при описании народов Юго-Восточного и Восточного Причерноморья указанные авторы пользовались, в отличие от Плиния, данными своих предшественников.

Согласно Плинию, *иниохи* (*гениохи*) проживали также на побережье Черного моря в районе впадения в него р. Абсар (Чорох) и далее, основной своей массой («множество иниохийских племен»), – за рекой Фазис [351, 178, 182]. Спустя чуть более 50 лет после Плиния, древнегреческий историк, известный римский чиновник, правитель Каппадокии – Флавий Арриан говорит о *Царстве махелонов и гениохов*, располагавшемся в Юго-Восточном Причерноморье [223, 270]. Представляют значительный интерес также и другие сведения автора, касающиеся населения этого региона. Так, Флавий Арриан, проплывая в 131 (?) г. вдоль Юго-Восточного и Восточного берегов Черного моря, отмечает: «...с трапезунтцами, как говорит и Ксенофонт, граничат колхи. Тот народ, который, по его словам, отличается наибольшей воинственностью и непримиримой враждой к трапезунтцам, он называет дрилами, а по моему мнению, это – санны: они и до сих пор очень воинственны, непримиримые враги трапезунтцев и живут в укрепленных местечках: народ этот не имеет царей и с давнего времени обязаны платить дань римлянам, но, благодаря разбойничеству, они платят взносы неаккуратно; впрочем, теперь, бог даст, они будут

аккуратно, или мы выгоним их из страны. Рядом с ними живут *макроны* (в рукописи *махелоны*. – В. К.) и *гениохи*: у них царь *Анхиал*. С махелонами и гениохами граничат *зидриты*, они подвластны Фарсману» [223, 270].

Из вышеприведенных важных и взаимодополняющих сообщений Плиния Секунда (I в. н. э.) и Флавия Арриана (первая половина II в. н. э.) следует, что к I в. н. э. в Юго-Восточном Причерноморье появляется сообщество *саннов гениохов* и созданное ими *Царство махелонов и гениохов*.

Совместное употребление Плинием этнонимов «санны гениохи», похоже, не указывает на два народа – санов и гениохов, а обозначает, как это было отмечено Кисслингом, саннов из рода гениохов, т. е. гениохское племя саннов [350, 269] в отличие местных саннов (чанов, занов). Судя по Арриану, этноним *санны* или *санники* во II в. н. э. уже покрывает издавна известный на Восточном Причерноморье этноним *гениохи*.

Этнополитические изменения, произошедшие в Юго-Восточном и Восточном Причерноморье в самом конце I тыс. до н. э. и в начале I в. н. э., как уже было отмечено, представляются прежде всего результатом понтийско-римских войн.

В этом противостоянии на стороне понтийского царя Митридата VI Эвпатора оказалось подавляющее большинство этнических сообществ Юго-Восточного, Восточного и Северного Причерноморья. Одним из наиболее могущественных народов этого региона являлись гениохи (о них см. гл. VII). Похоже, что Митридат, с целью упрочения своего положения в Юго-Восточном Причерноморье, переселил сюда часть преданных ему воинственных гениохов из Восточного Причерноморья (терр. современной Абхазии). Несомненно, гениохи принимали активное участие в военных действиях в составе войск Митридата против Рима, о чем свидетельствуют слова римского полководца Гнея Помпея: «... Меня узнал покоренный араб, узнали воинственные инииохи и известные похищением руна колхи» [351, 147].

Также не случайно, что после своего поражения Митридат, убегая от преследования Помпея, на пути в Северное Причерноморье зимовал в 66 г. до н. э. в Диоскуриаде, в окружении гениохов [18, 271; 351, 118] и далее мирно проходил через всю исконную их территорию, разделенную, согласно Страбону, на

четыре царства [299, 214]. Поэтому вряд ли от этих «абхазских» гениохов отделимы южные гениохи. Последние, вопреки мнению Г. А. Меликишвили [249, 227], не могут иметь отношение к потомкам иганиехов побережья Чалдырского озера, упоминаемых в урартских источниках VIII в. до н. э., которые, якобы, являлись заподногрузинским племенем и создателями Царства махелонов и гениохов [235, 114, 213, 240]. Вызывает немало вопросов и этноним *махелоны*, присутствующий в названии царства – «Царство махелонов и гениохов». Ряд исследователей рассматривают его в качестве варианта названия «макроны», носители которого, согласно Ксенофону и другим последующим авторам, издавна проживали в горах Юго-Восточного Причерноморья юго-западнее Трапезунта, рядом с тибаренами. Народ с именем «макроны» (махороны) здесь, в последний раз, находит автор I в. н. э. Плиний, в частности, он пишет: «[За рекой Фермодонта живут] племена кепов, халивов (халибов. – В. К.), лежит город Котиор, далее тиварины (тибарены. – В. К.), массивы с татуированными телами, племя длинноголовых, город Керасунт, порт Кордула, племена бехиры, буксеры, река Черная, племена *махоронов* и *сидонов*, река Сидень, омывающая город Полемоний в 120 000 шагов от Амиса» [351, 178]. Как видно, вышеочерченная территория проживания макронов в значительной степени отделена от территории Царства махелонов и гениохов, которое охватывало морское побережье в районе совр. Ризы и Атины [249, 331]. Вместе с тем похоже, что в рассматриваемый период этноним «макроны» уже приходит в забвение. Поэтому Страбон, Помпоний Мела и Флавий Арриан не знают современных им макронов. Страбон гоарит лишь о том, что санны (чаны) прежде именовались макронами [18, 265], а римский чиновник Арриан утверждает, что санны – бывшие дрилы. Все это, как представляется, ставит под сомнение тождество арриановских махелонов и бывших макронов.

Махелоны также отождествляются и с гелонами [350, 270, 271].

На наш взгляд, при определении этнического лица махелонов прежде всего следует исходить из того, что махелоны и гениохи представляли в Юго-Восточном Причерноморье одно общее царство, что предполагает их этническую близость. Чуть позже они сливаются и выступают под именем «*гениохи*». Поэтому уже во времена правления Марка Аврелия (во второй половине II в. н. э.)

упоминаются только гениохи и рассказывается о царе гениохов, ставшем жертвой преследования армянского сатрапа Тиридата [350, 270].

Следует также учесть, что интересующий нас этноним *махелон* представляет греческую форму, состоит он из этнонимной основы *махел* и греческого окончания *он* (срав. Псар > Псар-он, дараан > дараан-он, макр > макр-он и т. д.). На наш взгляд, указанная этнонимная основа *махел* в стяженной форме сохраняется в имени известного абхазского, привилегированного в прошлом, сообщества *Мхелов* // *Мхилов* // *Мкелов* (ныне пишется: абхаз. *Мкъалба* // *Мкъелба*, на рус. *Мкелба*, у грузин *Микел(а)дзе*, букв. «Мкелов»). С ними связаны названия ряда исторических сел в Абхазии: с. *Амхел* (*Амхиал*) вблизи города Сухум (в Гулрипшском р-не) [8, 422; 418, 30, 39]; *Мхил-рыти* // *Мкел-рыти* – село у левобережья р. Псоу (Гагрский р-н) – букв. «край Мхиалов (Мкелов)» [93, 186]; *Мкел-рхуа* – поселок и гора в селе Хуап, а также гора в селе Гарп (Гудаутский р-н) – букв. «плато Мкелов» [93, 271, 277]. Существуют также и такие топонимы, как: *Мкиалаа рыдгьыл* – букв. «земля Мкиалов», *Мкиалаа рдзих* (Мкъалаа рзыхъ), букв. «родник Мкиалов» – в селе Аацы (Гудаутский р-н) [93, 220, 321], *Мхиал итуарта* (*Мхьал итэарта*) – в селе Анхуа, букв. «стоянка Мхиала» (Гудаутский р-н) [93, 228], *Мхиал-пха лыпста* (*Мхьал-пха лыпста*), букв. «ущелье (женщины) из рода Мхиал» (в горах Сухумского р-на – гора *Акуадыр зку*) [93, 160]. Как видно, все перечисленные топонимы, связанные с *мхелами* // *мкелами*, локализуются строго в предгорной зоне исторической родины гениохов, что дает дополнительное основание видеть в царстве махелонов и гениохов два гениоховских клана: *саннов гениохов* и *махелонов гениохов*.

С этнонимной основой *махьел* > *мхел* > *мхиал*, похоже, увязывается упоминаемое Аррианом имя царя махелонов и гениохов *Анхиал*, возможно идентичное с уже названным абхазским этнонимом *Амхел* // *Амхиал*.

В связи с гениохами обращает на себя внимание и этноним *анчил*. Как отмечает Кисслинг, от малоазийских гениохов находилось в зависимости некое сообщество *анчилы* [Anchialos], которое также имело своего царя [350, 270]. По своему окончанию «ил», данный этноним роднится с такими названиями народов, как: *дрил* – из этнонимной основы *дир* // *дыр*, отчего название реки

Дир + *анс*, букв. «река Диров»; *шашил* – из основы *шаи*; *ансил* – из *анса*, *ансар* «абхазы» и т. д. (см. выше). Исходя из этого, в названии *анчил* выделяется этнонимная основа *анч*, сохраняющаяся в качестве родового имени древнеабхазских князей – родоначальников династии абхазских царей *Ач(ы)*, во мн. ч. *Ачаа*, они же *Анч(ы)* – *Анчаа*, букв. «Ачовы» // «Анчовы», отсюда абхазская фамилия в форме ед. ч. *Ачба* // *Анчба*, букв. «Ачов» // «Анчов», у абазин и адыгов *Анчок* // *Анчокуа*, т. е. «Анчов» [425, 263; 204, 123], у грузин в Средневековье – от абхазского *Анча* – *Анчадзе* // *Анчитидзе* // *Анчибадзе*, совр. *Анчабадзе*, букв. «Анчапов» // «Анчабов» [366, 320].

Форма же *анч-ил*, как нам представляется, восходит к *хеттскому* обозначению древнего сообщества *Ачов* или *Анчов*, на что указывает окончание «*ил*», соответствующее хеттскому суффиксу происхождения [24, 220] (см. также гл. VI, VII). Вместе с тем похоже, что имени *анчил* в греческом соответствует форма *анхил*, практически идентичная с *Анхиал* – именем царя махелонов и генихов.

Согласно Арриану, дворец Анхиала находился у реки Пританис – она же *Порданис* (совр. р. Фуртуна) [223, 267]. Последняя форма, т. е. *Порданис*, выше нами сопоставляется с именем известного абхазо-убыхского сообщества *Вардан*. Гидроним «Порданис» упоминается и в качестве имени царя. Кисслинг говорит, что Арриан в заметках путешественника также сообщает об общем царе махелонов и генихов *Портанис* или *Порданис* [350, 272].

Наконец, в связи с *махелонами*, представляет значительный интерес одна из пояснительных надписей шаханшахов Ирана о том, что страна *Махелония*, она же *Сикана* [442, 47–59]. Последняя, похоже, из этнонима *зиги*, срав. топонимы этого же региона – *Зигана*, *Зигополь*.

Выше (см. гл. VII) мы пришли к выводу, что во второй половине I тыс. до. н. э., как и ранее, Юго-Восточное Причерноморье, в том числе его горные области, занимали в основном абхазо-адыгские и чанские племена, о чем свидетельствуют этнонимия и топонимия данной территории указанного периода.

Среди абхазо-адыгских сообществ выделялись *апсы* (*ансары*), известные как *колхи* и, похоже родственное им племя *хоу* – имя которого переведено на греческий язык, как *макрокефалы*

«длинноголовые» – из абхазского *x + ou*, букв. «длинноголовый». Представляется, что с апсарами находились в родстве *безиры* и *зидриты*. Здесь же были представлены воинственные убыхские сообщества *таохи*, *пёхи*, и, по-видимому, абхазо-убыхский клан *Вардан* (абхаз. *Վարდან*).

Как выше было сказано, в трудные времена эти этнические сообщества не раз подпитывались сородичами с Восточного и Северо-Западного Причерноморья.

В конце I тыс. до. н. э. для населения Юго-Восточного и Восточного Причерноморья складывается очередная тревожная ситуация, связанная, на этот раз, с усилением Армении, образованием Понтийского царства и противостоянием Понта и Рима. Именно в этот период здесь появляются представители отдельных кланов этнических сообществ Северо-Западного Причерноморья, в частности, *саннов*, *гениохов*, *махилов* (махелонов), *анчилов*, *варданав*, *лазов* (*лауазов*) и других. Как уже было сказано, с II–I вв. до н. э. этому намеренно способствовал [350, 265] и понтийский царь Митридат VI Евпатор [350, 265]. Переселенцы объединяют под свое начало родственные им местные этнические сообщества в отдельные царства. По этому поводу Г. А. Меликишвили пишет: «...почти на всем протяжении прибрежной полосы Юго-Восточного и Восточного Причерноморья появляются новые племена, проникшие сюда частично из северных горных областей Колхиды и Северного Кавказа, частично же из горных областей Юго-Восточного Причерноморья. Они и захватывают постепенно гегемонию в Юго-Восточном и Восточном Причерноморье, на территории исторической Колхиды. Слившись с древним земледельческим населением прибрежной полосы, весьма близко стоявшим в ряде случаев этнически к ним, они становятся во главе новых крупных политических образований: «царства» махелонов и гениохов, лазов, апсилов, абазгов и санигов» [235, 366].

Из сообщения Арриана известно, что новые причерноморские царства, за исключением Царства махелонов и гениохов, в начале II в. н. э. уже были подчинены римлянам. Вместе с тем Арриан умалчивает об отношениях Царства махелонов и гениохов с Римом и другими государствами, что, похоже, указывает на независимое существование этого царства.

Во второй половине II в. н. э. это царство именуется уже гениохским, а гениохский царь, как уже было сказано, погибает в сражении с армией армянского царя Тиридата II. Дальнейшая судьба Царства гениохов и гениохских кланов Юго-Восточного Причерноморья неизвестно. По мнению Кисслинга, гениохи двинулись от реки [Furtuna] (т. е. Порданис), по крайней мере в V в., дальше на восток до реки Архабис [Archabis] (т. е. [Archawe]) [350, 272]. На наш же взгляд, они в основном уже являлись частью населения царства лазов.

§ 4. Абхазо-абазинские ладзы (лоадзы) и Лазское царство

Лазы, как уже отмечено, впервые упоминаются в I в. н. э. Плинием у правобережья р. Апсар (совр. р. Чорох).

В тридцатые годы II в. н. э. римский чиновник Арриан, проплывая вдоль Черноморского побережья, уже говорит о царстве лазов. В частности он пишет: «С макрономи и гениохами граничат зидриты, они подвластны Фарсману. Рядом с зидритами – лазы; царем у лазов Маласс, получивший свою власть от тебя. За лазами следуют апсилы... От Ахеунта сто пятьдесят стадиев до Гераклова мыса; отсюда сто восемьдесят до мыса, где есть защита от ветров фраския и борея. Отсюда сто двадцать стадиев до так называемой Старой Лазики; отсюда сто пятьдесят стадиев до Старой Ахеи...» [223, 270, 271–272].

Этническая принадлежность и первородина неизвестных до I в. н. э. в Колхиде лазов Плиния до сих пор все еще остаются спорными. По этому поводу существуют различные теории – отсюда и различное понимание древней истории причерноморских народов. По мнению Г. А. Меликишвили, *лазы* являлись чанским племенем, их предки проживали в древности (в IX–VIII вв. до н. э.) в урартской области *Луша*, отсюда, якобы, и этноним «*лазы*». Далее он говорит, что племена Луша, продвинувшись к Черноморскому побережью Колхиды, явились этнической основой будущих *лазов*. Затем, под натиском этих лазов, древнее население центральной Колхиды – *эгры* были оттеснены во внутренние области Западной Грузии. Далее происходит слияние *лазов* с почти однородными с ними «*эграми*» (мегрелами) – «древнейшим» населением

центральной Колхиды [345, 366, 374; 24, 199]. В другом месте Г. Меликишвили уже пишет о том, что *лазы* являются древнейшими обитателями Западной Грузии, прямыми потомками колхов, принадлежащими к мегрело-чанской ветви грузинских племен [300, 66–69, 210, 212, 374].

Ряд других исследователей, в основном грузинских (С. Каухчишвили, П. Ингороква, М. Инадзе, М. Кисслинг и др.), а также и некоторые путешественники (А. Ламберти и др.), исходя лишь из соответствия территории Мингрелии в основном с территорией исторической Лазики, а последней, – с пределами Колхиды, мегрелов же отождествляют с *лазами*, *эграми* и *колхами*. Они же, на основании сообщения Арриана (II в. н. э.) о «Старой Лазике» (совр. Нечепсухо), считают лазов выходцами из Северного Причерноморья. Более того, они же, представляя лазов как чанское племя, уже без всяких оснований, все этнические сообщества, помещаемые древними авторами на Черноморском берегу от Синопа до Крыма, объявляют картвельскими. Несостоятельность данной версии очевидна, что и отмечено многими исследователями.

Существует также мнение о том, что *лазы* родом из *абхазо-колхов*. Впервые к такому заключению приходит Д. Гулиа. Он пишет «...абхазы и их предки гениохи (иниохи) суть колхи... Колхи, которые позже именовались и гениохами, являлись оборигенами восточного берега Черного моря. Наконец, один народ из этого племени, т. е. колхов, лазы, с помощью греков получают первенство на восточном берегу Черного моря и страна Колхида начинает называться Лазикой, – затем это господство переходит к абас-гам (абхазам) и страна, бывшая Колхида, в последствии – Лазика, начинает называться Абхазией, а позднее... – Имеретией» [18, 9, 51].

Абхазский историк Р. А. Хонелия указывает на собирательный смысл этнонима «лаз» [596, 10].

В действительности, откуда родом *лазы*, какая из вышеназванных версий ближе к истине? Прежде чем начать рассуждения на эту тему, необходимо, на наш взгляд, подчеркнуть:

1) несостоятельность отождествления Г. Меликишвили далеко несозвучных и состоящих из разных основ названий *лаз* и *Луша*;

2) чанские (мегрело-чанские) племена, отсутствовавшие на протяжении всего I го тыс. до н. э. на Восточном Причерноморье,

не могут быть потомками колхов (об этом см. выше) и тем более других этнических сообществ Северо-Западного Кавказа;

3) упоминание Аррианом лазов на юге, наряду с названием территории «Старая Лазика» на Северо-западном Причерноморье, занятой издревле абхазо-адыгскими этническими сообществами, никак не указывает на чанское происхождения лазов, а наоборот, похоже – их увязывает с абхазо-адыгами.

В связи с пунктом «*Старая Лазика*» и этнонимом *лазы* Ш. Инал-ипа пишет: «...кроме пункта “Старая Лазика”, локализуемого северо-западнее современной Абхазии, обращают на себя внимание и некоторые факты антропонимии того периода. Так, в то время, как термин “лаз” чужд для восточно-грузинской среды (в грузинских источниках Лазика носит название Эгриси), в Абхазии этот этноним (абхаз. *алаз*, *алазқәа*) имел, как видно, широкое распространение; известен он и в качестве мужского личного имени (*Лаз*) и одной бзыбской крестьянской фамилии (*Лазба*). Среди тех же северо-западных абхазов встречается по сей день и фамильное имя *Губаз*. Такое имя, как известно, носили лазские цари, среди которых известны и другие имена подобного облика: *Замназ*, *Дамназ* (срав. с абхаз. именами *Шьабаз*, *Чамаз*, *Сасангаз* и мн. др.). В этих абхазских именах “з” является специфическим свистяще-шипящим звуком, сохранившимся только в бзыбском диалекте, который не встречается в звуковом составе заимствованных слов. Следовательно, *Губаз*, как и другие фамильные названия с подобным же оформлением (*Чуаз*, *Чалмаз*, *Тхуаз* и пр.), являются местным абхазским антропонимом, а не заимствованным из какой-либо другой языковой среды... При этом важно, что этноним *лаз* является не только названием, но и самоназванием *лазов*» [365, 324, 325].

На наш взгляд, проблема происхождения лазов гораздо проще, чем до сих пор эта представляется.

Прежде всего, мы, как и уже названные авторы, исходим из поистине ключевого сообщения Арриана о местности «Старая Лазика», отождествляемой с поселением у р. Нечепсухо, где, по мнению некоторых авторов, располагался и античный город Никопсия [96, 162]. В этом районе Черноморского побережья, южнее р. Нечепсухо существует издавна известное поселение и река под названием *Лоо* // *Лоу*, восходящие к этнониму *Лау* – родовому

имени ветви древнего абхазо-абазинского многочисленного и влиятельного княжеского рода – абхаз. *Ачы* (совр. Ачба), абаз. *Ашы* (Ашба, Ашев). Они же считаются родоначальниками династии абхазских царей [146, 250, 251; 96, 140]. С их родовым именем связаны и название местности и крупной реки *Аше* к югу от Туапсе [96, 73].

Согласно средневековым источникам, на Северо-Западном Причерноморье наибольшим влиянием пользовались абхазо-абазинские сообщества *Аше*, *Шаше* и *Лау*. Последние, т. е. *Лау*, еще в период Абхазского царства, как пишет арабский ученый ал-Идриси, являлись князьями Матрахи (Тмутаракань), расположенной на Таманском полуострове [49, 152].

Похоже, что с Лоуами связано и название одной из столиц Абхазского княжества – *Лыхны*, в прошлом фиксирующееся в источниках и как Лоухин – похоже, из абхазского *Лоу* + *хан* «дворец Лоуовых» [94, 205, 206].

Родовое имя *Лоу* // *Лау* имеет следующие формы множественного числа: в абхаз. *Лау-аа* или *Лауар* (срав. апсуа – апсар «абхазы»), у абаз. *Лау-раа* [42, 114] или *Лоуа-дз*, у садзов – *Ладз* (*Лаз*).

Все эти формы встречаются и в различных источниках. Представляет значительный интерес, что абазинские общества, некогда проживавшие на Черноморском берегу Северо-Западного Кавказа и далее на север, в конце XVIII в. фиксируются под общим именем *лоадза* над территорией современной Абхазии в бассейне верховья р. Кубань [422, К–13; 39, 40, К–6]. Ш. Д. Инал-ипа также называет в качестве одного из абхазских родоплеменных названий *Лоу*, *Лоуаа* – *Лоуадз* (*Лоуаз*) [73, 94, 95].

Это же имя родового сообщества, в форме *Лауаз*, отмечено как название поселения вблизи Гагры на картах П. Весконтэ (1318 г.) и Г. Солери (1385 г.) [61, 830]. Садзская форма мн. ч. имени *Лау* – *Ладз* (*Лаз*) – усеченное как *Лдз* (*Лз*), *Лыдз* (*Лыз*) сохраняется в названии известного крупного села у г. Пицунда – *Лдзаа* (*Лзаа*), фиксирующегося и как *Лыдзаа* – из абхаз. *Ладз-аа*, букв. «Ладзовы», т. е. «Лоуовы». О селе *Лдзаа* (абхаз. *Лзаа*) и жившем в нем благородном и бывалом роде (*Лаз*) (*из Лаудз*) или *Лыдза* (абхаз. *Лыз-аа* букв. «Лыззовы») упоминается и в абхазском Нартском эпосе [424, 71–72]. С ними также связано название известного Пицундского храма (X в.) *Лдзаа-ных* (*Лзаа-ных*), букв. «святыня

(села) Лдзаа (Ладзаа)», возможно и «святыня Ладзов», т. е. «святыня Лауовых» [94, 204, 205]. Наконец, как справедливо отмечено Ш. Инал-ипа, этнонимная форма *лаз* издавна бытует у абхазов и в качестве личного имени – *Лаз*, а также и фамильной основы *Лазба*, срав. груз. *Лаз-и-швили*, букв. «Лазов».

Таким образом, представляется довольно очевидным тождество имени известного абхазо-абазинского (садзского) общества *лаз* (абхаз. *лауаз* // *лаз* // *лыз*) и имени народа *лаз(ы)*, упоминаемого впервые Плинием (I в. н. э.) у правобережья р. Апсар (сов. Чорох). И это тождество лишний раз подтверждается также названием данной территории *Лоар*, указанной на карте Фредуче (1497 г.), [423, 14], что, как уже было сказано, представляет абхазскую форму мн. ч. имени древнего абхазо-абазинского могучего сообщества *Лау*.

Первоначальная родина *лазов* (т. е. лауов) – *Старая Лазика* – находилась на территории Ахеи. Старая же Ахея, по данным Артемидора, занимала часть Черноморского побережья на протяжении 550 стадий, примерно между современными Сочи и Туапсе. В этой связи Кисслинг пишет: «...Название [лазы. – В. К.] не может быть отделено от этноса ахейцев, так как город [Lazos – В. К.] в какое-то время был основан и заселен людьми этого племени, и даже был столицей ахайев» [350, 261].

Согласно Аппиану, ахейцы и гениохи являлись надежными союзниками Митридата VI. Поэтому нужно полагать, что не без поддержки Митридата в его время ахейцы продвинулись на северо-запад и заняли часть территории ненавистных им керкетов в районе населенных пунктов совр. *Буланная* или соседнем *Губа* [350, 263]. В то же время часть ахейских *лазов* (*лауов*) и часть гениохов оказываются на бывшей территории восставших против Митридата колхов, т. е. в пределах современной Аджарии. Во время Плиния с ними с запада граничили *колхи*, которых вскоре уже Арриан именует *апсилами*. К северу от Фасиды над апсилами проживали *санны* и *салты*, а верховьях рек Хоб и Рион – *сваны* [351, 179]. Вскоре в приморском районе Колхиды происходит быстротечная, безболезненная консолидация *саннов*, *колхов* (они же апсилы, апсары, егры), *лазов* и *гениохов*, что прежде всего указывает на их этническое родство, о чем говорит и Г. Меликишвили [235, 366]. В начале II в. н. э. вышеназванные этнические сообще-

ства под эгидой абхазо-абазинских лазов (они же – *лауар* и *лау*) создают этнополитическое объединение, получившее название «Лазское царство» [249, 335]. Затем, по имени этого царства, все его население, в том числе и чанское, начинают именовать лазами, точно так же, как в обширном Абхазском царстве все его разнородное население именовалось абхазами (обезами, абазгами).

Однако похоже, что объединившиеся этнические сообщества Колхиды, согласно Птолемею (не позже 168 г.), вначале назывались и *санноколхами* фиксирующееся ошибочно как *сваноколхи*. Это подтверждается сообщениями самого Птолемея и других авторов. Так, Птолемей отдельно говорит о горских и приморских обществах. Вдоль Понта он помещает: ахеев, керкетов, гениохов, а за ними сванноколхов, т. е. санноколхов [304, 249]. Из этого сообщения видно, что санноколхи, в отличие от сванов-горцев, находятся в приморской части Колхиды. В другом месте Птолемей сванноколхов, т. е. санноколхов, уже именует *лазами*, в частности, он пишет: «Приморскую часть Колхиды населяют лазы, вышележащие местности – манралы и народы, живущие в стране Экрек-тике» [304, 251]. Как видим, и здесь вовсе не упоминаются сваны. Они, как уже было сказано, довольно четко локализируются Страбоном и Плинием вдали от моря – в горах, в верховьях рек Хоб и Рион. К тому же в составе Лазского царства они оказались лишь в конце IV в. [249, 339]. Поэтому под именем санноколхи или сванноколхи Птолемея следует видеть абхазо-абазинские сообщества – апсилов, санов, колхов, лазов, гениохов Плиния, которые известны Птолемею и под именем лазы.

Язык лазов и их царей, похоже, еще в первой половине IV в. оставался непонятным для многих чанов, т. е. эгров (мегрелов), проживавших в северо-восточных районах Лазики. По мнению историка Г. Гумба, свидетельством этому может быть древнеармянский источник, повествующий о прибытии в Лазику в первой половине IV в. Агатангелоса – секретаря армянского царя Трдата III (287–330). Согласно этому рукописному источнику, *эгр*, сопровождавший в качестве переводчика Агатангелоса, не смог понять (перевести) речь эгрского (т. е. лазского) царя [463].

В этой связи представляют значительный интерес слова известного кавказоведа С. Хотко о том, что «лазская верхушка вела свое происхождение от зихских (керкетских) аристократов, и это

обстоятельство обеспечило Лазике надежных союзников в лице зихов» [480, 70]. Как отмечает Ш. Д. Инал-ипа, английский путешественник и ученый Э. Спенсер, побывавший в Абхазии в первой половине XIX в., называя абхазов черкесами, писал: «Известно, что мегрельские крестьяне не говорят на черкесском (читай: абхазском. – Ш. И.) диалекте, которым пользуются лишь князья и дворяне, претендующие на общее происхождение с... черкесами... Достоверность этого факта была подтверждена русскими офицерами... которые охарактеризовали знать Мегрелии... как расу, резко отличающуюся от зависимых сословий...» [483, 317–318; 365, 571].

Нужно полагать, часть лазов (т. е. лауов), переселившихся из района Старая Лазика в Колхиду, состояла из отдельных родовых обществ. Судя же по царскому имени *Губаз*, цари избирались из *лауов* рода *Губаа* или *Губаз*, т. е. «Губовы» (срав. *Лау* > *Лаз* и *Губаа* > *Губаз*). С последними, похоже, связано поселение *Губаа*, находившееся примерно в 50 км к западу от Туапсе [350, 263], и название верховья р. Мзымта – *Губаа*, где ныне известная местность «Красная поляна», называемая абхазами *Губаады* (*Губаадды*), букв. «Губааское поле (равнина)», т. е. «поле или равнина (области) Губаа» [340, 17]. Акад. Н. Я. Марр также видел в имени *Губаз* (в грузинской летописи – *Губадзе*) абхазское родовое имя *Губа* [12, 57]. По этому поводу Г. В. Цулая пишет: «С вычетом сомнительных этимологий, например *гу-ба* (сын сердца), думаю, что основная мысль Н. Я. Марра об исторической преемственности указанной абхазской фамилии заслуживает доверия. Перед нами – сохранившиеся в антропонимике современных абхазов отголоски той эпохи, когда Абхазия находилась в орбите Лазского царства, исторической преемнице которого она впоследствии и стала» [513, 122].

Ш. Д. Инал-ипа также обращает внимание на схожесть имен лазских и абхазских царей и на происхождение царской родовой имени *Губаз*. В частности, он пишет: «Идентичность имен апсильского и лазского правителей – *Онсум*, думается, должно явиться предметом отдельного специального рассмотрения в системе абхазо-лазской ономастики: *Лаз* (срав. старо-абхазские мужское и фамильное имена *Лаз*, *Лаз-ба*), *Маласс* // *Маласса*, *Губаз*, *Дамназ* (*Замназ*), *Цата* (*Цате*), *Онсум* и др.

Если же говорить о собственно лазской династии, то среди ее местных правителей наиболее известны несколько царей: *Губаз I (Цата, Цатий)*, *Губаз II* и *Цата // Цате* – младший брат *Губаза II*, также возможно носивший второе (родовое?) имя *Губаз*. Происхождение, т. е. этническая принадлежность этой династии, все еще остается невыясненной, так же, как и происхождение этнонима “лаз” с одинаковым оформлением антропонима *Губаз*» [365, 522]. В этом контексте можно говорить и о других известных именах лазских царей, представляющих абхазо-адыгский языковой облик, как *Замнак-с*, *Барнук*, где, возможно, в окончание *к*, *ку* (*ку-а*) «сын».

Представляют значительный интерес и материалы топонимики. В Южной Колхиде, на границе Гурии и Абхазии, протекает р. *Губазеули*, впадающая слева в р. Супса ниже Чохатаури [К–4]. Верховье реки *Губазеули* именуется *Ханис цкали*, букв. с груз. «Река Хана» или «Ханская река», где *хан* на тюрк. и абхаз. «правитель, хан», название же *Губазеули* – букв. «Губазская», «(река) Губаза (или Губазов)». На этническую принадлежность *Губазов*, и в целом *лазов* того периода, указывает, на наш взгляд, и нахождение вблизи «ханской реки» или «реки царского рода Губазов» территории под названием *Басил-ети*, букв. «Область Басилов». Этноним *басил*, как уже было сказано, представляет собой одну из форм названия древнеабхазского сообщества *а-нсил* (самоназвание *апса*, *апсар*, *апсуа*), известное и как *колхи*. Этот же этноним, озвонченно как *Базил*, сохраняется в названии района *Базил-ети // Базал-ети* – «область Басилов», расположенной справа от р. Чхери мела [308]. Вблизи Басилети и местность *Лаше* [308; 310], похоже, из абхазского *Лаша* – «светлый», «светящийся». Выше говорили и о названии области – *Гурия*, увязывающемся с абхаз. *а-гура* «центр», «центральная часть чего-либо». Похоже, что и наименование главного города этой области – *Озургети* или *Озругети* [281, 54] восходит к абхазо-абазинскому *Уазркыт // Озркыт* или же к форме *Азыркыт*. В первом варианте, в препозиции, может быть имя древнего абхазо-абазинского сообщества – абхаз. *Уаз-аа*, «Уазовы» (пишется *Уазба*, *Возба*), абаз. *Уаз*, *Оз*, во мн. ч. – *Озраа* (пишется *Озов*), срав. *Озраа* с названием *Озраха* урартских источников, а также *уазаа* с *аваза* или *абаза* древних авторов. С *уазами* связано и название известной древней

крепости в Абхазии *Уаз-абаа*, букв. «Крепость Уазов». Однако в препозиции исторического *Озругети* можем иметь чанскую форму передачи шапсугского обозначения абхазов *аз* во мн. ч. – *азра* [428, 447; 429, 53]. Последнее, по-видимому, и является основой аджарского топонима *Азра-ти* «Место Азров» [281, 94]. Отсюда *Оз-р-кыт(а)* или *Аз-р-кыт(а)*, букв. «село (поселение, район) Уазов // Озов или же Азов», где *Уаз* // *Озодовое* имя, или же *аз* – этноним в значении «абхазы», *р* – притяжательное местоимение 3-го л. мн. ч. «их», и *кыт-(а)* «селение район, область», срав. название абхазо-абазинских сел: *Ачааркыт(а)* – «село Ачбовых», *Бибаркыт* – «село Бибовых», *Ашвыркыт* – «село Ашуевых», *Ешкыт* – «село Ешбовых», *Абазакыт* «село абазин» и т. д. Неслучайно, что вблизи *Озругети* и местность *Ацана*, соответствующее имени абхазо-садзского княжеского рода *Ацан-аа* или *Цан-аа* (пишется Ацанба), а также *Цанда-ури* – «Цандовы» в районе Хихадзири [281, 103], срав. в Абхазии *Цанд-рыпи*, букв. «Край Цандов».

В этом же регионе в нескольких местах представлен этнотопоним *Абашиа*, восходящий к фиксирующемуся в различных источниках этнониму *абасса* «абхазы» – отсюда *Абассия* или *Абаския* «Абхазия» [61, 267, 268, 277, 298, 335; 423, 62, 63]. В частности, существует село *Абашиа* между р. Супса и Риони, выше города Чохатаури [308]; *Земо Абашиа*, т. е. Верхняя Абашиа – выше с. Абашиа, восточнее Саджавахо [К–6]; р. *Абашиа* – правый приток р. Риони; города *Абашиа* и *Старая Абашиа* – слева от р. Абашиа. В этом же регионе, в междуречье рек Циви и Техури, впадающих справа в Риони, расположены известный город *Сенаки* и местность *Старый Сенаки*. Вблизи их пределов ученые помещают г. *Айя* «Аргонавтики», *Археонполис* – «Древний город» византийских источников и *Цихе-Годжа* грузинских источников [249, 343]. Само же название «*Сенаки*» представляется искаженной формой имени одной из ветвей абхазо-абазинского этноса – *санны* или *саники* // *саниги*. Именно в этом районе Плиний и помещает *саннов*. Следы *саннов* сохраняются и на территории Аджарии: *Саниагверди* «Сторона *саннов*» – в Горджомском р-не [281, 117]; *Саницкали* – «река *Санов*» – в р-не Кирнати [281, 135]; *Санигеле* «речка *санов*» – в р-не Мериси [281, 62]; *Санихеви* «ложбина *санов*» – в р-не Сирти [281, 59].

Есть основания полагать, что в начале I в. н. э. вместе с абхазо-абазинскими *лазами* (Лауазами) к своим Колхидским сородичам

переселились и другие кланы. Думается, на это указывает, например, название реки и местности *Бата* (*Бату-с*), упоминаемое Плинием в районе территории совр. города Батуми, что увязывается с названием деревни и гавани *Бата* Птолемея [304, 245]. Последние локализуются в районе Новороссийска вблизи вышеназванных поселений *Губа* и *Ахея* [350, 263; 304, 245]. От местности *Бата*, как известно, происходит и название города *Батуми*.

В названии *Бата* Птолемея, скорее всего, следует видеть, как и в топониме *Губа*, родовое имя (оно же и личное имя), фигурирующее в абхазском фольклоре в форме *А-бат-аа* или *Батаа*, носители которого являлись удельными князьями шапсугов. Похоже, что вместе с *Батами* переселилась в Южную Колхиду и подвластная им часть абхазо-шапсугской отрасли, именуемая у абхазов – *Куапал* // *Купал*, у шапсугов – *Кобла*, у абазин – *Кабул* // *Кобул* (пишется *Кабулов* // *Кобулов*), которые, как уже было сказано, своим названием напоминают *кабилухов* урартских источников. Свидетельством пребывания *кабулов* в районе локализации *лазов* Плиния является одно из названий этого региона – *Кобулет*и // *Кабулет*и, букв. на грузинском «Область Кобулов // Кабулов», срав. абаз. *Кабул*. Эта же этнопатронимная основа присутствует в таких топонимах Аджарии, как: *Кобле-би* «Коблы», в р-не Кеды [281, 37, 56]; *Кобуле-би* «Кобульцы», в р-не Бутураули [281, 99]; *Кобалаури* «Кобальские», в р-не Хуло и Горджоми [281, 109, 117, 118]; *Кобалети* «область Кобалов», в р-не Кирнати [281, 138]; абхаз. *Кобалҭа*, букв. «место Кобалов», в районах Дгвани и Шубани [281, 89, 93] и др. Из рода абхазских *Копалов* // *Куапалов* происходят фамилии – груз. (сван) *Копал-иани* и мегр. *Коба́лия* (о более древних *копалах* // *кабулах* – *кабилухах* см. выше).

По-видимому, с абхазо-абазинскими лаузами (лазами) связаны появление в Гурии и Аджарии и названия рек с окончанием на *ңсы*, *бзы* – представляющих собой абхазо-адыгский словообразовательный элемент со значением «вода», «река»: *Акамҭс-ис*, *Супҭса*, *Дуа-бз*, [426, 196, 8, 10; 393, 13, 14; 427, 274; 94, 44]. Здесь же и географические названия с окончанием на *ква*, что может соответствовать известному абхазо-абазинскому форманту *куа* (куа) – показателю множественного числа [425, 292]. Названия с окончанием на *ква*, как правило, образованы от патронимных и этнонимных основ. Таковыми являются: *Чаква* (река и местность

в р-не г. Батуми) [305; 308] – от патронимной основы *Чаг* → *Чаг* + *ква* (*Чаг* + *қуа*) «Чаговы»; дворянский род Чаква до махаджирства проживал и в Абхазии в районе Гума – Сухум и в других местах [74, 232, 265]; с. *Ачы* // *Ачи* на границе Гурии, а также *Ачкава*, (груз. *Ачкәа*) (местность слева от р. Дагва) [308] – возможно из абхазского родового (княжеского) имени *Ач* – *Ачба* «Ачов» (срав. абхаз. *Чач* – груз. *Чач*, *Чачасдзе*) и абхаз. окончание мн. ч. – *қәа* (куа) – отсюда *Ачкуа* «Ачовы» «Ачовцы». Не исключено также *Ачкуа* из этнонима *ач* (*ач*), абхаз. *ачоу* и *куа* – аффикса мн. ч. (срав. *агыруа* – *агырқуа* «мегрелы», *ақыртуа* – *ақыртқәа* грузины и т. д. В районе Ачкава имеется река и местность *Ачгуай* [305], что, похоже, из абхазо-абазинской формы *Ачгуаи* (*АчгуаѰа*), букв. «лощина Ачовых (или Ачовых)»; *Бабоква* // *Бабоква-ти* (местность у левобережья р. Дагва, вблизи местности. Ачкава) [308] – от имени абазинского княжеского рода *Бабыгу* + *ква* (*Бабыгу* + *қуа*), букв. «Бабыговы»; *Маква* (м-сть в верховье р. Чолок, вблизи Аихаури) [305] – возможно, из имени дворянского рода *Макъ* + *ква* (*Макъ* + *қуа*) «Макиовы» они же *Макъар*; *Малтаква* // *Молтаква* (м-сть и река, впадающая в Черное море, вблизи озера Палеостоми) [308]) – из патронимной основы *Малта* или *Балта* [74, 95]; *Дарква* // *Даркв(а)-ети* (у р. Квирила, ниже Сачхере) [К–4]) – из патронимной основы *Дар*, срав. село в Абхазии *Дрыпи* (*Дурипи*) – из абхаз. *Дар* + *рыпи* (*Дәрыпишь*) «край Даров» и *Дары* + *ква* – одно из шести обществ абазин – Тапан-та [425, 291]; *Знаква* (в верховье р. Риони, выше Качаети) [308] – вероятно, из абхазо-абазинского *Зына* + *ква* (*Зына* + *қуа*), т. е. «Дзыновы (Зыновы)» и др.

Ш. Д. Инал-ипа выделяет ряд абхазских топонимов, бытующих как в Абхазии, так и в Аджарии и Гурии: м-ть *Куараши* вблизи Вардзии и абхаз. *Куараиш* (*Куараиш*) «Белокаменный берег», «Белобульжный берег» [94, 185]; *Абжарские высоты* близ Кутаиси – из абхаз. *абжьара* «середина», «среднее»; р. *Цачхур* «энурез», «подмачивающая»; село *Кодори* (Кудры) в бассейне р. Риони и р. *Кодори* в Абхазии; в Гурии *Ацкур* – в Абхазии *Цкуара* (*Цәкуара*) «бычья река»; горы *Дагуа* «Глухая» и *Лаиша* «светящийся», а также р. *Схалта*, срав. р. *Чхалта* в Абхазии, и м-ть *Ажашивара* «Место охоты для зайцев», встречающееся как в Абхазии, так и в Аджарии [365, 221]. К числу повторяющихся названий относятся и такие, как: *Бзана* – речка в Абхазии и *Бзана* в Аджарии [281, 52, 49],

местности *Двана* (Дэвана), *Джампал*, *Скурча* (Шэкэырча), *Шубара* (Шэбаара) в Абхазии и *Двана* [281, 97], *Чампали* [281, 129, 134], *Сквирча* [281, 59], *Шубара* (в Хулойском р-не)⁵ в Аджарии.

На наш взгляд, очевидным абхазским вкладом в топонимию Гурии и Аджарии являются также такие названия, как: *Агара* – распространенный топоним в Аджарии – из абхаз. *агара*, *аггара* «пустошь», «голое место» (об этом см. выше); м-ть *Хала* – справа от р. Чаква [308], срав. в Абхазии *Хала* (*а также* *Фхала*) «конец подъема» [93, 213, 226]; речка *Окваре* в Гурии – из абхазского *ак-вара* (*а-куара*) «речка», «ручей» [365, 222] – *Надиквара* в Аджарии [281, 92, 111, 125], букв. «ручей (речка) Нада» [365, 221], здесь же названия – *Баба-квари*, *Бобо-квара*, *Боболо-квари*, *Сачо-квара* [281, 47, 53, 106];

Агвара // *Гвара* – топоним, встречающийся как в Абхазии, так в предгорной зоне Мегрелии [436, 181]; в Гурии – селение *Ципнигвара* [365, 222]; в Аджарии село *Гуара* – слева от р. *Ачгуай* (Ачкua) [305], а также в р-не Кирнати [281, 28, 37, 134, 183]. В абхазском и абазинском языках слово *а-гуара*, бзыб. *а-агуар*, бытует в значении «ограда», «двор», «загон» (для скота)). Оно является словообразующей и топонимообразующей основой. От него производны: *агуарта*, букв. «место стоянки», *агуарата* (*аггараҭа*) «двор», «усадыба», *агуарп* (агэарп) «преддворье», *агуарабжара* (агэарабжьара) «проселочная дорога» и т. д. Оно, т. е. слово *агуара*, присутствует в таких композитных абхазских топонимах, как: *агуара ду*, букв. «большая ограда (двор)», *агуараанда* «оградный забар», *абаагура* «крепостная ограда», *ачгуара* (аҭегэара) «загон для лошадей», «конный двор», *аджмагуара* (ацьмагэара) «загон для коз», *ажсгуара* (ажэгэара) «загон для коров», *ацангуара*, букв. «ограда карликов» и др. Термин *а-гуара* является также составной частью уже названного гурийского села – *Ципнигвара*, букв. «Ограда (или двор) Ципна» – от *Ципна* или *Ципина* (имя владельца) + *и* («его») + *гвара* (*гуара*) «ограда», «двор» [365, 222]. Само слово *агуара* также имеет прозрачную абхазо-абазинскую этимологию [151, 109, 110].

Наконец, как нам представляется, невозможно иметь полное представление об этническом составе Лазского царства без определения этимологии гидронима *Чорох* (быв. р. Апсар) и макрото-

⁵ Здесь же и с. Абхазури.

понима *Ачара* (Ачара) – исторического названия области Южной Колхиды, расположенной справа от р. Чорох.

Область *Ачара* (*Ачара*, совр. *Адджария*) упоминается в «Матриане Картлиса» с привязкой к событиям второй половины VIII в. [46, 48].

Считается, что *Ачара* (*Ачара*) первоначально являлось наименованием главной реки этнографической Адджарии, ныне известной как *Ачарисцкали* (Аджарская река), а затем гидроним *Ачара* стало покрывать весь край [281, 143]. Армянский историк Н. Адонц отождествляет название *Ачара* (*Ачара*) с *Егер* древних источников [330, 26].

Происхождение и самого названия Ачара также давно обсуждается в научной грузинской литературе. Еще в конце XIX в. Н. Джанашвили писал, что *Ачара* может быть производным от груз. *ча* «колодец», допуская, что последнее могло означать «родник», «речушка», отсюда, по его мнению, *чара* → *ачари* [437].

Академик С. Джанашиа считал, что *Ачара* происходит от названия поселения *Ач* (*Ач*) в верховье р. Ачкуа в Адджарии, – отсюда и название Аджарского хребта – *Ачарис кеди* [438, 625].

По мнению П. Ингороква, *Ачара* связана с этническим именем «чань» (чань); *Чан-ети*, *А-чан-ра* являются вариантами *А-чара*: начальное «А» в названии *А-чара* он считает префиксом, соответствующим «Е» в названии *Е-гри-си*, равное своим значением грамматической частице «Са» (*Са-мих-е*). По его мнению, например, «а-дгили» по своему значению то же самое что «са-дгили», «Абано», т. е. «Са-бано», так же как *А-чанра*, есть не что иное, как «Са-чанра», «Са-чано» [55, 138, 139].

С точки зрения З. Чичинадзе, *Ачара* происходит от слова *вачари* «торговец» [281, 144].

Названные варианты этимологии топонима *Ачара* С. Ю. Сихарулидзе справедливо считает неубедительными [281, 144, 182, 183].

На наш взгляд, скованность исследователей, различность подходов к этимологии *Ачара* объясняется прежде всего ограниченностью авторов картвельским языковым материалом. Как уже установлено учеными, в этом регионе предшественниками картвелов являлись абхазо-адыги. Поэтому было бы неверно игнорировать данными абхазо-адыгских языков, когда речь идет о древней истории этого края.

Как уже выше сказано, абхазы издавна Аджарию называют *Ачара*, аджарцев – *ачоу*, аджарский (чоуский) язык – *а-чоу бызшэа*, букв. «язык чоуов», последнее, т. е. *ачоу бызшэа*, имеет и переносное значение – «непонятный язык». Этноним *ачоу* состоит из первоосновы *а-ча* и абхазского элемента -у- «человек», придающего основе этнонимную форму; *ача* + у → *ачоу* «чоуец». От этой же этнонимной основы *а-ча*, посредством абхазского локативного суффикса, производно и название местожительства (страны) ачов – *Чаны* (срав. *аңсуа*. «абхаз» – *Аңсны* «Абхазия», *азыху* «черкес» – *Зыхуны* «Черкесия» и т. д.). Похоже, что абхазское название чоуской страны – *Чаны* (*Чаны*) было заимствовано грузинами у абхазов, являвшихся тогда непосредственными соседями *чоуов* (т. е. чанов), и оно было усвоено в грузинской среде как этническое имя *чоуов*. Поэтому для обозначения страны *чоуов* (чанов) был прибавлен к *Чаны* грузинский суффикс *ети* – *Чаны* → *Чане-ти*.

Вариантом этнопонима *Чаны* выступает и форма *Ачан-ра* точно так же, как в абхазском *Аңсны* «Абхазия» – *Аңсын-ра* (вся территория Абхазии). Что же касается интересующего нас названия *Ачара*, то и в его основе лежит также этноним *а-ча* – в абхазском оформлении *ачоу*, являющийся этнонимной формой единственного числа. Во множественном числе *а-ча* (а-ча) будет звучать как *ачкуа* (ачкуа) или *ачар*, абаз. *ачара* (*ачараа*) «чоуовы» или «чаны», отсюда *Ачара* «Аджария», срав. *аңсуа* «абхаз» – *аңсакуа* или *аңсар*, *аңсараа* «абхазы» – отсюда и название реки и места *Аңсар*, *Аңсара* в той же Аджарии, упоминаемые еще древнейшими авторами (см. ст. Ацсар).

Известно, что названия большинства крупных рек, как правило, имеют этнонимическое происхождение. Таковым является и гидроним *Ачара* (Аджарис цкали) который, как правильно отмечает Ю. М. Сихарулидзе (см. выше), впоследствии стал покрывать и земли, прилегающие к этой реке [281, 143], т. е. территорию современной Аджарии, абхаз. *Ачара*. Абхазское происхождение *Аджара*, *Ачара* отмечал еще акад. Н. Я. Марр [17, 30].

В связи с этнонимом *а-ча*, абхаз. *ачоу*, представляет интерес и гидроним *Чорох*. Река *Чорох* (она же *Аңсар*) фиксируется в древнегрузинских источниках как *Чорохи*, *Чорехи*. Вахушти и Сабо Орбелиани значение *Чорохи* толкуют вроде как «собирающая песок (или камни)», а археолог Куфтин считал, что *Чорох* происходит

от слова *чортехил*, являющегося армянским переводом Акамписса [281, 182]. Географ Н. Нижарадзе и Ю. Сихарулидзе считают, что река *Чорох* получила свое название из-за ее переливающегося цвета бурления, по-аджарски *чороха* означает беловато-коричневый цвет. Действительно, пишет Ю. Сихарулидзе, «река *Чорохи*, как правило, всегда цвета бурления» [281, 183]. Однако следует отметить, что и в абхазском языке существует общеизвестное слово *чырыху* (срав. с. аджар. чороха) со значением «рябый», разноцветный». Еще Д. Гулиа имя реки *Чорох* связывал с абхазским *чырыху* (чрыху), что значит «серо-белый» (полосатый) – намек на пенистость реки [18, 63]. С абхазской формой *чырыху* идентична основа названия верховья реки *Ачара* (Аджарис цкали) – *Чирухи-с цкали* (Чирухская река) – левый приток р. Ачарис цкали.

Вместе с тем мы больше склонны видеть в основе гидронима *Чорох* (Чорох-и) этноним *чоу* – отсюда *Чорох* (Чорох) может быть из абхазского *Чоурху*, буквально означающего «гора или хребет чоуов», т. е. «Чоуская гора», «Чоуский хребет» – от *чоу* (этническое имя) + *р* – «их» (притяжательное местоимение 3-го л. мн. ч.) + *ху* – «хребет», «гора». При этом, похоже, что *Чоурху* → *Чоурух* первоначально являлось названием Чорохского хребта, тянувшегося вдоль правого берега р. Чорох, а затем название хребта становится и обозначением чоурхуской реки.

Таким образом, вышерассмотренный лингвистический материал, на наш взгляд, еще раз подтверждает давно высказанное многими учеными (А. Глейе, П. Ушаковым, О. Сенковским, И. Джавахишвили, А. Чикобава, В. Латышевым, К. Ломтатидзе, С. Джанашия, Д. Гулиа и др.) мысль о том, что в Западной Грузии картвельским племенам предшествовали абхазо-адыгские племена. Более того, на протяжении длительного времени абхазский (абхазо-абазинский) язык оказывал существенное влияние на чанский язык. В частности, известные лингвисты-кавказеды А. Чикобава, К. Ломтатидзе считают бесспорным насыщенность чанских и мегрельских глагольных приставок абхазскими элементами [230, 288; 231, 165, 166, 167], а также в целом и «факт наличия абхазского субстрата в мегрело-чанском языке» [56, 138, 139]. Вместе с тем подчеркивается, что «...с адыгами абхазы представляют собой остаток некогда несравненно более значительного этнического конгломерата, оказавшего, по-видимому, большое влия-

яние на процесс этногенеза народов западной части Северного и Южного Кавказа» [56, 138, 139].

Как уже отмечено, А. Глейе [253, 49, 50], П. Ушаков [406, 25, 27], В. Латышев [215, 265] и др. считают абхазов прямыми потомками колхов, с которыми многие авторы увязывают и лазов. Все это в основном соответствует содержанию уже упомянутой формулы Д. И. Гулиа «абхазы и их предки гениохи суть колхи» [18, 9], «один народ из этого племени, т. е. колхов, лазы, с помощью греков и получают первенство на восточном берегу Черного моря... и страна Колхида начинает именоваться Лазикой...» [18, 51]. На наш взгляд, здесь нуждается в уточнении лишь то, что *лазы* (т. е. *лоуцы*), представлявшие северо-западное крыло абхазов, оказываются в Южной Колхиде в среде родственных им *колхов* (*апсиров*) в I в. н. э., т. е. в период тяжелых испытаний колхов.

На рубеже I–II вв. н. э. абхазским лазам удастся объединить под своим началом разрозненные абхазо-абазинские общества Южной Колхиды и, таким образом, восстановить здесь колхидскую государственность. Вместе с тем сообщение Арриана о том, что первый лазский царь Маллас получил знаки царской власти от римского императора Адриана, указывает на то, что царство лазов (лоуов) в 30-х гг. II в. уже целиком находилось в сфере политического влияния Рима.

Однако это влияние первоначально, похоже, являлось символическим. Поэтому нужно полагать, в конце II в. римский император Септимий Север и подчинил силой Колхиду (т. е. Лазику) [69, 10]. Но римляне в то время не были в состоянии контролировать положение внутри Колхиды, они прежде всего старались сохранить свои прибрежные города-крепости для поддержания номинальной зависимости от них местных правителей. Для Рима и находившихся под его покровительством царств, III в. также являлся тяжелым. Это было время, как отмечают исследователи, обострения внутривосточной обстановки, ожесточенной борьбы между отдельными социальными группировками и гражданских войн, а также порой неудачных войн, которые приходилось вести империи против Персидского государства сасанидов и т. д. Данная ситуация привела к ослаблению римских позиций в Северном и Восточном Причерноморье. В 40-х гг. III в. римские гарнизоны были выведены из Боспорского царства [249, 337]. Именно в это

время Колхидское побережье подвергается опустошительным набегам готов. Они предпринимают безуспешный штурм римской крепости у устья Фасиса.

В конце III в. полководец боспорцев Савромат выступил в поход против римлян. Согласно источнику, сначала он завоевал страну лазов, воевал с жителями этой страны и достиг реки Галиса. Однако вскоре Савромат был вынужден возвратиться в Боспор [345, 381; 249, 339].

В первой половине IV в. император Константин основывает на рубеже Малой Азии и Европы новую столицу Римской империи – Константинополь. В этой связи наблюдается некоторое укрепление римских позиций в восточных провинциях, лазы же остаются в числе данников Рима. Более того, в 362 г. лазы явились одними из тех, кто направил императору Юлиану посольство с просьбой, «чтобы им позволено было спокойно жить в пределах родных стран, платя ежегодно обычную дань» [69, 11]. Однако, по мнению ряда авторов (С. Джанашия, С. Каухчишвили, Г. Меликишвили и др.), к концу IV в. наблюдается усиление Лазского царства, выразившееся подчинением им сванов. С. Н. Джанашия полагал, что Рим, в связи с событиями второй половины IV в. – походы гуннов, сарматов, неудачные войны с Персией и т. д. – был вынужден согласиться на это и не мог помешать усилению Лазского царства [429, 315–317; 249, 339]. Вместе с тем очевидно, что тогда это было выгодно и Риму. В это время в объединение лазских, т. е. абхазо-абазинских сообществ, возможно, уже были включены и *чаны* (*ყოუ*) бассейна р. Чорох, часть из которых могла быть переселена в пустынные места центральной и прибрежной Лазики.

В середине V в. между Византией и Лазикой произошел серьезный конфликт. Поводом явилась попытка лазского царя внести изменения в традиционную форму управления страной. Он разделил Лазику и передал часть своей власти своему сыну. Такое разделение страны, как отмечает Ю. Воронов, по-видимому шло вразрез с интересами империи в этом районе. По рассказу же современника событий историка Приска Понтийского, при императоре Маркиане (450–458) царь лазов Губаз восстал против империи. В ответ на это Маркиан вспулил в войну с Лазами [462, 119].

В 456 г. византийские войска вторглись в Центральную Колхиду и захватили территорию от р. Верхний Риони (Эгрисцкали)

до Цихе-Годжи (Археополь) [69, 12]. Губаз же обратился за помощью к персам, однако ему было отказано, в связи с их занятостью борьбой с гуннами. Тогда Губаз отправил в Константинополь послов с предложением о мире [69, 13]. В конечном итоге, как пишет Приск, царь Лазики был вынужден вновь подчиниться империи и отказаться от титула царя Лазики в пользу своего сына Цатэ [462, 119–120].

Вместе с тем в первой половине V в. в Лазики, особенно в ее восточных районах, усиливается влияние Персии, основным проводником интересов которой здесь были картлийские правители. В 70-х гг. V в. картлийский царь Вахтанг Горгасал дважды вторгся в Лазику. Последняя война длилась три года и завершилась «кровопролитной битвой, в которой Вахтанг убил византийского полководца Поликарпоса». В результате во владения Картли были включены «крепости Абхазии (т. е. Эгриси. – В. К.) вплоть до Цихе-Годжи». По мирному договору с Византией к Картли отошла территория «от Эгрисцкали до Клисурь», т. е. от реки Риони до системы укреплений, проходившей ниже Цихе-Годжи и Кутаиси, и являвшейся «границей Греции и Картли» [431, 157, 177; 69, 16, 150–153].

Как показывают вышеописанные события III–V вв., самыми нестабильными в Лазики являлись ее восточная и юго-восточная части, заключенные между р. Чорох (Апсар) и Риони (Фасис). Похоже, в этой связи данный регион – колыбель Лазского царства – уже в VI в. был почти безлюдным. Население Лазики в основном было сосредоточено на правом берегу Фасида. Прокопий пишет: «Все селения лазов находятся здесь, на этой стороне реки» и далее уточняет «левая сторона Фасида, начиная от сей реки до пределов Лазики, простирается на один день для доброго пешехода. Но эта земля совсем безлюдна» [412, 224, 26–228]. Согласно Г. Меликишвили, столицей Лазского царства являлась Цихе-Гуджа (т. е. Крепость Куджа), именуемая византийскими авторами Археополисом (т. е. Древний город) [249, 343]. Это мнение оспаривается Ю. Вороновым. В частности, он пишет: «Несмотря на то, что Археополь называется в источниках первым и самым значительным городом у лазов, вряд ли он был на самом деле “столицей Лазского царства”, как предполагают исследователи. Археополь занимал окраинное, неестественное для столицы положение по

отношению к центральному, наиболее заселенному району Лазики... – Мухирисисе» [69, 141, 142]. Как справедливо отмечает автор, роль столицы мог выполнять г. Кутаиси – главный город Мухирисиса, который находился не только в центре самой плодородной и густанаселенной части Лазики, но и на пересечении двух чрезвычайно важных путей. Первый из них вел с Северного Кавказа через Сванию по ущелью Риони, другой – из Восточного Закавказья через Лихский хребет. Город *Кутаиси*, название которого напоминает имя одной из абхазских племен *Кутаси* [1, 6], располагался в 12 км от другого лазского города-крепости, называемого греками Родополь – «город роз». Последний, на наш взгляд, представляет собой неправильный перевод груз. *Вардцixe* как «крепость (город) роз». В основе *Вардцixe* может лежать не перс., груз. и абхазское *уард* (вард) «роза», а основа известного родового имени *уард* или *вард* – владельцев крепости.

С гибелью картлийского царя Вахтанга Горгосала (502 г.) усиливается влияние персов в Картли и Лазике, где персы присвоили право утверждать новых лазских правителей. Согласно источникам, первым утвержденным шахом Ирана правителем Лазики был некий Замнакс. Византийский император Юстин решил воспользоваться кончиной последнего в 522 г. Он тайно вызвал сына Замнакса – Цафия в Константинополь, где после принятия определенных условий, он был провозглашен царем лазов [432, 263, 264].

Возвращение таким образом Лазики в сферу влияния византийцев вызвало серьезную обеспокоенность у персов. К тому же в 523 г. против них восстал картлийский царь Гурген. В этой связи, после подавления этого восстания, персами была упразднена царская власть в Картли [433, 106]. Затем, в самом начале правления императора Юстиниана I (527–565) персы заняли лазские укрепления Сканду и Сарапанис. В ответ на это византийцы приступили в прибрежной зоне к строительству крепости Петры, «которая должна была служить основной базой византийских военных сил в Лазике» [69, 50].

В 528 г. персы пытались прорваться во внутренние районы Лазики и, как отмечает Ю. Воронов, лазский царь Цафии «с помощью византийских войск» заставил их вернуться обратно в занимаемые ими Сканду и Сарапанис, а в 532 г., в соответствии с заключенным между Византией и Ираном «вечным миром», персам

пришлось оставить и эти укрепления. Вскоре Цафий умер. Царем лазов стал сначала его брат Опсит, а затем сын Цафия и его жены-гречанки – Губаз II. Далее ситуация в Лазике настолько ухудшилась, что спустя 10 лет лазы были уже вынуждены обратиться за помощью к шаху Ирана Хосрову I [69, 51].

Хосров, нарушив в 540 г. «вечный мир», вскоре вторгся в Лазик и с помощью лазов захватил византийскую крепость Петру. Взяв Петру, Хосров направил большое войско в Северную Колхиду с целью захватить укрепления Севастополя и Питиунта [69, 53, 54].

Византийско-Иранский мирный договор 545 г. закрепил за персами занятые им позиции в Лазике. Однако лазы, испытав вскоре тяжесть персидского правления, стали снова искать покровительство Византии. Хосров, «вовсе не полагавшийся на лазов», узнав о неудовольствии лазов, посчитал «самым полезным немедленно умертвить лазского царя Губаза, весь народ лазский переселить, а Лазик заселить персами и другими народами» [412, 210]. Сообщение Прокопия о намерении Хосрова переселить лазов представляет значительный интерес в связи с сообщением Табари о том, что при Хосрове I в Азербайджан были переселены *аланы, абхазы, болгары* и люди из племени *сул* (об этом подробно см. гл. VIII, § 5, п. 3). В этой же связи обращают на себя внимания и слова самого Прокопия, упоминающие лазов и в прошедшем времени: «Лазы, народ прежде населявший Колхиду, считался подвластным римлянам потому только, что по смерти их царя римский царь посылал преемнику его украшения верховной власти» [412, 106, 107]. Возможно, здесь Прокопий под именем Колхида имел в виду первоначальную территорию лазов (лауов), т. е. междуречье Чороха и Риони (Фасиса).

Осуществление своих замыслов, прежде всего «умертвить Губаза», Хосров начал неудачно в 549 г. Губаз, узнав намерение Хосрова, перешел на сторону византийцев. Юстиниан тут же посылает в Лазик семитысячное войско, а также тысячный отряд чанов (чанов) [69, 58]. Однако Хосров, ценою больших потерь (в период походов Мермероя и Хориана), сумел тогда сохранить свое присутствие в Лазике, но уже во второй половине VI в. Византия окончательно победила персов и подчинила Лазик своей власти. Тогда же (554 г.) византийцы, устроив заговор, коварно убили Лазского царя Губаза. Лазы потребовали от императора жестокого наказания виновников

убийства, а также назначения царем Лазики младшего брата Губаза – Цатия. Требования лазов были удовлетворены. Однако вскоре, как отмечается акад. С. Джанашия, Лазика была лишена и царской власти. По мнению З. Анчабадзе, «упразднение власти в Лазике Византия осуществила после 623 г., когда император Ираклий имел основание быть недовольным Лазикой за ее отказ от участия в предпринятом Византией персидском походе» [19, 71]. Далее, до конца VII в., правители Лазики именуются патрикиями. Один из них в 663 г. был лишен власти и вынужден был скрываться в Абасгии, затем он дважды с помощью абасгов восстанавливал свою власть в Лазике. После него следующим правителем Лазики становится человек с абхазо-адыгским именем *Барнук*.

Второе наказание лазы получили в самом конце VII в., когда в лице правителя (патрикия) Лазики Сергия (внука Барнука) они отложились от византийцев и подчинили свою страну арабам. За этот поступок страна была лишена должности патрикия, и было введено «непосредственное имперское правление». Однако вскоре, из политических соображений, здесь было восстановлено самоуправление, но, как отмечает З. Анчабадзе, «не под началом местной лазской династии, а во главе с картлийским “царем” Арчилом» [19, 72].

К этому времени *лазы* (груз. *эгры*), на наш взгляд, уже представляли собой двуязычный народ, состоящий из абхазо-абазинских и чанских сообществ, говоривших на абхазском и чанском (чоуском) языках и окончательно разделенных на две части проникшими в междуречье Чороха и Риони (Фасиса) картлийцами. В дальнейшем, на базе северо-западных абхазо-чанских лазов, образуется народ – мегрелы, а за чанами (абхаз. чоу) закрепляется этноним *лазы*.

§ 5. Царства апсилов, абасгов (абазгов), санигов и зегов в I–VII вв.

1. Этническая характеристика и вопросы локализации

Принадлежность апсилов, санигов, абасгов, а также и мисимян античных авторов к предкам абхазов и абазин не вызывает сомнения у большинства современных кавказоведов. Ряд же исследо-

вателей к абхазо-абазинским сообществам также относят *зегов* (*зигов*).

Среди названных сообществ *апсилы*, судя по их имени и историческим сведениям, являлись одним из основных и древних подразделений абхазо-абазинского этнического мира.

В имени *апсилы* просматривается самоназвание абхазов *аҭса* // *абза*, букв. «одноязычные» [94, 63, 64]. Указанные варианты этнического имени бытовали в разное время и как *аҭаса* // *абаза*, *абасг* // *абазг* – отсюда известные их формы мн. ч.: *аҭса-р*, *аҭса-уаа* // *аҭс-уаа*, *аҭса-қәа*, *аҭса-цәа*, *аҭса-уаа*, *аҭаса-қә* // *абаза-қәа*.

Как уже было сказано, автонимная основа *а-ҭс-а* и ее форма мн. ч. *аҭса-р*, похоже, фиксируется как *абишиа* и *абисар* еще в XIX в. до н. э. в одной из египетских надписей. Вариант же *аҭс-ил* (срав. *шаи-ил*, *дыр-ил*, *анч-ил*), представляющий собой иноязычное обозначение народа *аҭса*, неотделим от *обеи-ла* ассирийских источников XII в. до н. э., др. арм. *апи-ил-к*, а также *абишилов* письменных источников начала I тыс. н. э. и груз. *апи-ил-и* и *Апишил-ети* «Страна апишилов», т. е. «Страна апсов (абхазов)».

Этноним *апсил* по своему содержанию, как уже отмечалось, также однозначен с др.-греч. *айаеос*, *колхос*, *фасиани*, урарт. *кулха*, груз. *егри*, др.-арм. *егерк*.

Народ под именем *апсилы* в греко-римской литературе впервые упоминается в I в. н. э. Однако похоже, что данный этноним бытовал в Колхиде и ранее, на что указывает сообщение древнегреческого автора Гиппократы (V–IV в. до н. э.) о том, что фасианы высоки ростом и чрезвычайно тучны, в их теле незаметно ни сочленений, ни жил [18, 246]. Представляется, что данный автор в своем описании фасианов явно опирается на перевод абхазского слова *аҭсыла* «тучный», «жирный», созвучный с вторым именем фасианов – *апсилы*.

Апсилы (они же апсары, колхи, фасиани, эгри) до I в. до н. э. являлись основным населением Колхиды. Однако в результате их поражения в 83 г. до н. э. в войне с Митридатом и завоевания в 65 г. до н. э. Колхиды Помпеем происходит перемещение *апсаров* // *апсилов* из междуречья рек Апсар и Физис в сторону р. Фасиса и далее на северо-запад. Освобожденная от последних территория, как уже отмечалось, заселяется представителями абхазо-адыгских сообществ северо-западного Кавказа – гениохами,

лазами, (лоадза-ми), шапсугами, а также и чанами Юго-восточного Причерноморья (см. гл. VIII). Вскоре здесь, под эгидой абхазо-абазинских *лау* или *ладзов* (*ладз* – форма мн. ч. от *лау*), возникает этнополитическое объединение, получившее название «*Лазское царство*».

Первое упоминание о лазах, апсилах и санигах находим у римского автора I в. н. э. Плиния Секунда. Он помещает апсиров (абсиров) между лазами, Севастополем и далее называет саников [351, 179]. Вслед за Плинием уже Флавий Арриан (II в.) пишет: «За лазами следуют апсилы; у них царь Юлиан, получивший царство от твоего отца. С апсилами граничат абаски; у абасков царь Ресмаг; этот также получил свою власть от тебя. Рядом с абасками – саниги, в земле которых лежит Севастополь; царь санигов Спадаг получил царство от тебя» [223, 270].

Эти и последующие сведения об апсилах (Эвлий Геродиан – II в., Стефан Византийский – V в., Прокопий Кесарийский – VI в., и др.), а также пределы распространения апсильской культуры, указывают в качестве восточной границы Апсии р. Фасис, а по мнению С. Джанашия – р. Хоб [289, 23].

Что же касается границы между Апсией и Абасгией, то, как полагает ряд кавказоведов, она проходила в горах по р. Келасур (Кяласур) [69, 26; 382, 41] или же по р. Гумиста. В целом же, в I–II вв. н. э. апсилы заселяли значительную часть северо-западной Колхиды от районов, прилегающих с севера к Фасису, до Севастополя (в частности до реки Кяласур) [34, 46; 454, 64].

Ряд грузинских исследователей: М. П. Инадзе, Г. В. Меликишвили и др. полагают, что уже во II в. лазы оттеснили апсиров и абасгов на север и довели свою этнографическую границу, по мнению М. И. Инадзе, до р. Ингури [439, 17, 18], а по Меликишвили – до Диоскурии – Севастополиса [235, 383]. Однако эти мнения практически ничем не подкреплены. В действительности, насколько известно, с образованием абхазо-абазинских царств – лазского, апсилского, абасгского и санигского – в период с I по VI в. н. э. не происходит каких-либо существенных передвижений народов, живших на восточном берегу Черного моря.

Так, по сообщению историка Прокопия Кесарийского, еще в его время – в VI в. – восточная граница Апсии проходила, как и прежде, по р. Фасис, а на северо-западе Апсия граничила с

Абасгией в горной зоне по реке Келасур (Кяласур) или по р. Гумиста.

В I в. н. э. Плиний помещает апсиров именно в этих пределах, в частности, между лазами и Севастополем, и далее говорит о саниках (санигах), а абазгов же вовсе не упоминает. Во II в. Арриан уже прямо указывает, что Севастополь на земле саников, и здесь же говорит, что с апсилами граничат абаски. Из этого сообщения непонятно, где находилась территория абазгов. Этим и объясняется существование в литературе взаимоисключающих суждений по данному вопросу.

Историк М. Гунба пишет: «Согласно этим сообщениям, саниги и абасги занимали одну и ту же территорию. Это означает, что оба племени принадлежали к одной этнической группе». Далее он себя же опровергает: «Однако вряд ли на территории царства санигов могло находиться другое, равноправное царство абасгов» [51, 149, 150].

Исследователь истории народов Восточного Причерноморья античного времени М. Инадзе полагает, что во II в. н. э. северная граница абасгов проходила южнее города Севастополя [439, 18]. По мнению же иеромонаха Дорофея (Дбар): «Границы санигов во второй половине I, начале II в. проходили между современными реками Хашупсе или Псоу, где они соседствовали с абасгами, и реками Сочапста или Шаша, за которыми начиналась территория зихов» [440, 26]. Того же мнения и историк Т. Ш. Гицба [382, 41]. Эти суждения представляются совершенно безосновательными, прежде всего из-за их несоответствия с сообщениями Плиния и Арриана, согласно которым в I–II вв. н. э. саники занимали морское побережье от Апсии до р. Ахеунта (Шахе), причем Севастополь лежал на земле саников, рядом же с санигами находились абазги, граничившие и с апсилами.

На наш взгляд, из вышеназванных сообщений вытекает, что в I–II вв. н. э. апсирлы граничились как с саниками в прибрежной полосе, так и с абазгами в предгорной зоне. Об этом же говорит и Н. Кечакмадзе [453, 90]. Поэтому, похоже, Плиний не называет абазгов из-за их отдаленности от моря. Близкородственные с апсилами абазги в тот период, скорее всего, занимали все предгорье Абхазии от верховья р. Келасур до верховьев рек Псоу или Мзымта, что включает в себя такие исторические места, как Акапское плато

(?), Гума, Псху, Мзаа, Аибга, Ахчипсы. Поэтому не случайно, что еще во II в. р. *Псоу* именуется *Абаск* [223, 271]; первое – *Псоу* – представляет собой усеченную форму автономима *а-пса-уа* «абхазы или абазы», второе же – *Абаск* – соответствует иноязычной форме обозначения абхазов – *абаск*, *абазг*, образованной от автономимной формы *аҭаса* // *абаса* // *база*. В этой связи следует также отметить, что и при генуэзцах именно у устья р. *Псоу* (*Абаск*) помещался торговый порт «Абаза» [94, 227, 228].

Саниги же, как уже было сказано, в I–II вв. находились на морском побережье между Апсилией и р. Ахеунта (Шахе) с одной стороны, и с другой – между морем и Абасгией.

Территориально и по своему происхождению, как справедливо утверждают кавказоведы, это те же воинственные гениохи древних авторов. Они были известны у абхазов как *садзы* или *сандзы*, а в грузинских источниках *джики*, *чики* (об этом см. гл. II, § 2). Основа этнонима *сани-ги* – *сан* сохраняется в абхаз. *сан-дз*, усеч. *садз* «саниги», где *сан* // *цан* – этнонимная основа и *дз* (абхаз. *з*) – садзский показатель мн. ч. Из абхазской формы *сандз* образованы известные этнотопонимы *Сандрыти* и *Цандрыти* из *Сан-дз-рыти* и *Цан-дз-рыти*, букв. «Край санов», «Край цанов». С этнонимной основой *сан* // *цан* также увязываются имена древнеабхазских княжеских родов *Цан* и *Сан*, в ед. ч. – *Цан-ба* // *Сан-ба* «*Цанов* // *Санов*» (см. гл. II) и название карликового племени – *ацан*, (*ацан*) являвшихся, согласно абхазской легенде, доисторическими хозяевами абхазских гор [146, 136–139]. По преданию, *а-цаны* предшествовали абхамам (современным) в горных районах Абхазии. Академик С. Джанашиа считал возможным связать термин *цан* с названием *сан-иг*, а отсюда уже этноним *саниги* [451, 15].

Таким образом, в I–II вв. н. э. апсилы, саниги и абазги представляли собой крупные, близкородственные и непосредственно граничившие между собой общества. В этот период они и их царства не испытывали особых потрясений.

В дальнейшем наблюдаются некоторые изменения границ Абасгии и Санигии. Похоже, с конца II по III в. абасгам, обитавшим над санигами в труднодоступной для врагов предгорной зоне между верховьями рек Кяласур и Абаск (*Псоу*), возможно и на землях за хребтом, удастся распространить свое влияние на близкородственных и ближайших соседей – санигов. В ре-

зультате приобретения смежных с Абасгией прибрежных земель санигов, Абасгия становится значительной морской страной. Апсилия же перестает граничить с Санигией, граница последней отодвигается от р. Кяласур или р. Гумиста к р. Псоу. Это подтверждается и сообщением анонимного автора V в. (Псевдо-Арриан), в котором в качестве границы между абасгами и санигами указывается р. Абаск (Абаскос), т. е. р. Псоу. Саниги же, по словам анонима, жили, начиная от реки Абаскос, вплоть до р. Ахеунта [441, 231].

В VI же веке, согласно сообщению Прокопия Кесарийского, со стороны гор между абасгами и аланами находились упоминаемые впервые Прокопием, *брухи*. Последние, по предположению Ш. Д. Инал-ипа, «...вероятно позднейшие убыхи» [365, 434]. На наш взгляд, *брух* не очень созвучно с известными обозначениями убыхов – *убых*, *пёх*, *пёхир*, *тахы* (*тəахы*). По своей основе этноним *брух* сопоставим с такими абхазо-садзскими родовыми именами, как: абхаз. *Бар-оу* // *Баар-оу*, букв. «Баровы» или «Бараровы» – в топонимах *Баароу*, *Бароуаху* «гора (возвышенность) Бароуов» [93, 249, 344], с. *Быри*, *гора Бырицхаа* (*Быриц-хаа*) «гора (возвышенность) Бырцов» [93, 140], и садзским дворянским родовым именем *Бар-дзы* // *Быр-дзы*, букв. «Баровы (Быровы)», где *дз* – садзский аффикс мн. ч.; от Бырдзы – *Бырзышьха* «гора Бырдзов (Быров)»; из садзского *Бар-дзы* // *Быр-дзы* – убыхская форма *Берзе-ху*, *Берзе-к* – родовое имя убыхских предводителей. Представляется, что от имени общества *Бар-оу*, «Баровы» образована его иноязычная форма *бару-х* – *бру-х* (срав. *зих*, *зилх*, *саних*, *абазх*, *джих*).

Вместе с тем, если исходить из созвучия, то с именем *брух* можно сопоставить также и название известного абазинского общества – *Бракий* // *Барак-ай* [167, 9]. Этноним *брух* ряд авторов (Ш. Д. Инал-ипа, Ю. Н. Воронов, М. Кишмахов) увязывают с гидронимами *Боргис* (Арриан, II в.), *Бурка* (Птолемей, II в.) и *Брухонт* – река, уже называвшаяся во времена Псевдо-Арриана (V в.) – *Мезиг* [441, 230, 231]. Вместе с тем эти же современные авторы реку *Бурка* // *Боргис* // *Брухонт* // *Мезиг* отождествляют с рекой, ныне именуемой *Мзымта*. Основанием для такой увязки служит лишь созвучие гидронимов *Мезиг* и *Мзымта*. В действительности, такое отождествление никак не соответствует сообщениям вышеназ-

ванных авторов, в которых называются не только пункты и реки Черноморья, но и расстояние между ними. Так, Арриан (II в.) пишет: «От Нитики до р. Абаска девяносто стадиев, Боргис отстоит от Абаска на сто двадцать стадиев, а от Боргиса – на шестьдесят стадиев Несис, где выдается Гераклов мыс. От Несиса до Масаитики девяносто стадиев; отсюда шестьдесят стадиев до Ахеунта, каковая река отделяет зилхов от санигов» [223, 271]. То же самое, с некоторыми уточнениями, повторяет живший в V в. Псевдо-Арриан. Он с арриановскими стадиями указывает и измерение расстояния в милях.

По данным обоих авторов, расстояние между Нитикой (Гагрой) и р. Абаск. (Псоу) 90 стадиев – 12 миль, т. е. около 16 км, что соответствует расстоянию между Гагрой и р. Псоу. Далее, от реки Абаск (Псоу) до Боргиса (Арриан), т. е. Брухонт, называвшейся уже в V в. Мезигом (Псевдо-Арриан), 120 стадиев или 16 миль, что примерно равно 23 км.

Указанное расстояние никак не увязывает названия *Бурка*, *Боргис*, *Брухонт* и *Мезиг* с рекой *Мзымта*, отстоящей от р. Псоу (Абаск) всего на 6 км. В действительности, примерно в 23 км от р. Псоу (Абаск) в Черное море впадает р. *Мысуа* или *Мцы*, ныне именуемая *Мацеста* [96, 37].

В гидрониме *Мысуа* // *Мызуа* представлено имя общества *Мыз* или *Мыс* (срав. *Мысра* «Мюсера» от *Мыс-раа* «Мысовы»), от чего и абхазская этнонимная форма *мыс-уа* (срав. *асаdz-уа* «садз», *ацс-уа* «абхаз», *агыр-уа* «мегрел» и т. д.), а также *Мезиг* Псевдо-Арриана (срав. *сан-иг*, *абаз-г*, *з-иг*).

От *Боргиса* (Мезига // *Мызуа*, т. е. Мацесты), по Арриану, 60 стадиев (около 11 км) до Несиса, где выдается Гераклов Мыс, что, на наш взгляд, соответствует мысу Соча. От Несиса до Масаитики 90 стадиев, т. е. около 16 км, что увязывает Масаитику с районом р. Лоо, срав. *Масаитика* с названием левого притока р. Лоо – *Мыскет* // *Мыцкет* [96, 36], букв. «село или община Мысов // Мызов», где *кет* из абхазско-садзского *кыт* «село, община». От Масаитика до р. Ахеунта (Шахе), являвшейся границей между санигами и зилхами (зигами), расстояние составляет 60 стадиев, т. е. около 11 км.

В целом же, согласно Арриану и Псевдо-Арриану, реки Абаск (Псоу) и Ахеунт, именуемая также Басий (при Псевдо-Арриане),

отстояли друг от друга на 330 стадиев, т. е. примерно на 60 км, что вполне соответствует расстоянию между современными реками Псоу и Шахе. Именно между этими двумя реками древние авторы помещали санигов II–VI вв. Последние, как уже было сказано, с востока граничили по р. Абаск (Псоу) с абазгами, а на северо-западе, по р. Ахеунта // Басии (Шахе), – с зигами (зихами).

На наш взгляд, в IV–V вв. абазги распространяют свое влияние на санигов, на что, похоже, указывает появление в Санигии новых топонимов, как *Мезиг* вместо Брухонт, *Басии* (последний срав. с *а-ңаса*, *абаза* «абхазы») параллельно с Ахеунт (Шахе). Вместе с тем в VI в. *брухи* локализуются в горах между абазгами и аланами. В частности, Прокопий (VI в.) пишет: «За апсилами и за вторым краем этого “полумесячного” залива по берегу живут абасги, граница которых простирается до гор Кавказского хребта... За пределами абасгов до Кавказского хребта живут брухи, находясь между абасгов и аланов. По берегу же Понта Эвксинского утвердились зехи... За ними живут сагины» [430, 302–383].

Из сообщения Прокопия вытекают следующие выводы:

– абасги занимали территорию между морским берегом и горами Кавказского хребта, поэтому *брухи* не могли находиться над абазгами у Кавказского хребта; к тому же Прокопий, говоря об аланах, живших над Абасгией и Апсилией, и о их (аланов) нашествии на Абасгию, не упоминает здесь брухов;

– слова Прокопия: «за пределами абасгов до Кавказского хребта живут брухи, находясь между абасгов и аланов» следует понимать, что брухи находились в предгорье Кавказского хребта за северо-западными пределами Абасгии от верховья реки, ранее именовавшейся Брухонт (сов. Мацеста). Здесь же брухи могли граничить как с абасгами, так и с западными аланами. К тому же и западные убыхи некогда именовались *аланы* [167, 14; 416, 181].

Согласно тому же Прокопию, по берегу Понта Эвксинского утвердились (на северо-западе от санигов. – В. К.) *зехи*, а за ними (на востоке по берегу) жили *сагины*, т. е. саниги.

Этническое сообщество *зехи* впервые упоминается Страбоном (I в.) как *зиги*, эта же форма у Дионисия Периегета (II в.), у Арриана (начало II в.) – *зилхи*, у Птолемея – *зинхи*, у Псевдо-Арриана (V в.) – *зихи*, а у Прокопия же – *зехи*.

Как уже отмечено, *зиги* или *зихи* (*зилхи*) с юго-востока граничили с санигами по р. Ахеунт (совр. Шахе), а на северо-западе – с ахейцами. Вместе с тем похоже, что уже в I в. зигские поселения существовали и в отдельных регионах Юго-Восточного и Восточного Причерноморья. По этому поводу Ш. Д. Инал-ипа пишет: «Представляет интерес и то, что в раннесасанидское время существовала еще одна область или страна Махелония, которая упоминается в надписях шаханшахов Ирана, она же *Сикана* (ср. с названием зиги, Зигана, Зигополь и р. Зиганий и Зиганис в Абхазии и др.)» [365, 329]. В этой связи следует также вспомнить уже названную нами (см. гл. VII) древнюю крепость *Зил кала* // *Зир кала* (тур. *кале* «крепость»), расположенную в районе города Риза. Название данной крепости, похоже, также связано с *зигами*, т. е. с *зилхами* Арриана.

Территория зигов Северо-Западного Кавказа практически соответствовала территории древних ахейцев, именем которых называлась и река Ахеунт (совр. Шахе). Эта же река являлась при Арриане границей между зехами и санигами. Как уже было сказано, название Кавказских ахейов может происходить из абхазо-абазинского *ахы* «голова», «начало» – отсюда *ах-а*, *ах-аа* «головные», букв. «головные люди», т. е. люди, живущие выше (севернее) всех своих сородичей. Названия *Аха*, *Ахаа*, очевидно, были преобразованы античными авторами др.-греч. окончанием *ой* // *ей* в *Ахей* (см. выше «Ахея и ахейцы»). В связи с этимологией этнонима *Аха*, *Ахей* обращает на себя внимание и последующее название р. Ахеунта *Шахе*, абхаз. *Шахы* (Шэахы), где, похоже, также представлена основа *хы* «голова», «головное», «начало». Отсюда *Шахы*, букв. «начало Ашы (Аше)», т. е. начало территории *Ашы*. Последняя носила имя одного из древних родов абхазо-абазинских правителей *Аш* (*Ашаа* «Ашовы»). Данное родоплеменное название и ныне сохраняется как обозначение реки и поселения на исторической территории ахейов или же зигов, в частности, в междуречье Куапсе и Макопсе. От имени родового общества и территории *Ашы*, на наш взгляд, происходит абхазское обозначение абазин-тапанта – *ашуа*, букв. «Ашова люди», «люди Ашовых» или же «люди (территории) Ашы», где в окончании представлен этнонимобразующий элемент *уа* «люди». Далее это же название, в результате комбинации ее основ *аш* + *уа*, приобретает лаби-

лизованную форму – *ашауа* (ашуа), которой ныне абхазы именуют абазин, прежде всего тапантцев, и их местожительство *Ашды* (Ашу, Ашвы).

На территории зигов (зилхов), т. е. в бывшей Аше, Арриан помещает и пункты Старая Ахейа, соответствующий птолемеевой деревне *Ахей* (совр. Джубга?) [223, 272], и Старая Лазика (совр. Нечепсухо). Последнее название увязывается с именем великих абхазо-абазинских князей отрасли Аш, Ашаа – *Лау*, в мн. ч. – *Лаз* (об этом см. выше).

Представляет интерес и топоним *Пагр* – по Арриану (II в.) *гавань Пагр* (совр. Геленджик) [223, 172]. Похоже, последний также увязывается с именем абхазо-абазинского привилегированного рода *Баг*, *Паг*, во мн. ч. *Багра*, *Пагра*, усеченно *Багр*, *Пагр* – Баговы, Паговы. В абхазском же *Баг*, *Багаа* – Баговы пишется *Багба*, *Абагба* – Багов, вариант этого же имени *Паг*, *Пагаа* – Паговы, (*Пагуаа*), букв. Паговцы или Паговские.

Вместе с тем по вопросу этнической принадлежности *зигов* или *зихов* пока еще среди кавказоведов нет единого мнения. Одни их причисляют к адыгам, а другие – к абхазам (т. е. народу абаз). Первые основываются на том, что абхазы адыгов называют *азыку*, что созвучно с этнонимом *зих*. Другие же исходят из адыгского обозначения абхазов – *азега*. Так, например, проф. З. В. Анчабадзе пишет: «Этническая принадлежность приморских зихов (“зехи” Прокопия Кесарийского), проживавших к северу от современной Абхазии, не поддается точному определению. Есть основание считать, что в раннефеодальную эпоху под этим названием выступают не только адыгские (черкесские) племена, но и этническая группа, состоящая в ближайшем родстве с абхазами. Здесь уместно отметить, что адыги и до сих пор называют абхазов именем “а-зега”» [450, 60]. На наш взгляд, именно последнее находит наибольшее подтверждение, и прежде всего в языковом материале. Как уже отмечалось, целый ряд авторов (Г. Новицкий, Дж. Белл, Н. Раевский, А. Берже, А. Введенский, Л. Люлье и др.) фиксирует абхазо-абазинские сообщества и под именами *азра* и *азега*. В частности, А. Введенский пишет о том, что среди адыгских племен абхазы были известны под разными названиями; *абаз*, *абаза*, *азы*, у хакучинцев аула Кичмай, да и вообще, как он пишет, все шапсуги абхазов знали под именем «аз», «азеха» или «азега» [443].

Другой же известный автор – Дж. Белл, живший около трех лет (1837–1839 гг.) среди приморских черкесов, писал, что абхазы именовались также *азра* [11, 75–77]. Согласно Люлье и Услару, «все вообще племена абхазского происхождения известны были убыхам под коллективным именем *адзыге*», а по Диру, убыхи называли садзов еще и словом *джыхы*, отсюда и грузинское *джики*, *джикеты* и *Джигеты* [365, 180].

Исходя из вышеназванных данных, Ш. Д. Инал-ипа пишет о том, что от черкесского «*азэге*», возможно происходит древнее *зиг* // *зихи* и *азега* – название абхазов, встречающееся в этнографической литературе XIX в. [365, 180].

Таким образом, с абхазами увязывается, наряду с именами *апсилы*, *абазги*, *саниги*, *абаза*, и такие названия, как: *аз*, *азра*, *азега* // *азеха*, *адзыге*, *джихи*. Их сближает с древними *зиг*, *зих*, *зир* // *зил* (*Зир кале* // *Зил кале*, см. выше) и *зил-х* (у Арриана) общая этнонимная основа *а-з*. Формы этнического имени *зиг* // *зих* образованы с помощью элемента *г* // *х*, как и названия *абаз-г* // *абас-к*, *сан-иг* // *саних* // *сан-ик*. В Арриановском *зил-х* имеем основу *зил*, по своему окончанию *ил* (з-ил) напоминающую этнонимы *апс-ил*, *шаш-ил*, *анч-ил* и т. д. Фонетическими вариантами имени *зиги* // *зихи* представляются формы *азега*, *азеха*, *адзыга*, *джихи*.

От этнонимной основы *а-з* образована абхазо-абазинская форма мн. ч. *Аз-ра* (срав. *зир*, *Зир кале*), *Аз-раа*, букв. «Азовы», что практически идентично названию города *Азара*, помещаемого Птолемеем (II в.) в Приазовье [304, 244]. Южнее города *Азара* (в районе Малого Ромбита) Птолемей также указывает (село или город) *Азараба* [304, 349], что буквально с абхазского переводится «крепость азров (азаров)», где *ба* – из абхаз. *а-баа* «крепость». Похоже, с этнонимной основой *аз* связано и название Азовского моря. В этой связи В. И. Ворошилов пишет: «Возможно, что этнический термин *аз* явился основой названия Азов и Азовское море. Еще Птолемей говорит о городе Азара за устьем Танаиса (Дона)» [96, 49].

Названию *Азов* в абхазском соответствует *Азоу* (фонема «*в*» не характерна для абхаз. языка), что представляет абхазскую этнонимную форму, состоящую из именной основы *аз* и абхазского этнонимного окончания *у* «человек», «люди» – отсюда *Азоу*, букв. «азы», срав. *Псоу* (из *а-пса* + *у*), *а-псы*, т. е. «абхазы», срав. *Лоо* // *Лоу* – из *Лаа* + *у* и т. д.

Таким образом, название *Азов* (абхаз. *Азоу*) прежде всего этнический термин. Азовское море (озеро) в разное время называлось в основном именами народов, проживавших у его берегов: в эпоху греков от имени народа *меоты* (адыги) – *Майотис лиман* «Меотийское озеро», римлян – *Палус Меотис* «Меотийское болото», в античную эпоху – *Темиринда*, *Азоу* – отсюда далее рус. *Азов*, *Азовское море* [96, 48, 49]. О том, что одно из абхазо-абазинских сообществ, известное у адыгов под именем *аз*, *азра*, *азега*, а у древних авторов как *зыги* // *зихи*, проживали в античный период на Черноморском побережье от р. Ахеунт (Шахе) до берегов Азовского моря и правого устья р. Кубань (возможно и далее), похоже, говорят целый ряд и других географических названий. Прежде всего обращают на себя внимание названия древнего населенного пункта и полуострова *Тамань* (Таманский полуостров) и города *Темрюк* или *Тамрюк* на этом же полуострове у устья р. Кубань.

В районе совр. города Тамань (станция Таманской) в VI в. до н. э. была основана греческая колония *Гермонасса*, здесь же с конца IV в. н. э. существовали города *Таматарха*, он же, по арабским источникам – *Метрега*, на итальянских картах XV в. – *Матерка*, *Матрига*, *Матуга*, *Матега*, *Матрега*, а по русским источникам с X в. – *Тмутаракань* [96, 201, 202].

В литературе существуют различные объяснения этимологии названия Тамань: из адыгского *темен* «болото», из тюркского *таман*, *табан*, «подошва», «ступня», «впадина»; из личного имени *Таман* и др. [96, 201; 44, 331].

Однако, похоже, что *Тамань* довольно древнее географическое название. Оно по своей основе роднится с античным названием Азовского моря – *Темиринда*, их же основа *там* // *тем*, скорее всего, может быть обозначением абхазо-абазинского древнего сообщества *Там*, что во мн. ч. – абаз. *Тамраа*, абхаз. *Тамар* (срав. *Темер-инда*). Современная форма ед. ч. имени *Там* – у абхазов *Там*, *Тамба*, *Тамбия*; у абазин *Там*, *Тамов*, *Тамбиев*; у кабардинцев – *Тамбий*. Последнее, т. е. *Там-бий*, как справедливо отмечает Лавров, переводится «князь Тамовский» [425, 364–366]. Таким образом, др.-греч. *Темиринда* (из *Тамар* «Тамовы») может быть этногидронимом, как и другие известные названия Азовского моря. Следует также отметить, что от абхазо-абазинской формы мн. ч. этнонима *Там* → *Тамар* также образована адыгская форма родо-

вого имени *Тамры* + *ку* или *Темры* + *ку* (Темрюк), букв. «Тамров сын» – отсюда и название города *Темрюк* у устья р. Кубань, ранее именовавшегося у древних авторов *Тирамба* (об этом см. ниже).

Этнонимная основа *Там* также просматривается в названии древнего города *Таматарха*, располагавшегося на берегу Таманского залива в районе совр. города Тамань. Ойконим *Таматарха*, как нам представляется, имеет слегка искаженную форму. Исходной для последней может быть *Тамадзарха*, букв. означающая на абхазо-абазинском «Тамская прибрежная равнина» – из *Там* + *адзарха*, где *адзарха* «прибрежная равнина».

Похоже, что этноним *Там* также представлен и в названии, заменившем древнее Таматарха – *Тмутаракань*. Последнее появляется в русской летописи с X в. как название центра русского княжества. В русской форме ойконима *Тмутаракань* следует видеть исходную *Тамы-таракан* (срав. адыг. Там-таракай), где в первой части *Там-ы* – этноним, во второй же части *тархан*, по-видимому, некий тюркский титул правителя, что и в качестве топонима встречается на Керченском полуострове – мыс *Тархан*, *Тарханские сопки* [96, 202, 203; 444, 431].

К имени древнего абхазо-абазинского сообщества *Там* (во мн. ч. *Тамар*, *Тамраа*, *Тамаа*) восходит этнонимная форма *Трам* (где *р* может быть наращением, или *Трам* из *Тамар*, *Тамр* «Тамовы»). Последняя, т. е. *Трам*, является именем известного абазинского княжеского рода, в прошлом признанных на всем Кавказе коневодов [425, 373; 37; 35, 23].

С именем абхазо-абазинского рода (племени) *Трам* (Там), скорее всего, связано страбоновское название города или крепости – *Тирамба* (совр. Темрюк) у устья р. *Антикита*, соответствующее птолемеевской *Аттикита* (северный рукав р. Кубань) [292, 211, 212; 304, 244]. Географический пункт *Тирамба*, упоминаемый также и Птолемеем [304, 244, 248], букв. на абхазском означает «Крепость Тиранов (Транов)», где *ба* (*баа*) «крепость» (срав. от *Азара* – *Азара-ба-а*). Название же реки (северный рукав Кубани) *Антикита*, *Антикет* или *Аттикита*, *Аттикит* (срав. у Плиния р. Антемунта у г. Диоскурия) переводятся с абхазского, как «село, община, района Агтиева» или «село, община Агтиева», где *кита*, *кит*, абхазо-абаз. *кыта*, *кыт* «село, община, район», а в препозиции – патроним. В этой связи обращают на себя внимание имена

абхазских привилегированных родов *Антиа*, *Антей-ба* «Антиев» и *Атеиба*, *Атеиба* «Аттиев», «Аттиевы».

Род *Трамов* относится к абазинам, именующим себя *тапанта*, что принято переводить с иранского (осетинского) как «равнинный житель» [42, 8]. Однако данный этноним, т. е. *тапанта*, может иметь и иную этимологию. На наш взгляд, в основе этнонима *тапанта* следует видеть географическое название *Таман*, фонетической формой которого может быть *Тапан* или *Табан*, а в окончании абхазо-абазинский суффикс принадлежности *т* (ныне в абхаз. *тә*). В целом же, *тапанта* из *таманты* → *тамант-а*, *тамант-аа* букв. будет означать «из Тамана», «таманские», «таманцы». Вместе с тем само название полуострова Тамань с абхазского *Тамны* переводится как «земля (владение) Тамов», где *Там* – название этнического общества и окончание – *н* – локативный суффикс, образующий название стран, этнических территорий (срав. *Аңс-ны* «Абхазия», *Агыр-ны* «Мегрелия», *Шәа-ны* «Сванетия»). Тамовские князья *Трамы* являлись первыми среди дворян великих князей Лаовых. В период могущества Абхазского царства, в частности в конце XI в., похоже, к Абхазии отходят управлявшаяся русскими князьями Тмутаракань (Таматарха, Матрега, Матраха) и территория Тмутараканского княжества; правителями становятся здесь князья *Лоовы* (*Лау*).

Арабский ученый XII в. Ал-Идриси сообщает: «Матраха (т. е. Тмутаракань, Таматарха. – В. К.) весьма древний город. Его князья, известные под именем *Олу Абас*, прославленные своей силой... храбростью и воинственным пылом, наводили страх среди своих соседей» [448, 359; 49, 152]. Общеизвестный перевод имени *Олу Абас* (*Олоу Аббас*) как «*Алоу* из рода Абас (или абасский)» ставят под сомнение И. Г. Коновалова и Б. Недков. Они слово «*улу*» возводят к *мулук* «владыка» [459, 169], что вряд ли соответствует действительности, хотя *Алоу Абас* – т. е. «Алоу абасские» и являлись владыками. Большинство же исследователей признают в имени «*OLou Аббас*» название абхазо-абазинского княжеского и царского рода *Лау* // *Лоу*. По поводу абхазского правления в Тамани академик А. П. Новосельцев пишет: «В 40–50 гг. XII в. в Тамани правила какая-то княжеская династия абхазского происхождения... В Крыму в XII в. в районе Керчи существовал город Русийа... В 40–50 гг. XII в. этот город находился во враждебных отношениях с абхазским князем в Матраха» [449, 107; 49, 152].

Тмутаракань или *Таматарха* в арабских источниках значит-ся *Матраха*, *Матрега*, в русском *Матраха*, что, похоже, является результатом усечения и искажения абхазо-абазинского ойконима *Та-матарха*, т. е. Матраха из Та-матарха. Вместе с тем именные формы *Матега*, *Матрега*, *Матрига* могут быть древними названиями части меотского (адыгского) берега Азовского моря: *Матега* или *Матыга*, букв. «берег матов // метов» – из *мат* или *мет* «меот» и абхаз. *га* (*а-га*) «морское побережье»; также переводится и *Мет-ре-га*, *Мат-ри-га*, где *Мет* // *Мат* – этнонимная основа, *р* – показатель третьего лица, мн. ч. «их» и *га* – «морской берег».

Представляется также абхазо-абазинским одно из названий р. Кубань (абхазо-абаз. *Кубина*) – *Псыж*. Последнее Дж. Коков рассматривает как адыгский гидроним в значении «старая река» – от *псы* «вода», «река» и *жс* (*жсэ*) – абхаз.-адыг. «старый» [207, 51]. Однако вряд ли бывает старая или молодая река, река может быть большой, мелкой, глубокой, бурной, холодной, теплой и т. д. Чаще всего крупные реки называются по имени народа, живущего у ее берегов. Поэтому логично видеть в гидрониме *Псыж*, обозначающей р. Кубань, по которой проходила северо-западная граница исторической Абхазии, абхазо-абазинский *Псы-дз* (Псазы, Псызы), букв. «абхазская река» – из *псы*(а-псы) «абхазы» и *дз* «вода», «река» [93, 66].

Абхазо-абазинские следы, по-видимому, сохраняют и ряд топонимов южного побережья Крымского полуострова. Имеются в виду названия приморских городов *Алупка* и *Алушта*. Первое переводится с абхазского, как «место вырубки жерновов» – из алу «жернов», т. е. «мельничный каменный круг» и *нка* – основа глагола *а-нка-ра* «резать», «вырезать», «вырубить». Второе же – Алушта, букв. «поле жерновов», «двор жерновов», «площадь жерновов» или же «площадь материалов для жерновов» – из алу «жернова» и *шта* «поле», «двор», «площадка», «усадебка». Как известно, жернова изготавливались из твердых горных пород как кварц, песчаник и гранит; лучшим считался кварц. Эти породы встречаются в природе нечасто. Потребность же в жерновах была значительной, они являлись объектом экспорта.

Обращает также на себя внимание и ойконим *Ялта*, локализующийся близ Алупки. В окончании имени *Ялта* может быть продуктивный абхазский локативный суффикс *та*, срав. *Ла-та*,

Мацес-та, Чхал-та, Ур-та, Ааҭс-та, Гумс-та, Пыш-та, Мсыр-та и многие другие топонимы в Абхазии. У абхазов бытует и личное имя *Ялта* (Иалта).

Возможно, абхазо-абазинского происхождения и название города Керчь, расположенного напротив Тамани. Последнее до сих пор не имеет общепризнанной этимологии. В этой связи напрашивается сопоставление данного ойконима с именем широко известного в прошлом абхазо-абазинского феодального (княжеского) рода *Кеч* // *Киач* // *Геч* // *Гиач*. От исходного *Кеч*, возможно, форма *Керч* [447, 80], где *p* может быть наращением, срав. *там* → *трам*. Существует также и фамилия *Керч* (представлена в Донецкой области). Древнейшее название г. Керчь – *Пантикапей* (основан в VI в. до н. э. – столица Боспорского царства), он же в IX–XI вв. – русский город *Корчев* или *Русина*, враждовавший с абхазским князем в Матрахе [449, 107].

Вызывает также любопытство и прибрежный пункт вблизи Керчи (Пантикапей) – *Акра*. Страбон пишет: «... в Пантикапейской земле, деревенька по имени Акра» [229, 211; 245]. Последнюю В. В. Латышев локализует у мыса Такиль-Бурун на Керченском полуострове. Прибрежные населенные пункты под названием *Акра* упоминают и другие авторы, в частности, Птолемей говорит о городе *Акра* в Сарматии на берегу Меотиды (в восточной части Утлукского лимана) [304, 234] и Стефан Византийский – о поселении *Акра* в Скифии. Это же название, т. е. *Акра*, в абхазском языке выступает в качестве географического термина в значении «мыс», «маяк» [365, 208], в современной же Абхазии под названием *Акра* известен район устья р. Дгамыш [93, 435].

Представляют также значительный интерес и ряд других названий географических пунктов, встречающихся у античных авторов:

– р. *Вардан* (т. е. Кубань) [304, 249], срав. имя абхазо-убыхского привилегированного воинственного рода *Вардан* (абх. Шардан);

– *Скопель* (поселение в районе устья р. Вардан, т. е. Кубань) – совр. *Копыл* (ст. Копыльсая) [304, 249], срав. *Копыл* с абхаз.-абаз. именем рода – абхаз. *Купал*, *Купалаа* «Купаловы», *Купал-ба* «Купалов», абаз. *Купал*, *Купалраа*, *Купалов* (подробно о них см. выше);

– *Гиппейские горы*, т. е. Конские горы (северные отроги Кавказа) [299, 245]. Страбон пишет: «На восточном берегу Меотиды есть река Большой Ромбит, за ним Теофаний (совр. Ея. – В. К.),

далее Малый Ромбит, затем Аттикит (Антикит. – *В. К.*), далее Псат и, наконец, Вардан (южный рукав р. Кубань. – *В. К.*); все эти реки текут из Конских и Кавказских гор» [299, 245, 249]. Страбоновский ороним *Гиппейские* (т. е. Конские) горы представляется нам продуктом народной этимологии абхазо-абазинского *Ашышьхақда* (совр. *Ашэшьхақда*) – названия северных отрогов Кавказа – из абаз. *ашы*, абхаз. *атишы* «лошадь, конь» и *шьха-куа* букв. «горы». На самом же деле в форме *Ашышьхақда* препозиционное *Ашы* этнопоним – название северо-западного Причерноморья, отсюда абхаз. *ашуа* (ашэуа) обозначение абазин-тапанта и *Ашышьхақда* «Ашские горы» или «Абазинские горы».

Таким образом, можно говорить о постоянном присутствии с I в. до позднего Средневековья абхазо-абазинского этнического элемента в лице абазы-таманта (тапанта) и других сообществ на Таманском полуострове. Прежде всего именно здесь складывались абхазо-русские и абхазо-адыгские этнополитические, этнокультурные отношения. Князя же тамовские – *Тамбии*, по-видимому, играли значительную роль также и в средневековой истории адыгов [425, 364–366]. По преданиям название *Кабарда* берет свое начало от имени *Кабарды Тамбиева*, происходившего, по одной версии, от абхазского горного общества «мудави» [445, 145, 420, 632, 365, 180], а по другой – из «басхег», т. е. тапанта [446, 319–322]. Следует подчеркнуть, что ойконим *Кабарда* фиксируется еще в начале XIV в. (см. карта Вескони), как название территории на северном побережье Азовского моря, примерно в районе нынешнего Таганрога [447, 80]. В XIV–XV вв. кабардинцы вынуждены были переселиться из Приазовья в верховья р. Кубань и в места их современного пребывания. Похоже, что именно тогда вместе с кабардинцами из Приазовья переселилась на Северный Кавказ часть абхазо-абазин, ныне именующая себя *тапанта*, что представляется фонетическим вариантом *таманта* «таманские», «таманцы» – *абаза таманта* // *апаса (апса) таманта*, т. е. «абаза таманские», что равно «абхазы таманские».

2. Царство апсилов

Флавий Арриан на Юго-Восточном и Восточном Причерноморье помещает всего шесть этнополитических образований: это царства махелонов и гениохов, лазов, апсилов, абасгов, санигов и

зегов. Выше уже говорили о Царстве махелонов и гениохов и Лазском царстве. Согласно Арриану, названные этнополитические образования, за исключением Царства махелонов и гениохов, во II в. уже находились в сфере влияния Рима, причем раньше всех сложились римско-апсильские отношения. Арриан говорит, что царь апсиров (апшилов) «получил власть» (утверждение) от императора Траяна (98–117 гг.), в то время как цари лазов, абасгов, санигов и зегов лишь от его сына – Адриана. В связи с апсилами представляет значительный интерес сообщение римского историка Евropsия о том, что Траян «принял колхов в подданство» так же, как иберов и некоторые другие народы [345, 369]. И здесь, похоже, под именем «*колхи*» скрываются *апсилы* (апсары, фасиане), так как именно при Траяне в Восточном Причерноморье сложились только римско-апсильские отношения, и Траяном был утвержден только титул царя апсиров (колхов) – Юлиана.

Как уже было сказано, Аpsилия занимала обширную территорию от р. Фазис до р. Кяласур (порой – до р. Гумиста). В силу географического положения своей страны, апсилы, как и лазы, контролировали важные международные торговые пути. Через Лазику проходила международная торгово-транзитная дорога, шедшая из Индии через приморский г. Фасис во внутренние районы Римской империи. Не менее важна была и апсильская дорога на Северный Кавказ. Поэтому не случайно, что ведущие центры Аpsилии были сосредоточены в Цебельдинской долине на пути к Клухорскому перевалу, который интересовал римлян с момента их появления на побережье. Перевальные дороги привлекали внимание римлян как в интересах развития торговых отношений, так и в целях безопасности своих границ. Абхазские перевалы представляли большую опасность, поскольку через них к жизненно важным для римлян центрам Колхиды прорывались воинственные аланы и другие северокавказские племена [34, 46]. Поэтому в охране Кавказских перевальных путей были заинтересованы как местные этнические сообщества, так и правители Римской империи. Похоже, что во второй половине III в. Аpsилия находилась на пути вторжения готов, а за тем и боспорцев во главе Савромата в пределы Римской империи. В конце IV в. уже Византийская империя, в том числе Лазики, Аpsилия, Абазгия и другие этнополитические образования Кавказского Причерноморья, оказались

перед опасностью вторжения гуннов. В этот период, как и ранее, Себастополис остается одним из главных римских опорных пунктов на побережье Аписилии. Здесь размещается значительный римский (византийский) воинский отряд, в числе которого входит так называемая «Первая конная когорта Клавдия» (около 500 чел.) [457, 84]. Римские корабельные стоянки и крепости находились в Гиеносе, Зеганисе (Гудаа) и в других прибрежных пунктах Аписилии [34, 55]. В частности, в конце IV в. в Зиганисе стояла «Вторая когорта Валента», т. е. отряд, насчитывающий около четырехста легионеров [460, 10]. Известно также, что на рубеже III–IV вв. в Зиганисе (Сиганей, совр. Гудаа) был похоронен Кириакиос, сосланный вместе со своими братьями в Аписилию императором Диоклетианом за приверженность к христианству [461, 190].

В 70-х гг. IV в. гунны, разгромив объединения аланов, вторгаются через Кавказские перевалы в южные Римские области. В этих условиях защита Кавказских перевалов для Византии становится вопросом первостепенной важности. Данное обстоятельство еще более тревожило абхазо-абазинские сообщества, прежде всего санигов, абазгов, апсиров и лазов (лоадзов), что, похоже, привело их к концу IV в. к союзническим связям, позволявшим совместную охрану перевалов и всего пространства, занимаемого ими. Судя по источникам, в этом объединении особую роль отводилась Лазики. Думается это было обусловлено прежде всего географическим положением Лазии, близостью ее к центру Византийской империи, а также, возможно, особым положением (старшинству) в истории абхазо-абазинских царей рода *Лау* (*Лоу*) или *Лауадзе* – основателей и правителей Лазского царства или *Лауазии* (см. выше). В союзе родственных этнополитических образований Кавказского Причерноморья была заинтересована и Восточно-Римская империя, пока существовала явная опасность вторжения гуннов в ее пределы. Ей нужен был в Закавказье сильный союзник, хотя бы формально считавшийся ее вассалом. Таковым могла быть сопредельная с Византией Лазика в союзе с другими царствами Кавказского Причерноморья. Прокопий говорит о том, что лазы имели единственную обязанность перед римлянами – защита своих (собственных) северных границ «дабы вражески настроенные гунны не могли бы из сопредельных с ними Кавказских гор, пройдя через Лазик, вторгнуться в римские владения» [462, 115, 412, 106–

107]. В таких же отношениях с Византией находились Апсилия, Абазгия и Санигия. Таким образом, в тот период, как отмечает Г. А. Меликишвили, военный союз между Римом и колхидскими политическими образованиями становится необходимым для обеих сторон [345, 379]. Однако эти отношения в кавказоведческой литературе трактуется по-разному.

Акад. С. Джанашия, ссылаясь на слова Прокопия Кесарийского – «они (т. е. апсилы и абасги. – В. К.) являются давнишними подданными лазов», считал, что абасги (абазги), апсилы и саниги попали в вассальную зависимость от лазов в 80–90 гг. IV в. н. э. [429, 315–317]. Г. Меликишвили же пишет: «Когда конкретно произошло подчинение Лазике апсилов или абазгов, нам не известно... Зависимость абазгов, во всяком случае к VI в. было несколько иной, чем подчинение апшилов. У абазгов были собственные два князя (два царя. – В. К.), один в западной, другой же – в восточной части их страны. Территория же апшилов, очевидно, непосредственно была включена в состав Лазского царства» [249, 341, 342]. Однако, как справедливо отмечает историк М. М. Гунба, при более внимательном прочтении первоисточников, мнение выше-названных авторов не в полной мере подтверждается. Так, тот же Прокопий Кесарийский пишет, что саниги «не являлись подданными ни римского императора, ни царя лазов» [20, 207, 208], он же говорит и об отпадении абазгов от римлян, а не от лазов [430, 400; 51, 161]. Прокопий также четко различает друг от друга Апсилию и Лазику, в частности, он пишет: «Мидяне стали подумывать о захвате под свою власть не только Лазику, но и Апсилию» [430, 403]. Такое разграничение, как отмечает З. В. Анчабадзе, позволяет думать, что Лазика и Апсилия не составляли, строго говоря, единого государственного целого [20, 207]. Более того, вряд ли можно говорить о подчинении в IV в. Апсилии, Абасгии (Абазгии) и Санигии Лазике, если последняя являлась данником Рима, и если в 362 г. лазы вынужденно обращались с просьбой к императору Юлиану, чтобы им позволено было спокойно жить в пределах своей страны [467, 1005]. Некоторые авторы полагают, что Лазика в конце IV в. усиливается, свидетельством чего, как они считают, является подчинение сванов лазам. Вместе с тем известно, что в первой половине V в. Византия усиленно наращивает свое присутствие на территориях лазов, апсилов, абазгов,

возможно и санигов и, похоже, пытается в полной мере подчинить последних себе. Однако к середине V в. Византия сама оказалась в сложной внешней и внутренней обстановке, вызванной, прежде всего войной с гуннами и ирано-византийскими отношениями. Пользуясь этим обстоятельством, правители Лазики, возможно и союзных с ним Апсилии, Абазгии, стали позволять принятие самостоятельных решений по вопросу внутренней и внешней политики своих царств. К середине V в. это привело к серьезному конфликту между Лазикой и Византией. В этом противостоянии лазы потерпели поражение, и Лазика была возвращена в лоно империи. Вскоре, пользуясь ослаблением Лазики, сваны вышли из ее подчинения, сама же Лазика в 70-х гг. V в. была завоевана Вахтангом Горгасалом [462, 121; 69, 16]. По договору же Вахтанга Горгасала с византийским императором, внутренняя Лазика (груз. Эгриси) со Сванией отошли к владениям Вахтанга Горгасала, а приморская Лазика, Апсилия, Абасгия и Санигия, остались, как и прежде, в сфере влияния Византийской империи [431, 177]. Далее, также не приходится говорить о подчинении Апсилии, Абасгии, Санигии Лазике. Что же касается противоречащего этим фактам заявления Прокопия о том, что абасги и апсилы являются давнишними подданными лазов, то оно преследует, по справедливому замечанию М. Гунба, политическую цель. Последняя заключалась в том, что Византия, одержав победу над Ираном, узаконив подчинение лазов себе, собиралась через них же подчинить и соседние с ними этнические сообщества [51, 161].

Вместе с тем очевидно и существование более тесных связей между Лазикой и Апсилией в V–VI в. На наш взгляд, эта связь, скорее всего, носила характер добровольного союза, на что указывает отпадение апсильов от колхов (лазов) в 550 г. из-за невыполнения последними своих союзнических обязанностей [430, 403].

Возникновение апсило-лазского союза, представлявшего этнически близко-родственное население, похоже, было вызвано возникшей необходимостью совместной защиты от нависшей над апсильско-лазским регионом угрозы нашествия гуннов – с одной стороны, персов и римлян – с другой стороны. Лазско-апсильский союз объявил себя наследником древнего Колхидского царства [20, 208]. Они, как пишет Агафий: «Гордясь старым названием колхов, сверх меры себя возвеличивают, и может быть,

не совсем без основания» [434, 73]. Это объединение территориально и этнически действительно в основном было тождественно Колхидскому царству и Царству фасианов. Вместе с тем, как уже было отмечено, древнеабхазо-абазинские сообщества были всегда взаимосвязаны, в переломные моменты их исторической жизни приходили на помощь друг другу, совершали совместные политические акции [365, 456].

Характерно также и то, что правители Лазики, не раз вынужденно покидая Лазику, бежали не в Сванетию, Картли или другие места, а в Абхазию (т. е. в Апсилию и Абасгию) [466, 63]. Лазов и апсильов, по-видимому, связывала как этническая близость, так и династическое родство их царей. Например, представляется, что брат лазского царя Цафия – *Опсит*, царствовавший в Лазике в 30-х гг. VI в. и царь апсильов середины VI в. – *Опсит*, руководивший в отсутствие абасгского царя *Скепарна* обороной абазгской крепости Трахея в 550 г., есть одно и то же лицо. Известно, что в этот период царем лазов был племянник Опсита, сын его брата Цафия и его жены гречанки – Губаз II [69, 51]. По поводу же царского имени – Опсит III. Д. Инал-ипа пишет: «...абхазское имя лазского царя (согласно Прокопию) *Опсита* также наводит на многие размышления» [365, 522]. В 532 г. Византия и Иран заключили между собой «вечный мир», по которому Византия закрепила свои прежние позиции в Причерноморье. Однако вскоре политика Византии в Лазике и поведение находившейся тогда здесь византийской армии привело к очередному восстанию лазов против римлян. Лазы были вынуждены обратиться за помощью к шаху Ирана Хосрову. Последний, нарушивший в 540 г. «вечный мир» с Византией, через год вторгся в Лазику [69, 53]. Хосров, захватив в Лазике Петру – территорию основной приморской военной базы византийцев, в 542 г. двинулся в Апсилию и Абасгию с целью захвата византийских укреплений Себастополя и Питиунта. Римские же воины указанных укреплений, заблаговременно узнав о намерениях Хосрова, как сообщает Прокопий, сожгли дома, разрушили до самого основания стены крепостей и на судах переправились в город Трапезунд. Убедившись, что византийцы покинули Себастополь и Питиунт, персы вернулись в Петру [69, 56]. В 550 г. иранское войско под командованием Набеда вступило на территорию Апсилии. Они были призваны сюда противником Губаза – лазским

вельможей Тердатом. Последний изменой сдал главную апсильскую крепость Цибил или Тзибил (абхаз. Цабал) [430, 403]. Здесь, вместе с апсилами, оказалась гречанка Феодора – жена Опсита, бывшего царя лазов и дяди Губаза. Набед захватил в плен Феодору и, оставив в Тзибиле часть своих воинов, отправился в Абазгию.

Иранцы, легко овладев Тзибиллой, возомнили себя хозяевами апсиров. По этому поводу Прокопий пишет: «Вследствие этого мидяне стали думать о захвате под свою власть не только Лазики, но и Апсильи» [430, 403]. Однако желанию мидян не суждено было сбыться. Главной причиной тому – разыгравшиеся вскоре события внутри крепости Тзибил. О них довольно подробно рассказывает Прокопий: «У начальника этой крепости (Тзибил. – В. К.) была жена родом из Апсильи, очень красивая лицом. В эту женщину внезапно безумно влюбился начальник персидского войска. Сначала он пытался соблазнить ее: когда же он увидел, что не имеет успеха, то без всякого колебания он применил насилие. Приведенный этим в яростный гнев муж этой женщины ночью убил его самого и всех тех, которые вошли с ними в это укрепление, оказавшихся невинной жертвой страсти их начальника, и сам завладел укреплением. Вследствии этого апсилы отпали от колов, упрекая их в том, что они не захотели оказать им помощи, когда они подверглись насилию со стороны персов» [430, 403].

Вскоре в объявившую себя независимой Апсилью вошел со своей армией византийский военачальник Иоанн, возглавлявший взятие абазгской крепости Трахеи. Ему «многими дружескими речами и обещаниями» удалось вернуть апсиров к прежним отношениям с Византией, в том числе с Лазикой [430, 403].

В 553 г. персидские войска во главе с Мермероем вновь предприняли поход в Апсилью и Абазгию. Однако персы были остановлены в Апсильи силами апсильско-византийского гарнизона крепости Тзибила. Мермерой вынужден был вернуться в Лазику [69, 88].

В 555 г. у восточных пределов Апсильи, на земле мисимиан, произошли трагические события, вызванные поведением прибывшего сюда византийского стратега Сотериха.

Мисимиане, по-видимому, являлись подразделением апсиров. Они занимали горную зону, лежащую между верховьями рек Кодор и Ингур, которая, согласно Прокопию, в начале 50-х гг. VI в.

еще входила в состав Апсилии [34, 64]. На земле мисимиан находились значительные крепости: в Кодорском ущелье – *Тцахар*, а вблизи р. Ингури – *Бухлоон*. Название крепости *Тцахар* (она же *Сидерон* «Железная» [69, 122]) происходит от гидронима *Дзыххар*, *Дзыххара* (абхаз. *Зыҭҭар-а*) – названия реки, у правобережья которой была построена эта крепость. Гидроним восходит к абхаз. *Дзыххар*, *Адзыххара* (совр. *Азыҭҭара*), букв. «мелкая вода», «мелководье» [94, 80]. На тесную связь апсилов и мисимиан указывает также и «Житие святого Максима Исповедника», согласно которому, в 60-х гг. VII в. крепость *Пуста* находится «в краях Апсилии и Мисимиании». В 555 г. византийский полководец Сотерих прибыл из столицы империи в Мисиминию и встал лагерем у крепости Бухлоон. Он привез сюда императорские деньги для раздачи северо-кавказским народам – союзникам Византии. Вместе с тем, похоже, Сотерих собирался передать апсилийскую крепость Бухлоон аланам, «дабы послы более отдаленных народов получали там субсидии и не было бы более необходимости византийским посланникам самим преодолевать трудности дальних горных переходов» [69, 99–100]. Слух об этом возмутил мисимиан, они отправили к Сотериху двух своих самых знатных представителей – Хада и Туана. Последние, как пишет Агафий, обратились к Сотериху со словами: «Ты хочешь нас обидеть, военачальник. Не подобает тебе позволять другим отнимать наше, ни самому этого желать. Если же у тебя нет такого намерения, как можно скорее отсюда уходи и избери себе другое местопребывание. У тебя не будет недостатка в необходимых продуктах: мы все будем доставлять. Здесь же тебе оставаться нельзя никоим образом, и мы не допустим, чтобы ты медлил и оставался здесь» [434, 87]. Сотерих счел оскорбительным требования мисимиан и велел избить мисимианских представителей, оскорбив тем самым всех мисимиан. Пришедшие в ярость мисимиане ночью разгромили византийский лагерь, уничтожив Сотериха, его сыновей и унесли с собой деньги, предназначенные для раздачи северо-кавказским союзникам византийцев. Затем мисимиане перешли на сторону иранцев, прося у них помощи. Однако иранцев опередили византийцы. Они смогли оперативно организовать (556 г.) карательный поход в Мисиминию. Для начала византийцы попытались путем переговоров склонить мисимиан

к благоразумному признанию «прежних правителей», т. е. лазского и византийского, а также к возврату денег, доставшихся им от Сотериха.

Византийскими военачальниками было решено в качестве переговорщиков (послов) использовать апсиров. Выбрав среди них самых разумных представителей, они отправили их к мисимианам. Последние же, как говорит Агафий, «отбросив и нарушив общечеловеческие законы, немедленно убили послов, хотя они были апсийцами, их соседями, близкими им по образу жизни, хотя они и не знали и не принимали участия в том, в чем те обвиняли одинаково римлян и Сотериха, но желали только сделать дружеский, без всякого упрека совет, могущий принести им выгоду» [434, 118–119].

Византийцы, сильно разгневанные случившимся, перешли к решительным карательным действиям. На своем пути они не щадили ни женщин, ни детей. В итоге, потерпев жестокое поражение, мисимиане вынуждены были покориться и вернуть захваченные у Сотериха деньги. В ответ на это византийцы «разрешили мисимианам продолжать жить в своей стране по своему усмотрению» [434, 67; 462, 156].

Дальнейшее упоминание мисимиан связано с деятельностью византийского дипломата Зимарха. Известно, что последний (569–570 г.), возвращаясь из Средней Азии и достигнув центра Алании, вынужден был отказаться от более короткого «мисимийского пути» через Кавказ и прошел западнее, дарьинским (апсийским) путем, через Апсилию [69, 118].

В VII в., по-видимому, часть территории мисимиан контролировали аланы. Согласно источникам, если в середине VI в. византийцы пытались передать мисимийскую крепость Буколус (Бухлоон) аланам, [69, 99–100], то в 60-х гг. VII в. эта крепость уже находилась в руках алан [464, 1–12].

В самом конце VII в. арабы проникают через Лазику в Апсилию и Абасгию, и, похоже, им удастся укрепиться на короткий срок в Мисиминии. Как пишет историк Феофан Исповедник: «... была там (в Мисиминии. – *В. К.*) крепость, называемая Сидерон, начальником которой был Фарасманий, подчинявшийся в то время сарацинам (т. е. арабам. – *В. К.*)» [465, 84]. Эта крепость в период между 706 и 710 гг. была захвачена посланником византийского

императора Юстиниана II – спафарием Львом Исавром, благодаря в первую очередь помощи апсилов.

Что же касается собственно Апсилии, то у нее сложились дружеские отношения с Византией с 562 г., т. е. со времени подписания договора о перемирии между Византией и Ираном сроком на 50 лет.

Тем не менее, Апсилия, как Лазика и Абасгия, контролировалась Византией через свои приморские крепости. Со временем, уже в первой половине VII в., вся Колхида практически превращается в византийскую провинцию. С ее политической арены, как отмечает Ю. Воронов, уходят базилевсы-цари, вместо которых появляются патрикии [69, 111]. Так, например, царская власть в Лазике была упразднена еще в первой половине VII в., в частности, после 623 г., когда император Ираклий был недоволен Лазикой за ее отказ от участия в предпринятом Византией персидском походе [19, 71]. Представляют значительный интерес сведения об Апсилии середины VII в. Имеется в виду история ссылки в Лазикку Максима Исповедника и его сподвижников – апокрисария Анастасия и его ученика Анастасия-инока [464, 1–12]. Последний описал свои странствия в Лазике в письме к иерусалимскому монаху Феодосию Гангрскому. В ней Анастасий перечисляет все крепости, где он томился, с указанием их локализации. В их числе апсилийские крепости *Скотор* в ущелье р. Кодор [51, 191], *Пуста* восточнее Азанты (из абхаз. *Цешиҭа*, букв. «площадь или двор у обрыва» [94, 233–234]), *Тусум-е* (совр. абхаз. *Дзым-ашта*, букв. «двор Дзымовых») [24, 251, 252]. Вызывает особое любопытство сообщение Анастасия о том, что в начале 60-х гг. VII в., в течение двух лет в Лазике был отстранен один из правителей, а сменивший его другой в течение 663 г. дважды лишался власти [276, 44–45]. При этом, в обоих случаях последний бежал в страну абасгов, и с помощью правителя Абасгии восстанавливал свою власть в Лазике. Вскоре он же вынужден был уступить свое место новому «богобоязненному, христолюбимому» правителю по имени Григорий.

Примечательно, что в тот период резиденция лазских правителей находилась не в самой Лазике, в восточной ее части, как это было всегда, а в северо-западной Апсилии, в районе резиденции апсилийских правителей. Как уже было сказано, в начале 663 г. тогдашний правитель Лазики был смещен. Согласно рас-

сказу Анастасия, резиденция этого правителя еще находилась во внутренней Лазики. Резиденция же сменившего его правителя уже помещается в Апсилии в районе Тзибила (Цебельда), вблизи крепости *Пустус*, где был заключен Анастасий. Новый патрикий (правитель) Лазики освободил Анастасия из крепости *Пустус* (совр. *Анушта*) и поселил его вблизи своей резиденции в том же районе [69, 114]. Здесь же находилась резиденция и последующего правителя Лазики – Григория, а также, возможно, и его преемника, известного под абхазо-адыгским именем *Барнук* (или Ле-Барнук) [69, 114–115; 94, 251], срав. с царским именем *Капарук* в т. н. «Диване абхазских царей».

Все это, похоже, указывает на попытку окрепшей Абазгии представить апсильских правителей в качестве правителей всей находившейся тогда под имперским правлением Лазики и тем самым – расширить и укрепить свое влияние как на Апсилию, так и на всю Лазику.

Однако вскоре коренным образом меняется политическая ситуация во всем Западном Закавказье. Сюда в конце 90-х гг. VII в. вторгаются арабы, продвижению которых способствовало восстание против Византии лазского правителя Сергия – сына Барнука, и подчинение Лазики арабам. На сторону арабов перешли также Апсилия и Абасгия. В Апсилии арабы разместили несколько своих гарнизонов, но уже в начале VIII в. Византийской империи удастся восстановить в регионе прежнюю ситуацию, что стало возможным благодаря прежде всего усилиям будущего императора Византии – спафария Льва Исавра. В частности, как пишет Феофан, византийский император Юстиниан II отослал в 708 г. Льва Исавра «в Аланию с деньгами для того, чтобы поднять аланов на Абасгию, в то время как арабы завладели и Абасгией, и Лазикой, и Иверией». Лев Исавр, оставив деньги в Фасисе, пробрался через Апсилию к аланам и организовал вторжение союзных Византии алан в Абасгию. Выполнив стоявшую перед ним задачу, в 711 г. перейдя один из перевалов, Лев Исавр спустился в страну апсиров. Здесь он смог собрать скрывавшихся от арабов византийских солдат, в основном армянской национальности. Им предстояло двигаться вниз через укрепленное ущелье. Как пишет Феофан: «А была там крепость, называемая *Сидерон* “Железная” (она же *Тцахара*. – В. К.), начальником которой был некто Фарсманий,

подчинявшийся в то время сарацинам» [465, 84]. Лев Исавр был вынужден, с помощью сопровождавших его алан и армян, организовать осаду крепости *Сидерон*. Исход сражения решил патрикий апсиров *Марин*, который пришел на помощь Исавру с тремя сотнями своих воинов. Разрушив Сидерон, Лев Исавр «отправился в Апсилию в сопровождении Марина, первого у апсиров, и был принят со многими почестями». Далее он с почетом был выведен из резиденции Марина, находившейся, по предположению ученых, на горе *Шапкы* (*Собга* др. источников), в 7 км от Цибилиума и доставлен к морю, где и сел на корабль в порту Севастополиса [69, 122–123; 34, 69].

Арабы вошли во второй раз в Апсилию в 738 г. Как сообщает Феофан Хронограф, в период осады Анакопии Мурваном ибн-Мухамедом (Мурван Кру) другой арабский полководец – Сулейман ибн-Исам – вступил в Апсилию. Арабы взяли штурмом Сидерон (Тцахару) и захватили в плен последнего правителя апсиров, Евстафия – сына «блистательного патрикия» Марина, в недавнем прошлом помогавшего Льву Исавру. Сам Евстафий также являлся незаурядным человеком, пользовался заслуженной известностью в христианском мире. Потерпев поражение под Анакопией, арабы увезли Евстафия с собой и, после неудачной попытки обратить в исламскую веру, казнили [19, 93–94; 69, 127]. По этому поводу Феофан сообщает, что в 740 г. Сулейман ибн-Исам «перебил всех пленных христиан во всех городах его владычества, причем пострадал и Евстафий блаженный, сын Марина, знаменитого патрикия. Несмотря на все принуждения, он не отрекся от истинной веры и в знаменитом городе месопотамском Харане оказался истинным мучеником, где святые мощи его благодати божьей, производят всякие целения» [69, 127].

Как справедливо отмечается в исторической литературе, в 738 г. арабы нанесли такой урон Апсилии, что она в дальнейшем уже не смогла возродиться в качестве самостоятельного политического образования [34, 69].

О социально-экономической структуре Апсилии в I–VII вв. можно судить на основе анализа многочисленного, разнообразного археологического материала. Наиболее ранним и ярким археологическим памятником Апсилии является погребение, найденное в селе *Тагилан* (Тагилон). Здесь обнаружено много золо-

тых изделий: голова оленя с ветвистыми рогами, золотые бусы, бляшки, серебряная посуда – стакан, чаши, кубок, блюдо, кольцо, обломки бронзового кувшина, железные конские удила и другие предметы, относящиеся к рубежу I–II вв. [69, 20–21].

В I–III вв. н. э. в Апсилии широко распространяются римские монеты, фибулы – булавки, среднеземноморские раковины для ожерелий, амфоры, стеклянная посуда, предметы вооружения и другие материалы, «иллюстрирующие нарастание римско-апсильских связей» [34, 47].

В материальной культуре также представлены общечерноморские образцы мотыг, вооружения, украшений и др., а также и материалы, указывающие на связи апсильов и аланов. Археологический материал Апсилии также указывает на развитие местной самобытной культуры. Представляет значительный интерес местная школы гончарного производства и металлургии. В целом же, материалы раскопок в Цебельде, отличающиеся рядом своеобразных черт как в области материальной, так и духовной культуры, дают археологам возможность выделения в Западном Закавказье особой археологической культуры под названием «цебельдинской» [455, 273–274; 201–219] или «апсильской».

В социальном аспекте апсильское общество было уже довольно резко дифференцированным на бедных и богатых, а в религиозном отношении здесь были представлены как язычество, так и неофициальное христианство [456, 69]. В VI в. в Севастополисе (Сухуме) появляется храм, построенный в честь мученика Ореста. Севастопольский епископ в 451 г. участвует в IV Вселенском соборе в г. Халкидоне [459, 14].

В качестве официальной религии христианство апсилами было принято в 30-х гг. VI в., вслед за лазами [34, 65, 66].

3. Царство абазгов (абасгов)

Как уже было сказано, в первой половине II в. рядом с апсилами находились абасги, причем апсилы с северо-запада одновременно граничили как с санигами, так и с абасгами. Последние же, т. е. абасги, занимали горную часть территории современной Абхазии от верховья р. Келасур (или Гумиста?) до верховья р. Псоу (возможно, до р. Мзымты), а также и прилегающие к ней земли Северного Кавказа, лежавшие вблизи алан (см. выше). Именно в этот

период, согласно Арриану, во главе Царства абасгов стоял некий царь Ресмаг, утвержденный римским императором Андрианом.

Вскоре абасгам удастся расширить свою территорию за счет приморских земель санигов в междуречье р. Гумиста и Псоу. При этом трудно судить – произошло это в результате захвата данной территории абасгами или в результате слияния близкородственных этнических обществ. Так или иначе, уже в V в н. э. апсилы граничат только с абасгами (похоже, по р. Гумиста), а граница между абасгами и санигами уже проходит по реке Абаск (Псоу). Таким образом, на рубеже II–III вв., Абасгия (Абазгия), как и другие абхазо-абазинские политические образования, становится приморской страной. Сведения об абасгах (абазгах) довольно часто встречаются в II–X вв., в сообщениях древних авторов. Согласно источникам, во II–V вв. Абасгия находилась в сфере политического влияния Рима.

В конце II в. на месте греческого Питиунта была построена мощная римская крепость, в которой, как отмечает Ю. Воронов, размещался не только значительный гарнизон, но и, по-видимому, центральное командование целой группы гарнизонов, расквартированных в Северной Колхиде [69, 25]. Похоже, в этот период территория Абасгии являлась северным пределом влияния Рима на Черноморском побережье. Известно, что еще в 40-х гг. III в. римляне были вынуждены вывести свои воинские гарнизоны с Боспорского царства и уже в этом регионе были сильны антиримские настроения. Поэтому не случайно, что с середины III в. жители Северо-Западного Причерноморья, Боспорского царства и готы начинают предпринимать попытки уничтожить римское укрепление в Питиунте, а затем и в других местах Причерноморья. Первая попытка захватить Питиунт оказалась неудачной. Через несколько лет готы повторили свой набег на Питиунт. Им на этот раз удалось взять укрепленный город, разграбить его и увести жителей в плен [15, 71]. Вскоре, в конце 50-х гг. III в. Питиунт в числе других городов на Кавказском побережье Черного моря вновь был захвачен и разграблен готами. В конце же III в. полководец боспорцев Савромат во главе меотийских сарматов совершил поход против римлян, завоевал страну лазов и достиг реки Галиса в Малой Азии, а затем вынужденно вернулся в Боспор. Эти и другие события указывают, что Рим в III в. не был в состоянии эффективно защищать

свои владения и подопечные им территории. Это было обусловлено обострением в Риме в III в. внутривластной обстановки, ожесточенной борьбой между отдельными социальными группировками, неудачными войнами, которые приходилось вести Римской империи против усилившегося Персидского государства Сасанидов и другими факторами. Во второй половине III в. отношения между Римом и Абасгией, как с Ассирией и Лазикой, являлись союзническими, Рим не в состоянии был вмешиваться в их внутренние дела.

На рубеже III–IV вв. центр римской империи постепенно перемещается на Восток, в связи с чем в первой половине IV в. наблюдается некоторое укрепление римской мощи в восточных провинциях, в частности, в прибрежных городах Центральной и Северной Колхиды. Похоже, становятся более тесными связи Римской империи с Абасгией. В конце III в. вновь отстроенный Потиунт становится местом ссылки христиан. В первой четверти IV в. здесь формируется христианская община во главе с епископом Стратофилом, участником Никейского собора 325 г. [34, 55].

Согласно известному источнику «Мученичество святого Орентия», написанному в IV в., римский император Диоклетиан инстинктивно царя абасгов *Ригвадина* в отношении высланных в Потиунт христиан [69, 25]. Позднее Потиунт упоминается епископом Феодаритом Кирским в связи с описанием злоключений Иоанна Златоуста, умершего в 407 г. по пути в Потиунт, куда он был сослан. Феодорит также говорит, что Потиунт в его время представляет собой «крайний предел Понта и римской власти, соседний с самыми дикими варварами» [467, 622].

В IV в. большое число абасгов стало уходить на службу в римскую армию, в которой, на рубеже IV–V вв., складываются целые воинские подразделения абасгов (*Ala prima abasgorum*) [69, 26]. Тогда же в Египте стояло римское воинское подразделение – когорта, носившее название «Первая когорта абасгов» [34, 51]. Вместе с тем с образованием Византийской, т. е. Восточно-Римской империи (395 г.), в Абасгии, как и в других частях Понтийского лимеса, резко увеличивается численность римских солдат. В Себастополе располагается «Первая конная когорта Клавдия» [457, 84], а в Потиунте была расквартирована «Первая счастливая когорта Феодосия», состоявшая из пятисот легионеров [457, 85].

Прежде всего это было вызвано опасением нашествия гуннов в пределы империи. Тогда же гунны под предводительством Атилы вторгаются через Кавказские перевалы в южные римские области [458, 143–153]. Однако в этот период ослабевшая в борьбе с вандалами, гуннами и во внутривосточной борьбе Византия была не в состоянии самостоятельно защищать свои пределы. Поэтому прежде всего нашествия гуннов, подтолкнули Византию к концу IV в. к союзническим отношениям с абхазо-абазинскими этнополитическими образованиями, в том числе с Абасгией, на стороне которой находились важные перевальные пути. Пользуясь этими отношениями, Византия совершенствует созданную им оборонительную систему «Понтийский лимес» в Восточном Причерноморье и резко увеличивает здесь численность римских солдат. Как уже было сказано, только в Пителинте в V в. находилось уже 500 легионеров [34, 55]. Таким образом, Византия в первой половине V в., похоже, смогла поставить под свой контроль Лазику, Аписию и Абасгию. Далее, как явствует договор Вахтанга Горгасала с византийским императором, Абасгия во второй половине V в. оставалась в пределах Византийской империи [431, 177].

В первой половине VI в. присутствие Византии в Абасгии становится еще более ощутимым для населения последней. Как пишет Прокопий: «Римские воины, посылаемые императором и уже давно расселившиеся среди них (абасгов. – *В. К.*) во многих пунктах, сочли возможным присоединить эту страну к владениям Римской империи; вместе с тем они ввели у них некоторые новые порядки. Ввиду более насильственного проявления власти абасгии... пришли в негодование» [430, 400]. Следует подчеркнуть, что силовое решение Византией полного присоединения Абасгии к империи не состоялась в силу того, что в 542 г., под нажимом персов, Византия была вынуждена вывести свои гарнизоны из Пителинты и Севастополиса. Как отмечено в исторической литературе, Византия, утратив возможность контроля над абасгами с помощью грубой силы, выждав удобный момент, прибегла к помощи дипломатии. Около 548 г. в Абасгию прибыл посланец императора – абасг Евфрат, который сумел добиться введения здесь христианства в качестве официальной религии. Из Константинополя был прислан епископ, на средства, выделенные Юстинианом, был построен храм, а при императорском дворе основана школа, где

специально обучались мальчики из Абасгии. Абасгам, как христианам, были дарованы равные с византийцами права. Соответственно, местным князьям было запрещено впредь уродовать и продовать в рабство своих единоплеменников-христиан [34, 58]. Как отмечает Прокопий, большинство евнухов у римлян и, главным образом, в царском дворце, были родом абасги [430, 383], а, по сообщению историка Евнапия (Евагрия), из абасгов состояла и внутренняя стража Юстиниана [19, 45; 468, 110–111].

Вместе с тем византийское правительство во главе с Юстинианом направляло своих агентов в Абасгию, с целью восстановить оппозиционные круги абазгов против их царей под предлогом борьбы с практикуемым последними кастрированием юношей [430, 382]. И вскоре, согласно Прокопию, «абасги, низложив своих царей, решили жить на свободе» [430, 383]. Однако вслед за этим, как отмечает Ю. Воронов, порядки, введенные в Абасгии византийцами без согласования с ее исконным населением, вызвали в среде последнего негодование. Воспользовавшись затруднениями империи в войне с Ираном за Лазик, абасги снова выбрали себе царьков: *Онсита* – в восточной части страны и *Скепарну* – в западной, и призвали на помощь персов. Как нам представляется, против своих правителей, а затем и против Византии, одновременно восстало население как Абасгии, так и Апсилии. Вслед за Абасгией, в 550 г., от Византии (прежде всего Лазики) отложились и Апсилия. Тогда же персидские войска во главе с Набедом, двигаясь в Абасгию, захватили обманым путем (см. выше) апсильскую крепость Тзибилу и здесь же пленили жену Опсита (в прошлом царя лазов и дяди Губаза) – гречанку Феодору. Далее персидские войска прибыли в страну абасгов. Пробыв здесь недолго, взяли они в качестве заложников шестьдесят мальчиков из самых знатных абасгов и двинулись назад. Вместе с армией Набеда в далекую Персию, помимо Феодоры и заложников, отправился один из абасгских царей – Скепарна, которого Хосров пригласил к себе для переговоров [69, 67, 68].

Переход абасгов на сторону персов с гневом воспринял Византийский император Юстиниан. По приказу Юстиниана командующий вооруженными силами Византии в Лазике Бесс, «отобрав из римского войска очень многих и поставив над ними начальниками Улигага и Иоанна... Бесс тотчас отправил их на кораблях в область абасгов» [430, 400–401].

В связи с отсутствием Скепарны, организацию обороны абасгов вынужден был взять на себя *Опсит*, который, как говорит Прокопий, «узнав о походе римлян, собрал всех абасгов и со всем рвением стал готовиться к войне с ними» [430, 400–401]. Как нам представляется, этот Опсит в то время являлся царем Апсилии, т. е. Восточной Абхазии, а в прошлом и Лазики, где Опсит унаследовал лазский престол от своего брата Цафия (см. выше). Не случайно также, что жена Опсита – гречанка по имени Феодора – находилась в центре Апсилии, в крепости Тзибил.

По поводу личности Опсита Ш. Д. Инал-ипа пишет: «Надо думать, что Опсит был не “царем” восточных абасгов, как об этом пишет Прокопий, а являлся властителем “восточной стороны” Абхазии, то есть царем Апсилии, западные пределы которой во время Прокопия простирались, по-видимому, до самого района Сухума, а может быть чуть дальше. В западной же стороне Абхазии того времени, то есть у всех собственно абазгов, царем был, в таком случае, Скепарна. При всем том, с именем Опсит в источнике наблюдается явная путаница: то он “царь”, то “правитель абасгов”, то властитель “восточной стороны” Абасгии, и, как ни странно, этим же именем назван и неизвестно откуда взявшийся “лазский царь”, причем непонятно, когда он царствовал в Лазике, да и имя его явно абхазского (апсильского) облика. Странно, почему вдруг понадобилось лазам назвать члена царской семьи, будущего наследника лазского престола апсильским, а не лазским именем? Обращает на себя внимание присутствие как в имени Опсит, так и в названии Апсилии элемента “пс”. Что же касается того, что по названной Прокопием причине – отсутствия западно-абхазского Скепарны, задержанного Хозроем в Персии, обороной Трахеи руководил апсильский Опсит, то это не должно нас особенно удивлять, тем более, что и сама Апсилия, где также были сильны сепаратистские тенденции, отпала в это же время от лазов и римлян, т. е. почти одновременно с абасгами, что было явно неслучайным явлением. В переломные моменты своей исторической жизни апсилы и абазги выступали, очевидно, как один народ, то есть обстоятельства вынуждали их совершать согласованные политические акции» [365, 456].

Силы абасгов (возможно и апсилов) Опсит сосредоточил в крепости Трахея, которая находилась вблизи моря на границе между

Апсилией и Абасгией. Об этом укреплении Прокопий пишет: «За пределами апсильев при входе в пределы абасгов есть место следующего рода: высокая гора, начинающаяся от Кавказского хребта и все понижающаяся, заканчиваясь как бы лестницей, тянется вплоть до самого Эвксинского Понта. У подножия этой горы еще в древности абасги выстроили очень сильное укрепление, по величине наиболее значительное. Здесь им всегда удавалось отражать нападение врагов, которые ни в коем случае не могут преодолеть неприступности этого места. Есть один только проход, ведущий в это укрепление и в остальную страну абасгов, по которому нельзя идти людям по двое в ряд... Над этой узкой тропой тянется очень отвесная и грозная в своей суровости скала, идущая от лагеря до самого моря. Это место и носит, достойное этого отвесного обрыва: люди, говорящие здесь по-гречески, называют его "*Трахеей*" – сурово-кремнистым» [430, 401].

Следовавшее в Абасгию византийское войско «пристало к берегу между пределами абасгов и апсильов; высадив войска на сушу (похоже, в западной части контролируемой римлянами Себастополя. – В. К.), Иоанн и Улигаг двинулись пешим строем, а моряки на легких судах всем флотом следовали за войнами вдоль берега». Византийцы решили атаковать крепость Трахею с востока. Однако, когда они стали подходить к крепости по тропе через узкую местность, «увидели над собой вооруженных и в боевом порядке абасгов, стоящих над этой тропой... вдоль всего обрыва» [430, 401]. Византийцы остановились в большом недоумении, не зная, как им выйти из настоящего положения. Наконец, решив, что лобовая атака принесет значительные потери, византийские военачальники разделили войска на два больших отряда, один из которых, под командованием Иоанна, сделав вид, что уходят, вернулись к своим кораблям. Далее на веслах они обогнули то место, где *Трахея* подходит к берегу, и, тем самым, оказались в тылу у неприятелей. Затем, распустив знамена, обе части византийской армии пошли на абасгов, которые, как говорит Прокопий, «увидав врагов, наседающих на них с двух сторон... в полном беспорядке обратились в бегство и стали отступать от этого места все дальше и дальше» [430, 401–402].

Абазги вынуждены были отступить за крепостные стены. Однако стража не успела закрыть вовремя ворота, и противник во-

рвался внутрь крепости без всяких препятствий. Абасги же, заняв оборону на крышах домов, пытались отбиться сверху, но нападавшие подожгли дома, и Опсит с небольшим отрядом бежал на Северный Кавказ к союзникам персов – гуннам. Византийцы взяли в плен жен знатных абасгов со совсем потомством и приближенными, опустошив прилегающую местность [34, 60]. Таким образом, в 550 г. абасгам пришлось заплатить большую цену за свое стремление к независимости.

В связи с вышеописанными событиями, важно определить локализацию крепости *Трахея*, относительно которой до сих пор нет единого мнения. Одни исследователи (С. Н. Джанашия [469, 73], В. А. Леквинадзе [470, 181, 185] и др.) *Трахею* помещают в районе старой Гагры, другие же (Д. Бакрадзе [471, 25], З. В. Анчабадзе [19, 11], Ш. Д. Инал-ипа [365, 463], Ю. Н. Воронов [69, 7] и др.) пытаются доказать, что она находилась на вершине Анакопийской (Апсарской) горы в совр. Новом Афоне. В последнее время высказываются и другие мнения. Например, краевед Т. Гицба, опровергая, на наш взгляд вполне обоснованно, вышеназванные мнения, считает, что Трахея могла находиться у приморской части Келасурской стены, где, по его мнению, проходила граница между Апсилией и Абасгией [382, 50, 51]. Мы также осторожно уже высказывали и свое мнение о том, что Трахее может соответствовать район крепости Уз-абаа, находящейся вблизи правого берега р. Гумиста (Гэымста) на Верхне-Эшерском плато [94, 256]. На наш взгляд, описанная Прокопием *Трахея* полностью соответствует указанной территории по следующим признакам:

1. Трахея была расположена вблизи границы между Абасгией и Апсилией – «за пределами Апсилии при входе в пределы абасгов» [430, 401];

- Границей между Апсилией и Абасгией являлась р. Гумиста [19, 8] у правобережья которой находится Верхне-Эшерское плато.

2. Трахея располагалась на довольно значительном расстоянии от моря в «гористых местностях» [69, 7];

- Верхне-Эшерское плато также отстоит от моря на значительном расстоянии (около 5–6 км), и само плато представляет собой гористую местность.

3. Согласно Прокопию, Трахея находилась на горе «начинающейся от Кавказского Хребта и все понижающейся, заканчиваясь как бы лестницей, вплоть до самого Эвскинского Понта» [430, 401];

– Здесь также нетрудно узнать территорию Верхне-Эшерского плато и села Эшера, «все понижающегося, заканчиваясь как бы лестницей» тянувшегося вплоть до самого Эвксинского Понта, т. е. Черного моря.

4. В источнике также говорится: «Есть один проход, ведущий в это укрепление (т. е. Трахею. – В. К.) и в остальную страну абасгов, по которому нельзя идти людям даже по двое в ряд... Над этой узкой тропой тянется очень отвесная и грозная в своей суровости скала, идущая от лагеря до самого моря. Это место и носит название, достойное этого отвесного обрыва: люди, говорящие здесь по-гречески называют его “Трахеей” – сурово-кремнистым» [430, 401].

В действительности не только тогда, но и в настоящее время добраться напрямую от моря через село Эшера к Верхне-Эшерскому плато довольно сложно. В прошлом в плато входили через Гумистинское ущелье, минуя крепость *Узабаа* [Трахея. – В. К.]. Узкая тропа начиналась у входа в горловину Гумистинского ущелья у верхнего гумистинского моста. Далее тропа идет по правой стороне р. Гумиста на расстоянии около 1 км, а затем сворачивает в гору, к отвесным скалам, о которых говорит Прокопий, и к «единственному входу в Трахею», т. е. к проходу через крепость *Узабаа*. Здесь же пещера, из которой вытекает большой родник. Все это находится у восточного предела Верхне-Эшерского плато и, как известно, именно с восточной стороны римляне первоначально подошли к Трахее. Эта же сторона является самой низкой и выступает как подошва у всего гористого плато. Здесь же крепость *Узабаа*, защищавшая с востока единственный проход в этот район. Похоже, Прокопий имеет в виду именно эту крепость, когда говорит, что у подножья «горы еще в древности... выстроили очень сильное укрепление... Здесь им всегда удавалось отражать нападение врагов» [430, 402].

Согласно источнику, район Трахеи занимал обширную территорию с многими поселениями. Римляне вынуждены были атаковать этот район с двух сторон, для чего часть римского во-

йска осталась у восточного входа, другая же, обогнув на кораблях приморскую Трахею, высадилась, похоже, где-то в районе Гвандра. Далее римские воины, взобравшись на гору, оказались сзади абасгов.

Как видим, все что сказано выше, никак не подходит к крепости в Старой Гагре и, тем более, к Анакопии в Новом Афоне.

Наконец, в пользу идентичности территории, именуемой Прокопием Трахеей, и территории Верхне-Эшерского плато также говорит название поселения и крепости *Узабаа*, локализующихся, как уже говорилось, у восточного прохода в указанный район.

Согласно народной этимологии, название крепости *Узабаа* переводится как «Крепость печали», «Плачущая крепость» – от *ауаз* «плач», «причитание». В действительности же, в препозиции названия, скорее всего, этническое имя *уаз*, во мн. ч. *уазаа* (ныне пишется *Воз-ба*, у абазин – *Оз-ов*), и *абаа* «крепость»: *Узабаа* «крепость Уазовых». Если же учесть соответствие абхазского *а-уаз* форме *аваз* // *абаз*, лежащих в основе известных этнонимных форм *авазг* // *абазг*, то название крепости *Узабаа* или *Уазырбаа* букв. переводится «крепость (авазгов) абазгов» или «Абазгская (Авазгская) крепость» [94, 256].

Как уже было сказано, практически весь VI в. Абазгия, как и Апислия, Мисиминия и Лазика, была охвачена кровопролитной национально-освободительной борьбой. Каждое неудачное выступление имело тяжелые последствия. К ним относится и депортация населения.

Так, после подавления антивизантийского выступления абасгов, руководивший обороной Трахеи царь (апсилон?) Описит с частью воинов вынужден был перейти на Северный Кавказ к гуннам, где, похоже, и остался. Накануне этих же событий персы, уходя из Абасгии, забрали с собой шестьдесят мальчиков из самых знатных абасгов, каждого из которых, надо полагать, сопровождало определенное число обслуживающего персонала из абасгов. С персами ушел на переговоры с царем Ирана – Хосровом также и царь абасгов Скепарна со своей свитой, и вряд-ли кто-либо из них вернулся в свою страну. Тот же Хосров в 549 г. принял решение «весь народ лазский переселить, а Лазику заселить персами и другими народами» [412, 210]. Похоже, этот план частично был осуществлен. Азербайджанский исследователь С. Ю. Касумова, со ссылкой на

арабского историка IX в. А. Табари, пишет, что при Хосрове I в. Азербайджан были переселены *аланы, абхазы, болгары* и люди из племен *сул* [472, 48]. Известно, что от Сумгаита до Дербента по побережью Каспия локализуются десятки топонимов с номинацией «Абхаз». Даже был город Абхаз [473, 36; 474, 13]. Этот же город, согласно источникам, являлся резиденцией *Абхаз-шаха* – владельца области, соседней со страной Лиран, центром которой был город Шемаха [476, 28]. Представляет также значительный интерес проживание на территории Азербайджана этнического сообщества под именем *азера*. В частности, они являлись «жителями (села) города *Базза*, а центром их распространения г. Ардобиль» [472, 44, 45]. Город *азеров* – *Базз* в конце VIII в. оказался центром восстания Бабека, которое «охватило помимо Южного Азербайджана, также Арран и Байлакан, и в течение 20 лет сотрясало весь аббасидский Халифат» [472, 32]. Вблизи поселения *Базз* был и город *Барза*, переименованный в 628 г. в *Барзанда*. До Ардобилия центром всего указанного региона был город Марага, именовавшийся до 732–733 гг. *Afzahrus* (Апза(х)рус // Апзарус) [472, 23]. К сожалению, как отмечает С. Ю. Касумова, образцы языка азерийцев остались не зафиксированными. На наш взгляд, этот пробел в какой-то мере восполняет вышеназванный ономастический материал. Так, например, напрашивается сопоставление этнонима *азера* с *азра* – адыгским обозначением абхазов. А также:

– *Базз* – город *азеров*, срав. *а-баз-г*, *абаза* «абхазы» и абхазский патроним *Баз-аа* «Базовы», *Баз-ба* «Базов»;

– *Барза* – поселение вблизи г. Базз, срав. с садзско-убыхским именем княжеского рода *Барзы* (абхаз. *Барзы*) – совр. *Барзек*, *Барзе-ков*; в Абхазии гора *Барзы-шьха* «Гора Барзов»;

– *Апзарус* (Апза(х)рус) – областной центр, переименованный в 30-х гг. VIII в. в Марага; срав. *Апсар-ус* с *апсар* – древним самоназванием *апсилов* (абхазов) или *Апзах-рус* с *абадзех*;

– *Бабек* – имя предводителя восставших, главным центром пребывания которых был тот же город Базз; срав. *Бабек* с абхазо-адыгским именем *Бабук* (Бабыкə), а также названием села *Бабук-аул* «село Бабука» в исторической Западной Абхазии.

Так или иначе, древние источники не оставляют сомнения в том, что в VI в. часть абхазо-абазинских сообществ была переселена Хосровом на территорию совр. Азербайджана.

В 551 г. Хосров и Юстиниан заключили унижительное для Византии пятилетнее перемирие.

Однако в 553 г. персидское войско под командованием Мермероя двинулось в Абасгию. Византийцы же, занимавшие гарнизоном, надо полагать, вместе с апсилами, главную крепость Апсилии – Тзибилу, захватили узкий проход, окруженный отвесными скалами (по мнению Ю. Воронова, возможно, Трахею), и не пропустили войско персов дальше. Мермерой вынужден был вернуться в Археополь [69, 83]. Тот же Мермерой в 554 г., путем обманных маневров, вынудил многочисленное византийское войско, стоявшее в Лазике, к бегству. За это позорное бегство Юстиниан лишил знаменитого полководца Бесса власти, конфисковал имущество и выслал его в страну абасгов [69, 85], что, возможно, указывает на его абазгское происхождение. Вскоре положение персов в Лазике ухудшилось. В 555 г. они дважды потерпели поражение – сперва у Археополиса, затем – у Фазиса. Хосров I, убедившись, что практически проиграл военную кампанию в Лазике, заключил, для начала, перемирие с Византией, а затем, в 562 г., длительный 50-летний мир.

В этот период налаживаются лазо-византийские отношения, укрепляются связи Византии с Апсилией и Абасгией. Далее, уже с 70-х гг. VI в., на протяжении полутора столетий Колхида, в том числе и Абасгия, уже представляет собой византийскую провинцию [69, 111]. Вместе с тем абасги продолжают принимать участие в боевых действиях империи. В 572 г. абасги находились в числе тех, кто принимал участие в войне Византии против персидской армии Мирана. В 623 г. они также находились в составе армии византийского императора Ираклия, воевавшего в Восточном Закавказье. Однако вскоре абазги и лазы самостоятельно вышли из этой войны. По этому поводу Феофан Хронограф писал: «Ираклий решил перенести военные действия в Месопотамию, а затем отступил на Северный Кавказ, лазы и абасги отказались от дальнейшего участия в войне, за что попали в большую беду. Так, например, Лазика за этот поступок лишились царской власти [276, 97]. Неизвестно, какое наказание понесли за это абасги, но они далее упоминаются и в числе вспомогательных отрядов византийцев в сражении с арабами на берегах Евфрата в 654 г. [19, 70–88; 69, 112].

В VI–VII вв. контроль над Лазикой, Апсолией, Абасгией Византия продолжала осуществлять прежде всего через свои приморские крепости. Ими вновь были восстановлены Себастополь и Потиунт. Об этом Прокопий пишет следующее: «...напротив Лазики были два укрепления – Себастополь и Потиунт; их уничтожили сами римляне, услышав, что Хосров спешно посылает сюда войско... Ныне же император Юстиниан этот Себастополь, который был прежде только крепостью, заново весь перестроил, окружил его такими стенами и укреплениями, что он стал неприступным, украсил его улицами и другими постройками; таким образом, и по красоте, и по величине он сделал его теперь одним из самых замечательных городов» [69, 112]. Этот же город именует как «Великий Себастополь» автор VIII в. Епифан Константинопольский.

В III–IV вв. абасги сумели построить у себя крупную и сильную крепость Анакопию, ставшую в VIII в. «главной крепостью Абасгии».

Во второй половине VII в., похоже, Абасгия усиливается, начинает предпринимать несогласованные с Византией решения. Более того, проявляет сочувствие и помогает противникам Византийской власти – церковным деятелям, отбывающим наказание в Апсолии. В то же время, как выше сказано (см. Царство апсолов), смещенные в Лазике цари бегут в Абасгию и с помощью последней не раз восстанавливают свою власть. Причем эти цари сидели не в самой Лазике, а рядом с Абасгией, в Восточной части Апсолии. Сама же Лазика находилась под имперским правлением. Абасгия же, похоже, этими действиями уже в тот период начинает распространять свое влияние на своих близкородственных соседей.

В конце VII в. в Закавказье продвигаются арабы. В 692 г. от них византийцы терпят поражение. Вскоре арабы оказываются у восточных границ Лазики. Пользуясь этим обстоятельством, в 697 г. против византийцев «восстал патрикий (Лазики. – В. К.) Сергей, сын Барнука, и подчинил эту страну арабам» [465, 81, 82]. Далее арабы проникли в Апсолию и привлекли на свою сторону Абасгию.

Византийцы, не обладая возможностью собственными силами вернуть абасгов, решили на них натравить алан. С этой целью, как

уже было сказано, Юстиниан II отослал (706–710 гг.) спафария Льва Исавра «в Аланию с деньгами для того, чтобы поднять аланов на Абасгию». Действия Льва Исавра на месте подробно описывает историк Феофан Исповедник. По его рассказу, Лев Исавр на корабле прибыл в Фасис. Оставив здесь деньги, он в сопровождении местных жителей, сохранявших верность Византии, направился в Апсилию и далее, преодолев Кавказские горы, прибыл в центр Западной Алании. Аланы приняли его со всеми почестями, а затем, по его наущению, они напали на Абасгию и полонили ее. Абасги, узнав, что вторжение алан в Абасгию было организовано Львом Исавром, решили во чтобы то не стало его заполучить. Властитель, т. е. царь абасгов «выразил аланам – союзникам Византийской империи – резкий протест, требуя через послов немедленной выдачи спафария за большое денежное вознаграждение, дабы не иссякла их “старинная друг к другу любовь”». Вместе с тем абасги сообщили правителю алан Итакси, что деньги, которые Лев оставил в Фасисе, якобы уже взяты оттуда назад Юстинианом II и, следовательно, не могут быть выплачены аланам за их труды. Они просили аланов выдать Льва Исавра им, за это правитель абасгов предложил аланам три тысячи золотых монет. Аланы на это ответили, что выполнили просьбу Льва не из-за денег, а «из любви к императору», и отказались идти на сделку с абасгами. Тогда те предложили за Льва шесть тысяч золотых монет [465, 82]. Аланы решили взять деньги. Льву они сказали: «Давай лучше схитрим, договоримся с ними, что отдадим тебя, и вместе с их людьми отправим наших... и нападём на них, опустошим их страну, и вам окажем услугу». Все так и было сделано с одобрения Льва Исавра [465, 83; 69, 120–121].

Император Византии Юстиниан II, узнав, что и без денег Лев Исавр выполнил успешно его задание, отправил абасгам письмо, в котором предлагал им: «Если вы сохраните нашего спафария и отпустите его, не причинив вреда, мы простим вам ваши преступления». Абасги, приняв это предложение, вновь отправили к аланам послов с просьбой следующего содержания: «Мы дадим вам в заложники детей наших, отдайте нам спафария, чтобы мы отослали его к Юстиниану». Но Лев Исавр не дал согласие на это, сказав: «Бог в силах отворить мне врата возвращения, а через Авасгию (Абасгию. – В. К.) я не уйду» [465, 83]. Через некоторое

время Льву Исавру удалось вернуться в Империю через Апсилию (см. подробно об этом «Царство апсиров»).

Из описания Феофаном этих событий видно, что в Апсилии и Абазгии тогда не было постоянных, собственно арабских гарнизонов, но апсилы и абазги в борьбе против византийского присутствия, похоже вынужденно, рассчитывали на помощь арабов. Однако вскоре абасги и апсилы вновь переориентировались на Византию.

В 20-х гг. VIII в. арабы, на короткое время, во второй раз появляются в Колхиде. По сообщению армянского историка Моисея Каганкатваци, арабский полководец Джеррах ибн-Абдуллах аль-Хакими дважды пытался вторгнуться в Хазарию через «Абхазию», т. е. «очевидно по Дарьинскому пути через Клухорский перевал» [69, 124–125]. Далее, как пишет Лев Гумилев, в 724–725 гг. арабы прошли через Дарьяльский проход, напали на алан, покорили их и обложили подушной податью. Вместе с тем под натиском арабов хазары были вынуждены перенести свою столицу с Терека на Волгу, где был построен город Итиль. Союзниками хазар были греки, союз которых был скреплен браком императора Константина V (Исавра) и хазарской царевны Чичак (Цветок) в крещении Ирины. Сестра последней была замужем за царя абазгов Константина II, старшего брата Леона.

В 735 г. против арабского гнета восстали грузины, усмиренные крайне жестоко, за что последние назвали полководца арабов Мерван ибн-Мухаммеда «Мурван Кру», т. е. «Мурван Глухой».

В 736 г. Мерван взял горные крепости, покорил лакцев и алан и перенес войну в Хазарию, где хазары потерпели поражение в 737 г. [478, 64, 65]. Затем Мерван ибн-Мухаммед в обход Черного моря устремился в Лазику и Абасгию... По этому поводу грузинский летописец XI в. Джунаншер пишет: «И обошел Кру весь Кавказ и завладел вратами Дариала и Дарубанда. И разрушив все города и большую часть всех границ Картли... И когда узнал, что цари Картли и все родственники их ушли в Эгриси и оттуда перешли в Абасгию, вернулись и стали лагерем в районе Чкондиди. Его лагерь был от Цхенисцкали до Абхазии... Мурван пошел по их следам и разрушил все города и крепости страны Эгриси, и ту крепость трехстенную, которая есть Цихе-Годжи, разрушил и вошел в ограду Клисуре. И в приход его был католикосом Табор. И когда

вошел Кру в Клисору, которая в то время была границей Греции и Картли, (он) разрушил город Апсилии Цхум (Себастополь. – Ю. В.) и осадил крепость Анакопию, в которой есть икона пречистой Богородицы нерукотворной, относительно которой никто не знает, как она (туда) попала: ее нашли на вершине той горы, к которой с юга подступает море, а с севера – леса болотистые. Были тогда в ней цари Картли Мир и Арчил, а отец их был мертв и похоронен в Эгриси. А эристав императорский Леон ушел в крепость Собга, которая находится на перевале в Осетию. И никто не мог сразиться с Кру, так как войска его были и многочисленнее лесов Эгрисских... И когда они (Мир и Арчил. – В. К.) находились в крепости Анакопии, туда пришел Мурван Кру и начал борьбу с этими царями... И было с ним число малое служителей дворцовых тысяч, а из войск абхазов – две тысячи воинов» [431, 234–238; 69, 125–127].

В период осады Анакопии, похоже, правитель Апсилии Евстафий – сын «блистательного патрикия» Марина и абазгский правитель Леон подняли апсиров против арабов. В этой связи арабский полководец Сулейман ибн-Исам вступил в Апсилию и нанес стране сокрушительный удар, Евстафий был пленен. На наш взгляд, события в Апсилии ослабили арабов и вынудили их ускорить штурм Анакопии, в результате чего они и потерпели поражение у стен Анакопии. Это великое событие стало переломным для всех абхазо-абазинских политических образований того периода.

4. Царства санигов и зегов

Этническое имя *саниги* фиксируется еще в конце I го тыс. до н. э. Согласно сообщению Мемнона (I в. н. э.), ставленник Митридата IV Евпатора – Клеохар бежал из Синопы в 70-х гг. I в. до н. э. к «санегам». Выше уже рассматривались вопросы этнической характеристики и локализации санигов и зегов (зехов, зихов). *Саниги* – бывшие *гениохи*, они же *санеги*, *саннихи*, *сагиды*, *джики*, *джики* древних источников, у абхазов известны как *садзы*.

Саниги в прошлом – одно из самых воинственных абхазо-абазинских сообществ, принимавших активное участие, вместе с зегами (зихами, зилхами), в политических событиях как в Северном, так в Восточном и Юго-Восточном Причерноморье. Они являлись одними из создателей Царства махелонов и гениохов и Лазского

царства. Сведений же, касающихся царств *санигов* и *зегов* (*зигов*, *зихов*) Северного Причерноморья, к сожалению, не очень много. Первым об этих царствах, как и о царствах махелонов и гениохов, лазов, апсилов, абазгов, упоминает в 137 г. н. э. Флавий Арриан. В частности, он пишет: «Рядом с абасгами – саниги, в земле которых лежит Севастополь, *царь санигов Спадаг* получил царство от тебя (Адриана. – В. К.)... От Несиса до Масаитики девяносто стадиев; отсюда шестьдесят стадиев до Ахеунта, каковая река отделяет зилхов (зихов. – В. К.) от санигов. Царем у зилхов Стахемфак также получивший власть от тебя» [223, 270, 271].

В III в., похоже, саниги теряют часть своей территории. Как уже было сказано, абасгам, обитавшим над санигами в горной зоне между верховьями рек Гумиста и Псоу, удастся растворить в себе или вытеснить близкородственных восточных санигов – жителей морского побережья в междуречье указанных рек. В результате Апсилия перестает граничить с Санигией. Восточная граница последней отодвигается к р. Абаск, т. е. р. Псоу [441, 231]. Это подтверждается словами Анонима V в. о том, что (в III–IV вв.) абасги заняли земли своих северных соседей – санигов, вплоть до реки с характерным названием Абаси [73, 15]. С этого времени саниги оказываются вне пределов влияния Римской империи. Как известно, крайним северным пределом влияния Рима в III–IV вв. являлась Абасгия с крепостью Питиунт [479, 321]. Похоже, саниги сохраняли свою независимость и в V в. Прокопий Кесарийский пишет: «Саниги не являлись подданными ни римского императора, ни царя лазов» [20, 207, 208].

В VI столетии, как полагает С.Х. Хотко, «уже в византийскую эпоху, абазги распространяются до Никопсии, вытесняя санигов на северный склон кавказских гор, где те занимают земли в Прикубанье между зихами и гуннами. Таким образом, абазги становятся соседями зихов или зигов, на побережье остаются лишь два эти названия: Зихия и Абазгия» [480, 21]. З. В. Анчабадзе же пишет: «В источниках не сохранилось сведений о том, каким образом граница Абазгии (Абхазии) была доведена до р. Нечепсухо (т. е. до г. Никопсии. – В. К.). Определенную роль здесь, очевидно, сыграло то обстоятельство, что данная территория (от Бзыби до Нечипсухо) была населена ближайше родственными абазгам населением – *санигов* и *зехами*. Общие интересы борьбы против иноземных

захватчиков (в частности, против (хазаров) также стимулировали, надо полагать, это объединение» [21, 50]. В связи с этнонимом *зиги*, *зихи*, З. В. Анчабадзе считает уместным отметить, «что адыги и до сих пор называют абхазов имени «а-зегга» [450, 60].

Действительно, трудно отрицать этническую близость абасгов, санигов и зегов того времени. Прежде всего это подтверждается древним ономастическим, в первую очередь – топонимическим, абхазо-абазино-язычным материалом, связанным с их территориями II–VII вв. (см. выше § 5). Вместе с тем, как уже отмечалась, по свидетельству многих авторов, в прошлом среди адыгских сообществ абхазы были известны под названиями *абаза*, *аз-ы*, *аз-ра*, *а-зиха* или *азегга*, *адзыге*; убыхи же *садзов* (санигов. – В. К.) именовали еще и словом *джыхы*, отсюда и грузинское *джики*, *джикеты* и *Джигеты* [443; 11, 75–77; 365, 180]. Похоже, последние восходят к имени сообщества *Чыгу*, занимавшего в прошлом труднопроходимую территорию между Гагрой и Цандрипшской долиной, известной у абхазов как *Чыгкыта* или *Чыгэкыта*, букв. «село (община) Чигов» (подробно об этом см. гл. II, § 2).

Как уже выше сказано, под именем *зегов* (*зигов*, *зилхов*, *зихов*, *аз-ра*, *азегга*), прежде всего следуют видеть некогда крупное абхазо-абазинское сообщество *тапанта*, получившее это название уже на новом месте проживания (ныне прож. в Карачаево-Черкесии); *тапанта* – из абхазо-абазинского *таманты*, букв. «таманские», *абаза тапанты* «абаза таманские», что равно «абхазы таманские». К *зегам* или *зихам*, на наш взгляд, также относились ассимилированные адыгами *шапсуги*, *абадзехи*, *натухайцы*, именовавшиеся *абадзе-чиль*, букв. «абазские народы» и др. [340, 11, 12]. Кабардинцы же приморскую Шапсугию называли *Абаз ыкъэ* «Малая Абхазия».

Уже в VII в. северная граница Абазгии доходила до города Никопсия, располагавшегося у р. Нечепсухо. Эта же река считалась в то время крайним пределом влияния Византии и границей между Абхазией и Джигетией. Примечательно, что в древнегрузинском источнике именем *Джигетия* обозначена *Зихия* [482, 258; 481, 38], тогда как в дальнейшем в источниках *джигетами* именуется *садзы* (т. е. саниги), а их страна *Санигия* или *Садзны* (*Садзен*) – *Джигетией*. Как нам представляется, значительная часть санигов (сагинов) уже в VI в. вместе с зехами были распространены по

Черноморскому побережью на Таманском полуострове вплоть до р. Кубань [447, 52] и фигурировали как *джики*, *чики*, а их территория именовалась *Джигетия*.

В VIII в., после изгнания арабов из территории Абхазии, в состав последней, похоже, вошла и область зехов [21, 51]. Поэтому Леон I грузинскому правителю Арчилу писал: «Дал мне кесарь эту страну (Абазгию. – В. К.) в наследственное владение... и отныне она является моей вотчиной от Клисурь до малой реки Хазарии (р. Кубань. – В. К.), куда достигают вершины кавказские» [481, 242; 19, 67].

Абхазо-абазинский этнический массив имел свое продолжение на Западном Причерноморье вплоть до устья реки Кубань как в раннем, так и в позднем Средневековье. Еще в начале XVI в. барон Сигизмунд Герберштейн сообщал: «Если повернуть с востока к югу, это около болот Меотиды и Понта, при реке Кубани, впадающей в болота, живут народ *Афгазы* (т. е. *абхазы*. – В. К.)» [395, 2].

В первой половине XVII в. турецкий географ и путешественник Эвлия Челеби, побывавший дважды в Закавказье, фиксирует на Черноморском побережье от р. Фаша (Риони) до р. Кубань «25 племен *абаза*», т. е. 25 крупных абхазо-абазинских сообществ [614, 169, 173–181]. Это и другие сообщения средневековых авторов подтверждаются абхазо-абазинским топонимическим пластом как Таманского полуострова, так и последующей за ним географической номенклатурой Черноморского побережья от Новороссийска до границ современной Абхазии, и, естественно, и далее.

Здесь, в Новороссийско – Туапсинском районе и в пределах Большого Сочи, и сегодня сохраняется значительное количество географических названий абхазо-абазинского происхождения. В частности, в Новороссийско – Туапсинском районе к числу явно абхазо-абазинских относятся такие названия, как:

– *Яшимва*, абхазо-абаз. *Иашымва* – речка и местность между Новороссийском и Геленджиком, Яш-и-мва (абхазо-абаз. *Иаш-и-мва*), букв. «дорога Яша», где *Яш* (*Иаш*) – абхазо-абазинское родовое имя, отсюда и дворянская фамилия *Иаш-ба* (или *Эшба*), второй же компонент – *мва* представляет собой русскую форму передачи абхазо-абазинского *мва* «дорога»;

– *Адерба* – река и местность южнее Геленджика, абхазо-абазинское фамильное имя;

– *Кацхур* – гора в верховьи р. Адерба, абхазо-абазинское *кацхур* «барбарис»;

– *Пиада* – река и поселение, букв. перевод с абхазо-абазинского «безветренный»;

– *Джубга* – гора (хребет), река и местность; название представляет собой русскую форму передачи абхазо-абаз. *Цьубҭа*, букв. означающего «хребет (гора) Джуов» – из имени абазинского (тапантского) рода *Джы*, *Джуа* [425, 298] и абхазо-абазинского *бга* (*бҭа*) «хребет, гора», срав. Аибга – хребет и село в верховье р. Псоу, букв. «хребет (гора) Аиовых»;

– *Ту* – гора, река, местность, в основе – абхазо-абазинское родовое имя: абаз. *Ту*, *Туҭу* «Туов» или «Тугов», абхаз. *Тью* (*Тьџ*) – Туба (Туюба) «Туов»;

– *Дзепишхиа* – гора, река, букв. «гора Дзепша», *Дзепи* (Дзацшь) – абхазский княжеский род;

– *Аше* – река и поселение; в основе названия – древнее родовое имя абазинских князей;

– *Псишу* – название крупной реки, впадающей в море в районе Лазаревска; представляет собой русскую форму передачи абхазского *Псшәы*, букв. «Абхазская Ашвы», т. е. «Абхазская Тапанта» или «Абхазская Абазиния»;

– *Цухвадж* – река южнее Псишу, в переводе с абхазского «куцый»;

– *Чухукыт* – поселение и река, название букв. переводится с абхазского и абазинского как «село Чухов»;

– *Лоо* – название поселения и реки близ Дагомыса; в основе родовое имя абхазо-абазинских князей, считавшихся древним ответвлением царского рода *Ач* (см. выше);

– *Мецкет* – название поселения и левого притока р. Лоо – из абхазо-абазинского *Мыц-кыт*, букв. «село Мыцов»;

– *Сочи* – название города у одноименной реки (полную информацию о нем см. [96, 191–195]) – из абхаз. *Шәача* (*Швача*), что представляет собой фонетический вариант имени древнего абхазо-абазинского сообщества *Шашы*, известного в древних источниках как *Шаш*, *Шашы*, *Шаш-ил*, *Шаик* (см. выше гл. VI, § 1).

– *Шхангирей иҭацәа рхәы* – название горы Виноградной в г. Сочи, выше парка «Ривьера», значит на картах XIX в. искажено «Шангерей пацуа реху». В. Ворошилов прозрачное абхазское

Шхангирей ицаца рхәы переводит на русский язык как «гора (рода) Шахан-Гирей-Ипа» [96, 242], более же точным является перевод «гора сыновей Шхангирея».

В южной части Большого Сочи, в междуречье р. Мысуа (или Мацеста) и Цсоу, т. е. в садзской Абхазии (истор. *Санигия, Джикетия*), практически вся старая географическая номенклатура состоит из абхазоязычных названий. Многие из них освещаются в работах ряда исследователей: Ш. Д. Инал-ипа [73], Г. З. Шакирбай [615], В. И. Ворошилова [97], Т. Ш. Гицба [95, 417–432], Д. К. Чачалиа [616, 192–205] и др.

Таким образом, как представляется, рассмотренный выше материал дает основание видеть в I–VII вв. на Черноморском побережье от Трапезунта до северного устья р. Кубань абхазские (абазские) сообщества со своими царствами, о которых говорит Арриан и другие древние авторы.

ГЛАВА IX

РАННЕФЕОДАЛЬНОЕ АБХАЗСКОЕ ЦАРСТВО

§ 1. Образование объединенного абхазского государства. Абхазское царство VIII–X вв.

Драматические события VII–VIII вв., связанные с нашествием арабов в Закавказье, в том числе в Лазик, Апсилию и Абазгию, внесли существенные изменения в этнополитическое состояние абхазо-абазинских сообществ. Поражение же арабов у стен главной крепости Абазгии – Анакопии (Апсар) имело далеко идущие последствия не только для абхазо-абазинского этнического мира, но и других народов Кавказа.

Арабы, как уже было сказано, в 735–738 гг. очередной раз вернули борьбу за окончательное закрепление за собой Закавказья и изгнание оттуда хазар. С этой целью двоюродный брат халифа Мурван-ибн-Мухаммед с 120-тысячным войском вторгся вглубь Закавказья. Намереваясь в первую очередь наказать перешедших на сторону хазар и византийцев жителей Картли, он в 735 г. направил к последним основные свои силы. За чрезвычайную жестокость и бесчеловечность грузины прозвали Мурвана *Мурван Кру*, т. е. Мурван Глухой. В целом же, по словам летописца, «прошел Глухой весь Кавказ, и захватил врата Дарьяльские и Дербентские, и разрушил все города и большинство крепостей в пределах всей Картли» [462, 177].

Джуаншер рассказывает, что «цари картвельские и все их близкие бежали в Эгриси, а через нее скрылись в Абхазии». Далее говорится, что, преследуя картлийских царей, Мурван Кру вторгся в пределы Западной Грузии и захватил «все города и укрепления эгрисской страны и (среди них) опоясанную тремя стенами крепость Цихе-Годжи». Оттуда войска Мурвана вступили в Абхазию, осадили Анакопийскую крепость, в которой засели царь Картли

Арчил и брат его Мир. Леон I (абхаз. правитель. – В. К.) находился в этот момент в крепости Собги, которая находилась на перевальном пути в Осетию [199, 48, 49; 19, 93].

По сообщению Джуаншера, в Анакопийской крепости вместе с Арчилом находились «небольшое число тадрзулов и людей эриставов и питахшей до одной тысячи человек, да из абхазского войска две тысячи бойцов». Им же противостояли войска Мурвана Кру «по численности равные темной туче саранчи и комаров» [19, 93].

Однако, несмотря на значительное превосходство арабских сил и слова грузинского царя Арчила: «Этот город-крепость (Анакопия. – В. К.) обречен на разрушение» [199, 50], главный город-крепость абазгов – Анакопия – выстоял.

Грузинский же летописец говорит, что, якобы благодаря молитвам Арчила перед Анакопийской иконой пречистой Богородицы, среди арабских войск началась эпидемическая болезнь желудка, которая истребила их в количестве до 35 тысяч человек, а в боях «мечом» было истреблено до трех тысяч арабов [199, 50; 19, 93]. В этой связи высказывается мнение о том, что от названия иконы Богородицы-Победительницы Абазгская столица получила свое название *Анакопия* из греческого *Никопея* – «Победительница» [86, 14; 87, 13] (об иной этимологии Анакопии см. [94, 94–96]).

Вместе с тем в сомнительной трактовке событий ничего не говорится о главных защитниках крепости – о двухтысячной части абхазского войска и роли правителя Абазгии Леона I.

Если бы роль последнего в разгроме арабских войск не была бы значительной, то он бы не стал фактически руководителем антиарабского фронта во всем Восточном Причерноморье [462, 281], не стал бы он также и правителем обширной территории. Нужно также полагать, что не случайно в момент осады арабами Анакопии Леон I со своими оперативными силами оказался в крепости Собги. Последняя, соответствующая крепости, именуемой абхазами *Ҷыбгы* (русс. *Шапкы*), букв. «крепость у обвала» [94, 280, 281], находилась у перевального прохода в Цебельду – укрепленного района Апсолии. Через этот же район проходили дороги к перевалам, ведущим в Осетию. Таким образом, при вхождении арабов в Абхазию Леон I находился в соседней Апсолии и, похоже, с помощью апсилов, мисимиан, возможно и осетин, собрал

значительные силы и неожиданно напал на арабов тогда, когда их основные силы были прикованы к стенам Анакопийской крепости. Думается, это и решило исход битвы в пользу абазгов. Вместе с тем, по-видимому, за активное участие апсильов и мисимиян в этой войне, арабам удалось в том же 738 г.у наказать последних. Поход в Апсилию возглавлял арабский полководец Сулейман ибн-Исам. Арабы разгромили Апсилию и Мисиминию, пленили и увезли с собой правителя Апсилии Евстафия, «которого насильно пытались обратить в ислам. Не добившись своего, они предали его смертной казни» [19, 93, 94; 69, 127].

Вскоре после изгнания арабов из Абхазии и всей Колхиды «направили посла к греческому царю Мир, и Арчил, и Леон – правитель Абхазии, и сообщили, что было сделано богом руками их. А он (Лев III) послал два венца и грамоту Миру и Арчилу» и написал им: «Были в Ваше царство доблесть и мудрость в Картли. Теперь, хоть Вы и терпите гонение вместе с нами за служение Христу, но с изменением нашего положения вместе с нами и Вы будете возвеличены... Всем пределам Картли от нас сделан вред, а от царей ее были нам содействия и польза. Теперь это третье служение и польза, положенные ими на престол наш царский, в первый раз приняли свет крещения... затем от разорения спасли большой город Понта и между ними и персами сделали мир... Теперь, если бы бог не воспрепятствовал через них злым врагам, последние дошли бы до Константинополя» [518, 240; 69, 180]. Как отмечает Ю. Воронов, оценив столь высоко роль Картли как заслона против вторжений врагов через Восточное Закавказье к пределам Византии, император обращался затем к Леону I со следующими словами: «А тебе жалую управление Абхазией, тебе и детям твоим, и потомкам твоим навеки. Но добром уважай народ картлийский, и с этих пор не властен ты вредить им (т. е. картлийским царям. – В. К. [199, 52]) и границам эгрисским, пока они там сами не выйдут из них» [69, 129].

Представляет также значительный интерес диалог между Арчилом и Леоном I, переданный Джуаншером – призвал Арчил Леоном и сказал ему: «Да благословит господь тебя за то, что оказал нам отличное гостеприимство и защитил нас в местах своих надежно; известно, что теперь уже начали заселяться земли наши (расположенные) выше Клисур. Поеду и обоснуюсь в Цихе-Год-

жи и Кутаиси. Теперь назови для себя то, что хочешь от меня в вознаграждение за благослужение твое». А Леон отвечал: «Дал же мне кесарь сию страну наследственно благодаря вашим усилиям. Отныне она является моим наследственным владением от Клисury до реки Большой Хазарии (читай – Малой Хазарии. – В. К.), куда достигает хребет Кавказа. Причисли и меня к своим слугам, которые сегодня удостоены быть твоими сыновьями и братьями. Не нужно мне доли от тебя, и то, что есть у меня, пусть будет твоим».

«Тогда отдал (Арчил) Леону в жены племянницу свою Гурандухт и ту корону, которую прислал царь греков для Мира. И дали (друг другу) обещание и страшную клятву, что не будет между ними вражды, чтобы Леон всю свою жизнь повиновался Арчилу. Отправился Арчил (из Абхазии) и обосновался в Эгриси вплоть до Шорапани» [199, 53, 54].

Приведенные выше сообщения средневековых авторов трактуются исследователями по-разному. По мнению одних (Вахушти Багратиони, С. Джанашиа, Е. Такашвили, З. Анчабадзе и др.):

- Леон I не являлся царем и, тем более, основателем Абхазского царства. Таковым они называют Леона II;

- Леон I представляется как вассал византийского императора, как и Арчил;

- считается также, что до изгнания арабов из Абхазии и Эгриси Леон I не был коронованным правителем, и что он получил византийскую корону от Арчила в знак благодарности;

- они же восточную границу владений Леона I ограничивают современной рекой Келасур в Абхазии и т. д.

Не без основания иного мнения придерживается целый ряд исследователей (Ю. Воронов, М. Гунба, Г. Гумба и др.). Мы также во многом разделяем мнение этих авторов.

В первую очередь следует отметить, что Леон I, согласно древнему источнику «Диван абхазских царей», уже обладал титулом «царь абхазов» и получил его еще до анакопийских событий. В этом источнике Леон I назван одиннадцатым царем абхазов (абазгов) [18, 193].

Мы полагаем, что для правильного понимания содержания вышеназванных источников необходимо уточнить место прохождения восточной границы владения Леона I, именуемой источником

«Клисурой». Грузинские авторы, исходя из созвучия последнего, т. е. *Клисура*, с современным названием реки *Келасур* в Абхазии, утверждают, что граница между Абхазией и Эгриси в период нашествия арабов проходила восточнее города Сухум, т. е. по р. Келасур. Они также основываются на том, что на левобережье р. Келасур у моря начинается крепостная линия, известная под названием *Великая абхазская стена*.

Однако название реки и местности – *Келасур*, как справедливо отмечает известный кавказовед Ю. Н. Воронов, возникло сравнительно недавно и восходит к турецкому *Кала-сур*, букв. «городская стена», или, как переводит его Карла Серена «крепость, окруженная большими стенами» [519, 118; 94, 124].

В грузинских же средневековых источниках здесь локализуются река и город Цхом. Поэтому увязку топогидронима *Келасур* с *Клисурой* древних источников следует считать ошибочной.

Ю. Н. Воронов довольно убедительно показывает, что в византийских источниках *Клисурой* именуется линия византийских оборонительных сооружений в Эгриси, проходившая ниже Цихе-Годжи и Кутаиси, и являвшаяся «границей Греции и Картли» [69, 150–157]. Как уже выше было сказано, эта же линия, как и во времена Плиния и Прокопия, являлась также границей между Аписилией и Эгриси и, в частности, она проходила по реке Техури и нижнему течению р. Риони (Фасис). Подтверждение тому и слова Арчила: «Поеду и обоснуюсь в Цихе-Годжи и Кутаиси» [518, 242] и «Отправился Арчил (из Абхазии) и обосновался в Эгриси вплоть до Шорапани» [199, 54].

Как уже было сказано, город-крепость Цихе-Годжи (древн. Археополис, совр. Накалакеви) находился вблизи апсильской границы, на левобережье верховья р. Техури, в 17 км к северо-востоку от г. Сенаки. Поэтому Джуаншер говорит, что Мурван Кру «вторгся в пределы Эгриси и захватил все города и укрепления эгрисской страны и (среди них) опоясанную тремя стенами крепость Цихе-Годжи», и оттуда он вступил в Абхазию, осадил Анакопийскую крепость (см. выше).

Таким образом, учитывая, что Аписилия уже входила во владения Леона I, Абхазия в целом граничила на востоке с Эгриси по реке Техури и нижнему течению реки Фасис, что также являлось границей между Картли и Византией. В то же время, на северо-

западе владения Леона I доходили до р. Малой Хазарии, т. е. р. Кубань. Византийцы же, как известно, всю эту территорию всегда старались держать в сфере своего влияния. Однако на этот раз император Лев III (Лев Исавр) был вынужден признать право наследственного владения этой значительной территорией за Леоном I и его потомками. Об этом же дипломатическим языком говорит Леон I: «Дал же мне кесарь сию страну наследственно благодаря вашим усилиям. Отныне она является моим наследственным владением от Клисурь до реки Большой Хазарии (читай – Малой Хазарии. – В. К.)». Вместе с тем византийский император позволяет себе дать властное указание Леону I – не нарушать границы владений Мира и Арчила в Эгриси и не наносить им вред, а по добру «воздавать почести царям и народу их Картли, и с этого времени не быть тебе государем во вред их эгрисских рубежей, пока они сами не выйдут из них» [518, 240; 69, 129]. Однако, как отмечает М. Гунба, предупреждение Леона I императором о ненарушении границ владений картлийских царей указывает на соотношение сил правителей двух стран того времени – Абхазии и Картли. Если бы царь Мир был более могущественным, чем Леон I, то последний без предупреждения не нарушил бы границ владений Мира. Вероятно, Леон I имел реальные возможности для расширения своих владений за счет картлийских правителей.

С другой стороны, учитывая, что Византия не принимала никакого участия в освобождении Абхазии от арабов, зависимость Леона I от Византии теряла свое значение. Византия только санкционировала свершившийся факт [51, 288].

Сама Византийская империя находилась в довольно сложной ситуации. В этот период она вела ожесточенные бои против персов и арабов, поэтому особое значение придавалось союзу с Картли как с приграничной с Ираном страной. Однако в Картли царская власть была упразднена еще в 523 г., а с 735 г. сама страна оказалась оккупированной арабами, а правитель Картли – Арчил был вынужден бежать из своей страны. Византийский император, в силу изложенных выше причин, пытается восстановить Картли в прежних правах. С этой целью он присылает две царские короны и грамоту Миру и Арчилу. Что же касается руководителя антиарабского фронта [462, 281], как в Абхазии, так и на всем Восточном Причерноморье, освободителя Абхазии и спасителя карт-

лийских царей – Леона I, то он, похоже, уже являлся царем и не нуждался в новой царской короне [51, 229].

Вскоре Мир скончался, после чего Арчил выдал замуж шестерых дочерей Мира. А седьмая, Гурандухт, была выдана позже за Леона I. Арчил одновременно с этим передал Леону I ту царскую корону, которая была прислана императором Византии для Мира.

Как пишет известный историк М. Гунба, Арчил, передавая Леону I царскую корону, одновременно передал ему владения и власть Мира, поскольку ближайшей наследницей последнего была Гурандухт, вышедшая замуж за Леона I.

Фактически женитьба на Гурандухт была юридическим оформлением присоединения Эгриси к Абхазии. Следовательно, даже до ухода Арчила из Эгриси Леон I становится ее правителем. Если исходить из этого, можно полагать, что присоединение Эгриси к Абхазии произошло в 40-х гг. VIII в. [518, 232; 51, 23].

Очевидно, что включение Эгриси в состав Абхазии формально носило сугубо мирный характер и происходило, по-видимому, с молчаливого согласия Византийской империи [69, 132]. Поэтому представляется ошибочным существующее до сих пор мнение о том, что якобы не с именем Леона I, а с Леоном II связано образование Абхазского царства и присоединение к Абхазии Эгриси, что именно Леон II является первым абхазским царем. Однако все это никак не подтверждается источниками. По справедливому замечанию М. Гунба, Леон II получил царский престол не по наследству, а силой хазар. Он становится одновременно правителем как Абхазии, так и Эгриси, что является свидетельством того, что Абхазия и Эгриси до Леона II уже были объединены. Естественно, что Леон II, став правителем объединенной Абхазии, куда входила и Эгриси, объявляет себя (очередным. – В. К.) *апсха* (абхаз. апсха), т. е. царем абхазов [51, 226, 231], и страну – независимой от Византии. Обращает на себя внимание то, что, несмотря на заслуги Леона II, его имя отсутствует в «Диване абхазских царей». Возможно, причиной тому является то, что он являлся непризнанным абхазами царем Абхазии, подобно Иоану и Адарнасе, которые узурпировали власть в Абхазском царстве во второй половине IX в. почти на двадцать лет [69, 134]. Имя Леона II появляется лишь в сочинении анонимного автора второй половины XI в. [166; 56, 57]. Леон II царствовал в Абхазии сравнительно недолго. Вскоре,

согласно «Дивану абхазских царей», престол занял законный наследник Леона I – его сын Феодосий II, царствовавший в 791–818 гг. [69, 131] или же в 798–825 гг. [199, 58]. Поэтому непонятно, на основании чего в некоторых работах, в том числе в учебнике «История Абхазии» (1993, 2006 гг.) Леона II называют первым абхазским царем, а Феодосия II – его сыном [245, 130, 132].

На самом же деле, как справедливо утверждает известный абхазовед М. Гунба, есть все основания считать одиннадцатого по счету царя абазгов Леона I создателем объединенного Абхазского царства и его первым царем, а также основоположником династии абхазских царей Леонидов, происходивших, по мнению ряда авторов, из древнего абхазского рода *Ач* (*Ач-ба*, в груз. Анчабадзе) [18, 208; 365, 547].

Одним из свидетельств независимого развития Абхазского царства периода правления Леона I является обретение Абхазской Православной Церковью автокефалии. Как известно, именно абхазский царь Леон I в 750 г. посылает духовное посольство в Антиохию, чтобы узаконить самостоятельность Абхазской Православной Церкви. В пути, уже на севере Сирии, посольство подвергается нападению разбойников, мученическую смерть принимают многие члены делегации, к Антиохийскому патриарху приходят лишь двое уцелевших священнослужителей. Антиохийский патриарх Феофилакт созывает особый Собор и свидетельствует о христианском подвиге абхазского духовного посольства.

Постановлением этого Собора Абхазская Православная Церковь благословляется на автокефалию. По жребию Иоанна рукополагают в католикосы, а второго священника-абхаза – в епископы. Таким образом, Иоанн становится первым патриархом независимой Абхазской Церкви [86, 15; 87, 15].

Обретение еще в середине VIII в. Абхазской Православной Церковью автокефалии явилось значительным достижением Абхазского государства, атрибутом ее независимого существования.

Согласно «Дивану абхазских царей», Леон I правил созданным им же объединенным Абхазским государством 45 лет и скончался примерно в 780–782 гг. [18, 195; 69, 131] или, как принято считать, в 786 г.

После Леона I страной стал править не сын Леона I, а его племянник Леон II. Это стало возможным в результате того, что Леон

II, воспользовавшись смертью Леона I, с помощью хазар захватил власть в стране [51, 231]. В историческом сочинении XI в. «Матриане Картлиса» читаем: «Когда ослабели греки, отложился от них эристав абхазов, по имени Леон, племянник (сын брата) эристава Леона, которому была дана в наследственное владение Абхазия. Этот второй Леон был внуком (сыном дочери) хазарского царя, и, (воспользовавшись) силой их, отложился от греков, завладел (ფოძუბჴს) Абхазией и Эгриси до Лихи, принял имя царя абхазов. Ибо мертв был эристав Иоанн и стар Джуаншер» [481, 251; 19, 95]. Из этого сообщения становится ясно, что Леон II завладел не только абхазской территорией (в том числе и Эгриси) времен Леона I, но и захватил Аргвети, т. е. область, уже с античных времен населенную картами [19, 105], и, таким образом, он отодвинул восточную границу Абхазского царства до Лихского или Сурамского хребта.

Вместе с тем нет основания ставить в заслугу Леону II присоединение Эгриси к Абхазскому царству, ибо, как уже было сказано, Эгриси уже была при Леоне I в пределах владений последнего. Леон II лишь силой завладел Абхазией, в составе которой уже была Эгриси [51, 231], и присоединил к ней Аргвети. В этой связи представляет значительный интерес присутствующее в грузинском источнике слово ფოძუბჴს (даипкра), толкуемое историками по-разному. Так, П. Ингорква придает ему значение «присоединил», С. Джанашия – «овладел», «захватил», а З. Анчабадзе пишет: «На самом деле слово “ფოძუბჴს”, в зависимости от контекста, может быть переведено с древнегрузинского и как “завладел”, и как “завоевал”» [19, 100]. При этом следует заметить, что ни один из вышеназванных источников, несмотря на то, что в тексте источника речь идет об Абхазском царстве и деяниях абхазского царя, не посчитал нужным поинтересоваться абхазской этимологией данного слова. В действительности же слово *даи-пкра* производно от масдарной формы абхазо-абазинской основы глагола *пка* (*pka*) – *апкара* (*a-пкара*) «бить», «побить», «подчинить», «покорить», «наказать»; *аи-банкара* (*аибапкара*) «драка», букв. «бить друг друга» и т. д. Таким образом, если исходить из абхазо-абазинской этимологии слова *апкара*, то становится вполне понятным, что Леон II силой подчинил (или покорил) всю названную в источнике территорию и не только ее – он «укрепился у берегов Арагви, разорил

Мухнари, Херки и Базалети» [266, 300]. Вместе с тем, согласно Вахушти, имело место и добровольное подчинение Леону II населения части юго-западной Грузии. По этому поводу Вахушти пишет: «После того, как воцарился Леон Абхазский, они (гурийцы) не пожелали подчиняться эриставам Одзрхе (город-крепость в районе Абастумани). Отложились от них и присоединились к Леону... После этого гурийские владения расположились между Чорохи и Риони» [520, 174, 176].

Леон II разделил Абхазское царство на восемь областей или эриставств и назначил над ними своих наместников (правителей). Вахушти пишет: «...первый царь Леван, царствовал 20 лет. Воцарившись, этот Леон, овладев всей Эгриси, назвал ее не Эгриси, а Абхазией, и разделил сию Эгриси, а отныне Абхазию, на восемь эриставств:

1. – Посадил над абхазами и дал ему Абхазию и Джикети до Моря и Хазарской реки;

2. – Посадил в Цхоми и дал ему территорию за Эгриси – Анакопию с Аланией;

3. – Посадил в Бедиа и дал ему восточнее (реки) Эгриси до Цхенис-цкали;

4. – Так как к тому Леону присоединились доставшиеся Одзрахосу земли к югу от Чорохи, отложившись от эристава Одзрахоса, назвал (эту землю) Гурией и посади там эристава своего;

5. – Посадил в Рача-Лечхуми;

6. – Посадил в Сванети;

7. – (Посадил) в Шорапани, (владельца), всей Аргвети к востоку от (рек) Риони и Ханис-цкали до Лихи;

8. – Посадил в Кутаиси (эриставом) Ваке, Окриба, земель к западу от Ханис-цкали до Гурии и западнее Риони до Цхенис-цкали» [199, 128, 129].

В этом историческом материале, представляющем большую важность для освещения истории Абхазского царства, имеется, на наш взгляд, серьезные неточности и противоречия. В частности, это касается пределов вышеназванных областей. Эти области у Вахушти перечисляются с запада на восток. Первой называется Абхазская область (т. е. Абазгия с Джикетией до моря и до Хазарской реки), за ней следует Цхумская (Сухумская) область, правитель которой получил и территорию за (рекой) Эгриси – Ана-

копию с Аланией (читай – до границ Алании [19, 109, 116]), что совершенно непонятно. Получается, что из области абазгов была выделена ее столица Анакопия, к тому же Анакопия вдруг оказывается слева за рекой Эгриси и рядом с Аланией [119, 128], что никак не может соответствовать действительности. Здесь произошла явная подмена (ошибочно или умышленно) географического названия *Анакопия* созвучным с ним названием известного пункта у левобережной части устья р. Эгриси (абхаз. Егры, мегр. Енгური) – *Анаклиа*. Как известно, и Алания тогда также находилась в области верховьев рек Эгриси (Енгур) и Хоби. Как выше сказано, из намерения Византии в лице Сотериха отдать мисимийскую крепость Бухлоон аланам в 554–556 гг. в Мисиминии разыгралась страшная трагедия. Крепость Бухлоон, абхаз. Пахулан, была расположена на правом берегу р. Ингур на пути в Аланию. Нужно полагать, после разгрома мисимиан эта крепость была отдана аланам [69, 99–108]. Таким образом, при Леоне II Цхумская область занимала всю территорию Апсилии от р. Гумыста (возможно р. Келасур) до р. Хоби.

Нуждается также в уточнении границ и Бедийская область, находившаяся, согласно источнику, за восточным пределом Цхумской области. Вахушти пишет: «Посадил (эристава. – В. К.) в Бедиа и дал ему (территорию. – В. К.) восточнее (реки) Эгриси до Цхенис-Цқали» [199, 129]. Это же место источника также переводится с грузинского как: «г. Бедиа, начиная с Энгурса до Цхенис-Цқали» [18, 212]. Однако многие авторы древнюю *Бедиа* увязывают с современным названием села *Бедиа* в Абхазии. В этом случае выходит, что правитель Бедийской области, находясь на территории Цхумской области в с. Бедиа, правил территорией, находящейся восточнее р. Эгриси (Енгური), что также маловероятно. По Вахушти, Бедийская область находилась за Цхумской областью, восточнее р. Эгриси (примерно за р. Хоби) и доходила до р. Цхенис-Цқали. Поэтому Бедиа – центр Бедийской области надо искать в междуречье р. Хоби и Цхенис-Цқали.

Впервые название Бедиа упоминает в XI в. Леонти Мровели, в связи с мифическим рассказом об отце Кавказских народов Таргамосе, одного из сыновей которого, якобы, звали Эгр или Эгрос. Согласно рассказу Мровели, этот Таргамос разделил между своими сыновьями принадлежавшие ему земли между Каспийским

и Черным морями: «А Эгросу отдал (Таргамос) земли от морского залива и определил границы: с востока – малую гору, которая ныне именуется Лихи; с запада – море; (с севера) – реку Малой Хазарии, куда достигает хребет Кавказа. Этот же Эгрос построил город и назвал своим именем – Эгриси. Теперь то место называется Бедиа» [199, 37, 38]. Вахушти же говорит, что первый грузинский царь Парнаоз «разделил находящийся в его подчинении Эгрис на два эриставства и Куджи посадил эриставом (того) Эгриси, который был построен Эгросом, и нарек эту землю Бедиа, ибо нашел счастье. И отдал Куджи (земли) к западу и северу от Риони до моря и реки Эгриси полностью, включая Сванети» [4, 220].

Леонти Мровели и Вахушти пишут о периоде, отдаленном на много веков от времени образования Абхазского царства (VIII в.). Город Эгри и владения Эгриси того времени находились между р. Риони и Хоби или Егры (Енгури) [94, 58–60]. Именно эту территорию назвал *Бедиа* посаженный здесь (IV в. до н. э.) некий правитель *Кудж*. Благодаря этим рассказам, названия *Эгриси*, *Эгри*, *Бедиа* становятся синонимами. Вряд ли последнее имеет прямое отношение к абхазскому *Бедиа*, возникшему в XI в. как название основанной абхазским царем Багратам III (на месте современного села Бедиа) царской резиденции и духовного центра. Возможно, Мровели, чтобы углубить исторические корни современных ему царей, Бедиа увязывает со вторым названием Эгриси – *Бедиа*. В. Р. Бутба также отрицает идентичность Эгри (Эгрос) с абхазским селом Бедиа. Он считает, что в источнике фраза «то место теперь называется Бедиа» является поздней вставкой [84, 90].

По Мровели и Вахушти получается, что абхазский царь Леон одного из правителей посадил не в абхазском Бедиа, а в Эгрисской Бедиа, находящейся в пределах Западной Грузии [94, 58, 93–94]. Акад. М. Броссе не двусмысленно древний Бедиа идентифицирует с *Дшкон-дид*. Он пишет: «Тот, кто захочет собирать грузинские надписи, должен прежде всего посетить: в Мегрелии – Бедию или Дшкон-дид, Зугдид и главнейшие резиденции Дадиянов» [588, 497].

Историческое название *Бедиа* Вахушти переводит с грузинского как *беди* «счастье». В. Бутба же, анализируя данные древнеармянских источников, уточняет его значение как «спаситель». Однако для того, кто знаком с общими принципами образования

топонимов, значение «счастье», «спаситель» не совсем приемлемо. Потому, думается, что Бедиа имеет иную этимологию.

Вспомним, часть Эгриси, расположенная к западу от Риони, которой правил *Кудж*, согласно древним писателям, еще в V–VI вв. являлась апсильской территорией (см. выше). Кроме того, следует отметить, что имя самого правителя, автора названия Бедиа – *Кудж* не характерно для грузинской ономастики, а у абхазов и абазин оно бытует с древних времен, ср. личные имена *Қэыцъ* (Кудж), *Қэацъ* (Куадж), дворянские фамилии *Кэыц* или *Куджба* [24, 204; 39, 132].

Можно представить, что *Кудж*, получивший благодатную западную часть Эгри (Эгриси), мог назвать ее абхазским словом *бзеиа* (*бдзеиа*) «хороший, прекрасный» – *Эгры бзеиа* (*бзиа*) «прекрасная Эгры (Эгриси)». Со временем абхаз. *Бзеиа* (*Бдзеиа*) в грузинской языковой среде могло трансформироваться в *Бедиа*.

Что же касается названия современного абхазского села *Бедиа*, оно может быть переносным или же связано с *банд*, *бенд*, *бандиа*, встречающимися в итальянских источниках XIV–XV вв. [19, 239]. На персидском *банд*, *бенд* означает «крепость». В действительности, в селе Бедиа имеется древняя крепость внушительных размеров, именуемая абхазами *Нарджхьоу*, а в источниках иногда как *Агуа*, *Акуа*, *Бедиачук*. Д. К. Чачхалиа считает, что *Бедиа* от латинского *бадиа* «монастырь», «аббатство» [519, 44].

В связи с топонимом *Бедиа* представляет интерес и абхазское родовое имя *Бедиа* // *Бадиа*, носители которого ныне в основном проживают в Турции и Аджарии [522, 220, 223].

Вышеуказанные пределы областей Абхазского царства указывают на то, что Леон II создал административные единицы с учетом существовавших до него этноплеменных границ.

Вахушти пишет также о том, что Леон II «построил город и крепость Кутатиси (т. е. Кутаиси. – В. К.) и сделал (там) резиденцию царя абхазов: подобно Анакопии, сделал сей Кутатиси вторым стольным (городом). Надо предположить и освобождение им Абхазского католикоса, с соизволения же греков» [199, 129].

При Леоне II массовый характер приобрело переселение картлийцев (грузин) в южные регионы Абхазского царства, начавшееся еще при Леоне I. В то время, как пишет современник той эпохи И. Сабанидзе, обитатели Картли были «порабощены насилием,

скованы, как бы железом, бедностью и нищетой, мучились и изнывали под тяжестью их (арабов) дани, безжалостно истязались и были подавлены страхом» [521, 44]. Прежде всего эти условия вынуждали картлийцев покидать родные края и переселяться в южные регионы Абхазского царства, «ибо та страна (Абхазия) защищена была от страшных сарацин» [521, 49]. В этой связи уместно подчеркнуть, что за время правления Леона I и Леона II объединенное Абхазское царство превратилось в одно из самых благополучных государств на Кавказе. В источнике того же периода читаем: «Больше всех благодарил бога блаженный Або, потому что нашел он ту страну (Абхазию. – *В. К.*) полной верующих во Христа и никого неверующих не было среди коренных в ее пределах. Ибо границей ее является море Понтийское, обиталище полностью христиан, до границ Халдии, в ней находятся Трапезунд, поселение Апсарей и Напсаяская гавань» [521, 62]. Комментируя данный исторический текст, акад. С. Джанашиа отмечает, что данное «описание внутреннего состояния Абхазии так и дышит благополучием и рисует силы, накопленные в результате предыдущего развития страны, и позволившие абхазскому эриставу в скором времени освободиться от всякой иноземной зависимости» [429, 336].

Абхазский царь Леон II царствовал, согласно Вахушти, 20 лет. Несмотря на значительные заслуги в построении независимого Абхазского государства, Леон II, как полагают некоторые авторы, был свергнут сыном Леона I, Феодосием II – законным наследником престола [51, 231; 69, 134]. Этим объясняется, как уже отмечено, отсутствие Леона II в «Диване абхазских царей»: здесь за Леоном I следует его сын Феодосий II, правление которого длилось, согласно автору «Дивана абхазских царей», 27 лет [18, 193, 195; 51, 231].

Немного о важнейшем памятнике Абхазского царства VII–X вв. – «Диване абхазских царей». Этот памятник был составлен на рубеже X–XI вв. по инициативе абхазского царя Баграта II (в груз. источ. Баграта III). Он представляет собой список владельцев (царей) Абхазского царства VII–X вв., предшествовавших Баграту II (он же Баграт III), выделенных из более обширного исторического документа «Жизнь абхазских царей» или «Жизнь Абхазии» [18, 19, 195; 515, 10, 11].

«Диван абхазских царей» содержит 21 имя политических деятелей и краткие справки о них, в том числе – годы правления многих из них. В редакциях более позднего времени наличествует памятная запись переписчика – краткая справка относительно времени царствования Баграта III и его сына Георгия I (1014–1027 гг.).

Материалы этого памятника первым использовал иерусалимский патриарх XVII в. Досифей в своей «Истории иерусалимских патриархов». Грузинский оригинал документа, считавшийся утерянным, был найден Е. Такайшвили в начале XX столетия. Он же изучил и издал текст памятника [199, 22].

В рукописи этой более 77 статей. В опубликованном Такайшвили «Диване абхазских царей», или так называемой у Досифея «Истории Абхазии царя Баграта» читаем: «Во имя бога, я царь Константин, сын блаженных памяти Баграта, царя абхазского, нашел в кутаисском казнохранилище кутаисский “Диван (список) царей”. В нем записаны были имена царей, но он был уже в состоянии ветхости, и я приказал заново его переписать».

«Первым царем Абхазов был Анос; вторым – сын его Гозар; третьим – сын его Иствинэ; четвертым – сын его Финиктиос; пятым – сын его Бакур; шестым – сын его Димитрий; седьмым – сын его Феодосий; восьмым – сын его Константин; девятым – сын его Феодор (Теодорэ); десятым – сын его Константин; одиннадцатым – брат его Леон, который прожил в царствовании своем сорок пять лет; двенадцатым – (сын его) Феодосий, который прожил в царствовании своем двадцать семь лет; тринадцатым – брат его Деметра, царствовал тридцать шесть лет; четырнадцатым – брат их Георгий, который владел в качестве старшего сына (наследника) Агцупом, и потому был назван Георгием Агцупским (Агцупели), он царствовал семь лет; пятнадцатым – сын Деметрэ Баграт, царствовал двенадцать лет; шестнадцатым – сын (его) Константи, царствовал тридцать девять лет; семнадцатым – сын его Георгий, царствовал сорок пять лет; восемнадцатым – сын его Леон, царствовал десять лет; девятнадцатым – брат его Димитрий, царствовал восемь лет; двадцатым – брат его Феодосий Выжженный Глаз, царствовал три года. И после сих царей угодно было богу, и я Баграт Багратид, сын блаженных памяти Гургена и сын дочери Георгия, царя абхазского, покорил страну абхазскую материнское свое наследство, и сколько лет я проживу в своем царствовании, это ведает бог».

Потом прибавлено: «А царствовал этот Баграт тридцать шесть лет, и после него царствовал Георгий тринадцать лет и пять месяцев» [18, 195, 196].

Практически до сих пор нет единого мнения о времени правления указанных в «Диване» абхазских царей. Известно, что в Абхазии Леону I предшествовали 10 царей: 1) Анос; 2) Гозар; 3) Иустиниан; 4) Филиктос; 5) Капаруки; 6) Димитрий; 7) Феодосий; 8) Константин; 9) Феодор; 10) Константин.

Далее список царей завершает двадцать первый царь абхазов Баграт II (у грузин Баграт III), правивший в 978–1014 гг.

Е. Такайшвили, опираясь на обнаруженный им подлинник генеалогического списка абхазских царей, попытался, путем обратного от Баграта III вычисления, установить годы правления перечисленных в списке абхазских династов, и для Леона получил годы 746–791. Эту датировку принял и акад. И. Джавахишвили [19, 104].

Согласно источнику, Леон I царствовал 45 лет. Как уже было сказано, это время Е. Такайшвили помещает между 746–791 гг. [18, 200], вторые же называют 736–767 гг. [87, 12], а в учебниках «Истории Абхазии» (1993, 2006 гг.) указывают на 741–786 гг. Последняя дата (741–786 гг.) представляется нам более точной. Это подтверждается словами из «Летописи Картли»: «Этот второй Леон... завладел Абхазией и Эгриси вплоть до Лихи, назвал себя царем абхазов, ибо не было в живых Иоанна и был престарелым Джуаншер» [199, 57]. Известно, что Иоанн скончался в 786 г., а престарелый Джуаншер ушел из жизни через год (в 787 г.). Отсюда становится ясным, что Леон II воцарился в 786 или 787 г., когда был жив еще Джуаншер, который скончался в том же 787 г. Также объяснимо участие хазар в 786 г. в захвате Леоном II власти в Абхазии и объявление Абхазии независимым от Византии государством. Во-первых, Леон II – сын абхазского царя Константина II, являлся по матери внуком хазарского хакана. Во-вторых, отношения Хазарии и Византии в тот период и далее оказываются натянутыми. Дочь хазарского кагана Чичак, являвшаяся женой византийского императора Константина V, матерью императора Льва IV Хазара, а также родной тетей абхазского царя Леона II, ушла из жизни еще в 752 г. Представлялась загадочной скоропостижная смерть ее 30-летнего сына – императора Льва Хазара (780 г.). Жена последнего – гречанка Ирина – добилась

еще в 776 г. утверждения их малолетнего сына Константина VI соправителем отца. Пользуясь этим и смертью мужа, Ирина с 780 по 790 г. единолично правила страной. Ее правление характеризовалось острой борьбой за власть, ослаблением внешних связей империи. Что касается хазарского кагана, то он, видимо, далеко не был доволен поведением Ирины – матери хазарского правнука Константина VI. По вине последней прерываются родственные отношения между правящими династиями Византии и Хазарии. Позже, ради собственной власти, Ирина в 797 г. свергла и ослепила собственного сына – правнука хазарского кагана Константина VI. Вместе с тем в 90-е гг. VIII в. Хазария начинает вести активную борьбу с Византией за господство на Крымском полуострове, поэтому помощь хазар Леону II представляется нам мстью Ирине, а также стремлением к расширению влияния Хазарии на Абхазию через утверждение на абхазском престоле внука хазарского кагана Леона II.

Таким образом, дата воцарения Леона II – 786 г., совпадающая с датой смерти его дяди Леона I (сына Феодора), представляется нам довольно обоснованной. Если от 786 вычесть 45 лет – время правления Леона I, то получим дату воцарения Леона I – 741 г. при этом, вероятно, в связи с гибелью или кончиной абхазского царя Константина II (Абазгского), его младший брат Леон I становится царем собственно Абазгии [51, 229, 231]. Затем, с объединением абхазских земель и признанием Византийской империей за Леоном права наследственного владения этой территорией, а также приобретения территории Эгриси с короной ее бывшего правителя Мира, Леон I в 741 г. принимает титул *апсха* (абхаз. *აქსა*) «царь абхазов». Таким образом, абхазский царь Леон I становится первым царем объединенного Абхазского государства (Джикетии, Абазгии, Апсилии, Мисиминии и Эгриси). По-видимому, не случайно, что воцарение Леона I – 741 г. совпадает с кончиной византийского императора Льва III Исавра (717–741), проявлявшего в начале VIII в. враждебные действия против Абазгии (см. выше). Вместе с тем думается, что для Абхазии стало значительным событием избрание в том же 741 г. нового византийского императора Константина V (741–775), являвшегося свояком абхазского царя Константина II.

В целом же Леон I, как нам представляется, царствовал 50 лет, из них пять лет в качестве царя абазгов и 45 лет – как *апсха* «царя

абхазов», т. е. первого царя объединенного Абхазского государства. Умер Леон I в 786 г., примерно в возрасте 77–78 лет.

Леон же II стал царствовать в 786 г. примерно в возрасте 52 лет. Он, по определению Вахушти, царствовал на протяжении 20 лет и скончался в 806 г. в возрасте 72 или 73 лет. Однако, возможно, Вахушти ошибочно указывает 20 лет, прошедшие от воцарения Леона II (786 г.) до его смерти (806 г.), как период царствования Леона II, что не обязательно должно совпадать. По мнению М. Гунба, Ю. Воронова и других, Леон II был свергнут сыном Леона I – Феодосием II и его сторонниками [51, 231; 69, 134]. Это подтверждается «Диваном абхазских царей», согласно которому уже в 791 г. абхазский престол занял законный наследник Леона I – Феодосий II, который, по тому же источнику, правил Абхазским царством 27 лет (791–818 гг.) [18, 193, 200], а по Вахушти – 39 лет [199, 129]. По мнению же З. В. Анчабадзе, Феодосий II царствовал в Абхазии в 798–825 гг. [199, 58; 19, 122, 141], что, на наш взгляд, более вероятно. Отсюда можно заключить, что Леон II был лишен власти в 791 или 798 г.

Так или иначе, в конце VIII в. третьим царем объединенного Абхазского царства становится не сын Леона II, а сын Леона I – Феодосий II (Теодоси, абхаз. Тааташь). Он являлся зятем правителя Тао-Кларджети Ашота Куропалата (787–826 гг.). Свою внешнеполитическую деятельность Феодосий II активизирует, как Леон I и Леон II, в восточном направлении.

В Закавказье усиливается борьба за обладание Картли. Первый шаг к развязыванию этой борьбы предпринял правитель Кахетии Григол, которому удалось захватить Картли, имевшую для всех важное стратегическое значение. Первым против Григола выступил Ашот Куропалат в союзе со своим родственником – абхазским царем Феодосием II. Они разбивают Григола в битве на реке Ксани. Григол Кахетинский, на стороне которого выступали горцы и тифлисский эмир, бежал, а Картли отошла к Ашоту Куропалату [497, 29; 19, 122, 123].

Активное участие абхазского царя Феодосия в этой борьбе объясняется, разумеется, не только стремлением оказать поддержку захватническим планам своего тестя, сколько желанием изгнать из Картли более опасного, на его взгляд, соперника – кахетинского правителя. Самому же претендовать на овладение Картли у Фео-

дося, по-видимому, не было еще возможности. Однако его участие в первой же борьбе за Картли было весьма знаменательным; оно положило начало длительной борьбе его преемников за овладение этой ведущей областью феодальной Грузии [19, 123].

В 819 г. Феодосий II построил город *Чхара*, (или Чхари, Чихори, срав. область Чиха) – в районе Кутаиси – Шоропани, а также выстроил город Хони (абхаз. Хан, Ханы) и Хонский собор [18, 214, 215; 87, 19].

Феодосий II умер бездетным и абхазский престол после него занял младший брат Дмитрий II (825–861 гг.) [19, 123].

По примеру своих предшественников Дмитрий II также предпринимает значительные шаги к расширению пределов Абхазского царства. По-видимому, усиление Абхазского царства беспокоило как арабов, так и византийцев. Византийский император Феофил, а затем его сын Михаил III посылают карательные экспедиции против абхазов в 831 и 833 гг. При этом они призывают на помощь эмира Тифлиса Исхака бен Исмаила. Однако войска их терпят поражение от абхазов.

Византия вновь предпринимает попытку силой оружия навязать свою политическую гегемонию Абхазскому царству. В 843–844 гг., согласно сообщению анонимного византийского историка, из Константинополя на кораблях направляется в Абхазию многочисленное войско под предводительством Феохристом. В пути византийский флот был сильно потреплен бурей. А высадившись на берег, войска были атакованы абхазами и потерпели сокрушительное поражение. По свидетельству того же источника, потери императорских войск составили до 40 тысяч человек [87, 19].

Вскоре, с целью восстановления поколебавшегося арабского владычества, халиф Мутавакиль посылает в Закавказье большое войско под командованием Буги-турка. В течение трех лет (852–854 гг.) Буга подвергал разорению Армению, Азербайджан и Восточную Грузию.

Против армии Буги выступил абхазский царь Дмитрий II (по «Матиане Картлиса» – Феодосий) [19, 141, 142], и, как явствует источник, он потерпел поражение, прежде всего из-за поддержки арабов со стороны правителя Тао-Кларджети Баграта. В «Матиане Картлиса» говорится: «Царь абхазов Феодосий (читай Дмитрий II) выступил против (Буга) и закрепился в Куерцхоба. Когда Буга

узнал об этом, то послал против него Зирака, своего военачальника, и Баграта, сына куропалата Баграта. Сразились они, абхазы были обращены в бегство, и погибло их бесчисленное множество. Царь Феодосий бежал по двалетскому пути. Это событие произошло после 5 августа 853 г., т. е. после взятия арабами Тифлиса и убийства ими (тбилисского) эмира Сахака, как об этом повествуется в надписи на Атенском храме» [19, 141]. Согласно тому же «Матиане Картлиса», поражение абхазского царя произошло после падения Тбилиси и убийства Сахака [481, 85, 86].

После понесенного поражения Абхазское царство было обложено данью на некоторый срок. Такой же данью была обложена и Хазария [19, 142].

Тем не менее вскоре Абхазское царство возобновило борьбу против арабов, борьбу за овладение Картли. В этом направлении удачно выступил абхазский царь Георгий I (861–868 гг.) – брат Феодосия II и Дмитрия II, сын Леона I, имевший прозвище (титул) *Георгий Агцепский*, [18, 195] или *Георгий Агцупский* по-видимому, по названию его бывшего владения *Агца* в районе столицы Абхазского царства *Анакопии* (*Ансар*), [199, 23; 87, 20]. В первые же годы царствования Георгия I абхазы заняли Картли [515, 122, 123]. По этому поводу «Матиане Картлиса» сообщает: «В это время выступил Гиорги, царь абхазов, брат Теодоси и Деметре, сын Леона, захватил Картли и оставил эриставом в Чиха сына Деметре» [497, 31]. Дальнейшее продвижение Абхазского царства на восток было прервано кончиной Георгия I.

Следующим абхазским царем становится сын Георгия I Иованэ (868–880), что, по-видимому, не было одобрено сторонниками сыновей Дмитрия II. Как уже отмечалось, один из сыновей Дмитрия, т. е. старший Тинен (Тинен), уже был правителем Чихской области. Вторым же являлся маленький сын Дмитрия – Баграта.

Некоторые же исследователи умышленно или ошибочно умалчивают о существовании у Георгия сына Иованэ, называя Георгия I бездетным. Они же, как справедливо отмечают Р. О. Аргун и А. Б. Шанава, отождествляют имя сына Георгия Иованэ с именем некоего князя Иоана Шавлиани, приближенного жены Георгия, матери его сына Иованэ. Более того, Иоане Шавлиани приписывается захват абхазского престола и узурпация власти в Абхазском царстве, на что нет прямых указаний в первоисточниках.

Вахушти же пишет: «После царя Феодосия царем стал брат его Гиорги. Сей Гиорги захватил Картли и эриставом в Чихи посадил Тинена, сына брата своего Дмитри. И после доброго царствования умер царь Гиорги лета Христова 877, грузинского 97. *А после царя Гиорги царем стал сын его Иованэ*. Однако царица, мать царя Иованэ, вознамерилась более укрепить царствование своего сына, и так как уже не было в живых Дмитри, брата царей Феодосия и Гиорги, поэтому схватила сына Дмитри, Чихского эристава Тинена и убила его. А младшего сына того же Дмитри, малолетнего Баграта, изгнала и в пути Баграта бросили в море. Однако господь избавил его и достиг Константинополя» [4, 222].

Иованэ, чтобы укрепить свое шаткое положение на абхазском престоле, породнился с Багратионами, владельцами Тао. Он женил своего сына на дочери Гуарама, сына Ашота. После Иована престол занял его сын Адарнас или Афанасий (880–888 гг.). По-видимому, и у Адарнаса в стране было немало противников по причине проявленной жестокости и коварства вдовы Георгия I и ее сына Иованэ – отца Адарнаса. Об этом свидетельствуют вольные действия отдельных абхазских феодалов – правителей областей. Так, в этот период абхазские правители Аргвети из рода будущих Богвашей самовольно завладели землями Триалети и закрепились там. Они же провели (пробили) кратчайшую дорогу через Триалетский хребет на Картли и здесь же построили крепость, получившую у грузин название *Клде-Кари*, букв. «дверь в скале», а у абхазов *Баагуаш* (*Баагэаиэ*) – «крепостные ворота» – отсюда и фамилия (или прозвище), абхаз. *Баагэаиэ*, груз. Багваши (см. ниже). Не случайно также отсутствие Иованэ и Адарнаса в списке абхазских царей. Тем не менее они были царями.

В царствования Иованэ и Адарнаса борьба за Картли продолжалась. В основном она велась между армянскими Багратидами и Абхазским царством, что вытекает из сообщения «Летописи»: «А Насра, сын Гуарама, и Гурген (владельцы Тао-Кларджети. – В. К.) были на стороне абхазов, Давид и Липарит пособляли армянам и воевали армяне и абхазы из-за Картли» [199, 60]. По-видимому, на данном этапе борьбы за Картли абхазская сторона потерпела поражение, поэтому армянский правитель Ашот Багратуни получил титул эристави – эристава армян и картлийцев [19, 125]. А Насра, выступавший на стороне абхазов, с помощью сарацин был изгнан в Византию.

В конце 80-х гг. IX в. в Абхазию возвращается сын Дмитрия Баграт, и с помощью своих абхазских сторонников и военной силы византийцев завладевает абхазским престолом. Об этом «Матиане Картлиса» сообщает: «Баграт, сын абхазского царя Дмитрия, находился в Греции, в Константинополе; дал ему царь греков войско и отправил морем на кораблях в Абхазию. (По прибытии туда) Баграт убил Адарнасе и овладел Абхазией. Он взял себе в жены супругу его (Адарнасе), дочь Гуарама». Последним актом он предотвратил развитие конфликта между ним и правителем Тао.

Баграт царствовал в Абхазии сравнительно недолго (888–893 гг.). Став царем, Баграт вызвал из Греции брата своей жены Насра, который находился под покровительством императора. Баграт дал Насра войско и направил его против Адарнаса, которого таойцы до этого объявили эриставом Картли. В борьбе против таойцев и картлийцев Баграту помогли и осетины. При поддержке войск абхазского царя Насра занял Одзрхе, Джарисцихе, которые раньше принадлежали его отцу. Далее Баграт I намеревался овладеть Картли и вытеснить из него армян и тайоцев. Встревоженные этим армяне и картлийцы внезапно напали на объединенное воинство абхазов, осетин и греков на берегу Куры и нанесли последним поражение. В «Летописи» говорится: «Пришли Гурген и Адарнас, сын Давида, вспомошествовали им армяне, вступили в бой на берегу Куры; одолели абхазов, убили Насра и мтавара овсов Бакатара и эристава абхазов» [199, 127].

Анализируя указанный текст и другие источники, ряд ученых допускает, что осетины, которых в прошлом византийцы использовали против абхазов, уже в указанный период были не просто союзниками, а подчиненными абхамам» [523, 198; 515, 127].

После кончины Баграта I абхазский престол занял его сын Константин III (893–922 гг.). С приходом к власти он приступил к энергичным действиям против своих противников и занял в 904 г. Картли. Это привело к ответным действиям армян против Абхазии. Об этом «Летопись» сообщает следующее: «В это время выступил Константи, царь абхазов, и захватил Картли; разгневался на него царь сомехов Сумбат Тиезеракал, выступил с большим войском и обступил Уплисцихе, поставили друг на друга палан-курдани (вьючные седла. – В. К.) и при помощи этой хитрости взяли крепость. Но (затем) Сумбат и Константи полюбовно договорились и вернул (Сумбат царю абхазов) Уплисцихе и всю Картли» [497, 32].

Союз между обоими царями был скреплен браком Константина с дочерью Сумбата. Между тем государи Армении и Абхазии и до этого состояли в родстве, поскольку сын Сумбата – Мушег был женат на дочери абхазского царя Константина. Теперь же их родство стало еще теснее. И от жены армянки у Константина родился сын, нареченный Багратором [87, 23]. Однако, как отмечает З. Анчабадзе, такая уступчивость Сумбата объяснялась прежде всего осложнившимися к тому времени отношениями с арабами. Как сообщает армянский историк Асохик, в 907 г., по приказу халифа, против Сумбата выступил «с большим войском» арабский наместник Абу-Садж, которого поддерживали некоторые армянские правители. Узнав об этом, Сумбат «перешел в Абхазию». Характерно, что тао-кларджетский царь Арданасе также поддержал противников Сумбата, потому, надо полагать, что Сумбат находился в союзе с абхазским царем Константином.

Грузинский летописец сообщает, что в период нашествия арабского полководца Абуль-Касима (914 г.) Сумбат снова нашел себе убежище «в горах абхазских». Впоследствии Сумбат погиб в борьбе с арабами [19, 127].

В том же 914 г. арабский полководец Абуль-Касим принудил абхазского царя Константина оставить Картли. Однако вскоре, пользуясь уходом части арабских сил из Картли и ослаблением Армянского царства, Константин смог прочно овладеть Картли. Это видно, в частности, из того, что кахетинский корепископ Квирике I признал себя его вассалом, и они совместно начали борьбу против Эрети. Летописец сообщает, что Константин и Квирике «вступили в Эрети и осадили крепость Вежини. Абхазский царь осадил ее с верхней стороны, а Квирике – с нижней». После победы над эретцами Квирике досталась крепость Орчоби, а Константину – Ариши и Гавазни [199, 63].

Комментируя это событие, И. А. Джавахишвили пишет: «Правитель Кахети действовал разумно, не осмеливаясь один расширять свои владения, дабы не восстановить против себя абхазского царя; после победы он взял себе лишь одну часть уступленной им территории, а две части уступил царю абхазов». Таким образом, царь абхазов утвердился теперь не только в Картли, но и в Эрети. Отныне преимущество и главенство в Грузии оказалось в руках «абхазских царей» [19, 127].

В честь победы над Эрети здесь, по велению абхазского царя Константина, в местечке *Эредви* (вблизи Цхинвали) закладывается церковь. Само название местечка *Эредви*, по-видимому, представляет грузинскую форму абхазского *Еретдвы* (*Еретдәы*), букв. «Еретское поле (равнина)».

Найденная здесь церковная запись гласит: «Во имя Бога-Отца, Сына и Святого Духа, с ходатайством св. Богородицы, с помощью св. Георгия, в царствование Богом утвержденного царя Константина, который изволил и прибыл в Эретию, обратил в бегство царя эретинцев и, возвратившись оттуда с миром, на утрени молился в Алаверди, переночевал в Бредза. Опять поднялся и разрушил крепость Веджини. При владычестве в Картли Ивана Тбели, при архиепископе блаженного, его крестом по замыслу Никозского блаженного Степана епископа, усилиями и с помощью близких я, Теодоре Таплайсдзе, заложил фундамент. Лето было 6510 (906 г.)» [87, 24].

Имя Константина упоминается и в других эпиграфических памятниках того периода – в церковных надписях, на иконах, утвари. Его имя выгравировано также на архиерейском посохе в Шемокмедском монастыре, надпись на котором гласит: «Христос, прославь царя Абхазского Константина». Константин III был активным проводником христианства среди народов Кавказа. С его именем увязывают строительство христианских храмов в верховьях Кубани, типологически относящихся к абхазской архитектурной школе. Миссионерская деятельность Константина по утверждению христианства в Алании была высоко оценена Константинопольским патриархом Николаем Мистиком. В письме к Константину патриарх писал: «Преславному властителю Абасгии... свидетельство благочестия – твое боговдохновенное усердие, которое ты явил и являешь в деле спасения и приобщения к истине народа аланов: мы же от разных сведущих людей узнали о твоих успехах, что ты с Божьей помощью много заботился о просвещении правителя Алании и о тех, кто с ним сподобился святого крещения» [87, 24, 25].

После казни Сумбата Армению возглавил его сын – Ашот Железный. В 920 г. он отправляется в Абхазское царство с просьбой о помощи, в соответствии с дружественным союзом, закрепленным его отцом с абхазским царем Константином III накануне арабской агрессии в 906 г. [87, 24].

Однако вскоре после взятия Эрети абхазский царь Константин III скончался (922 г.). Вслед за этим в стране началась борьба за власть между сыновьями Константина – Георгием и Багратам. «Матиане Картлиса» сообщает: «У царя Константи было два сына – один старший, и второй младший, – которого родила ему (вторая) жена (армянка. – В. К.). Старшего звали Гиорги, младшего – Баграт. И была между ними борьба яростная, о чем повествует их история. А этот Баграт был зятем эриставт-эристава Гургена, помогал Гурген (Баграту) всеми своими силами. И пока не скончался Баграт – не было мира. После его смерти Гиорги стал полновластным царем абхазов. Был он преисполнен всех благ, отважный и представительный, боголюбивый, более всех строитель церквей, был милостив к бедным, щедрый, скромный и преисполненный всяческой доброты и добродетели. Он упорядочил и управился со всеми делами вотчины и своего царства, воздвиг Чкондидский храм, учредил епископию и украсил ее множеством мощей святых мучеников» [497, 33, 34].

Георгий II (929–957 гг.), как явствует «Летопись», был наиболее выдающейся фигурой среди абхазских царей IX–X вв. В период его правления Абхазское царство превращается в самостоятельное и самое влиятельное государство в Закавказье. «Матиане Картлиса» называет Георгия II «царем великим и богом возлюбленным» [524, 265, 269, 275; 19, 128]. Георгий продолжает культурную экспансию на Северный Кавказ, где строятся храмы, представляющие абхазскую архитектурную школу. В его правление на северной стороне Кавказского хребта укрепляется область проживания северных абхазов, которые в 923 г. под предводительством князя Бера вторгаются в Армению [87, 24].

После своего воцарения Георгий II назначил правителем Картли своего старшего сына Константина. Однако спустя три года, подстрекаемый местными феодалами, Константин «стал враждовать со своим отцом и домогаться царского престола». Он укрепился в крепости Уплисхихе, где его поддерживали «тбетцы и многие другие азнауры» [19, 128, 129]. Георгий незамедлительно осадил Уплисхихе. После долгой осады крепости Георгий обманными обещаниями выманил сына – раскольника, а затем «ослепили, оскотили его, подвергли другим пыткам, после которых он умер» [19, 129].

Усмирив Картли, Георгий посадил там своего второго сына – Леона. В то же время, в связи с восстанием гардабанских феодалов,

лов, Георгий вторгся в Кахети, и подверг ее разорению, и страну подчинил себе [19, 130].

Георгий II также вел постоянную борьбу за усиление своего влияния на Тао-Кларджети, которая сама имела серьезные претензии на владение Картли и Кахети, поэтому с завистью взидала на продвижение Абхазии на восток. Для достижения своей цели Георгий II выдает свою дочь за сына тао-кларджетского царя Адарнаса – Ашота Куропалата. В дальнейшем Георгию удастся захватить часть Тао-Кларджети. Вскоре, по-видимому, не без участия тайоцев, картлийцы и кахетинцы, сговорившись, попытались отложиться от Абхазского царства. Узнав об этом, Георгий отправляет войска во главе с сыном своим Леоном. Они подвергают опустошению мятежную Кахетию.

Как сообщает «Летопись»: «Поняв безуспешность сопротивления, Квирике явился к ним. Но затем пожелал тайно бежать, схватил его (Леон) и направился в Кахети, чтобы захватить всю его семью. (Но они) скрылись, так как картлийские азнауры известили их.

Перешел на сторону царя Гиорги (Шурта), брат хорепископа Квирике, и передал ему крепость Уджарму, заняли они и остальные крепости Кахети, кроме трех крепостей: Нахчевани, Бочормы и Лоцобанта.

(Крепостью) Лоцобанни владел Иване (Аршисдзе), укрепился он в ней, предал патрона (своего). Воздвигли Шурисцихе и разместили в ней гарнизон. Крепостью Марана владел тогда Хахуа Аршисдзе, брат Иване, (который) наподобие брата свое желал силой удержать (крепость). Прибыл царь (Гиорги), приказал войску сразиться. Взяли крепость хитростью, и захваченного Хахуа привели к царю, а царь отправил (его), плененного, в Джикети.

Крепостью Нахичевани владел Фадла, сын Квирике. Он тоже укрепился в ней. Когда хорепископ Квирике увидел бессилие свое, попросил гарантию сохранения жизни и передал Кахети царю Гиорги» [497, 35].

Однако окончательному подчинению Картли и Кахети помешала смерть царя Георгия. Когда Леон узнал о кончине отца, то у Базалетского озера встретился с архиепископом Квирике и заключил с ним мир. Сын Квирике женился на дочери Леона и признал над Кахети политическую власть своего тестя. После этого Леон вернулся в Абхазию и стал царствовать [19, 131, 132; 515, 132–134].

Сын Георгия Леон, согласно «Дивану абхазских царей» – Леон III, царствовал в течение десяти лет (957–967 гг.). Он, как и отец, начал с принятия энергичных действий по экономическому и политическому развитию страны. В «Летописи» говорится: «Умножил Господь царство его, подобно отцу его. И был он также боголюбив и преисполнен всякого добра. Он построил церковь в Мокви и превратил его в храм епископства, благословил и сотворил всякий порядок» [518, 270; 515, 134].

Леон III распространил свою власть дальше на восток и подчинил себе Джавахети. Начальником над этой областью он назначил своего ставленника Звиада Марушиани (Марушис-дзе). В Джавахетии, которая стала крайним восточным пределом Абхазского царства, на границе с Арменией, недалеко от современного Ахалкалаки, по его повелению строится храм в селении Кумурдо. На стене этого храма имеется строительная надпись, в которой поименован и сам Леон и его новый наместник в этой области Звиад Марушиани. В храме, заложенном в 964 г., сохранились рельефные изображения Леона III, его сестры Гурандухт с младенцем – будущим абхазским царем Багратам II на руках.

Надпись в Кумурдо гласит: «Иоанн епископ положил основание этой церкви рукой грешного Сакоцари при царе Леоне в 964 г. в мае, в день субботний первой луны в наместничестве Звиада» [87, 29].

Леон III продолжает борьбу за окончательное подчинение Абхазскому царству Кахетии. После внезапной смерти его дочери – жены Квирике II, Леон III очередной раз вторгается в Кахетию с большим войском, выходит на берег Арагви и подвергает разорению Мухрани, Хорки, Базалети. Вскоре, во время великого похода в Кахетию, он внезапно заболел и умер [19, 132]. Погребен в материковой Абхазии, в едва завершенном Моквском соборе [87, 29, 30].

Леон III умер бездетным и на абхазский престол взошел его брат – *Деметре (Дмитрий) III* (967–975 гг.). Второй брат Леона – *Феодосий* еще в детстве был послан своим отцом Георгием II на учебу в Византию. Согласно словам летописца, Георгий отправил Феодосия и его брата (Баграта) за границу с целью не допустить после своей смерти неурядицы между братьями из-за престола [19, 132, 133].

Дмитрий III вскоре после своего воцарения овладел Картли. Как говорится в «Летописи»: «И пока он упорядочил дела в своем царстве, прошли времена» [497, 36, 37]. В этот период «какие-

то люди» вызвали Феодосия из Византии, чтобы он начал борьбу против брата – Дмитрия [19, 133].

Феодосий, увидев поддержку со стороны грузинских феодалов, по-видимому, также и от некоторой части абхазской знати, решил силой отвоевать престол у брата. Из Византии он приехал прямо в Самцхе, где к нему присоединились мосхийские феодалы, собравшие значительное войско. Однако они внезапным нападением были разбиты войском Дмитрия, а Феодосий бежал в Картли. Год спустя Дмитрий дал клятвенные заверения Феодосию в Мцхете, в присутствии знатных особ, о мире. Однако, заполучив брата в свои руки, Дмитрий, нарушив клятву и заверения, ослепил Феодосия. Это событие вызвало мятеж среди сторонников Феодосия. Как явствуют источники, Дмитрий решительно и жестоко подавил эти волнения, ибо Дмитрий «был решителен и могуч» [524, 272; 19, 134, 87, 30].

Ослепленный Феодосий получил прозвище *Чала* или *Аңсха Чала*, букв. «царь-инвалид», «больной царь» (см. ниже), которого, по-видимому, долгое время скрывал Дмитрий [497, 37]. Когда же умер Дмитрий, как сообщает летописец, «вельможи страны сей убедились, что единственным наследственным владельцем Абхазети и Картли является Теодоси (Феодосий), вывели его и посадили царем» [497, 37].

Феодосий III Слепой или *Феодосий Чала* царствовал около трех лет (975–978 гг.). В годы его правления страну раздирали распри, и царил хаос. Данная ситуация (бессилие слепого правителя) вынуждала абхазскую элиту искать нового претендента на престол в условиях сложившегося в Абхазском царстве династического кризиса. Вскоре такая замена была найдена в лице сестры абхазских царей Леона III, Дмитрия III и Феодосия III – *Гурандухт* и ее малолетнего сына *Баграта*. С воцарением же Баграта II (Баграта III) завершается присоединение Картли и Тао-Кларджетии к Абхазскому царству и начинается новый имперский этап развития абхазского феодального государства.

§ 2. О границах Абхазского царства в VIII–X вв.

Сведения о первоначальной границе Абазгского (Абхазского) царства относятся к началу 40-х гг. VIII в. Как уже отмечалось, со-

гласно сообщению Джуаншера, абхазский царь Леон I в разговоре с Арчилом – картлийским царем называет следующие границы своего владения: «Дал же мне кесарь сию страну наследственно... Отныне она является моим наследственным владением от Клисурь до реки Большой (читай Малой) Хазарии, куда достигает хребет Кавказа» [199, 53]. Конечно же, здесь речь идет о признании за Леоном I территорий, которыми Леон I уже владел.

Выше уже не раз отмечалось, что в источнике под названием Клисурь обозначена византийская оборонительная линия, проходившая ниже Цихе-Годжи и Кутаиси, и являвшаяся «границей Греции и Картли» [69, 150–157; 329, 62–66; 94, 124]. Здесь же, по р. Техури (правый приток Риони) и нижнему течению р. Риони (Фазис), проходила юго-восточная граница Аписилии, которая уже являлась частью Абазгии (Абхазии). По источнику, северная граница Абазгии доходила до Малой реки Хазарии (в источнике ошибочно указано «Большая река Хазарии»), что соответствует р. Кубань [199, 53].

Итак, Абазгия или Абхазия, до присоединения к ней Эгриси в 40-х гг. VIII в. простиралась: на севере – до р. Кубань; на северо-востоке – до Главного Кавказского хребта; на юго-востоке – до р. Техури (правый приток Риони) и нижнего течения р. Риони (Фазис); на юге – до Черного моря.

В 40-х гг. VIII в., с женитьбой Леона I на дочери покойного эгрисского правителя Мира и передачей Леону I короны последнего, освобожденное Леоном же Эгриси оказывается под управлением Леона. Затем, уже Леон II (786–798 гг.) присоединяет и картлийскую область Иверии (см. выше) к Абхазскому царству, сюда же отходит и территория между р. Риони и р. Чорох. Происходит это, как пишет Вахушти, «после того, как воцарился Леон Абхазский, они (гурийцы) не пожелали подчиняться эриставам Одзрхе (город-крепость в районе Абастумани). Отложились от них и присоединились к Леону... После этого гурийские владения расположились между Чорохи и Риони» [520, 174, 176].

Существует также еще один важный документ, указывающий на границы Абхазского царства того же периода, т. е. конца VIII в. Речь идет о сочинении автора VIII в. (786–790 гг.) Иоане Сабанисдзе «Мученичество Або Тбилели». Согласно этому источнику, правитель Картли – Несре, из-за жестокости арабских завоевателей, покинул временно свою страну. Он, в сопровождении юноши – ара-

ба Або и большой свиты, перешел в Хазарию, заблаговременно отправив членов своей семьи в Абхазское княжество. В Хазарии же юноша Або отрекся от мусульманства и принял христианство.

В контексте сочинения Иоане Сабанисдзе, в частности, говорится: «И когда прибыли они в страну Абхазию, владетель той страны благосклонно принял Несре со всем его воинством. Когда Несре увидел царицу, мать свою, жену и детей своих, с радостью все величали бога за то, что живыми благополучно собрались вместе... И блаженный Або еще пуще благодарствовал богу, т. к. он узрел страну ту исполненной христовой веры, и ни одного неверующего не сыскать было в их пределах. А сопредельным с ними является Понтийское море, где повсеместно обитают христиане вплоть до пределов Халдии; там находится Трапезунт, место пребывания Апсарей и Напсайская гавань. И являются те города и земли подвластными слуге Христа, царю ионийцев, который восседает на престоле в великом граде Константинополе» [199, 6–9].

Через некоторое время Несре и Або через Абхазию возвращаются в Восточную Грузию; арабы казнили юношу Або в 786 г.

Прежде всего следует отметить, что пребывание картлийского правителя Несре в сопровождении юного араба Або в Абхазии имело место еще при Леоне I, в последние годы его правления. Это подтверждается тем, что Або казнили в Картли в 786 г., т. е. в год воцарения на абхазский престол Леона II. По-видимому, при Леоне I также произошло и добровольное вхождение гурийцев в состав Абхазского царства, и в этой связи – перенос юго-восточной границы Абхазского царства от р. Риони к р. Чорох [520, 174, 176].

На наш взгляд, в сочинении Иоане Сабанисдзе также речь идет о юго-восточной границе Абхазии по р. Чорох. При этом имеется в виду то место сочинения, где говорится: «...А сопредельным с ними является Понтийское море, где повсеместно обитают христиане вплоть до пределов Халдии; там находится Трапезунт, место пребывания Апсарей и Напсайская гавань. И являются те города и земли подвластными слуге Христа, царю ионийцев, который восседает на престоле в великом граде Константинополе». Данная цитата толкуется по-разному. Одни (К. Кекелидзе, П. Ингороква и др.) рассматривали приведенное сообщение как свидетельство нахождения Трапезунта, поселения Апсар и Напсайской гавани в пределах Абхазского царства. Пункт Апсар К. С. Кекелидзе помещает в устье Чороха (Гонио), а Напсай отождест-

являет с Никопсией [525, 34]. Он также утверждает, что: «В пределы Абхазии, т. е. Западной Грузии, ранее называвшейся Лазикой и Фасидой (от реки Фазиса – Риони), тогда действительно входил Трапезунт» [525, 62]. Другие же (С. Джанашиа, З. Анчабадзе, М. Гунба) справедливо подчеркивают, что в приведенной цитате прямо указывается, что Трапезунт, Апсар и Напсаяская гавань, являются городами Халдии, которые представляют собой владения ионийского царя, т. е. византийского императора [9, 113]. По мнению академика С. Джанашиа, Абхазия в то время, в политическом смысле, не простиралась южнее реки Чорох [429, 388]. Прямое указание на то, что Трапезунт являлся городом Халдии, а вся эта область входила в состав Византии, как заметил З. Анчабадзе, имеется у Константина Багрянородного, который в своем труде «О Фемах» под № 8 упоминает «Фему Халдия» и ее «митрополию – Трапезунт» [527, 34; 19, 114].

Таким образом, в конце VIII в. границами Абхазского царства являлись: Малая река Хазарии – на севере, Главный Кавказский хребет – на северо-востоке, Лихский хребет – на юго-востоке, р. Чорох – на юге и Черное море – на западе [51, 234]. В основном в этих границах Абхазия выступает как цельное государство и в IX–X вв.

Определенные сведения о границах Абхазии середины X в. дает византийский император Константин Багрянородный. В частности он пишет: «От Таматархи на расстоянии 18 или 20 миль есть река, называемая Укрух, разделяющая Зихию и Тамартаху. От Укруха до реки Никопсиса, на которой стоит соименный реке город, простирается область Зихии; длина ее 300 миль... От конца Зихии, т. е. от реки Никопсиса, побережье занимает земля Абазгия до города Сотиириуполя на протяжении 300 миль» [526, 21].

Насколько нам известно, локализация реки Никопсиса и города Никопсия у исследователей не вызывает разногласий. Река Никопсис – это современная река Нечепсухо, впадающая в Черное море в 25 км к северо-западу от Туапсе. Справа от устья этой реки, на горе, исследователи помещают средневековой город Никопсию – центр Зихской епархии [96, 162, 164].

Вместе с тем по поводу местоположения города Сотиириуполя, до которого, как говорит Константин Багрянородный, доходит (южный) предел Абазгии, у исследователей существуют различные мнения. Часть из них (Ю. Кулаковский, Ф. Брун, З. Анчабадзе, Л. Хрушкова) Сотиириуполь отождествляют с Пицундой, т. е. Питиунтом древних

авторов. Некоторые же авторы (В. Болотов, П. Ингорквa) Сотириуполь увязывают с Севастополем (Сухум). Позже П. Ингорквa меняет свое мнение и высказывает новое предположение, по которому Сотириуполь – это приморский пункт Оф, близ Трапезунта.

Все эти мнения представляются довольно сомнительными в силу того, что они явно противоречат ясному указанию Константина Багрянородного о том, что Абазгия тянется «от реки Никопсиса до города Сотириополя по морскому берегу на пространстве 300 миль», т. е. примерно столько же, сколько и между Укрухом (Кубанью) и Никопсией. Данное обстоятельство обоснованно подчеркивается в работах Ю. Н. Воронова и О. Х. Бгажба. В частности, О. Бгажба заостряет внимание на следующих важных посылах:

- Сотириуполис – однозначно локализуется как пункт близ юго-восточной границы Авагсии, причем в этом смысле не столь принципиально, на территории какого государственного образования он находился – в Авагсии или византийской феме Халдия;

- под Авагсией, учитывая протяженность страны (300 миль), следует совершенно определенно понимать Абхазское царство периода его расцвета, а не территорию расселения этнической единицы (абасгов), так как к середине X в. абасги, апсилы, мисимiane и саниги уже почти 200 лет составляли единую абхазскую феодальную народность;

- протяженность страны Зихия и страны Авагсия одинакова. Река Никопсис – граница между этими странами, на ней находится одноименная крепость (город);

- следуя тексту первоисточника, очевидно, что ключевым моментом для локализации Сотириуполиса является определение местонахождения крепости Никопсис, как пограничного пункта между Абасгией и Зихией и, как известно из других источников, места захоронения Симона Кананита – апостола Христа [528, 91].

Однако далее автор, несмотря на совершенно верные исходные позиции, приходит, на наш взгляд, к ошибочному заключению о том, что Абазгия в тот период (X в.) простиралась между Трапезунтом и Цандрыпшем [528, 93, 95, 97].

Прежде всего следует заметить, что переносом Никопсиса в район Цандрыпша отсекаются от Абазгии важная часть абхазского народа и Абхазского царства: *садзы* (саниги или чиги, джики) и их страна *Джикетия* (Санигия), которая, согласно источникам,

границила во II–V вв. с Зихией по р. Ахеунта (Шахе) (см. выше), а затем по реке Никопсис (Нечипсухо). Заключение Абазгии между Трапезунтом и Цандрыпшем противоречит и словам самого О. Бгажба: «Под Авасгией, учитывая протяженность страны (300 миль), следует совершенно определенно понимать Абхазское царство периода его расцвета, а не территорию расселения этнической единицы (абасгов), так как к середине X века абасги, апсилы, мисимиане и саниги уже почти 200 лет составляли единую абхазскую феодальную народность» [528, 91].

Как нам представляется, Ю. Воронов и О. Бгажба, принимая Сотириуполь за Трапезунт, естественно не могли 300 миль (445 км – из расчета 1 миля = 1481,5 м) дотянуть до р. Ничепсухо, в связи с чем и возникло предположение о том, что Никопсия могла находиться в районе Цандрыпша. При этом, видимо, имелось в виду, что Никопсис, считавшийся местом захоронения Симона Кананита, его название церковные деятели могли переносить с одного места на другое. Как известно, Анакопия, благодаря русским монахам, также считается местом захоронения Симона Кананита.

На самом же деле сообщение Константина Багрянородного о прохождении границы между Зихией и Абазгией по р. Никопсис (Ничепсухо, Негепсухо), на наш взгляд, не должно вызывать сомнений.

Во-первых, как уже выяснено, сам император Константин Багрянородный недвусмысленно говорит, что Трапезунт является митрополией Халдии [527, 34].

Во-вторых, как выше сказано, границей Абхазского царства в VIII и в начале IX вв., а, согласно Багрянородного, и в середине X в. являлась река Чорох. Представляется, что именно с этим фактом увязываются приводимые академиком О. Бгажба слова Багрянородного о том, что крепость Адарнуци (Артануджи) расположена в бассейне Чороха и «является ключом к Авасгии» [528, 92].

По данным того же Багрянородного, изменения претерпела лишь северная граница Абхазского царства. Если в VIII и в начале IX в. северной границей Абхазского царства являлась р. Кубань, то в середине X в. она уже проходила по р. Никопсису (Нечепсухо, Нигепсухо). Зихия же помещается за Абазгией – между р. Никопсис и р. Кубань. Известно, что прежняя внутренняя граница Зихии и Санигии, позже и Абазгии, проходила по р. Шахе, соответствующей Ахеунту Адриана и др. авторов. Теперь же междуречье Шахе

и Никопсиса оказывается среди земель Абхазского царства. Вскоре, по-видимому, абхазские цари возвращают в состав Абхазского царства остальную Зихию, тем самым восстанавливают прежнюю границу царства по р. Кубань. Свидетельством этого представляется перенос во второй половине X в. кафедры зихского митрополита из Никопсии в Тмутаракань [96, 164].

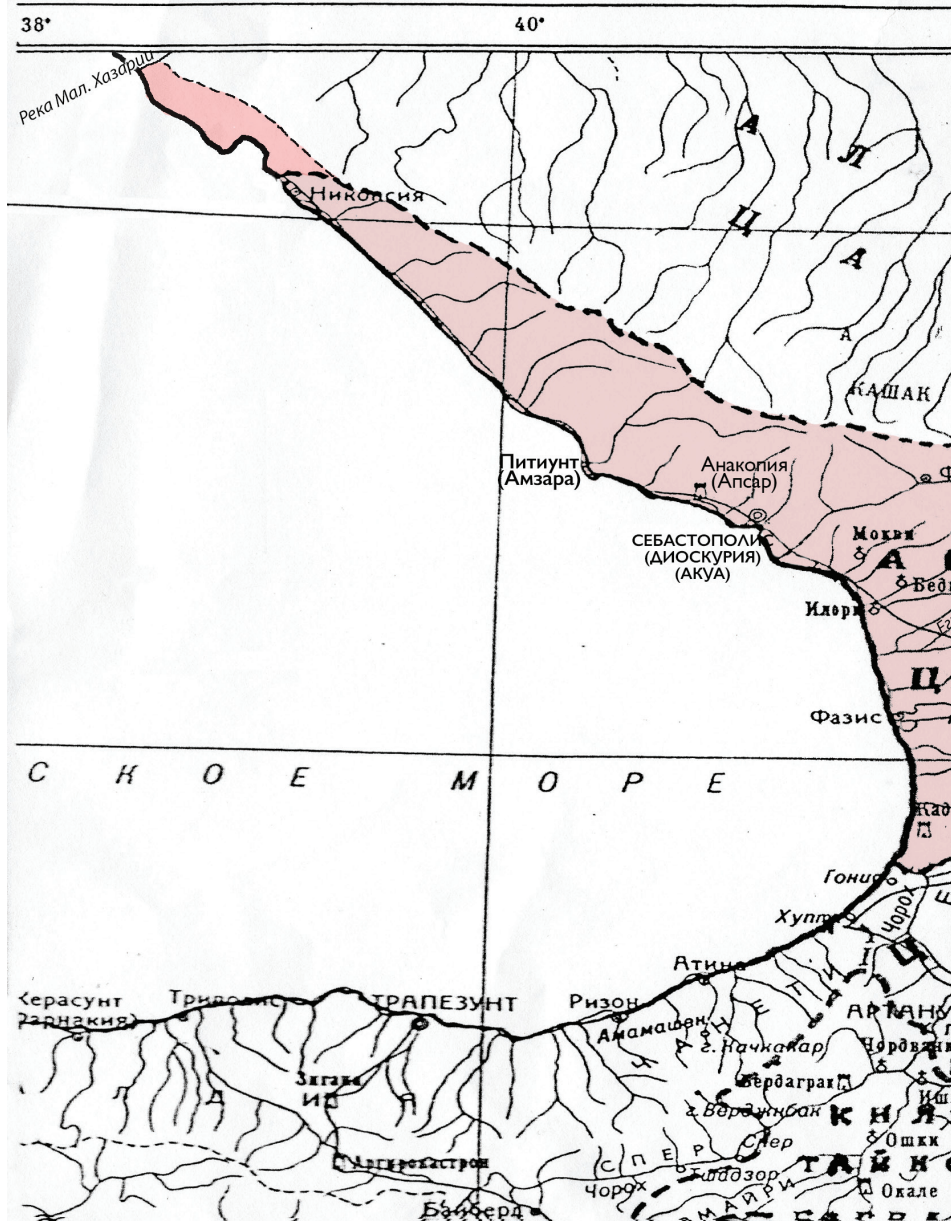
Как уже было сказано, Никопсия, располагавшаяся у абхазо-зихской границы, считалась местом захоронения святого апостола Симона Кананита. В этой связи обращает на себя внимание сам топо-гидроним *Никопс-ис* и местная его форма *Нигепсухо* (Ничепсухо). В основе этих форм представлены близкие по облику основы *нико* и *ниге*, которые могут восходить к абхазо-абазинскому *ныха* «икона», «святыня» – отсюда слово *Ныханс* (срав. Никопс), букв. «святая река» или «река святыни», где *нс* – абхазо-адыгское слово «вода», «река». Вторая же форма названия реки *Нигепсухо* также, возможно, из абхазо-абазинского *Ныхапшахуа* (срав. Нигепсухо), букв. «святой берег» или «берег святыни», где *псахуа* (абхаз. *пшаҳәа*) «берег», «прибрежье».

И наконец, если принять Никопсию за исходную точку отсчета расстояния между двумя концами страны абазгов, то от Никопсиса за 300 миль, согласно Багрянородному, должна оказаться южная граница Абхазского царства с городом Сотириуполь.

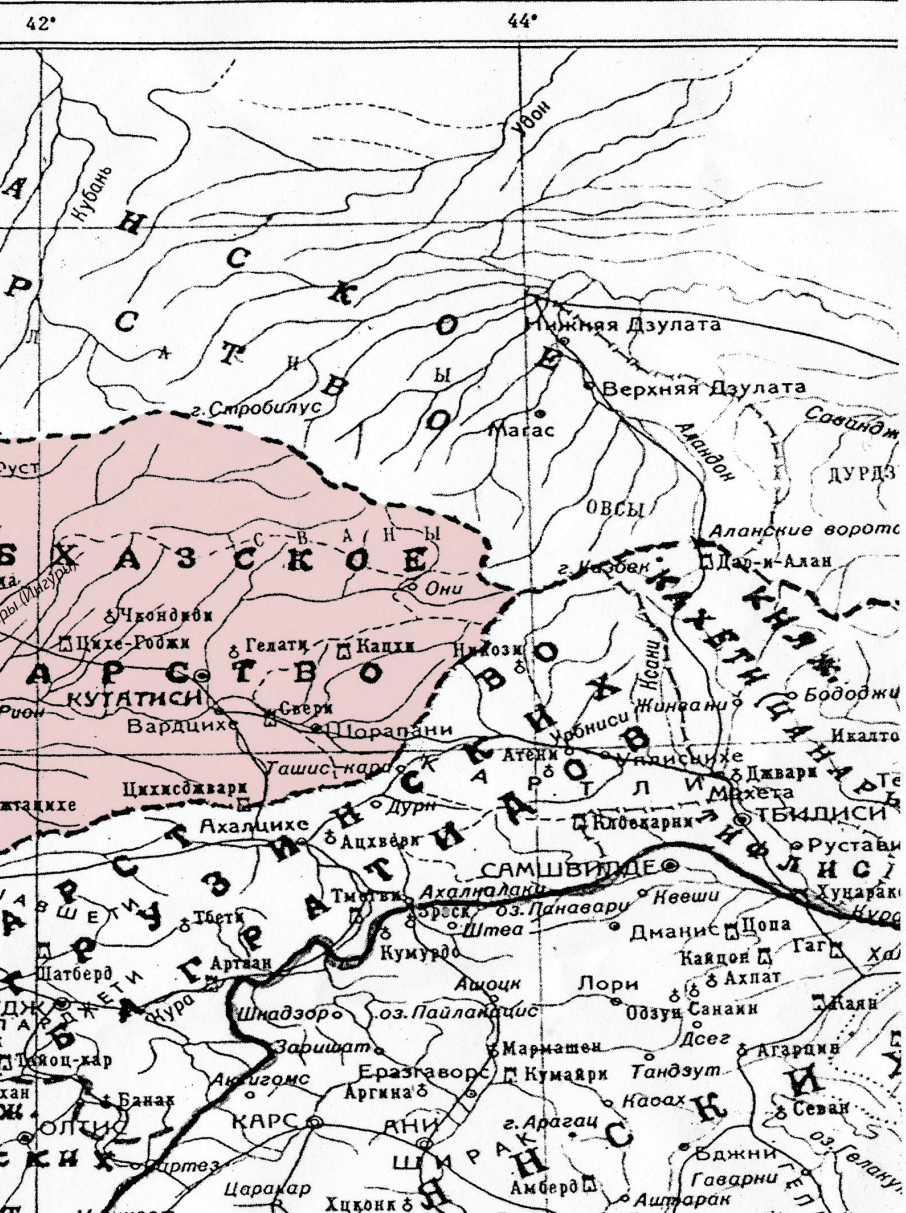
В действительности, если рассматривать мили Багрянородного в значении сухопутного измерения, в расчете 1 миля = 1609,34 м, то 300 миль составит около 483 км (срав. у О. Бгажба – 445 км), что примерно соответствует расстоянию между Никопсисом и р. Чорох. Отсюда – большая вероятность того, что город Сотириуполь мог находиться в районе Батума, или Петры. Возможно, древнее название Батума – *Бата*, *Бати* путают с названием Пицунды – *Пити*, благодаря одной старой записи «Сотириуполь – прежде Питиа» [530, 36].

Таким образом, в середине X в. устойчивыми политическими границами Абхазского царства являлись: река Нигепсухо (Ничепсухо) – на севере, Главный Кавказский хребет – на востоке, Лихский (Сурамский) хребет – на юго-востоке, р. Чорох (или вблизи нее) – на юге и Черное море – на западе. Как отмечалось выше, в зависимости от успехов политической экспансии абхазских царей, владения последних заходили порой (главным образом в X в.) далеко в область Восточной Грузии (Картли, части Кахети, Эрети и Тао-Кларджети) – на юге и доходили до Кубани («Хазарской реки») – на севере.

АБХАЗИЯ И СОПРЕДЕЛЬНЫЕ

ЫЕ СТРАНЫ в 862 – 953 гг.

ГЛАВА X

СВИДЕТЕЛЬСТВА АБХАЗСКОГО И АБАЗИНСКОГО ЯЗЫКОВ

§ 1. Феодалная народность *абхазы* или *абаза* // *апаса* // *апса* (апсуа) // апсар

Консолидация древних абхазо-абазинских обществ в единую абхазскую народность, начавшаяся в V–VI вв., завершается в основном в первой половине VIII в. Решающую роль в формировании абхазской феодальной народности сыграли абазги и апсилы. На тесные абазго-апсильские связи указывают древние авторы уже с VII в. Так, анонимный армянский географ конца VII в., сообщает: «На морском берегу – страна авазгов, где живут апсилы и авазги до приморского своего города Севастополиса и далее до реки Дракона... отделяющей Абхазию от страны Егер» [19, 65]. В своде «Картлис цховреба» бывший апсильский город Цхум (Сухум – Севастополь) также назван «город Абхазии и Апсильии Цхуми» [21, 49]. Вместе с тем упоминание в названных источниках абазгов и апсильов в отдельности указывает на то, что они еще в начале VIII в. представляли не в полной мере цельное этнополитическое образование. В конце 30-х гг. VIII в. угроза арабского нашествия еще больше сближает Абазгию и Апсилью. В период осады арабами Анакопии в 738 г. абазгский правитель (царь) Леон и апсильский правитель Евстафий формируют в Апсильии значительные силы, сыгравшие, на наш взгляд, решающую роль в поражении арабов под Анакопией. В этой связи, как уже выше сказано, арабский полководец Сулейман ибн-Исам вступил в том же г. в Апсилью и нанес стране сокрушительный удар. Арабы захватили в плен последнего правителя апсильов Евстафия, имя которого пользовалось заслуженной известностью во всем христианском мире. Вскоре, потерпев поражение в Абхазии, арабы увели с со-

бой Евстафия, которого насильно пытались обратить в ислам. Не добившись своего, в 740 г. предали его в Месопотамии, в древнем городе Харране, смертной казни [19, 93, 94; 87, 16]. С этого времени Апсилия перестает существовать как самостоятельная единица. Она становится частью нового политического объединения, во главе которого становится Леон I. Сюда же вливаются и другие абхазо-абазинские общества: саниги, мисимиане и др.

Таким образом, уже к середине VIII в. под эгидой Абазгии и ее царя Леона I оказывается практически весь абхазо-абазинский этнический массив, занимавший Черноморское побережье от устья р. Кубани до р. Фазис. Данный этнический массив формировался в абхазскую феодальную народность в первую очередь на основе общности (смежности) территорий, языка и культуры. Немаловажную роль играл и тот факт, что многочисленные абхазо-абазинские общества, обладая индивидуальными обозначениями, называли себя также общим для всех этническим именем *абаза* // *апаса*, образованным от варьирующей основы *бз* // *пс*. От автонома *абаза* // *апаса* были производные формы: *абаза-уа* // *апаса-уа* – «абаза // апаса», а также *абаза-қәа* // *аңаса-қәа* – «абазы // апасы», *абаза-шәа* (срав. *абызшәа* – «язык») // *аңаса-шәа* – «абазский // апасский язык».

Следует подчеркнуть, что фонетический вариант абхазского автонома *аңаса* издавна бытует и в усеченном варианте как *апса* – отсюда автонимные формы *апс-уа* // *апс-уа* – «абхаз»; *апса-уаа* // *апс-уаа*, *аңса-қәа*, *аңса-цәа* и древнее *апса-р* – «абхазы» (подробно об этом см. выше). Последнее, т. е. автоним *апсар*, фиксируется в древних источниках в качестве названия города – крепости *Апсар* (совр. Гонию) на морском берегу, справа от устья р. Чорох и оно же обозначало и р. Чорох. Это же этническое имя носила столица Абазгии – *Апсар*, в которой, на горе, располагалась столичная крепость Анакопия. В грузинских же источниках, как уже выше говорилось, абхазы упоминаются также и под самоназванием – *апсары* [365, 182]. Наконец, следует также указать на то, что от этнонимной основы *апс* образован важный социальный термин *аңсҳа* – «царь», букв. «абхазский царь», и название страны абхазов – *Аңсны*, букв. «место абхазов». Последнее, как уже отмечено, фиксируется в армянской «Географии» VII в. в форме *Псинун* в качестве названия страны абазгов и апшегов [84, 78].

Большинство исследователей этнополитической истории абхазов считают, что процесс образования абхазской феодальной народности завершился в основном в VIII в. Не вызывает сомнения и то, что главную роль в формировании абхазской народности сыграли абазги и апсилы [19, 69].

Следует также подчеркнуть, что Абхазия в VIII в. в своих этнических пределах являлась густонаселенной [525, 49–51; 365, 533] и моноэтнической страной. На протяжении существования Абхазского царства абхазы как в собственно Абхазии, так и на завоеванных ими землях, ни с кем не делили свою гегемонию [365, 525]. Они, как правило, свое этническое имя и название своего государства распространяли на зависимые от них страны и народы Кавказа.

Как справедливо отмечает проф. Ш. Д. Инал-ипа: «Трудно себе представить, чтобы абхазские цари в своих экспансионистских устремлениях могли иметь такие успехи, какие были ими достигнуты, если бы они не опирались на компактное, этнически в основном однородное население своей страны, представляющее значительную силу и в количественном отношении» [365, 545].

§ 2. Из абхазской лексики государственного строительства и социальных отношений

Язык – главный показатель этнической общности народа, вместе с тем – основа существования самой общности. Он хранит в себе несравненно больше информации, чем датированные письменные, архологические и другие памятники. В абхазско-абазинском языке представлена довольно развитая лексика, связанная с национально-государственным строительством и с социально-политическими отношениями.

Понятие «народ» в абхазском языке обозначается словом *ажэлар*, образованным от *ажэла* – «род» и элемента множественности *-р*; *ажэлар* букв. «множество родов», *ауаажэлар* – «общество», «общественность», *аңсуа жэлар* – «абхазский народ», *аңсныжэлар* – «народ Абхазии», *анхашыжэлар* – «крестьянство» и т. д. Выше уже говорилось о экзоэтнонимах и автонимах *абаза* // *апаса*, *апса* // *апсуа*, *апсар*, *абазг*, *абхазы*, выступавших как общее обозначение

многочисленных абхазо-абазинских обществ. От форм самоназвания *апса* (*апс-уа*), *апсар* производно название их страны *Аңсны*, букв. «Страна абхазов». Употребляются и варианты: *Аңсынра*, для обозначения всех территорий, на которые распространялась юрисдикция Абхазии, и *Аңсынтәыла* – «Страна Абхазия», «Абхазское государство», буквально же «Владение Абхазии»: от *Апсны* – «Абхазия» и *тәыла* – «владение». Последнее, т. е. *тәыла*, восходит к масдарной форме абхазского глагола *атәыра* – «собственность», где основа *тәы* – «принадлежность» «собственность», отсюда и слово *атәы* – «раб», *атәра* «рабовладение».

Слова *атәыла* (из *атәы-ра*) в значениях «владение», «страна», «государство», довольно древнее образование. Со временем оно стало выступать и в качестве элемента, образующего названия стран и государств: *Қырғ-тәыла* – «Грузия», *Урыс-тәыла* – «Россия», *Тыркә-тәыла* – «Турция» и т. д. В абхазском языке существует почти окаменевшее выражение «*атәыла арбгара*», букв. означающее «сокрушать государство». Оно используется, когда речь заходит о каком-то грандиозном деянии – *атәыла ирбгеит* в смысле «он сделал грандиозное дело», *атәыла ирбгашиә* – «как будто он сделал великое дело», при этом никто не задумывается об его исходном значении – «сокрушать государство (или страну)». В этом выражении, несомненно, заложена память об известных завоеваниях абхазских царей периода Абхазского царства.

Абхазия в прошлом делилась на отдельные крупные регионы. Юго-западная часть страны именовалась *Апсынду* – «большая (Великая) Абхазия», а северо-восточная часть – *Апсынхәычы* (Апсынхучи) – «Малая Абхазия» [340, 15]. К периоду же могущества Абхазского царства относятся термины *Аңсындузза* (Апсныдудза) – «Великая Абхазия» и *Аңсынкәақьаду* – «Широченная великая Абхазия». От самоназвания абхазов *апса* также образован термин *Аңсадгьыл* – «Родина», букв. «земля апсов (абхазов)».

Регионы Абхазии делились на *аҳра* «княжества», *аҳмадара* – территории, управляемые наместниками царя – *аҳмада* (см. ниже.), края – *аңшь* [94, 45], а также на села – *ақьта* («село», «город», «община»), состоявшие из поселков *ацу*, *ацутә*.

К древнейшим абхазо-абазинским социальным терминам относится *аҳ* (*ah*) – «большак», далее «господин», «князь», «владелец», «царь». Ш. Д. Инал-ипа пишет: «До самого недавнего вре-

мени абхазские невестки называли старейшего *ах* или *дадах*, *сах*, в смысле – самый почетный, большой, господин, “мой владыка”, а его жену – *нанах*» [146, 215]. От имени *ах* «князь», «царь» образованы следующие абхазские термины:

ах-кэажэ – «княгиня»;

ахкэажэду – «царица», «владычица», «владетельница»;

ахра – «княжество», «царство»;

ахраду – «царство», букв. «большое княжество»;

ахтны – «поместье», «резиденция», «столица» (см. выше);
ахтырңар // *ахтнырңар* – «княжеская (царская) или дворцовая дружина», «царская гвардия»;

ахамта – «подарок», «награда», букв. «княжеский или царский дар» [146, 217].

Собственно абхазо-абазинским является также важный социальный термин *аамста* «дворянин», «рыцарь» – *аамстара* «рыцарство», *аамыстцэа* «дворяне». Ш. Д. Инал-ипа пишет: «В ходе становления и развития феодального строя оформляется и укрепляется категория дворян как часть господствующего класса феодалов. Дворяне – по-абхазски “аамста” (аамста) – это люди, “произведенные” или выдвинувшиеся по службе у князей и не имевшие права уходить от них. Это обстоятельство выражается и в самом термине “аамста”, который также является составным и, по-видимому, означает княжеского слугу, произведенного князем на эту должность (от *ах* – князь, *амуста* – произведение)» [146, 218]. Представляется, что предложенная Ш. Д. Инал-ипа этимология термина *аамста* не очень точна.

Термин *аамста* действительно восходит к форме *ахмыста*, но буквально оно может означать «находящийся во дворе князя (правителя): от *ах* – «князь», «правитель» и *мыста* из *мыдзта*, где *мдзы* – «двор», срав. современное *мдзы-рха* – «двор» и *та* (та) – «находится». Таким образом, абхазско-абазинское «*аамыста*» этимологизируется, примерно, как русское «дворянин». Вместе с тем абхазско-абазинское *аамыста* может быть довольно древним термином. Он как будто сближается с именем сына одного из состоятельных придворных царя Угарита (XIII в. до н. э) Никмэпы – *Аммистамры* (см. выше). Абхазо-абазинские дворяне подразделялись на две основные категории – *аамста ду* «феодалы» – крупные землевладельцы, равнозначные грузинским *тавадам*

и обычные дворяне – *аамста*, являвшиеся законодателями абхазского рыцарского этикета – *аамстаишара*.

Значительный интерес представляет абхазский термин *ахмада* – «порученец», «поверенный», «наместник», засвидетельствованный в древне-грузинском источнике в исходной абхазской форме *ахмада* и в варианте *хамада* [539, 305, 307]. В частности, в указанном источнике, в связи с событиями в Закавказье в конце XIII в., упоминается доверенное лицо царя, назначенное на должность *ахмада* или *хамада* Сурамской области и Картли, здесь же называется и *Амиреджиб* – правитель региона по имени *Абазов Чила* (Абазас-дзе Чила) [539, 305, 307].

Абхазский термин *ахмада* // *хамада* в целом переводится как «порученец царя», «поверенный царя», отсюда также «наместник царя», и представляет собой двусложное образование, где *ах* – «князь», «царь» и *мада* – «порученец», «поверенный», «то, что связано с кем-либо», «увязанный», срав. глагол *амадара* – «поручать», «поручительство», «связывать», «увязывать», «соединять» – отсюда и слово *аимадара* – «связь».

Думается, что термин *ахмада*, как и *аамыста*, появляется в абхазско-абазинском лексиконе гораздо раньше образования Абхазского царства, а уже в период Абхазского царства *ахмада* обозначал наместников абхазского царя – правителей регионов царства.

От термина *ахмада* // *хамада*, очевидно, происходит известное на Кавказе слово *тхамада* // *тамада*, означающее человека, ведущего от имени и по поручению хозяина застолье.

В иерархии правящего класса средневекового абхазского государства главнейшим являлся *апсха* – «царь», «властелин», «владыка», а иногда «король», «император» [146, 213]; в абхазской же церковной литературе также «царь», «бог» [540, 53]. От термина *апсха* – «царь» образован *апсхара* – «царство», «королевство», «империя» и церковное – «царство небесное», [541; 1–8; 146, 218]. Сам термин *апсха* буквально переводится как «царь абхазов». Еще акад. Н. Я. Марр отмечал: «Апсха представляет собой абхазский термин, в котором окончание (*ха*) выступает в значении покровителя, властителя, правителя, князя, господина, владыки, а первая часть (*пс*) происходит от основы племенного названия абхазов (*апсуа*). В целом слово “апсха” означает “царь абхазов” (букв. “владыка абхазов”), “царь Абхазии”» [2, 182].

Проф. Ш. Д. Инал-ипа в своих работах уделяет значительное внимание истории термина *аңсха* [146, 212–257]. Он совершенно справедливо подчеркивает, что «апсха» представляет собой важный языковой памятник периода образования абхазской народности и создания абхазской государственности во главе с единым верховным правителем [146, 218]. В другом месте Ш. Д. Инал-ипа пишет: «Вряд ли термин “апсха” мог появиться у абхазов после обоснования столицы царства в Кутаиси. Ясно, что он возник в результате единого, этнически однородного образования. Может быть, первым “апсха” был Леон I, объединитель собственно Абхазии – ядра Абхазского царства» [365, 549]. Согласно фольклорным материалам, абхазы величали *Аңсха – аҳцәа раҳ Аңсха-ду* «Царь царей Великий царь» буквально же «Царь царей, Великий царь абхазов» (см. титулатуру абхазских царей). В абхазском языке имеется и заимствованное из арабского слово *hunkar* абхаз. *аһунткар аҳэынтқар* «государь» отсюда *аҳэынтқарра* (абхаз. *аңсхара*) «государство», «империя» [517, 78]. У жителей же предгорной Абхазии в прошлом имел хождение и тюркский термин *хан* «правитель», по-видимому, заимствованный у хазар в период раннего Средневековья. Вместе с тем следует подчеркнуть, что у абхазов *хан* также означает и «дворец», что по происхождению может быть абхазским: *хан* – из *хан(ы)* букв. «место главы» – от *хы* «голова», «глава» и *н* – локативный суффикс (см. выше). От абхазо-абазинского слова *ахы* «голова» происходит и значение «глава» – *жәлар р-хы* «глава народа», отсюда и термин *ахада* «глава», «правитель», «президент» – *Аңсны ахада* «президент Абхазии» (см. мисимийское *Хада* [365, 397; 434, 87]. От той же основы *ахы* «голова», производно обозначение должности *ахылаңи* (*ахылаңишы*) «смотритель», «смотрящий», «управляющий», «охраняющий», «начальник», *ахылаңицәа*, «начальство» – от *ахы* «голова» и *аңшра* «смотреть» [15, 16; 517, 72], а также *ахатыңуаф* «заместитель» [550, 259]. Важную роль в абхазском обществе играло также избираемое лицо – *аңыза*, букв. «предводитель», «ведущий»: *ар-рңыза* «предводитель армии», *аңыза-министр* «премьер-министр», букв. «ведущий министров» и т. д. Избираемым лицом являлся и *аңхьагыла* [517, 39], буквально «стоящий впереди»: *ажәлар раңхьагылаф* «лидер народа», «лидер нации». В целом вышеназванные термины обозначали верхушечную часть

абхазского общества периода Абхазского царства, именуемую *аиҭабыра* – «старшины», «правительство», «начальство»; *анапхгара* – «руководство». Руководящее сословие представляло несомненное меньшинство по сравнению с производящим населением. В целом все они вместе взятые, именовались *аҭи алааи* «верхи и низы» – от *аҭ* «князь», «царь» (срав. *аҭара* – «верх», «высота») и *алаа*, букв. «низы» – от переверба *а-ла* «низ» и *аа* – «люди», *аҭ илаа* – «служивые князья», «простонародье», *аҭ илаа дрылачон хҭаа* (поговорка) – «(как тот) князь или царь, питавшийся в среде низов» [542, ?, 543, 119]. К числу *алаа* относились и крестьяне – *анхафы*, (*анхацҭа* «крестьяне») – прежде всего это независимые крестьяне *анхафы цқьа*, букв. «чистый крестьянин», имевшие свое хозяйство, известные общественные права, имевшие даже рабов и зависимых от себя бедных крестьян [517, 99]. Д. Чачхалиа ошибочно в термине *алаа* видит обозначение высшей знати [87, 59]. Абхазский термин *а-лаа* «низы», «простонародье», по-видимому, идентично с *лаой*, упоминаемый Страбоном, как обозначение простонародья служившей в Иберии рабами у царей [249, 285–286]. Вместе с тем, как отмечает ряд исследователей, термин *лаой*, которым обозначает Страбон низший слой иберийского общества, был широко распространенным социальным термином на эллинистическом Востоке, в частности – в Малой Азии. Сам Страбон по происхождению был из Малой Азии, поэтому, естественно, называя определенный слой иберийского общества «лаоями», он прежде всего представлял себе более близких ему малоазийских «лаоев». В Малой Азии, так же, как и на эллинистическом Востоке, вообще основную массу эксплуатируемого населения составляли именно «лаои» – полунезависимые общинники. Их нельзя считать ни рабами, ни крепостными. Нельзя их считать также и колонами. Они были лично свободными земледельцами, прикрепленными, однако, к общине и обрабатывавшими земли царя, знати, храмов, городов и военных колонистов. При этом они платили денежные или натуральные налоги и выполняли разные другие повинности. Термин «лаои» следует переводить как «мужики», «люды», «люди» [249, 288]. Следует подчеркнуть, что в грузинском языке не засвидетельствованы термины «лаой» или «алаа». В абхазском же языке с *алаа* увязывается слово *алага* – «приниженный» «униженный», «опущенный», «бедный» – от приверба *ала* «низ» и *га* – орудивно-

го суффикса «братъ», «взять» – глагол *алагара* «опускать», «спускать», срав. *аѡа-га* «поднятый» – *аѡагара* «поднимать». Абхазское *алага* зафиксировано в источнике в грузинской форме *алаг-та* – «бедный», что проф. М. Д. Лордкипанидзе пытается возвести к грузинскому слову *глахакта* – «нищий», «бедный» [497, 59, 90].

В абхазском языке, наряду с *алаа*, имеется также древний и довольно важный социальный термин *ахьыңшы* (*ахипшы*) «зависимый», «опекаемый», в широком смысле – «все кто зависимы от кого-либо». К сословию *ахьыңшы* (*ахипшы*) относились:

- зависимые крестьяне – *анхаѡы хьыңшы*;
- закрепощенный крестьянин – *ахѡуѡы*, букв. «готовящий еду, корм», *ахѡура* «прислуживать», «готовить еду, корм», «готовить долю кому-либо»;
- прислуга – *амайѡуѡы*, *амайѡуразқәу*; *амай* «услуга», *амайѡура* «прислуживать», «служба», «служение», *амайѡуѡы* «лакей», «служящий» [550, 166];
- рабы – *атѡы*, *агыруа*;
- рабы рабов – *атѡы итѡы*;
- рабы из пленных – *ахаиѡала* [15, 16–18; 517, 72, 101].

На наш взгляд, абхазский термин *а-хьыңшы* и его форма *и-хьыңшу* «зависимый» вряд ли отделимы от древнего термина *хупшу* – «зависимый», известного уже в первой половине II тыс. до н. э. в Ассирии, Финикии, Митанни, возможно, и в других государствах Ближнего Востока. Как уже отмечено (см. гл. V), в Ассирии он означал низший разряд воинов, набравшихся из зависимых от царя людей [189, 322]. В Финикии термин *хупшу II хупше* означал зависимых крестьян [189, 388]. Абхазское *а-хьыңшы* «зависимый» представляется довольно прозрачным двусложным образованием. Состоит оно из препозиционного *а-хьы* «зад», «задний» и глагола *ңиша* «смотреть», «глядеть» [517, 72; 556, 133]. Отсюда *ахьыңшы* – буквально «смотрящий в зад кого-либо», т. е. «следовать за кем-либо», далее «люди, зависящие от кого-либо» и, наконец, «зависимые», срав. глагол *ахьыңшира* – «следовать за кем-либо».

Зафиксированную в письменных источниках форму *хупшу* можно сопоставить также с вариантом абхазского термина «*ахьыңшы*» – *и-хьыңшу* «зависимый» и с основой абхазского глагола *хуапшы* → *а-хѡаңиша* «смотреть (глядеть) на кого-либо» (о термине *хьыңшы* более подробно см. гл. V).

Выше также было отмечено, что в Ассирии, наряду с социальным термином *хушшу*, было в обиходе и не менее важное слово *алайау* «общинник» [189, 322], образованный от основы *ала* или *алу*, и фиксирующийся в угаритских и ассирийских текстах в значении «крестьянская община» [201, 98], (срав. с абхаз. *алаа* – «простонародье»).

С термином *ала* – «община», по-видимому, увязывается абхазское *аилар* – «община», срав. *аилар рымхы* – «общинное поле», *аиларныха (Елырныха)* – «общинная церковь», «общинная святыня» [94, 169]. Термин *аилар* образован с помощью суффикса мн. ч. *р* от основы *аила* – «совместье», «сообщество», «соединение»: срав. *аила-ла-ра* – «соединяться», «сходиться»; *аилы́ра* – «расходиться» и т. д., отсюда *аила еиуоу* (срав. сирийск. *алайау*) или *аилар еиуоу* – «общинник» (см. гл. V). На наш взгляд, интересующие нас термины первоначально имели хождение в государствах с хаттским и хурритским населением. В середине II тыс. до н. э. хурриты создали государство Митанни – одно из крупнейших держав Ближнего Востока. Немало хурритов проживало также и в Сирии. В целом же, в III–II тыс. до н. э. они занимали всю территорию от равнин Северной Месопотамии до Центрального Закавказья [182, 90, 91]. Как отмечают исследователи, *хатты* и *хурриты* по языку и происхождению были близкими с предками кавказских народов [189, 311], в том числе, абхазо-адыгов [546, 25].

В Абхазии зависимые крестьяне *ахьы́шы* делились на людей среднего достатка – *зы́сы злоу анхац́а* и *а́зар* – «бедные», «бедняки», «малоимущий», отсюда *а́зарра* – «бедность», «беднота». Сам термин *а́зар* образован от основы *а́га* – «редкий» [551, 70], «мелкий», «обмельчавший», срав. *ара́гара* – «разрезать», *ар́ггара* – «измельчать», *а́зыггара* – «мель», «мелководье» – конечное же *р* – аффикс множественности. Следует подчеркнуть, что *а́зыггара*, в качестве абхазского гидротопонима *Азыггара* → *Тцахара*, засвидетельствован еще Агафием в VI в. [434, 119, 30, 35]. Все это дает основание полагать, что от абхазского *а-зар* производно грузинское *зари* в словах *зари-ба*, *зари-були* – «бедняк», «бедный», «скудный». К категории *а́зар* относились *анымха-хымй́а*, букв. «живущие и не живущие» т. е. «несущие жалкое существование», *ананамга* – «бедняга», «доходяга», *ары́цха* – «совершенно неимущий» «несчастный», *ары́цхара* – «несчастье», «бедствие».

Рассмотренные выше термины являются лишь частью широко развитой абхазской лексики государственного строительства и социальных отношений. Ее условно можно разделить на следующие отраслевые группы.

1. Термины, связанные с нормами поведения:

Ай́ас – «обычай», «правило поведения», «обряд», «характер», «натура», «повадка», «привычка».

Слово представлено и в грузинском языке, срав. груз. *იესი* «правило», «обычай». Ряд авторов (К. Ломтатидзе Б. Джонуа и др.) [551, 40; 107, 110, 121], считает абхаз. *ай́ас* грузинским заимствованием, что, не без основания, ставит под сомнение Р. К. Гублиа. Она пишет: «Данное слово расчленяется на *ай́а* (*ас а*) “дно, низ, основа” и превратительный суф. *с* (*s*), восходящий к указательному местоимению *ас* (*as*) “так”, “вот так”, в целом первоначально означавшее “в качестве основы”, ср. аналогичные образования в абхазском языке: *аус* (*aus*) “дело” (из *аура* “делание”, “делать” и *с* (*s*), букв. означавшее “в качестве делания”, *ачыс* “пища”, “еда” (из *ча* – *ачара* “питаться, насыщаться”) и *с* (*s*), в целом означавшее “в качестве еды” и др. Обращает на себя внимание использование его в отрицательной форме *й́асы́м* “не положено”, “грешно” (по религиозным соображениям). Слово *ай́ас* широко используется в словообразовании в качестве второго компонента имен существительных, образуя наречия действия: *ауафы* – *уафй́ас* “человек – по-человечески, в качестве человека”, *а́ссуа́й́ас* “по-абхазски” *цхэ́ысцас* “по-женски”, “характерное для женщин” и др.» [551, 39, 40].

На наш взгляд, термин *а-й́ас* – довольно древнее образование. Похоже, что он мог появиться задолго до образования абхазского средневекового царства. Разделяя в целом мнение Р. К. Гублиа, термин *а-й́ас* можно буквально перевести как «являющееся правилом, обычаем» – из *а-й́а* «основа», «базис», «основное», «правильное», «изученное» (срав. *и-й́о-ун* «изучено», *й́а-ун* (по-ун) «правильно», *а-й́а-ра* «учиться», *а́й́ара* «знание» [551, 39]) – отсюда и значения «базисный», «правильный», «обычный». Далее от основы *а-й́а*, посредством аффикса превратительности *с* [555, 72] образован термин *а -й́ас* «обычай», «правило поведения», «обряд» и т. д.;

аңсуара – «абхазство» – «совокупность норм поведения абхазов», «характерные черты абхазского народа» [548, 85];

аңсиаҳәара – «вежливое приветствие», «приветствие», букв. «говорить по-абхазски»;

аңсыишәара – «вежливость» – от *аңсиа* «абхазский язык»;

аамстәишәара – «человек хорошего воспитания», «благородный», «вежливый», «деликатный» [548, 6] – от *аамста* – «дворянин», «рыцарь»;

аамстәра – «рыцарство», *аамстәшәара* «деликатность», «тактичность», «вежливость» «порядочность»;

аламыс // *анамыс* – «совесть» «честь», «достойные уважения и гордости этические нормы поведения»: восходит к греч. *номос* – «обычай», «порядок», «закон» [553, 228], «религиозно-этическая правовая норма, имеющая обязательный, общезначимый и неизменный характер в греческих полисах» [552, 742];

алеишәа – «поведение», «характер», «дисциплина» [548, 127]; по-видимому, образован от древнеабхазского *а-леи* «эллин», *леиаа* «эллины» – отсюда *А-леитәыла* «Эллада», «Греция» – «далекая страна», *а-леишәа* первоначально «эллинство», «эллинская норма (обычай) поведения», срав. абхаз. *аамстәишәа* «дворянская норма поведения» – от *аамыста* «дворянин» и *шәа* «подобие» [550, 361; 554, 300], *ауафы-шәа* «почеловечески» и т. д.

К выше означенной лексической группе относятся также и слова:

алых – «избранник», «избранный» – *алхра* – «выборы», «избирать»;

алытшаах – «отборные люди»;

ақәыи, *ақәыга* – «мудрый», «умный»;

аңхәагыла – «передовой», «вожак», «предводитель»;

азырга – «человек, пользующийся известностью», «почетный»;

анага – «уважаемый», «представительный»;

агәрага – «доверенный», «поверенный»;

адыр – «знатный», «знающий»;

ауафра – «человечность», «гуманность»;

аеи – «порядочный» – *аеица* – «порядочность»;

ахатәра – «видный», «известный», «солидный», «знатный»;

аиаша, аиашара, айабырг – «истина», «правда», «правдивость», «справедливость»;

ағырғиштәы, ағырғишыга – «примерный», «образцовый»;

аңхашьа – «застенчивый», «стыдливо-робкий», «стеснительный», «вежливый»;

ахъз, ахъз-аңша – «слава».

2. Термины, обозначающие людей непристойного (преступного) поведения:

амееи – «негодяй», «негодный», *авашьа* (блудный);

ацаңеыга – «позорник», «срамник»;

ағьыч – «вор» – *ағьычра* – «воровать»;

ақэыла – «грабитель» – *ақэылара* – «грабить», «нападать»;

аңхашьара, ахьымзғ – «позор», «стыд», «срам»;

аңхамшьа – «бесстыжий», «аморальный»;

аламысда – «бессовестный» – *аламысдара* – «бессовестное поведение»;

амцҳәа – «врун» – *амцҳәара* – «врать»;

аңагьа – «гордый», «заносчивый»;

акэыркэыр – «скандалист»;

амйақьақьара – «подхалимство», «лицемерить» – *ақьақьафы* – «подхалим»;

ацэгьаришфы – «злодей» – *ацэгьаришра* – «злодейство»

акацьбеи – «жадный» – *акацьбеира* – «жадность»;

амуча – «дармод», «тунеядец»;

акьала – «заблудившийся», «сбившийся с дороги», «бродячий», «бродяга»;

амшга – «бездельник» – *амшгара* – «безделье»;

агмыг – «негодяй», «безобразный», «отвратительный» – *агмыгра* – «мерзость», «безобразие»;

ахага – «сумасшедший» – *ахагара* – «сумасшествие»;

агаза, абзамыкә, алыг – «глупый», «тупой»;

аччархә – «смешной», «посмешище» – *аччархәра* – «глупость»;

амдыр – «невежда», «ограниченный»;

амитә – «чудовище», «монстр», «несчастье»;

амри – «дебил», «недоносок»;

амаҳагьа – «кровосмеситель» [550, 166].

3. Нейтральные (общие) термины:

- аизара* – «собрание», «народный сход»;
жәлар реизара – «народное собрание», «парламент»;
алыхеизара – «представительное собрание», «совет уполномоченных» – от *алых* – «избранник», «избранный»;
аилатәара, аилацәажәара – «заседание», «совещание»;
ахантәафы – «председатель», «председательствующий»;
алкаа – «вывод» – *алкаара* – «выделять»;
алаҳәара – «объявление», «объявлять»;
аиҭкааф – «организатор» – *аиҭкаара* – «организовывать»;
абжьагара, абжьгара – «совет», «наставление», «нравоучение» – *абжьгаф* – «советчик» – *абжьгацәа* – «советники»;
абжьаҭказаф – «миротворец» – *абжьаҭказара* – «посредничество», «примирять», «миротворчество»;
абжьацәажәаф – «переговорщик» – *абжьацәажәара* – «посредничать»;
амаза – «секрет» – *амазажәа* – «секретный разговор»;
амазаныҭәгаф – «секретарь», «доверенное лицо»;
алабаҭкәафы – «глашатай»;
ананыҭа – «поручение», «обязанность»;
аиқәшаҳатра – «согласие», «соглашение»;
анышәара – «мириться», «смириться»;
аизыҭказаашьа – «взаимоотношение»;
амадара – «вручение», «вручать», «поручать», «доверить кому-либо, кого-либо, что-либо»;
ахықәкы – «цель», «задача»;
адйа – «здание», «поручение», «приказ» – *адйара* – «поручать», «возлагать»;
адгылара – «поддерживать», *аидгылара* – «союзничество», «единство»;
адцара – «присоединять» – *адйра* – «отходить», «выходить», «выходить из состава государства»;
адхра – «отделять»;
адцалара – «принуждать»;
ахтыс – «событие», «происшествие», «приключение», «летопись» [548, 217];
амхра – «снимать (уволить) с должности»;
аххәара – «скидывать с должности»;

ахақәитра – «свобода»;
аңкара – «правило», «установление» – *аңкарақәа* – «правила»;
аңхықәра – «обязанность» – *атәкәхықәра* – «ответственность»;
атәым – «чужой», «чужак» – *атәымцәра* – «чужбина»;
ауаахә – «приглашение на помощь для выполнения какой-либо работы»;
ақьачақь – «шут», «балагур» – *ақьачақьра* – «шутовство», «балагурство», «балагурить», «шутить», «паясничать»;
ахақәйцара – «жертвовать собой» – *ахеиқәырхара* – «самосохранение»;
аныкәцара – «эксплуатировать», «держать кого-либо на побегушках»;
ашыицра – «жаловаться», *ашыицбжьыц* – «жалоба»;
ақәзаара – «исчезнуть», «погибнуть», «сгинуть»; *ақәызра* – «погибнуть или пострадать», «понести большие убытки из-за кого-либо, чего-либо»;
акнаҳара – «повесить», «подвергнуть смертной казни через повешение» [548, 94];
амч – «сила», *амчра* – «власть» – *мчыла* – «силой», «насильно»;
ақәымчра – «насилие», «давление», «строго поругать кого-либо»;
ачҳара – «терпение»;
аусбарцә – «управление», «контора», «место принятия решения»;
ахан – «храм», «дворец», «замок» [548, 210];
аҳитәара, *аҳитәартә* – «трон», «сиденье», «резиденция» [548, 192];
ахазына – «сокровище», переносно «прекрасный», «чудный», «очаровательный»;
ахазынатра – «сокровищница»;
абирак – «знамя»;
амхәыр – «печать».

4. Армейская терминология:

а) наименование родов войск, военачальников и армейских занятий:

ар – «армия», «войско» – *армчы* – «военные силы», *аруаф* – «военный», *аруаа* – «военные»;

- аңстыр, аңстар* – «войско» [550, 198], «абхазское войско»;
ар рхы – «главнокомандующий», букв. «глава армии»;
арҕыза – «предводитель армии» – от *аҕыза* – «предводитель», «главарь», «вожак»;
аҕхагыла – «ведущий», «стоящий впереди воинов»;
агдыҕ – «отряд», «группа»;
аркәыйда – «армейское подразделение»;
архәта – «войсковая часть», «воисковое подразделение»;
ашьакар – «пехота», *ашьакауаф, ашьакаруаф* – «пехотинец», «пеший»;
аихәар – «военно-морской отряд»;
аеуаа, аеар, аеца – «конные», «конница», *аеуаф* – «всадник»;
азар раида – «песня всадников», «песня кавалеристов» – возможно, из *аеар раида* – «песня конницы»;
жәафырхы – «командир отделения» [548, 77], букв. «глава десятиерых»;
аиәфырхы, шәфырхы – «командующий сотней» [548, 282];
зқьырхы, зықьрхы – «командующий тысячным отрядом»;
аамста – «рыцарь», «дворянин»;
аамстар – «рыцарство», «рыцарская дружина»;
амәаҕаф – «проводник», *амәаҕара* – «проводить»;
анаишфы – «наблюдатель» – *анаишира* – «наблюдать»;
аишыра, аишырта – «наблюдательный пункт»;
аҕыишфы – «дозорный» – *аҕыишырта* – «место дозорного»;
аишихәфы – «разведчик» – *аишихәра* – «разведка», «дозор», «заниматься разведкой»;
ахьча – «караул», «охранник», «пастух»;
ахьчара – «караулить», «охранять» – *ахьчаф* – «защитник», «хранитель»;
ахәахчаф – «пограничник»;
атәылахьчаф – «защитник страны»;
ачаишьара – «бодрствовать, бдеть», «стеречь, сторожить, караулить»;
ачаишьаф – «бодрствующий», «караул»;
ар рхәы – «армейское питание», «армейская провизия»;
ар рычуан – «армейский котел»;
ар рқәаб – «плоскодонный котел»;

ар рымџа, армџа – «армейская дорога», переносно – «широкая дорога»;

б) крепостные строения и вооружения:

абаа – «крепость», «бастион», «цитадель», «храм» – вообще «строение из камня», *абаагџара* – «крепостная стена», «крепостная ограда»;

абаагџашџ – «крепостные ворота»;

абаарыџхра – «крепостная цепь», «гряда крепостей»;

ацџых «башня», «крепость», «крепыш» [548, 289] – из абхазского проверба *мы* – «крепкий, твердый, упругий» [551, 43] и словообразовательного аффикса *х*; срав. *акџырџа* – «обломок чего-либо» – *акџырџа-х* – «осколок», *акашџара* – «падать» – *акашџара-х* «подкидыш», *а-тџы* «собственный» – *атџы-х* «раб» и т. д., абхазское *а-мых* – «башня», «крепость» – в мегр. *мыхи* (джихи), в груз. *цихе* – «крепость»;

абаацџых – «крепостная башня»; *абаажџ* – «старая крепость», «остатки древнего каменного строения»;

абаахџџара – «разломать (разрушить) крепость»; поговорка: *абаа хџужџаџиџа* – «как будто разрушил ты крепость»;

баак рџылан баак зџырбџо – «тот, кто, построив одну крепость, разрушает другую» (поговорка);

абаандара – «заключать в крепость»;

абаандаџы – «заключенный», «арестант», «пленный»;

абаандаџтџара – «арестовать», «пленить»;

ахџырџџџартџа – «укрепление», «укрепленное место»;

аибашџыга // *абџьар* – «вооружение»;

ажџа – «ров», «канава»;

аџџышџт – «вышка»;

абџьар – «оружие», «вооружение», «доспехи» – представлено и в грузинском, срав. груз. *абџьари* (абджари) «доспехи». П. К. Услар абхаз. *абџьар* рассматривал как исконно-абхазское слово и увязывал его с абхазским *ацџбара* «крепкий». Это мнение поддержано Р. К. Гублия, иного же мнения придерживались Н. Марр и П. Чарая. Они без всякого основания абхаз. *абџьар* выдавали из сванского языка [551, 43, 44]. На абхазское происхождение термина *абџьар*, похоже, указывает его препозиционное – *а*, характерное для абхазских существительных. Сам же термин *абџьар*, напоминая абхазское название древнейшего оружия – *абџы* «копье»,

«дротик» – *абѣар* «копья», или «дротики» срав. *абѣар* → *абѣар*. Однако, как считает В. А. Чирикба, абхаз. *абѣар*, груз. *абѣари*, мегр. *анѣари* вряд ли отделимы от др.-иран. *упачара*, др.-перс. *абичара* «орудия», «инструмент».

абѣы – «копье», «дротик»; *абѣар* – «копья», «дротики»; последнее образовано посредством аффикса мн. ч. *ар, р* (см. выше);

абса, аңса [547, 61] – «пика», «штык»;

алабашѣа – «посох с металлическим наконечником»;

аса – «короткое копье», «меч»;

ахѣа – «шашка», «сабля»;

аѣѣы (охот. яз.) // *аѣама* – «кинжал»;

ахыц – «лук (для стрелы)»

ахѣа – «стрела (для лука) с железным наконечником»;

ахы – «пуля», «стрела»;

ахѣмпал – «тупоголовая стрела (детская)»

азаандаѣ – «арбалет»

акѣалзы – «броня, панцирь», «кольчуга»;

аиѣаныза – «кираса»;

акѣалзѣаѣ – «бронежилет»;

аманыза – «наручи»; *аиѣаныза* – «поножни»;

акѣалзхылѣа – «шлем»;

аѣынзар – «шлем» [548, 168] «шлем, защищающий голову и лицо»;

алаѣаѣ – «шлем», «забрало»;

аѣыра, аѣырак – «щит» [557, 801], из морфемы-основы – *ѣ* (ы, а), выступающей в абхазо-абазинских словах в значении «перед», «передний», «впереди», «вначале», «прежде» и словообразовательного аффикса *ра*, придающего основе отвлеченную форму – *аѣы-ра* «то, что впереди», «щит» «заслон». Р. Гублиа пишет: «*Аѣыра*, “заслон”, “преграда” из -ѣ- “впереди”, *р* – аффикс каузатива – *аѣыракра* “заслонить, закрывать”» [556, 74]. От основы *аѣыра* образованы также слова: *аѣырагылара* «заслонять», букв. поставить впереди чего-либо, *аѣыра-кра* «заслонить себя или кого-либо чем-либо», *аѣар-гыла, аѣыр-гыла* «загородка», «ширма» [550, 207], *аѣыра-хѣа* «фартук», *аѣар-ды, аѣар-да* «занавес» (срав. тур. *церде*) [551, 48, 49]. Думается, что к *аѣыра, аѣырак* – «заслон», «щит», «защита» восходит и абхазский термин *аѣра* – «парус», объясняемый Н.Я. Марром из абхазского *аѣырра* – «летать».

Последнее считается абхазским заимствованием в грузинском языке. Грузинское *ყარი* (отсюда и форма *са-ყარი* – «щит»), скорее всего, восходит к абхазскому *аңыра*, *аңырак* – «заслон», «защита», «щит».

в) война, военные действия:

амч – «сила» – *амчра* – «власть», «военная сила», *амчхара* – «военный потенциал»;

аибашыра – «война», «воевать»;

аибашыфы – «воин» – *аибашыца* – «воины», «воинство»;

аҭа – «враг» – *аҭаца* – «враги», *аҭара* – «враждовать»;

аҭагылара – «противостояние», «противостоять»;

аңыжәара – «превосходство», «преимущество»;

аишыра – «убивать», *аишыга* – «орудие убийства»;

аишакәара – «кровопролитие»;

ажәлара, *ажәылара* – «наступление», «штурм», «атака» [548, 71];

ажәйара – «натравливать кого-либо на кого-либо», «пустить в наступление на кого-либо» [548, 73];

ахысра – «стрельба», «стрелять», *аиҭахысра* – «перестрелка»;

ахәра – «рана», «ранение», «ранить»;

ахәрбҭыц – «подорожник», букв. «лист для раны»;

ампыйахалара – «завоевывать», «прибрать к рукам», «захватывать»;

ақәылара – «нападать», «набег», «нападение»;

ақәылафы – «нападающий», *ақәылаца* – «нападающие»;

архәра – «грабеж», «грабить», *архәца* – «грабители»;

аимйәара – «разорять», «разорение», «разграбление», «расхищение»;

атәыла рбгара – «рушить государство, страну» (см. выше);

апкара – «избиение», «избить, побить», «избивать» [548, 155];

анибарйәара – «изничтожить», «истребить друг друга»;

аҭахара – «погибать», «гибнуть»;

аҭархара – «убивать», «уничтожать», «губить»;

аңынгыла – «помеха», «барьер» – *аңынгылара* – «препятствовать»;

акушара – «окружать», «осаждать»;

амҭакра – «засада», «устроить засаду», «перерезать дорогу»;

ахәйара – «прогонять»; *ахәйра* – «отступать»;

атҕаҕара – «освобождать», «опустошать»;
акәхра – «уничтожать», «истреблять», «разорять»;
акәақәара – «разбить», «уничтожить», «изничтожить»;
анйәара – «погибать», «уничтожение»;
аимадара – «связь», «соединение»;
айәахара – «проигрывать», «проигрыш», «поражение»
абжәазра – «пропасть без вести»;
аитәахара – «ничья», «ничейный результат»;
ахыхьчара – «оборона», «самозащита»; *аикәырхара* – «спа-
сать»;

аинаалара – «мириться», *аргызкра* – «обострять», *аинкьара* –
«сталкивать»;

амақарра, *аршәара* – «угрожать», «пугать»;
агәәанызаара – «осторожность», «настороженность», «бди-
тельность»;

амаана – «хитрость», «уловка»;

ааха – «ущерб»;

аишьаҕа – «путы», *аишамтлаҳә* – «кандалы»;

аткәа – «пленник», «пленный», «военнопленный» – *аткәара* –
«пленить», «брать в плен»;

аиааира – «победа», *ахақәитра* – «свобода»;

аҳәаа – «предел», «граница»; *аҳәаанырцә* – «заграница», «за-
рубежье»;

аҳәаркра – «ограничивать», «закрывать границу»; *аҳәаада* –
«безграничный»;

аисах – «спорная территория», «спорная граница»;

г) геройство, трусость, измена:

агәымишә – «смелый», «храбрый», «бесстрашный», «смель-
чак»;

агәағьра – «риск», «рисковать», «смелость»; *игәағьуацәоу* –
«рискованный»;

ахайә – «мужчина» «мужественный», *ахайара* – «мужество»;

ахайә ихайә – «герой из героев», букв. «мужчина мужчины»;

ахайәҕьеә – «сильный, мужественный, решительный мужчи-
на»;

афырхайә – «герой», «смельчак», «храбрец»;

ахайә ихайә афырхайә – «сверхгерой», букв. «герой из героев
герой»;

афырхайџара – «героизм», «геройство»;
аиџара – «пугаться», «струситься»;
аиџаџы, *аиџаргъында* – «трус», «боязливый», *аиџаџьа* – «сильно напуганный»;
ариџара – «пугать», *ариџага* – «пугач», «пугало»;
аиџартџа, *аиџартџара* – «опасность», «опасное место»;
атиџ – «предатель», *атиџира* – «предавать»;
аџсахра – «измена», «изменять», *аџсахџы* – «изменник»;
анапхара, *ачархџара* – «предательство», «донос», *анапхаџ*, *ачархџаџ* – «доносчик», «предатель» и др.

д) термины, связанные с морем и военно-морскими силами
(более подробно см. [147]):

амиџын – «море», *ага* – «берег», «приморье»,
аџсамиџын – (аџсуа мџын) «абхазское (абазинское) море» [491; 109; 365, 436];
амиџыннырџџ – «заморье»;
абаза – «сильный восточный ветер, нередко свирепствующий у западных берегов Черного (Абхазского. – В. К.) моря и особенно опасный для дунайских рыболовов» [549, 5];
амиџынуаџ – «моряк», «мореплаватель» – *амиџынуаа* – «моряки», «мореплаватели»;
амиџынныџџара – «хождение по морю»;
арра – «переплывать» – *арыртџа* – «место переправы»;
арга – «плавсредство», «то, на чем переплывают море, реку», «лодка», срав. название корабля аргонатов «*Арго*» (см. выше);
аиџџа – «лодка», «парусное судно», «парусный корабль», «лодкообразная грудная кость птицы»; от названия лодки *аиџџа* образован *аиџџар*, букв. «лодочная армия», где *аиџџа* – «лодка», «парусное судно» и *ар* – «армия», «отряд»;
аиџџар – «военный морской отряд», см. *аиџџа*;
аныџыџ – «лодка», срав. и.-е. *na* – *us*, греч. *Vaus*, лат. *navis* – «судно», груз. *нуџьа*, мегр. *неџи*, *ниџи*, абхаз. *аныџыџ* – «лодка» [107; 29];
амар // *камар* – древняя абхазская удлиненная лодка (см. выше);
аџба – «судно», «корабль»;
аџра – «парус», *аџраџба* – «парусный корабль» из абхаз. *аџра* – груз. *аџра* – «парус» (см. выше);
аканџьа – «большая лодка», «баркас»; *афлыка* – «фелюга»;
аиџџар раиџа – «песня моряков»;

аихэатэартә – «стоянка лодок»; *аҭбатәара* – «рейд», «бухта»;
абаҭәаза – «морской порт», «гавань, бухта»;
аҭбаишаха – «корабельный канат»;
аҭҭара – «мель», *азыҭҭара* – «мелководье»;
аҭырсал – «якорь», букв. «клин парусника»;
акра – «мыс» «маяк», *алашарба* – «светило» «маяк», «светлячок»;
азсара – «плавать» – *азсаә* – «пловец»;
азхыла – «выйти в море»;
азхыҭра – «высадка на берег»; *азхыҭырта* – «место высадки»;
азааҭәрыла – «тонуть», «терпеть крушение»; *азаарҭәрыла* – «топить»;
ахәаера – «душить, утопить»;
ацәҭәырта – «волны»; *азықә* – «пойма»;
азышьиыра – «заводь»; *аишынеисра* – «волнение моря»;
адгьылбжәаха – «остров»;
азыбжәаха, *азыбжәа-хала* – «залив»;
аишынхәа – «дельфин»;
акаҭа – «сеть», «невод».

5. Термины, связанные с юридическим и обычным правом:

азин – «право», «полномочие», *азиндара* – «бесправие»;
азинхъара – «правозащита», *азинзбара* – «правосудие»;
азинеилагара – «правонарушение»;
ақәитра – «быть в праве»;
аара – «вина», «обвинение»;
азба, *азбаә* – «следователь», «судья», букв. «видящий (обнаруживающий) пропажу»; от абхазского *азба*, *азбаә* образованы грузинские слова *ме-дзѳба-ри* – «следопыт», *гамо-дзѳѳба* – «расследование», *га-модзѳѳба-ули* – «следователь», *мадзѳѳба-ри*, *мадзѳѳба-ели* – «ищущий»;
а-мазаба, *амазабаә* – «следователь», «раскрывающий тайну», букв. «видящий (раскрывающий) тайну, т. е. сокровище»;
аз (*адз*), *ацәыз* – «пропажа» – *азра* – «пропадать», *азара* – «красть», «скрывать»;
азбара – «судить», «решать», первоначально «находить пропажу», «поиск пропажи»;

азбаа – «следователь», «судья», буквально «человек, обнаруживающий (ищущий) пропажу»;

азбарта – «суд», *азбатә* – «подлежащий рассмотрению», «подлежащий выявлению»;

адауарта – «судилище» [23, 439], древ. термин, срав. египет. (абисс.) *адауауа* – «судилище» [18, 124] (об этом см. выше);

аимдара – «поиск», «обыск», *аимдарақза* – «поиски»;

аңшаара – «отыскивать», «находить»;

ағәәара – «сомнение», «подозрение»;

ашьклаңшира – «следить», «слежка», «наблюдение», «наблюдать за кем-либо»;

ашьта – «след», *ашьтақза* – «следы»;

ашьталара – «следовать», «преследовать»;

ашьтазааа – «преследователь», «следопыт»;

азйаара – «вопрос», «спрашивать», «опрашивать»;

азбахә – «весть», «известие о пропаже»;

аеыйға // *аеыйға* – «причина», «отговорка»;

аарңшира – «выявление», «показ», «раскрытие»;

аилыргара – «разбираться», «обсуждать», «разборка»;

аеаргылара – «очная ставка», «противопоставление»;

акәңера – «разоблачить», «изобличить»;

аеаңера – «разоблачать», «опровергать»;

айыхра – «разоблачить», «вынудить»;

агәрагага – «доказательство»;

ашахат – «свидетель» – *ашахатра* – «свидетельство»;

агха – «ошибка», «просчет», *аилагара* – «нарушение»;

ацәгә – «нечто плохое» – *ацәгәра* – «злодеяние», «преступление» [548, 238];

ацәгәура – «преступление», «совершать преступление»;

ацәгәхәара – «доносить», «ябедничать»;

ацәгәхәаа – «доносчик», «ябедник», «клеветник», *ацәыз* – «потеря»;

амазарах – «краденое», «ворованное»;

айартыша – «взятка», «мзда»;

ағьыч – «вор» – *ағьычра* – «воровать», *архәра* – «грабить»;

акъылара – «нападение», «нападать»;

ауаушьра – «убийство», «убить человека»;

абналара – «удирать», «сбежать», *абрагь* – «абрек»;

ахара – «вина», *ахаратәра* – «обвинять»;
агәыбған – «упрек», «нагоняй»;
авба, авбара – «косвенное обвинение», «упрек», «вина»;
ақдызбара – «осуждать», «осуждение»;
акра – «задержать», «поймать», «ловить»;
атәкра – «заключение», «арест», «закрыть»;
агәырҕса – «расплата», «возмездие», «кара»;
аибатҕишра – «предать друг друга», «доносить друг на друга»;
абахта – «тюрьма», «темница»;
ахьхәра – «раскаяться», «придумать»;
анажьра – «прощать», «прощение»;
аеыриашара – «оправдаться», «оправдываться»;
ашьтра, аушьтра, аужьра – «отпускать», «выпустить»;

6. Христианская терминология:

Анцәа – «Бог», «Всевышний», *анцәаду* – «великий бог»; изначально *анцәа*, *анцәақәа* – «боги» – *анцәахәы* – «божество» [550, 188]. Абхазский христианский бог *Анцәа* всемогущ и управляет всем миром. День и застолье у абхазов начинается со слов *анцәа улҕха ҳат, анцәа ҳаумишьын* – «дай бог нам теплоту своих глаз, сохрани нас». Первый тост абхазского застолья представляет собой обращение к Богу за здоровье земных: народа, членов стола, семьи и т. д. Существует целый ряд устоявшихся фраз, как: *анцәа ихьышьаргәыҕа* – «божья золотая стопа», *анцәа идырп (итәун)* – «бог знает (весть)», *анцәа иумҳәан!* – «не дай бог!», *анцәа ихәааит!* – «дай-то бог!» *анцәа ишихәара дыкоуп (дынхоит)*, т. е. он прекрасно живет, срав. «он как сыр в масле катается», *анцәа дыумырҕдыуан* – «не надо жаловаться на судьбу», «не стоит плакаться», *анцәа уишазар!* – «ради Христа!», «если ты создан богом!», *анцәа ицәымгү* – «отвратительный, омерзительный, богомерзкий тип», *анцәа еизишеит* – «они (девушка и парень) созданы богом друг для друга», *анцәа имазкуа (еикануа)* – «очень сильный, смелый человек», «человек, который может состязаться с богом в силе, храбрости, мудрости», поговорки: *уара иухәо анцәа иуцихәозар ауп* – «человек предполагает, а бог располагает», *анцәа ишио, анцәа дигоит* – «бог дал, бог взял»; *анцәагьы анцәа иоуп, аха уаргьы ухы уахә (унапы кьа)* – «бог-то бог, да и сам не будь плох», «на бога надейся, а сам не плошай» [548, 150];

а-ниџаихаџафы – «верующий, религиозный человек»;
аниџахаџара – «вера в Бога»;

а-ниџатара – «обожествлять», «боготворить», «сделать кумиром»;

а-ниџахэы – «божество», «бог», «покровитель»;

ихақэитыу – «Господь сущий над нами»;

Иаса-Қъырса «Христос»;

ақъырсиан – «христианин»;

ақъырсианра – «христианство»;

азахра, арқъарсианра [547, 62] – «крещение»;

қъырса – «рождество»;

анан (Анџа иан) – «Богородица»;

нанҳа – «день успения Богоматери», «август»;

аныха – «икона», «образ», «святыня»;

аныңс ныха – «икона (святыня) Богоматери»;

ацқатың, аңшыатың – «святое место»;

аныхабаа (греч. *еклес*, мегр. *охуаме*) – «церковь», буквально «крепость иконы», «крепость святыни», где *аныха* – «икона», «святыня» и *баа* – «крепость», «храм». Термин *аныхабаа* в значении «церковь» сохраняется в слове *аныхаңааф* (см. ниже);

аныхаңааф – из *аныхабааф* – «настоятель церкви»; «священник», «церковник»; в основе термина *аныхабаа* «церковь» + *ф* «человек» (см. *аныхабаа*);

аңшыа – «освященный», «святой», *аңшыатың* – «святое место»;

аңшыафыра – «Священное Писание»;

аңшыара – «благословление», «благословлять»;

аңшыафы (аныхаңааф), *апап* – «священник», «поп»;

адикун – «дьякон»;

абер – «монах»;

амаалық – «ангел», «младенец»;

ашара – «творить», *ашаңа* – «творцы», «ангелы»;

алңха – «благодать», «благорасположение»;

ачгара – «поститься», «соблюдать пост», *ачгахъа* – «постная еда»;

амшаң//мишаңы – «пасха», *амшаңымза* – «апрель», *амшаңыишт* – «лютик»;

аныҳа – «моление», «праздник», *аныҳара* – «молитва», «молиться», «говорить за здравие кого-либо»;

аныҳәапхьыз – «молитва», «благословение»;
аныҳәартә – «место моления», «церковь»;
ақәнага – «доля», «заслуга»;
апсаңа – «милосердие», «благое дело»;
ацшьара – «благодарение», «благодарить»;
ақәра – «клятва», «присягание», «клясться», *аҭәтаҳьа* – «обет»;
анцә раишә – «песнь-молитва» [550, 188];
анцәа инықәра, *анцәаиныс* – «клясться Богом»;
анықәра – «клясться именем кого-либо»;
абзабаа – «благоденствие»;
ашьара – «блюсти», «соблюдать обычай, запретный день»;
агдыргьын – «венец»; *агдыргьын хайҭара* – «венчание»;
анцәахша – «божественный»;
ихақәитыу – «Господь сущий над нами».

7. Термины товарно-денежных отношений:

ахәаахәтра // *ахәҭахәтра* – «торговать», «торговля»;
ахәаахәтфы – «торговец», «купец»;
арҳара – «зарабатывать», «приобретать»;
аҭира, *архәҳара* – «продавать», *аҭифы* – «продавец»;
аҭиитә – «товар», «то, что подлежит продаже, обмену»;
ахә – «цена», «стоимость», *ахәңса* – «стоимость», «расценка»;
аңса, *аңсара* – «стоимость»;
ахәшьара – «оценивать»;
хәыда – «бесплатный»; *хәыда-ңсада* – «даром», «задаром»;
ахашәала, *ақьар* – «прибыль», «выгода»;
аңара – «деньги», *ақьаадңара* – «бумажные деньги», *аңара*
ҧырны – «мелочь»; *амаат* – «рубль», *аңаратра* – «бумажник»;
аңырга – «деньги в мелких купюрах», *аңыргара* – «разменивать»;
аңхьазара – «считать», *ахыңхьазара* – «количество»;
амазара (амал) – «богатство», «имущество»;
амцхә – «излишек»;
аңсахра – «менять», «брать в долг»;
аитыңсахлара – «обмен», «обменивать»;
аилазара – «договоренность», «договариваться»;
аилахәыра – «компания», «кооперация»;
алахәыла – «напарник», «компаньон», «один из членов сообщества»;

аҭхаста – «убыток», «ущерб», «испорченный»;
ахараҭса – «штраф»; *ақьыра* – «плата», *аиҭара* – «платить»;
аных (ахарц), *аныхра* – «расход», «расходовать»;
ауалхҭаа – «кредитор», *аиас* – «залог»;
аиҭара – «заплатить», «платить»;
аиҭахтә – «налог»; *аиҭатәы* – «платеж»; *аҳаза* – «пошлина»;
ахәтә – «часть», *ахәтәа* – «доля»;

шамахамзар – окаменевшее слово; используется в абхазском языке, когда речь заходит о каком-нибудь редком предмете или явлении и выражает понятия: «не так часто», «редко», «за редким исключением»; *ари еиҭи шамахамзар исымбац* – «такое я не так часто видел», *шамахамзар ари еиҭи уҭылом* – «редко такое встретишь», *шамахамзар, зегь бзиоуп* – «за редким исключением, все хорошие» и т. д.

Из слова выделяется элемент «мзар», известный в абхазском языке в значении «если не», см. *иахьа-мзар уайҭы* – «если не сегодня – завтра», *зежә-мзар фажәа* «если не девятнадцать – двадцать» и т. д. Отсюда *шамахамзар*, букв. «если не шамаха», «если не в Шамаха», где препозиционное *шамаха* никак не объясняется на абхазо-адыгских языках. Как выясняется, последнее увязывается с названием древнего города *Шемаха* – столицы Ширванского ханства IX–XVI вв. Временем наибольшего могущества этого государства считаются VII–XI вв. Этот же период является и временем становления и расцвета Абхазского раннефеодального государства. В означенное время столица Ширвана *Шемаха* становится важнейшим городом Кавказа, крупным центром торговли на Великом шелковом пути, а также одним из крупных торгово-ремесленных центров на Ближнем Востоке. Мировую известность имели ворсовые ковры, полосы и килимы, изготовлявшиеся в Шемахе и других местах Ширвана и т. д. [560, 662; 561, 114].

В Шемахе вели торговлю купцы многих государств, в том числе, согласно этимологии слова «шамахамзар», и представители абхазского купечества. Абхазы в античный период и в средние века поставляли на мировые рынки, в числе различных товаров, продукцию ткаческого ремесла. Абхазские ткани часто вывозились на рынки Константинополя, Салоник, Смирны [562, 5], а также и в столицу Ширван – *Шемаху* [561, 144]. Вместе с тем следует под-

черкнуть, что в 1124 г. абхазский царь Давид IV захватил Ширван, посадил там своих наместников [61, 573, 574].

Абхазские купцы, возвращаясь из Шемаха, где они, вероятно, часто бывали, уже на месте с восхищением рассказывали землякам об увиденном и услышанном в этом международном торговом центре. Отсюда, когда речь заходила о каком-нибудь редком предмете или явлении, стали говорить, что «такое если не в Шемаха, нигде не увидишь (или не услышишь)». Постепенно эта фраза *шамаха мзар* «если не в Шемахе» стала общенародным выражением. Последнее со временем потеряло первоначальное содержание и в настоящее время выступает в значении «не так часто», «редко», «за редким исключением» [561, 114, 115]. В этой связи представляет значительный интерес удинский языковой материал. Удины [563, 453], живущие в Кавказской Албании (в Азербайджане) при исчезновении чего-либо, кого-либо говорят: «Пропал, как Шемаха». По-видимому, в этом случае в языке сохранена память о разрушении Шемахи в 1222 г. татаро-монголами, или об одном из разрушений Шемахи в результате землетрясений, что здесь бывало не раз. Таким образом, в абхазском примере речь идет о могуществе и расцвете г. Шемаха и об абхазско-ширванских торговых и политических отношениях, а в удинском языке сохраняется память о трагедии города Шемаха. Эти факты представляются ярким свидетельством важности языка и как носителя и хранителя исторического и культурного прошлого любого народа.

Выше очерченный круг культурных, религиозных, общественно-политических, военных и других терминов абхазского языка сформировался в основном в период Абхазского царства, часть из которых корнями уходит в эпоху древних цивилизаций (см. выше). В целом этот пласт представляется исконно абхазо-абазинским. В нем практически нет заимствований из картвельских и других языков. Данный факт, на наш взгляд, указывает на то, что абхазы в IX–X вв. вошли в пределы картвельских племен с уже развитой общественно-политической терминологией, и не случайно, что именно в период Абхазского царства наблюдается процесс проникновения абхазских терминов в картвельские языки. В частности, пример тому – вышеназванные факты заимствований из абхазского языка:

груз.: *да-п̄кр-оба*, *даи-п̄кро* – «завоевать», «завладеть»: из основы абхазского глагола *п̄ка* – *а-п̄ка-ра* – «побить», «разбить», «подчинить» (см. выше [19, 98, 100]);

зари-ба, *зари-були* – «бедняк», «нищий»: из абхаз. *аза* – «мелкий», «бедный», *азапра* – «обмельчать», «беднеть», «беднота», *азар* – «бедный», *анхаџар* – «мелкий (бедный) крестьянин»;

алагта – «нищий», «бедный» [498, 59, 90]: из абхаз. *алага* (см. ниже);

алага – «низший», «низы», «униженный», «опустившийся»: из преверба *ала* – «низ» и орудивного аффикса *га*;

мс-ахура – «слуга», «служитель»: из абхаз. *ахәура* – «прислуживать», букв. «готовить еду, корм», «готовить долю кому-л» – от *ахәы* «доля», «еда, пища, корм» и глаг. *аура* «готовить» – *ахәыуфы* «прислуга», «крепостной», букв. «готовящий еду, корм»;

џеси – «правило», «обычай»: из абхаз. *аџас* – «обычай», «правило», «обряд», «характер», «повадка» (см. выше);

цихе (груз.), *джиха* (мегр.) – «крепость»: из абхаз. *аджых* – «башня», «крепостная башня»;

абџари (груз.) – «доспехи»: абхаз. *абџар* – «оружие», «вооружение», срав. абхаз. *абџар* «копья» (*абџы* «копье»); *џари*, *саџари* – «щит»: из абхаз. *аџыра*, *аџырак* – «заслон», «щит»;

аџра (груз.) – «парус»: из абхазского *аџра* – «парус». По мнению Марра, грузинское и абхазское *аџра* «парус» – из абхаз. *аџырра* «летать». Однако абхаз. *аџра* «парус», возможно, из *аџыра* «заслон», см. выше *џари*, *аџыра*;

нушьа (груз.) *нышьа* (мегр.) – «лодка»: из абхаз. *а-нышь* – «маленькая лодка» (срав. и.-е. *naus*) [559, 142; 494, 71];

мадзиеба-ри, *мадзиеб-ели* (груз.) – «ищущий», *га-мод-зиеб-ули* (груз.) – «следователь», *га-мадзиеба* (груз.) – «расследование», *мадзиебари* (груз.) – «следопыт»: из абхаз. *азба*, *азбаџ*, *амазаба*, *амазабаџ* – «следователь», букв. «видящий (обнаруживающий) пропажу», «раскрывающий тайну, т. е. сокрытое», *азбара* – «расследование»;

аҳмада, *ҳамада* – «наместник» [539, 305, 307]: из абхаз. *аҳмада* – «наместник» «порученец», «поверенный», где *аҳ* – «владелец», «царь» и *мада* – основа глагола; *а-мада-ра* – «поручать», «поручительство», срав. *аимадара* – «связь», «взаимосвязь»;

тамада – «руководитель застолья»: из абхаз. *ахмада*, *хамада* – «наместник (хозяина)» – «человек, ведущий застолье по поручению хозяина»;

Примечательно, что само самоназвание грузин *қартвели* также производно от абхазского *қартуа* (*ақыртуа*) «грузины», буквально означающего «қартский человек»: от абхаз. *Қарт* – «Тбилиси» и *уа* – «человек», «люди» (см. выше). Абхазское *қартуа* (а-қыртуа) в мегр. *қарту*, *қарту*, *қартуа*, в груз., закономерно, – *қартва*, отсюда *қартв-ели* – «грузины», букв. «*қартуицы*», «принадлежавшие к *қартуа*». Существуют немало и других абхазизмов в картвельских языках. Многие из них отмечены уже в специальной литературе (см. [494, 71–115]). Однако нельзя сказать, что данный вопрос достаточно изучен.

Важные языковые свидетельства о роли абхазов и абхазского языка в средневековом абхазском многонациональном государстве содержат древнегрузинские источники. В частности здесь фиксируются также известные абхазские слова как *а-чала*, *апсар*, *лаша*.

Как уже было сказано, в 975 г. на абхазский престол был посажен слепой Феодоси или Теодоси (абхаз. Таташь), ослепленный своим братом Деметре – царем Абхазии.

Имя Феодосия фиксируется в источнике с эпитетом *Чала-мене*, переводимое «*Чала-царь*». Его также называют «Феодосий Слепой», «Феодосий Темный» [515, 138; 140]. Первое, т. е. груз. *Чала-мене* «Чала царь» переводится отдельными авторами и как «соломенный царь» [515, 137]. Однако не понятно, какое отношение имеет солома к искалеченному царю, к царю-инвалиду. Видимо, поэтому проф. М. Лордкипанидзе слово *чала* переводит как «никчемный», хотя нет такого слова в грузинском языке [497, 77]. Нам же груз. *Чала-мене* представляется частичным переводом из абхазского *Аңсха-чала* «Чала-царь», буквально означающего на абхазском «царь-калека», «царь-инвалид»: от *аңсха* «царь» и *чала* «болезненный», «битый», «калека», «худой (тощий)» – (срав. *ачала* «худой» – апсыла «упитанный»); *ачала*, букв. «содержащий боль», «болезненный» – от основы *ач* «боль», «опухоль» «болезнь», отсюда также и слово *ачымазара* «болезнь», букв. «иметь ач (боль, опухоль)», где постпозиционное *амазара* – «иметь» [151];

Трудно переоценить значимость для правильного понимания истории абхазского средневекового государства упоминания в одном древнем сообщении двух абхазских ключевых слов *аңсар* – древнее самоназвание абхазов, (отсюда и название их столицы *Аңсар*, см. выше) и *лаша* «светлый, светоч». Речь идет о средневековом произведении «История и восхваления венценосцев», автор которого, рассказывая об организации военного похода по случаю рождения наследника абхазского престола *Георгия Лаша*, пишет: «Собравшись на счастье Лаши, которое переводится с языка апсаров как “Просветитель вселенной”» [565, 434]. Как справедливо отмечает З. В. Анчабадзе, под «языком апсаров» летописец несомненно имеет в виду абхазский (апсуйский) язык [18, 190]. Далее З. В. Анчабадзе также утверждает: «Слово “*Лаша*” действительно абхазское. Оно означает по-абхазски “светоч”, “светлый”» [19, 214]. Недвусмысленно на это также указывают и другие известные ученые, например М. Джанашвили, С. Н. Джанашия, Ш. Д. Инал-ипа, Г. А. Амичба (см. также выше).

В частности, Ш. Д. Инал-ипа пишет: «Перед нами полное совпадение как абхазской языковой принадлежности, так и абхазской же этимологии имени *Лаша*, которое переводится только с языка апсаров, что является единственным общественным общенациональным самоназванием собственно абхазов (апсуа). И только на этом языке оно поддается осмыслению как светоч, потому что действительно только на абхазском “лаша” означает свет, сверкание, блистательный, освещение (ср. поговорку: атцара – лашароуп, атцарадара – лашьцароуп, т. е. “ученье – свет, неученье – тьма”))». [365, 527]. Много информации в себе может иногда нести даже небольшое по объему сообщение содержательного исторического источника, а также термин, лексическая фраза и т. д. Поэтому, видимо, не случайно, что чудом уцелевший от вахтанговских переписчиков и редакторов (см. выше) слова летописца подверглись уже в XX в. корректировке. Так, в издании проф. В. С. Кекелидзе варианта «История и восхваления венценосцев» (груз. оригинал 1941 г., русский перевод 1945 г.) уже не указано, на каком именно языке слово «*Лаша*» означает «просветитель», «светоч» [19, 214; 365, 528, 529]. По поводу значимости вышеприведенного сообщения автора «История и восхваления венценосцев» З. В. Анчабадзе пишет: «Таким образом, историческое произведение “История и

восхваление венценосцев”, автор которого является современным описываемых им событий, содержит, как мы видели, важные сведения по истории Абхазии и, в частности, весьма ценные свидетельства по вопросу об этническом состоянии абхазов того периода. Этот источник должен быть использован каждым исследователем исторического прошлого абхазов, а не игнорироваться полностью, как это, к сожалению, делают некоторые авторы, которые хотят внести коренные изменения в утвердившиеся в исторической литературе взгляды об этнической принадлежности абхазов средневековья» [19, 216]. В целом приведенные выше данные с достаточной очевидностью свидетельствуют о том, что абхазы в Средневековье обладали довольно развитой государственной машиной, что на контролируемой ими территориях они ни с кем не делили свою этническую гегемонию.

§ 3. Абхазо-абазинские родовые и фамильные имена в грузинской и мегрельской антропонимии

Как известно, материалы ономастики, в том числе антропонимии, представляются довольно значительными для исследователей истории языка, прошлого того или иного этноса и его культурных, политических связей с соседними странами и народами и т. д.

Абхазо-абазинские личные и родовые имена и фамилии привлекали и привлекают внимание многих исследователей. Представляют значительный интерес работы академиков Н. Я. Марра и С. Н. Джанашия, а также абхазских ученых – Д. И. Гулиа, С. П. Басария, Х. С. Бгажба, Г. А. Амичба, В. М. Бганба, Д. М. Дасания и др.

В последние годы появился уже и ряд монографических исследований как по абхазской (Ш. Д. Инал-ипа [74], А. Э. Куправа [76]), так и по абазинской антропонимии (С. Х. Ионова [425]). Усилиями известного ученого Дж. Н. Кокова также собраны и изучены этнические, личные, фамильные имена адыгов [204]. Все это довольно важно. Как справедливо отмечает Дж. Н. Коков, «от состояния разработки антропонимии в одном языке в значительной мере зависят успехи этой науки в другом (родственном или

неродственном) языке, находящемся или находившемся с ним в исторических контактах» [204, 8]. В плане интересующих нас проблем абхазо-грузинских отношений раннего Средневековья и в целом периода Абхазского царства (VIII–XIII вв.), важно знать и материалы грузинской и мегрельской антропонимии.

В Грузии по изучению грузинской антропонимии также сделано немало.

Результаты сравнительного изучения абхазо-адыгской и грузинской антропонимии, несомненно, могут быть одним из показателей характера абхазо-грузинских отношений, а также пределов присутствия и роли абхазского этнического элемента на территории современной Грузии в период Абхазского царства. Первым этой теме уделил внимание акад. С. Н. Джанашиа [505, 476–481], а затем ее касаются З. В. Анчабадзе и другие исследователи.

В частности, С. Н. Джанашиа, на основе изучения письменных источников, утвердительно говорит о феодальной миграции («колонизации»), имевшей место с X в. со стороны абхазов в Восточную Грузию. Согласно С. Н. Джанашиа, в Восточную Грузию «шли не только сеньоры, но и их вассалы, арьервассалы, крепостные и дворяне» [451, 481].

1. Абхазские родовые имена в грузинской антропонимии

Абхазы относятся к народам, характеризующимся наличием традиционных родовых имен. Эти имена закреплялись более всего за потомками именитых людей, за людьми, имевшими высокое положение в обществе.

Выделение привилегированных родов, как отмечает Ш. Д. Инал-ипа, происходило у абхазов в довольно отдаленные времена. Древнейшими привилегированными сословиями в среде абхазо-абазинских сообществ считались княжеские рода *Ач* и *Чач*, причем последний, т. е. *Чач*, в преданиях и работах отдельных авторов представляется ответвлением из рода *Ач* [365, 547; 19, 195]. Абхазские именные формы *Ач* и *Чач* в западной части исторической Абхазии бытовали как *Аш* и *Шаш* или *Аше* и *Шаше* [35, 10]. Согласно сообщению анонимного автора XIX в., именная основа *Ач* (*Ач-ба*) на древнеабхазском языке также означала «князь» – отсюда родовое имя *Чач* (*Ч-ач*, *Ач-и-ач*, букв. переводится «над князем князь» [19, 195]. С привилегированным обществом *Ач* или *Аш*

увязывают также и происхождение абхазо-абазинского, в прошлом могучего княжеского рода – *Лау* // *Лоу* [73, 73]. На наш взгляд, все это указывает на значимость и древность некогда многочисленного рода *Ач* или *Аш*. Представляется также, что род (племя) *Ач* // *Аш* распался на отдельные общества *Ач* // *Аш*, *Чач* // *Шаиш*, *Лау* и др. еще задолго до образования Абхазского царства. Так, похоже, что имя сообщества *Шаиш* (Чач) в форме *Шаиш-ил* (срав. *апса* → *апс-ил*, *др-ил*, *анч-ил* и т. д.) упоминается в урартских источниках как название царского города – *Шаиш-ил* или *Шашил-уни*, а также страны *Шашет* (см выше гл. VI). В Абхазии также известно с. *Шашил-кыт*, груз. *Шашил-ети*, букв. «село Шашилов», у садзов же общество *Саиш* // *Шаиш*, а также село *Шаиш* // *Шаце* (ныне г. Сочи) и княжеский род *Шаиш* [73, 72, 122]. Что же касается рода князей *Лоу*, во мн. ч. *Лаудзы* или *Ладз* // *Лыдз* [73, 95, 143], то, как уже было сказано, они явились основателями Лазского, т. е. Ладзского царства (см. выше гл. VI). С *Лауами* // *Лоуами* из рода *Ач* некоторые исследователи также увязывают начало династии абхазских царей *Леонидов* [18, 207, 208; 508, 106].

Вместе с тем с первых веков н. э. письменные источники фиксируют различные имена царей древних абхазо-абазинских сообществ [7, 152]. Некоторые из них также увязываются с родовыми или этническими именами. Так, имя *Опсит* (срав. с колхидским *Апсирт*, известным как имя апсильского и Лазского царей (VI в.), может быть из самоназвания абхазов – *апсуа*. Вероятно также, от родового имени *Губа*, *Губаа* (срав. груз. фам. *Губа-дзе* [12, 57]), с помощью абхазо-садзского показателя мн. ч. *дз* «з», образованы фамильные форы – абхаз. *Губаз*, садз. *Губзы*, *Губза*, сродные, как отмечают Ш. Д. Инал-ипа и Г. В. Цулая [365, 522, 523; 513, 122], с именем царского рода Лазики *Губаз* I, *Губаз* II (V–VI вв.). Младший брат последнего носил и собственное имя *Цата*. Повидимому, к этому имени (*Цата*) восходят фамилии – абхаз. *Цатаа*, мегр. *Цатава*, груз. *Цатиашвили*.

В связи с усилением Абхазского царства и с продвижением его с X в. вглубь Закавказья, в древнегрузинской литературе появляются родовые имена представителей абхазской знати. Еще в 70-х гг. X в. фиксируется родовое имя известного политического деятеля, наместника абхазского царя в Картли *Иоанна Маруш-ис-дзе*. В последнем не трудно распознать основу абхазской княжеской

фамилии *Мар(ы)шь-ан* – *Марышь*, *Маршьы* [74, 153]. Последняя встречается и в таких фонетических вариантах, как *Марчы* – *Марчан*, *Марчил* (срав. апс-ил, шаш-ил и т. д.), в груз. *Мерчуле*; *Барчы* – *Барчан*, *Бырчил*, в груз. *Бурчуладзе*; в садзском *Мардзы*, *Бардзы* – *Бардзба*; в убых. *Барзек*, *Берзек* «Берзеков». Исходной формой следует считать абхазо-садзское *Мар-дзы* (Бар-дзы), где выделяется исходная основа *Мар* и древнее абхазо-садзское окончание *дз* (*з* → *чы* → *шьы*), придающее основе форму мн. ч. Сама антропонимная основа *Мар*, возможно, этнонимного происхождения. В этой связи представляет интерес упоминаемое Гекатеем Милетским и Геродотом племя *Мар*. Согласно Геродоту, *мары* и *колхи* совместно принимали участие в походе персидской армии против Греции (см. гл. VII). Плиний же (I в. н. э.) говорит о племени *Мард* в Северном Причерноморье. Что же касается вышеупомянутых форм *Марышь* // *Марыч*, то от них производны варианты княжеской фамилии *Маршан* // *Марчан*, что, на наш взгляд, восходит к титулу *Марышь-хан*, где *хан* – тюрк. «правитель» «владельческий князь», срав. от формы *Бардзы* – *Бырдзахан* «сильный, самодостаточный человек»⁶. Как известно, в прошлом имя *Маршан* (Маршьан) выступало в горной Абхазии в двух значениях: как родовое имя и в значении «правитель», «князь». На это также указывает и зафиксированные акад. С. Н. Джанашиа форма *Маршьан-ха*, означающая, букв. «Маршан-князь», [507, 135] и форма *Маршьан-кул* «святой князь» или «святой Маршан» [204, 181, 224; 39, 42]. Похоже, аналогичное происхождение имеет абхазская дворянская фамилия *Маан* – из *Маахан* или срав. в мегрельском *Марган* (*Маргания*), *Маа-р-хан*, где *р* может быть наращением или же показателем 3-го л. мн. ч. Думается, что также образована и дворянская фамилия *Озган* [74, 167] из *Оз-хан*, букв. «Хан Озовых» или «Хан (из рода) Озовых».

На наш взгляд, тюркское слово *хан*, «монарх», «правитель», «владельческий князь» вошло в употребление в Абхазии не позже VI–VII вв. (см. ниже). Мегрельские правители *Дадияни* считали себя потомками абхазских ханов, о чем свидетельствует материалы отчета русского посольства Ф. Елчина русскому Государю о их пребывании в дадиановской земле в 1639–1640 гг. В частности,

⁶В абхазском языке представлено также слово *хан* // *ахан* в значении «дворец».

здесь приводится титул Левана Дадияни, звучавший на их (дадиановском. – В. К.) языке «Хантипа Леонт» [61, 243], что представляет собой искаженную форму абхазского *Хандипа* из *Хан-д(у)-ипа*, букв. «сын великого хана»; срав. титул и фамилию *Хан-ипа* «сын хана», «правитель», «владельческий князь» (фамилия *Ханипа* не раз встречается в абхазском фольклоре). Ряд ученых дадиановский род, а также род Варданисдзе, выводят из корня Марушианов, т. е. Маршанов [506, 108–109; 74, 153–154] (об имени Дадиян см. ниже ст. *Дад, Дада...*), что, на наш взгляд, подтверждается, например, фонетической близостью основ *мар* (Мар-шьан), *бар* (*Бар-чан, Бар-дзы, Бар-дзек*), *вар* (*Фар-дан*), *уар* (*Уар-дан, Фар-дан*). В связи с именем *Вардан*, представляет также значительный интерес одно из древних названий р. Кубань – *Вардан*, упоминаемое Страбоном (I в. н. э.) [299, 245], а в форме *Вардана* – Птолемеем (II в. н. э.) [304, 244]. Последнее практически идентично с абхаз. *Вардана-а* (*Фарданаа*) «Вардановы». Проф. Ш. Д. Иналипа родовое имя *Вардан* также увязывает с названиями общества, местности и р. Вардана (*Фардана*) в Убыхии (в тех же местах, рядом с ахехями, Плиний (I в. н. э.) помещал племя мардов (Plin. NH, VI, 16); с названием села и рода Вардан вблизи Адлера; с с. Варданыхуа в Бзыбской Абхазии, с названием поселка, родом и святилищем Варданыха в с. Эшера; с названием с. Варда – Вардан в Дале; с абхазским космонимом «Звезда Варданиевых» (*Фарданаа* риацэа). Название племени Вард, Уард встречается в адыгских преданиях, песнях и выражениях, например: «подобно варду». В Северной же Абхазии в преданиях фигурирует эпический герой Мард. В связи с этим представляется интерес то, что Сасаниды у северных перевалов границы Ирана создавали вассальные владения князьков. Именно оттуда известны имя и титул одного из них – Вардан-шах... [74, 153].

В грузинских источниках, вслед за этнопатронимом *Вардан* – *Варданисдзе* уже в XI в. (1044 г.) появляется в грузинском оформлении родовое имя абхазских владетельных князей *Чач* в форме *Чача-с-дзе*. Последнее представлено в составе полного имени предводителя абхазского войска – *Куабулели Отаго Чачасдзе* [199, 80]. В этом имени первое – Куабулели – выступает в качестве титула «Куабильский» и производно из абхаз. *Куапыл*, восходящего к названию территории совр. Кобулети, что указывает на

владения Отаго Чач-ипа (груз. Чача-с-дзе). Представитель этого же рода, уже под фамилией *Шервашидзе* – абхаз. *Чачба*, становится правителем (эриставом) собственно Абхазии [18, 208; 15, 127].

В 80-х гг. XII в. владельцем Цхумской области Абхазии был также *Шервашидзе Отаго (Дотаго)*. Повторяющееся в источниках имя *Отаго*, похоже, указывает на связь рода Шервашидзе с родом абхазских владельцев *Чач (Чачба)*, груз. – *Чачасдзе* XI в. Поэтому не случайно, что они известны под двумя именами абхаз. *Чач* – *Чачба* и груз. *Шерваши-дзе*. По поводу происхождения последнего в литературе существуют различные мнения. Одно из них основывается на предании о том, что фамилия *Шервашидзе* происходит от правящей династии Ширванского княжества (на территории совр. Азербайджана), т. е. из рода *Ширван-Шаха* [18, 208; 564, 64]. Однако многие авторы относятся с недоверием к приведенному преданию. По их мнению, попытка феодалов (князей) Шервашидзе увязать происхождение своего рода с ширван-шахами представляет собой обычное в средневековом обществе стремление отдельных феодалов связать свой род с каким-либо знатным иностранным родом, чтобы повысить свое общественное значение [15, 128]. В этой связи З. В. Анчабадзе отмечает, что в феодальной Грузии тавады Орбелиани считали, что они происходят от китайских дворян, а тавады Цицишвили выводили свой род из Италии [21, 191]. Мы склонны поддержать предположение авторов (Н. Я. Марр, Н. А. Бердзенишвили и др.) о местном происхождении рода Шервашидзе. Для нас представляет особый интерес увязка акад. Н. А. Бердзенишвили фамилии Шервашидзе с именем абхазского военачальника Отаго Чачас-дзе 40-х гг. XI в. [19, 193].

На наш взгляд, в основе грузинского имени этого древнеабхазского княжеского рода *Шервашидзе* – *Ширваши*, похоже, имеем переименованное абхазское титульное имя – *Шырпас* (Шырпас или Шэырпас), букв. «Предводитель ашов»; (соответствие абхаз. *η* груз. *в*, см. абхаз. *ауаҭс* → груз. *овс* «осетин»). Имя состоит из элемента *аи* или *аиә* – основы этнонима *аиуа* // *аиәуа* – абхазского обозначения *абазин-тапанта*, а в прошлом – жителей исторической Западной Абхазии, в том числе, садзов-джиков (см. выше). Данная этнонимная основа сочетается с абхазским термином *рҭас* // *рҭыс* – «предводитель», «молодец», «юноша», букв. «идущий впереди армии».

С помощью слова *а-рҧас* // *а-рҧыс* образован также ряд абхазских имен: *Хьы-рҧыс* – «золотой молодец», *Хаҭа-рҧыс* – «герой-молодец», *Хуажәа-рҧыс* (в фольклоре) – «рододендровый молодец» и т. д.

Мы полагаем, что при абхазском царе Давиде Строителе управляющим (эриставом) Цхумской области был поставлен человек из абхазского княжеского (царского) рода *Чач* (абхаз. *Чач-ба*, груз. Чача-с-дзе), являвшегося до этого предводителем (владельцем) *ашов*, поэтому носившего титул *Шырҧас* (Шырпас, или Шэырҧас) – «предводитель ашов».

Данное титульное имя и легло, на наш взгляд, в основу грузинской формы фамилии Шерваши-дзе, ставшей второй фамилией абхазских владельцев Чачба – Шервашидзе: от абхаз. *Шырҧас* грузинское *Шерҧас-идзе* → *Шерваши-идзе*.

Как уже было сказано, к абхазским титульным именам относятся и фамилии *Маршан*, *Маан*, *Дад-ипа* – *Дадриан*, (*Дадри-хан*) *Қуапыл* – груз. *Қуабул-ел*, *Агур* – груз. *Гур-иел*, [5, 13; 19, 195], *Бадеи* – груз. *Бадриан*, *Бедиан*, *Бедиели*, а также от *Агҭыбаа* «Агцубская (Агцупская) крепость» (Анакопийская крепость) – груз. *Агҭепели* в имени *Георгий Агҭепели*, букв. «Георгий Агцупский» – абхаз. царь (XI в).

Представляет значительный интерес имя крупнейшего абхазского феодала и политика Липарита, основателя рода Багвашей. Исследователи отмечают, что в первоисточниках не указывается его родовое имя [46, 31]. Однако, на наш взгляд, родовое имя *Липарита* содержится в его имени *Липарит*, которое представляется нам грузинской формой передачи абхазо-абазинского *Лоу-Барат*, букв. «Барат (из рода) Лоу», где *Лоу* – абхазо-абазинский княжеский род и *Барат* – абхазское собственное имя, от чего образовано и имя могущественного абхазского феодального рода *Баратов* (груз. *Барата-швили*) (см. ниже *Бараташвили*, *Качибасдзе*). Вместе с тем известно, что основателем рода *Багваши* является *Липарит* (т. е. *Лоу Барат*) [46, 50, 85]. Впоследствии представители рода Багваши являлись крупными и влиятельными феодалами Абхазского царства, которые пытались не повиноваться абхазским царям Баграту III и Баграту IV. Родовое имя *Багваши* сохраняется в качестве княжеской фамилии *Багваши* и ныне у абазин, а у абхазов в названии большого села – *Пакваши* (Пақәашь) – бывшей вотчины

князей Ачба. Считается, что абхазское *Багваши* является производным от родового имени абхазо-абазинского княжеско-дворянского общества *Баг* [425, 272–274]. Вместе с тем происхождение данного имени может быть связанным со следующим историческим фактом. Известно, что род Багвашей в начале управлял Верхней Имеретией, т. е. Аргвети. В 80-х гг. IX в. Липарит из рода Багвашей переселился в Триалети и основал здесь свое эриставство, он же пробил искусственный проход в отроге Триалетского хребта и соединил кратчайшим путем Картли с основной территорией Абхазского царства, а над пробитой скалой воздвиг крепость *Клде-Кари*, букв. «дверь в скале» или «скальные ворота» [497, 72; 19; 124]. Поразительно, что *Багваши* – *Багуаши* из абхаз. *Баагуашиа* переводится букв. «крепостные ворота» или «ворота крепости» – где *Ба(а)* «крепость» и *гуаши* из – абхаз. *гуашиа* «ворота». Вместе с тем возможен перевод *Багваши* и из формы *Баг-гваши* – абхаз. *Баг-гуашиа*, букв. «Баговские ворота» или «ворота Багов» (от Баг + гваши «ворота»). Однако представляется более вероятным первый вариант этимологии. Очевидно, что открытая Липаритом кратчайшая дорога между западной частью Абхазского царства и ее новой территорией – Картли и строительство над проходом крепости, получившей у грузин название Клде-Кари – «скальные ворота», а у абхазов – *Баагваши* – «крепостные ворота», имело большое практическое значение. Этим и объясняется использование грузинского названия крепости – *Клде-Кари* «скальные ворота» и в качестве обозначения княжества Липарита – *Клдекарское княжество*. Абхазское же название *Баагваши* – «крепостные ворота» было присоединено к имени Липарита в качестве эпитета, отсюда – *Липарит – Крепостные Ворота*; *Рати*, сын *Липарита* – *Крепостные Ворота* и т. д. По-видимому, как уже было сказано, они были из ветви абхазского княжеского рода *Ачба* – *Лоу*. Отсюда и этимология грузинской формы имени основателя рода Багваши «*Липарит*» из абхазского *Лоу Барат*, букв. «Барат (из рода) Лоу». Возможно, не случайно, что Липарит и его сын Рати выступали в союзе с Иване Абазас-дзе – эриставом Картли. Думается также, что от Рати, сына Липарита, пошло новое ответвление под фамилией Ратишвили, абхазо-мегр. *Ратиа* (срав. абхаз. личное имя *Рат* [509, 424], *Рад* [74, 112]. Что же касается вышеупомянутого имени картлийского эристава Иване *Абазас-дзе*, букв. «Абазов», то оно напрямую

связано с именем абхазо-абазинского этноса *Абаза*, (срав. также с абазинской фамилией *Абаза*) [425, 254]).

В грузинских письменных источниках упоминается еще одно, также узнаваемое, родовое имя *Арш-ис-дзе*, относящееся к середине X в. Два брата – Иване и Хахуа Аршисдзе являлись опальными владельцами двух крупных крепостей Кахетии. В частности, в источнике говорится: «(Крепостью) Лоцобани владел Иване [Аршисдзе], укрепился он в ней, предал патрона (своего). Воздвигли Шурисхихе и разместили в ней гарнизон. Крепостью Марана владел тогда Хахуа Аршисдзе, брат Иване, (который) наподобие брата своего желал силой удержать (крепость). Прибыл царь (Гиорги), приказал войску сразиться. Взяли крепость хитростью, и захваченного Хахуа привели к царю, а царь отправил (его), плененного, в Джикети» [497, 35].

Основа упомянутого родового имени *Арш-исдзе* – *Арш*, вряд ли отделима от абхазского родового имени *Арш*, *Арыш* и многочисленной фамилии *Арш-ба* «Аршовы» или «Арышовы». Отсылка провинившегося *Хахуа Аршисдзе* в Джикетию, т. е. в Западную Абхазию (см. выше), указывает на абхазские корни этого рода.

С абхазо-абазинским этническим миром неразрывно связаны, как отмечает Ш. Д. Инал-ипа, и такие известные фамилии Грузии этнического происхождения, как: *Абхазаури*, *Абзианидзе*, *Абхазава*, *Абхадзе* (*Апхадзе*), *Абхаидзе* (*Апхаидзе*), *Абсава* (*Апсава*), *Абсандзе* (*Апсандзе*), *Абаза* (см. выше. – В. К.), *Абхази*, *Абазадзе*, *Абхазиивили*, *Апсуа*, *Апсуа-ипа*, *Апишлага* [74, 269].

2. Абхазские фамильные окончания

В основе абхазских фамилий лежат, как правило, личные, родовые и этнические имена. Придают им фамильную форму ряд давно устоявших фамильных окончаний. Как известно, образование фамилии – длительный процесс, продолжающийся до последнего времени [204, 7]. При этом, отсутствие письменных источников на родном языке затрудняет возможность определения времени появления тех или иных фамилий и фамильных окончаний. Нам же приходится довольствоваться лишь данными древнегреческих, грузинских и русских письменных, а также абхазских фольклорных источников. Наиболее древними и известными являются прежде всего фамилии привилегированных сословий.

Одним из характерных окончаний абхазских фамильных имен, как справедливо отмечает Ш. Д. Инал-ипа, является *ба*, *па* (па), означающий «сын», «дитя», «потомок» [74, 183]. Наряду с ними существует и женское фамильное окончание *пха*, усеченно *ха* «дочь», «девушка» [12, 42, 43, 74; 281, 282]. Значительную группу составляют абхазские фамилии с окончанием на *уа*, *аа*, *иа*, которые ряд исследователей ошибочно считают мегрельскими, однако нетрудно видеть, например, в окончании *уа* абхаз. *уа*, *уаа* «человек», «люди», а в *аа* – показатель мн. ч. класса людей (срав. *ауафы* «человек» – *ау-аа* «люди»). К такому же выводу приходит известный грузинский языковед, академик, знаток и исследователь абхазо-абазинских языков К. В. Ломтатидзе [510].

Формант *у-а* представляется древним и прежде всего этнонимомобразующим элементом – *аша-уа* «абазин», *апс-уа* «абхаз», *агыр-уа* «мегрел», *акыр-уа* «грузин» и т. д.; он же представлен и во многих фамилиях *Мат-уа*, *Саб-уа*, *Чич-уа*, *Хух-уа*, *Чок-уа*, *Цьан-уа* и т. д. Формант *уа* встречается также в именах в усеченной форме – *у*; *Ла-у* (Ло-у), *Цса-у* (Цсо-у), *Агуха-у* (Агухоу) и др.

Окончание *у-а* используется и во множественной форме – *уаа*, букв. «люди»: *Мат-уа* во мн. ч. *Мат-уаа*, *Саб-уа* – *Саб-уаа*, *Чич-уа* – *Чич-уаа* и т. д. Это же окончание выступает и усеченно в форме *аа*: *Агрба* – *Агра-аа* «Агрбовы», *Хагба* – *Хаг-аа* «Хаговы»...

В случаях, когда окончание *уа* или *уаа* сочетается с основой, оканчивающейся на *а*, то комплекс *ауа*, *ауаа* передается, в мегрельском (и в русском), как *ава*, например: *Агухаа*, *Агуха-уаа* – в мегр. *Агухава*; *Какаа*, *Кака-уаа* – в мегр. *Какава*; *Цанаа*, *Цана-уаа* – *Цанава* и т. д. Вместе с тем интересно, что сами мегрелы в устной речи при произношении мегрельских фамилий опускают окончание *ва*, например, фам. *Абхаза-ва* – *Абхаза*, *Микава* – *Мика*, *Гудава* – *Гуда* и т. д. А. Э. Куправа формант «*ва*» не считает первичной мегрельской формой; как он полагает, «*ва*» является обрусинным вариантом абхазского суффикса «*уаа*» [76, 89].

В абхазо-абазинской антропонимии представлены и другие древние форманты, придающие основе форму множественного числа, как *р*, *ар* и *раа* – в абазинском, а также садзско-абхазское *з* // *з*, которые не раз упоминались выше.

Как известно, у абхазов и – в особенности – мегрелов имеются значительное количество фамилий с окончанием на *иа* (*ия*). Одни

его рассматривают как мегрельское фамильное окончание, другие же как абхазское.

По нашему наблюдению, формант *иа* представляется в качестве фамильного окончания в случаях присоединения абхазского «а» к фамильным основам с окончаниями на «и», имеющим в основном иноязычное происхождение. Например, от адыг. *Гули* – абхаз. *Гули-а*; от адыг. *Бли* – абхаз. *Бли-а*, мегр. *Були-а*; адыг. *Курчей* – абхаз. *Куарчи-а*; *Бадий* – *Бади-а*; *Бжаней* – *Бжани-а*; *Дагужей* – *Дагужиа*) *Дагузи-а* и т. д.: от грузино-мегрельской фамильной формы, *Маргани* (абх. Маан) – абхаз. – мегр. *Маргани-а*; *Маршани* – *Маршани-а*; *Чиквани* – *Чқуани-а*, *Чкони-а* и т. д. Что же касается мегрельского фамильного окончания *аиа* (ая), то оно возникло в результате сочетания мегрело-абхазского *иа* с «а» → *а + иа*: *Кецба* – *Кецба-иа*, *Зухба* – *Зухба-иа*, *Чачба* – *Чачиба-иа* и т. д.

Вместе с тем следует отметить, что вышерассмотренные фамильные окончания *аа*, *ава*, *аиа* (ая), *иа* (ия), *уа*, согласно письменному источнику, уже бытовали в конце XVI в. [61, 234–236].

Помимо фамилий, оканчивающихся на *ба*, *иа*, *ңха* (*ха*), *аа*, *уа*, *иа*, з, (*з*), *а-р*, немало в абхазской антропонимии и фамилий с другими окончаниями. Ш. Д. Инал-ипа их классифицирует по следующим конечным формантам:

на -*хэ* (Акьатыхэа, Шаратхэа, Хатхэа, Тамышхэа);

на -*кэа* (Анчокэа, Берамыкэа, Далтрыкэа, Салмакэа);

на -*кэа* (Артылакэа, Адикэа, Чакэа, Цкэа);

на -*гэ* (Агэа, Лабигэа, Бигэа, Гьагэа, Мцагэачэа, Шьмагэа);

на -*оу* (Баалоу, Дракэоу, Лоу, Мдоу, Шоу, Чакэоу);

на -*ан* (Агэырзан, Озган, Маан, Маршан, Фардан, Дишъан, Гэырзан, Кардан);

на -*ңишь* (Багаңшь, Гыруаңшь, Заңшь, Каңшь, Таңшь, Траңшь, Шьаңшь);

на -*мышь* (Бармышь, Ермышь, Тахтамышь, Хамышь)

на -*ышь* (Башышь, Птышь, Мчышь, Хэатышь и др.);

на -*р* (Лақыр, Смыр, Чагыр; Амцар, Дбар, Чукбар, Ацъбар, Есқиндар, Басар, Бакылар, хотя здесь можно полагать, что *р* – показатель множественности, собирательности);

на -*аз* (Гэбаз, Уаз, Чуаз, Чалмаз, Багэаз, Тхэаз);

на -*ыл* (Таркбыл, Шьакрыл, Хмаил);

на *-ал* (Адыынцбал, Чаабал, Ванбал, Хэырхэмал, Кыасал, Кыркыапал);

на *-цэ* (Лащыцэ, Нагэыцэ, Хакэыцэ-аа, Цшицэ-ба);

на *-ац* (Абгац, Амкэац, Гэац, Транц, Тгэац);

на *-ч* (Агач, Кчач, Амкэач, Таскэач, Кэнач, Гьеч (Гьач), Кяч (Къач), Реч, Клыч; по-видимому, к этому же ряду относятся Ач-ба, Чач-ба, Шэа-ча, Цых-ча, Уана-ча, Пынца-ча, Асабы-ча и др.);

на *-за* (Ашза, Кинза, Амчза, Агырза, Килза), где «дз» – з имеет обобщенно-множественное значение (ср. зынза – «весь», «все», «целиком») и имеет свои определенные параллели в адыгских языках» [74, 183, 184].

3. Древнеабхазские фамилии с окончаниями на *ба, па, уа* в грузинской антропонимии

Как уже было сказано, в раннегрузинских письменных источниках (IX–XIII вв.) упоминаются лишь родовые имена известных тогда абхазских политических и военных деятелей, без каких-либо ныне известных абхазских фамильных окончаний. Однако эти родовые имена сопровождаются западногрузинским словом *дзе* «сын»: *Чача-с-дзе*, *Маруш-ис-дзе*, *Варадан-ис-дзе*, *Арт-ис-дзе* и т. д. Если исходить из грузинской традиции – переводить в тексте все, что переводится на грузинский язык – то не исключено, что груз. *дзе* может быть переводом абхаз. – *ңа* «сын»: *Чач-и-ңа* – *Чача-с-дзе*, (срав. Чач-ба с назв. села в Картли – Чачуб-ети [366, 342]), *Марышь-и-ңа* – *Маруш-ис-дзе*, *Феардан-и-ңа* – *Вардан-ис-дзе* и т. д. На это указывает, на наш взгляд, и заключение академика С. Н. Джанашия о том, что абхазские князя *Гиачба* // *Гечба* (или *Киачба*) прибыли в Картли в качестве колонизаторов в период Абхазского царства. Здесь, в грузинской среде, абхазское окончание фамилии *Гиач-и-ңа* // *Гиач-ба* // *Геч-ба* – *па, ба* «сын» было осложнено грузинским окончанием *дзе*, что также означает «сын». В целом же абхаз. *Гиач-ба* // *Гечба* было переименовано в Каджипа-дзе и Качиба-дзе [429, 476]. Далее С. Н. Джанашия пишет: «Думается, что в те же времена на самом северном пункте дороги, соединяющей Западную Грузию с Восточной, обосновались Анчабадзе, фамилия которых по своему происхождению и последующей истории («ба» + «дзе») представляет собой полную аналогию фамилии Качибадзе». От фамилии Анчабадзе (Ачба) произошло название местности Ачабети, от ко-

торой, в свою очередь, образовалась новая фамилия – Мачабели, представители которой впоследствии также составляли известный в феодальной Грузии тавадский род» [429, 478].

Число подобных примеров, как отмечает З. В. Анчабадзе, можно было бы значительно умножить (Гонглибаисдзе, Апхазы и др.): они свидетельствуют о том, что многие абхазы по происхождению, как в эпоху Абхазского царства, так и впоследствии, влились в грузинскую народность [19, 156].

На наш взгляд, в грузинской форме абхазской княжеской фамилии *Ач-ба – Анчаба-дзе // Анчати-дзе* – «н» – является наращением, то же самое и в грузинской форме абхаз. *Чач-ба – Чанчиба-дзе* (срав. абхаз. *хага* – в мегр. *ханга* «сумасшедший», абхаз. р. Егры – «Енгури» и т. д.).

Вместе с тем представляется, что фамилия Мачабели по своему происхождению может быть не связанной с родом *Ачба // Анчабадзе*. Скорее всего, Мачабели восходит к родовому имени абхазских феодалов *Мач (Мача)*, во мн. ч. *Мачаа, Мачар*, абхаз. *Мачараа*, фамильная форма *Мачаба* – отсюда груз. *Мачаба-ели*. К вышеназванным и другим абхазским родам восходят многие известные впоследствии грузинские фамилии. Так, например, как отмечает С. Н. Джанашия, от собственного имени абхазского феодала *Барата Качибасдзе* появляется фамилия *Бараташвили*. Последние становятся крупными феодалами – владельцами Орбет – Самшвилде, присоединив «Саорбелиано» к «Сабараташвили» [429, 476; 366, 341]. Вслед за С. Н. Джанашия грузинский историк Д. В. Гвретишвили утверждает, что предки князей Бараташвили прибыли в Картли из Абхазии в X–XIII вв. и они носили фамилию Качибадзе. Он же, ссылаясь на Вахушти, говорит, что «...Бараташвили владели Гачианским и Гардабанским эриставствами, к югу от Тбилиси вплоть до Лори-Пановари» [511, 77]. Автор также дает следующие исторические сведения о грузинских фамилиях, восходящих к роду *Гечба – Качибадзе – Бараташвили*.

1. Госташабишвили. Представители этой фамилии произошли в первой половине XVI в. от Госташаба Бараташвили, владение которого было расположено в Алгетском ущелье.

2. Германозишвили. Их родоначальником являлся Германоз Кавтарович Бараташвили. Его сатавадо сложилось также в первой половине XVI в. на территории Алгетского ущелья.

3. Зурабишвили. Сатавадо Сазарбишвило сложилось в XVI в. в Дманисском ущелье. Основателем его был воевода Зураб Бараташвили.

4. Абашишвили. Генеология этой фамилии, по данным Ф. Жордания, начинается с XIV в.

5. Палаванхосрошвили. Данная фамилия выделялась из рода Бараташвили и упоминается с XVII в.

6. Кавтаришвили. Впервые упоминается в документах XVII в.

7. Иаралишвили. Также происходит от Бараташвили. В 1721 г. за ними числились крепостные крестьяне в 19 селах.

8. Иотамишвили. Происходят от Иотамы Бараташвили. Их феодальное владение образовалось в 1536 г., когда Иотам отделился от своего Орбела. На территории сатавадо находилось до 80 сел.

9. Капланишвили. Феодальное владение этой фамилии возникло в 1536 г. [511, 77; 512, 207–208].

Примеров абхазо-грузинских антропонимических связей довольно много. Свидетельством этому является предлагаемый ниже словарь абхазо-абазинских родовых и фамильных имен и связанных с ними грузинских фамилий.

4. Словарь абхазо-абазинских родовых и фамильных имен, преобразованных в формы грузинских фамилий

Абаза – экзотоним, иноязычная форма обозначения абхазо-абазинского этнического мира: у абазин *Абаза* также фамилия [425, 251, 254] что, похоже, из адыг. *Абаза* «абхазо-абазины» [204, 118]. Под этническим именем *Абаза* – *Абаза-с-дзе* в IX–X вв. в Восточной Грузии сформировался сильный абхазский феодальный род [507, 211–217; 76; 56] (смотри выше).

Абазасдзе – см. *Абаза*.

Абакели, Абакелия – см. *Аҧагъаа, Аҧагъиаа, Аҧакъиаа...*

Абат (шапсуг.), абхаз. **Абаҭаа** [74, 289], абаз. **Абыҭа** [425, 255] – дворянский род; от основы имени *Абат* – **Бат** – груз. *Батиа-швили* // *Патиа-швили*, от абаз. **Абыҭа** – груз. *Абути-дзе*.

Абаш (Абашь), **Абашаа** (Абашьяа) [74, 218, 240] – мегр. *Абашия*, груз. *Абаш-дзе, Абаш-швили* (см. *Гиач, Геч, Гиачба*).

Абашидзе, Абашия – см. *Абашь, Абашьяа*.

Абашишвили – см. *Абаш; Гиач, Геч, ... Гиачба* // *Гечба*.

Абдаа, Абдиа, Абыдба [74, 289] – груз. *Абдиа-швили*.

Абдаладзе – см. *Абдлаа*.

Абдиашвили – см. *Абдиа*, *Абдаа*, *Абыдба*.

Абдлаа [74, 246] – груз. *Абдала-дзе*.

Абесалашвили – см. *Абысал*.

Абрас (срав. *Абрас-кил*), **Барас** (абхаз.) [74, 289, 297] – груз. *Апрас-и-дзе*.

Абугу, **Абыгу**, **Абук**, **Абук-ипа**, **Абугба**, **Абухба**, **Бугба** (абхазо-абаз.) [74, 92, 221, 223, 225; 425, 256] – мегр. *Букиа*, груз. *Абукашвили*.

Абукашвили, **Букия** – см. *Абугу*, *Абыгу*.

Абуладзе – см. *Аубла*, *Аублаа*.

Абутидзе – см. *Абат*, *Абатџаа*, *Абыта*.

Абхазава // **Апхазава** – грузинское именование абхазов, одна из самых распространенных фамилий в Грузии. Фиксируется впервые в грузинских источниках начала XVII в. [76, 60]. Фамилия происходит от груз. *апхази*, мегр. *апхаза* «абхазы», от абхаз. *Апхазаа* → грузино-мегр. *Апхазава* // *Абхазаа*. Вместе с тем фамильная основа *апхази* в Грузии известна также и в качестве княжеской фамилии *Абхази*. Происхождение последней выводится от одной из ветвей владетельных князей Абхазии *Чачба* – *Шервашидзе*, поселившихся в Кахетии в начале XVII в. От экзотонима *апхази* происходят также и такие грузинские фамилии, как: *Абхаза-ури*, *Абхази-швили*, *Абха-дзе* // *Апха-дзе* (похоже, из *Апхаза-дзе*), *Абхаи-дзе* // *Апхаи-дзе* [74, 269].

Абхадзе // **Апхадзе** – см. *Абхазава* // *Апхазава*.

Абхазаури – см. *Абхазава* // *Апхазава*.

Абхандзе // **Апхандзе** – см. *Абхазава* // *Апхазава*.

Абхази // **Апхази** – см. *Абхазава* // *Апхазава*.

Абхазишвили – см. *Абхазава* // *Апхазава*.

Абшиладзе – см. *Апсил*, *Апишл*.

Абысал (абаз.) [425, 255] – мегр. (?), груз. *Абесала-швили*.

Агигаа (абхаз.) [74, 223], [74, 222] – мегр. *Гигава*, груз. *Гига-швили*.

Агсабадзе – см. *Агуса*, *Агусаба*.

Агуса, **Агусаба** → **Агуасба** (абхаз.) [74, 290] – груз. *Агсаба-дзе*.

Адеишвили, **Атеишвили** – см. *Аџеи*, *Аџеиаа*, *Аџеиба*.

Айба, **Ейба** – абазинская форма мн. ч. *Ейбраа* – древнее абхазо-абазинское сообщество (в Абхазии – местность и святилище

Ебрныха, букв. «святилище Еибовых»), от абхазо-абаз. *Еибраа* – груз. *Ебра-ели* → *Ебрали-дзе*.

Аимхаа, Емхаа, форма мн. ч. **Аимхээр** – абхазский княжеский род; от абхаз. *Аимхээр* – мегрело-грузинское *Емухвари*.

Ак, Акаа, Акаба [74, 226, 291] – распространенная абхазо-абазинская фамилия; мегр. *Каба-иа* [366, 377], *Акобия* (?) [74, 260, 291], груз. *Акаба-дзе, Каба-дзе*.

Акабадзе – см. *Ак, Акаа, Акаба*.

Акаладзе – см. *Кал, Калаа, Кал-ипа, Акал-ипа*.

Акауа // Акоюба, Акауа, Кауа [425, 262] – абхазо-абазинская фамилия; от фамильной основы *Кауа* – мегр. *Кауа-иа* [74, 220] – груз. *Кава-дзе*; от абхаз. фамилии *Акоюба* – мегр. *Акоби-я*, груз. *Акоби-дзе*.

Акобидзе – см. *Акауа // Акоюба...*

Акобия – см. *Ак, Акаа, Акаба; Акоюба*.

Алавидзе – см. *Лау, Лоу, Алоу*.

Амаан // Маан – имя известного абхазского княжеско – дворянского рода; в мегр. *Марган-ия*, в груз. *Амане-ли, Аманели-сдзе* (XII в.) [199, 89], *Маргана-дзе, Маргани-дзе* (см. статью *Марышь*).

Аманели – см. *Амаан, Марышь*.

Аманелисдзе – см. *Амаан, Марышь*.

Ан, Ануа, Анруа (абхаз.) [74, 224, 293] – груз. *Ануа-швили*.

Ананаа – абхаз. родовое имя; в мегр. *Нанава*, в груз. *Ананейшвили* (срав. крепость *Анан-ура* в Арагвском ущелье в Грузии).

Ананейшвили – см. *Ананаа*.

Анда – абхазское родовое имя, во мн. ч. – **Анда-р**, Андараа «Андаровы», от *Андар* – абхаз. *Андар-ба, Андарб-уа* «Андарбовы» [74, 260]; мегр. *Андриба-ва*, груз. *Андриа-дзе*.

Антриадзе, Андрибава – см. *Анда, Андар, Андарбуа*.

Антадзе, Антия – см. *Ант, Антеиаа*.

Ант, Антеиаа, Антеиба (абхаз.) – (срав. с именем племени *Анты* в Северном Причерноморье); мегр. *Антиа, Антелава* (?), груз. *Анта-дзе*.

Ануашвили – см. *Ан, Ануа*.

Анчабадзе, Анчапидзе, Анчпадзе – см. *Ач*.

Апагъаа, Апагъиаа, Апакъиаа, Апагъа-ипа – (абхаз. *Аҭагъа // ҭагъа* «гордый»); древний абхазский княжеско-дворянский род (в Абхазии вымерли) – мегр. *Апакиа*, груз. *Апаки-дзе*;

возможно также из абхаз. *Аҟагъа* – груз. *Абак-ели* – отсюда и мегр. – *Абакел-ия*.

Апакидзе, Апакиа – см. *Аҟагъаа, Аҟагъиаа, Аҟакъиаа*.

Апрасидзе – см. *Абрас*.

Апса, во мн. ч. – **апсаа, апсакэа, апсацэа, апсар** – древние формы самоназвания абхазов. Форма *Апса* бытует и в качестве фамилии у абазин [425, 264]. От абхаз. *Апсаа* – мегр. *Абсава* // *Аҟсава*, груз. *Аҟсан-дзе* // *Абсан-дзе*, где «н» – наращение (срав. Чачба – *Чанчиба-дзе, Ачба* – *Анчаба-дзе* и т. д.). От эндоэтнонима *апсуа* – груз. *Апсуа-ипа*, букв. «сын абхаза», «Абхазов» [74, 269].

Апсандзе // **Абсандзе** – см. *Апса*.

Апсил, апшил – древние иноязычные формы обозначения абхазов (см. выше), абхаз. *Апишлаа* (Ацшьлаа) – мегр. *Апишилава* [74, 269, 293] (письменно зафиксировано около 1600 г. [513, 123]; груз. *Абшила-дзе, Апишила-швили*.

Апсуа-ипа – см. *Апса*.

Апишилава – см. *Апсил*.

Апишладзе – см. *Апсил*.

Апишлавшили, Апишилава – см. *Апсил, апишл*.

Ар [74, 293], **Ара** [204, 124], **Арба, Араа** (срав. *Ар-т, Ар-д* – основа абхазо-садзской княжеской фамилии *Арт-ба, Ард-ба, Аред-ба*). Похоже, от абхаз. *Арба* – груз. *Арбе-ли, Орбе-ли, Арби-дзе*; из груз. фамилии *Орбели* – *Орбел-иани*.

Арашидзе, Арешидзе – см. *Ариш, Арыш, Аришба*.

Арбели – см. *Ар, Ара, Арба*; см. также – *Арт, Ард*.

Арбидзе – см. *Ар, Ара, Арба*, см. также – *Арт, Ард*.

Арда, Ардауа, адыг. **Ардава** [204, 124] (срав. садз. *Аред* – *Аред-ба, Арыд* – *Арыд-ба* [74, 142]; от абхаз. *Ардауа, Ардауаа* – груз. *Ардава-дзе*.

Ардавадзе – см. *Арда, Ардауаа*.

Арешисдзе – см. *Ариш, Арыш, Аришба*.

Арихуа (Арихэа), Архуа [74, 244] (срав. гора *Архэа* – в Гуд. р-не.) [93, 287]); мн. ч. **Арыхуаа**, абхазо-абаз. **Рихуа, Рыхуа, Рых-ва** [74, 320; 425, 362] – мегр. *Риха-я, Арухава*, груз. *Архва-дзе, Архуа-дзе*; от формы *Рыху* – груз. *Руха-дзе*.

Арт (Арт), Ард, Артба, Ардба [74, 208, 218, 294] – абхазо-садзский княжеский род; срав. груз. *Орбе-ли*, сван. *Орбе-л-иани* (возможно, из абхаз. *Артба* – груз. *Орт-бели* → *Орб-ели*, срав.

также груз. *Артмела-дзе* из *Артбела-дзе* ?); в абхазском – уже из груз. *Ортбели* (*Орбели*) – *Ардебел-аа*, мегр. *Ардебела-ва*.

Артбеладзе, Артмеладзе – см. *Арт, Ард*.

Арухадзе, Архуадзе – см. *Арихуа, Архуа*.

Архвадзе – см. *Арихуа, Архуа*.

Арчавадзе, Арчвадзе, Арчевадзе – см. *Арчаа, Арчы*.

Арчава, Арчая – см. *Арчаа, Арчы*.

Арчаа, Арчы, Арчуа (срав. *Орч-уа, Орчы-ку-ба*) – абхазский дворянский род; от абхаз. *Арчаа* – мегр. *Арча-я, от Арчуа, Арчва-я* – груз. *Арчва-дзе, Арчава-дзе, Арчева-дзе*.

Арш, Арыш, Аршба [74, 254, 294] – древний абхазо-садзский род; мегр. *Аришба-я*, груз. *Арешис-дзе* – зафиксировано еще в X в. как *Ариш-ис-дзе* [497, 35], *Аришиш-дзе, Арешиш-дзе, Арашиш-дзе*, в сван. *Арыш-иани* – знатный род; согласно письменному источнику, два брата *Хахуа* и *Иване Аришисдзе*, владевшие в Кахетии крепостями *Лоцобанта* (влад. Иване) и *Марана* (влад. Хахуа) за неповиновение царю Георгию были захвачены и наказаны. *Хахуа Аришисдзе* царь отправил в Джигетию [497, 35], т. е. на родину, в Северо-Западную Абхазию.

Аришисдзе – см. *Ариш, Арыш, Аришба*.

Аришиани – см. *Ариш, Арыш, Аришба*.

Асаба, Асабуа, Саба, Сабуа (абхаз.) [74, 248, 321], адыг. **Сабан** [204, 287] – мегр. *Сабуа*; от абхаз. *Асабуа* – груз. *Асабуа-швили*, от формы *Асаба* – *Асаба-швили*.

Асабуашвили, Асабашвили – см. *Асаба, Асабуа, Сабуа*.

Асанбадзе – см. *Сан // Цан, ... Ацанба*.

Асанидзе – см. *Сан // Цан, Цанаа, Ацан...*

Асыкутар, Асыкутараа – см. *Цкит, Цкуит, ... Сыкутар*.

Атеи (Атеи), Атеиаа, Атеи-ба «Атеевы» (абхаз.) [74, 219, 246, 251] – мегр. *Антиа* (?), груз. *Атеи-швили, Адеи-швили*.

Аха, Ахаа, Ахба, Ах(а)ба (абхаз.) [74, 295] – мегр. *Ахбая* [74, 260], груз. *Ахаба-дзе*.

Аубла, Аублаа – первейший княжеский род в садзской Абхазии. От абхазского *Аублаа* – мегр. *Убилава*, груз. *Абула-дзе*.

Ахабадзе, Ахбая – см. *Аха, Ахаа, Ахба*.

Ахавадзе – см. *Хау, Хоу, Ахоуаа*.

Ахобадзе, Ахобая – см. *Ахуаа, Ахуба*.

Ахоуаа, Хуаа (Хэаа) – (абхаз.) [425, 268; 74, 326] – груз. *Ахуа-швили*.

Ахуаа (Ахэаа), Ахуба (Ахэба) [74, 295] – мегр. *Ахоба-я*, груз. *Ахоба-дзе* [74, 269].

Ахуашвили – см. *Ахоуа, Хуаа*.

Ач – имя древнейшего абхазского княжеского рода. В исторической Северо-Западной Абхазии этому же имени соответствовала форма *Аш* [35, 10]. Существует мнение о том, что родовое имя *Ач* со временем приобрело и значение «князь», отсюда фамилия *Чач* (*Чач-ба*) – из *Ачиач* «князь князей» или «над князем князь» [19, 195]. Имеется также предположение о происхождении династии абхазских царей Леонидов из рода *Ач*, *Ачба*, [18, 208; 365, 547]. В мн. ч. *Ач* – *Ачаа*, *Аш* – *Ашаа*, именные формы – *Ачба* «*Ачов*», *Ашба* «*Ашов*». Фамилия абхазских князей *Ачба* зафиксировано в Восточной Грузии в названии района *Ачаб-ети*, а в грузинских письменных источниках абхаз. *Ачба* фигурирует как *Анчпа-дзе*, *Анчати-дзе*, *Анчаба-дзе* [429, 478; 199, 137; 366, 320, 341] – мегр. *Анчба-я*, *Анчбе-иа* [366, 393]. В грузинских и мегрельских формах «н», похоже, наращение, срав. абхаз. *Ачба* – в мегр. *А(н)чба*, в груз. *А(н)чпа-дзе*, *А(н)чаба-дзе*; абхаз. *Чачба* – в груз. *Ча(н)чиба-дзе* (об этом см. выше). Считается, что из князей *Ачба* происходит известный княжеский род *Лау*, *Лоу* [74, 148] – (см. ст. *Лау*), а также и род *Мачабели* [19, 156].

Ачба – см. *Ач*.

Ачуа [74, 219, 296; 424, 269], **Чуа, Чыуа, Чуаз** – абхазо-садзский дворянский род [74, 331] – мегр. *Чаава* (?), груз. *Ачуа-дзе*.

Ачуадзе – см. *Ачуа, Чуа*.

Баалоу [74, 231, 297] – абхазо-абазинский дворянский род: мегр. *Балоу* [366, 398], груз. *Балава-дзе*, *Балова-дзе*.

Бабал [74, 222], **Бабил** (абхаз.) [495, 248], садз. **Бабалия, Баблиа, Баблуа**; исходная форма основы – *Бабил* (срав. *Цабал* – *Цибил*) – абхазский дворянский род [366, 411], от мн. ч. *Бабилаа* – мегр. *Бабила-ва*, груз. *Бабила-швили*; от формы *Бабилуа* – сван. *Баблуа-ни*; от садз. *Баблиа* – груз. *Бабли-дзе*; от формы *Бабал* – *Бабали-швили*.

Бабилашвили – см. *Бабал*.

Бабана [74, 225] – груз. *Бабанишвили*.

Бабанишвили – см. *Бабана*.

Бабилава – см. *Бабал, Бабил*.

Бабилашвили – см. *Бабал, Бабил*.

Баблидзе – см. *Бабал, Бабил*.

Баблуани – см. *Бабал, Бабил*.

Бабоко, Бабыгу, Бабыку (Бабыку) – (абхаз.) [425, 271] – мегр. *Букия, Бабук-иа*, груз. *Бабука-швили*.

Бабоу (абхаз. личное имя) [74, 94] – фамилия **Бабыуа, Бабыуаа**; мегр. форма – *Бобуа*, груз. *Бобуа-дзе*.

Бабукашвили – см. *Бабоко, Бабыгу*.

Бабуташвили – см. *Бабыт*.

Бабутидзе – см. *Бабыт*.

Бабуцидзе – см. *Бабыца*.

Бабыт (абаз.) [425, 271] – груз. *Бабути-дзе, Бабута-швили*.

Бабыца (абаз, адыг.) [204, 127] – груз. *Бабуци-дзе*.

Баг, Цаг, Баг-ба, Бах (Баг), Бах-ба (Баг-ба), Багаа, Баграа «Баговы // Паговы» – абхазо-абазинский княжеско-дворянский род [74, 165, 244, 247; 425, 272; см. гл. VIII, § 5], адыг. *Бага, Бахо* [204, 127, 130] – мегр. *Цагава, Багба-я, Бахба-я (Багбаиа), Бахбава* [76, 40, 41], груз. *Баги-швили*.

Багбая, Бахбая, Бахбава – см. *Баг, Багба*.

Багваши // Багаш – абхазо-абазинский княжеский род. Связывают его с княжеским родом *Баг (Багаа, Баграа – Багба)* [425, 272, 273; 37, 89; 501, 30]. Согласно древнегрузинским письменным источникам *Багваши* – крупные феодалы и политические деятели Абхазского царства IX–X вв. Как уже отмечено, в IX в. один из Багвашей – *Липарит* пробил проход в отроге Триалетского хребта и соединил свое владение кратким путем с Картли, он же над пробитой скалой построил крепость. Данная крепость и проход получили у грузин название *Клде-Кари* «дверь в скале» – отсюда грузинское название владения Липарита – *Клде-Карское эриставство* [497, 72; 19, 124]. В этой связи представляет значительный интерес этимология *Багваши* (срав. с. *Пакваши* в Абхазии) из абхаз. *Баагваши (Бааггашә)*, букв. «крепостные ворота» или «ворота крепости», где *ба (баа)* «крепость» и *гуаши (ггашә)* «ворота» (возможно также – «ворота Багов», см. выше). От абхазского *Баагваши (Бааггашә)* полное имя Липарита – *Липарит Баагваши* «Липарит Крепостные Ворота». От имени же сына *Липарита Баагваши* – *Липарит* образована груз. фамилия *Липарити-с-дзе* [497, 48], а от имени сына этого Липарита – *Рати Багваши* – абхазо-мегр. *Рат-иа*, груз. *Рати-швили*.

Багишвили – см. *Баг, Багба*.

Багу, Багуа, Багуаа, Бугба, Быгу (абхазо-абаз.) [74, 191, 297] – груз. *Багу-швили, Бугу-швили*.

Багушвили, Бугушвили – см. *Багу, Багуа, Быгу*.

Баж (Бажэ), Бажаа (Бажэаа) [425, 274], **Бажа** (абхазо-абаз.) [204, 127] – груз. *Бажа-дзе, Божэ-дзе*.

Баз, База, (Бадза, База) [425, 274] – груз. *База-дзе*.

Базадзе – см. *Баз, База*.

Бала [425, 275], **Балуа, Блуаа** – абхазо-абазинский дворянский род; адыг. *Балук (Балоко, Балыкэ)* – мегр. *Бала* [74, 262]; от формы мн. ч. *Блуаа* – груз. *Блуа-швили*, от абхазо-адыгского *Балыку* (Балыкэ) – груз. *Балуква-дзе*.

Балавадзе // Баловадзе – см. *Баалоу*.

Балуквадзе // Болуквадзе – см. *Бала*.

Барака (Барака), Баракаи (Баракаи) – абазинское сообщество [425, 277, 278] – груз. *Барака-дзе*.

Баракадзе – см. *Барака, Баракаи*.

Бараташвили – см. *Гиач, Геч...Гиачба // Гечба...Киач*.

Бардзанидзе, Бардзания – см. *Бардзы, Бардзаа*.

Бардзы (Барзы), Бардзаа, Бырдзы, Абар-дзуаа [74, 219, 224, 299], **Бардз-ба, Бырдз-ба** [74, 225], **Бардзан** (абхазо-садз.) – мегр. *Бардзан-ия*, груз. *Бардзани-дзе*, см. выше *Марышь*.

Басил (срав. *апсили*, область *Басил-ети* в Грузии), **Басилба, Басилба-й, Башилба-й** – одно из абазинских сообществ [42, 10] – мегр. *Басил-ая*, груз. *Басила-швили*.

Басиладшвили – см. *Басил, Басилба*.

Батишвили – см. *Абат, Абатаа, Абыта*.

Бер [204, 133] (*Бер*, срав. *Бер-дз*); *Бер* – абхазский полководец X в. [74, 53], форма мн. ч. – *Бераа*; мегр. *Берая, Бери-я*, груз. *Бера-дзе, Бери-дзе*.

Берадзе, Беридзе – см. *Бер*.

Берая, Берия – см. *Бер*.

Бирдж [167, 21], **Бырдж** (Быръц), **Бырч**; от *Бырч* – *Бырч-ыл, Бырч-ил*, (срав. от *Апса* – *Апс-ил, Шаш* – *Шаш-ил* и т. д.) – абхазо-садзский дворянский род [498, 21; 94, 137]; от абхаз. *Бырчыл* – груз. *Бурчула-дзе*.

Блуашвили – см. *Бала*.

Бобуадзе, Бобуа – см. *Бабоу*.

Буаа [74, 254, 299], садз. форма мн. ч. **Буадз** (*Буаз*) – мегр. *Буава*, груз. *Буа-дзе*; от садз. *Буадз* – груз. *Буачи-дзе*.

Буава – см. *Буаа*.

Буадзе – см. *Буаа*.

Буачидзе – см. *Буаа*.

Бугушвили – см. *Багу*, *Багуа*, *Быгу*.

Бурчуладзе – см. *Бирджь*, *Бырдж*, *Бырч*, *Бырчыл*.

Вардан, абхаз. **Վարдан**, **Уардан**, **Авардан**, **Վарданаа** «Варданиевы», **Վарданжэлар** «сообщество Варданов» – один из древних абхазо-убыхских дворянско-княжеских родов. В Мегрелии представители данного рода именуются – *Вардан-иа*, в грузинских источниках фиксируются как *Вардани-с-дзе* (XII в.), *Вардани-дзе*, *Вардани-швили*. Варданы считаются ответвлением от абхазского княжеского рода Маршьан [506, 108, 109; 74, 153–154] (о роде *Вардан* более подробно см. выше статью *Марышь*).

Вардан – см. *Вардан*, *Марышь*.

Варданисдзе – см. *Вардан*, *Мырышь*.

Варданишвили – см. *Вардан*, *Марышь*.

Вахвахишвили – см. *Вахох*, *Уахох*.

Вахох, **Уахох** – абхазский дворянский род [74, 168, 222] (срав. также абхаз. фам. *Хохаа*, *Хохба*). От абхаз. *Уахох* // *Вахох* – груз. княж. род – *Вахвахи-швили*.

Габа, абаз. **Габраа**, **Габри-ипа** [74, 300] – мегр. *Габрава*, груз. *Габа-дзе*.

Габадзе, **Габрава** – см. *Габа*, *Габраа*.

Гаг [496, 65, 74], **Гаги** [425, 281; 39, 149], **Гагиаа**, **Гагуа** «Гагиевы»; от абхазо-абазинского родового имени *Гаги* → *Гагита* → совр. *Гагида* – название реки и села в Галском районе [94, 140]; от абхаз. *Гаг* – абхазо-мегр. *Гагуа* [74, 267], от формы *Гаги* – груз. *Гаги-ла-дзе* (возможно, из *Гагил*; срав. *апс-ил*, *Шаш-ил*, *Анч-ил* и т. д.).

Гагиладзе – см. *Гаг*, *Гаги*...

Гагошидзе, **Гогошидзе** – см. *Гогуш*, *Гуагуш*.

Гагуа – см. *Гаг*, *Гаги*.

Гардапхадзе – знатная грузинская фамилия, производна от абхазской основы – *Гарда-пха*, где абхаз. окончание *пха* «дочь» [12, 42, 43; 74, 281, 282]; основа же *Гарда*, по-видимому, – древне-

абхазское родовое имя, сохраняющееся в названиях населенных пунктов Абхазии: *Гварда (Гуарда,) Гварда ахабла, Гварда авица* [93, 137, 140, 151].

Гванадзе – см. *Гуана*.

Гергадзе – см. *Гергя, Гьаргаа*.

Германозишвили – см. *Гиач, Геч ... Гиачба // Гечба...*

Гецадзе – см. *Гыц, Гыцаа*.

Гиач, Геч, Гечаа, Гиачба // Гечба – фонетические варианты: абхазо-абаз. **Қыач, Қиач, Киач** (в Абхазии – храм *Киач-ныха* «святыня Киачев»), **Киачуа, Киачаа, Качибая, Кечба** [74, 310] – древний княжеский род садзских владетелей. На основании различных источников акад. С. Н. Джанашия устанавливает происхождение от абхазо-абаз. *Качиба* – груз. *Каджипа-с-дзе, Качиба-с-дзе*, мегр. *Качиба-я* (известно также в мегр. *Кеч-уа*, а в груз. *Киач-ели* – фамилия и псевдоним). Переход представителей рода *Качиба* в Картлию С. Н. Джанашия относит к периоду абхазской колонизации Восточной Грузии. В начале XV в. от них же, в частности от *Барата Качиба* или *Качиба-дзе*, появляется в Картли фамилия крупных феодалов – *Бараташвили* [429, 476, 480–481]. К роду последних, как отмечает Д. В. Гврителишвили, относятся носители фамилий: *Госташабишвили, Германозишвили, Зурабишвили, Абашишвили, Палаванхосрошвили, Кавтаришвили, Иаралишвили, Иотамишвили, Капланишвили* (см. выше).

Гигаа (Гьигаа), Агигаа (Агьигаа) (абхаз.) [74, 22, 223] – мегр. *Гигава*, груз. *Гига-швили, Гига-ури*.

Гигаури – см. *Гигаа*.

Гигашвили, Гигава – см. *Гигаа, Агигаа*.

Гогуадзе, Гогушвили – см. *Гуагу, Гуагуа*.

Гогуш, Гуагуш (Гэагэышь) – абаз. [425, 283], адыг. **Гогуш** [204, 139] – груз. *Гагоши-дзе, Гогоши-дзе*.

Гонглибасдзе – из абхаз. *Гонглиба // Гонглипа* [19, 156].

Госташабишвили – см. *Гиач, Геч ... Гачба // Гечба*.

Готуадзе – см. *Кота, Котуа // Кодуа*.

Гочава – см. *Гуч, Гуча...*

Гуагу (абаз.), абхаз. **Гуагуа, Гуагуа (Гэогэуа)** – мегр. *Гогуа*, груз. *Гогу-швили, Гогуа-дзе*.

Гуана «Гонов» – абаз. [425, 283] (срав. абхаз. *Гунаа, Гунба*) – мегр. *Гона-ва (?)*, груз. *Гвана-дзе*.

Губаа – абхазское родовое имя, закрепленное в абхазском названии Красной поляны – *Губаадвы*, букв. «Губааское поле» или «Поле (равнина) Губааовых». От родового имени *Губаа* производны фамильные формы *Губаз*, *Губза*, восходящие к садзской форме мн. ч. *Губдзы*, а в абхазском – *Губаз* (срав. с родовым именем лазских царей *Губаз I*, *Губаз II*). От абхазо-абазинского родового имени *Губаа* образована грузинская фамильная форма *Губа-дзе* [12, 57; 513, 122; 514, 54, 55].

Губадзе – см. *Губаа*.

Губла (срав. *Ѓыблa*, *Аубла*) // **Хубла**, **Хублаа** (срав. *Ѓыблaа*, совр. *Гублиаа*). От абхаз. *Хублаа* (Ѓыблaа) – мегр. *Хубула-ва*, груз. *Хубула-дзе*, возможно и *Кубла-швили*.

Гуда, **Гуыда**, **Гудаа** (возможно, из *Гудза*, *Гудзаа*) «Гудовы» – абхазо-абазинское дворянское родовое имя, оно же название села в Галском районе Абхазии [94, 153] – мегр. *Гудава*, груз. *Гудава-дзе*, *Гуда-дзе*.

Гудавадзе, **Гудадзе**, **Гудава** – см. *Гуда*, *Гудаа*.

Гули (адыг.) [204, 142] – абхаз. *Гулиа* (*Гэлиа*) [74, 302], мегр. *Гулиа*, груз. *Гулиа-швили*.

Гулиашвили – см. *Гули*, *Гулиа*.

Гум [425, 284], **Гумаа** (*Агумаа*), **Гумба**, абаз. **Гумбараа** «Гумбовы»; от абхаз. *Агумаа* – мегр. *Агумава*, [74, 262], от формы *Гумба* – груз. *Гумба-дзе*, от абаз. *Гумбараа* – *Гумбаридзе*.

Гумбадзе – см. *Гум*, *Гумаа*, *Гумба*.

Гумбаридзе – см. *Гум*, *Гумаа*, *Гумба*, *Гумбараа*.

Гуч [74, 98], **Гуча**, **Гучаа** [204, 142, 143], **Гучуа** // **Гочуа** // **Гучуа** [74, 301] – форма мн. ч. – **Гучааа**; от абхаз. *Гучааа* – мегр. *Гочава*, а также – *Гочуа* // *Гучуа*; от абхаз. *Гучуа* – груз. *Гучуа-швили*.

Гучуашвили – см. *Гуч*, *Гуча*, *Гучаа* // *Гочуа*.

Гыц, **Гыцаа**, **Гыцба** [74, 301] – мегр. *Гыцба-я* [74, 266], груз. *Геца-дзе* (?).

Гяргя (**Гьаргья**) [425, 288], **Гьаргаа** (**Гьаргьяа**) – мегр. *Герги-я*, *Герга-ва*, груз. *Герга-дзе*, *Герги-дзе*.

Дад, **Дада**, **Дад-ипа** – абхазо-адыгское личное и абхазское родовое имя [74, 99, 225; 204, 143], исторический абхазский княжеский род (срав. *Дадашь* [74, 27]), сохраняется в названии большого села в Гудаутском районе *Дадрытш* // *Дыдрытшь*, букв. «край Дадовых (Дыдовых)» – отсюда название известного святилища села – *Да-*

дрыпи ныха // *Дыдрыпи-ныха* – «Дадрыпшская (Дыдрыпшская) святиныя». Вместе с тем у абхазов *дад* является почтительным словом. Этим словом или его формой мн. ч. – *дадраа* абхазы обращаются к старейшинам на народных собраниях [74, 197], а именем *дадаҳ* в прошлом выделялся глава семьи. Похоже, что от абхаз. *дад* происходит титульное имя абхазских владельцев Мегрелии – *Дадриан* (усеченно *Адиан*), мегр. *Дадияни* (об этом см. выше). О том, что *Дадияни* не фамилия, а титул, отмечено рядом исследователей (Вахушти Багратиони, М. Броссе, З. Анчабадзе [19, 195] и др.). Свидетельством этого являются часто встречающиеся у Вахушти такие выражения, как: «Дадрианом сел брат его Мамия» [4, 237]; «учинить его же дадианом» [4, 238]; «Посадил дадианом Липарита» [4, 238] и т. д. Вахушти считал, что титул *дадияни* происходит от названия местности и крепости *Дад* в верховье р. *Дад* (отсюда *Дад-иани*), букв. «Дадский». – В. К.). Крепость Дад, по мнению М. Броссе, локализовалась на территории современного Галского р-на в Абхазии. Далее М. Броссе пишет: «Я всегда разделял мнение, что титул князей *Дадияни* связан именно с этим *Дад*» [74, 197]. Таким образом, если видеть в именной форме *Дадияни* абхазское родовое и топонимное имя *Дад* и сванское окончание – *иани*, то, как уже было сказано, *Дадияни* будет означать «Дадский» или «родом из Дадов». Вместе с тем, возможно, *Дадриан* из *Дад-хан*, где *хан* – тюрк. «правитель», «владелец» (см. статью *Марышь*). По-видимому, это подтверждается уже упомянутым титулом Левана Дадияни (первая половина XVII в.), звучавшим на языке *Дадрианов* – «*Дадриан Хантпа Леонт*» [61, 243], что есть абхаз. «*Дадриан Ханду-ипа Леонт*», букв. «*Дадриан сын великого хана Леонт*»). К тому же, как уже было сказано, Дадияни считают себе выходцами из корня абхазских князей Маршан [506, 108 – 109; 74, 153–154].

Дадашь, Дадышь – абхазо-адыгское личное и родовое имя [74, 27; 204, 143, 74, 98] (срав. *Таташь* – абхазское престижное мужское имя). От именной основы *Дадышь*, по-видимому, производна сванская княжеская фамилия – *Дадишкел-иани*, что, возможно, из *Дадышь-кул-иани*, где *Дадышь* – родовое имя, *кел* // *кил* – из арабo-тюркского *кул*, *кули* «Божий раб» – добавление к именам святых, срав. *Марышан* – *Марышанкул*, *Меремкул*, и. т. д. [204, 224].

Дадриан, Дадияни – см. *Дад*, *Дада...*; *Марышь*.

Дадишкелнани – см. *Дадашь, Дадышь*.

Дараха (адыг.) [204, 122], абхазо-абаз. **Дарахуа, Дарахуаа** – груз. *Дарахв-ели, Дарахвели-дзе*.

Дарахвели, Дарахвелидзе – см. *Дараха, Дарахуа, Дарахуаа*.

Дгебадзе – см. *Дгеиба*.

Дгебуадзе – см. *Дгеиба*.

Дгеиба – абхазская фамилия, по-видимому, бытовавшая и как *Дгеибуа*, ныне у абхазов и мегрелов сохраняется в форме *Дгеиба*, в груз. *Дгеба-дзе*, а от *Дгеибуа* – *Дгебуа-дзе*.

Делы, Делаа, Делба [74, 304], адыг. **Дол** [204, 145] – мегр. *Долба-я*, от абхаз. *Делба, Долба* – мегр. *Долба-я*, груз. *Долба-дзе* [74, 260], от основы *Дол* – груз. *Доли-дзе*.

Джаа, Цъаа – абхазское родовое имя и село **Цъаа (Джаа)** в Цебельде [93, 350; 94, 284, 285]. От именной основы *Джаа* производны фамилии: *Джа-ба (Цъаба)* – отсюда *Джаб-уа, Джан-уа, Джаба-аа*. От той же основы *Джаа*, по-видимому, образованы абхазо-адыгское *Джахуа* и сван. *Джа-ианы*; от абхаз. *Джабуа (Цъабуа)* – мегр. *Джабуа*; от формы мн. ч. *Джабаа* – мегр. *Джабава*; от абхаз. *Джаба* – груз. *Джаб-ели*; от абхаз.-адыг. *Джахуа* – мегр. *Джаха-я*, груз. *Джа-ха-дзе, Джоха-дзе*.

Джабели, Джабуа, Джабава – см. *Джаа*.

Джамит (Цъамыт), Чамыт, Чамит, Чымыт, абхаз. форма мн. ч. **Джъамытаа (Цъамытаа) // Чамытаа** – абхазо-адыгское родовое имя, срав. р. *Чимит*, село *Чемитоквадж* [96, 236, 239] (на адыг. «село Чемитовых») в исторической Западной Абхазии; от абхаз. *Джъамытаа (Цъамытаа)* – мегр. фамилия *Джомида-ва* и от формы *Чымыт // Джымыт (Цъымыт)* – *Джумут-ия*.

Джахадзе, Джахая, Джахуа – см. *Джаа*.

Джибил (абхаз.-адыг.) [204, 148], срав. древнее *Дзибил, Цибил*, совр. село *Цабал* в Абхазии – груз. *Джибла-дзе*.

Джибладзе – см. *Джибил*.

Джынджал (Цъынцъал), Джынджалаа (Цъынцъалаа) «Джинджаловы» – (абхаз.) [74, 335]; мегр. – *Джсинджол-ия, Джинджила-ва, Джинджола-ва*, груз. *Джинджала-дзе*.

Джинджаладзе, Джинджолава – см. *Джынджал*.

Джинджарадзе – см. *Джынджи*.

Джинджи (Цъынцъы), Джындж-уа (Цъынцъуа), Джинджба (Цъынцъба) – (абхаз.); **Джинджараа «Джинджовы»** – абаз. [74,

243, 255, 335]; мегр. *Джинджи-я*, от абхаз. *Джинджба* – груз. *Дзиндзи-ба-дзе*, от абаз. *Джинджараа* – *Джинджара-дзе*. Сюда же фамилии *Джинджиха-дзе*, *Джинджиха-швили*, где в основе *Джинджиха* – древняя абхазская форма женской фамилии с окончанием на *ха* (из *пха*) «дочь» (см. выше).

Джомидава – см. *Джомит...*

Джумутия – см. *Джамит...*, *Чамыт*.

Дзиндзибадзе – см. *Джынды*.

Дзадз (Заз), Дзадза (Заза), Дзадз-уа (Зазуа), Дзадз-ба (Зазба) [74, 252, 307], мн. ч. – *Дзадзаа*, абаз. *Дзадзыра (Зазыра)* [425, 304]; мегр. – *Дзадз-уа (Зазуа)*, груз. *Дзадзуа-швили, Дзодзуа-швили*.

Дзадзуашвили, Дзодзуашвили – см. *Дзадз...*

Дзапш (Запшь), Дзапшаа, Дзапш-ба (Запшьаа, Запшьба) – мегр. *Запи-скуа*, груз. *Зепи-швили* [74, 263].

Дзари (Зари), Дздзари (Ззари), абхазо-адыг. *Дзе-р* [175, 209], абхаз. *Дзари-а (Зари-а) // Дзидзариа (Зизариа)* [74, 252] – мегр. *Дзидзариа*, от формы *Дзари* – груз. *Дзари-дзе*.

Дзаридзе – см. *Дзари*.

Дзыга (Зыга), Дзыгуа (Зыгуа) [425, 305], в адыг. *Дзаго* [204, 149] – мегр. *Дзигуа*, груз. *Заго-швили*.

Дидибадзе – см. *Дыд, Дыдба*.

Дидебашвили – см. *Дыд, Дадба*.

Долбадзе – см. *Делы, Делаа, Делба*.

Долидзе – см. *Делы, Делаа, Делба*.

Думаа, Дум-ба [74, 304] – мегр. *Дума-ва*, груз. *Думба-дзе* [74, 269, 304].

Думбадзе – см. *Думаа, Думба*.

Дыд – древнее абхазское личное и родовое имя [74, 37] (срав. *Дыдын* – букв. «Громовой», «Громов» [74, 28]), *Дыд-ба, Дыд-ипа* (срав. *Дад-ипа* [74, 225]) – мегр. *Дидия*, груз. *Дидиба-дзе, Дидеба-дзе, Дидеба-швили*.

Ебралидзе – см. *Айба, Ейба*.

Еджды (Еццы) – абхаз. личное имя, отсюда фамилия *Еджи-ипа (Еджиба)*, сохраняется у турецких абхазов; в Мегрелии – *Эджиба-я, Эджибия*, груз. *Эджиба-дзе*.

Еджибадзе // Эджибадзе – см. *Еджды*.

Еджибая // Эджибия – см. *Еджды*.

Емухвари – см. *Аимхаа, Емхаа*.

Енык, Еник, Еныкбаа [74, 305], адыг. **Енукой** [204, 152] – груз. *Енуки-дзе*.

Енукидзе – см. *Енык, Еник*.

Еш (Эш), Ешаа // Иашаа, Ешба // Иашба – абхазский дворянский род; мегр. – *Ешиба-я*, груз. *Иаш-вили* (из *Иаш-швили*), *Яшвили* (из *Яш-швили*).

Жваны (Жэаны), Жванба (Ажэанба), Жванаа (Жэанаа) – абхазский дворянский род; мегр. – *Званба-я*, груз. Жвани-дзе, а также груз. *Гугу-швили* – от *Гугу Званбая* [76, 39, 41].

Загошвили – см. *Дзыга*.

Занта – абхаз. личное имя, срав. **Зата** [74, 100], **Жъанта** [509, 69] – осет. *Занта-та* «Зантовы». Семейная основа **Занта** идентична с названием абхазского села *Азанта* в районе Цебельды. Абхазская форма мн. ч. имени *Занта* – *Зантар*, абаз. *Зантараа* (или *Зантар*), срав. адыг. фам. *Джандар* [204, 149], абаз. *Джандар* [425, 298, 299]. От абхаз. *Зантар* – мегр. *Зантар-ия*, от формы *Зантараа* – *Зантара-иа*, груз. *Зантара-дзе*.

Зантарадзе, Зантарая, Зантария – см. *Занта*.

Зепишвили, Зепискуа – см. *Дзати*.

Зоу, Зауа [74, 101, 226], **Зоуаа** – груз. *Зоуи-дзе*.

Зоуидзе – см. *Зоу, Зауа*.

Зурабишвили – см. *Гиач, Геч, ... Гиачба // Гечба...*

Иаралишвили – см. *Гиач, Геч, ... Гиачба // Гечба...*

Иашвили, Яшвили – см. *Еш, Ешаа // Иашаа*.

Инал-ипа – абхазский княжеский род – мегр. *Инали-скуа*, груз. *Инали-швили* [366, 390].

Иналискуа – см. *Инал-ипа*.

Иналишвили – см. *Инал-ипа*.

Иотамишвили – см. *Гиач, Геч, ... Гиачба // Гечба...*

Кабадзе – см. *Ак, Акаа, Акаба*.

Кабана – см. *Ак, Акаа, Акаба*.

Кабахь, Купахь, Купахья, Кэпахьы-наа (абхаз.) [74, 220], адыг. **Кабах** [204, 166] – совр. абхазо-мегр. *Каба-хьиа, Кобахьиа*, груз. *Кобахьи-дзе*.

Кабуладзе – см. *Куапал, Купалба*.

Куабулел – см. *Куапыл, Купал, Купалба*.

Кавадзе – см. *Акауба, Акоюба, Кауа...*

Кавтаришвили – см. *Гиач, Геч ... Гиачба // Гечба...*

Каджипаидзе – см. *Гиач, Геч ... Гиачба // Гечба...*

Казан, Казанба, Казандба [74, 308] – от абхазской фамильной основы *Казан* – груз. *Казана-дзе*.

Казанадзе – см. *Казан, Казанба*.

Кака, Какаа, Какаба // Какуабаа // Какоба; от абхаз. *Ка-каа* – мегр. *Какава*, груз. *Кака-швили*; от *Какаба (Какоба)* – груз. *Какаба-дзе*.

Какабадзе – см. *Кака, Какаа, Какаба*.

Какашвили, Какава – см. *Кака, Какаа*.

Каку, Какуаа, Какуба, Какубаа [74, 102, 260, 308]; от абхаз. *Какуба* – мегр. *Какуба-я*, от *Какубаа – Какуба-ва* [366, 392, 306], груз. *Какуб-ери*.

Какубери, Какубава – см. *Каку, Какуаа, Какуба*.

Кал, Калаа, Кал-ипа [74, 226], **Акал-ипа** (абхаз.), садз. **Кал-дзы (Калзы), Кал-цаа** – отсюда абхаз. форма **Акал-цба** [74, 218, 219]; от основы *Кал* и вариант **Кал-гба (Кал-гь-ба)** «Каловы» – груз. *Кала-дзе* [74, 244], *Акала-дзе*.

Каладзе – см. *Кал, Калаа, Кал-ипа*.

Камыш [1, 49–51], **Камышьаа, Хамыш (Хамышь)** – абхаз., **Кмыш, Хамыш** (абаз.) [425, 317, 318] – абхазо-абазинское общество, а также абхазо-садзский княжеский род [74, 161; 73, 156]; мегр. – *Камуш-иа*, груз. *Камуша-дзе, Комуша-дзе*.

Камушадзе, Комушадзе – см. *Камыш, Хамыш*.

Канчаели – см. *Кач, Кача*.

Кап, Капа (Қап, Қапа), Капаа, Кабба [74, 226], **Капба (Қапба)** – фамильные варианты, широко распространенные у абхазов и абазин (абхаз.) [74, 219, 223, 226; 425, 308], мегр. – *Капба-иа*, груз. *Капа-дзе*.

Кападзе – см. *Кап, Капа...*

Каплишвили – см. *Гиач, Геч ... Гиачба // Гечба...*

Капш (Қапшь), Капшьаа, Капшба – абхаз. дворянский род; мегр. *Капи* [366, 396], груз. *Капиа-дзе*.

Капшадзе – см. *Капи*.

Кар, Караа, Карба [74, 308] – мегр. *Кара-я*, груз. *Кара-швили*.

Карашвили, Карая – см. *Кар, Караа, Карба*.

Кац, Кацы (срав. с. **Кацы-рхэа**, букв «плато (село) *Кацов*»), **Кацба** (абхаз.) [74, 308]; мегр. – *Кац-иа, Кациб-я*, груз. *Каца-дзе*.

Кацадзе – см. *Кац, Кацы, Кацба*.

Кацв (Қацә), Кацваа (Қацәа-аа), Кацвба (Қацәба) – (абхаз.) [74, 312]; мегр. – *Каццба-я* [76, 47], от абхаз. *Каццуба* – груз. *Каццоба-швили*.

Кацобашвили – см. *Кацв, Кацваа, Кацвба*.

Кач, Кача, (Қач, Қача, Кача – абхаз. личное имя) [74, 105] – отсюда фам. **Качба, Качабаа (Качабаа)** «Качбовы» [74, 308]; от абхаз. *Качабаа* – мегр. *Качаба-ва*, от родового имени *Кача* – груз. *Качеи-швили*, возможно и *Канча-ели*, где «н» может быть наращением (см. статью *Ач.*); имя дворянского рода *Канчаели* или *Кача-ели* зафиксировано в письменном источнике XI в.

Качабава – см. *Кач, Кача, Качба*.

Качаели (Канчаели) – см. *Кач, Кача*.

Качеишвили – см. *Кач, Кача, Качба*.

Качибадзе – см. *Гиач, Геч ... Киач, Гиачба*.

Качибасдзе – см. *Гиачба, Геч, ... Киач...*

Качибая – см. *Гиач, Геч, ... Гиачба // Гечба...*

Каш, Кашуа, Кашба, Кашуба, [Сух. телеф. справ., 1990 г.], (срав. *Кашэба* [74, 309]). **Акашба // Акшба** – некогда многочисленный абхазский род; мегр. – *Кашиба-я (Кавишбая (?)* [74, 260]), от абхаз. фамильной основы *Кашуа* – груз. *Кашуа-швили*, от *Каишба* – *Кашаба-дзе, Каишба-дзе; от Кашуба* – *Кашуба-дзе*.

Кашабадзе – см. *Каш, Кашуа, Кашба...*

Кашибадзе – см. *Каш, Кашуа, Кашба...*

Кашибая – см. *Каш, Кашуа, Кашба...*

Кашмаридзе – см. *Кичма // Кишьма*.

Кашуашвили – см. *Каш, Кашуа, Кашуба...*

Каю (Қаф), Каюба (Қафба, Ақафба), Кефба [74, 266] – варианты абхазского родового и фамильного имени; мегр. – *Кеба-я*, груз. *Кеба-дзе*.

Квабулисдзе – см. *Куапыл, Купал, Купалба*.

Квадзадзе – см. *Куадз, Куадзаа, Кудзба*.

Квирикашвили, Квиркия – см. *Курик, Курикба*.

Квирквелия – см. *Курик, Курикба*.

Кебадзе – см. *Каю, Каюба ... Кеюба (Кефба)*.

Киачели (фамилия и псевдоним) – см. *Кяч*.

Кик, Кикураа (абаз.) [425, 308; 74, 268], абхаз. **Кикаа, Кикаба // Кикба** «Киковы»; от абхаз. *Кикаа* – мегр. *Кикава*; от абаз. *Ки-*

кураа – мегр. *Кикор-ия* [74, 268], от абхаз. *Кикаа* – груз. *Кика-дзе*, *Кика-швили*; от *Кикаба* // *Кикба* – груз. *Кикаби-дзе*, *Кикна-дзе* (?).

Кикабидзе – см. *Кик*, *Кукураа*.

Кикадзе, Кикава – см. *Кик*, *Кукураа*.

Кил (Кьыл), Кил-ба, Килаа, садз. **Кил-дзы**; мегр. – *Килба-я* [74, 261], *Килана-ва* [366, 396], груз. *Кила-дзе*.

Киладзе, Килбая – см. *Кил*, *Килба*.

Кинца, Киндзе (Кинза), в мн. ч. **Кинцыр** – абхазо-садзкий дворянский род [74, 166, 220; 94, 190]; от формы мн. ч. *Кинцыр* – груз. *Кинцура-швили*.

Кинцурашвили – см. *Кинца*, *Киндза*.

Кип [204, 213], **Кип-аа, Кипал, Кипал-ипа** [74, 310] – сванско-груз. *Кип-иани*.

Кипиани – см. *Кип*, *Кипаа*, *Кипал*.

Кипшидзе – см. *Капи*, *Кипши*.

Кипш (абхаз. **Кьыцшь** «косоглазый»), **Кипшба**, адыг. **Кипший, Кыпший** [204, 163]; мегр. – *Кипшиба-я* [366, 375], груз. – *Кипши-дзе*.

Киртадзе, Киртбая – см. *Кирт*, *Кырт*.

Кичма // **Кишьма** (срав, *Кич*, *Кичба*) – абхазо-адыгская фамильная основа; адыг. **Кичмай, Кишмахуа** [74, 263, 264]. От *Кичма* // *Кишьма* – абхазо-абаз. формы мн. ч. – *Кичмар* // *Кишмар* – отсюда мегр. *Кишмар-ия*, груз. *Каишмари-дзе*, *Кичмари-дзе* – дворянский род.

Кичмаридзе – см. *Кичма*, *Кишьма*.

Кишмария – см. *Кичма* // *Кишьма*.

Кобаладзе, Кобалиа – см. *Куапал*, *Купал*, *Купалба*.

Кобахидзе, Кобахия – см. *Кабахь*, *Куапахь*.

Кобулашвили – см. *Куапыл*, *Купал*, *Купалба*.

Коидзе – см. *Куеи* (Қәеи), *Куеиба*.

Копалиани – см. *Куапыл*, *Купал*, *Купалба*.

Кота, Котуа // **Кодуа, Котба** – абхаз. дворянский род [74, 222]; мегр. – *Кот-уа*, груз. *Готуа-дзе*, *Котуа-швили*.

Котуашвили – см. *Кота*, *Котуа*.

Коцадзе – см. *Квадз*, *Квадзаа*, *Квацба*, *Коцба*.

Кочиашвили – см. *Куач*, *Куача*...

Кочибая – см. *Куач*, *Куача*...

Кошадзе – см. *Куаш*, *Куаша*.

Кошарадзе – см. *Куаш, Куаша*.

Кошуадзе – см. *Куаш, Куаша*.

Коява – см. *Куеи, Куеиба*.

Куабан, абаз. **Кобанра** «Кобановы» [425, 319, 378] – груз. *Кубани-швили*.

Куадз (Кэаз), Куадзаа, Куадзба (Кэазба), Акуадзба, (Акэазба), Коцба, [74, 222, 226, 229, 235, 248, 310] – многочисленный абхазский дворянско-крестьянский род; *Кодз* – «Бесленеевский узден первой степени...» [204, 132]; от абхаз. *Квацба* – мегр. *Квацба-я* [76, 46], *Коцба-я, Квацаба-я, Куадзба-я, Куацба-я* [74, 261]; от абхаз. *Квадз* – сван. *Квацц-ани*, груз. *Квадза-дзе*; от *Коцаа (Коцба)* – груз. *Коца-дзе*.

Куапыл, Купал, Купалба – абхазо-шапсугский древний род (см. выше) – мегр. *Кобал-иа*, сван. *Копал-иани*, груз. *Кабула-дзе, Кобала-дзе, Кобула-швили* [199, 135], *Купали-швили*. Из абхаз. *Куапыл, Куапыл-ипа* – груз. *Квабул-ис-дзе (Иоване Квабулисдзе IX в.)* [497, 29]. От родового имени *Куапыл* также происходит название одного из владений *Куапылов* в прибрежной зоне совр. Аджарии – *Кобулети*, букв. «Место (земля) *Куабулов*» – отсюда титул *Куабулел* «владелец Кобулетии» или «*Кобульский*».

Куарчен, Курчениаа, Куарчия (Кварчия) [74, 220, 226, 244, 311], абаз. **Курча, Курчаа**, [425, 322], адыг. **Курча, Курчей** [204, 161] – в груз. *Куарчи-ели* (срав. абхаз. фамилия *Кварчелиа // Куарчелиаа*), *Курчи-швили* (срав. также *Квирчи-швили*).

Куарчелиа // Кварчелиа – см. *Куарчеи*.

Куач, Куача (абхаз. личное имя) [74, 104], **Кочуа, Куачба** (срав. **Кучба**) [74, 232] – мегр. *Кочиба-я, Кочуа*, сван. *Квачи-ани*, груз. *Кочиа-швили*.

Куаш, Куаша (срав. шапсуг. **Гуаша**) [74, 302; 204, 141], **Кошуа, Куашба, Куышба, Кшынба** – абхаз. [74, 260, 316, 309] – мн. ч. от *Куаш, Куаша* – *Кошар*; от. абхаз. *Куаша (Коша)* – груз. *Коша-дзе; от Кошуа – Кошуа-дзе; Кошар – Кошара-дзе*.

Кубанишвили – см. *Кубан, Кобанраа*.

Кубраа [74, 264], букв. на абхаз. «Камаров» – мегр. *Купра-ва*, груз. *Купра-дзе, Купреи-швили, Купара-дзе*.

Куд, Кудба, Кут, Котыуа, Кутба – абхазо-садзский дворянский род [74, 220, 311] – мегр. *Кудба-я*, груз. *Кутиба-швили, Кутива-дзе*.

Куен (Қәен), Куенаа, Куеиба (Қәеиба), срав. адыг. **Куй, Куей** [204, 172] – от абхаз. *Куеиаа (Қәеиаа)* – мегр. *Коява*, от основы *Куеи* – груз. *Кои-дзе*.

Кук, Кукаа, Кукба Кукуба – абхазский дворянский род; от абхаз. *Кукаа* – мегр. *Кука-ва*.

Кукул, во множ. ч. **Кукулаа** – абхаз. личное и родовое имя; от формы *Кукулаа* – мегр. *Кукула-ва*, груз. *Кукула-дзе*.

Кукуладзе, Кукулава – см. *Кукул, Кукулаа*.

Купалишвили – см. *Куапыл, Купал, Купалба*.

Купарадзе – см. *Кубраа*.

Купрадзе, Куправа – см. *Кубраа*.

Купреишвили – см. *Кубраа*.

Курик (Қәырыкъ), Курику, Курикба, (Қәырыкъба) (абхаз.) – мегр. *Квирк-ия*, груз. *Квиркв-ели* (в мегр. *Квирквелия*); *Квирикашвили*.

Курча – см. *Куарчей*.

Курчишвили – см. *Курчеи*.

Кутателадзе – см. *Кутит*.

Кутатели – см. *Кутит*.

Кутит [74, 226] (срав. личное имя *Қәытат, Қәатат* [74, 104, 106]), адыг. **Хутат** [204, 211], груз. *Кутат-ели* → *Кутате-ла-дзе*.

Кутибашвили, Кудбая – см. *Куд, Кудба, Кут, Кутба*.

Кутивадзе – см. *Куд, Кудба, Кут, Котуа*.

Кухал, Кухал-ипа (абхаз.) – груз. *Кухалешвили*.

Кухашвили, Гухашвили – см. *Кухуа, Кухуаа*.

Кухуа, Кухуаа (Қәыхәаа) [74, 222] – в мегр. *Кухуа (?)*, в груз. *Кухуа-швили, Куха-швили, Гуха-швили*.

Кухуашвили – см. *Кухуа, Кухуаа*.

Куч (Қәыч), Куча, Кучуа, Куычаа, Кучба, (Қәычба) [74, 311], абазинская форма мн. ч. – **Кучбараа**; от абхаз. *Кучаа* – мегр. *Куча-ва*, от абаз. *Кучбараа* – *Кучберия*; от формы *Куча* – груз. *Кучаи-дзе, Куча-швили*.

Кучаидзе – см. *Куч, Куча, Кучуа, Куычаа, Кучба*.

Кучашвили – см. *Куч, Куча, Кучуа, Куычаа, Кучба*.

Кучберия – см. *Куч, Куча, Кучуа, Куычаа, Кучба*.

Кирт, Кырт (Қырт), Кыртаа, (Қыртаа), Кыртба (Қыртба) [74, 312]; от абхаз. *Кыртаа* – мегр. *Кирта-ва*, от *Кыртба* – *Киртба-я*, от абхаз. *Кырт-аа* – груз. *Кирта-дзе*.

Киач (Қъач), Киачба Киачуа (Қъачуа), Киачаа (Қъачаа) – см. *Гиач, Геч, Гечаа...*

Лаба, Лапа (Лапа), мн. ч. – **Лапаа** или **Лапа-р** – абхазо-абазинское родовое имя, сохраняется в названии святилища в с. Блабырхуа – *Лапа-рныха*, букв. «святилище Лаповых» [365, 197] (срав. р. *Лаба*, с. *Лабра*, фам. *Лаба-хуа*) – мегр. *Лабия*, груз. *Лаба-дзе*.

Лабадзе, Лабия – см. *Лаба, Лапа*.

Лабахуа – см. *Лаба, Лапа*.

Лау, Лоу, Алоу (личное и родовое имя), во мн. ч. – **Лауаа // Лоуаа**. абаз. **Лаураа**, садз. **Лаудзы**, усеченно абхаз. и абаз. **Ладз, Лыз** – абхазо-абазинский княжеский род, древнее ответвление от княжеского рода *Ач* (Ачба) [74, 315, 362; 73, 143, 144; 425, 335]. От абхаз. *Алоу* – груз. *Аловидзе*.

Липаритисдзе – см. *Багваши*.

Лух, Лых, Лыхуаа (Лухэаа), Лухба, Лыхуба [74, 315], абаз. **Лих** «Лихов» [425, 342] – княжеско-дворянский род; мегр. *Луха-ва*, груз. *Луха-дзе, Лухва-дзе, Лухо-швили*.

Лухадзе, Лухава – см. *Лух, Лых, Лыхуаа, Лухба*.

Лухвадзе – см. *Лух, Лых, Лыхуаа, Лухба*.

Лухошвили – см. *Лух, Лых, Лыхуаа, Лухба*.

Маад, Маад-ипа, Мадба [74, 220, 222, 240, 315] – возможно из *Мпаад* (срав. топоним *Мпаад-рыпта*, букв. «ущелье Мпаадов» [93, 186, 642]) – княжеский род [74, 162]; в мегр. *Мадиа* (?) – из *Маад-ипа, Мадба* – груз. *Мадеба-дзе, Модеба-дзе*.

Маан – см. *Амаан; Марышь*.

Маг, Маги (Магь // Макь), см. **Магнаа (Магъаа) – Магиба (Магъба)** [74, 166, 252, 316], абаз. форма мн. ч. – **Маграа (Магъраа)** – абхазо-абазинский дворянский род; мегр. *Магиа* (?), от абаз. формы мн. ч. *Маграа* – груз. *Магра-дзе*,

Маградзе – см. *Маг, Маги*.

Мадебадзе, Модебадзе – см. *Маад, Маад-ипа, Мадба*.

Маджар – согласно Челеби, одно из древних абхазских сообществ [61, 248], срав. фам. *Мажара* [504, 377], груз. *Маджара-дзе*.

Маджарадзе – см. *Маджара*.

Маз, Мазаа «Мазовы» (абхазо-абаз.) [74, 316; 425, 342] (срав. гора и село *Мазихуа* в Гуд. р-не, букв. «гора Маза») – мегр. (?), груз. *Мазиа-швили, Маз-швили*.

Мазиашвили, Мaziшвили – см. *Маз, Мазаа*.

Макаш (Макаш), Мкаш, Макашуа (срав. *Накаш, Накашиа* [74, 240]), адыг. **Макуаша** [204, 180]; от формы *Макаш* – груз. *Макаши-дзе*, от *Макашуа* – *Микашави-дзе* // *Микашеви-дзе*.

Микашавидзе – см. *Макаш, Мкаш, Макашуа*.

Макашевидзе – см. *Макаш, Мкаш, Макашуа*.

Макашидзе – см. *Макаш, Мкаш, Макашуа*.

Макерадзе – см. *Макяр, Макир*.

Макиар, абаз. **Макиар, Мекер** [425, 343], **Макир, Макьыраа (Макьыраа)** [74, 316] представляет собой форму мн. ч. от *Макь* // *Магь* – названия абхазо-абазинского дворянского рода [425, 343; 74, 166, 316] – груз. *Макера-дзе*.

Мамац, Мамацаа [74, 316], садз. **Мамадз (Мамаз) – Мамдзы** (срав. гора *Мамдзы-шьха* «гора Мамдзов») – абхазский дворянский род – груз. *Мамаца-швили*.

Мамацашвили – см. *Мамац, Мамацаа*.

Мар – см. *Марышь*.

Марганадзе – см. *Амаан* // *Маан*.

Маргания – см. *Амаан* // *Маан, Марышь*.

Марганадзе, Марганидзе – см. *Амаан* // *Маан*.

Маргошвили – см. *Маргуш*.

Маргошидзе, Маргошия – см. *Маргуш*.

Маргуш (абаз.) [425, 346], в адыг. **Марго, Маргуш**, [204, 178] – мегр. *Маргош-ия*, груз. *Марго(ш)-швили, Маргоши-дзе*.

Марджанишвили – см. *Мырышь*.

Марушисдзе – см. *Марышь*.

Маршава – см. *Марышь*.

Маршьан, Марчан, Барчан – см. *Марышь*.

Маршания – см. *Марышь*.

Маршьанкул – см. *Марышь*.

Маршьанха – см. *Марышь*.

Марышь – древнее родовое имя абхазских князей *Маршьан* (см. выше). Первое, т. е. *Марышь*, фиксируется в имени наместника абхазского царя в Картли *Иване Маруш-ис-дзе* (X в.) [497, 38]. Имя *Марышь* имеет ряд фонетических вариантов: *Марышьы* – *Маршьан*; *Марчы* – *Марчан, Марчыл* (в груз. *Мерчуле*, X в.); *Барчы* – *Барчан, Бырчыл* (в груз. *Бурчула-дзе*). Думается, что все они восходят к садзской форме *Мардзы*, образованной от основы *Мар* посредством

окончания мн. ч. *дзы*: *Мар-дзы*, букв. «Мары» (о древнем племени *Мар* см. выше). От формы *Бардзы* (из Мардзы) также происходит имя убыхского дворянского рода *Барзе-к*, *Берзек* «Берзеков». В фамильных формах *Маршьан*, *Марчан*, *Барчан* выделяется окончание «н» похожее на окончание ряда убыхских фамилий. Однако фамильных форм *Маршьан*, *Марчан* у убыхов не было, как и впрочем, не было княжеских родов. На наш взгляд, абхаз. *Маршьан* происходит от *Марышь-хан*, где *Марышь* – родовое имя и *хан* – тюрк. «правитель», «владетельный князь». Такое объяснение соответствует социальному положению *Марышов* в предгорной Абхазии, где имя *Маршьан* выступало как в качестве княжеской фамилий, так и в значении «правитель, князь». По-видимому, также образованы фамилии *Маан* – из *Маа-хан*, срав. мегр. *Ма-р-ган* – из *Ма-р-хан*, где «р» – показатель 3-го л. мн. ч. – «их»: в груз. от абхаз. *Амаан* – *Аманели*, *Аманелисдзе*; срав. также *Озган* – из *Оз-хан* «Хан Озовых».

Фамилия и титул *Маршьан* бытовали и в форме *Мар – шьан-кул*, где *кул* тюрк. «святой» [204, 181, 224; 39, 42], а также и как *Маршьан-ха*, букв. «Маршьан князь» [507, 135]. От абхаз. *Марышь*, *Марышьаа* – мегр. *Маршава*, абхаз. *Маршьан* – мегр. *Маршания*, от *Марчан* – груз. *Марджани-швили*. Ряд авторов к *Маршанам* относят и абхазский княжеско-дворянский род *Фардан*, *Фарданаа*, в мегр. *Вардан-иа*, в груз. *Вардани-с-дзе* (упом. в X в.), *Вардани-швили*, а также и род владетелей Мегрелии – *Дадияни* [506, 108–109; 74, 153–154] (см. выше).

Марышьхан – см. *Марышь*.

Мата, **Мату** – абхаз. личное имя [74, 78, 131], фамильные формы: адыг. **Мату** [204, 179], абхаз. **Матуа** [74, 316]; от абхаз. *Матуа* – мегр. *Матуа*, груз. *Матуа-дзе*, *Матуа-швили*; от абхазо-абаз. формы мн. ч. *Матараа* – груз. *Матара-дзе*.

Матарадзе – см. *Мата*, *Мату*.

Матыт (абхаз. личное имя) [74, 109], срав. груз. *Матита-швили*.

Матиташвили – см. *Матыт*.

Матуадзе – см. *Мата*, *Мату*.

Матуашвили – см. *Мата*, *Мату*.

Мах, **Махуа** (*Махва*) [425, 349] – **Мхьениаа**, **Мхьениба** (у тур. абхазов), форма мн. ч. **Махар**, **Махараа**, шапсуг. **Махара** – абхазо-абаз. дворянский род; мегр. *Мах-уа*, *Махар-иа*, груз. *Махо-*

швили, Махара-дзе, Махара-швили; от абхаз. *Мхъеиаа* – груз. *Мхеидзе* – фамилия одного из видных феодальных родов Абхазского царства. Абхазские предания данный род увязывают с фамилией *Хециа*, из которой, якобы, была родом мать Верховного бога – *Анциа* [513, 122, 123]. Фамилия *Хециа* у мегрелов известна как княжеская, у абхазов же – крестьянская.

Махарадзе, Махария – см. *Мах, Махуа*.

Махарашвили – см. *Мах, Махуа*.

Махошвили – см. *Мах, Махуа*.

Мача (Мача), Мачаа «Мачовы», мн. ч. **Мачар**, адыг. **Мачар** [204, 182], **Мачараа** (абхаз.) «Мачаровы» – древнее абхазо-абазинское сообщество [168, 178; 94, 210; 496, 76] – мегр. (?), от абхаз. *Мача* – груз. *Мача-идзе, Мачаи-швили*; от *Мачара* – *Мачара-дзе, Мачара-швили* (срав. *Мачавар-иани*); от абхазской фамильной формы *Мача-ба* – груз. *Мачаб-ели* (см. статью *Ач*).

Мачабели – см. *Ач; Мача*.

Мачаидзе – *Мача, Мачаа*.

Мачаишвили – см. *Мача, Мачаа*.

Мачарадзе – см. *Мача, Мачаа, Мачар*.

Мачарашвили – см. *Мача, Мачаа, Мачар*.

Мачавариани – см. *Мача, Мачаа, Мачар*.

Мды, Мдыуаа, Мдоу, Мдавей, Мыдавей (Мдафен, Мыдафен) – княжеский род [74, 161, 248, 316]; мегр. – *Мудав-ия*, сван. и груз. – *Мдива-ни*.

Мдивани – см. *Мды, Мдыуаа, Мдоу, Мдафен (Мдафен)*.

Мерчуле – см. *Марышь*.

Микадзе – см. *Мыку, ... Мыкуаа*.

Микашевидзе – см. *Макаш, Мкаш, Мкашыуа*.

Микеладзе – см. *Мкиал, Мкиалаа, Мкиалба*.

Микелбая – см. *Мкиал, Мкиалаа, Мкиаба*.

Мики, Микаиа, Микава – см. *Мыку, Мыкуаа...*

Мишвеладзе – см. *Мишвал*.

Мишвелиани, Мишвели – см. *Мишвал*.

Мкиал (Мкъал), Мкиалаа, Мкиалба (Мкъал-ба) – дворянский род [74, 261, 317] – мегр. *Микелбая*, груз. *Микела-дзе*.

Мхеидзе – см. *Мах, Махуа*.

Мшвал (Мшэал, Мшэалаа) – абхазский дворянский род [93, 532, 531], срав. *Муш-ба* (абхаз. *Мышэ-ба*) [74, 317] – мегр.

Мишвел-и, Мишел-иа, сван. *Мишвел-иани*, груз. *Мишвела-дзе*.

Мыку (Мықә), Мыкуаа (Мықәаа), Мыкуба [74, 317], абаз. **Мыква** [425, 354] – отсюда название древнего села *Мыку* в Очам. районе Абхазии – абхазо-абазинское родовое и фамильное имя; мегр. *Мики, Мика-иа*, от формы *Мыкуаа* – *Мика-ва*, груз. *Мика-дзе, сван. Мукбаниани*.

Нан, Нанаа, Нанба – древний абхазо-абазинский род [74, 318] – мегр. *Нана-ва*, груз. *Нани-швили, Наней-швили*.

Нанейшвили – см. *Нан, Нанаа, Нанба*.

Накаш (срав. *Макаш, Каиш, Кашба, Кашуба*), **Накашиа, (Накашья)** [74, 240], мегр. *Накаш-ия*, груз. *Накаши-дзе* – княжеский род.

Накашидзе – см. *Накаш*.

Напса (срав. **Напша, Апса** «абхаз») [425, 355], адыг. **Напша** [204, 184] – груз. *Непса-дзе* (католикос абхаз. (?) 1712 г.) [61, 269].

Озган, Озхан – см. *Марышь*.

Орбели – см. *Ар, Ара, Арба*; см. также *Арт, Ард*.

Орчы (Уарчы), Орч-уа (срав. *Арчуа, Арч-ая*), **Орчук (Орчыкә), Орчук-ба** [74, 318] – от абхаз. *Орчуа* – груз. *Орчва-дзе*.

Орчвадзе – см. *Орчы, Орчуа*.

Паг, Пагаа, Пагава – см. *Баг, Паг...*

Пал (Цал), Палаа, Пал-ба (абхаз.) [74, 318, 319] – мегр. *Пал-иа*, груз. *Палиа-швили*.

Палаванхосрошвили – см. *Гиач, Геч ..., Гиачба // Гечба*.

Палиашвили, Палиа – см. *Пал, Палаа, Палба*.

Рад // Рат // Рат (абхаз. личное имя) [509, 424; 74, 112], срав. с именем одного из князей из рода Багваиш – *Рати Багваиш* (X в.). Отсюда, похоже, абхазо-мегр. фамилия *Ратиа*, груз. *Рати-швили*, сван. *Ратиани*, см. *Багваиш*.

Ратишвили, Ратиа – см. *Багваиш; Рад // Рат // Рат*.

Рухадзе, Рихая – см. *Ариху, Архуа*.

Сан // Цан (срав. *Сандрыпи // Цандрыпи*), **Цанаа, Ацан, Цанба // Ацанба** – обозначения абхазо-садзского княжеского рода; от абхаз. *Цанаа* – мегр. *Цанава*; от основы *Сан* – груз. *Санишвили, Асанишвили*, от абхазо-садзской фамилии *Ацанба // Асанба* – *Асанба-дзе*.

Санишвили – см. *Сан // Цан, Цанаа*.

Сотискуа – см. *Шат-ипа*.

Сотишвили – см. *Шат-ипа*.

Сохадзе – см. *Цух, Цюх, Цухаа*.

Сухишвили – см. *Цух, Цюх, Цухаа, Цухуба*.

Тавадзе – см. *Тау, Тауа*.

Тау, Тауа (абаз.) «*Таов*» – древний абхазо-абазинский род [425, 368] – груз. *Тава-дзе*.

Тбели – один из крупных феодальных родов в Абхазском царстве IX–XI вв. [497, 34, 76]. Похоже, из абхазо-абазинского княжеского рода *Дзиба* (*Зиба*), срав. также абхазский дворянский род *Циба*. С родом *Тбели*, по-видимому, связано название одной из областей Шавшети – *Тбети*. Последнее, возможно, – из *Дзибети*, букв. «местожительство Дзибов»; *Тбели* срав. с *Дзибели*.

Тота [74, 115], **Тот-ипа, Татиба (Тат-ипа)**, срав. груз. *Тотиба-дзе*. Носители фамилии *Тотиба-дзе* считают себя выходцами из абхазского рода *Тат-ица*.

Тотибадзе – см. *Тота, Тотиба*.

Тсикишвили – см. *Цкис, Цкиш*.

Уаз, Узаа, Узба (Возба) – древний абхазо-абазинский род; мегр. – *Узба-я*, груз. (?).

Узбая – см. *Уаз, Узаа, Узба*.

Урыш (Урышэ) [74, 324] – мегр. (?), груз. *Уруша-дзе*.

Урушадзе – см. *Урыш (Урышэ)*.

Хаба (А-ха-ба, А-х-ба [74, 295]), **Хабы** [204, 209] – древний абхазо-адыгский род; груз. *Хабиа-швили*.

Хабиашвили – см. *Хаба, Хабы*.

Хабита, Хуабыта – абхазо-адыгское родовое имя, адыг. **Хабыта** [204, 203], абаз. **Хабыта, Хабита** [425, 386], у турецких абхазов **Хуабыта** «Хуабитов» – от абхаз. *Хуабыта* мегр. *Хубут-иа*, груз. *Хобида-швили*.

Хавадзе, Ховадзе – см. *Хау, Хоу, Ахоуаа*.

Хар, Хар-ипа, Харипаа (у тур. абхазов), срав. мегр. *Хареба-ва*, груз. *Хареба-швили*.

Хара (срав. *Хар, Хар-ипа*), **Хара-ба, Хараб-уа** (абхаз.) [74, 125] – мегр. *Хараб-уа*, груз. *Хараба-дзе, Хараба-швили*.

Харабадзе – см. *Хара, Хараба, Харабуа*.

Харабашвили – см. *Хара, Хараба, Харабуа*.

Харебашвили – см. *Хар, Хар-ипа*.

Хатидзе – см. *Хат, Хатуа*.

Хатишвили – см. Хат, Хатуа.

Хау, Хоу, Ахоуаа, Хуаа (Хэаа) [74, 326], в адыг. *Хав* (*Хау*) [204, 203] – груз. *Ахава-дзе, Хава-дзе, Хова-дзе*.

Хат, Хатуа [425, 392; 204, 207], абхазо-адыг. **Хат-хуа (Хат-хуа)**, адыг. **Хат-ко** «Хатов»; мегр. *Хатиа* (?), груз. *Хати-дзе, Хатиа-швили* (*Хат*, срав. с этнонимом *Хатты*).

Хециа – абхазо-мегрельская фамилия: выводится из абхазского названия граба *ахиаца* [513, 122], см. статью *Мах, Махуа*.

Хинтибадзе, Хинтибидзе – см. *Хынт, Хинтба*.

Хинтбая – см. *Хынт, Хинтба*.

Хобидашвили – см. *Хабита, Хуабыта*.

Хорадзе, Хорава – см. *Хуар, Хуараа*.

Хох (Хуа-ху), Хохуа, Хухуа, Хохба – абхаз. дворянский род [74, 168, 242, 226] – абхазо-мегр. *Хухуа*, мегр. *Хохобая* [366, 168], груз. *Хоха-дзе, Хоха-швили, Хухуа-швили*, см. *Вахох, Уахох*.

Хоходзе – см. Хох.

Хохашвили – см. *Хох*.

Хохобая – см. *Хох*.

Хочаа (Хочаа), садз. **Хуачаа** [74, 221], (срав. *Хуаджаа*); мегр. *Хочава*, груз. *Хоча-дзе*.

Хочадзе, Хочава – см. *Хочаа, Хуачаа*.

Хуар, Хуараа (Хэараа) [74, 223, 227] – абхазо-садзское родовое имя; мегр. *Хорава*, груз. *Хора-дзе*.

Хубуладзе, Хубулава – см. *Губла*.

Хубутиа – см. *Хабита, Хуабыта*.

Худж (Хэыць), Ходж, Хуадж [425, 394] – формы мн. ч.: **Худжаа, Ходжаа (Хоцъаа, Хэацъаа, Хэацаа)** [74, 221, 222]; от абхаз. *Ходжсаа (Хэацъаа)* – мегр. *Ходжава*, от *Хочаа (Хэацаа)* – мегр. *Хочава*, груз. *Худжа-дзе, Хуча-дзе*.

Худжадзе, Хучадзе – см. *Худж, Ходж, Хуадж*.

Хуху, Хухуа (Хэыхэаа) [74, 119, 234, 326] – см. *Хох (Хуаху), Хохуа*.

Хухуашвили – см. Хох (Хуаху), Хохуа...

Хынт(Хынтэ), Хынтба (Хынтэба) [74, 326] – мегр. *Хинтба-я*, груз. *Хинтиба-дзе, Хинтиби-дзе* [74, 269; 236].

Цабадзе, Цибадзе – см. *Ци, Цей, Циба*.

Цанава – см. *Сан // Цан, Цанаа*...

Царагба – мегр. *Царагба-я* [74, 261; 366, 354], груз. (?).

Царба (срав. *Царбеи* – абхаз. личное имя) [74, 120] – мегр. *Царба-я*, *Цирба-я*, [366, 354] – груз. *Царба-дзе*.

Царбадзе, Царбая, Цирбая – см. *Царба*.

Цвиджа (Цэыцџа), Цвыдж (Цэыцџ), Цвыдз (Цэыз), Цвиджаа, Цвижба (Цэыцџба, Цэызџба) [74, 206, 223, 242, 248, 329] – (абхазо-садзский) дворянский род: от абхаз. *Цвыджжаа* – мегр. *Чиджа-ва*, груз. *Чиджава-дзе*.

Цеквадзе, Цеквава – см. *Цекуа*.

Цекуа (Цекэа), Цек-уаа (Цекэаа) – абхазо-абаз. [425, 397; 74, 328] – мегр. *Цеква-ва*, груз. *Цеква-дзе*.

Ци, Цей (абаз.) [425, 397] – абхаз. **Ци-ба, Цы-ба, Цыбаа, Цейба** [74, 328] – от абхаз. *Цыбаа* «Цыбовы» – мегр. *Циба-ва*, от формы ед. ч. *Цыба*, *Циба* – груз. *Цаба-дзе, Циба-дзе, Тсиба-дзе, Сиба-дзе*.

Цибадзе, Тсибадзе, Сибадзе – см. *Ци, Цей, Циба*.

Цикишвили – см. *Цкис, Цкиш*.

Цинцабадзе – см. *Цымцы // Цынцы, Цымыцџа // Цыныцџа*.

Цинцадзе – см. *Цымцы // Цынцы, Цымыцџа // Цыныцџа*.

Цис, Цыс, Цисба, Цысба (абхаз.); мегр. – *Цисба-я* [74, 261; 76, 113], груз. *Циси-швили*.

Цисишвили – см. *Цис, Цыс, Цисба*.

Цискра, Цыскраа (абхаз. *Цыс-краа*, букв. «Птицеловы»), срав. мегр. *Цискара-ва* [61, 236], груз. *Цискари-дзе*.

Цицибадзе – см. *Цыц, Цыцаа, Цыцуа, Цыцџа*.

Цицишвили – см. *Цыц, Цыцаа, Цыцуа, Цыцџа*.

Цицуашвили – см. *Цыц, Цыцуаа, Цыцуа, Цыцџа*.

Цкис, Цкиш, Цыкиш [204, 211] **Цкишаа** [425, 398] – абхазо-абазинский княжеского-дворянский род – груз. *Цикиш-швили, Тсикиш-швили*.

Цкит, Цкуит, во мн. ч. **Цкуитаа, Цкуитар, Цыкутар, Цыгътыр** [366, 379], **Сыкэтар, Асыкутараа** [74, 246] – родовое имя; от абхаз. *Цкуит-аа* – мегр. *Цхвит-ава*, от *Цкуитар* – *Цхвитария*, груз. *Цкити-швили*, срав. у Латышева племя *скити* [303, 354, 355]; срав. также абхазо-абаз. родовое имя *Цкис, Цкиш, Цкишаа* «Цкисовы», «Цкишевы» [425, 398].

Цхвицхвишвили – см. *Цхуцху, Цхуцхуба*.

Цымцы // Цынцы, Цымцаа // Цынцаа, Цымцџа // Цынцџа [74, 328] – абхазский дворянский род; – мегр. *Цимицџа-я //*

Цимцба-я [366, 414]; от абхаз. *Цынцы* – груз. *Цинца-дзе*, от *Цынцба* – *Цинцаба-дзе* считаются ответвлениями от рода *Цымыцба* – *Цирамуа* и *Сиргинава* [366, 421, 427].

Цыц, Цыцаа, Цыцуа, Цыц-ба – абхазский дворянский род; от абхаз. *Цыцаа* – мегр. *Цицава*; *Цыцуа* – *Цацуа*; от *Цыцба*, *Цицба* – *Цицба-я*, *Цициба-ва*, [76, 41], от абхаз. *Цыц* – груз. *Цици-швили*; *Цыцуа* – *Цицуа-швили*, от *Цыцба*, *Цицба* – *Цициба-дзе*.

Цух, Цюх, Цухаа, [498, 21], **Цухуба** – абхазский дворянский род [74, 328] – *Сухи-швили*, *Соха-дзе*.

Цхуцху, Цхуцхуба – абхаз. дворянский род (вымер), мегр. *Цхуцхуба-я* [74, 261], груз. *Цхвицхи-швили*.

Чавчавадзе – см. *Чач*, *Чачба*, *Чачаа*.

Чаговадзе – см. *Чагуа*, *Чагуаа*.

Чагуа (абаз.), **Чагуаа** (абхаз.) [425, 404] – абхазо-абазинское родовое имя; мегр. *Чагава*, *Чогава*, груз. *Чагова-дзе*, (*Чогова-дзе*).

Чакуа, Чаква [74, 228, 232, 265, 330] – древний абхазский дворянский род; мегр. *Чаква*, груз. *Чаква-швили*.

Чакватадзе, Чаквитадзе, Чаквитая – см. *Чакуат*, *Чакуатаа*.

Чаквашвили – см. *Чакуа*, *Чаква*.

Чакотадзе – см. *Чакуат*, *Чакуатаа*.

Чакуат, Чакуатаа, Чакуату – возможно, из *Чагуа-ду* или *Чакуа-ду*, букв. «Большой (великий) Чагуа (или Чакуа)», срав. абаз. и адыг. *Чага-ду* [425, 404; 204, 212], усеченно абхаз. *Чкотуа* [74, 331], абаз. *Чкуту* [425, 405, 406] – княжеский род; мегр. *Чаквита-я*, груз. *Чаквата-дзе*, *Чаквита-дзе*, *Чакота-дзе*, *Чиквата-дзе*, *Чиквита-дзе*, *Чикота-дзе*, *Чикота-швили*, срав. с. *Чаквит* в Грузии.

Чанчибадзе – см. *Чач*, *Чачба*, *Чачаа*.

Чар-ба «Чарбов» – абхазский род (вымер) – груз. *Чарба-дзе* [74, 269].

Чарбадзе – см. *Чарба*.

Чарг // Чарк, Чырг // Чырк, Чыргба // Чыркба [74, 242, 331], **Чаргуаа // Чаркуаа**, садзская форма мн. ч. **Чаргадз** (*Чаргаз*) – абхазо-садзский дворянский род; мегр. *Чаргаз-ия*, *Чаргындрз-ия*; от формы *Чарг* – груз. *Чарга-дзе*, *Чаргеи-швили*; из абхаз. *Чарки*, *Чаркуа* – груз. *Чарки-швили*, сван. *Чарквиа-ни*.

Чаргадзе, Чаргазия – см. *Чарг // Чарк, Чырг // Чырк...*

Чаргеишвили – см. *Чарг // Чарк, Чырг // Чырк...*

Чарквиани – см. *Чарг* // *Чарк*, *Чырг* // *Чырк*...

Чаркишвили – см. *Чарг* // *Чарк*, *Чырг* // *Чырк*...

Чах, Чахуа, Чахаа – дворянский род [498, 21]; – мегр. *Чахава*, возможно и *Джахуа* (?); от абхаз. *Чахуа* – груз. *Чахва-дзе*, от *Чах* – *Чах-ели*.

Чахвадзе – см. *Чах*, *Чахуа*, *Чахаа*.

Чახели (Чохели), Чахава – см. *Чах*, *Чахуа*, *Чахаа*.

Чач, Чачба, Чачаа – обозначение древнеабхазского привилегированного сообщества. Последнее соответствует имени княжеского рода *Шаи*, *Шаише*, *Шаче* в исторической северо-западной Абхазии [35, 10; 73, 149]. Форма имени *Шаи*, похоже, лежит в основе имени царского города *Шаи-ил*, *Шаши-луни*, упоминаемом в урартских источниках, а также в названии страны *Шаи-ети*, села *Шашил-кыт* [268, 429], груз. *Шашил-ети* и в названии г. Сочи – абхаз. *Шэача* – из имени привилегированного сообщества *Шашиа* или *Шача* (об этом см. выше). Существует мнение о том, что княжеский род *Чач* происходит от более древнего общества *Ач*, имя которого «*Ач*» могло означать также «князь», отсюда ряд авторов *Чач* возводят к форме *Ачиач*, буквально означающей «над князем князь» [19, 195] (см. выше стат. *Ач*). Такое же объяснение может иметь и вариант имени *Чач* – *Шаи*. Последний сохраняется у мегрелов в форме *Шараи-иа*, где основа *Шараи* букв. переводится «ашов их аш», т. е. «над князьями князь», где *р* – абхазский показатель 3-го л. мн. ч. класса людей – «их». Абхазское княжеское родовое имя *Чач* впервые появляется в письменных источниках в форме *Чача-с-дзе* в первой половине XI в.

От родового имени *Чач* образована и его абхазская фамильная форма *Чач* → *Чачба* «Чачов», что также является древним образованием. Последняя фиксируется в названии села в Картли – *Чачуб-ети* [366, 342], а в грузинских письменных источниках – как *Чанчиба-дзе*, где «н» может быть наращением, срав. *Ачба* – в груз. *А(н)чбадзе* (см. выше ст. *Ач*). В мегрельском же абхазское *Чачба* переименовано в *Чачиба-я*, а форма *Чачаа* – в *Чачава*. Абхазские владетельные князя *Чачба* в Грузии с XII в. начинают именоваться Шервашидзе. На наш взгляд, причина тому – смена власти в Цхумской области Абхазии, произошедший при абхазском царе Давиде Строителя. По-видимому, здесь стал править не прямой наследник смещенного правителя, а новый *Чачба* –

уже родом из Западной Абхазии. На это, по-видимому, указывает основа имени *Шервашидзе* – *Шерваш*, что у абхазов может звучать как *Шырпас* (*Шэырпас*, *Шэырпыс*) в значении «предводитель ашов» или «предводитель из области Аше (т. е. Западной Абхазии)». Думается, абхаз. *Шырпас* первоначально выступало в качестве титула князя Чачба – нового владельца Цхумской области, а затем, в грузинской среде, титульное имя *Шырпас* приобрело форму фамилий *Шервашидзе*. У абхазов носители этой фамилии и сегодня именуются *Чачба*, *Чачаа* «*Чачовы*». От формы мн. ч. *Чачаа* – мегр. *Чача-ва*, в груз. *Чачова-дзе*, по-видимому, от последней и княжеский род *Чавчава-дзе*, что, по мнению некоторых авторов, последний может быть и из рода *Чичиуа* [499].

Чачава – см. *Чач*, *Чачба*, *Чачаа*.

Чачасдзе – см. *Чач*, *Чачба*, *Чачаа*.

Чачибая – см. *Чач*, *Чачба*, *Чачаа*.

Чеговадзе, Чигава – см. *Чыгу*, *Чыгуаа*.

Чиджавадзе – см. *Цвиджа*.

Чивадзе – см. *Чуу*, *Чыу*, *Чыуа*.

Чикарели, Чикорели, Чикорая – см. *Чкуа*, *Чыку*, *Чыкуба*, *Чыкураа*.

Чикашвили, Чикава – см. *Чыка*, *Чыкба*.

Чикваидзе – см. *Чкуа*, ... *Чыкуа*...

Чикватадзе, Чикивитадзе, Чикотадзе – см. *Чакуат*, *Чакуатаа*.

Чиквашвили – см. *Чкуа*, *Чыкуа*...

Чикобава – см. *Чкуа*, ... *Чыку*, *Чыкуба*.

Чиковани – см. *Чкуа*, ... *Чыкуа*...

Чикоидзе – см. *Чыгу*, *Чыгуаа*, *Чыкуаа*...

Чикоташвили – см. *Чакуат*, *Чакуатаа*.

Чичин (Чычын) – абхаз. личное имя [74, 122; 509, 199], фиксируется в абхазском фольклоре, где некий «Ах Чичин (Чычын)», букв. «владелец (царь) Чичин» представлен в образе благополучного правителя, отсюда абхазы на вопрос «Как поживаешь?» отвечают: «Ах Чичин еипш», т. е. «как правитель (царь) Чичин». Вероятно от абхазского личного имени *Чичин* (Чычын) производна грузинская фамилия *Чичина-дзе*.

Чичинадзе – см. *Чичин*.

Чкуа (Чкэа), Чкуаба [74, 228, 331; 425, 405], **Чыкуа (Чыкэа), Чык-ипа (Чык-ипа), Чук-ба // Чыкуба** [74, 221, 245, 332] – формы мн. ч. **Чыкуаа**, абаз. **Чыкураа**, от **Чыкуба – Чыкубар**; дворянский род. Из формы мн. ч. *Чыкураа* – мегр. *Чикора-я*, груз. *Чикар-ели, Чикор-ели*; от абхаз. *Чыкубаа* – мегр. *Чикобава*; от форм *Чкуа, Чыкуаа* – сван. *Чикова-ни*, груз. *Чиква-и-дзе* (возможно, и *Чиквила-дзе*), *Чиква-швили*. От сванского же *Чиковани* – абхаз. *Чкуан, Чкуаниа*, [74, 245, 349], мегр. *Чиквания, Чкония*.

Чмакур – согласно Челеби, одно из абхазских сообществ [61, 248], срав. груз. *Чимакури-дзе*.

Чолокашвили – см. *Чолокуа*.

Чолоквдзе – см. *Чолокуа*.

Чолокуа (абхазо-адыг.), абхаз. **Чолокуа, Чолокуаа**; мегр. *Чолокия, Чолокава*, [74, 242], груз. *Чолока-швили, Чолокв-дзе*.

Чохели – см. *Чух, Чыху...*

Чхаидзе – см. *Чух, Чыху...*

Чуарели, Чаурели – см. *Чуу, Чыу, Чыуа*.

Чуашвили (Чаушвили) – см. *Чуу, Чыу, Чыуа*.

Чух, Чыху, Чыхуа // Чухуа, Чух-ба // Чых-ба [74, 331] – абхазо-абазинский дворянский род; мегр. *Чухуа*, груз. *Чхаи-дзе, Чохели*.

Чыгу (Чыгэ), Чыгуаа, Чыкуаа, Чыгуба, Ачыгуба // Ачыкуба, [74, 219, 236, 242] – абхазо-садзский дворянский род; от абхаз. *Чыгуаа* – мегр. *Чигава*, груз. *Чеговадзе*, от *Чыкуаа* – груз. *Чикондзе*, от формы *Чыгуба // Чыкуба* – мегр. *Чикобава* [74, 262] (см. *Чкуа... Чыкуба*).

Чыка, Чыкаа, Чыкба, Чикба (тел. справ., 540) – мегр. *Чикава*, груз. *Чика-швили*.

Чуа, Чуу, Чыуа (срав. фам. *Чуаз*), абаз. форма мн. ч. **Чаураа, Чуураа** – одно из садзских обществ и абхазо-садзская княжеско-дворянская фамилия, известная также, как **Ачу, Ачуа, Ачуаа** [74, 160, 331; 73, 73, 139]; от абхаз. *Чыуа* – груз. *Чива-дзе, от Чаураа – Чауре-ли, Чаур-ели*.

Шарашия – см. *Чач, Чачба, Чачаа*.

Шат-ипа – абхазский княжеский род, считается ответвлением от княжеского рода *Чаабалырхуа* [366 (?), 482–484]; мегр. *Сотискуа*, груз. *Соти-швили*.

Шаш, Шаше – см. *Чач, Чачба, Чачаа*.

Шервашидзе – см. *Чач, Чачба, Чачаа*.

Шырпас (Шэырпыс) – см. *Чач, Чачба, Чачаа*

Эджибадзе – см. *Еджы*.

Эджибия – см. *Еджы*.

Число грузинских фамилий, восходящих к абхазским родовым и фамильным именам, несомненно, гораздо больше, но и вышеприведенные примеры (их около 300) свидетельствуют о большом размахе абхазской колонизации территории грузинских (иверских) сообществ Восточного Закавказья в эпоху Абхазского царства.

На первом этапе функционирования Абхазского царства в VIII–IX вв. абхазами была освоена территория современной Западной Грузии до р. Чорох, и на востоке – до линии Лихского хребта. С X же века, согласно исследованиям акад. С. Н. Джанашия, абхазы начинают переселяться и на территорию Восточной Грузии [505, 476–481]. По этому поводу З. В. Анчабадзе также пишет: «Одним из интересных явлений в истории грузино-абхазских отношений рассматриваемой эпохи является феодальная колонизация абхазов из собственной Абхазии на территорию Западной Грузии, а затем, в связи с расширением пределов Абхазского царства, и в Восточную Грузию» [19, 155].

Следует также подчеркнуть, что правителями регионов захваченных территорий, как правило, назначались абхазские *аҳ* (груз. эриставы) и *аҳмада* «наместник царя», здесь же основными землевладельцами становились также абхазские князя и дворяне, государственные и церковные деятели и др.

Образование грузинских фамилии путем осложнения абхазских основ с абхазскими фамильными окончаниями на *ба* // *па* «сын», *пха* // *пхе*, *хе* «дочь», *уа* «люди» *аа*, *р* // *ра* (показ. формы мн. ч.) и других свидетельствует об одностороннем процессе миграции населения из Абхазии в Грузию в период Абхазского царства.

Обратный же процесс, т. е. появление грузинских и мегрельских фамилий в материковой Абхазии, происходит уже в более поздние времена, в частности, после распада Абхазского царства, и в особенности в XIX–XX вв.

Что же касается абхазов – средневековых колонизаторов Грузии, то они, в силу различных объективных причин, начинают подвергаться ассимиляции в грузинской среде с XI–XII

вв. Более интенсивно они начинают вливаться в грузинский этнос с распадом Абхазского царства. Процесс этот продолжался до конца XIX в. Известно, что еще XIX в. абхазы отдельными анклавами проживали в отдельных уголках Грузии. В этой связи следует отметить, что на сегодняшний день грузинские, мегрельские и сванские фамилии и их ответвления, идущие из абхазских корней, в целом объединяют около одного миллиона граждан Грузии.

§ 4. Об абхазском (абхазо-абазинском) вкладе в топонимию Закавказья средних веков

О древнем абхазо-абазинском субстрате в топонимии Грузии мы уже выше говорили (см. гл. V, VI, VII, VIII). К числу древнейших географических и этнических названий, безусловно, относятся названия, встречающиеся в урартских, ассирийских и древнегреческих источниках. Вместе с тем трудно определить, к какому времени относится появление ряда названий абхазского облика, фиксирующихся в период Абхазского царства и позже. Часть же абхазских географических названий по содержанию увязываются с Абхазским царством, с абхазскими этническими и патронимическими именами, с именами абхазских царей и их политической и церковной деятельностью, с хозяйственным бытом и т. д.

Об абхазо-адыгском и, в частности, абхазском вкладе в топонимию Грузии и юго-восточного Причерноморья писали многие именитые ученые – академики: Н. Я. Марр [264, 19], И. А. Джавахишвили [426], Г. А. Меликишвили [205, 82–84], И. М. Дьяконов [244, 60], С. Н. Джанашиа [438, 623–628], А. С. Чикобава [230, 288], К. В. Ломтатидзе [56, 138], Р. В. Гордезиани [196, 8, 10] и др. Представляют также значительный интерес результаты работы проф. Ш. Д. Инал-ипа по выявлению абхазских географических названий в топонимии Грузии [365, 219–224; 534, 87–95].

Абхазский топонимический материал обнаруживается как в древних и средневековых письменных источниках, так и в топонимических словарях современных грузинских исследователей (А. Глonti [566], Ю. Сихарулидзе [281], Г. Елиава [436; 568] и др.), а также на различных картах XIX–XX вв.

В первую очередь представляют интерес абхазские географические названия Абхазии, Грузии, а также и других регионов Закавказья, которые так или иначе увязываются с периодом Абхазского царства и абхазами.

Апсар или **Анакопия** – древняя столица Абхазского царства. *Апсар*, *апсары* (*аңсаара* «апсарцы») впервые упоминаются в качестве названия территории современного г. Новый Афон церковными писателями IV в. Дорофеем и Софронием [302, 200]. На карте 1843 г. [571] в прибрежной части г. Новый Афон указывается поселение *Псыры*, а над ней *Анакопия*. Первое, т. е. *Псыры*, неотделимо от основы современного абхазского названия Нового Афона – *Псырдзха*, а также *Абсар*, *Апсар* (*Анакопия*) древних источников, которое, как уже было сказано, идентично с древним самоназванием абхазов.

Об абхазском названии г. Новый Афон – *Апсар*, *Псырдзха*, он же *Анакопия* – говорят Д. И. Гулиа [18, 155], Ш. Д. Инал-ипа [365, 219], автор данной работы [30, 23; 94, 94] и др. Современное название города Новый Афон – Псырдзха (Псырзха) первоначально образовалось как гидроним, обозначающий Новоафонскую реку – одну из самых коротких рек мира – *Псырдзха* из *Апсардзха* (*А-ңсарзха*), букв. «апсарский источник» или из *Аңсар-рызха* «источник апсаров» [94, 230].

Абхазский автономим *абсар* // *апсар* также фиксируется в древних источниках и как название города-крепости (совр. Гонио) на морском берегу, справа от устья р. Чорох. Согласно Плинию (I в. н. э.) и река Чорох именовалась также Апсар [223, 267–268; 180, 84]. Арриан же (II в. н. э.) пишет: «Говорят, что местечко Апсар когда-то в древности называлось Апсиртом, потому что здесь якобы погиб от руки Медеи Апсирт». По Прокопию Кесарийскому (VI в.) в его время Апсар именовался Апсар-унт (срав. Трапез-унт, Пити-унт и т. д.) [365, 219, 220].

Над древней столицей абазгов и Абхазского царства – *Апсар*, на горе, было построено в III–IV вв. одно из крупнейших фортификационных сооружений на Кавказе, известное под названием *Анакопия* или *Анакопийская крепость*. После поражения арабов у стены этой крепости в VIII в., крепость и ее название – *Анакопия* получают широкую известность. В письменных источниках название крепости – *Анакопия* начинает фигурировать и как обозначение

абхазской столицы. Основное же ее название – *Апсар* оказывается на втором плане.

Анакопия // Анакәаџа – название главной крепости апсаров (абазгов, т. е. абхазов), выстроенной в III–IV вв. на территории современного г. Новый Афон (абхаз. Псырдзха). Оно же – одно из названий столицы раннеабхазского царства (см. Апсар).

Согласно утверждению археолога М. М. Трапша, наименование апсарской крепости *Анакопия* впервые упоминается в V в. н. э. [569, 88], но, к сожалению, автор не указывает первоисточник. Как уже было сказано, крепость Анакопия упоминается Джуаншером в связи с арабским нашествием на Грузию и Абхазию в 30-е гг. VIII столетия.

Известно также, что с 1027 г. царица Алда, вдова абхазского царя Георгия I (родом из Алании), со своим малолетним сыном Дмитрием проживала в Анакопии. Здесь она в 1032 г. организовала крупный заговор против центральной власти в лице Баграта IV. В связи с этим Анакопия на долгое время, до 1044–45 гг., становится местом бурных событий.

В связи с этим Анакопийскую крепость абхазы стали именовать *Анакәаџа ах лбаа*, букв. «анакопийской царицы крепость», искаженной формой которого является вариант *Анакәаџаџа лбаа*.

На генуэзских картах XIV–XVI вв. Анакопия значится как *Никофия* [572], *Никопсия*, *Анакуфа*, *Анакопия* [15, 34]. С Анакопией увязывают и следующие названия: *Акалифис*, *Ниосохия*, *Никополь*, *Ахейзос*, *Никопия*, *Никопсис* [18, 155], *Пханакопи* [7, 129].

Название Анакопия в XVIII–XIX фиксируется как *Анакопа* [573], *Анакопия* [574], *Анакопир* [404], *Анакуа* [575], *Анакопья* [576; 571].

По поводу этимологии Анакопии в литературе существуют разные мнения. Дюбуа де Монпере название Анакопия переводит (неизвестно с какого языка) как «видная издалека обрывистая гора». Х. С. Бгажба пишет: «В слове Анакопия, как и в Никопсия, мы можем выделить окончание – *иа*. Основа *анакон*, видимо, восходит к *анакәаџ*, где второй элемент *кәаџ* означает выступ (ср. *акәаџа-џа* – “изрезанная, извилистая местность”). Первая часть – *ана* самостоятельная основа, которая может быть выделена и в других географических именах: “*Анхуа*” (из Ана-хуа), *Ана-па*» [168, 169].

Г. А. Амичба также рассматривает *Анакѣаџиа* как абхазское название. Он, основываясь на интерпретации Х. С. Бгажба, считает, что упоминаемая в греческих источниках Трахея «суровокаменистый», является переводом абхазского *Анакѣаџиа* [577, 18].

Нам представляется, что к этимологии *Анакѣаџиа* ближе подходит З. В. Анчабадзе. Он пишет: «Еще грузинский историк XI в. Джуаншер подчеркивал, что в Анакопии есть чудотворная икона пресвятой богородицы. Название города “Анакопия” увязывается также с абхазским словом “аныха” – “икона”. Неслучайно, что соседнее с Новым Афоном абхазское село носит название “Анхуа” (Анухва)» [20, 27].

На наш взгляд, название села *Анхуа* восходит к форме *Аныхѣа*, букв. означающее «гора иконы (иконная гора)» или «гора святыни» от *аных-а* «икона», «святыня» + *хѣа* «возвышенность», «гора». Сочетание в названии фарингального *х* и *хѣа* дало *хѣа*, отличное (как отмечает Х. С. Бгажба) от *хѣа*, встречающееся в конце многих названий населенных пунктов Абхазии: *Блабыр-хѣа*, *Мгѣызыр-хѣа*, *Кацар-хѣа* и т. д. Со временем название святой горы закрепилось за лежащим у ее подошвы селом. Анакопийская же гора стала именоваться *Анакѣаџиа ашьха* – из *Аныххѣаџиа ашьха*, букв. «стоящая перед Анхѣа (Аныххѣа) гора» – где *џиа* (*аџиа*) «то, что возникает перед чем-либо», «то, что закрывает спереди что-либо». Усеченная форма *Аныххѣаџиа* вполне может дать интересующий нас этноним *Анакѣаџиа*. Наконец, возможно, с абхаз. *Анхѣа* (*Аных-хѣа*) «гора иконы (святыни) или «святынная гора» связан необъясняемый на осетинской почве топоним *Анхуа* в Осетии [570, 65, 115, 116]. Д. К. Чачхалиа считает, что от названия иконы Богородицы-Победительницы Абазгская столица (крепость) получила свое название *Анакопия* – из греческого Никопея «Победительница» [86, 14; 87, 13].

Агџа (Агџа) – один из поселков села Анухва у северной подошвы Анакопийской (*Ансарской*) горы (Гудаутский район). Распознается в имени абхазского царя Георгия (известного и как *Георгий Агџепский* (861–868 гг.) в грузинском источнике – *Агџепели*). Думается, что в основе последнего имеется абхазское *Агџыбаа*, букв. «Агџиская крепость», т. е. «Анакопийская крепость», владельцем которой являлся Георгий I (сын Леона) до своего воцарения на абхазский престол (см. гл. IX, § 1) [199, 23].

Цхом // Цхум – центр Цхомской области Абхазского царства в междуречье рек Келасур (возможно р. Гумиста) и Ингур; в XI–XIII вв. город Цхум – один из крупных городов Кавказского Причерноморья и одна из резиденций абхазских царей (см. выше). Город *Цхом // Цхум* впервые упоминается грузинским историком XI в. Джуаншером как город Апсилии в числе восточно-причерноморских городов и крепостей, разоренных во время вторжения арабского полководца Мурвана ибн Мухаммеда в 733–738 гг. [19, 93; 199, 49]. Однако неизвестно, существовало ли название Цхум в период арабского нашествия или тогда еще город именовался Севастополисом. Основание для такого рассуждения дает вышеуказанное описание епархии Константинопольского патриарха, датированное IX в., где Севастополь называется как место кафедры архиепископа Абазгии (речь идет о времени, когда Апсилия была уже присоединена к Абазгии). В связи с этим представляет интерес сообщение другого древнего автора. Речь идет о грузинском писателе и переводчике Еквтиме Атонели (995–1028), который, повествуя о странствовании апостолов, пишет: «Отправились они оттуда (из Осетии. – В. К.) и прибыли в город Севаста, который нынче именуется Цхуми» [578, 28].

Цхум в форме *Sakhum* впервые встречается на карте Исмаила Абульфеды (1331 г.) [579], затем на французской карте Делисле (1723 г.) он значится как *Sahoum* [580], а на карте 1770 г. *Shakhom* и *Shacchom* [581]. Названные и другие известные нам карты (исключая итальянские), изданные до 1830 г., довольно приблизительные, по ним практически невозможно точно локализовать обозначенные на них названия. Исключение составляет Брульенная карта Абхазии 1813 г., хранящаяся в Военно-историческом архиве (Москва) [582]. В ней указаны Согум в междуречье Гумисты и Келасури и отдельно Цхом (с пометкой, что там живет Ребия-Ханум – мать владетельного князя) на левом берегу реки Келасури. На карте 1845 г. [583] также отмечено «Тубун – древний Цхоми». Ошибка ли это?

Интересные сведения относительно расположения Цхума дает грузинский историк и географ XVIII столетия Вахушти: «За рекой Кодори на западе река Цхоми, которая происходит от места Цхоми, которое находится в верховье этой реки в горах» [584, 781]. Ряд исследователей (В. И. Сизов, Л. Н. Соловьев, З. В. Анчабадзе,

Ю. Н. Воронов и др.), отождествляя реку «Цхоми» с Беслеткой и «верховье реки» с холмом, на котором стоит Замок Баграта на расстоянии около 500 метров от моря, помещают Цхоми на левом берегу р. Беслетки. Однако этому противоречат не только выше-названные карты и сообщение Вахушти, но и свидетельство грузинского историка начала XIX в. Нико Дадияни, хорошо знавшего Абхазию и не раз бывавшего здесь. В связи с событиями 20-х гг. XIX в. в Абхазии Дадияни пишет: «Мы прибыли в Тубун, т. е. Цхом, совершенно сожгли и опустошили город и окрестные его деревни, а равно и дворец Шервашидзеых; откуда прибыли в крепость Аку, где отдыхали в продолжении четырех или пяти дней, достаточно уставшими от битвы». Ниже читаем: «Мы вернулись (из Лыхны. – В. К.) и снова прибыли в Акуа, т. е. Сухум» [585, 101]. Как видим, автор не путает Цхоми с Акуа – Сухумом и первый помещает на левом берегу реки Келасури в местности, называемой абхазами Тхэбын (а по Дадияни – Тубун).

Не будучи знакомым с вышеприведенными материалами, Д. Гулия Цхом, именуемый мегрелами Кулеси, относит к Тхубуну, «бывшему городу в 4 верстах от Сухума, на юге близ к реке Келасури» [18, 148].

Таким образом, древний *Цхом* находился на левобережье р. Келасур.

Стена же, тянувшаяся от прибрежной Келасурской башни к огромной средневековой крепости, находившаяся на горке, на расстоянии около 500 метров от моря, служила для защиты западной границы города Цхом (абхаз. Тхубун). Позже именно здесь, т. е. в Цхоме, находилась резиденция абхазских князей, разрушенная вместе с городом в 1820 г. русскими войсками [585, 101].

Наконец, о существовании за Келасурской стеной города говорит, по-видимому, и современное название этой местности – *Келасур-и*, которое, по мнению Ю. Воронова, не имеет ничего общего с Клиссурой древнегреческих и грузинских источников и восходит к турецкому *Каласур* – от *кала* «город» и *сур* «городская стена» [587, 103]. Согласно же Кларе Серене (вторая половина XIX столетия) *Келасур* переводится как «крепость, окруженная высокими стенами» [587, 118].

Таким образом, ранний и поздний средневековый город *Цхум* или *Цхом* должен помещаться в междуречье Келасур и Мачара.

При этом с X в. временами название распространялось и на современную территорию города Сухума, всегда именовавшегося у абхазов Акәа. Отдельные авторы одновременно упоминают Цхум и переименованную форму Сухум, первое указывает на левобережье р. Келасур, а Сухум на ее правобережье.

По поводу происхождения названия Цхум // Цхом в литературе существуют различные мнения. Г. З. Шакирбай считал, что ойконимы Цхуми, Тхубын, Цхыбын происходят от одного корня. Другой же исследователь М. Калдани Цхуми связывает со сванским Цхом «граб». Этимологию Цхуми, Цхоми затрагивает и П. Ингорква. Рассматривая данное название как грузинское, он выделяет в нем суффикс *уми*, *оми* и сравнивает с окончанием таких топонимов Грузии, как: Бат-оми, Борж-оми, Дил-оми и т. д. [55, 147]. Думается, что автор прав в том, что в интересующем нас названии присутствует суффиксальный элемент *оми*, *уми*. Основой же топонима является – *цх*, который вряд ли отделим от абхазского названия реки Келасур – *Зыхәа* «Белая река» (от *азы* «вода» и *хәа* «белый» (см. выше «*Зыгәтәа*»). Еще Дюбуа писал, что р. Келасур «окрашивает в беловато-зеленый цвет море на расстояние более чем полутора верст» [7, 138]. Известно, что *Бат-оми* (Бату-ми) происходит от более древнего Батә, точно так же от названия *Зыхәа* грузинские источники производят названия реки и города Цхуми или Цхоми. Вспомним слова Вахушти: «За рекой Кодори на западе река Цхоми, которая происходит от местности Цхоми».

Название реки *Зыхәа* сохраняется и в абхазском названии села *Тхәыбын* // *Тхәыбын*, трансформированное, на наш взгляд, из *Зыхәаңан* (Дзыхуапан) букв. «Дзыхуский брод», «Дзыхуская переправа», где *Зыхәа* (Дзыхуа) – название реки и *а-ңан* «брод». Что же касается средневекового Цхом, Цхум, то оно может быть из *Зыхәгум* «Зыхуский гум», где *Зыхәа* – название совр. р. Келасур и Гум – название центральной части Абхазии: *Зыхәгәым* усеченно *Зыхәым* > *Зхум* > *Цхом* // *Цхум* // *Сухум* [94, 242–247].

Келасур – см. выше *Цхом*, главу IX, § 1, а также [94, 245].

Собги – название крепости в районе Цабала (Гулрипш. р-н Абхазии), соответствующей современной русской форме *Шапки* (Шьапки). Крепость *Собги* впервые упоминает грузинский автор XI в. Джунаншер. Согласно его сообщению, во время арабского нашествия на Абхазию (VIII в.) абхазский правитель (царь) Леон I

оказался в крепости *Собги*, находившейся на перевальном пути в Осетию [199, 49]. Гора и крепость, известная у русскоязычного населения района как *Шапкы*, находится также на перевальном пути в апсильский район *Цабал* и далее на Северный Кавказ, в частности, в средневековую Осетию, что вполне соответствует локализации крепости *Собги* Джуаншера (см. выше).

Исходная форма названия – абхазское *Ҩыбгы* (Тшыбгы), буквально означающее «обрывной», «обвальный» – от глагола *аҨыбгара* «обваливаться, отваливаться». Абхазская аффриката *Ҩ* не характерна для грузинского языка, поэтому она закономерно передается в названном источнике через «с» – Собги.

Полное абхазское название крепости *Ҩыбгы абаа* – букв. «обрывная крепость», «крепость у обрыва», что соответствует характеру самой местности [94, 280, 281].

Анаклиа // Анакрия – см. выше главу IX, § 1, а также [94, 93, 94].

Бедиа – одна из областей Абхазского царства, образованная в конце VIII в. абхазским царем Леоном II, заключавшаяся между р. Хоби (?) и Цхенис – цкали, (см. выше главу IX, § 1, а также [199, 129; 94, 59, 129–131]).

Джихан-Куджи – согласно записи грузинского анонима, известного по рукописям XIII–XIV вв., город на левобережье р. Аба-ша, в 40 км от Кутаиси. В источнике речь идет о событиях VIII в. На поздний характер самой записи указывает содержащееся в ней разъяснение «...в городе Джихан-Куджи, на земле мегрелов, в окрестностях Чкондиди, что есть на мегрельском языке “Большой дуб”» [199, 11, 12]. Однако, как известно, этноним «мегрелы» не использовался в письменных источниках до XIV в. [199, 56]. В сообщении представляет для нас интерес прежде всего название города *Джихан-Кудж*, практически соответствующий *Чкондиди* других грузинских источников. По поводу последнего Вахушти пишет: «Выше Бандзы и к западу от Цхенисцкали, на высоком, с видом на реку, месте находится Чкондиди, церковь с куполом, грандиозная, Мартвильская. Ее воздвиг восьмой царь абхазский Георгий и украсил церковными украшениями» [520, 166].

В интересующем нас названии *Джихан – Кудж* вторая часть *Кудж* является именем правителя *Егри – Бедиа* из мифического рассказа Леонти Мровели. Аноним прибавил ее к названию горо-

да Джихан, считая, что это место являлось и местом пребывания того же Егрского правителя IV в. до н. э. – *Куджа* [94, 130, 131]. С его именем связана и известная крепость этого региона – Цихе-Годжа – из *Цихе Куджа* – «крепость Куджа», совр. Накалакеви (см. выше). Что же касается самого названия города *Джихан*, то оно представляется исходной формой для основы *Чкон* в *Чкон-диди*, фиксирующейся и как *Дчкон-диди* [18, 218], *Дишкон-диди* [588, 427]. Сама исходная основа *Джихан*, более чем вероятно, производно от абхазского *Чихан*, *Чхан*, буквально означающего «Ачов дворец, храм», где *ч* – основа родового имени первых абхазских царей Ач (Ач-ба), *и* – притяжательный аффикс 3-е л. ед. ч., класса мужчин – «его» и *хан* «дворец», «храм» (см. ниже *Чиха*, *Чхара*). *Ач*, *Ачба* – они же *Лау*, *Лоу* (Леониды), срав. *Лыхны* из *Лоухан* «Дворец Лоуовых» – резиденция абхазских владетелей [94, 205].

Со временем к названию *Чихан*, *Чхан* «Ачов дворец или храм» было прибавлено абхазское *адыуду* «великий» (абхазо-абаз. *адыу*, *аду* «большой», *адыуду* «великий», *адыудза* «величайший»). Абазское *а-дыуду* «великий» – в грузино-мегрельской передаче *диди* «большой», «великий», т. е. *Чихан* (или *Чхан*) *дыуду* или *Чхан диди* «Великий Ачов дворец (храм)». Абхазское *Чихан* // *Чхан* и производное от него *Чхан-дыуду* по созвучию с мегрельским *чико-ни* // *чкони* «дуб» было переименовано в *Чкон-диди* «большой дуб».

На наш взгляд, очевидно, что *Чкондиди* – «большой дуб» как название, мягко говоря, не очень подходит к городу, являвшемуся одной из резиденций абхазских царей, месту сосредоточения великолепных царских строений, религиозному центру. Как уже было сказано, здесь в первой половине X в. великий абхазский царь Георгий построил грандиозный купольный храм и учредил в нем епископскую кафедру, здесь же был похоронен и сам царь Георгий II. В дальнейшем управляющий Чхондыудским владением – абхаз. *Чхан мада* или *Чхан дадах* (?), груз. *Чкондидели*, становится вторым лицом в абхазском государстве после царя.

Управляющими царским двором и делами царского двора становились, по-видимому, представители княжеского рода Маршан (см. ниже Мартвили).

Мартвили – город и район в Западной Грузии. Город Мартвили – то же самое, что древний *Джихан-Кудж* или *Чкондиди* (см. выше *Джихан-Кудж*). Как уже было сказано, появление по-

следних названий связано с церковными постройками абхазских царей в Мартвили – монастыря *Джыхан* (абхаз. *Чихан* «Ачов монастырь»), а затем церкви, известной как *Храм Рождества*, и Кафедрального собора *Успения Богородицы*. Последнее, как уже отмечено, получило у абхазов название *Чихан дыуду*, букв. «Великий Ачов храм», т. е. «Великий царский храм», что передано в мегрельском искаженно как *Чикон-диди* – «большой дуб» (см. выше *Джыхан-Кудж*). Вместе с тем представляет значительный интерес также и абхазская этимология названия города и региона – *Мартвили*. Последнее на картвельских языках не имеет убедительного объяснения. Павел Алеппский (XVII в.) *Мартвили* возводил к *Мартуил* – имени младенцев, которых побил Ирод за Христа [61, 262]. На этом основании Д. Гамахария и Б. Гогия *Мартвили* переводят как «мученик» [61, 635]. На наш взгляд все гораздо проще. В основе имени *Мартвили*, представляющего внешне грузинскую форму, лежит прозрачное абхазское географическое название *Мартэыла* – в русской передаче *Мартвыла*, в грузинской – *Мартвили*. Абхаз. *Мар-тэыла* буквально означает «Владение Маров», т. е. «Владение Маршанов», где *мар* – основа княжеского родового имени – *Мар-шан* [24, 233, 234; 110, 173, 174; 94, 208–210] и *тэыла* (твыла) «владение», «страна» (см. выше). Как уже отмечено, именно представители рода Маршан становились управляющими делами царского двора и являлись вторым лицом в абхазском государстве. Вместе с тем, согласно «Картлис цховреба», вся Бедийская область (княжество) уже в X в. являлось родовым владением Маршанов (груз. Маруши-сде или Марушаниани). Наследники этих правителей выступают под титульным именем *Дадияни* (см. выше и [506, 108–109; 74, 153–154]. Поэтому неслучайно, что некоторое время Мартвильский собор являлся усыпальницей (абхазских) правителей Мегрелии, т. е. средневековой Бедийской области *Дадиян-и*, происходивших, как уже было сказано, из рода Маршан.

Асхи – название высокогорного плато, расположенного севернее г. Мартвили (Чкондиди) – из абхаз. *Асхы*, букв. «снежная вершина», «снежная голова» – из абхаз. *а-сы* «снег» и *хы* «голова», «вершина».

Хони – город и район к востоку от Мартвили в Западной Грузии. В 1936 г. переименован в Цулукидзе, в 1989 г. восстановлено

исконное – Хони. Город Хони и Хонский собор были построены абхазским царем Феодосием II в 812 г. [15, 99; 17, 13; 18, 214]. На иконе Богородицы Хонского монастыря имеется надпись: «Все святая Богоматерь предстательствуй перед Христом за дом царя Леона» [17, 23].

Название города *Хони*, возможно, из абхаз. *хан* «храм», «дворец»; *Хан* > *Хони* срав. *Ч-хан* > *Ч-кони* и т. д. Вместе с тем не исключено более древнее происхождение данного названия. Оно может восходить к этнониму – обозначению родоплеменной группы *хон* (хоной), распространенной в качестве топонима в центральных районах Кавказа [599, 232, 233].

Кинчха – водопад и село *Зеда-Кинчха* «Верхняя Кинчха» в 26 км от Хони. По-видимому, из абхаз. *Кинц-зха* (Кинц-дзха) «источник Кинцов», где *Кинц* – абхазский дворянский род и *зха* (дзха) «источник», срав. в Новом Афоне р. *Псыр-дзха* «источник апсаров» (см. выше).

Горда (Зеда-Горда «Верхняя Горда») – село в северной окраине Хонского района, справа от р. Цхенис – Цкали вблизи Кинчха.

Село Горда в прошлом было одним из царских курортов, которым позже пользовались правители Мегрелии Дадияни. Похоже *Горда* из абхаз. *Гуарта* «летняя стоянка».

Окаце – каньон между селом Зеда-Горда (Хонский район) и реки Цхенис- Цкали.

Название *Окаце* представляет собой мегрелизированную форму абхазского *А-кыца* (Акыца) «ущелье», «подгорье», срав. *ала-кыца* «подглазье», букв. «впадина глаза» – от *ала* «глаз» и *кыца* «впадина».

Абаша, Абашья – правый приток р. Риони; город и район в междуречье Техури (Абаша) и Цхенис-Цкали в Западной Грузии. У Ламберти – *Abbasia*; село *Абаша* также в междуречье Супсы и Риони.

Исходным является этноним *абаса, аңаса* «абхазы» (см. выше главу VIII, § 4, а также [18, 101; 61, 267, 268, 277, 298, 335; 423, 62, 63]).

Кутаис (Кутатис), груз *Кутаиси*, абхаз. *Кутаиш* // *Кутеиш* (*Қәтәиш* // *Қәтәиш*) – средневековая столица Абхазского царства. Как уже отмечено (см. гл. VI, § 3), последние считаются производными от названия древнего города *Кута* (*Кита*, *Китей*) – центра

Айя-Колхиды, т. е. Царства Аиета и аиетидов «Аргонавтики». В основе этих форм, по мнению авторитетных ученых П. К. Услара, Н. Я. Марра и других, лежит абхазо-абазинский термин: абхаз. *а-кыта*, абаз. *кыт*, *кыта* «село», «община» [11, 78; 264, 19].

На наш же взгляд, к современной форме названия города *Кутаиси*, абхаз. *Кутаиш* // *Кутеш* (*Қәтаиш* // *Қәтеиш*) может иметь отношение зафиксированное в XVII в. Эвлией Челеби на западной окраине исторической Абхазии значительное абхазское общество с именем *Кутаси* [1, 6].

Гегути – село в 7 км от средневековой столицы Кутаиси, абхаз. *Қәтаиш*. Здесь абхазскими царями был воздвигнут один из самых крупных дворцов Абхазского царства. При этом остается неизвестным, при каком абхазском царе он был построен. Первые строения села датируются VIII–IX вв., т. е. раннефеодальным периодом Абхазского царства. Считается, что дворец был построен между XI–XII вв. В конце 70-х гг. XII в. село и дворец Гегути становятся одной из летних резиденций царицы Тамары. Царица здесь проживала в начальный период совместной жизни с первым мужем – русским царевичем Юрием (Георгием). Затем, в связи с разводом Тамары с русским царевичем Юрием и повторным замужеством за своего родственника Давида Сослана, правители Западной Абхазии вернули находившегося в изгнании Юрия и короновали его в Гегути царем всего Абхазского царства (об этом см. гл. XI, § 2).

Что же касается происхождения названия села и дворца *Гегути*, фиксирующегося в грузинских источниках, то, по-видимому, оно из абхазского *Гукыт* // *Гукыт-а* (*Гэықыт* // *Гэықыт-а*), букв. «центральное село» или «Столичное село». Последнее состоит из двух основ, где препозиционное *гу* «центр», «середина», переносно «столица» и второе составляющее – абхазо-абазинское слово *кыт*, *кыта* (*қыт* // *қыт-а*) «село», «община» (срав. абхаз. *Еш-кыт* «Село Эшбовых», *Аччаа-р-кыт* «село Ачбовых», абаз. *Лоу-кыт* «село Лоовых» и т. д.). При этом, по причине того, что абхазское «*ы*» закономерно передается в грузинском через «*у*», – абхазское название села *Гэқыт* (*Гукыт* или *Гукыта*) в грузинском превратилось в *Гегут-и*, где «*и*» – обычное грузинское окончание.

Опшквити – село южнее Гегути, Кутаисский р-н. По-видимому название села *Опшквити* представляет собой мегрельскую форму

передачи абхазского *Аңскыта* «село апсов», т. е. «село абхазов» – от *аңс* – основа древнего самоназвания абхазов *апса* (срав. *апс-ил*, в груз. *апи-ил*, *Апсил-ия* → груз. *Апишл-ети*) и абхазского слова *акыта* «село», «община». Похоже, мегрельская форма *Опиквити* образована под влиянием (созвучию) мегрельскому *шьквити* «восемь».

Чиха, Чхара (Чхари), в прошлом – село, Чихская область и крепость в Имеретии и Аргвети [5, 324]. Территория Чихской области была присоединена к Абхазскому царству еще абхазским царем Леоном. Город же *Чиха* или *Чхара* был основан сыном Леоны Феодосием II в 819 г. [18, 215; 87, 19], а затем следующий абхазский царь – брат Феодосия II, Георгий, захватил Картли и владетельным князем (эриставом) в Чиха посадил Тинена, сына брата своего Димитри [5, 222].

Названия обозначенной территории *Чиха* и *Чхара* также имеют абхазское происхождение. Первое – из абхазского *Чыха* или *Чха* букв. «Ач(ба) – князь», «Ач(ба) – владетель» или «Ачов князь», «Ача владетель» – от основы родового имени абхазских владетелей *Ач-ба* – *Ач* и *ха* «князь (царь)», владетель (см. выше *Джихан* – *Кудж*). *Чха* – первоначальное название села или города, основанного Феодосием II, отсюда *Чхара* – название владения наместника (эристава) *Чха*, срав. *аңсха* «царь абхазов» – *Аңсха-ра* «Абхазское царство» и т. д.

Гванкити – село в южной части Чхарского района.

Наименование села *Гванкити* представляется грузинской передачей абхазского *Гуанкыта* (*Гуанқыта*) «село Гуановых», образованного от имени абхазо-абазинского древнего дворянского рода *Гуана*, *Гуанаа*, ныне у абазин пишется «Гонов» [425, 283].

Сакара – пустынная территория на правобережье р. Квирила, выше Зестафони вблизи с. Гванкити (*Гуанқыта*).

Название *Сакара* из абхазского *А-сакара* «пустыня», «пустырь».

Цуцхвати – крепость в Имеретии, к востоку от Кутаиси [5, 323] – из абхаз. *Цыцхуа* «гора Цыцовых», где *Цыц* (Цыц-ба) – родовое имя абхазских дворян и ху «гора», «возвышенность».

Чхвиш, Чхвиши, Чхвиси – крепость в Имеретии, в Раче [5, 324] – из абазинского родового имени князей *Цкис* // *Цкиш* [425, 398].

Имерети – междуречье Цхенис-Цкали и Квирила с центром в Кутаиси – центральная область Абхазского царства.

Об этимологии *Имерети* см. гл. VI, § 5.

Гуриа, абхаз. **Агуры, Гуры** – провинция Абхазского царства, расположенная между Аджарией и р. Рион.

Об этимологии *Гуриа* см. гл. VII, § 2.

Ачара «Аджария» – см. гл. VIII, § 4.

Чорох – река у восточных пределов Аджарии – см. гл. VIII, § 4.

В целом же, как справедливо отмечает проф. Ш. Д. Инал-ипа [365, 219–225], в географической номенклатуре Западной Грузии, в частности в Мегрелии, Имеретии, Гурии и Аджарии абхазские названия занимают значительное место.

Известный специалист по грузинской топонимии П. П. Цхадая из географической номенклатуры Мегрелии выделяет такие абхазские географические термины, как: *азмах* (*адзмах*) «лужа, пруд», «болото» (В. К.), *алгыд* «воронкообразная яма», *ахкара* (*хекара*), абхаз. *а-хкаара* «временное пастушье стойбище», «загон» (В. К.), *ашта* «поле», «луг», «двор» (В. К.), *какара* (*какаро*) «густой лес с крупными деревьями», «роща, лиственный лес» (В. К.) [567, 34].

Значительное число абхазских названий представлены в микропонимии *Зугдидского* и *Чхороцкуйского районов*:

Абастумани (с.-восточнее г. Урта, Зугдид. р-н) [566, 50], а также река и курорт Абастумани в юго-восточной Грузии (см. гл. VII, § 3), из грузинского *Абас-т-убани* букв. «Абасский квартал (район)», т. е. «Абхазский район» (см. выше).

Абхазашь(и) нохора (село в Абастумани, Зугдид. р-н) [566, 51], букв. «место жительства абхазов».

Хецера (в районе Абастумани, Зугдид. р-н) [566, 103], по-видимому, из абхаз. *Ахьацара* «грабовый лес».

Урта (гора и село юго-западнее Абастумани, Зугдид. р-н), из абхаз. *Урта* // *Утра* «огород», «обрабатываемая земля», срав. с Урта в Очамч. Р-не Абхазии.

Хирху (местность в районе Абастумани, Зугдид. р-н) [566, 103], по-видимому, *Хирху* является усеченной формой из абхаз. *Хьиаа-р-ху* «холм Хиовых», срав. также *Хьырху* «холм золота» и *Хирхэы* «наказанный».

Цакваши (близ Абастумани, Зугдид. р-н) [566, 92], срав. с *Цақэашь* в Очамчирском районе Абхазии.

Хибула (село в 20 км севернее Зугдиди, в Хобском районе; *Дзвели Хибула, Ахали Хибула*) [365, 220; 566, 103] – из абхаз. *Хибла* «золотые очи» [365, 220] и др.

В Чхороцкуйском районе:

Апсашь(и) цкургили (Чхороц. р-н) [566, 51], букв. «родник абхазов», где *апса* – древнее самоназвание абхазов.

Цаиш(и) – село и церковь в Зугдидском районе – из имени абазинского дворянского рода *Циаиш* [425, 398].

Чаквити, Чаквиджи – крепость в Одиши [5, 324]. Первое, *Чаквити*, из абхаз. *Чакуитэы* «владение Чакуа», «принадлежащее Чакуа» – из абхазского дворянского родового имени *Чакуа* (срав. *Чаква* в Аджарии), *и* – местоимение «его» и *тэ* – «принадлежность», «собственность». Вторая же форма *Чаквиджи* – из абхаз. *Чакуа-ицъ* (Чакуайдж) букв. «дуб Чакуа (Чаква)».

Агудзера (в с. Зуми, Чхороц. р-н), срав. *Агудзера* в Гулрышском районе Абхазии; **Аргуна** (с. Таиа) – из имени абхазского рода *Аргун*; **Гвамарда** (в с. Мухури, Чхороц. р-н) [568, 87] – из абхаз. *а-марда* «склон», «крутой подъем»; **Гвалашара** – из абхаз. *алашара* «свет»; **Гудааси** (с. Накиани) – из имени абхазского дворянского рода *Гуда, Гудаа* см. *Гудаа* – село в Галском районе Абхазии; **Какара** (с. Ахути) – из абхаз. *а-какара* «роща, лиственный лес» (см. выше); **Мачара** (с. Кирцхи) – из абхаз. *Мачара* «Мачовы»; **Нанду** (с. Кирцха) – на абхаз. «Великий Нан» или «бабушка»; **Нацха** (с. Мухури) – из абхаз. *ацха* «мост» (см. выше); **Набжьал** (с. Кирцха) – абхаз. «проход»; **Хаша** (в селах Напичхао, Таиа) – абхаз. *хаши* «известняк»; **Лахарха** (с. Ахути) – из абхаз. *Лаха-рха* «долина (равнина) инжиров»; **Леапшиле** (с. Джоги), букв. «район апсилов (апшилов)» [568]; **Леабхазе** (в селах Хабуме, Чоги, Чхороц. р-н) [566, 67], букв. «район абхазов», «место жительства абхазов» и др.

Гвандра (гора в Цаленджихском р-не) [566, 57], срав. *Гуандра* – гора, река и местность в Абхазии; об абхазской этимологии см. [94, 149, 150].

Абхазские географические наименования в топонимии Абашского и Мартвильского (Гегечкорского) районов (в дополнение к уже рассмотренным выше абхазским географическим названиям этого региона).

В северо-восточной части региона:

Агвара – топоним, часто встречающийся в горной Мегрелии.

– Из абхаз. *агуара* «ограда», «загон», «общий скотный двор». Абхаз. *агуара* может иметь отдельные отсеки – *агың*: место для дойных животных, место для молодняка, место для пастушьих собак, а в центре *Агуаратың* «место пастухов». Абхазский народный животноводческий комплекс вместе с абхазскими названиями *агуара* и *агың* сохраняется, согласно Г. Илиава, практически без изменения в быту жителей горной Мегрелии [436, 18]. Название *Агуара* широко встречается как в самой Абхазии, так и в Мегрелии, Гурии, Аджарии и др. местах (см. гл. VIII, § 4).

Об этимологии *Агуара* (Агвара) см. [151, 109, 110].

Агварта – топоним, встречающийся в горной Мегрелии, см. (*Зениа гварта*) [436, 178], – из абхаз. скотоводческого термина *а-гуарта* «стоянка», «загон», «двор», «стадо», «много». Представлено и в родственных языках: абазин. *гуарта*, адыг. *гуартэ* // *куарт* «стадо», «много», «отара». Термин *а-гуарта* образован от абхазо-абазинской глагольной основы *гуа* (*а-гуа-ра*) «располагаться, останавливаться где-либо со скотом» и локативного суффикса *та*. Слово в целом разъясняется как «место, где располагаются, останавливаются (со скотом)» – «стойбище», «стоянка», «загон». Развитие в дальнейшем у этого слова значения «много», «стадо», «гурт», на наш взгляд, объяснимо на основании ряда фактов. Прежде всего обращает на себя внимание то, что в абхазском языке слово *а-гуарта* в значении «много», «стадо» чаще употребляется с суффиксом единичности *к* – *гуартак*; последний осмысливается как «вмещающееся в одной ограде, загоне (*а-гуарта*)». Отсюда: *раху гуартак ааицеит* «пригнал много скота», букв. «пригнал скот, вмещающийся в одном загоне – агуарта»; *раху гуартак анцаа исыт* «дай бог мне множество скота», букв. «дай бог мне скот, вмещающийся в одну агуарта»; *араху гуарта* «много скота», букв. «загон скота» [151; 111–113].

Азмахи (в северо-восточ. Мегрелии) [436, 18] – из абхаз. *азмах* «лужа», «болото», см. выше.

Зана – речка в Старой Абаше (Абаш. р-н) [436, 29], срав. речка *Бзана* в Очамч. р-не Абхазии – «родник», убых. *бз* «вода».

Напацхара (с. Гезати, Абаш. р-н) [436, 19] – из абхаз. *Аңацхара* «место плетеного дома», осложненный мегрельской приставкой «на».

Кацахура – местность в с. Самикао (Абаш. р-н) [436, 22] – из абхаз. *Кацахур* «барбарис».

Нарцу – местность в г. Абаша и *Нерчи* в с. Курзу (Мартв. р-н) [436, 38, 147], по-видимому, из абхаз. *Нарцэы* (*Нарцвы*) «по ту сторону», «потусторонний».

Кодоре – м-сть в с. Гезати (Абаш. р-н), *Кодора* – м-сть в г. Абаша, *Кодори* – поселок села Кителари (Абаш. р-н) – срав. *Кодор*, *Кодори*, абхаз. *Кудры* – главная река в Абхазии.

Апхазаш(и)га (Мартв. р-н) [566, 51], букв. «холм абхаза».

Наапхазу (Март. р-н) [566, 73], букв. «Место прежнего пребывания абхазов» [365, 224].

Цицибаиашьи нохори (Цицибаиаше нохори) – (с. Онтопи, Абаш. р-н) [436, 17], перевод с мегрельского «местожительство Цицбов» – из родового имени абхазских дворян *Цицба* (см. Цыц, Цыцба).

Маршьиа (Маршиа) (с. Онтопи, Абаш. р-н), мегр. «местожительство Маршов» – из основы абхазского княжеского рода *Марыш*, т. е. *Маршан* (см. выше Маршан).

Тхина (м-сть в Мартв. р-не) [436, 105, 109], срав. с с. *Тхина* в Очамчырском р-не Абхазии.

Агуркура (в с. Лехаиндрао, Мартв. р-н) [436, 78], на абхаз. *Агуркура* букв. «место клятвы гурийца (гурийцев)» – из *агур* «гуриец» и *а-кура* «клясться», «давать обет, зарок» [548, 106].

Какара (в с. Дошаке, Мартв. р-н) [436, 143] – из абхаз. *А-какара* «роща», «лиственный лес» (см. выше).

Нацхаду (в с. Тамакони, Мартв. р-н) [436, 161] – из абхаз. *Ац-хаду* букв. «большой мост» – от *ацха* «мост» и *ду* «большой» (см. выше *Нацха*).

Нанду (в селах Абедати и Нагвазоу, Мартв. р-н) [436, 94, 109] – см. выше *Нанду*.

Нароу (м-сти в селах Норио, Абедати, Нахунао, Гурдзени, Мартв. р-н) [436, 34, 94, 123, 160] – по-видимому, из абхаз. *нароу* – «вытянутое вдоль чего-либо место», «вытянутое в длину место».

Нацхьека (в с. Цкеми, Мартв. р-н) [436, 32] – из абхаз. *Ацхьак* (Апхиак) «припрятанный», «изолированный», «находящийся на стороне» [548, 163].

Пакваши (м-сть в с. Нахунао и село, Мартв. р-н) [436, 122, 135], сравн. с. *Пакэаиш* (Пакваш) в Очамч. р-не Абхазии.

Уца (Уца) – (гора в с. Салхино, Мартв. р-н) – из абхаз. *Уыца*, *Ауыца* (Уыца) «подгорье» (см. выше).

Сапагуе (Сапагуе) – (с. Ведидкари, Мартв. р-н) [436, 70]. В переводе с мегр. «местожительство Паговых», «село Паговых». Речь идет об абхазском княжеском роде *Баг // Паг – Пагаа // Багаа* «Баговы // Паговы», в мегр. *Пагава* (см. гл. X, § 4). Российский чиновник К. Бороздин, находившийся в Грузии в середине XIX в., писал: «Раскидываясь верст на сорок в окружности, от р. Абаши до р. Цхенис-цкали, т. е. до границы Кутаисской губернии, Банза составляла в Сенакском округе как бы status in statu, а в ней фамилия князей *Пагава* – особый элемент, особую силу».

Хорашьи нохори (с. Оноги, Мартв. р-н) [436, 74], мегр. «местожительства Хоров» – из имени абхазских дворян *Хуара*, *Хуараа*, из рода садзов (см. выше Хуара, Хуараа).

Арчвашьи каре (в горной Мегрелии) [436, 76], мегр. «Арчов шатер (палатка)» – из имени абхазского дворянского рода *Арчуа*, *Арчаа* – в мегр. *Арчвая* (см. выше Арчаа, Арчуа).

Цачхура (Цачхэыра) – (село и река в районе Салхино, Мартв. р-н), по мнению Г. Элиава, из мегр. *чхуру* «холодный» [436, 168]. *Цачхура*, а также и название другой реки *Цачхур*, впадающей в Риони, Ш. Инал-ипа рассматривает как абхазский гидроним [365, 248]; абхаз. *цачхура* букв. означает «мочащийся под себя». В пользу абхазской этимологии гидронима Цачхура говорит, на наш взгляд, название притока этой реки *Абхазура*, т. е. Абхазская [436, 168].

В северо-западной Грузии Ш. Д. Инал-ипа выделяет целый ряд абхазских географических названий, таких как: **Шхара** – ледниковая гора в Сванетии в бассейне Ингури (по-абхазски «ашьха» – гора); со ссылкой на Н. Я. Марра – **Цашьгуашь** (речка в Сванетии), грузинское название **Пасис мта** – «Горы Фасиса» и **Басиани** (ущелье на границе Сванетии, Рачи и Осетии); **Тахитара** (м-сть в Раче), срав. абхаз. *Тахитэара*, букв. «место восседания Таха»; **Надикуара** «речка Нада»; **Кижинара** «склон Кижа»; село **Жибани**, т. е. «село Жибовых»; **Квараши** (около Вардзии) срав. абхаз. *Квараиш* «белокаменный»; **Гумати** – м-сть в 5 км от Кутаиси (ср. ущелье Гума в центральной Абхазии); **Абхарские высоты** близ Кутаиси – из абхаз. *абжьэара* «средний»; **Кодорская** гора и пункт, и селение *Кодори* в бассейне Риони, в верховьях р. Пичоры (срав.

абхаз. *Кудры*); в Гурии – **Ацана** (по мнению Ш. Д. Инал-ипа – из абхаз. названия карликового племени *Ацан*); **Ацкур** в Гурии (из абхаз. *Цкуара* «Цэкэара», т. е. «бычья речка») [365, 219–223].

Пожалуй, абхазские географические названия и названия, связанные с абхазами, более всего представлены в Гурии и Аджарии (бывшая Батумская область). Здесь, как уже было сказано, отмечаются:

– гидронимы с абхазо-адыгским окончанием *ҧсы* «вода» [438, 623–628] – **Супса**, **Кинапс**, **Акампс-ис** и др.;

– с абхазской основой *куара* «речка», «ручей» – **Окваре** в Гурии, в Аджарии – **Нади-квара** «речка Нада», **Бабо-квара** «речка Бобуовых», **Бобола-квара** «речка Бабала» и т. д.;

– названия с абхазо-абазинским окончанием множественности *қәа* (*кәа*) – **Ач-қуа** (*Ачкәа*) «Ачовы», **Чаква** (*Чаг-қәа*) «Чаговы», **Малта-қәа** (Малтаква) «Малтовы» и т. д.;

– с абхазской основой *а-гуара* «ограда», «загон», «двор» – село **Гуара** (Гвара) слева от р. Ачқәа (Ачкәа), с. **Гуара** в районе Кирнати, **Ципин – гвара** в Гурии «ограда (или двор, загон) Ципина» и др.

По поводу абхазской топонимии Аджарии (бывш. Батумской области) Н. С. Джанашия писал: «В нынешней Батумской области находились знаменитые в истории монастыри – **Анчи** (“Анцва” – бог по-абхазски), отсюда и **Анчисхатская** церковь в Тифлисе и в Хандзте. **Хан-дз-та** – в переводе Ханская вода. В Гурии известны селения... **Ципнигвара**, второе слово – “агвара” по-абхазски забор, ограда, плетень; в Ланчхутах известен ручей **Окваре**, это не что иное, как мингрелизированное абхазское “аквара” – ручей, **Хопа** – в Лазистане, **Хоби** в Мингрелии, возвышенность **Урта** в Мингрелии и в с. Поквеш Кодорского участка. О терминах **Кута-ис**, **Дуабзу**, **Губазоули** и других я умалчиваю, ибо они освещены у Н. Я. Марра» [589; 365, 222].

Представляют интерес и названия, производные от имен древних абхазо-абазинских обществ: **Губазеули** «село Губазов» – из имени садзского общества *Губдзы*, абхаз. *Губадз*; *Цанда-ури* «село Цандов», от садзского общества *Цанд*; **Сани-цкали** «река санов (саников)», **Сани-геле** «речка санов», **Сани-хеви** «ущелье санов»; **Озургети** – из абхаз. *Уазы-р-кыт* «село Озов» и т. д. (см. гл. VIII, § 4).

Абхазские географические названия и названия, связанные с абхазами, представлены также и в Восточной Грузии.

Лихи – гора и местность: Лихский хребет, он же Сурамский хребет, восточная граница Абхазского царства VIII–IX вв. По утверждению П. Ингорквва, *Лихи* соответствует форме *Луху*, в грузинском же *Лихи* – «высокий бурьян» [55, 151], что маловероятно для названия горы и целого хребта. *Лихи* // *Луху* может быть родовым именем, на что указывает название села *Лихети* «место Лихов» в Раче, та же речка *Лухуни* // *Лухунис цкали*, а также село *Лухвано* «Луховцы» в Лечхуме. У абхазов и ныне существует род *Лыху* (пишется *Лыхуба*, а у абазин *Лихов*) [74, 315], во мн. ч. *Лыхуар* – отсюда и фамилия Лыхуарба, они же Алхорба (в Аджарии) [74, 220, 234]. Вместе с тем топоним Луху может быть из Лоуху, букв. «гора Лоов» (Лоу // Лау – абхазо-абазинский царский род). Лихский хребет у греков именовался Амарантским. Ш. Д. Инал-ипа пишет: «Важно и то, что греки Лихский хребет называли *Амарантским*, как видно заимствовав это название у местного населения (т. е. Солнечным, вероятно, называло его аборигенное население, для которого солнце вставало именно из-за этого, восточного для них хребта)» [365, 579]. Автор имеет в виду абхазов и абхазское слово *амра* «солнце».

Хашури – город и район на левобережье р. Кура – из абхаз. *аҭаиша*, *аҭаишара* «известковое место», «место известняка» – от *аҭаиша* «известняк», букв. «белый камень» – *аҭаиша-ра* или *аҭаишара* «место известняка» [550, 292; см. гл. VII, § 3]. Срав. абхаз *а-ҭаиша* с названием р. *Хаша* в Цаленджикском районе, *Хаша* – в селах Напичхао, Таиа (Чхороц. р-н) и абхаз. *Аҭаиша цхырта* «Место добычи известняка» в Абхазии [93, 239].

Примечательно, что в советское время в Хашури имелись два известковых завода. О Хашури см. также главу VII, § 3.

Агара – м-сть на пути в Тбилиси между Хашури и Гори (см. гл. VII, § 3).

Гори – город на левобережье р. Куры, восточнее Хашури. Здесь же древняя крепость «Горис-цихе». Похоже, *Гори* – из абхаз. *гуара* «ограда», «укрепление» – *абаа-гуара* «крепостная ограда, стена»: *гуара* > *гори*, срав. *Гуартҭа* > *Горда* (см. выше).

Уплисцихе – пещерный город-крепость в 10 км от Гори. До IV в. н. э. являлся крупным языческим центром поклонения вер-

ховному божеству солнца и другим языческим богам (см. выше главу VII, § 3). Христианские сооружения здесь начинают появляться с IV в.

В начале IX в., по-видимому, при абхазском царе Феодосии, крепость Уплисцихе оказывается под контролем абхазов. Однако уже в середине IX в. при абхазском царе Дмитрие он переходит к арабам. В 875 г., при абхазском царе Георгии, абхазы вновь возвращают крепость себе. Основательно же в Уплисцихе абхазы закрепляются с конца IX в. при царствовании абхазского царя Константина III.

Строительство крепости Уплисцихе автор X в. Леонти Мровели приписывает мифическому Уплосу, являвшемуся сыном некоего Мцхетоса, жившего чуть ли не в доисторическую эпоху и построившего город Мцхету – древнюю столицу Грузии. На основе этой запутанной и сомнительной легенды [239, 50–52] отдельные грузинские историки считают Уплисцихе изначальным названием крепости.

В первую очередь следует подчеркнуть, что имена героев мифического рассказа Мровели – *Картлос*, *Мцхетос*, *Уплос* и т. д. представлены в греческом оформлении [239, 24, 49]. Последнее, т. е. *Уплос*, Г. Цулая считает производным от груз. *упали* «владыка» [239, 49]. Однако основа греческой формы Уплос – *Упло* фактически идентична абхаз. *Убла* (А-убла) – древнему родовому имени абхазо-садзских князей *Убла*, считавшихся одними из предков абхазских царей Апсха.

Упло-с дословно «владыка» восходит к семитскому *Бал*, *Бел* «владыка» (см. гл. VII, § 3).

Возможно, что сама крепость гораздо старше, чем ее название *Уплисцихе*, букв. означающее «крепость Упла», «Крепость, принадлежащая Убла». Название *Уплисцихе* могло возникнуть в период Абхазского царства в IX–X вв. по имени владельцев крепости и прилегающей к ней территории абхазских *Уыбла*. Леонти Мровели же попытался углубить корни абхазских владык или же здесь речь идет о действительно древних корнях абхаз. *Убла* на этой территории.

Ананури (Анан-ури) – крепость в Арагвском ущелье, на правом берегу Арагви, к северу от Мцхеты [5, 315; 239, 65]; возможно, из имени абхазского женского божества *Анана* или *Анана-Гун*-

да – богиня пчел и пчеловодства [365, 276, 277], срав. в Абхазии *Анан-тэара* (Анантвара) «Место восседания Анана». Срав. также патроним *Ананаа*, *Анан-ба*, *Нанба* «Нановы», «Нанов».

Ачабети – село в Цхинвальском р-не Южной Осетии (бывш. Горийский р-н), расположенное на правом берегу реки Большая Лиахва к северу от бывшего села Тамарашени. *Ачабети* представляет собой грузинскую форму топонима, образованного от названия феодальной резиденции абхазских князей *Ачба*, контролировавших с X в. ущелье Большой Лиахвы [366, 342; 18, 156].

Самачабло – грузинское название Южной Осетии. *Самачабло* в переводе с грузинского «владения Мачабели», «территория Мачабели». Княжеский род Мачабели С. Джанашиа и З. Анчабадзе рассматривают как ответвление от абхазских князей *Ачба* [505, 478; 19, 156]. Считается, что род Мачабели, поселившийся в период Абхазского царства у села *Ачабети*, постепенно распространил свою власть на большую часть долины Лиахвы, на весь современный Цхинвальский район.

Однако следует учесть факт существования у абхазов и абазин княжеского рода *Мача* – *Мачаба* (см. выше Мачи), во мн. ч. *Мачараа*, *Мачақэа* «Мачовы», от формы *Мачаба* грузинские фамилии *Мачаб-ели*, от основы *Мача* – *Мача-идзе*, *Мача-швили*, от формы мн. ч. *Мачара* – *Мачара-дзе*, *Мачара-швили* (см. выше главу X, § 5).

Адзиква – речка и *Адзиквис сакдари* – развалины старинной церкви близ Тбилиси в Борчалинском районе. Происходит из абхаз. *Азиқэа* (Адзиква) букв. «черная вода» – «черная речка» [17, 30; 18, 63; 365, 222]. Этот же гидроним представлен во всех районах Абхазии [см. 93, 302, 327, 487, 490, 555 и др.].

Алгети – ущелье в Картли [366, 342] – из абхаз. *Алгыт* «воронкообразная яма, провал» [567, 34].

Анчисхати – местность и церковь в Тбилиси. В этой связи Н. С. Джанашиа писал: «В нынешней Батумской области находились знаменитые в истории монастыри – *Анчи* (“Анцва” – бог по-абхазски), отсюда и *Анчисхатская* церковь в Тифлисе и в Хандзте» [589]. *Анчисхати* – из абхаз. *Анцэаихатә* «Божий образ».

Ахча – село в Картли, в Кола [5, 315] по-видимому, из абхаз. *ахьча* «пастырь».

Урта – крепость в южном Картли в Палакацио [5, 323] – см. выше *Урта* в Зугдид. р-не и в Абхазии.

Чапала – село и крепость в Картли [5, 324] – по-видимому, из имени известного абхазского дворянского рода *Чабала*, *Чаабалаа* «Чабаловы».

Чабалаури – село в Каспийском муниципалитете (районе) Грузии; из абхаз. княжеского – дворянского рода *Чабал* // *Чаабал*; *Чабала-ури*, букв. «местожительство Чабалов (см. Чапала).

Чачубети – село в Картли в ущелье Алгети, совр. Каспийский муниципалитет. Название *Чачуб-ети* производно от родового имени абхазских светлейших князей *Чачба* [366, 342].

Чхиквта – село в Картли, к западу от Тбилиси; из абхаз. *Зхы-қутә* (Дзхыкута) – букв. «место, прилегающее к воде (т. е. к реке)».

Ередви – местность и церковь в восточно-грузинской области Эрети.

В 906 г. абхазскому царю Константину III удалось силой оружия присоединить Эрети к территории Абхазского царства. В честь победы над Эрети, по велению царя Константина, здесь, в местечке Ередви (близ Цхинвала) была заложена церковь. Церковная надпись гласит: «Во имя Бога-Отца, Сына и Святого Духа с ходатайством св. Богородицы, помощью св. Георгия, в царствовании Богом утвержденного царя Константина, который изволил и прибыл в Эретию, обратил в бегство царя эретицев и...» [87, 24].

– *Ередви*, как уже отмечено, представляет собой грузинскую передачу абхазского *Ерет-дэы* (Ерет-двы), букв. «Эретское поле (равнина)», где *Ерет(и)* – название области и *дэы* (двы) «поле», «поляна», «равнина» (см. выше главу IX).

Ариши – крепость в Эрети, располагавшаяся на большом торговом пути [497, 75]. От имени абхазо-садзского рода *Арыш*, пишется *Ариш-ба*.

Во второй половине X в. два брата Иване и Хахуа из рода *Ариш* // *Арыш*, груз. *Ариш-сдзе* «Аршовы» владели значительными крепостями в Кахетии: крепостью *Лоцобани* – Иване, а Хахуа – крепостью *Марана*. По-видимому, их родовое имя носила и Эретская крепость *Ариш-и*. Братья решили выйти из подчинения абхазского царя Георгия II, в связи с чем, по приказу Георгия, крепости были взяты силой, а захваченного Хахуа царь отправил в Джикети (т. е. отправил его на Родину) [497, 35].

Мачи – крепость в Кахетии, в Заречье – от родового имени абхазских князей Мача → Мача-ба → Мачаб-ели (см. гл. X, § 5, § 6).

Мачис-цкали – река в Кахетии, левый приток р. Алазани. Гидроним *Мачисцкали*, букв. «река Мача», произведен от родового имени абхазских князей *Мача* (см. Мача, Самачабло).

Цукети – земля в Кахетии на границе с Азербайджаном и Дагестаном [5, 323]; из абхаз. *Цукыта* «общинное село».

Алада – местность в Ахалкалакском районе; из абхаз. *алада* «юг», «низина» [365, 221].

Хандзта – православный монастырский комплекс в Кларджети, ныне в составе Турции. Как справедливо отмечает Н. С. Джанашиа, *Хан-дз-та* в переводе с абхазского «Ханская река» [589], если быть точнее, *Хан-дзы* «Ханская река» (срав. Ханис цкали в Имеретии «Ханская река»), форма же *Хан-дз-та* букв. «бассейн реки Хандзы».

Ацкури – крепость и город в Самцхе, к востоку от Ахалцихе [5, 316]; из абхаз. *Ацэкуар*, *Ацэкуара* (Ацквара) – «бычий ручеек» [17, 31].

В целом приведенный в настоящей главе абхазо-абазинский лексический материал, касающийся отдельных отраслей лексики, свидетельствует о том, что абхазский язык, как в древности, так и в период Абхазского царства, оказывал определенное влияние на лексический состав картвельских языков.

Абхазские слова обнаруживаются в таких отраслях картвельской лексики, как: лексика скотоводства, социальных отношений, войны и вооружения, мореходства, обычного права, этикета и др.

Абхазы внесли также значительный вклад в формирование грузинской антропонимии. В период колонизации абхазами грузинских территорий происходит распространение и преобразование абхазских родовых и фамильных имен. В настоящее время в Грузии под такими именами скрываются более одного миллиона человек.

В географической номенклатуре Закавказья, и в особенности грузинской, также выявляются сотни абхазо-абазинских географических названий. Здесь также представлены мегрельские, сван-

ские, грузинские, армянские и другие топонимы, увязывающиеся с абхазами и их царями, сооружениями, родовыми и антропонимными именами абхазских князей, феодалов и т. д. Все это вполне естественно, ибо абхазы в VIII–X вв., занимая все Западное Закавказье – Причерноморье от р. Кубани до Трапезунда, играли большую роль в политической жизни Кавказа, а с X в. Абхазия контролировала практически все Закавказье, от Черного до Каспийского моря.

ГЛАВА XI

АБХАЗСКОЕ МНОГОНАЦИОНАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО, ИЛИ АБХАЗСКАЯ ИМПЕРИЯ, В XI–XIII ВВ.

§ 1. Еще раз об историографии Абхазского царства

Как уже было сказано (см. предисловие), летописные и другие сведения (прежде всего – грузинские) об Абхазии и Грузии раннего и зрелого Средневековья были подвергнуты в XVIII в. тщательной ревизии со стороны комиссии «ученых мужей» Вахтанга VI. Сын Вахтанга VI Вахушти на основе «обновленных» и произвольно дополненных отцом и комиссией древних, уже переписанных последними, рукописей, создает работы по истории и географии Грузии. Впервые именно в них меняется многократно повторяющийся в первоисточниках применительно к VIII–X вв. термин «Царство абхазов» на «Эгрис-Абхазское царство» [462, 283; 515, 32], а затем на «Эгрисское», «Западно-грузинское». Меняется также и исторический термин «Царь абхазов» на «Эгрисский царь», «Царь Западной Грузии», «Грузинский царь» [505, 11]. Вместе с тем многие грузинские исследователи начинают именовать Абхазское многонациональное государство X–XIII вв. как «объединенное грузинское государство», а первым его грузинским царем объявляют абхазского царя Баграта II (у грузин – Баграт III) (978–1014), правившего Абхазским царством в период его расцвета. Отсюда все абхазское государство X–XIII вв. в лучшем случае именуется абхазо-грузинским, а в большинстве случаев – грузинским. В работах также опускается при цитировании первоисточников ряд определяющих фраз, как, например, ключевая фраза «на языке апсар» из сообщения лепотисца о том, что сына царицы Тамары нарекли *Лашиа*, означавшем на языке *апсар* (т. е. абхазов) «просветитель вселенной».

Вместе с тем есть основание думать, что указанные места в работах Вахушти являются вставками, сделанными не самим автором, а какой-то «редакторской рукой», которая упустила из виду то, чем заканчивает Вахушти свое повествование об Абхазском царстве, и что в корне опровергает вышеуказанные замечания. Вахушти, в частности, пишет: «Давида курапалата попросили прислать царем абхазов Баграта, сына Гургена, сына дочери абхазского царя Гиорги. Тот присылает его, и привели в Абхазети, и благословили в Кутаиси царем лета Христова 985, грузинского 205. И после сего Баграта в Абхазети установилось царствование Багратионов. И царствовали эти абхазские цари в Абхазети 199 лет. И после сего Баграта Первого до царя Давида, сына Лаши, и царя Давида Нарина, сына Русудан, весь Абхазети был под единым царствием Багратионов. И до разделения (страны) на царства этих двух Давидов прошло 274 года» [5, 224].

Спустя 50 (?) лет после смерти Вахушти часть его работ была переведена М. Броссе на русский и французский языки и издана в 1842 г. Таким образом, сочинения Вахушти, вместе с указанными посылками, стали достоянием русских и европейских ученых того периода. С тех пор содержащиеся в работах Вахушти указанные и другие искажения первоисточников лихорадят историографию Абхазского царства, поскольку по сей день публикуется немало работ, в корне искажающих содержание первоисточников, а отсюда – историю абхазов и средневекового Абхазского государства. В них, как уже было сказано, исторические термины «*Царство абхазов*», «*Абхазское царство*» подаются как «*Эгрис-Абхазское царство*», «*Эгрис-Абхазетское царство*», «*Эгрисское царство*», «*Западно-Грузинское царство*», «*Абхазо-Имеретинское царство*», «*Абхазо-Картвельское царство*», «*Абхазо-Картлинское царство*», «*Грузия*». В примечаниях к первоисточникам даются: «*абхазы, т. е. грузины*», «*абасги, т. е. грузины*», «*Абхазия, т. е. Грузия*», «*Абхазское царство, т. е. Грузинское царство*», «*абхазский царь, т. е. грузинский царь*» и т. д.

При этом известно, что термины «*грузин*» и «*Грузия*», на груз. *картвели* «*грузин*» и *Сакартвело* «*Грузия*», не могли быть еще в XI–XII вв. [604, 140–141; 52, 11; 49, 313–318]. Грузинские сообщества издавна были известны под названием *иберы* // *иверы*, а их страна именовалась *Иверией*. Однако они в XI–XII вв. еще

не представляли единую феодальную народность «иверский народ», тем более не могли именоваться «*картвелами*», «*грузинами*» и иметь общенациональное государство *Сакартвело* – «Грузия». Примечательно, что в основе современного самоназвания грузин *картвели* и названии их страны *Са-картвело* лежит абхазский этноним *а-қыртұа* «грузин» – из *қартұа*, *қарт-уаа* (*ақырт-қәа*), буквально – «картский человек», «картские люди», где *уа* – абхазский этниμοобразующий элемент в значении «человек, люди». От абхазского *қартуаа*, передаваемого в грузинском как *картва*, посредством грузинского суффикса – *ели* образованы самоназвание грузин *картв-ели* и название страны *Са-картвело*, что было отмечено еще акад. Н. Я. Марром [344, 104] (см. выше).

«Редакторская» рука касается не только древнегрузинских источников и сообщений грузинских и других авторов позднего Средневековья, но и ряда древних зарубежных источников. Так, например, уже в наше время (в XIX – начало XX вв.), вносятся определенные изменения в древний текст «Истории Армении» Иованнеса Драсханакертци – главы Армянской Апостольской церкви (IX в.). По этому поводу медиевист Р. А. Хонелиа пишет: «В основе тифлисского издания “Истории Армении” 1912 г., равно как и на русском языке в Ереване в 1986 г., лежит один и тот же текст издания Н. Эмина 1853 г. Казалось бы, все три издания должны быть идентичны. Но нет, в издании 1912 г. для обозначения Восточной Грузии (Картли), наряду с авторским термином “Вирк”, без всякой системы появляются термины “страна грузин” (“Врац ашхарц”) или “область грузин” (“Врац наханг”). Причина появления этих терминов остается загадкой. Возможно, это все та же интерполяция или этакий анахронизм, но уже грузинского происхождения, принадлежащий тем, кто готовил труд Иованнеса к печати.

Очевидно одно – в первоначальной рукописи, да и прочих в том числе, не могло быть терминов грузинского происхождения. Они, как и “егерская” терминология, вполне могли быть внедрены в рукописи “Истории Армении” в процессе многочисленных переписываний протографа. Но, как верно заметил грузинский исследователь Г. В. Цулая, “картлийцы – по-древнегрузински картвели (мн. ч. – картвелни) – впоследствии общее самоназвание грузин. Значение данного термина... ограничено в основном преимуще-

ственно восточной частью Грузии – Картли (античная Иберия)”. В древнеармянской версии “Картлисцховреба” также всюду отмечено: “Врац, которая есть Картли”. Он же справедливо считает, что “вместе с тем средневековые армянские авторы Западную Грузию называют Апхаз (груз. Апхазети, т. е. Абхазское царство). Поэтому мы считаем анахронизмом, когда... название Картли и картвелни переводятся как “Грузия” и “грузины”. Названию “Грузия” соответствует “Сакартвело”, что впервые засвидетельствовано в “Истории царя Давида”» (т. е. в XII в. – В. К.) [600, 216].

Еще в начале XX в. историк С. Ашхацава писал: «Стремление грузинских патриотов иметь свою историю, освобожденную от нежелательных им исторических фактов, привело к тому, что большинство фактов Абхазской истории получило тенденциозное освещение, вследствие чего исторический облик многовекового абхазского государства изменился, превратившись в новой Грузинской истории» [17, 21, 22]. Эти строки были написаны около ста лет тому назад, однако за это время в грузинской историографии ничего не изменилось в отношении тенденциозного искажения первоисточников и истории абхазов.

Одни авторы и сегодня утверждают, что Абхазское царство по своей сути являлось грузинским, а название свое получило от правившей абхазской династии, что абхазы составляли в этом царстве незначительную этническую группу. Другие же пишут, что в XI в. Абхазское государство было присоединено к Тао-Кларджети, что с воцарением в Абхазии Баграта III Абхазское царство превращается в Грузинское государство. Подобные суждения формировались среди определенного круга ученых на протяжении длительного времени.

Вместе с тем многие авторы приписывают абхазам «великое стремление» к объединению грузинских земель и созданию великого Грузинского государства. Наконец, отдельные же авторы пытаются доказать, что предки современных абхазов не имели никакого отношения к Абхазскому царству, что средневековые абхазы – это грузины, или же: «абхазы по происхождению не абхазцы», «не все абхазы были апсарами (т. е. абхазами)», «абхазский язык – диалект грузинского языка», «термин *абхазы* в средние века еще не являлся обозначением этноса», в ход была пущена и теория двуаборигенности и т. д.

В основном все это писалось в советское время, когда Абхазия находилась в составе Грузии, и был наложен негласный запрет на абхазскую историю. Среди авторов подобных абсурдных высказываний более всего преуспела историк, академик М. Д. Лордкипанидзе, которая относится к числу наиболее активных авторов, создавших букет «ошибочных» установок по истории Абхазии. Ей удалось увязать друг с другом все существовавшие до нее антиабхазские «теории» и «учения», и, развивая их искусно далее, создать историю вовсе не существовавшего в VIII–XIII вв. грузинского (тем более – «могучего») централизованного государства [см. 523; 604].

Историк-медиевист, филолог, доктор ист. наук А. Л. Папаскир пишет: «Средневековые источники домонгольского периода, как известно, не знают ни Эгрисского, ни Картлийского, ни Картвельского, ни Иверийского, а, тем более, Грузинского царства, куда выходили бы все картвельские земли, если не иметь в виду поздние вставки. Но желание изменить реальную номенклатуру у М. Д. Лордкипанидзе настолько велико, что она, не считаясь с этическими нормами науки, предложила заменить “Абхазское царство” средневековых источников на вымышленное ею “Эгрис-Абхазетское царство”, на что указывалось выше. Обоснование этой беспрецедентной вольности она, как ни странно, видит в том, что название “Эгрис-Абхазетское царство” лучше выражает как состав, так и содержание этого государства (Абхазского царства. – *А. П.*)... (?!!!). Но и этого ей оказалось мало, она решила Тао-Кларджетское княжество также объявить Картвельским царством. И здесь она считает, что “более приемлемо называть эту политическую единицу... Картвельским царством” (?!!!), т. е. повторяю, названием, которое не известно ни одному источнику. Сфабрикованные названия стран, естественно, потребовали и соответствующих царских титулов. Поэтому госпожа М. Лордкипанидзе вынуждена “организовать” титул “царь картвелов” для абхазского царя Баграта III, хотя у последнего есть свой законный титул “царь абхазов”, или “царь абхазов и картлийцев”. Поиски начались с того, что неосновной титул Баграта III – “царь абхазов и картлийцев” (основной – царь абхазов) – она стала употреблять в форме “царь абхазов и картвелов”» [49, 113, 114].

В целом же на сегодняшний день работ, искажающих первоисточники, историю абхазов и Абхазского царства, а значит, и историю самих грузин, так много, что для их опровержения понадобится не 40 томов, как пишет акад. О. Сенковский, а гораздо больше.

Как известно, систематическое искажение истории абхазов и Абхазского царства являлось основной причиной абхазо-грузинских конфликтов 1958, 1967, 1977–1978, 1989 и 1991–1993 гг., приведших к отделению Абхазской Автономной Республики от Грузинской ССР и к восстановлению в 1993 г. независимости Абхазского государства.

Об искажениях первоисточников и истории Абхазии немало сказано в предисловии к данной работе, а также в исследованиях многих абхазских и зарубежных исследователей: О. Сенковского, В. Лангуа, Н. Марра, С. Ашхацава, К. Кудрявцева, С. Джанашиа, З. Анчабадзе, К. Ломтатидзе, Х. Бгажба, Ш. Инал-ипа, М. Гунба, А. Широкограда, П. Карабущенко и др.

Историография Абхазского царства подвергается довольно глубокому анализу в монографии уже названного автора А. Л. Папаскира «Обезы в древнерусской литературе и проблемы истории Абхазии» [49, 68–84].

На наш взгляд, указанное исследование проф. А. Л. Папаскира расставляет многие факты истории абхазов по своим местам, в соответствии с историческими, филологическими и другими документами Средневековья, а фальсификаторов истории абхазов заслуженно подвергает жесткой критике. Поэтому мы считаем, что нет необходимости здесь вновь повторяться. Для любого серьезного ученого – исследователя этнической истории того или иного народа всегда исходным является первоисточник, прежде всего – сведения древних авторов, летописные сведения, материалы этнографии и языков, в том числе ономастики, а также материалы и других исторических и лингвистических дисциплин. Произвольная трактовка этих материалов, подтасовка фактов, как правило, уводит далеко от исторической действительности. Люди же, занимавшиеся и занимающиеся этим непристойным занятием, рано или поздно оказываются разоблаченными специалистами, для которых истина дороже всего.

§ 2. Преобразование Абхазского царства в Абхазское многонациональное государство – Абхазскую империю

Как уже было сказано, Абхазское царство во второй половине X в. представляло собой довольно значительное государство, с которым в Закавказье на первых порах могло соперничать лишь Армянское государство.

Границы Абхазии простирались в Черноморье от Никопсиса до р. Чорох, а на востоке устойчивой границей являлся Лихский хребет.

В то же время на территории современной Грузии продолжали существовать независимые друг от друга княжества – Картлийское, Кахетинское, Эретское, Ранское, Тао-Кларджетское. Население этих княжеств соответственно именовалось: *карты* или *картлийцы*, *кахи* или *кахетинцы*, *эры*, *раны*, *таойцы*, *месхи* и т. д. Известно, что в ту пору еще не было обобщающего понятия «грузинский народ» и общего для всего картвельского этноса названия страны и государства – «Грузия», как это настойчиво преподносит нам ряд грузинских авторов.

Во второй половине X в. абхазский царь Леон III (957–967) подчинил себе восточно-грузинскую область Джавахети, посадил там своего наместника (ахмаду) *Звиада Марышь* (груз. *Маруш-иани*, *Маруши-с-дзе*). Здесь же, в 12 км от Ахалкалаки, был построен замечательный шестиабсидный, центрально-купольный храм [19, 153; 87, 29]. Леон III также пытался окончательно покорить завоеванные еще в 923–924 гг. абхазским царем Георгием Картли и Кахетию, но этому помешала лишь его внезапная смерть. Брат Леона III Дмитрий вскоре после своего воцарения (967–975) овладел Картли.

Однако противники продвижения Абхазии на восток сумели организовать междоусобицу между царем Дмитрием III и племянником его Феодосием, находившемся до этого в Византии. Не случайно последнего поддерживали именно соседние с Абхазией полувнезависимые от нее же княжества, в том числе и Картли.

Несмотря на эту значительную поддержку, династическую борьбу с Дмитрием Феодосий проиграл и, по указанию Дмитрия, ему были выжжены глаза.

Абхазия же в результате этой династической борьбы была значительно ослаблена [18, 162].

Царь Дмитрий III скончался в 975 г. Из-за отсутствия прямого наследника абхазская элита вынуждена была утвердить на абхазском царском престоле слепого Феодосия (976–978). З. В. Анчабадзе отмечает: «Воцарение Феодосия III, не пользовавшегося никаким авторитетом и лишенного возможности твердо взять в свои руки бразды правления, привело к резкому ухудшению дел в Абхазском царстве. Создавшимся положением воспользовались в первую очередь кахетинцы, которые объявили войну Абхазскому царству и осадили главный административный центр Картли – крепость Уплисхиче.

Для достойного выхода из сложившейся ситуации абхазы вынуждены были искать неординарные решения. Хитромудрый политический ход был предложен крупнейшим абхазским феодалом, политиком, абхазским правителем Картли – *Иоанном Марыш* (или Марыш-хан, груз. Маруши-с-дзе), характеризующимся источником как “человек сильный и имеющий много людей”» [481, 272]. Предложение Иоанна Марыш (Марыш-хан, или груз. Маруши-с-дзе, т. е. «Марушев») предполагало:

- свержение с престола Феодосия III (Слепого);
- воцарение в Абхазии сестры абхазских царей Леона III, Дмитрия III и Феодосия III (Слепого) – Гурандухт с ее малолетним сыном Багратам, от Гургена Багратиони – одного из кларджетских владельцев;
- путем утверждения Баграта на абхазский престол – присоединение Тао-Кларджетского княжества к Абхазскому царству и окончательное закрепление господства абхазцев в Картли.

Предложение Иоанна Марышхана (Марушисдзе) было поддержано большинством влиятельных людей Абхазского царства, что дало возможность Иоанну приступить к реализации задуманного им же плана. В первую очередь необходимо было освободить Картли от кахов. Летопись Картли гласит: «Он (Иоанн Марушисдзе. – В. К.) предоставил пред Давидом Куропалатом посла своего и предложил выступить с войском своим и взять Картли: или завладеть ею самому, или пожаловать ее Баграту, сыну Гургена, сына дочери Георгия – царя абхазов – и которому принадлежали со стороны матери Абхазия и Картли. Этот же Иванэ Марушис-дзе хотел (сделать) царем Баграта. Выслушав все эти слова Иванэ Марушис-дзе, выступил Давид Куропалат

и двинулся всеми силами своими и пришел в Картли. Узнав о приходе его, кахи удалились, словно беглецы, и оставили ему Картли. Пришел Давид Куропалат и прибыл в Квахврели, явился к нему Иванэ Марушис-дзе, принял от него Давид Уплисхихе и пожаловал его Баграту и отцу его Гургену, ибо не было сына у Давида Куропалата, а Баграта, сына Гургена, он усыновил. Когда же он двинулся в обратный путь, то оставил в Уплисхихе Гургена и сына его Баграта. В ту пору Баграт пребывал еще в несовершеннолети, и поэтому (Давид Куропалат) поставил ему в соправители отца его Гургена. Созвал (Давид Куропалат) картлийских азнауров и повелел: «Он есть преемник (царя) Тао, Картли и Абхазии, сын и воспитанник мой, я же его попечитель и пособник; повинуйтесь ему все». Побыл он (здесь) еще немного дней и ушел в Тао» [46, 56, 57].

Согласно армянской версии, изложенной армянским историком Асохиком, поход Ашота Куропалата в Картли поддерживал военными силами армянский царь Сембат. Асохик пишет: «Тайский куропалат Давид и царь армянский Сембат поставили царем апхазов Сембата, сына Гургена, внука иверийского царя Баграта» [606, 180, 181]. Имеется в виду малолетний Баграт, оставленный в Картли (вместе с матерью и отцом) в качестве будущего правителя Картли и одного из наследников абхазского царя Феодосия Слепого.

Вскоре после ухода Давида из Картли кахетинские войска вновь захватили Уплисхихе и Картли. Лепотисец, в частности, говорит: «С истечением после этого некоторого времени, наступило новое злостное вероломство, как это заведено в обычаях картлийских азнауров: сговорились с азнаурами из Накурдеви и Саботари и привели войска из Кахети; сдали Уплисхихе, схватили Гургена и сына его Баграта и царицу Гурандухт и увели в Кахети. Тяжела была Давиду Куропалату весть об этом. Со всеми силами своими вошел он в Триалети, дабы (затем) вторгнуться в Кахети. Когда же кахи узнали (об этом), послали ему гонцов и предложили условия перемирия: отпустили Гургена и Баграта и царицу Гурандухт, вернули Картли и Уплисхихе, а крепости Цирквали и Груи оставили за собой. В ту пору Уплисхихе и Картли владела царица Гурандухт. Сия царица Гурандухт была дочерью Георгия, царя абхазов и матерью Баграта» [46, 57].

На наш взгляд, в приведенном тексте первоисточника есть некоторое противоречие: в начале текста говорится, что Давид принял от Иване (Иоанна) Марушисдзе «крепость Уплисхихе и пожаловал ее Баграту и отцу его Гургену... В ту пору Баграт пребывал еще в несовершеннолети, и поэтому (Давид Куропалат) поставил ему в соправители отца его Гургена». Это утверждение представляется нам довольно сомнительным, притом, что мать малолетнего Баграта Гурандухт была прямой наследницей абхазских правителей Картли и наследницей абхазского престола. Супруг же ее – Гурген из Тао-Кларджети – не обладал правом быть соправителем Баграта. Это место в тексте, похоже, является поздней вставкой, так как далее в источнике говорится: «В ту пору Уплисхихе и Картли владела царица Гурандухт. Сия царица Гурандухт была дочерью Георгия, царя абхазов и матерью Баграта» [46, 57].

По этому поводу А. Л. Папаскир пишет: «Царь абхазов Баграт III Багратид до восхождения на престол не мог претендовать на Картли по отцовской линии, потому что Картли принадлежало не отцу Баграта – Гургену, а матери Баграта – царице Гурандухт, т. е. родной сестре абхазского царя Феодосия. Отсюда вывод: Баграт III не был наследником картлийских Багратидов, в частности своего отца Гургена, не имевшего никаких наследственных прав на Картли, хотя являлся мужем правительницы Картли. Более того, Гурген Багратид не был ни царевичем, ни царем, хотя у него было шутовское прозвище “царь царей”. Этот курьез автор источника XI в. объясняет так: “У Гургена был сын Баграт, по матери племянник абхазских царей... Прежде чем воцарился Гурген, сей Баграт стал царем в Абхазии, и поэтому Гурген назван был царем царей”. Однажды Гурген все-таки назван царем иверийским и картлийским, но это сообщение беспочвенно, оно не подкрепляется реальными историческими фактами. Гурген не имел права владения даже тем, чем владела жена его Гурандухт (Картли). А ко всему еще Гурген был “от природы ограниченным”. Кстати, и дед Баграта III, Баграт II Багратид, которого иные исследователи почему-то величают “царем картвелов”, как сообщают Вахушти, М. Броссе и др., был глуповат. Не случайно он вошел в историю как Баграт II Регвени (на грузинском языке – простак)» [49, 298, 299; 199, 82, 83; 606, 200, 201].

По мнению А. Л. Папаскира, и сообщение о том, что Давид Куропалат в 975 г. передал Картли несовершеннолетнему Баграту, также не заслуживает доверия [49, 299], тогда как законной правительницей Картли являлась его мать, правившая некоторое время Картли и после воцарения Баграта в Абхазии.

В 978 г., по достижении Багратом совершеннолетия, согласно сценарию Иоанна Марыш-хана // Марушисдзе, абхазская элита свергла Феодосия слепого и царем Абхазии провозгласила Баграта II, именуемого в Грузии Багратом III. Это событие довольно подробно описано в Лепотиси Картли, где, в частности, говорится: «Тот же Иванэ (//Иоване, Иоанн –В.К.) Марушис-дзе изъявил волю привести Баграта царем в Абхазию вместе с ним все вельможные эриставы и азнауры Абхазии и Картли выпросили Баграта себе в цари у Давида куропалата. Он же нехотя и с большим трудом выполнил их желание, ибо, как я уже говорил о том, бездетным был Давид куропалат, Баграта же усыновил и воспитал для владения обеими частями Тао. Лишь когда остались страна Картлийская и Абхазия без преемника, отдал им по уговору, а взамен забрал заложников. Привели его в Абхазию, благословили на царство, и повиновались все воле его, ибо он уже был в возрасте совершенном» [46, 58].

Однако с воцарением Баграта в Абхазии сложилась не такая уж безоблачная ситуация для Баграта и для Абхазии, как это преподносит летописец. Воцарение Баграта в Абхазии было воспринято неоднозначно и в Абхазии, и вне ее пределов. Баграт вплотную занялся решением проблем Абхазского царства лишь спустя два года после занятия абхазского престола [49, 58]. С этой целью он в 980 г. направился в Картли, но, согласно летописи, картлийцы решили не впускать Баграта в Картли, несмотря на то, что они были в подчинении у его матери Гурандухт. В Летописи Картли читаем: «По прошествии после этого (воцарения Баграта. – В. К.) двух лет начал он править и радеть об исправлении дел, подобно деду своему, великому царю Георгию. И добавлю я, что во всех деяниях своих уподобился великому царю Давиду куропалату (поздняя вставка. – В. К.)... пришел он (Баграт) в Картли с целью поправить дела расстроенные картлийские. Вступил в Тигву. Но в ту пору некоторые азнауры картлийские не желали прихода его, ибо розно правили делами картлийскими, хотя и пребывали в повиновении

у Гурандухт. Выставили они главарем Кавтара Тбели, отважились на борьбу и расположились у подступов к Могриси. Видя это, царь абхазов Баграт бросил клич своим воинам, и противники сошлись. Бежали картлийцы: одних перебили, других схватили живыми, прочие спаслись бегством и рассеялись. Вступил (Баграт) в Уплисцихе, отобрал крепость (Уплисцихе) у матери своей, пробыл (здесь немного) дней, несколько поправил дела картлийские; забрал свою мать и ушел в страну Абхазскую» [46, 57].

Как отмечает З. В. Анчабадзе, за время отсутствия Баграта в Абхазии, по-видимому, и здесь имело место выступление определенной части абхазских феодалов, недовольных воцарением в Абхазии Баграта [19, 167]. Летописец сообщает, что Баграт, «подобно искусному кормчему и пастырю, уладил все дела абхазские... Всех непокорных сместил с их мест и заменил верными ему людьми» [481, 276].

После этого, согласно летописи, прошло несколько лет. Баграту вновь пришлось взяться за упорядочение дел в восточных регионах Абхазского царства. Здесь Баграта не признавали крупнейшие абхазские феодалы «могущественного дома» *Абаза* (груз. Абаза-сдзе) [505, 64], а также крупнейший и сильный людьми абхазский феодал *Лупарит* (из абхаз. *Лоу Барат*, см. выше) *Багваш*, который, говоря словами летописца, «не повиновался он подобию Баграту» [46, 58]. Род Багвашей владел значительной территорией Картли к югу от Куры, Триалети, Атенской крепостью, Манглийским ущельем и Сквирети [9, 167].

Согласно летописи, царь Баграт тайно собрал все свое войско и вступил в Картли с целью захватить владетельного князя Рати Багваша. Однако недруги Баграта спешно отправили послов к Давиду Куропалату, которые убедили его в том, что Баграт выступает не против картлийцев, а замышляет организовать убийство Давида Куропалата. Услышав такую весть, Гурген, отец Баграта, собрался в путь к своему сыну. Но Давид Куропалат, как говорит летописец, «спешно двинулся, собрал рать свою и созвал всех царей Армении... И с войском огромным, коему не было числа, пришли и разместились в Дливе и пустили рать на Гургена. Отправились навстречу Гургену и сошлись в Гардатхили, у начала Шавшети; прогнали Гургена, удалился беглец и скрылся в крепости Цепти. В ту пору Баграт вступил в Триалети и стал в Карушети. Отправил по-

сланника, осмотрел войска и понял, что невмочь ему противостоять Давиду куроपालату. Тогда он оставил войско на своем месте и сам единолично предстал перед ним; просил прощения и заявил: “Пришел я не за чем-нибудь, но лишь из-за неповиновения Рати”. Он же отпустил его, сказав: “Говорили мне, что пришел ты, чтобы умертвить меня. Но ныне я узнал истину о твоей невинности и даю тебе свободу против Рати: подчини себе его угодным тебе образом”. И вернулся он преисполненный радости и пошел вновь в Абхазию, дабы не дать Рати повода для подозрений и напасть на него внезапно и врасплох. С наступлением зимы явился он со всеми своими силами и подступил к Клде-Карской (крепости). Видя это, Рати со своим сыном Липаритом вышел вон (из крепости), взмолился царю абхазов Баграту и отдал Баграту собственную крепость, сам же сел в вотчине своей Аргвети» [46, 59].

Представляет значительный интерес армянская версия выше-названных событий. Асохик пишет: «По смерти бабки его (Сембата) дед его Баграт женился на другой жене, которая стала гнать Гургена, сына Багарата, на его вотчины. По этой причине царь апхазов, сын Гургена, во главе многочисленного войска из земли сарматов пошел на Куропалата Давида и деда своего Багарата и, перешел по ту сторону Кавказских гор, стал лагерем на берегу реки Кур. Тогда Куропалат Давид и царь иверский Багарат послали к царю армянскому Сембату просить придти им на помощь. Этот последний, взяв все армянские войска и брата своего Гагика, отправился к ним в Джавахский округ и стал лагерем в деревне, называемой Дливек. (Тут находился также) царь карсский, юный Абас, со своим отрядом. Все иверийские и васпураканские войска, Сюнийские и ахванские князья соединились против воинства апхазов, которые, приведенные этим в ужас, стали просить мира и заключили между собою дружественный союз. Куропалат Давид потребовал от царя апхазов крепость *Сакурат*, получив которую он уступил армянскому царю *Сембату* в знак признательности за оказанную ему помощь, но по смерти Сембата крепость эта снова была отнята у армян. Тогда, утвердив между собою мир, (союзные государи) возвратились каждый в свое владение. Это случилось в 437 (988) году» [606, 180–181].

Позднее названных событий Баграт развернул борьбу за присоединение к Абхазии Кахетии и Эрети. Проблемной оставалась

также область Тао (древнеармянский Тайк), являвшаяся родовой вотчиной отца Баграта; здесь войску Баграта противостояла кларджетско-армянская армия [34, 92].

В 1001 г., после смерти Давида Куропалата, царь Баграт попытался вступить во владение Тао-Кларджети, но этому воспротивилась Византийская империя, так как Давид Куропалат завещал Тао-Кларджетское царство Византии. Император Византии Василий II с многочисленным войском вступил в Тао. Баграт и отец его Гурген были вынуждены поехать к императору и добиваться от него уступок. Асохик по поводу этой встречи сообщает: «Направляя далее свой путь [император Василий], достиг горы Хав-тчитч и города того же имени, где он был встречен Багаратом, царем Апхазским и отцом его Гургеном, царем иверийским. Василий, сделав великолепный прием апхазскому царю, пожаловал его в достоинство куропалата, а отца его – в магистра. И отпустил в их землю». Однако большую часть владений Давида Куропалата император удержал за собой. Эта территория вошла в состав Византийского государства под названием «Иберийский Катепанат». Впоследствии из-за этого «давидовского наследства» велась длительная борьба между Византией и Абхазским царством [19, 169; 34, 92].

В 1008 г. скончался отец Баграта – Гурген, под непосредственным управлением которого находилась значительная территория, состоящая из Шавшети, Кларджети, Самцхе и Джавахети. После смерти отца Баграт присоединил эти области к своим владениям [19, 69; 46, 60]. Затем к Абхазии были присоединены Кахетия и Эретиа [46, 60]. Баграт подчинил себе также Ран [46, 60, 61].

Таким образом, при Баграте II (он же Баграт III) территория Абхазского царства намного увеличилась, как это и предполагала абхазская элита, в том числе Иоанн Марушисдзе, при выдвижении Баграта на абхазский престол.

Историк Сумбат Давитисдзе (XI в.) говорит о Баграте II, как о «царе абхазов», который установил свою «самодержавную власть над всем Кавказом от Джигетии до Гурганского (Каспийского) моря» [565, 382; 19, 172]. Летописец дает высокую оценку деятельности Баграта: «Сей Баграт, царь абхазов и картлийцев, превзошел всех царей совершенством правления. Угождавшие ему и к нему стремившиеся – все сполна стали государями, а разделявшие

с ним власть стали рыцарями – вассалами ему подвластными и (нелицеприятно) верными. И покорил господь ему врагов и противников его; одарил страну его миром и покоем твердым. И не в силах кому-либо обстоятельно живописать все деяния его, дабы сохранить их в памяти беспредельных времен. Этот великий царь построил Бедийский храм и основал в нем епископат, заменив им Гудаквский епископат, пожертвовал множество сел со всеми ущестьями и местечками, создал для него уложение, рукоположил и посадил епископа. И если кто соблаговолит узреть и убедиться в величии Баграта, пусть прежде глянет на великолепие Бедийской церкви и воистину чрез нее познает, что не было равного ему царя в стране Картлийской и Абхазской. Он благословил церковь в Кутаиси великим и беспримерным уложением, ибо собрал всех ближних царей и католикосов, священноучителей и настоятелей всех монастырей и всех вельмож из Верхних и Нижних земель его вотчины и царства, а также находившихся во всех прочих государствах» [46, 61].

Примечательно, что Баграт II (он же – Баграт III) записал себя в «Диван абхазских царей» двадцать первым абхазским царем. В частности, он писал: «И после их (т. е. двадцати абхазских царей. – В. К.) соизволил бог и я, Баграт Багратиони, сын блаженного Гургена, сын дочери царя Георгия, овладел страной Абхазией, моим материнским наследством, и сколько времени буду я царствовать, это ведает бог» [199, 24].

При Баграте в Абхазском царстве чеканились монеты с надписью: «Христе, возвеличь Баграта, царя абхазов» [34, 93].

Абхазский царь Баграт царствовал 36 лет и умер в 1014 г. Согласно летописи, «в день кончины своей пребывал он в Тао. И прах его забрал эристав эриставов Звиад и упокоил в Бедиа» [46, 61]. В этом сообщении примечательно то, что Баграт в день своей кончины находился в Тао, т. е. в своем родовом (отцовском) владении, а прах его забрал абхазский эристав эриставов (князь князей), владетель Джавахетии Звиад Марушисдзе и упокоил в с. Бедиа, находившемся далеко от центра Абхазского царства, в материковой Абхазии, где уже покоилась его мать – абхазская царица Гурандухт.

Все, что выше сказано об абхазском царе Баграте и Абхазском царстве 975–1014 гг., всецело соответствует первоисточникам.

Чем же обосновывают ряд грузинских исследователей (П. Ингорква, М. Лордкипанидзе, Г. Пайчадзе, З. Папаскири и др.) свои утверждения вроде:

- современные абхазы не есть средневековые абхазы;
- абхазы – это грузины (см. выше);
- с воцарением Баграта III на абхазский престол Абхазское царство прекращает свое существование;
- Абхазия становится частью многонационального грузинского государства;
- Абхазское царство было присоединено к Тао-Кларджетскому княжеству (царству);
- Баграт III – грузинский царь, в крайнем случае – абхазо-грузинский царь и т. д.?

Во всем этом самое поразительное то, что создание многонационального грузинского государства, не существовавшего в природе в X–XII вв., приписывается тао-кларджетскому правителю Давиду Куропалату, завещавшему в 1001 г. свои владения Византии. В дальнейшем для возвращения этих земель абхазские цари были вынуждены приложить значительные усилия (об истории вопроса см. [49, 84–105, 291–336]).

По существу, единственным основанием для подобных утверждений отдельных грузинских исследователей является лишь великое желание создать, хотя бы «задним числом», героическое прошлое для своего народа, конечно же, за счет искажения шулерским приемом первоисточников и присвоения истории другого народа. Еще в 20-е годы прошлого столетия С. Ашхацава писал: «Стремление грузинских патриотов иметь свою историю, освобожденную от нежелательных им исторических фактов, привело к тому, что большинство фактов абхазской истории получило тенденциозное освещение, вследствие чего исторический облик многовекового Абхазского государства изменился, превратившись в новую грузинскую историю» [17, 21, 22].

На самом же деле, как свидетельствуют первоисточники, и прежде всего грузинские, Абхазское царство на рубеже X и XI вв. не только не прекратило свое существование, но и, продолжая свои экспансионистские устремления на восток, еще больше окрепло за счет присоединения к своим владениям ряда земель центральной и южной Иверии [49, 96]. Следует подчеркнуть, что это ста-

ло возможным, благодаря успешной реализации плана абхазского двора (плана Ив. Марушисдзе). В результате этого при Баграте III Абхазское царство превратилось в Абхазское многонациональное государство, по существу – в Абхазскую империю во главе с самодержцем Багратом II (он же – Баграт III). К титулу Баграта «царь абхазов» добавляется «и картлийцев», что является указанием на окончательное присоединение Картли к Абхазскому царству. В дальнейшем, по мере присоединения к Абхазскому государству других земель, к титулу абхазских царей прибавляются наименования этих земель и их населения: царь абхазов, карталинов, ранцев и кахетинцев и т. д.

Абхазское государство успешно функционировало до конца правления царицы Тамары (1184–1213 гг.). Согласно грузинскому историку Вахушти, и после «...сего Баграта (Баграта III. – В. К.) в Абхазети установилось царствование Багратионов. И царствовали эти абхазские цари в Абхазети 199 лет. И после сего Баграта Первого до царя Давида, сына Лаша, и царя Давида Нарина, сына Русудан, весь Абхазети был под единым царствием Багратионов. И до разделения (страны) на царства двух Давидов прошло 274 года» [5, 224].

После Баграта III абхазский трон унаследовал его сын – Георгий III (для грузин – Георгий I) (1014–1027). При нем ситуация внутри Абхазского царства и вокруг него осложняется. Сразу же после смерти Баграта III кахетинское дворянство восстало против царского наместника и, призвав опять Квирикэ III, возвело его в звание царя кахетинского. На это Георгий дипломатично промолчал, учитывая складывающиеся сложные отношения Абхазского царства с Византией. Вслед за отпаданием Кахетии император Византии Василий потребовал от Георгия возвращения ему бывших владений Давида Куропалата, отданных временно отцу его. На это Георгий ответил ему письмом, что он ни одной пяди земли не уступит из владений, оставленных ему отцом.

Несмотря на такой ответ, Василий не предпринял ничего против Георгия, и в продолжении нескольких лет вел с ним только дипломатическую войну. Когда в 1020 г. умер царь Армении Гачик I и между его сыновьями Иоанном и Ашотом возник спор за престолонаследие – они прибегли к суду Георгия. Георгий разделил их и короновал Иоанна, как старшего брата, присвоив себе право

наблюдателя за сохранением раздельного акта между братьями. Не прошло много времени, как один из армянских вельмож, сторонник Ашота, донес Георгию на Иоанна, как нарушившего условия отнятием у него крепости Шатак. Большая часть армян не поддерживала Иоанна. Георгий принял сторону народа; тогда Иоанн объявил войну, но был побежден; была взята столица его Ани и многие другие важные пункты Армении. Армянская аристократия разделилась на партии и открыла междоусобную войну. Ашот, будучи не в силах восстановить порядок, бежал в Константинополь, просить помощи императора. Этот случай вывел из терпения императора. Василий решил принять меры укрощения Георгия, который не только не хотел добровольно возвратить области, завещанные ему, но и распространил свою власть над другими царствами, издавна находившимися под владычеством Греческой империи. В 1021 г. Василий, во главе многочисленной армии, двинулся в Кларджетию [17, 17, 18].

После неоднократных сражений в 1021–1022 гг. греческие силы взяли верх над армией Георгия. В результате, в 1023 г., был подписан мирный договор, по которому Георгий был вынужден выдать на три года в заложники своего сына Баграта и уступить империи крепости и владения Тао-Кларджети и Джавахетии.

Царь абхазов Георгий был женат дважды: первой его женой являлась армянская царевна Мариам, от которой он имел, помимо Баграта, трех дочерей – Марту, Гурандухт и Кату. Последняя была выдана замуж за Смбата – брата армянского царя. Во второй раз Георгий женился на дочери осетинского царя Алде, от которой происходил сын Дмитрий [607, 130].

В декабре 1025 г., по условиям абхазо-византийского договора, сын Георгия – царевич Баграт вернулся на родину.

Георгий скончался в 1027 г. в Триалети и был погребен в Кутаисском соборе. Сын Мариам – Баграт, будучи 9 лет от роду, вступил на абхазский престол под именем Баграта IV (на абхаз. престоле – Баграт III) (1027–1072 гг.). Вторая же жена Георгия Алда – дочь осетинского царя – ушла в Западную Абхазию и вместе с малолетним сыном Дмитрием обосновалась в городе Анакопия.

До совершеннолетия Баграта страной правила его мать, царевна Мариам – племянница армянского царя. Царевне Мариам, по-видимому, не без помощи армян, удалось вернуть те крепости,

которые Георгий уступил царю Василию. В этой связи новый византийский император Константин VII отправил в Абхазию свои войска, которые стали безжалостно опустошать южные районы страны. В это время (1028 г.) внезапно умер император Константин. Его преемник – Роман III, не желая продолжать войну, вытребовал войска обратно [17, 19]. Этот же царь с почетом принял в Константинополе царицу Мариам, приехавшую сюда с миссией «искать мира и единения (с империей), а также добиваться чина куропалата для своего сына, как того требовал обычай и порядок в их (царском) доме, и привезти для сына жену». Роман III удовлетворил все эти «пожелания», скрепил договор о единстве и «взаимной любви» золотой печатью, присвоил Баграту звание куропалата и дал в жены ему свою племянницу – царевну Елену. Она привезла с собой византийских мастеров, завершивших благоустройство Кутаисского собора. Однако вскоре Елена умерла» [607, 131].

Вслед за этим в Абхазском царстве разворачивается династическая борьба, направленная против Баграта IV со стороны его сводного брата Дмитрия. Как отмечает З. В. Анчабадзе, вокруг Дмитрия стали группироваться оппозиционно настроенные по отношению к центральной власти феодальные элементы. Около 1032 г. ими был организован заговор, ставивший своей целью свергнуть Баграта IV с престола и воцарить юного Дмитрия. Поскольку центром заговора была Анакопия, то можно полагать, что в антиправительственном заговоре приняли активное участие в основном абхазские феодалы, по-видимому, поддерживаемые стороной Алды – осетинами. Однако заговорщики «не сумели ни воцарить (Дмитрия), хотя очень этого желали, ни изгнать царя Баграта и его мать, ни главных дидебули его царства». Дмитрий не рискнул после этого оставаться в Абхазии и отправился «к царю греков», т. е. в Византию, и сдал (около 1033 г.) Анакопию византийцам. «Отныне царь абхазов лишился Анакопии» [481, 295; 19, 179].

До этого царь Баграт, по-видимому, чтобы ослабить поддержку Алде со стороны ее соплеменников осетин, как и его отец Георгий, женился во второй раз также на осетинке – царевне Борене.

В восточной части Абхазского царства против Баграта выступили крупнейшие абхазские феодалы – Липарит Багваш (сын Липарита) и Иванэ Абазасдзе. Они в 1032 г. захватили тбилисского эми-

ра и отняли у него Биртвисскую крепость. Однако вскоре, не без участия Баграта, эмир был освобожден и Тбилиси по-прежнему остался за арабами [601, 174].

Липарит Багваш был известным по всему Ближнему Востоку политическим деятелем и полководцем. И византийцы, и мусульманские владетели относились к нему с большим уважением [601, 175].

На основании сообщений летописи З. В. Анчабадзе пишет: «Приблизительно в 1044–45 гг. Липарит “вывел из Греции Дмитрия, брата Баграта, с войсками греческого царя. К нему присоединились некие дидебулы и азнауры. Прошли они через верхнюю страну и вступили в Картли, где осадили Атени, разоряя картлийские земли”. Однако повстанцам и интервентам не удалось захватить крепость Атени, ввиду стойкости ее защитников. Византийские войска были вынуждены в конечном итоге вернуться в свою страну и увезти с собой Дмитрия. Мать Дмитрия, царица Алда, бежала со своим внуком Давидом (сыном Дмитрия) из Анакопии в Осетию. Что же касается Липарита Багваши, то ему пришлось помириться с Багратом, и он был утвержден эриставом Картли» [19, 180].

Согласно коллективному труду «История Грузии» [601, 175], в 1045 г. старейшины Ани предложили Баграту IV, как сыну армянской царевны, присоединить к его владениям этот город, столицу Армянского царства, и десять других армянских крепостей. Баграт занял Ани и крепости и назначил туда своих чиновных людей, а в крепостях оставил грузинские (читай – абхазские) гарнизоны.

В 1046 г. Баграт осадил исходную столицу Абхазского царства – Анакопию. В это же время, согласно летописи, Баграту сообщили, что умер тбилисский эмир Джафар, и старейшины города предложили ему овладеть Тбилиси. Тогда Баграт оставил для осады Анакопии «абхазские войска» во главе с владетельным князем Куабулели Отаго Чача (об имени см. гл. X, § 4), а сам уехал в Кутаиси, где собрал местное ополчение и двинулся с ними в Картли [481, 299; 19, 180]. Главная же крепость Абхазии – Анакопия еще некоторое время находилась в руках царевича Дмитрия, его матери Алды и византийцев.

Анакопийскую крепость абхазы ныне именуют *Анакэапиа-ңха лбаа*, букв. «крепость (женщины) Анакопияпха), что есть иска-

женная форма исходного *Анакэатиа ах лбаа*, букв. «крепость анакопийской царицы», т. е. крепость царицы Алды (см. гл. X, § 5).

В 1046 г., в связи со смертью тбилисского эмира, местные городские старейшины выполнили свое обещание – передали Баграту IV город Тбилиси. Но, в результате того, что Липарит снова восстал, Баграт лишился и Ани, и Тбилиси.

Липарит вновь с войсками вывел из Греции Деметрэ (Дмитрия), брата царя Баграта. Как пишут исследователи, войско Дмитрия, состоявшее из византийских наемников, в числе которых были франки, русские, варяги и представители других европейских народов, нанесло поражение войску Баграта и штурмовало Лихский хребет с востока. Лишь внезапная кончина Дмитрия помогла Баграту удержаться у власти. Затем, с помощью византийцев и армян, еще одно тяжелое поражение нанес Баграту правитель Картли Липарит. На этот раз царя абхазов спасли турки-сельджуки, внезапно разгромившие войско Липарита и взявшие его в плен.

Освободившись, Липарит не только вернул себе, с помощью византийцев, свои прежние владения, в том числе и Тифлис, но и настоял на высылке Баграта, его матери и сестры Марты на три года в Константинополь. Затем Липарит короновал малолетнего сына Баграта Георгия в храме Руиси (Картли), оставив его при себе в качестве воспитанника. Липарит стал практически правителем страны [641, 67]. Лишь смерть Константина Мономаха и приход к власти безвольного императора Михаила VI Старикашки облегчили положение Баграта, который по просьбе его сестры Гурандухт был отпущен с богатыми дарами домой. «Все войско, – отмечал летописец, – вышло встречать его на абхазское побережье (Черного) моря в Хупати», т. е. современного Хопы юго-западнее Батума. Последующие смуты в стране способствовали удалению постригшегося в монахи Липарита в Константинополь и усилению Баграта.

Вслед за этим, в 1065 г., в пределы Абхазского царства вступил сельджукский султан Алп-Арслан, разорил юго-восточные и южные области, занял город Ахалкалаки, разграбил его и перебил множество жителей.

Баграту пришлось выдать замуж за сельджукского султана свою племянницу – дочь его сестры и брата армянского царя Квирике. Стремясь заручиться поддержкой Византии, Баграт в том же

1065 г. выдал свою дочь Марту (Мариам) за Михаила – сына византийского императора Константина X Дуки.

В 1065 г. султан Алп-Арслан вновь опустошил Восточное и Центральное Закавказье, некоторые его отряды перевалили через Лихский хребет, дойдя до восточных предместий Кутаиса. В 1068 г. султан повторил свое нашествие, разорив на этот раз сначала Картли, а потом и Аргвети. Быстро наступившие зимние холода вынудили султана увести войска обратно [601, 176–177; 607, 132]. Баграту удалось организовать несколько ответных набегов, в одном из которых принял участие брат жены царя абхазов, осетинский царь Доргодел с 40 тысячами своих воинов. По окончании похода Доргодел пришел в Кутаис «по абхазской дороге», где познакомился с сестрой своей и племянника, куропалата Георгия [46, 76].

Баграт скончался в Картли (в 1072 г.) – в период, когда Абхазское государство переживало трудные времена. Тело Баграта было отвезено в Чкондиди (современный Мартвили) и с великими почестями захоронено в соборе, построенном Леоном III в X в. Как говорится в летописи: «Сей Баграт стал царем в девять лет и представлялся в возрасте пятидесяти шести лет. Баграт первоначально был *куропатом*, затем стал *новолисимусом*, а потом *севастом* [46, 77].

В 1072 г. царем абхазов становится преемник Баграта – Георгий II (1072–1089). Его характеризуют исследователи как слабохарактерного человека, неудачного правителя, больше интересовавшегося развлечениями, чем государственными делами [601, 177]. Летописец же говорит: «Царь Георгий был милостив и правосуден с убогими, муж грозный и паче щедрый из всех царей Абхазии, хлебосол, лучший среди всех людей, наездник и лучник отменный» [46, 77].

На второй год после воцарения в 1073 г. Георгия от него отложились крупнейшие абхазские феодалы – правители ряда областей, которых летописец называет «главари его царства». Имеются в виду: Нианиа – сын Квабула (абхаз. Куапыл), Иване – сын Липарита (Багваша) и владетель (наместник царя) Сванетии Вардан (абхаз. Оардан). Не имея возможности силой справиться с непокорными вассалами, Георгий стал осыпать их всяческими милостями. Согласно летописи, «...царь Гиорги одолел их добротой, мудростью и, не припомнив содеянного ими зла, даровал: Иване

– Самшвилде, а сыну Иване, Липариту, взамен переданного кахам Рустави, отдал Лоцобанни, а Ниания – Тмогви и другое отборное имущество, Вардану пожаловал [Аскалану и Утагубо Джакелов], по совету Иване и всех верных и непокорных покрыл милостью, и так успокоил царство свое царь Гиорги» [497, 60].

Как отмечает Ю. Н. Воронов, положение Георгия облегчалось тем, что его сестра Марта «прекрасная аланка (читай – абхазка) Мария» византийских источников последовательно была женой двух императоров – Михаила VII Дуки и Никифора III Вотаниата [607, 132]. Пользуясь этой связью, а также трудностями, переживаемыми тогда империей, Георгий сумел вернуть крепости, отторгнутые греками силой. Согласно летописи: «Отобрал у греков Анакопию – главную крепость Абхазии, и – множество крепостей в Кларджети, Шавшети, Джавахети и Артани. И после того господь вновь угодил: взял (Георгий) город Кари – крепость и страну, и твердыни Ванадские и Карнифорские и вынудил бежать турок тех земель» [46, 78].

Вскоре Абхазское царство настигла великая беда. В 1080 г. турки совершили «великое» нашествие на Кларджети, Шавшети. Далее, как отмечает Ю. Н. Воронов, преследуя Георгия, турки оккупировали Аджарию, район Кутатиса, а с наступлением зимы перешли в Восточное Закавказье, превратив его в свои зимние стоянки и летние пастбища. Георгию пришлось признать себя побежденным и отправиться в иранский город Исфахан для личного выражения покорности султану Мелик-шаху [607, 133]. Вдобавок ко всему, на страну обрушилось большое стихийное бедствие – землетрясение 1088 г. «Число жертв было велико, так как толчки повторялись в течение года. Было разрушено много городов и сел, знаменитая Тмогвская крепость превратилась в развалины» [601, 179].

Таким образом, в последние годы правления Георгия Абхазское царство оказалось в удручающем состоянии. Абхазское государство потеряло почти все свои завоевания. Практически под ее контролем осталась его западно-кавказская территория, а Картли, как пишет летописец, «разорена была, и кроме как в крепостях, не было жителей нигде, и не было строений никаких...» [608, 5].

По одной версии – подавленный горем Георгий в 1089 г. отрекся от престола в пользу своего сына Давида IV (601, 179), по дру-

гой версии – в 1089 г. феодалы свергли Георгия, передав престол его шестнадцатилетнему сыну Давиду [601, 133]. Так или иначе, очевидно одно – с тяжелым наследием вступил на абхазский престол юный Давид IV (1089–1125), впоследствии один из великих абхазских царей, нареченный в народе Строителем.

Обладая от природы могучим умом и железной волей, Давид IV получил высокое для того времени образование. Как отмечают исследователи, он усвоил ученость восточно-христианского мира, изучил арабский и персидский языки. Арабские источники свидетельствуют о том, что Давид IV обладал большими познаниями по исламу и спорил с ганджинским кадием о происхождении корана. Был известен и своей терпимостью к иноверцам и иноплеменникам [601, 189, 190].

Давид IV начал свою деятельность с налаживания внутригосударственных отношений. В первую очередь он усмирил вождей непокорных феодалов. Одного из главных противников – Липарита Багваша – он изгнал из пределов Абхазского царства и взял его Клдекарское княжество в собственное владение. В борьбе с непокорными феодалами Давид IV пришел к убеждению, что оплотом враждебных к царской власти сил является прежде всего церковь.

Высшие иерархи церкви были людьми знатного происхождения и, явно или тайно, боролись против царя заодно со светскими феодалами.

По инициативе Давида IV в 1103 г. был создан церковный собор, принявший решение «отрешить от управления церковью епископов, занимавших должности в силу знатности и потомственных привилегий своего рода, а не благодаря личным качествам и заслугам, и поставил на их место достойных и просвещенных лиц, не считаясь с происхождением. Как это, так и ряд других важных постановлений собора были проведены в жизнь царем быстро и решительно» [601, 192].

Таким образом, аристократия в церкви была сокрушена.

В то же время Давид IV предпринимает усилия по освобождению территории Абхазского царства от бродящих по нему турецких орд и от стоящих здесь сельджукских гарнизонов. При этом, не имея значительных сил, пользуется тактикой внезапных, стремительных ударов по ним мобильными отрядами [601, 191]. Уже в то время начинает складываться благоприятная для Давида IV

внешнеполитическая ситуация. Наступает время стабильного развития Великой Византии при правлении династии Комнинов, с которой Давид породнился, выдав замуж за одного из ее представителей свою дочь Кату. Наступает также процесс распада государства сельджуков и эпоха крестовых походов, поднявших престиж христианских государств в ближневосточном регионе [607, 133].

В 1104 г. к Абхазскому царству окончательно были присоединены Кахетия и Эрети. Это стало возможным благодаря блестящей победе войска Давида над турками в том же году в Эрети, при *Эрцухе* [609, 51] (срав. с названием *Эрцаху* – горы в современной Абхазии; может быть из абхаз. *Эрцыху*, букв. «гора (возвышенность) эров»).

В 1110 г. войска Давида овладели городом *Самшвилде*, являвшимся значительным опорным пунктом турок, защищавшем Тбилиси с юго-запада. У турок также были отняты: в 1115 г. – город *Рустави*, в 1117 г. – эретская крепость *Гиши*, а в 1118 г. – сильное укрепление *Лоре* [601, 193].

Давид был женат на дочери кипчакского хана Атрака Гурундухт. Пользуясь этим обстоятельством, в 1118 г. переселил на территорию Абхазского царства 45 000 кипчакских (половецких) семей. Он наделил их землей и снабдил всем необходимым для воинской службы. В итоге через два года абхазская армия заимела «отличную конницу в 40 000 бойцов» [601, 194].

Уже в 1120 г. абхазские войска вступили в Ширван и заняли город-крепость Кабалу. В связи с этим можно вспомнить сообщение арабского историка IX в. Табари о том, что Хосров I переселил часть абхазов в Азербайджан, в частности и в Шемаху. Здесь даже был город Абхаз – резиденция Абхаз-шаха – владельца этой области (подробно об этом см. гл. VIII, § 5).

В августе 1121 г. в Триалети, в Дидгорских горах, войсками Давида была одержана победа над многочисленным сельджукским войском. В 1122 г. был освобожден от турок город Тбилиси, туда же Давид перенес из Кутаиси свое местопребывание.

Согласно летописи «Картлис цховреба», в 1123 г. Давид «взял Гулистан – главный дом Шарвана в страшную жару, присоединил Шарван и наполнил добром всех покорных» [518, 344].

Еще через год Давид «направился в Шарван, и взял город Шемаху и крепость Бирити, полностью весь Шарван, и оставил в кре-

постях и городах войско большое эров и кахов». И правителем и надзирателем тамошних дел определил своего канцлера – Суймона, архиепископа Чкондидели, бывшего тогда Бедиел-Алавердели [518, 345]. Эти сведения подтверждаются также арабским историком Ибн-ал-Асиром и армянскими историками. В частности, армянский автор Метеос Урхайеци отмечает, что Давид Строитель «много известных областей (гаваров) взял от персов мечом и силой. Взял Тбилиси, город Дманиси, Шарван, Шаки и Шамкор, взял также многие другие области», а Вардан также сообщает, что Давид расширил границы своего царства, завладел... Эрети до Каспийского моря, до Дербента и до Шабурана» [601, 51].

Различные средневековые источники также подтверждают факт столкновения абхазских и дербентских войск при Шабуране, где дербентцы были разбиты. Именно с этого времени, как пишет Д. Л. Мухелишвили, возникает известная впоследствии формула владения абхазских царей, впервые употребленная Давидом Строителем в своем завещании (1125 г.): «От Никопсии до Дербендского моря и от Овсети до Спери и Арагаца». С этого же времени, по мнению Д. Л. Мухелишвили, титулатура грузинских (читай *абхазских*. – В. К.) царей пополняется титулом Ширваншаха, впервые засвидетельствованном при внуке Давида – Георгии III (1170 г.) [609, 52].

Поистине великий абхазский царь Давид IV скончался в 1125 г. в Тбилиси, и был предан земле в построенном им же Гелатском монастыре, вблизи прежней столицы Абхазского царства – Кутаиси.

Преемник Давида Строителя – его сын Деметре I (1125–1156), еще при жизни своего отца был объявлен соправителем и коронован на абхазское царство. Дмитрий I, согласно летописи, являлся отважным царем, но, по-видимому, дарованиями уступал своему отцу. Он за время своего царствования утратил часть завоеваний своего отца. В частности, Дмитрий вынужден был уступить столицу Армении Ани его прежним мусульманским владетелям. Вместе с тем в 1138 г. Давид, по-видимому, совершил удачный поход на Ганджу. Привез оттуда городские ворота и подарил Гелатскому монастырю, где покоился его отец – Давид Строитель. Дмитрий периодически объезжал свое царство. В этой связи представляет значительный интерес сообщение арабского автора XII

в. ал-Фарики, служившего некоторое время при дворе Дмитрия I. В частности, он пишет: «Я поступил на службу к абхазскому царю, владельцу Тифлиса, и вместе с ним участвовал в походе его войска. Царь передвигался с одного края до другого в пределах своих владений. И я был с царем, и мы провели несколько дней в области (вилайте) Дербенд и Хазаран... Царь остановил войско в долине около горы. И Малик Дербенда эмир Абу-л-Музаффар вышел, чтобы выразить свое почтение абхазскому царю и привел ему слуг (с вещами, необходимыми для) его пребывания и пиров, так как он был зятем абхазского царя, будучи женат на его дочери» [610, 222, 223; 609, 52, 53].

Правление Дмитрия было омрачено династической борьбой между ним, его братом Вахтангом и старшим сыном Давидом. Последнему в 1155 г. удалось на время овладеть тронем и постричь отца в монахи. Давид V умер, не процарствовав и года [607, 134].

Сразу же после смерти Давида V царь Дмитрий вновь взял в свои руки бразды правления, а затем, в 1156 г., передал корону своему любимцу – младшему сыну Георгию [601, 208], ставшему на абхазском престоле Георгием III (1156–1184). Вскоре умер Дмитрий. По традиции же абхазского двора прямым наследником Давида V являлся не Георгий, а малолетний сын последнего *Демна*.

Как бы там не было, Георгий оказался активным государственным деятелем.

Прежде всего он стал готовиться к освобождению южных пределов Абхазского царства и Армении от сельджуков. Развернулась жестокая борьба за город Ани. С 1161 г., на протяжении более десяти лет, этот город не раз переходил из рук в руки. Лишь с 1173 г. Абхазское царство стало прочно владеть городом Ани. Войска Георгия в 1162 г. нанесли сокрушительный удар двинскому эмиру и овладели городом. В 1167 г. Георгий выступил в поход против северо-кавказских владетелей, взял города Шабуран и Дербент и, таким образом, обезопасил с севера владения Ширван-шаха, которому он вместе с тем передал Дербент как своему вассалу [601, 210].

В 1177 г. в Абхазском царстве разгорелась очередная борьба за власть, одной из главных причин которой было нарушение Георгием III порядка наследования престола.

Командующий армией Иванэ Орбели возглавил восстание против царя, целью которого было свергнуть Георгия III и возвести на престол законного наследника Давида V – царевича Демна. Последний сам явился к царю и тут же был схвачен, подвергнут беспощадному телесному наказанию, от чего вскоре и умер. Восстание же было жестоко подавлено, в стране воцарилось относительное спокойствие.

Георгий был женат на осетинской царевне Гурундухт.

В связи с тем, что после смерти Демны не осталось прямых наследников царской династии по мужской линии, Георгий еще при жизни сам венчал на царствование свою единственную дочь Тамару и правил совместно с ней около шести лет, вплоть до своей кончины в 1184 г. Исследователи полагают, что прах Георгия III покоился в Гегути, т. е. в одной из царских резиденций в Западной Абхазии, близ столицы Абхазского царства – Кутаиси, а затем Георгия похоронили в той же части Абхазии, в Гелати [608, 174].

Сразу же после смерти Георгия III представители высшей знати поставили под сомнение законность коронации Тамары ее отцом. Вместе с тем высший совет признал Тамару законной наследницей царя и с пышной торжественностью ее вторично венчали на царство, но уже с соблюдением существовавшей абхазской государственной традицией коронования царей. Церемония коронации проходила таким образом, что подчеркивались права абхазской знати [611, 338]. В летописи говорится: «...принесли венец, певцы, возвысив голоса, воспели песни победного венчания и могущественного царствования... Среди подобного славословия и величания пригласили достойного из подвижников и исполненного благодати Антония Сагиридзе, архиепископа Кутаисского, и предложили ему взять в руки венец, так как по чину возложение короны при венчании на царство было предоставлено Залихской Имерии (т. е. Западной Абхазии – колыбели Абхазского царства)» [612; 608, 199; КЦ II, 27].

Летописец специально подчеркивает, что во время коронации право возложить венец имел только епископ «Залихской Имерии» (т. е. Западной Абхазии).

Показательна также церемония вручения Тамар меча, как главнокомандующему войсками. Данный символ, т. е. меч, преподнесли и надели на Тамар тот же западно-абхазский (Кутаисский)

архиепископ и абхазские именитые чины Вардан-исдзе (абхаз. *Վարդան*) и Аман-ели-сдзе (абхаз. *Ամաան*) (о них см. гл. X, § 4) [611, 338]. В этой связи хочется подчеркнуть, что меч до конца XIX в. оставался главным атрибутом абхазского военного флага.

Вскоре после окончания коронационных торжеств абхазская знать потребовала от молодой царицы отстранения высших административных чинов, ставленников Георгия III, выдвинутых из среды людей неродовитого происхождения. Предлагалось в первую очередь удалить из царского окружения главного военачальника кипчака Кубасара, оказавшего Георгию III исключительные услуги в тяжелые для него дни восстания, а также и некоего Афридона, назначенного Георгием начальником крепостных гарнизонов и личного войска царя. Царица Тамар была вынуждена освободить от должностей преданных отцу и ей людей [601, 212–213]. Вслед за этим царский визирь Кутлу-Арслан (Кутлу с тур. «святой», «блаженный»), занимавший еще при Георгии III должность главного государственного казначея, вместе со многими влиятельными сторонниками, потребовал создать независимый государственный законодательный орган «Карави».

Сторонники царицы предложили ей изолировать Кутлу-Арслана. По их настоянию последний был арестован, однако сразу же в его защиту выступили многие влиятельные силы. Царица была вынуждена пойти на переговоры. Кутлу-Арслан был освобожден. Обе стороны пошли на уступки и соглашение было достигнуто. Таким образом, была ограничена царская власть, а традиции абхазского двора, которые были попорчены Дмитрием I и его сыном Георгием III, практически были восстановлены. Именно эти цари стали самодержавно править страной, назначать, вопреки традициям, себе соправителей из числа своих детей, короновать их. Ими же игнорировались мнения знатных людей страны, более того, — они стали не вхожими в царский двор, а высокие государственные должности были отданы людям не родовитым и не местного абхазского происхождения.

Именно эти и подобные действия Дмитрия I и Георгия III стали главной причиной уже названных антицарских выступлений. Царица вынуждена была провести также и значительные должностные перестановки в сторону укрепления значимости абхазской знати в делах государства. Были определены «должностные лица,

имевшие право стояния во дворце перед тронем, назначены были сообразно их происхождению» [КЦ II, 34; 611, 340].

Тамара была ограничена и в выборе себе супруга, так как многое зависело от того, кто им станет.

На совместный царско-церковный совет был вынесен вопрос замужества Тамары. Назывались различные достойные имена. Многими была поддержана кандидатура Алексея Комнина – внука Византийского императора Андроника Комнина и абхазской царевны Каты, который приходился троюродным братом Тамары. Однако по причине близкого родства эта кандидатура была отвергнута. По этой же причине оказались несостоятельными и кандидатуры осетинских царевичей [605, 147]. После долгих дебатов, по предложению правителя (эмира) Картли и Тбилиси Абуласана [611, 225] или Абул Асана [605, 147] (из рода абхазских князей Маршан – Варданов из Цебельды [506, 106]) советом было принято решение предложить молодой царице в мужья русского царевича Юрия (Георгия), сына великого князя Владимиро-Суздальской земли Андрея Боголюбского. Несмотря на возражение царицы, венчание было решено [611, 340, 341; 613, 76].

Согласно русской летописи, в 1172 г. Андрей Боголюбский посадил своего сына Юрия князем в Новгороде. В 1174 г. отец Юрия – Андрей Боголюбский – стал жертвой боярского заговора и после того, как брат его Всеволод захватил владения Андрея, в княжестве не осталось никого. Юрий оказался в изгнании на Северном Кавказе, у половцев [605, 147].

Вскоре Юрий был привезен в Абхазию и обвенчан с царицей Тамарой.

Княжич Юрий оказался отважным воином и неплохим полководцем. За два года абхазское войско под его началом одержало ряд побед. Вместе с тем, как отмечают сторонники царицы, в течение тех же двух лет он обнаружил такие недостатки в характере и поведении, которые нельзя было заглазить, простить или же исправить. Летописец говорит: «При омерзительном пьянстве стал он совершать много неприличных дел, о которых излишне писать» [608, 227].

Однако, по-видимому, не в этом была главная причина неприятия Юрия. Во-первых, Юрий был навязан в мужья Тамаре и венчали их без ее согласия, а также его кандидатура была поддержа-

на не всеми влиятельными чинами царского двора. Это обстоятельство, как отмечает историк М. Лордкипанидзе, не могло не наложить определенный отпечаток на взаимоотношения Юрия и Тамары. Отношения между сторонниками Юрия и сторонниками царицы обострялись, а в этих условиях Юрий, естественно, должен был поддерживать интересы той группировки, которая привела его к престолу. Тамара же, умножая число своих сторонников, готовилась к разрыву отношений со своим мужем. Через два года после замужества царица потребовала от высшего государственного совета право развода с мужем, и «совет уважил ее требование» [505, 148].

В 1188 г. Юрий был вынужден оставить пределы Абхазского царства. При этом отпустили его, по-царски щедро одарив золотом и прочими сокровищами, посадили на корабль и отправили в Константинополь [608, 227].

Вскоре, в 1189 г., Тамара венчалась вторым браком с осетинским царевичем Давидом Сосланом, воспитывавшимся у ее тетки – царицы Русудан. Венчание состоялось, несмотря на существование между ними довольно близкого родства. Прадед Тамары – Давид IV – являлся отцом прабабушки Давида Сослана. В силу этого родства Давид Сослан рос в абхазском царском дворе.

Давида в качестве своего супруга царица выбрала сама. Данный брак был воспринят в царстве неоднозначно. Как показали последующие события, он вызвал негативное отношение прежде всего у абхазской стороны, где родственные отношения строго охранялись. По этой причине, как уже было сказано, до первого замужества Тамары были отвергнуты кандидатуры Алексея Комнина и осетинских царевичей. Кроме того, Тамара являлась дочерью осетинской царевны Гурундухт, и теперь появление на абхазском престоле рядом с Тамарой осетинского царевича Давида Сослана, хоть и родственного абхазским царям, могло привести к перерождению абхазского государства.

Именно вышеназванные обстоятельства, по-видимому, подтолкнули влиятельную часть абхазской знати, приведшей Юрия к абхазскому престолу, силой вернуть его обратно. Вскоре все западно-абхазские правители, как один, отложились от Тamar и устроили крупный мятеж. Восстание охватило также некоторую часть восточной и южной части Абхазского царства. В Запад-

ную Абхазию прибыл бывший муж Тамары – Юрий (Георгий) и в Гегутском дворце близ столицы Абхазии – Кутаиси он был коронован царем Абхазии [505, 151]. Далее восставшие перешли в Восточную Абхазию – в Картли, отсюда же часть восставших двинулась в сторону Джавахети, где вскоре они были разбиты войсками царицы. Основную же часть восставших Тамара нейтрализовала различными обещаниями. Восставшие были помилованы, а Юрий (Георгий) вторично был удален из пределов Абхазского царства.

Однако, по-видимому, войдя в роль царя, Юрий уже в 1193 г. сам попытался с незначительными силами проникнуть в Абхазию с восточного края, но был разбит и скрылся.

Что же касается самого восстания, то оно, хоть и не до конца добилось своей цели, но стало серьезным ударом по самоволию царицы, оно продемонстрировало Тамаре и Давиду Сослану силу и волю абхазской государственной элиты. Поэтому не случайно, что первый ребенок Тамары и Давида был назван Георгием – именем его деда, абхазского царя Георгия III, и вторым абхазским именем *Алаша* // *Лаша*.

Это было сделано демонстративно, как знак преданности Тамары и Давида абхазам и абхазскому престолу. Летописец, личный историк Тамары, подчеркнуто писал, что имя *Лаша* «переводится с языка апсаров (т. е. абхазов. – В. К.) как «Просветитель (вселенной)» [565, 434; 19, 190]. Слово *лаша* переводится с абхазского и в значении «светлый», «светоч» [19, 214; 515, 202] (см. выше).

Как справедливо подчеркивает З. В. Анчабадзе: «Слово “лаша” действительно абхазское. Оно означает по-абхазски “светоч”, “светлый”... поскольку слово “лаша” означает “светоч” (или “просветитель”, как его переводит автор “Истории и восхваления”) *только на абхазском языке*, а не на языке какой-либо другой народности многонационального... царства, то с полным правом мы можем сказать, что термин “апсары” “Истории и восхваления” идентичен термину “абхазы” (в узком смысле) того же источника» [19, 214–215]. При этом следует подчеркнуть, что термин «апсар» являлся формой множественности самоназвания абхазов от *апса* → *апс-ар* (см. выше). Однако, понимая важность вышеприведенного ключевого сообщения летописи, современные грузинские исследователи умышленно опускают его или дают цитату без фра-

зы «на языке апсар», другие же, без зазрения совести и без всякого основания, имя *Лаши* объявляют древнегрузинским.

Естественно, что в созданном абхазами многонациональном государстве абхазы и их цари играли главенствующую роль. Абхазские князья и дворяне являлись владельцами многих земель в Закавказье, они составляли самый богатый и влиятельный класс феодалов Абхазского царства. В XII–XIII вв., как отмечает З. В. Анчабадзе, ни одно более или менее важное государственное мероприятие в стране не проводилось без участия представителей собственно Абхазии. Абхазы находились при царском дворе и участвовали во всех важных придворных церемониях государственной важности, принимали активное участие во всех военных действиях и т. д. [19, 187, 188].

В 90-е гг. XII в. в Абхазском царстве складывается стабильная внутривполитическая ситуация.

Еще в 1193 г., по обычаю абхазских царей (*хьызрацара* «хождение за славой»), в ознаменование рождения наследника престола Георгия Лаши, царский двор сразу же предпринял крупный военный поход в Бардави – «великий и древний город». По свидетельству летописца: «...Опустошив Аран в больших сражениях, подобных битвам Нимрода, вернули владения и строения Бардоса, брата Эроса. Захватив множество пленных и неисчислимые сокровища, отпустили на волю тридцать тысяч пленников в долгоденствие Тамар и младенца ее» [199, 91].

После победоносного возвращения из Бардави был предпринят поход на Эрзерум. Причиной тому, по-видимому, явился выход Эрзерумского правителя из подчинения абхазской короне. Владелец Эрзерума, предвидя реакцию абхазского двора, подготовился к обороне и призвал на помощь владельца Карса Насраддина, сына Салдуха, и др. Однако, несмотря на сильное сопротивление, абхазские войска под предводительством Давида Сослана одержали победу.

В 1195 г. атабек иранского Азербайджана Абубекр вторгся в Ширван. Не обладая возможностью самостоятельно оказать сопротивление врагу, ширван-шах Ахсартан обратился за помощью к царице Тамаре. Вскоре состоялась большая битва между абхазскими войсками, возглавляемыми Давидом Сосланом, и войсками атабека у Шамхора. Неприятель был разбит, было захвачено

знамя Халифа – символ могущества турок, а сам Абубекр спасся бегством.

Вслед за Шамхором был взят и город Ганджа [601, 217]. Эти победы, как отмечают исследователи, еще более укрепили позиции Абхазского царства на Ближнем Востоке. Затем к Абхазскому царству были присоединены область Гелакуни (район озера Севан) и Аракатская долина [613, 77].

Абхазские войска в 1196 г. силой взяли крепость Амберд, в 1201 г. – Биджнис, в 1203 г. – город Двин [505, 157]. Эти успехи Абхазского царства вызвали тревогу у соседних мусульманских владетелей, в особенности у Рукн ад-Дина, султана Рума, сельджукского государства Малой Азии. Последний организовал большой поход против Абхазского царства. При этом он через посредников отправил царице Тамар унижительное письмо, полное угроз и оскорблений.

Высший государственный совет, обсудив сложившуюся ситуацию, решил немедленно готовиться к войне.

Рукн ад-Дин собрал свое войско, созвал союзников и расположился около Басиани. Как полагают, в его стане находилось около 400 000 воинов [505, 167].

Бой с турками произошел в 1209 г. в Басиани, около Эрзерума. Начало сражения для абхазского войска оказалось не очень благоприятным, но вскоре ситуация выправилась в связи с вводом в бой дополнительных абхазских сил во главе с Давидом Сосланом, который неожиданно ударил по врагу с фланга. Враг не выдержал этого натиска и бежал в беспорядке [601, 218, 219].

В тот же период внутренние и внешние факторы поставили Византийскую империю в тяжелое положение. Внутри страны шла кровавая борьба за престол, извне империи угрожали с одной стороны турки-сельджуки, с другой – крестоносцы. Последние овладели Константинополем и разделили между собой Византию. Воспользовавшись данной ситуацией, абхазские войска вторглись в пределы империи и заняли *Лазистан*, *Трапезунт*, *Самсун*, *Синоп*, *Керасунт*, взяли также *Катиору* и достигли *Гераклея*. На занятой территории было основано новое государство, на престол которого Тамара возвела своего родственника, царевича Алексея Комнина, грека по происхождению, но получившего воспитание при абхазском дворе [601, 217].

Для абхазского царства имело немаловажное политическое и экономическое значение установление контроля над Карсом, являвшимся одним из основных оплотов турок-сельджуков в Закавказье и находившимся на одном из главных торговых путей. Абхазские войска осадили крепость Карс. Несмотря на длительное и яростное сопротивление ее защитников крепость была взята в 1206 г. [601, 219; 505, 159].

В 1207 г. скончался супруг Тамары – царь Давид Сослан. Царица в 1208 г. объявила соправителем и венчала на царство своего еще совсем юного сына *Георгия IV*, известного в истории также под абхазским именем *Лаша* [601, 219]. После этих событий абхазский царский двор проводил целый ряд значительных военных действий. Как отмечено в исторической литературе, в 1208 г., в праздник Пасхи, ардебильский (в Иране) султан ворвался в христианский город Ани и там произошло страшное кровопролитие. Абхазский царский двор, удрученный этим страшным преступлением, решил отплатить султану той же монетой. С этой целью ночью накануне большого мусульманского праздника абхазские войска неожиданно напали на Ардобиль и овладели им. Город был razoren и разрушен до основания, а захваченный в плен султан казнен. После этой удачной военной операции абхазская армия уже в 1210 г. двинулась на юг, вглубь Ирана. Один за другим были взяты города *Марану*, *Тавриз*, *Мианэ*, *Зенджан* и *Казвин*. Достигнув *Ром-Гура*, абхазские войска вернулись обратно с огромной добычей [601, 220].

В 1213 г., находясь в селе Табахмела (село в Аджарии), скончалась великая абхазская государыня Тамара, точное место захоронения которой до сих пор не установлено. По одной версии она была похоронена в родовой усыпальнице абхазских царей в Гелати, по другой же версии – в собственно Абхазии. Последнее согласуется с текстом древне-грузинской народной песни, известной под названием ზაოუზანეს თამარ – ქალი «*Увели Тамар*», в которой говорится: «ზაოუზანეს თამარ – ქალი ავხაზეთში დიდელ...ო», букв. «*увели царицу Тамар в Абхазию*» [617, 160].

После смерти Тамары управление государством всецело оказалось в руках ее юного сына Георгия Лаша (1213–1222). Царю Георгию Лаша пришлось потратить много лет на усмирение периодически восстававших Гандзы, Нахичевани, Эрзерума и других

центров. Известность о победах Георгия дошла до римского папы Гонория III, который предложил ему участвовать в очередном крестовом походе. Однако в 1220 г. у восточных границ объединенного царства появилось 20-тысячное войско монголов, посланных Чингис-ханом. Первое сражение монголы у Лаши выиграли.

На следующий год монголы снова появились у границ Абхазского царства. На этот раз их встретили здесь внушительной военной силой. Оценив ситуацию, монголы уклонились от столкновения, перевалили через горы и удалились восвояси [607, 135; 601, 226].

В 1222 г. умер царь Лаши Георгий. Хотя у Георгия был малолетний сын Давид, но по воле царского двора абхазский престол унаследовала его младшая сестра Русудан (1222–1245). На следующий же год, по настоянию абхазской знати, Русудан была обвенчана с сыном эрзерумского владетеля Мугис-эд-дином, от которого заимела двух детей – Тамару и Давида [601, 246].

Спустя три года после воцарения Русудан Абхазское царство оказалось у критической черты из-за вторжения осенью 1225 г. в его пределы многочисленного войска хорезмского шаха Джелалед-дина. Последний, не дав абхазскому двору опомниться, стремительными ударами нанес поражение абхазскому войску у крепости Гарни (в Армении), а затем, в декабре 1225 г., осадил Тбилиси и вскоре город был взят.

Абхазские войска вновь потерпели поражение и в 1228 г. в Болниском сражении. Русудан вынуждена была бежать в Кутаис, где, как сообщает летопись, «призвала все войска свои – абхазов, Дадиян-Бедианов, рачинского воеводу и католикоса Абхазии, и провозгласили (они) царем Давида, сына Русудан, благословили его на царство в Кутаиси и возложили на голову корону». Произошло это в 1230 г., когда Давиду было пять лет. Коронация «на царство в Кутаиси» и первое после 830 г. упоминание в этой связи «абхазского католикоса», как отмечает Ю. Н. Воронов, является показателем не только распада абхазского многонационального государства, но и раскола Мцхетского католикосата, из которого выделился равный ему по полномочиям новый церковный организм с центром в Пицунде.

Дальнейшие попытки Русудан восстановить государство в прежних границах были безуспешными: началось вторжение монголов.

В 1243 г. Русудан признала верховную власть хана Батые. Монгольские войска разместились в Восточном Закавказье. Русудан была обязана ежегодно выплачивать 50 000 золотых, а ее сына Давида IV отправили к великому хану монголов для утверждения на престол [607, 135]. В том же году объединенная с монголами армия Русудан вторглась в Малую Азию, где сопротивление ей оказал Эрзинский султанат, войско которого возглавлял «прославленный абхазец» *Дардан Шервашиис-дзе (Чачба)*. По-видимому, это может быть указанием на то, что представители феодальной верхушки Абхазского воеводства в тот период вышли из повиновения Русудан. Как известно, «пребывающие дальше всех» абхазские феодалы приняли участие и в антимонгольском заговоре 1247 г. [607, 136].

Царица Русудан умерла в 1245 г. В качестве ее преемника монголы утвердили двух царей – Давида, сына Лаши (правил в 1245–1270 гг.) и Давида, сына Русудан (правил в 1245–1293 гг.). Имена этих двоюродных братьев получили монгольские определения: *Давид Улу*, т. е. Давид старший, и *Давид Нарин*, т. е. Давид младший. В начале они оба сидели в Тбилиси и совместно управляли государством. Затем, в 1259 г., Давид Нарин обосновался в Западной (Залихской) Абхазии, где он был коронован еще в пятилетнем возрасте, а Улу Давид вступил в союз с монголами и укрепился в Восточной Абхазии (т. е. на территории современной восточной Грузии). Таким образом, Абхазское единое многонациональное государство к началу второй половины XIII в. пришло к распаду. Как отмечает Ю. Н. Воронов, этот важный момент политического распада зафиксировал армянский историк Хетум (XIII в.) в своем труде «История монголов». «Это царство, – писал Хетум, – разделяется на две части. Одна часть называется Грузия, а другая – Апхас (Абхазия). Там всего было два царя, один из которых, т. е. грузинский царь, подчиняется самодержцу Азии, а абхазский царь силен народами и неприступными твердынями, поэтому ни самодержец Азии, ни монголы не могли взять его под свое иго...» [607, 136].

К указанному периоду также и Вахушти относит распад Абхазского царства, которое просуществовало, по его подсчету, 473 г. [5, 224].

Некоторые же исследователи считают, что Абхазское царство окончательно распалось только в XV в. [17, 25, 28, 45, 46; 382, 73, 74].

Позже правителями Восточной и Западной частей бывшего единого Абхазского царства предпринимались попытки восстановления единого государства, однако в тех условиях распад абхазского многонационального государства был неизбежен. Абхазы же, утратив значительную часть своих людских (этнических) ресурсов в Закавказье, вынуждены были закрыться в своих этнических пределах. С начала XIV в. по XIX в. вся бывшая территория Абхазского царства была охвачена междоусобными войнами.

В конце XV в. на развалинах Абхазского царства, на территории современной Грузии, возник целый ряд независимых друг от друга грузинских государств. На отдельные княжества распадается также и Западное Абхазское царство.

§ 3. Государственный и социальный строй, экономика, быт и культура Абхазского царства (VIII–XIII вв.)

Абхазское раннефеодальное царство возникло в VIII в. как мононациональное государство. С VIII по X в. вся территория Западного Кавказа в первоисточниках именуется Абазгия или Абхазия, а ее население – абхазами, хотя в состав населения входили сваны и некоторая часть чанов (предки совр. мегрелов). Цари же именовались только как *Ацсха* «Царь абхазов». С X в., в связи с экспансией абхазов в Восточное Закавказье, Абхазское царство начинает приобретать характер многонационального государства. В титулатуре абхазских царей начинают появляться имена покоренных и включенных в пределы Абхазского царства народов и территорий (см. ниже).

Абхазское царство в XII и начале XIII в. представляло собой уже крупное феодальное многонациональное государство, простиравшееся практически между Черным и Каспийским морями. В частности, *в начале XIII в. его восточная граница проходила по реке Чалан-Усун, совр. Ах-су «Белая речка» (в Азербайджане). Восточнее Чалан-Усуна был расположен вассальный Абхазскому государству Ширван. Юго-восточная граница Абхазии проходила по Гурджи-Богазу. На юго-западе границы Абхазии доходили до Сперы и Чанети, и государственная граница проходила по реке Порчис-Цкали. Западная граница шла вдоль Черноморского побережья и крайним пунктом на северо-востоке являлась Никопсия (близ Туансе). Север-*

ная граница государства проходила по гребню Главного Кавказского хребта до Шемахийской горы. Севернее этого хребта были расположены вассальные Абхазии народы. В пределы Абхазского царства входили Двалети, Хеви, Пхови (Хевсурети) и Тушети. Крайним пунктом на севере был Чми на реке Терек [622, 54–65; 505, 163].

1. Государственный и социальный строй

С самого возникновения Абхазского царства во главе его стояли цари, именуемые до конца XIII в. всеми первоисточниками царями абхазов.

Первоначально при царском дворе действовал совет старейшин, а затем высший царский совет, состоявший из основных государственных и церковных чинов. До XI в. важнейшим лицом после царя являлся управляющий царским двором, который при Георгии II именовался, по преданиям абхазов, *Чихан Дадах*, в грузинских источниках *Чкон-дидели* (см. выше). При таком окружении полнота власти царя-самодержца зависела прежде всего от его личных качеств и заслуг. Что же касается представительного органа – совета, то он созывался царем при необходимости обсуждения особо важных государственных вопросов.

Царь являлся главнокомандующим армией, должность же заместителя главнокомандующего занимал предводитель армии – абхаз. *аҭыза* или *арҭыза* «предводитель армии». Вся территория Абхазского царства делилась на сугубо царские и княжеские владения. Царь управлял государством и своими владениями посредством высших чинов, придворных и управителей земель *ах*, *ахцә* «владельцы князья», «эристави» и царских наместников *ахмада* (см. выше). Царь также управлял страной и с помощью своих спецпредставителей *аҭарнак*, *ахцарнакцә* и *ахылаҭшвы* (*ахылапшыю*) «смотрящий», «надзиратель».

С расширением Абхазского царства увеличивается число придворных чинов, усложняются и расширяются их права и обязанности. В XII в. в абхазском дворе появляются чиновники, именуемые персидско-арабским термином «визир», обозначавшим высшего сановника.

Значительную роль в абхазском государстве играли родовитые абхазские князья, являвшиеся и крупными феодалами, с мнением которых абхазским царям приходилось считаться, а разногла-

сия между ними порой доводили до военного противостояния.

Основной опорой абхазского государственного аппарата являлось дворянство – абхаз. *аамстара*, *аамстцэа*. Абхазо-абазинские дворяне, как уже отмечено, подразделялись на две основные категории – *аамста ду*, букв. «большие дворяне» или «великие дворяне», т. е. «феодалы», равнозначные грузинским *тавадам*, и обычные дворяне – *аамста*, составляющие служилое и рыцарское сословие абхазского общества (см. гл. X, § 3).

По-видимому, уже в IX в. в Абхазском царстве в основном завершается процесс образования классов крестьян и феодалов. В XI–XIII вв., согласно летописи, представители высшего дворянства уже обладали собственными вооруженными силами [618, 91]. Самым многочисленным являлось сословие крестьян – абхаз. *анхафы*. Оно состояло из *анхафыцкба*, букв. «чистые крестьяне», т. е. «независимые крестьяне», имевшие свое хозяйство, определенные общественные права, имевшие также право держать рабов и зависимых от себя бедных крестьян.

Вторую часть крестьянства составляла категория *ахьыцшы* (ахипшы) – «зависимые», «опекаемые». В нее входили: зависимые крестьяне – *анхафы хьыцшы*; малоимущие – *агар*; закрепощенные крестьяне – *ахьыуфы*; прислуга – *амайуфы*, *амайуразкэу*; рабы – *атэы*, *агыруа*; рабы рабов – *атэы итэы*, *атэыитэых*; рабы из пленных – *ахаиэала* (см. гл. X, § 3).

Вместе с тем, как отмечает Ш. Д. Инал-ипа, у абхазов того периода еще сохранялись значительные остатки общинных отношений. В силу этого независимость крестьян сплошь и рядом вуалировалась всякого рода патриархальными отношениями. Среди них особо следует отметить систему молочного родства между феодалами и крестьянами, в том числе, прежде всего высшей категории лично свободных, так называемых «чистых крестьян» (*анхафы*). Однако главным пережитком дофеодального общественного устройства являлась сельская община (*ақытэа*), которая пережиточно сохраняла немалую силу и в период могущества Абхазского царства в XII–XIII вв. [365, 519].

2. Войска и вооружение

В любом государстве особое значение имеет вопрос организации войска и уровень его вооружения. В абхазском государстве

царь, как самое могущественное лицо, имел собственное войско – царскую гвардию. В целом же абхазское войско было организовано по принципу феодального ополчения. Во время военного положения феодалы страны были обязаны явиться со своим войском под царское знамя. Перед выступлением в поход царь устраивал войскам осмотр: проверял его боевую готовность, вооружение, благословлял войско и боевое государственное знамя [505, 170]. Армянский католикос Иованнес Драсханакерти, говоря об итогах визита Ашота II Ерката в Абхазию (X в.), касается состояния абхазской армии Константина. В частности он пишет: «Царь абхазов Константин, встретив Ашота многочисленными подарками и приняв его очень дружелюбно, полностью, всем сердцем, душою и мощью своею присоединился к нему. *Он оказал ему большую помощь, собрав многочисленное войско на конях, словно по воздуху летящих, в железных доспехах и устрашающих шлемах, в скрепленных железными гвоздями нагрудниках и с прочными щитами, снаряженное в вооруженное острыми копьями, – дал все это войско ему, дабы с помощью его он отомстил врагам.* Поспешно вернувшись с этой массой конного войска и внушив смелость всему до единого множеству воинов, он полагал, что сумеет скоро довести дело до конца и с легкостью заставит врага сложить оружие» [600, 224].

Согласно же сообщению А. Грена, абхазская армия в X в. «*была вооружена по византийскому обычаю в сплошные латы, в то время как другие кавказские народы носили кольчужные доспехи..., на которую (т. е. на армию абхазов. – В. К.) кругом смотрели со страхом и трепетом...*» [628, 52; 49, 391].

С XI в. абхазская армия становится многоязычной. В состав абхазской армии стали входить: земское войско, которое вербовалось по всей стране и составляло основное ядро государственного войска, царское ополчение из вассальных стран, которое содержалось при царском дворе, и наемные военные отряды, состоящие в основном из северокавказских соседей. Особый род войск предназначался для защиты и охраны городов и крепостей [505, 170].

Грузинский поэт XIX в. Григол Орбелиани в стихотворной форме воспроизводит национальный состав абхазской армии царицы Тамары следующим образом:

«Поднимая стяг Тамары,
В Дидубэ со всей округи,
Собрались для общей брани, кахетинец и тушин.
На хевсуре и на пшаве
Как огонь горят кольчуги.
Вот – могучий карталинец
Вежливый имеретин,
Месх, прославленный ученый,
Осетин, бесстрашный воин,
Меткий стрелами абхаец,
Храбрый горец и мегрел...» [611, 344].

Абхазские лучники и абхазская конница являлись основными звеньями абхазской армии. Абхазские воины, в особенности лучники, пользовались широкой известностью еще в античном мире. В римской армии имелись отдельные абазгские военные подразделения. В Египте в V в. стояло абазгское военное подразделение, именовавшееся «Первая когорта абасгов» (см. гл. VIII, § 5).

Абхазским лучникам посвящен целый ряд поэтических строк: например, в персидской поэме *«Вис и Рамин»* (XII в.) говорится: *«Ресницы ее научились стрелы метать от абхазов, амбр исходил от души и от тела ее»* [619, 168]. В стихотворении Григола Орбелиани (XIX в.) читаем: «Меткий стрелами абхаец» [611, 344].

Абхазы являлись также великолепными наездниками, как их предки гениохи, которых Лукан (I в.) называет «страшными наездниками» (см. выше). В прошлом, в ночное время абхазских наездников узнавали на расстоянии по характерному топоту их коней. Убранство коней абхазов вызывало восхищение у окружающих [623]. В известной грузинской опере З. Палиашвили говорится о великолепном абхазском наряде коня героя. О. В. Вахания также пишет о том, что в Западной Грузии абхазов считали хорошими наездниками и поэтому хорошая скаковая лошадь, изящное наездничество там часто ассоциировалось с представлением об абхазе [620, 32; 621, 45].

Своими военными навыками абхазы пользовались и в позднем Средневековье. В частности, известный историк К. Кудрявцев говорит: «...абхазцы славились своими набегами и морским разбоем даже в такой стране, каким являлись Кавказ и Малая Азия в XVII и XVIII веках. Топот коней лихих абхазских джигитов при-

водит в страх и трепет жителей всех соседних стран, а их мелкие суда иногда бороздили и волны Босфора, и смелость их набегов знало все Черноморское побережье» [15, 149].

Грузинский же историк Вахушти (XVIII в.) писал, что абхазы *«по морям ходят на судах олезхандар, в которые они садятся по сто, двести и по триста человек»*, что в боях на море они *«стойки и могущественны»* [584, 785].

Свидетельством высокого имиджа абхазского воина также является уже названная «Повесть о Вавилон-граде» (XV в.). В ней в числе трех бесстрашных витязей, посланных в Вавилон с целью овладения знаками царского достоинства для византийского императора, наряду с греком по имени Гугрий и русским Лавером назван обежанин (т. е. абхаз) Яков [49, 386, 387].

3. Экономика Абхазского царства VIII–XIII вв.

Социально-экономическими предпосылками образования Абхазского царства в VIII в. явилось формирование единой абхазской народности и возникновение с V–VI вв. феодальной системы, элементы которой начинают обнаруживаться с позднеантичного времени.

В VII–VIII вв. Абхазия представляла собой густонаселенную страну с растущими производительными силами и сравнительно выгодным международным положением. Высшая социальная категория была представлена светской и духовной знатью, низшая – крестьянами раннефеодальной эпохи. «Страна Абхазская» имела своего правителя, епископов, священников, в ней процветало христианство [525, 49–51; 365, 533].

Как отмечает Ш. Д. Инал-ипа, главными занятиями раннефеодальной Абхазии являлись земледелие и скотоводство. Развивалась и торговля, о чем говорят найденные в различных пунктах денежные знаки того периода. Их находят, что очень важно, не только в прибрежной, но и в предгорной и частично горной полосе – это боспорские, понтийские, греческие, персидские, римские, византийские, арабские монеты и монеты других стран. Большое место в хозяйственной жизни страны занимали различные ремесла – металлообработка, гончарство, судостроение, обработка шкур и кож, ткачество и др. В качестве товарного продукта, несомненно, продолжали эксплуатироваться и природные

ресурсы – лес, металл, воск, шкуры, пушнина и т. д. [365, 519]. Особое внимание уделялось виноградарству, как интенсивной отрасли хозяйства.

В IX–X вв. абхазское крестьянство уже выплачивало господские повинности в виде барщины, которая в это время выражалась как в трудовой повинности, так и в натуральном налоге. Абхазская казна пополнялась и за счет набегов на соседние с Абхазией регионы, однако абхазская казна пополнялась главным образом за счет таможенных пошлин, взимаемых на подконтрольных государству морском побережье, горных перевалах и международных торговых путях, а также и за счет торговли с другими странами. Как отмечает О. В. Маан, в структуру торговли Абхазского царства входил не только внутренний и внешний, но и государственный и частный, мелкий и крупный товарообмен; разнообразным был, надо полагать, и набор товаров, имевший хождение на рынке. Крупные абхазские профессиональные торговцы (*ахэахэццэа*), занятые по преимуществу отдаленной внешней торговлей, находились на службе у царского двора, были, по сути, и его агентами [376, 166].

Основными предметами абхазского экспорта являлись продукты животноводства, пчеловодства, охоты, ткаческого ремесла – ковры, шерстяные, шелковые и хлопчатобумажные ткани, керамические изделия, вино, веревки, канаты различного назначения, корабельный лес, самшит и многое другое. Широким спросом пользовались в странах Малой Азии, в Византии абхазские охотничьи соколы.

В Абхазию же ввозились различные ткани, в том числе златотканые платки, парфюмерные изделия, сахар, дорогие металлы, предметы церковного обихода, керамика и др. [611, 350].

В VIII–X вв. в Абхазском царстве и собственно Абхазии, как считается, основным платежным средством были византийские монеты, тогда как в Картли в обращении были арабские монеты. Эти монеты выступали в роли местной, так как служили местному назначению и широко использовались на внутреннем и внешнем рынках. Вместе с тем, по утверждению Д. Лэнга, в средние века в Абхазии имела хождение монета собственного чекана. Речь идет о золотом гиперпироне весом в один мискал, являвшийся местным платежным средством. «Эта монета, – указывает Д. Лэнг, – имела

хождение в землях абхазов и является денежной единицей их отцов» [624, 166, 167; 81, 15].

Материальное состояние Абхазского царства позволяло уже в VIII–X вв. абхазским царям производить строительство целого ряда грандиозных христианских храмов как собственно в Абхазии, так и на присоединенных территориях. Абхазские цари отстраивают города Кутаис, Чихара (абхаз. *Чхара*) и Хони. Вместе с тем Абхазия ведет активную экспансивную политику в сторону Восточного Закавказья.

По мере расширения пределов Абхазского царства и включения в него новых экономически значимых территорий растут материальные возможности государства. Военные походы давали стране большое богатство в виде военной добычи и контрибуций с покоренных стран. Так, например, как уже отмечено, при рождении у царицы Тамары сына Георгия Лаша был предпринят очередной военный поход. В результате нового похода был razорен почти весь Иран. О несметных богатствах, захваченных в этом походе, летописец эпохи Тамары говорит: «Наполнились все государственные сокровищницы золотом и золотой утварью, ибо сыпали золото подобно земле (песку), камни (драгоценные) и жемчуг считали мерками, греческие и другие златоткани, очень редкие, бросали, как ненужное одеяние. Серебряная же утварь не пользовалась уже никаким почетом во дворце царя, так как все было сделано из золота и хрусталя, разукрашено драгоценностями, индийскими камнями, и ими он щедро одарил все церкви для отправления святых таинств». По словам историка царицы Тамары, Абхазия настолько разбогатела, что «земледельцы уподобились дворянам, дворяне – князьям, князья же – царям». «При Тамаре государство было настолько богато, что крепостные дворян одевались так же, как и их господа» [626, 140].

Абхазское многонациональное государство в XII и начале XIII в. превращается в одно из богатейших государств Кавказа и Малой Азии [601, 228]. Оно чеканит собственные монеты, строит по всей стране храмы, оборонительные сооружения, новые царские резиденции, дороги, мосты, содержит многочисленную наемную армию и собственные военные подразделения. Страна щедро тратится на развитие церкви и светской культуры и т. д.

4. Церковь и культура

Как уже было сказано, датой утверждения христианства в качестве официальной религии в Абхазии принято считать 548 г. В VI–VII вв. на территории Абхазии уже имелось множество христианских сооружений, среди которых пользовались известностью Цандрипшская базилика, церкви в Гагре, Питиунте, Цибилиуме, Алахадзы, Себастополисе, Гюэносе (Очамчыра), Зиганисе (Гудаа) и др. Подчиненность абхазской церкви в VI–VII вв. Константинополю являлось важным звеном, связывающим Абхазию с Византией. Освобождение Абхазского царства от политического господства Византийской империи предполагало и создание абхазской независимой церкви. По мнению Вахушти, отделение абхазской церкви произошло вскоре после образования Абхазского царства. Вместе с тем известно, что еще в 750 г. абхазский царь (Леон I. – *В. К.*) посылает духовное посольство в Антиохию, чтобы узаконить самостоятельность абхазской церкви (об этом см. выше). Здесь Антиохийский патриарх Феофилакт рукополагает абхаза Иоанна в католикосы. Вскоре первый абхазский католикос Иоанн возвращается в Абхазию [86, 15, 16].

Согласно сообщению Иоанна Сабанисдзе – писателя VIII в., автора сочинения «Мученичество Або Тбилели», Абхазия уже в 80-е гг. VIII в. являлась цветущей христианской страной. Сабанисдзе говорит: «И блаженный Або еще пуще благодарствовал богу, т. к. он узрел страну ту (Абхазию. – *В. К.*) исполненной христовой веры и ни одного неверующего не сыскать было в их (абхазов) пределах. А сопредельным с ними является Понтийское море, где повсеместно обитают христиане вплоть до пределов Халдии... Когда же праведный и блаженный Або увидел чрезмерное боголюбие людей тех мест и непрерывное моление всего народа, им овладело священное рвение» [199, 8, 9].

В VIII–X вв. абхазские цари строят в Абхазии такие грандиозные христианские сооружения, как: Лооский храм в западной части исторической Абазгии (Абхазии) (VIII–IX вв.) [87, 61–66], Патриарший собор в Пицунде (IX–X вв.), Мюссерский храм близ Пицунды (X в.), Лыхненский храм Успения Богородицы (IX–X вв.), Анакопийский (Ново-Афонский) храм апостола Симона Кананита (X–XI вв.), Моквский кафедральный собор Успения Бо-

жьей матери (X в.), Кячский храм на горе выше абхазского села Джгерда (X в.), Лашкиндарский храм на горе выше г. Ткуарчал (X–XI вв.), Бедийский храм в абхазском селе Агу-Бедиа (X в.), грандиозный кафедральный купольный храм *Чихан дыуду* (мегр. Чкондиди) (X в.), Хонский собор (IX в.).

В период продвижения абхазов на восток в X–XIII вв. абхазские цари продолжали последовательно придерживаться христианской идеологии не только во внутренней политике и освоении новых территорий, но и выступали проводниками христианской веры для своих соседей-язычников.

В начале X в. абхазский царь Константин III возвел храмы в с. Эредви (Южная Осетия) и в Испирском ущелье (на левом берегу р. Чорох у подножья Испирской горы) две грандиозные базилики: Дорт-Килиссе (Килисса – из греч. эклес «церковь») и Пархал [626, 144]. Царь и абхазское духовенство разворачивают миссионерскую деятельность по утверждению православного христианства на Северном Кавказе, в частности – в Алании. Христианизацию Алании продолжил абхазский царь Георгий II. Вскоре здесь, в верховьях Кубани, появляются христианские храмы наподобие абхазских. Миссионерская деятельность абхазских царей в Алании получает высокую оценку со стороны Константинопольского патриарха Николая Мистика, которую он выражает в благодарственных письмах абхазским царям Константину III и Георгию II [86, 19, 20; 625, 193, 194; 474, 8].

Десятым веком датируется строительство *Вачнадзианского* храма и кафедрального собора *Алаверди*. К X в. относится и кафедральный собор в Самшвилде (958 г.) на бывшей территории князей Барат (Бараташвили) из рода абхазских князей Гечба (см. выше).

Во второй половине X в. Леон III строит, наряду с Моквским храмом в собственно Абхазии, и кафедральный храм в Джавахетии в селе Кумурдо (964 г.). При Баграте III в 1003 г. в столице Абхазского царства – Кутаиси завершается строительство самого великого в Закавказье храма периода Абхазского царства – Кутаисского храма, именуемого также Храм Баграта. По-видимому, при том же абхазском царе Баграте III был построен в Кларджети кафедральный собор *Анчи* – из абхаз. *Анцџа* «Бог», «Спаситель». Святыней Храма *Анчи*, т. е. на абхазском «Храма Спасителя», яв-

лялась знаменитая нерукотворная икона – груз. Анчисхати – что из абхаз. *Анцәа ихата*, букв. «образ Бога», «образ Спасителя» [589].

Следует подчеркнуть, что в IX–X вв. в церковном зодчестве Кавказа особое место занимает абхазская школа. Существование абхазской школы церковного зодчества, как отмечает Н. Милованова, признают многие специалисты, в том числе и грузинские [627, 11; 626, 173]. Милованова заключает: «...Абхазское церковное зодчество, испытавшее вначале влияние Византии, Сирии и Сасанидской Персии (через Армению), переработав и обогатив этот опыт, создало новую школу с присущими только ей архитектурными приемами и особенностями, которая впоследствии оказала влияние на строительство храмов в Грузии, в Киевской Руси и на Северном Кавказе» [627, 11].

Абхазские цари уделяют значительное влияние церковному строительству и в XI–XII вв. Однако по мере присоединения к абхазскому царству новых земель Восточного Закавказья абхазская архитектурная школа уже с конца X в. начинает принимать элементы грузинской и армянской архитектуры. Таким образом, формируется новый архитектурный стиль. По этому поводу Ш. Я. Амиранашвили пишет: «Лишь в конце X – начале XI в. четко выявляется постепенно слагавшийся новый стиль в искусстве. Возникают такие монументальные памятники зодчества, как Ошки, Хахули, Кутаисский кафедральный собор, Алавердский храм и капитально перестраивается Свети-Цховели в Мцхете. Основным очагом была юго-западная Грузия (читай *юго-западная Абхазия*. – В. К.)» [626, 158].

Согласно древнерусской летописи, *обезы* (т. е. абхазы) принимали участие в строительстве Софийского собора в Киеве [627, 11]. Древнерусский источник «Киево-Печерский пятерик» рассказывает о приглашении в 80-е гг. XI в. художников-мозаечников греков и обезов в Киево-Печерский монастырь для художественного его оформления [49, 244, 252, 273].

В XII – начале XIII в. вся обширная территория Абхазского царства была покрыта сетью великолепных христианских храмов и церквей, построенных в подавляющем большинстве абхазскими царями в VIII–XIII вв. Абхазское царство с самого начала встало под христианский флаг, христианство же стало идеологической основой абхазского государства. В XI–XIII вв. абхазы в Закавказье

создали многоязычную высокоразвитую христианскую культуру и вместе с тем и сильное многонациональное государство. Абхазское духовенство, являясь частью сообщества крупных феодалов и придерживаясь у себя принципа церковной централизации, поддерживало создание светской централизованной власти. Вместе с тем следует отметить, что, несмотря на укрепившиеся позиции христианства в Абхазском царстве, здесь еще в XI–XII вв. действовали также языческие обряды и обычаи.

Абхазский царский двор внутри государства проводил политику терпимости и уважения к народам присоединенных к Абхазии территорий и их верованиям. Здесь уживались все существовавшие тогда религиозные течения.

В XI–XII вв. церковная служба в Абхазском царстве велась на многих языках: на абхазском, греческом, мегрельском, иверском, осетинском, армянском, алванском (албанском) и др.

В этот период особое развитие получает в Восточной Абхазии иверская (грузинская) и армянская церковная письменная культура. В церквях и монастырях создавались оригинальные богословские и философские произведения, делались переводы с иностранных сочинений, переписывались рукописи, воспитывались молодые люди и т. д.

При этом следует заметить, что основные иверские центры просвещения и научно-литературной деятельности находились вне пределов Абхазского царства. Таковыми являлись: Иверская лавра на Афоне, Иверский монастырь на Черной горе в Сирии, Крестовый монастырь в Палестине, Петрицонская в современной Болгарии и др. [505, 179].

Дети знатных людей получали светское образование в абхазском царском дворе или в Византии.

В XI–XII вв. получают известность в Византии целый ряд писателей и философов, являвшихся выходцами из пределов Абхазского царства. Среди них Грамматик Абазг, Георгий Абазг, Василий Авазг, философ Иоанн Петрици, Ефрем Мцири, Евфимий Ивер, Митридат Лаз, Макар Месхи и др. [510].

В Абхазском царстве уделяется значительное внимание летописанию. Согласно этой же летописи, уже в конце X в. существовал летописный свод «Жизнь абхазов», откуда царь абхазов Баграт II (по груз. счету – III) выписал по хронологии имена существо-

вавших до него абхазских царей, список которых получил название «Диван абхазских царей». Само же историческое произведение «Жизнь абхазов», являющееся летописью Абхазского царства VIII–X вв., позже было затеряно. Однако, как отмечает медиевист Г. А. Амичба, в соответствии с сохранившимися в «Летописи Картли» материалами о «Жизни абхазов», можно судить о его сущности: «Выясняется, что летопись Абхазского царства представляла собой обширную историю, в которой подробно описывались события VIII–X веков. Очевидно, этот письменный памятник начинался с воцарения Леона II и заканчивался кратковременной деятельностью Феодосия Темного» [515, 10, 11].

На наш взгляд, материалы летописи «Жизнь абхазов» в переработанном виде легли в основу составленного в 1072–1073 гг. на иверском (грузинском) языке сочинения, получившего позже название «Матиане Картлиса» или «Летопись Картли». Составителем этой летописи, как полагают исследователи, являлся человек из восточной части Абхазского царства [497, 13, 15].

По-видимому, этническим абхазом являлся известный писатель X в. Георгий Мерчуле – автор сочинения «Жизнь Григола Хандзтели», в котором описываются различные факты из истории раннефеодальной Абхазии. Имя автора – *Мерчуле* – представляет собой закономерную грузинскую передачу абхазского имени одного из древних абхазских княжеских родов Маршанов (груз. Марушианов) – *Мырчыл*, фонетический вариант которого есть *Бырчыл*, отсюда и груз. фамилия *Бурчул-адзе* (см. гл. X, § 5). Род *Мырчылов* и по сей день сохраняется в Абхазии.

В X – начале XIII в. летопись Абхазского царства ведется в основном на греческом, иверском (грузинском), армянском, арабском и персидском языках. В них описываются деятельность абхазских царей, значимые события и в целом – внутренняя и внешняя политика абхазского государства.

В Абхазском царстве для народов, проживающих здесь и вне его пределов, абхазская поведенческая, бытовая и рыцарская культура являлась предметом особого подражания. Абхазы в процессе своего национального развития выработали для себя свод духовных, морально-этических норм поведения под названием «*апсуара*», буквально переводимое как «абхазство». Он сформировался, по мнению Ш. Д. Инал-ипа, еще в период образования

единой феодальной абхазской народности как особая этническая индивидуальность, как общность со своим этическим самосознанием, территорией, языком, культурой. Это стало историческим фактом ко времени образования Абхазского царства в конце VIII в. н. э. [23, 412]. Далее нормы *апсуа-ра* в абхазском обществе приобретают силу закона. По этому поводу профессор А. Э. Куправа пишет: «Традиционный абхаз стремился везде и всюду, при любых обстоятельствах следовать морально-нравственным законам *апсуара*, т. е. в своих практических действиях, поступках и словах проявлять: совесть абхаза (*ацсуа ламыс*); честь и уважение (*апату*); гуманность (*ауафра*); мужество, героизм и отвагу (*ахатцара*); рыцарство, благородство (*аамысташэара*); уважение к старшим (*аихабы хатыр икэцара*); соблюдение старшинства (*аибарцшра*); взаимоснисходительность (*аихатцгылара*); снисходительное отношение к слабому, доброте, душевность (*агэхалалра*); скромность, кротость, выдержанность, деликатность, вежливость; чувство долга и достоинства; взаимопомощь, взаимоподдержку (*аицхыраара*, “киараз); стойкость, твердость (*ачхара*) и т. д.» [366, 202, 203].

С утверждением феодальных отношений в Абхазии в системе *апсуара* особое место начинает занимать дворянский, т. е. рыцарский этикет, *аамсташэара*. В этой связи О. В. Маан отмечает: «... именно период зарождения и развития феодальных отношений сопровождался процессом выделения из общеабхазского этикета нового – дворянского этикета. Представители высшего сословия тем самым создали себе свой особый этикет, свою особую культуру, которая в целом опиралась на общеабхазский этикет. Вместе с тем *Аамсташэара* более детализировал систему *Апсуара*, в результате чего все ее важнейшие требования соблюдались более скрупулезно и более щепетильно, со своими специфическими способами и методами» [621, 36]. По определению О. В. Маана, «апсуара задавала стандарты и каноны всего образа жизни высшего сословия, приводя его к “общему знаменателю”: надо было “вести себя как все”, и “жить как все”, и чтобы “все было как у всех”. Она пронизывала все сферы жизни аамста, буквально до мелочей регламентируя их жизнь. Нормы *Апсуара* носили характер закона и имели очень сильное воздействие на высшее сословие. Нарушение этих норм рассматривалось как преступление» [621, 92].

Для абхазов превыше всего были *честь и слава* «ахьз ацша». И сегодня абхазы считают, что «человек живет в этом мире, чтобы отличать честь от позора «ауафы адунеи дзыкэу ахьзи ахьымзги рзоуп»». О достоинстве абхазов С. П. Басария в самом начале XX в. писал: «Абхаз, — изысканно-вежлив, почтителен к старшим. Умением держать себя и, вообще, что называется тактом, абхазы поражали почти всех иностранцев. Рыбинский говорит, что “чисто французской вежливости и предупредительности, как у них — вы нигде не встретите”» [16, 81].

Абхазский народ, как отмечает профессор А. Э. Куправа, творец шедевров устного народного творчества — сказаний, эпоса, мифов, легенд, сказок, народной поэзии и яркой традиции устной художественной речи [366, 35, 36]. Наиболее значительными памятниками абхазского народного творчества являются известный Нартский эпос, а также сказания о герое-богоборце Абрскиле — абхазском Прометее и сказания об *Апсха* — царях Абхазии.

Представляет значительный интерес абхазский музыкально-песенный фольклор. Здесь представлены такие древние песенные произведения, как: свадебный «*ҭацаагараишэа*», горевестные «*Ауоу*», «*Аҭсхэраишэа*» [16, 76]; трудовые: песни жерновов «*Алураишэа*», мотыги «*Аеагаишэа*», песня валяльщиц бурки; боевые песни «*Ар-раишэа*», «*Ахайҭараишэа*», песня ранения «*Ахэраишэа*» песня о скале «*Ахра аишэа*», песня моряков «*Аишхэар раишэа*», кавалерийская «*Азараишэа*», «*Аеҭэа раишэа*», песня-молитва «*Анҭэа раишэа*», букв. «Песня богов» и другие [34, 151; 16, 78, 79].

У абхазов практиковались слушания народных певцов и певиц, поэтов и поэтесс. Абхазские барды воспевали мужество, благородство и любовь; обличали злодеяния, пороки. Каждая песнь являла собой опозитизированную частицу народной жизни, побуждала человека на подвиги и добрые дела, удерживала его от низких, неблагоприятных поступков. Женщины в танце на народных празднествах были виртуозными и неутомимыми партнерами мужской компании [366, 288].

Значительное время живший среди абхазов грузинский священник К. Мачавариани в частности отмечал, что у абхазов «особенным вниманием пользуются песни и танцы в хороводных плясках, когда на обширной площади собирается молодежь из разных сел и когда каждое село представляет своего поэта на состязание, что

исполнители песен о народных героях и обличители общественных пороков... пользуются общим уважением. Певцы свободно импровизируют, без труда облачают свои мысли в поэтическую форму в течение целого дня или ночи, в особенности на специально устраиваемых состязаниях». «В обширном хороводе стоят эти поэты на противоположных сторонах, и поэзия их льется широкой волной. Каждая поэма волнует не только молодежь, но и столетних стариков и старух, вспоминая дела давно минувших дней, минувшей свободы и вольной жизни». Поэта, заслужившего пальму первенства, подбрасывали в воздух и слава о нем сохранялась в деревне на долгое время [625, 39, 40; 366, 288].

Тот же автор К. Мачавариани говорит и об абхазских танцах – плясках. Он пишет: «Для танцев составляется большой круг из кавалеров и девиц. Диаметр круга бывает 60, а иногда и 100 аршин. Около каждого кавалера стоит девица или молодая замужняя женщина. По команде запевалы, в один миг все берутся за руки, и начинается бег сначала на месте, потом справа налево и слева направо. Круговое движение происходит под такт песенников; поют все без исключения, но и пение это подчинено своего рода дисциплине. Сначала поет часть, которая входит в состав первой четверти круга, потом вторая и так далее... не мешая друг другу и не заставляя танцующих прерывать танцы». Кроме круговой пляски были и другие, в которых танцор вступал в состязание с танцоркой. Певцы начинали петь, кавалеры, образовав круг, хлопали в ладоши, и на арену выходили кавалер и девица. «Все искусство их пляски, – пишет Мачавариани, – состоит в выделывании разных фигур... Кавалер во что бы то ни стало старается утомить свою даму так, чтобы она первая отказалась продолжать танец. Бывают случаи, когда девицы берут верх и сменяют по 3 или 4 кавалера. В честь таких неутомимых плясуний составляют хвалебные гимны...». В этих народных празднествах, как правило, принимали участие представители всех сословий [630, 56, 57; 366, 288, 289].

Многие авторы прошлых веков писали об исключительном развитии ораторского искусства у абхазов. Оно являлось важной частью их традиционной культуры. Его развитию содействовали прежде всего условия общественной жизни, включая традиционные народные собрания и народное судопроизводство [366, 36].

По ораторскому искусству, голосу, умению держаться, осанке Дж. Белл (первая половина XIX в.) сравнивал абхазских ораторов с виднейшими европейскими сенаторами и судьями начала XIX в. [217; 631, 52, 55]. Другой же автор – академик С. Н. Джанашиа – также говорил о том, что ораторскому искусству, деликатности и этикету абхазского крестьянина могли бы позавидовать выдавшие виды дипломаты из Лиги Наций [366, 45]. По свидетельству К. Мачавариани: «Речь оратора-абхазца убедительна, увлекательна и до того обаятельна, что порой и убежденные сединой старики заслушиваются ею. Кто в совершенстве владеет абхазским языком, тот пользуется сильным орудием, чтобы проникнуть во все изгибы души, во все уголки сердца... Народный гласный суд, к которому допускаются жители обоего пола, не разбирая возраста, создает среди абхазцев выдающихся ораторов... Послушайте речь старика-абхазца, окруженного многочисленным со всех сторон собравшимся миром, решающим семейные, общественные, сословные и другие дела по обычаю старины. Слушая даже обыкновенного оратора или доморощенного поэта, не знаете чему удивляться, логической ли его последовательности или счастливому скреплению разнообразных по силе слов и выражений. Бесконечная речь его, основанная на законах здравого смысла, несется неудержимо. В бесконечных сравнениях, фигуральных образах и чудных аккордах слышатся глубокие истины, практически годная житейская мудрость, завещанная предками, и проверенные опытом собственной жизни советы» [629, 42; 266, 43].

Российская журналистка Зинаида Рихтер, побывавшая в 1923 г. в Абхазии, писала: «Никогда мне не приходилось присутствовать на таком сдержанном, я бы сказала культурном собрании. Абхаз выслушивает оратора, не перебивая его ни шумом, ни возгласами, в классической бессознательно-величавой позе, опираясь на высокий посох или винтовку. Противнику дают высказаться до конца, а возражают с изысканной корректностью, которой мог бы позавидовать любой лорд. Они очень солидарны и дисциплинированы, все вопросы решают необычайно быстро» [631, 61].

В Абхазском царстве для всех проживающих в нем народов эталоном поведенческих норм являлся абхазский этикет. Он более всего оказывал влияние на поведенческую культуру мегрелов, грузин и осетин. Архимандрит Леонид (Кавелин) писал: «Усили-

лось нравственное влияние абхазов на соседние народы, страна их сделалась сильным царством и подчинила горные народы и Лазику». Для картвелов, как и для других соседних народов (например, турок-османов), этикет «абхазский» был выражением аристократической изысканности и благородства, поэтому человека с хорошими манерами сравнивали с абхазом. В Грузии в качестве эпитета благовоспитанного человека употребляли выражение: «он как абхаз», «воспитан, как абхаз» [633, 92; 168, 23; 624, 151].

Даже в конце позднего Средневековья абхазы оставались на Кавказе эталоном благородства, рыцарского духа и воспитанности, в связи с чем в Грузии абхазов именовали «французами Кавказа». В конце XIX в. Евг. Марков писал: «Сами абхазы – отличный народ, даровитый, тонкий, изящный, французы Кавказа, как их величают в Грузии» [632, 360, 361; 621, 45].

§ 4. О языке письма и общения в Абхазском царстве

Как уже выше говорилось, судя по данным абхазского и абазинского языков и памятникам материальной культуры, абхазо-абазинскому этносу издревле не была чужда письменная культура. На абхазо-абазинском языке дешифрована т. н. «майкопская надпись» XIII–XII вв. до н. э. и сухумский эпиграфический памятник II в. до н. э. [25].

Вместе с тем, как свидетельствуют археологические памятники, уже в конце I тыс. до н. э. на территории Абхазии получает распространение греческое письмо [168, 66]. Им начинают широко пользоваться с утверждением здесь христианства с V по X в. В этот период греческий и абхазский языки становятся языками местной церковной службы. Как уже было сказано, еще в 548 г. в Абасгию был прислан абасг Евфрат с целью введения здесь христианства и, нужно полагать, для организации понятной для абхазов церковной службы на их языке, для чего из Константинополя был прислан и епископ. Император же Юстиниан для абазгов построил храм, а у себя в императорском дворе основал школу для обучения мальчиков из Абасгии.

Греческое письмо имело применение в Абхазском царстве до конца X в. – греческие надписи встречаются на стенах старинных

церквей, на предметах церковной утвари, на надгробных плитах и т. д. Лишь намного позже, в эпоху грузинского влияния, в абхазских церквях, на иконах и фресках появляются грузинские надписи, нанесенные часто поверх древнегреческих.

Так, например, С. Смоленский сообщает о том, что он в 1830 г. читал в Лыхненской церкви надпись на греческом языке о появлении кометы. Поверх нее уже в 1848 г. появилась надпись о том же явлении на грузинском языке, прочитанная Мари Броссе [533, 350; 365, 556].

Греческая письменность использовалась в Абхазии, как в церковной, так и в светской жизни, пример тому – вислая печать абхазского владетеля VII в., на которой имеется греческая надпись «Константинос Абасгиос», т. е. Константин Абазгский [168, 67].

Вышеуказанные и другие свидетельства говорят о двуязычности абхазской элиты раннего Средневековья. Она владела как абхазским, так и греческим языками, которые являлись и языками церковной службы. Абхазская элита также пользовалась греческим письмом, а по сообщениям древних авторов – и собственно абхазским. О том, что существовала абхазская письменность и что абхазский язык являлся языком церковной службы, говорит создатель славянской азбуки Константин Философ. Он в 867 г., отстаивая право народов создавать свою письменность и славить Бога на родном языке, перечисляет народы, пользующиеся своей письменностью и несущие Богу службу на своем родном языке. В частности, он называет армян, персов, авазгов (абхазов), иверов (грузин), осетин, готов, аваров, тюркские народы, хазар, арабов, египтян, сирийцев [531, 29; 49, 49, 339].

Абхазская письменность упоминается и в известной «Повести о Вавилонском царстве». Последняя подробно рассматривается в монографии проф. А. Л. Папаскира «Обезы...». Считается, что «Повесть о Вавилонском царстве» была написана в Византии примерно в X в., а на русскую почву попала еще в XIII в. О сути самой повести А. Л. Папаскир пишет: «После падения древнего Вавилона, обладателя всемирной власти, не оказалось достойного по своему могуществу государства, которому можно было бы передать функции Вавилона. Поэтому знаки всемирной власти пришлось оставить в опустевшем Вавилоне, и их там охраняли сказочные змеи. Логика заключалась в том, что знаков всемирной

власти достоин именно тот царь, который способен преодолеть все эти чудовищные препятствия. Многие правители, в том числе и византийские, неоднократно пытались приобрести эти символы, спрятанные в Вавилоне, но могущества не хватало. И тогда, как свидетельствует вторая повесть, византийский император Лев, по крещению Василий, вынужден был найти трех бесстрашных витязей – грека по имени Гугрий, обежанина (абхаза) Якова и русского Лавера – и послать в этот загадочный Вавилон в надежде на то, что эти герои сумеют вырвать знаки царского достоинства для византийского императора. А сам Лев со своими воинами следовал за ними на значительном расстоянии. Витязи, прибывшие в опустевший Вавилон, оказались перед чудовищным змеем, спавшим, свернувшись кольцом вокруг Вавилона. На стенах этого города на трех языках (греческом, абхазском, русском) сообщалось, каким образом и по каким лестницам можно преодолеть это препятствие, каким святым поклониться, где найти указанные символы и т. д.» [49, 50, 386, 387, 393; 536, 182–183].

Обращает также на себя внимание ряд сообщений конца XIV – начала XV в. В частности, итальянский миссионер Иоанн де Галонифонтибус, епископ Нахичевана, а затем архиепископ персидского города Султании, глава христиан Персии и «всего Востока», после пребывания в Абхазии, Черкесии, Мегрелии, Грузии писал о том, что у черкесов (читай – у абхазов) имеется не только свой язык, но и своя письменность [534, 30, 31, 32]. Как отмечает Ш. Д. Инал-ипа, эти сведения перекликаются с аналогичным и почти синхронным сообщением немецкого (баварского) автора Иоанна Шильтбергера, также посетившего на рубеже XIV–XV вв. Абхазию и другие уголки Кавказа. В частности, он сообщает, что в его время в числе языков, на которых велось христианское богослужение, были черкесский (зихский), абхазский, грузинский и мегрельский языки [535, 102; 534, 32–33].

На фоне вышеназванных фактов представляет значительный интерес приписка к неаполитанскому тексту греческого романа «Варлаам и Иоасаф» (1048 г.), гласящая о том, что этот текст «переведен с абхазского (абазгского) языка» (*Translata abasgo genere stilo*) [532, 16, 17, 247].

Сегодня остается гадать: на каком языке или языках (возможно, на абхазском и греческом) была написана таинственно исчезнув-

шая летопись Абхазского царства «Жизнь абхазов» или «Житие Абхазии», о которой упоминается в «Картлис цховреба» («Матияне Картлиса»). Летопись «Жизнь абхазов» видел Иерусалимский патриарх Досифей, который оттуда и выписал генеалогию абхазских царей, названную «Диваном абхазских царей». В этой связи проф. Ш. Д. Инал-ипа пишет: «Однако, с исчезновением летописи “Житие Абхазии” легко говорить об этом, когда большинство “движимых” памятников искусства и бытовой материальной культуры были вывезены и часто неизвестно, где находятся и к кому относят их принадлежность, когда многое исчезло или уничтожено. Памятью средневекового искусства остались в основном лишь монументальные сооружения, которые, к счастью, никак невозможно вывези, хотя никакого содержимого, кроме частично сохранившихся фресок, в них уже нет. Даже пицундские храмовые мозаики были вырезаны и вывезены в Тбилиси в Музей искусств Грузии, где выставлены в нескольких залах, хотя их следовало законсервировать на месте, как это делается во всех других странах» [365, 561].

Бесследно исчезла и «Книга царей из рода их Багвашей», или, как ее называет медиевист Г. Цулая, «О книге царей и рода Багвашей», на которую ссылается безымянный автор XIV в. [46, 25, 26].

В дополнение к сказанному уместно вспомнить деятельность комиссии «ученых мужей», созданной в начале XVIII в. Вахтангом VI (см. Предисловие). Члены комиссии «ученых мужей», как правило, переписывали доступные им первоисточники, после чего исходный материал «чудесным образом» пропадал или просто горел. Так, например, в России трижды горели дома имеретинского царя Арчила, вместе с вывезенным им из Имеретии царским (абхазским) архивом [45, 84, 117].

Как отмечает Ш. Д. Инал-ипа, были также уничтожены, уже в наше время, Абхазский институт с его уникальным архивом, Музей Н. А. Лакоба с его архивом, Государственный архив Абхазии, как, впрочем, в свое время и архив князей Шервашидзе и все принадлежащее им имущество и т. д. и т. п. [365, 561].

О существовании в средние века абхазской письменности говорят и ряд исследователей. В 1924 г. историк С. М. Ашхацава, затрагивая историю Абхазского царства, пишет: «Нужно полагать, что государство имело не только свой язык, но и свою письмен-

ность, без чего христианские проповедники не смогли бы обойтись, не говоря уже о других правительственных необходимостях в письменности... Ныне действующий древнегрузинский алфавит являлся алфавитом древнего Абхазского государства до его распада; и после этого он все еще остался у церкви и дипломатии до 1863 года» [17, 36–37].

По вопросу абхазской письменности высказывается и известный кавказовед К. Кудрявцев. Он, рассматривая золотой век Абхазии, задается вопросом: «Могло ли существовать в течение нескольких веков большое, могущественное государство, распространявшее свое влияние и господство на Западное Закавказье, не имея своей письменности. И если оно не имело, то чьей пользовалось – греческой, грузинской и т. д.» Далее он же говорит: «По всем данным, вплоть до оформления Абхазии как совершенно независимого государства, этот край пользовался греческой письменностью (алфавитом и языком). Это находит подтверждение в легендах “колхидок”, в надписях на храмах и в современном Новом Афоне и др.

Но затем мы беремся высказать смелое предположение, – судя по некоторым данным, так называемый “грузинский” алфавит являлся государственным алфавитом Абхазии, и уже потом, будучи использован Грузией, стал ее национальным достоянием, иначе смешно было бы грузинским летописцам в IX в. расхваливать этот алфавит. Только этим и можно объяснить ту “архаичность” грузинского языка этого периода. Вполне возможно, что в промежутке между греческим и “грузинским военным” письмом абхазская государственность и абхазцы пользовались общекавказским христианским алфавитом.

Возможно и то, что работы археологов в Абхазии и современной Западной Грузии откроют нам надписи на особом абхазском алфавите или же алфавитах, только что перечисленных. Ведь имеем же мы в Закавказье достоверно существовавший народ (агован, кавказских албанцев), от которого мы в наследство не получили ни одной записи, хотя известно, что у них была письменность» [15, 124–126].

На наш взгляд, сообщения древних авторов и мнение названных и других исследователей, а также и материалы абхазо-абазинских языков (см. выше), дают основания уверенно говорить о

существовании в эпоху Абхазского царства абхазского письма и, соответственно, составленных на нем абхазских текстов.

На территории Абхазского царства в XI–XIII вв. фиксируются три местных алфавита, считающихся грузинскими: это заглавно-церковный (по-грузински *асомтаврули*), строчно-церковный (*хуцури*) и гражданский (*мхедрули*). Современное же грузинское письмо возводится к гражданскому, т. е. *мхедрули* [538, 44]. Однако такое обилие алфавитов у одного народа и использование их в один и тот же период маловероятно. Мы, как и уже названные авторы, также считаем, что один из них, а именно гражданский – *мхедрули* или *мхедар* являлся абхазским.

По мнению акад. Н. Я. Марра, грузинский церковный и гражданский алфавиты не являются разновидностями одного алфавита, а суть независимые друг от друга алфавиты, возникшие в разные периоды. При чем церковное письмо Н. Марр считал изобретением периода христианства, а гражданское письмо – изобретением периода язычества [538, 46]. Гражданское письмо *мхедрули* или *мхедар* выполняло роль письма феодальной знати – правящего сословия. Слово *мхедрули* или *мхедар* принято переводить как «всадническое» от груз. *мхедари* «всадник», «наездник», «кавалерист». Однако, на наш взгляд, оно может быть производно из другой основы. Если из грузинской формы слова *мхедрули* отделить грузинскую приставку «м» и окончание «ули», то получим основу *хедар*, что может быть из абхазского *хадар* или *хадара* «правительство», «правление», «правлящая элита», *Аҟсны ахадара* «Правительство Абхазии» и т. д. Само же абхаз. *хадар* // *хадара* представляет собой неопределенную форму множественного числа от абхазского термина *ахада* – «глава», «главный», «глава чего-либо», «президент» – *Аҟсны ахада* «Президент Абхазии»; сравните также анбан хада «заглавная буква» или анбан хадақәа – «заглавные буквы». Последнее значение – «заглавный» – представляет также интерес в связи с тем, что письмо *асомтаврули* состояло только из заглавных букв.

Что же касается этимологии названия гражданского письма м-хедр-ули, то оно больше соответствует назначению и характеру самого письма в Абхазском царстве, чем принятый грузинский перевод «всадническое». Таким образом не исключено, что абхазские тексты на основе письма хадара (груз. м-хедар) – *ахадара*

оура «правительственное письмо», также и тексты, написанные на заглавно-церковном асомтаврули могут храниться в тайниках грузинских хранилищ или в еще не открытых эпиграфических памятниках Абхазского царства.

Уместно здесь затронуть и этимологию грузинского слова *цера* – (*с҇҇а*) «писать», выводимое грузинскими авторами из значения «резать», «рассекать» [538, 41]. Однако, на наш взгляд, груз. *цера* вряд ли можно отделять как по значению, так и по форме от абхазского *а-цара*, сохраняющееся в значении «запись», «записывать» в словах *анцара* (*аң҇ара*) – «записывать», «наносить», «наложить»; *ананы-нцара* – «подписать», «подписывать», букв. же «наложить руку» – от *ананы* – «рука» и *анцара* – «наложить», «налаживать».

Форма же слова *анцара* – «записывать» (срав. *аныцра* «стереться») состоит из препозиционного *ан*, соответствующего русскому предлогу «на» и глагольной основы, представляющей масдарную форму абхазского глагола *ца-ра* – «писать» первоначально «ложить», «наносить», «вложить», срав. proverb *ца* «дно», «основа», «под». Слово *цара* (*ан-цара*) – «писать» со временем у абхазов получило и значение «учиться»: *ацара* – «учиться», «учеба», «учение», «образование», *ацаоы* – «ученик», *ар-цаоы* – «учитель» и т. д.

Обращает на себя внимание еще одна деталь. В грузинском и абхазском языках алфавит, азбука, букварь обозначается практически одним словом: в грузинском *анабана* (разг.) или *анбани*, отличающиеся окончанием «и» от абхазского *анбан*. Все эти формы восходят к названиям первых двух букв алфавита – *а* – «ан» и *б* – «бан». Представляется, что первая буква названа абхазским именем матери «ан», отсюда форма названия второй буквы *б* «бан», срав. *бы* или *а-б* в абхазском и абазинском «отец».

Как уже было сказано, ряд грузинских и других исследователей утверждают, что Абхазское царство было грузинским политическим образованием. Говорят, что якобы на это указывает численное преобладание в Абхазском царстве картвельского этноса, что в нем пользовались грузинской письменностью, что официальным языком этого государства был грузинский, что богослужения проводились на грузинском языке, и т. д. и т. п., что, как уже было сказано, не очень соответствует первоисточникам.

По этому поводу проф. А. Л. Папаскир пишет: «Думается, подобные аргументы несостоятельны. Вполне допустимо, что в Абхазском царстве грузинского этнического элемента стало больше на втором этапе развития этого государства (XI–XII вв.), когда оно стало расширять свои владения за счет восточно-картвельских земель. Но это еще ни о чем не говорит. В Византийской империи собственно греков было гораздо меньше, чем иноязычных. В Золотой орде монголов было несравнимо меньше, нежели завоеванных народов, но Золотая орда оставалась монгольским государством. Латинским языком и письмом пользовались многие европейские страны, но народы этих стран не стали итальянцами. На греческом писали и молились Богу многие народы, в том числе и абхазы, но самобытность при этом не потеряли» [49, 319]. Далее А. Л. Папаскир приводит слова известного русского ученого – литературоведа В. В. Кожина: «В XIII–XVI веках существовало великое княжество Литовское, включавшее в себя громадную западную часть Руси (нынешние Украину и Белоруссию), отпавшую от нее в результате монгольского нашествия. Это было, конечно же, именно литовское государство, но его официальным письменным языком был все-таки русский (которым владели, разумеется, и литовские великие князья). В сущности, также обстояло дело в X–XIII веках и в Абхазском царстве» [537, 154; 49, 319].

Подобных примеров в истории много. Можно вспомнить средневековых союзников абхазов хазар, создателей могущественного Хазарского Каганата. Хазары, являясь тюркоязычным народом, в конце VIII в. приняли караимское вероисповедание. Официально же переписка в этом государстве велась до X в. на древнееврейском языке.

В Закавказье же имеем, отмеченный еще К. Кудрявцевым пример агован (кавказских албанцев), у которых была своя письменность, а албанские тексты на нем до сих пор остаются затерянными.

Как видно, существует немало различных материалов, дающих представление о характере письма и языка Абхазского царства VIII–XIII вв.

С уверенностью можно утверждать, что в VIII–X вв. в Абхазском царстве использовалось для межгосударственной переписки греческое письмо и греческий язык, а внутри государства между

элитой – абхазское письмо и абхазский язык, языками же церковной службы являлись абхазский и греческий.

С расширением территории Абхазского царства и образования Абхазского многонационального государства (Абхазской империи), абхазские цари ведут межгосударственную переписку на языках тех государств, с кем они переписывались. Внутри же абхазского государства в XI–XIII вв. языками письма и церковной службы становятся: в абхазской среде – абхазский, частично греческий и грузинский, в грузинской среде – грузинский, в еврейской – еврейский, в армянской – армянский, в осетинской – осетинский. Церковная служба велась также на мегрельском, по-видимому, и на сванском.

Таким образом, народы Абхазского царства обладали правом служения Богу на своем родном языке, при этом они все восславляли как Господа Бога, так и абхазских царей.

§ 5. Династические браки, характеристики и титулатура абхазских царей

1. Династические браки

Династический брак, по общепринятому определению, – это брак между представителями правящих династий разных государств. Браки между членами монархических династий заключались, главным образом, в политических целях и в целях улучшения экономического состояния стран. Также они повышали родовитость и авторитет династий, давали возможность приобретать союзников в лице иностранных государств. Наконец, династические браки способствовали укреплению дружбы между народами, урегулированию межгосударственных конфликтных ситуаций и, вместе с тем они являлись важными показателями роста международного авторитета государства. Династическими браками издавна пользовались многие государства мира, в том числе и средневековое Абхазское царство.

Так, согласно летописи, в период угрозы вторжения арабов в Закавказье, десятый (по «Дивану абхазских царей») абхазский царь Константин II заключил брак с дочерью царя могучего тогда государства хазар [199, 57]. Вторая же дочь хазарского царя Чичак

была замужем за византийским императором Константином V и стала матерью его преемника – императора Льва IV Хазара. Таким образом, в начале VIII в. образовался антиарабский триумвират Византии, Хазарии и Абхазии. Вслед за этим, в 738 г., Абхазия принимает решающий удар арабских сил под Анакопией и выходит победительницей. Правитель Абхазии Леон I становится наследным владельцем практически всех земель абхазо-абазинских сообществ от р. Кубань до р. Рион. Союзники Абхазии – Византия и Картли, в лице ее царя Арчила, опасаясь дальнейшего продвижения на юго-восток Леона I, создают условия для заключения союза Арчила и Леона I, скрепленного династическим браком. Согласно сообщению Джуаншера, так и было сделано: «И отдал тогда Арчил в жены Леону племянницу свою (дочь брата) Гурандухт, и корону, которую царь греков прислал ему для Мира. И дали они друг другу клятву твердую в том, что не будет вражды между ними» [199, 54; 19, 74].

Абхазский царь Леон II (786–806(?)), как уже было сказано, являлся по матери внуком хазарского царя; с помощью хазар он захватил абхазский престол, объявил себя царем абхазов и Абхазию независимым государством. Он же намного расширил территорию царства, на востоке его пределы достигли Лихских гор, на юго-востоке – реки Чорох.

Устремлением абхазских царей на восток был продиктован брак абхазского царя Леона, сына Леона – Феодосия II с дочерью правителя Тао-Кларджети Ашота Куропалата (787–826). Повидимому, этот союз был выгоден для обеих сторон. Феодосий помог Ашоту Куропалату в его борьбе против Григола. Вместе с тем, как отмечает З. В. Анчабадзе, активное участие абхазского царя Феодосия в этой борьбе объясняется не столько стремлением оказать поддержку захватническим планам своего тестя, сколько желанием изгнать из Картли более опасного, на его взгляд, соперника – кахетинского правителя. Вместе с тем участие абхазского царя Феодосия в первой же борьбе за Картли по существу положило начало длительной борьбе абхазских царей за обладание этой центральной областью Закавказья [19, 123].

В конце 90-х гг. IX в. дочь абхазского царя (Адарнаса Шавлиани) стала невесткой армянского царя Сумбата I Багратуни [607, 124].

В начале X в., перед вторжением арабов в Армению, спор между армянским царем Сумбатом и абхазским царем Константином III за обладание Картли был урегулирован. Они заключили мирный договор, по которому Сумбат уступил Константину Уплисцихе и всю Картли. Союз между обоими царями был скреплен браком Константина с дочерью Сумбата (Смбата) [19, 127]. Позже сын Константина III от армянской царевны – Баграт – становится зятем Гургена – правителя Тао-Кларджети. Старший же сын Константина – Георгий – был от первого его брака с дочерью правителя Тао-Кларджети Адарнаса.

Георгий, впоследствии великий абхазский царь, был женат также на дочери армянского царя [626, 184]. С целью усиления своего влияния на Тао-Кларджети Георгий выдает свою сестру за сына тао-кларджетского правителя Адарнаса – Ашота Куропалата [527, 169; 19, 130]. Затем Георгий и свою дочь Гурундухт выдает замуж за сына одного из тао-кларджетских правителей Гургена Багратиони, брата основного правителя Тао-Кларджети Давида Куропалата [19, 163, 164].

Сын Георгия II – абхазский царь Леон III, после опустошительных походов его отца и его самого в Кахетию, заключает мир с кориепископом Квирике и выдает свою дочь за его сына [87, 29].

Двадцать первый абхазский царь Баграт II (по грузинскому счету – III), сын Гургена – правителя северной части Тао [46, 7, 8], продолжил в Абхазском царстве династию абхазских Леонидов по линии совей матери – абхазской царицы Гурундухт.

Абхазские цари с X в. начинают налаживать родственные связи с осетинами. Сын Баграта III Георгий III (по грузинскому счету – I) был дважды женат – первый раз на армянской царевне Мариам, а второй – на дочери осетинского царя Алде. От первого брака он имел, помимо Баграта (IV), трех дочерей – Марту, Гурандухт и Катю, от второго брака с осетинской царевной Алдой – сына Дмитрия [607, 130]. Дочь Георгия Ката была выдана замуж за Смбата – брата армянского царя, а ее сестра Гурундухт в 50-е гг. XI в. являлась правительницей Западной Абхазии.

Двадцать третий абхазский царь Баграт IV (1027–1072), как и его отец, Георгий III, был женат дважды. Первый брак был заключен с дочерью византийского императора Романа III Аргири Еленой, что явилось подтверждением установления мира между

воевавшими тогда друг с другом Абхазией и Византией. По прошествии некоторого времени царица Елена скоропостижно скончалась, после чего Баграт IV женился на царице Борене – сестре Дорголеда, дочери овсского (аланского) царя [46, 66].

В 1065 г. Баграт выдал свою дочь (от аланки Борены) Марту (Мариам) за Михаила – сына византийского императора Константина X Дуки – будущего императора Михаила VII Дуки. После смерти последнего Марта становится женой следующего императора Византии Никифора III Вотаниата [607, 132].

Баграт IV вынужден был наладить отношения с появившимися в 60-х гг. XI в. у границ Абхазского государства турками-сельджуками, представлявшими тогда грозную силу. Ему пришлось выдать замуж за сельджукского султана свою племянницу – дочь его сестры Каты и брата армянского царя Квирике [607, 132]. Преемником Баграта IV был его сын от осетинки Борены – Георгий IV (по грузинскому счету – Георгий II).

Двадцать пятый великий абхазский царь Давид IV (или Давид Строитель) (1089–1125), являвшийся сыном абхазского царя Георгия IV (или Георгия II), был женат на дочери кипчакского хана Отрока Гурундухт [505, 97; 49, 245]. Дочь свою Катю Давид IV выдал замуж за представителя династии византийских императоров Комнинов. Внук Давида, т. е. сын его дочери Каты, становится в 1184 г. императором Византии под именем Андроник I. Однако вскоре, во время мятежа в столице, погибли Андроник I и его сын Мануил. Сыновья же Мануила – малолетние Алексей и Давид – были спасены и воспитывались в абхазском царском дворе при царице Тамаре [601, 232, 233].

Считается, что вторая жена великого князя Изяслава II из «Обезь» (т. е. из Абхазии) являлась дочерью абхазского царя Давида IV или же его сына Деметре [505, 110]. В летописи говорится: Изяслав в 1154 г. «... повел из Обезь жену себе царевну дщерь...» [49, 253]. По мнению З. В. Анчабадзе, в летописи речь идет о царице Русудан, тетке Тамары [19, 174].

Согласно летописи, у сына Давида IV – Дмитрия IV (по грузинскому счету – Дмитрия I) одна из дочерей – Русудан – была выдана в жены Ширван-шаху Манучехра II [505, 132], вторая же дочь являлась женой правителя Дербента Абу-л-Музаффара. Иностранец ал-Фарики, участвовавший в походе войска Дмитрия, рассказы-

вает: «Царь передвигался с одного края до другого и с одного места до другого в пределах своих владений. И я был с царем, и мы провели несколько дней в области (вилайет) Дарбанд и Хазаран... Царь остановил войско в долине около горы. И Малик Дербенда эмир Абу-л-Музаффар вышел, чтобы выразить свое почтение абхазскому царю и привел ему слуг (с вещами, необходимыми для) его пребывания и пиров, так как он был зятем абхазского царя, будучи женат на его дочери» [601, 222, 223; 609, 52, 53].

Абхазский царь Георгий V (по грузинскому счету – Георгий III) – сын Дмитрия IV был женат на осетинской царевне Гурундухт [607, 134]. От этого брака родилась дочь Тамара, будущая великая царица Абхазского многонационального государства.

Царица абхазов Тамара, по настоянию абхазской элиты, в 1185 г. была выдана замуж за сына владимиро-суздальского русского князя Андрея Боголюбского – Юрия. Однако через три года этот брак был расторгнут. В 1189 г. Тамара вторым браком венчалась с осетинским царевичем Давидом Сосланом. От второго брака родились Георгий Лаша и дочь Русудан.

2. Характеристики царей

Оценка личности царя, императора и вообще правителя той или иной страны, оставленная его современниками, является также и важным историческим источником. Эти оценки могут быть несколько преувеличенными, если их автор являлся придворным или личным летописцем правителя. В целом же в этих характеристиках так или иначе отражаются политическое и культурное состояние страны в период характеризуемого ее правителя.

В источниках сохраняются характеристики не всех абхазских царей. В них первыми достаиваются характеристики два абхазских царя – Константин III (893–922) и его сын Георгий II (922–957), являвшиеся наиболее выдающимися фигурами среди предшествовавших им царей. Византийский патриарх Николай Мистик обращается к Константину III со словами: «*преславному властителю Абасгии... свидетельство благочестия...*» [87, 25]. Он же в 930 г. в другом письме, уже к сыну абхазского царя Константина III – Георгию II писал: «*Высочайшему и возлюбленному сыну нашему, преславному властителю Абасгии. Уходом от нас твоего блаженного отца (Константина III. – В. К.), сын наш, мы*

опечалены, тем более (памятуя) каким был твой отец, которого все славили и которым восхищались. И все же нашу печаль смягчает то, что промысел Божий благоволил тебе, кровному его отпрыску и плоду семени его, принять начало власти и явиться своему народу как некий образ вместо ушедшего из брenneй жизни... Мы желаем, чтоб ты милостью Божией ни мало не уступил отцу в своих деяниях, а даже превзошел бы его, и стал для подданных таким отцом и правителем, чтобы делами своими засвидетельствовать, что справедливо Бог дал тебе такой жребий, и сделать отца еще блаженнее благодаря твоей жизни и добродетели...» [87, 27, 28]. Николай Мистик называет Георгия II также «блистательным экскузиастом», «светлейшим правителем Абазгии» [49, 279, 343]. Византийский император Константин VII Багрянородный обращался к Георгию со словами: «Христолюбивому, божией милостью блистательному экскузиасту Абазгии» [19, 138].

Летопись называет Георгия II «царем великим и богом возлюбленным» [565, 265, 269, 275; 19, 128]. В другом же месте говорится: «Был он преисполнен всякой добродетели, мужественный и многосильный, боголюбив и более всего устроитель церквей, милосерден к убогим, щедр и кроток и исполнен всякого добра и благодеяний» [46, 53].

В летописи содержится также запись о сыне Георгия II – царе Леоне III (957–967): «Вернулся Леон (из похода в Кахетию. – В. К.) и распростер власть на вотчину и царство свое, ибо тогда же вступил в Абхазию. Умножил господь царство его, подобно отцу его. И был он также боголюбив и преисполнен всякого добра. Он построил церковь в Мокви и превратил ее в храм епископства, благословил и сотворил всякий порядок» [46, 55].

«Великий и облаченный мощью царь Баграт» – так пишет летописец об абхазском царе Баграте II (по грузинскому счету – Баграте III) (978–1014). Далее летописец говорит: «Этот великий царь построил Бедийский храм (в совр. Абхазии. – В. К.) и основал в нем епископат... И если кто соблаговолит узреть и убедиться в величии Баграта, пусть прежде глянет на великолепие Бедийской церкви и воистину через нее познает, что не было равного ему царя в стране Картлийской и Абхазской... Сей Баграт, царь абхазов и картлийцев, превзошел всех царей совершенством правле-

ния. Угождавшие ему и к нему стремившиеся – все сполна стали государями, а разделявшие с ним власть стали рыцарями-вассалами ему подвластными и (нелицеприятно) верными. И покорил господь ему врагов и супротивников его; одарил страну его миром и покоем твердым. И не в силах кому-либо обстоятельно живописать все деяния его, из коих я поведал лишь малость, дабы сохранить их в памяти беспредельных времен» [46, 61].

Царем после Баграта II (или III) становится его сын Георгий III (по грузинскому счету – Георгий I) (1014–1027), который «также был преисполнен всякой благости» [46, 62].

Летопись высоко отзывается о сыне Георгия, поистине великом абхазском царе Баграте IV. Баграт, вернувшись из Греции в 1025 г., как сказано в летописи, «предстал пред отцом своим царем Георгием в доме его в Кутаиси, узрели и родители сына своего, подобно им, невиданного и неизреченного добродетелями, совершенного ликом, о доблестях которого не в силах глаголить устами человеческими» [46, 64]. После воцарения на абхазский престол (1027–1072 гг.) «Этот Баграт, – говорит летописец, – спервоначала был куропалатом, затем стал новелисимосом, а затем севастом. Был он ликом совершеннейшим из людей, полон мудрости, философ речью, осчастливлен судьбой, богатейший из всех царей Абхазии, милостив к согрешившим, щедрый на пути своем» [46, 77].

Сына Баграта IV, абхазского царя Георгия IV (по грузинскому счету – Георгий II) (1072–1089), летопись характеризует как царя, который «был милостив и правосуден с убогими, муж грозный и паче щедрый из всех царей Абхазии, хлебосол лучший среди всех людей, наездник и лучник отменный» [46, 77].

Высоко оценивается личность и деятельность великого абхазского царя Давида IV (Строителя) (1089–1125). Историк Давида, его современник и сотрудник, писал: «Кто в силах перечесть, каким количеством дел, обязанностей и функций обременен царь? – Расширение пределов (государства) и укрепление границ, предупреждение расколов и меры для порядка в царстве, организация походов, раскрытие княжеских козней, побор военачальников, внушения народу, административные и судебные решения, доходы казны, прием послов и ответы, соответствующее воздаяние приносящим дары, милосердное наставление

провинившихся, щедрое вознаграждение заслуженных, справедливое рассмотрение жалоб, построение и вождение войска, – кто может исчерпать словами бездну дел государственных, в которых не было равного Давиду ни среди царей древних, ни среди царей новых?» [601, 203].

Царь Давид, как отмечает Ш. Л. Амиранашвили, был известен как знаток астрономии и астрологии, являлся знатоком не только христианской богословской литературы, но и мусульманской. По сведениям Мохаммеда-аль-Хамави, он хорошо знал арабский язык и вел спор с гандийским кади о происхождении Корана. Известно, что царь Давид поддерживал мусульманских поэтов и суфиев [626, 138].

Источники также уделяют большое внимание личности Тамары – царицы Абхазского многонационального государства (Абхазской империи) (1184–1213 гг.), которая уже в молодом возрасте была в поле зрения окружающих. Летописец говорит: «...она, будучи юной, по уму выглядит не юной, а сознательной, разумной и знающей», далее отмечается, что она «лицеприятная, лишенная недостатков и своеобразная» [539, 26; 611, 338]. Известен также живой ее портрет: «Правильно сложенное тело, темный глаз и розовая окраска белых ланит; застенчивый взгляд, манера царственно метать взоры вокруг себя, веселая и чуждая развязанности, улаждающая слух, речь, чуждый всякой порочности разговор...» [611, 353].

К царице Тамаре обращались со словами: «Царица могучая, светлейшая среди венценосцев...» [626, 140].

Со временем Тамару, подобно византийским императорам, начинают именовать «богоравной». К имени Тамары прибавлялся эпитет «солнцеподобная», «солнцеликая». Последнее может быть абхазским переводом имени царицы – *Тамар*, *Тамара*, что выводится из библейского женского имени *Фамарь*, ивр. *Тамар* – «финиковая пальма». Мы допускаем, что царица могла быть названа абхазским именем, как и ее сын Лаша, при этом, на наш взгляд, не исключая иноязычное происхождение имени Тамары, следует также отметить, что созвучное с ним абхазское имя (слово) *Тишмара*, усеченно *Тишмар* (‘Фамара // ‘Фамар), буквально означает «солнцеликий (солнцеликая)» – от *тиш* (‘фы) «лицо» и *мара* «солнце» (совр. абхаз. *а-мра*, абаз. *мара* «солнце»).

3. Титулатура абхазских царей

Слово «титул», согласно словарям (В. И. Даля и С. И. Ожегова), означает «почетное звание, величание, именование по сану и достоинству», «почетное звание, наследственное или пожалованное», «наименование, звание, даваемое кому-нибудь в знак признания заслуг, успехов в какой-нибудь деятельности».

В государствах титулы монархов имели чрезвычайно важное внутригосударственное и международное значение. Признание титула правителя означало в международно-правовом аспекте признание его страны, его государства [474, 6]. В средневековых государствах складывается традиция включать в титулы монархов те земли, которые входили в состав их территорий. Борьба за признание титулов влекла за собой признание территориальных границ и завоеваний. Титулы подтверждали также особый статус монархов в государстве и обязывали их сохранять и защищать исторически сложившуюся территорию страны.

Титулатура абхазских царей складывалась на протяжении веков.

Она начинает формироваться еще на начальном этапе становления Абхазского царства. Согласно «Дивану абхазских царей», все 22 правителя раннефеодальной Абхазии, от первого – Аноса до Баграта III (X в.) именуются абхазскими царями. Однако до образования в VIII в. объединенного Абхазского царства во главе с Леоном I вряд ли кто-нибудь из абазгских царей мог именоваться *Аңсха* «Царь абхазов», так как Абазгия вначале являлась лишь одной из частей этнической территории абхазов.

Царь Абазгии рубежа VII–VIII вв. Константин на принадлежавшей ему вислой печати обозначен на греческом языке как «Константинос Абазгиас», т. е. «Константин Абазгский» [634, 404; 365, 478].

Думается, что абхазы в начале именовали своих правителей *Ачха*, букв. «Ачов князь», «Ачов царь», образованным от *Ач* – древнего родового имени абхазо-абазинской касты правителей и *ах* «большой», «большак», «князь» и позже «царь». Как уже было сказано (см. гл. X, § 5), родовое имя *Ач* еще в более древнее время приобрело также и значение «князь», «правитель». Род *Ачов* из своей среды выбирал предводителя (правителя) *Ачха* с титулом *ачиач* (усеченно чач), букв. «Ач Ачов», т. е. «князь князей»; *Аңсха*

чач, букв. «Ачбов князь, князь князей». Далее, еще задолго до образования Абхазского царства, из рода *Ач* выделяется отдельный род с титульным именем *Чач*, от которого позже происходит фамилия абхазских владетелей *Чач-ба*, а от древнего родового имени *Ач* – княжеская фамилия *Ач-ба*.

Древние родовые имена *Ачы* и *Чачы* соответствовали в исторической Западной Абхазии (у абазин) известным здесь княжеским родовым именам *Ашы* (Аше) и *Шашы* (Шаше). Они, т. е. *Ачы* // *Ашы* (Ач-ба, Аш-ба) и *Чачы* // *Шашы* (Чач-ба, Шашаа), а также князя *Аубла* и *Маршан*, в период Абхазского царства и позже занимали высшую ступень в среде абхазской элиты.

С образованием в VIII в. объединенного абхазского государства появляется основной титул всех абхазских царей *Аңсха*, букв. «Царь абхазов». Думается, что титулом «*Царь абхазов*» был именован уже Леон I, который в начале 50-х гг. VIII в. уже являлся практически главой всех абхазских обществ Причерноморья и наследственным правителем их общей абхазо-абазинской территории. Однако в источниках под титулом «*Царь абхазов*» первым фиксируется Леон II, объявивший Абхазию независимым (от Византии) государством. «*Этот второй Леон... отложился от греков... и назвал себя Царем абхазов*» [199, 57]. Начиная от Леона I и Леона II титул «*Царь абхазов*» являлся основным в титулатуре всех абхазских царей вплоть до распада Абхазского многонационального государства. Вместе с тем еще в IX в. внутри Абхазии наряду с титулом *Аңсха* имело применение и старое *Ачха* (см. выше Чихан, Чхара). По-видимому, это объясняется тем, что, как отмечает Ш. Д. Инал-ипа, абхазские цари *Аңсха* были родом из *Ачха* [365, 547].

В летописи все правители объединенного Абхазского царства от абхазского царя Леона II до Баграта II (по грузинскому счету – III) именуются только как «*Царь абхазов*». При этом следует отметить, что царь Георгий I (861–868) был известен как «*Царь абхазов Георгий Агцупский*» – от абхазского названия главной крепости Абхазии – Анакопии, абхаз. *Агцыбаа*, букв. «крепость села Агцы», находившейся в наследственном владении Георгия I.

Своим именем отличался и абхазский царь Феодосий III (975–978). Абхазы именовали его «*Аңсха Чала Феодос (Таташь)*», букв. «*Царь абхазов Феодос немощный*», – отсюда груз. *Мене*

Чала «Царь немощный». Феодосия также называли «*Царь абхазов – выжженный глаз*» или «*Царь абхазов Феодосий слепой*».

Титул абхазских царей «*Царь абхазов*» долгое время не признавался Византией в силу того, что Византия не могла смириться с отпадением зависевших ранее от нее государств. Поэтому в отношениях с ними, в том числе и с Абхазским царством, она упорно стремилась подчеркнуть свой верховный сюзеренитет над ними. Царей отпавших от нее государств, как правило, именовали «*архонтами*», т. е. «начальниками» и, как отмечает З. В. Анчабадзе, лишь главу Абхазского царства удостоивали звания «*эксузиаста*» (владельца), что по византийскому «табелю о рангах» считалось выше звания *архонта*. Такое предпочтение объяснялось той гегемонной ролью, которую более полутора столетий играло Абхазское царство в Закавказье. В то время как абхазских царей византийцы именовали «*эксузиастами*», других же они называли «*архонтами*», в том числе таких крупных государей того времени как великого князя Киевского, Хазарского Хакана, короля Франции и др. [19, 138].

Официальное обращение администрации Византийской империи к царю Абхазии имело следующую форму: «*Христолюбивому, божьей милостью блистательному экссузиасту Абазгии*». Правитель Абхазии получал от византийского императора «золотую буллу» (кольцо с изображением императора) весом в два солида [19, 138].

Имена абхазских царей с титулом «*Царь абхазов*» фиксируются как в уже названных исторических письменных памятниках – «Диване абхазских царей» (или «Хроника абхазских царей») и в Грузинской летописи, – так и в различных греческих, армянских и грузинских церковных надписях.

Так, например, имя абхазского царя Константина II зафиксировано в первой половине X в. на стеле Меджудского ущелья. Титул царя «*Царь абхазов Константин*» указывается в надписи Атенского храма и надписи на архиерейском посохе Темокмедского монастыря «*Христос, прославь царя Абхазского Константина*» [626, 184; 87, 24]. Его имя встречается и в других церковных надписях, на иконах, утвари. В церковных надписях фиксируются также титулы многих последующих абхазских царей: Георгия II, Леона III, Баграта III, Баграта IV, Давида IV и других.

Как уже было сказано, сына Константина III абхазского царя Георгия II византийский двор именовал *«Блистательный эксузист Абазгии»*, *«Светлейший правитель Абазгии»*. По-видимому, именно в этот период в титулатуре абхазских царей появляется слово *«великий»*.

В летописи *«царем великим и богом возлюбленным»* первым именуется Георгий II [565, 265, 269, 275]. Далее эпитет *«великий»* присутствует в титулах практически всех последующих абхазских царей – *Аңсҟаду*, букв. *«Великий царь абхазов»*.

В 998 г. абхазский престол унаследовал по материнской линии Баграт II (по грузинскому счету – Баграт III), являвшийся сыном одного из тао-кларджетских правителей. Тем самым Баграт II (или III) становится продолжателем династии абхазских царей Леонидов – создателей объединенного Абхазского государства. *Баграт II (или III) записывает себя в «Диван абхазских царей» двадцать первым абхазским царем* (см. выше гл. XI).

В первые годы правления Баграта, в частности во время нахождения его и отца на переговорах в Константинополе по поводу возвращения наследства Баграта, византийский император Василий II дарует Баграту II (III) титул *куропалата*, а отцу его *магистра*.

Титул куропалата, как отмечает М. Д. Лордкипанидзе, являлся одним из самых почетных при дворе императора: пожалование куропалатства или какого-либо другого титула не всегда являлось свидетельством подчиненного положения жалуемого. Византийские императоры жаловали этот титул и европейским владетелям, а в XII в. и своим братьям [505, 68].

Грузинская же летопись абхазского царя Баграта именует *«Великий и обличенный мощью царь Баграт»* [46, 60]. В этой летописи также говорится, что *«...Этот великий царь построил Бедийский храм и основал в нем епископат...»* [46, 61].

Надпись на золотой чаше, пожертвованной Багратом II (III) Бедийскому храму Божией Матери, гласит: *«Святая Матерь Божия, будь ходатайницей перед сыном Твоим за Абхазского царя Баграта и матери его царицы Гурундухты, пожертвовавших сию чашу, украсивших сей алтарь и построивших сию Святую церковь»*.

На выносном кресте в Цаиши есть надпись: *«Крест животворящий, прославь царя Абхазцев Куропалата Баграта»* [17, 24].

На монете Баграта II (III) имеются надписи на двух языках: на арабском и грузинском. Последняя гласит: «*Христe, возвеличь Баграта, царя абхазов*» [34, 93].

Современник Баграта II (III) Сумбат Давитов (Давитисдзе), по-видимому, из рода армянских Багратидов, говорит о Баграте как о «*царе абхазов*», который установил свою «*самодержавную власть над всем Кавказом от Джигетии до Гурганского (Каспийского) моря*» [565, 382; 19, 172].

Армянский историк XI в. Аристакес Ластивертский также именует Баграта «*царем абхазов*» и по поводу его кончины пишет: «... умер царь абхазов Баграт и воцарился сын его Георг» [19, 172].

В «Летописи Картли» или «Матиане Картлиса» Баграт II (III) иногда именуется (если это не поздняя вставка) «*Царь абхазов и картлийцев*». Появление в титулатуре слова «*картлийцы*» стало роковым для абхазской истории. Как уже не раз было сказано, со времени «обновления», «реставрации» средневековых первоисточников комиссией «ученых мужей» Вахтанга VI (XVIII в.) слово «*картлийцы*» бесцеремонно меняют сначала на «*картвелы*», а затем на современное «*грузины*». Это происходит притом, что «*картлийцы*» – не этническое название, этнонимы «*картвелы*» и «*грузины*», как известно, тогда еще не были, а грузинские сообщества именовались *иверами*.

Однако, несмотря на все это, многие грузинские исследователи на эту иллюзорную соломинку подвешивают Баграта II (III) в качестве «*первого грузинского царя*» и несуществовавшее в Средневековье (в X–XIII вв.) «*великое объединенное грузинское государство*».

Вместе с тем известно, что Картли была покорена еще абхазским царем Георгием I Агцупским в середине 70-х гг. IX в. В 904 г. во второй раз Картли завоевал уже абхазский царь Константин III. На протяжении почти 100 лет, практически до воцарения Баграта II, Картли управлялась наместниками абхазских царей, в частности таковыми являлись сыновья Георгия II: вначале Константин, а затем Леон. Следующим же наместником абхазского царя в Картли был влиятельный представитель абхазской знати, опытный политик *Иоан Марышь* (груз. Маруши-сдзе, совр. абхаз. Маршан). Этот Марышь, преследуя цель возвести на абхазский престол сына абхазской царевны Гурундухт, добился того, чтобы

на его место правителя Картли поставили Гурундухт. После воцарения в Абхазском царстве Баграта II (по грузинскому счету – III) картлийцы решили выйти из подчинения царицы Гурундухт и царя Баграта. Молодому абхазскому царю Баграту пришлось силой оружия вернуть Картли в лоно Абхазского государства. Затем Баграт ввел в Картли прямое царское правление, что нашло отражение в его титуле: Баграт – «*Царь абхазов и картлийцев*». Этот факт, конечно же, никак не означал возникновения какого-то нового абхазо-картлийского государства, и, тем более, – образования абхазо-грузинского государства или перерастания в один миг Абхазского царства в Грузинское, или же растворение его в существовавшем тогда грузинском государстве. Однако именно эти формулировки, не соответствующие действительности, подаются всему миру большинством грузинских историков на протяжении многих лет. Как увидим ниже, дальнейшее расширение территории Абхазского царства, присоединение к ней новых земель также находит отражение в титулатуре последующих за Багратом II (III) абхазских царей. Так, например, уже Давид IV именуется «Царь абхазов и картлийцев, ранов и кахов, самодержавец». Далее титулатура последующих царей еще более разрастается.

По существующему определению история титулов есть собственно история расширения или уменьшения территории государств.

Традиция включать в титул монархов те земли, которые входили в состав их владений, имела место в Средневековье во многих государствах мира. Так, например, титул Петра I излагался в следующей форме: «Петр Первый, Император и Самодержавец Всероссийский, Московский, Киевский, Владимирский... повелитель и государь Иверской земли, Карталинских и Грузинских царей и Кабардинской земли, Черкасских и Горских князей и иных наследный Государь и Обладатель». Однако это не означает, что Петр I являлся царем или императором русско-грузинского или русско-кабардинского государства. Он являлся императором, государем огромной русской империи.

Абхазское царство превращается в самое могучее государство в Закавказье уже при Баграте IV (1027–1072 гг.). По своему этническому составу оно становится абхазским многонациональным государством (империей).

Баграт IV, как и его предшественники, именуется «Царем абхазов». Ему присваиваются византийские титулы *новелисимос* и *севастос*. Летопись сообщает: «Баграт (IV. – В. К.) спервоначала был *куропатом*, затем стал *новелисимосом*, а потом *севастосом*» [46, 77]. На одном из крестов Монаметского монастыря имеется надпись: «*Христос прославь царя Абхазского и Нобилисиму-са Баграта*» [17, 24]. На монете Баграта IV начертано: «*Христe возвеличь Баграта, царя абхазов и севастоса*» [590, 99].

Высшие византийские титулы носил и сын Баграта IV – Георгий IV (по груз. счету – II). Наряду с основным титулом «Царь абхазов» он иногда именуется, как и Баграт III, «Царь абхазов и картлов (картлийцев)», и далее в его титуле «новелисимос» сначала заменяется «севастосом», а затем «кесарем» [505, 123]. В актах Руис-Урбнисского собора Георгия IV (II) величают «царем царей и кесарем всего Востока и Запада» [505, 122].

Такое щедрое одаривание византийскими императорами абхазских царей Баграта IV (по абхаз. счету – III) и Георгия II (по абхаз. счету – IV) объяснялось, на наш взгляд, отнюдь не признанием их могущества и независимости. Это было вызвано прежде всего надвигающейся угрозой нашествия турок в пределы Византийской империи. Абхазия же рассматривалась как значительный заслон движению турок в сторону Византии. Поэтому византийские императоры всячески, в том числе и присвоением высоких византийских титулов, старались вдохновить абхазских царей на борьбу против турок. В итоге Абхазия уже при Георгии IV (II) получила основной удар от турок-сельджуков, отчего Абхазское государство оказалось на краю гибели. Из-за сложившейся тогда в стране критической ситуации абхазская знать вынудила Георгия уступить престол своему шестнадцатилетнему сыну Давиду [505, 87].

Примечательно, что от природы умный, образованный и энергичный молодой царь Давид IV (Строитель, Обновитель), несмотря на то, что, еще будучи царевичем уже имел титулы «севаста» и «паниперсеваста», по восшествии на престол отказался от этих титулов, считая их унижительными для своего положения [505, 122].

После восстановления Абхазского царства в прежних пределах, Давид титуловался «Царь Абхазов и Картлов, Ранов и Кахов, самодержавец» [635, 232, 236; 505, 122].

На кресте Давида Строителя имеется надпись: *«Господи, возведи коронованного тобой Давида, царя абхазов, картлов, эров и кахов – солнце христианства – аминь»* [636, 162].

Далее, с завоеванием новых земель и усилением абхазского государства, Давид IV именуется *«Царь Абхазов, Картлов, Кахов и Лаков»*, *«Царь Абхазов, Ранов, Кртолинов, Кахов и Армян»*. На одном из крестов, находящихся в Гелатском монастыре, имеется надпись: *«Боже сотворивший вся, прославь венчанного Тобой царя Абхазов, Картлов, Кахов и Лаков Давида – солнце христианства аминь»* [17, 24].

Надпись на выносном кресте Хонского монастыря гласит: *«Кресте честной, прославь непобедимого царя Абхазов, Ранов, Кртолинов, Кахов и Армян, Давида и помилуй меня бедного»* [17, 24, 25].

Представляет значительный интерес свод дипломатических писем *«Тарассол»*, т. е. *«Письмовник»*, составленный на персидском языке и опубликованный профессором М. Тодуа [637].

В одном из писем, адресованных Давиду IV, он величается *«Царь царей Абхаза, Шаки, Алана и Руса»* [637; 609, 60].

Давид Строитель именуется также и как *«меч Мессии»*. На медной монете Давида имеется надпись на арабском языке: *«Царь царей Давид, сын Георгия, меч Мессии»* [638, 39–47; 590, 101]. По-видимому, выражение *«меч Мессии»* подчеркивало, что Давид выступал в роли *«меча Мессии»* в борьбе против сельджукских завоевателей.

Судя по своему содержанию, к Давиду был обращен и следующий текст из вышеназванного Письмовника, опубликованный в переводе на русский язык историком Е. К. Аджинджалом: *«Великий соборный, возвеличенный царь, представитель знатного рода, могущественный правосуд; превеличия страны и государства, защитник христиан, покровитель последователей Иисуса, самодержавец наследственных престолов и корон, стефанос Востока и Запада, хранитель веры Бога, царь царей абхазов, шаков, алан, помощник мессии...»* [474, 11].

По мнению ряда авторов (Ш. А. Месхия, М. Д. Лордкипанидзе и др.), указанный в грамоте Георгия III (по абхаз. счету – V) титул *«Царь абхазов, картлов, ранов и кахов, ширванша и шаханша»* также относится к Давиду IV и появился в последние годы его правления [505, 123].

При всем этом Давид IV Строитель оставался царем абхазов, как это подтверждается надписью на его монете: «*Христе возвеличь Давида, абхазцев царя и севастоса*» [639, 343; 590, 100].

Вслед за Давидом абхазским царем становится его сын Дмитрий I (по абхаз. счету – Дмитрий IV) (1125–1156 гг.). Придворный поэт Ширваншаха Фелики (около 1160 г.) называет Дмитрия I (или IV) «*Шахиншахом Абхаза и Шаки*» (Шаки в ту пору – Западный Ширван). В «Оде на смерть Дмитрия» Фелики говорит:

*«Шахиншах Абхаза и Шаки, царь горизонтов,
Кто доставлял на Восток подати с Запада –
Деметре, сын Давида, глава рода Бакрат...»* [640, 289; 609, 59].

Сын Дмитрия Георгий V (по груз. счету – Георгий III) (1156–1184 гг.), согласно его же грамоте, титуловался подобно своему деду Давиду IV, как «*Царь абхазов, картлов, ранов и кахов, Ширваниша и Шаханиша*». Он называл себя также «*мечом Мессии*», что указывается в надписи на его монетах [608, 147].

По-видимому, уже тогда при обращении к абхазским царям использовался титул, зафиксированный в том же Письмовнике: «*Доброжелательный владетель, эмир и главнокомандующий, великий правоверный, прославленный победитель, государь страны, оплот божественных учеников Христа, прославляющий страну обитателей христианства, укрепитель христианской веры, защитник царства абхазов и алан, богатырь, рыцарь и герой Армана, царь эмиратов, шахов, половцев и хазарь...*» [474, 11].

Царица Тамара, период правления которой считается золотым веком Абхазского многонационального государства, титуловалась сообразно могуществу доставшегося ей в управление государства. В жалованной Гелатскому монастырю грамоте (1188 г.) она называет себя «*царица абхазов, картлов, ранов, кахов и армян, Ширваниша и Шаханиша и всего Востока и Запада повелительница...*» [611, 338]. В данном тексте «*Ширван-шах*» означает Ширван, «*Шахан-шах*» собственно Армению, под именем «*Восток и Запад*» понимаются пределы восточно-христианского мира [601, 23]. Царица титуловалась и в форме «*...обладательница абхазцев, карталинцев и кахетинцев, всего востока и христиан*» [17, 25]. Она также именуется и различными пышными титулами. Так, на

своей монете Тамара значится как *«Царица царей и цариц, слава мира и религии»* [17, 28].

Титул Тамары практически соответствует канонизированной титулатуре абхазских царей, сложившейся в XII в.: *«Божей волей царь абхазов, картов, ранцев, кахов и сомехов, Ширван-шах и Шахан-шах, самодержавный обладатель всего Востока и Запада»* [601, 231].

Этот титул носили и следующий абхазский царь, сын Тамары – Георгий-Лаша (1213–1222 гг.) и его младшая сестра Русудан (1222–1245 гг.) в первые годы своего правления. Как известно, именно при Русудан в 1225 г. восточная часть Абхазского государства была опустошена хорезмийским шахом Джелал-ед-дином и вскоре эта территория была отторгнута от Абхазского царства, а Русудан вынуждена была бежать в Западную Абхазию – в Кутаис, где, как уже было сказано, в 1230 г. царем короновали ее пятилетнего сына Давида [601, 249]. В 1243 г. Русудан признала верховную власть хана Батыея. После ее смерти в 1245 г. территория Абхазского царства была разделена монголами между двумя двоюродными братьями Давидами, один из которых являлся сыном Русудан, другой же – ее племянником (о них см. гл. XI, § 2). Так начался распад абхазского многонационального царства, еще недавно являвшегося могучим государством всего Кавказа и Закавказья.

После разделения Абхазии на Западную (абхазскую) и Восточную (практически грузинскую) правители восточной части еще долго пользуются названием «Абхазия» и канонизированной титулатурой абхазских царей. Здесь еще в середине XV в. один из правителей, Баграт, именовал себя *«царем абхазским, картским, ранским, кахетинским и армянским, Ширван-шахом и державным государем всего Востока и Запада»*. В действительности же, как отмечают авторы «Истории Грузии» [601, 306], этот исторически сложившийся титул уже давно не соответствовал реальной политической действительности, а в XV в. тем более.

В целом же историческая титулатура абхазских царей Средневековья представляется значительным источником для истории не только абхазов и абазин, но и других народов Кавказа. Она прежде всего отражает историю развития Абхазского царства в

VIII–XIII вв., периоды его расцвета и падения, мощь и пределы государства, его национальный состав, а также его место в международных делах. В титулатуре абхазских царей подчеркивается решающая роль абхазов в создании Абхазского царства, а также их первостепенная роль и значимость в преобразовании этого царства в великое абхазское многонациональное государство в X–XIII вв.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ привлеченных в работе материалов, в том числе результатов предыдущих исследований по этногенезу абхазо-адыгских народов и истории Древнего Востока, не оставляет сомнений в том, что предки абхазо-адыгов вместе с хаттами в древности (в III–II тыс. до н. э.) представляли многочисленный этнический мир. Они, как отмечали Ф. Мюллер, Н. Марр, П. Ушаков, А. Глейе, И. Дьяконов, Г. Меликишвили, О. Трубачев, Ш. Инал-ипа и др., занимали довольно значительную территорию от центральной части Малой Азии до Юго-Восточного Причерноморья, и далее – всю морскую береговую полосу Кавказа до части Северного Причерноморья.

Древнейшими этнокультурными центрами абхазо-адыгов являлись Северное Причерноморье, Приазовье, Таманский полуостров, территория современной Абхазии, Центральная Колхида, Юго-Восточное Причерноморье, верховья р. Чорох, Евфрат и излучины р. Галис. Это подтверждается прежде всего древней ономастикой, в частности этнонимикой и топонимикой, а также материальной культурой указанных регионов.

Языковые факты также свидетельствуют о древнейших связях предков абхазо-адыгов с народами Малой Азии и Переднего Востока, более всего с египтянами и шумерами. Таковыми фактами является целый ряд общих древних терминов, имен мифических героев, богов и богинь и т. д. При этом большинство языковых параллелей, похоже, имело место еще до появления древнейших цивилизаций, т. е. до III тыс. до н. э.

Абхазо-адыгский протоязык стал распадаться на отдельные абхазо-адыгские языковые сообщества в V–IV тыс. до н. э. Одним из таких ответвлений считаются и хатты, страна которых находилась в Малой Азии, в излучине р. Галис. Известно, что они именовались *хаттами* по названию их столицы *hatā*, что в абхазо-адыгском означает «резиденция», «столица», букв. «князя или царя место», срав. совр. *ахт-ны* – «столица», «резиденция». От назва-

ния столицы *hatə* (*хаты*) произведен и этноним *hatti* (*хамми*), т. е. *хат-ти* (*хаттәи*), означающий на абхазо-абазинском букв. «хаттский».

Вместе с тем есть основание думать, что слова, встречающиеся в хаттских текстах под названием «хаттский», не принадлежат основному населению страны, т. е. хаттам, а являются образцами языка *куссар* или *кушиар* – жителей хаттской области, с помощью которых хетты-неситы в XVIII в. до н. э. завоевали страну хаттов. Язык же *куссар* // *кушиар*, по-видимому, являлся одним из ответвлений праязыка абхазо-адыгов.

В результате завоевания хеттами-неситами страны Хатти ее основное население, в том числе абхазо-абазинские сообщества, были рассеяны за пределами государства. В новых местах они создают отдельные княжества и небольшие царства с названиями типа *Арца-ва*, *Асу-ва*, *Пахху-ва*, *Иашу-ва*, *Сал-уа*, где окончание *уа* // *ва* на абхазском и абазинском означает «люди» и выступает в качестве этнонимобразующего элемента. В таком же значении И. Дьяконов называет это окончание хурритским суффиксом. Адыгские сообщества под названием *каска* занимали территорию Юго-Восточного Причерноморья, прилегавшую к пределам Хеттского царства.

Древние абхазо-абазинские сообщества были известны под их самоназванием *абаз*, *абаза* (*абаз-уа*) – от *абыз* («язык») – «одноязычные», от чего производны формы *апаса* – усеченно *апса*, во мн. ч. *апсар* («абхазы»). С ними практически идентичны этнонимные формы *Абиша* и *Абисар*, зафиксированные в египетской надписи на стене гробницы Ньюбери, датирующейся XIX в. до н. э. Первое, *абиша*, выступает как этнонимная основа в названии народа *абеш-ла*, *абешлай-цы* ассирийских источников XII в. до н. э., отмеченных в пределах северной части Малой Азии и Южного Закавказья. С этнонимами *абешла* // *апешла* тождественны варианты этнонима *абишил*, *апсил* более поздних источников. Известный хеттолог В. Г. Ардзинба в окончании этих этнонимов усматривал хеттский суффикс происхождения «ил».

Что же касается формы *абисар*, представленной наряду с *абиша* в древнеегипетской надписи, то она практически идентична форме множественного числа абхазского автонома *апса* → *апсар* («абхазы»). Последняя, т. е. *апсар*, фиксируется также в I тыс. до

н. э. как название народа, а также реки (совр. Чорох), города и прилегающих к ним земель Черноморского побережья, а позже, в грузинской средневековой летописи, — как название абхазов.

С завоеванием царства хаттов хеттами-неситами в северо-восточной части Малой Азии примерно в XVII в. до н. э. возникает царство *касков* (*кашиков*, предков адыгов).

В середине II тыс. до н. э. в бассейне р. Чорох образовались царства *Хайаса* и *Ацци*, которые затем стали выступать в союзе как царство *Хайаса-Ацци*. Создателями этих царств, по мнению ряда авторов, являлись абхазо-адыгские сообщества.

В этот же период за царством Хайаса при реке Евфрат, ближе к ее верховью, источники локализуют царство убухов *Паххува*, в основе названия которого, как отмечает ряд авторов, лежит обозначение убухов *а-пёх* // *пёх* // *пахы*, абхаз. *а-убых*, адыг. *у-ббых* («убыхи»). Форма же *Паххува* образована посредством абхазского этнонимобразующего элемента *уа*, *уаа*, *ваа* («люди») — отсюда *Пахх-уаа* (→ *Пахх-ува*), букв. «пахховцы», т. е. «убыхи». Те же убыхи уже в источниках XII в. до н. э. фиксируются под убыхским автонимом *твахы* // *туахы* в форме *Диаухи* // *Таохи* (или Дайаэни) — как название царства, расположенного уже на территории Хайаса.

С появлением убухов уже в конце XIII в. до н. э. в верховье р. Чорох вместо существовавшего здесь союзного царства *Хайаса-Ацци* образуется мощное абхазо-адыгское государство *Диаухи* // *Таохи*, именовавшееся также *Дайаэни*. В тот период вместе выступают также кашки и абешлайцы.

В письменных источниках конца II тыс. до н. э., в частности в анналах ассирийского царя Тиглатпаласара I, наряду с абешлайцами и кашками (касками), страной Диаохи (Дайаэни), упоминается и страна *Хабхи*, прилегавшая к «великому морю», т. е. Черному морю. Как полагал Ш. Д. Инал-ипа, название *Хабхи* может быть основой этнонима *абха-з*, представляющего, на наш взгляд, садзскую форму множественного числа основы *Хабха* → Хабхаз → Абхаз.

В первой половине XII и в XI в. до н. э. абхазо-адыгские этнические подразделения совершают целый ряд совместных военных походов в юго-восточные районы Малой Азии. Они же принимали активное участие в разгроме Хеттской державы в конце II тыс. до н. э.

В XI–X вв. до н. э. абхазо-убыхское государство *Дайаэни* или *Диаохи* урартских источников превращается в самое сильное и богатое государство в восточной части Малой Азии, в том числе на всем Армянском нагорье. Оно возглавляет коалицию племен, живших к северу, против Ассирии. Вся эта обширная территория была известна под названием *Наири*. Влияние Диаохи или Дайаэни распространялось и на многие причерноморские абхазо-адыгские сообщества, войска которых приходили на помощь подвергающемуся нападениям со стороны ассирийцев Диаохи.

В тот период в Юго-Восточном Причерноморье, в непосредственном соседстве с Диаохи, продолжает существовать и царство *Хайа* (Хайа-са), соответствующее *Аиа* (Айа) или Еиа (Ейа) древнегреческих источников и ассирийскому *Хабхи*.

В IX в. до н. э. рядом с Дайаэни (Диаохи), вокруг Ванского озера, возникает сильное государство Урарту, в лице которого Дайаэни получает довольно опасного врага. На рубеже IX–VIII вв. до н. э. Урарту предпринимает удачный поход против Дайаэни, или *Диауехи* // *Диаохи* по урартским текстам.

В хвалебной скальной надписи урартского царя Менуа наряду с названием страны *Диаохи* // *Диауехи* упоминается и целый ряд других любопытных топонимов этой страны: царский город *Шашил* // *Шашилун*, общество *шашк*, *шашки*, страна *Шашеты*, *Шешети*, в основе которых просматривается родовое имя абхазских князей и царей *Шаш* (у северо-западных абхазов) или *Чач* (в восточной Абхазии). Этим именем обозначалась и одна из областей исторической Западной Абхазии, от него происходит и название города Сочи, известного в прошлом как *Шаша*, *Шаше*. Урартская же форма названия царского города *Шашил* (срав. апсил, др-ил, анч-ил и т. д.) также лежит в основе названия абхазского села *Шъашьыл-кыт*, груз. *Шъашьыл-ети*, букв. «село Шашилов», «место Шашилов», в Галском районе.

Название второго города Диаухи *Зуа*, *Зауа*, именуемого уже царем Урарту Аргишти также царским городом, представляет абхазскую этнонимную форму *За-уа* из *Зоу-уа*, где *уа* – этнонимобразующий элемент «люди». От *Зауа* производно урартское название области *Забаха* (*Зауах* > *Заваха* > *Забаха*), и далее, как отмечает Г. А. Меликишвили, от названия области *Забаха* происходит груз. *Джавах* и *Джавахети*.

В конце VIII в. до н. э. в результате неоднократных урартских нашествий страна Диаохи, существовавшая около 500 лет, исчезает в источниках как государство. Тогда же в северной части Диаохи урартийцы сталкиваются с политическим образованием *Кулха*, что, по утверждению ряда исследователей, соответствовало известной в ассирийских источниках стране *Хабх* // *Хабхи*. В том же VIII в. до н. э., наряду с *Кулха* урартских источников, в древнегреческой литературе начинает фигурировать народ *айос*, *айаиос* и страна *Эйа* // *Айа*, а в дальнейшем она же – *Колхида*. Эту страну целый ряд исследователей именует «Южно-Колхидское царство» или «Айа-Колхидское царство».

Название древней страны *Айа* происходит от имени древнего абхазо-абазинского общества *Айа*, потомки которого и ныне сохраняются как отдельный род в Абхазии. *Айа*, во мн. ч. *Ай-р* – «Ай-овы», пишется *Айба* – «Аиов». Это же имя сохраняется в составе целого ряда абхазских топонимов, например *Аи-шьха*, букв. «гора Аиов», *Аи-бџа* – «хребет Аиов», гора и река *Аи-ц* из *Аи-з* – «река Аиов» и т. д.

Второй же этнотопоним *Кулк*, *Кулх* или *Кулха* урартских источников является производным от этнонимной основы *кул* посредством урартско-хурритского аффикса множественности – *х*. Она, в абхазо-садзской форме множественного числа *Кулар-дз* → *Клар-дз*, выявляется в названии исторической области *Клардж-ети*, в котором окончание *ети* является грузинским. Основа *Кулар-дз* (в грузинской передаче *Клар-дж*) представляет собой этноним, состоящий из абхазского *Кул-ар*, букв. «Кулы» (срав. от *апса* → *апс-ар* «абхазы»), осложненный садзским окончанием множественного числа *з* (*дз*). Абхазский этноним *кулар* в форме *куллар* упоминается в летописи ассирийского царя Шамши Адада V (IX в. до н. э.).

Не исключено, что и название области, страны *Колхида* – из абхазского *Кул-кита* // *Кол-кита* (Куал-кыта) – «община, страна кулов». Как известно, древнегреческие авторы центр Айа-Колхидского царства именовали *Кита* (срав. абхаз. *кыта* – «село», «община»).

Согласно ассирийским, урартским и древнегреческим источникам, Айа – Колхидское царство занимало Восточное и Юго-Восточное Причерноморье и простиралось от Черного моря до

верховья р. Кура с охватом территории исторических *мосхов* и *забахов*. Согласно же поэмам Гомера, влияние этого царства распространялось и на все Северо-Западное Причерноморье до Крыма. В частности, в «Аргонавтике» говорится, что сыном *Аэта* в *Тавриде* был основан город *Пантикапей*, а брат *Аэта* являлся царем *тавров* // *синдов*. Тавры также были хранителями золотого руна в Аяа-Колхиде. Дочь *Аэта* – *Медея* – говорила на таврском языке и молилась на колхидском языке и т. д.

С падением Диаухи и Южно-Колхидского царства и утверждением в VII в. до н. э. в Юго-Восточном Причерноморье сначала Урарту, а затем Персидской державы политический центр Аяа-Колхиды перемещается в Восточное Причерноморье со столицей *Айа* // *Ейа*, она же *Кита*, *Китей*, на реке Фасис. Это политическое образование в VI–V вв. до н. э., согласно Ксенофону (V в. до н. э.), уже именовалось «Царством *фасианов*» и там царствовали цари из династии *Аэтидов*.

В древнеармянских источниках область Страны фасианов, расположенной в нижнем течении р. Чорох, именуется *Егер-к*, а ее население – *егерацик*, т. е. «егры». Отсюда и река Чорох в уже более поздних грузинских источниках именуется Эгрис-Цкали, букв. «Эгрская река», тогда как у греческих и римских авторов она фигурирует под самоназванием абхазов «Апсар». С самоназванием абхазов также связано обозначение и второй крупной реки Колхиды – *Фас-ис*, что отмечается многими исследователями (Услар, Глейе, Марр, Кифтин, Бгажба, Инал-ипа и др.).

Таким образом, народ *фасиане* соответствует народу, ранее известному в Причерноморье как *хайа*, *хабхи*, *айаеос*, *колхи*, *апсар*, *абешла* или *абишил* // *апишил*, *апсил* и *егерацик*, т. е. *егры*, представляющиеся частью абхазо-абазинского этнического мира. То, что колхи-фасиане являлись предками абхазов и абазин, отмечают многие исследователи, в том числе и крупнейший знаток древнегреческой литературы, переводчик и комментатор текстов о Скифии и Кавказе В. В. Латышев.

Главным аргументом для такого утверждения служит прежде всего ономастический материал древнегреческих текстов, в том числе и «Аргонавтики», обладающий относительно прозрачной абхазо-абазинской этимологией. Показательно также наличие у вышеназванных этнических формирований общих элементов в их

материальной и духовной культуре, в особенности – характерный только для них обычай «воздушного захоронения» и т. д.

Вместе с тем анализ дольменной культуры Северо-Западного Кавказа и ареала ее распространения, данных «Аргонавтики», а также материалов абхазо-адыгской топонимики и этнонимии дает основание также утверждать, что во II–I тыс. до н. э. все Восточное Черноморско-Азовское побережье продолжали занимать абхазо-абазинские и адыгские этнические сообщества.

Согласно сообщениям древнегреческих авторов, к середине I тыс. до н. э. здесь, за колхами-фасианами, в северном направлении от р. Фасис, на морском побережье проживали более десяти этнических сообществ. Среди них своим количественным составом, занимаемой территорией и мощностью выделялись *гениохи* или *иниохи*, именовавшиеся позже как *сани*, *саниги*, возможно, они же и *абаз-ги*. Основная территория гениохов заключалась примерно между Сочи и включительно Сухумом, где был основан город Диоскуриада. Древние авторы конца I тыс. до н. э. характеризуют *гениохов* как народ, состоящий из многочисленных племен, различающихся многими названиями, у которых было четыре царя. Гениохов называют «воинственными», «славными», «страшными наездниками», «мореходами и пиратами», «господствующими на море» и т. д.

Они в конце I тыс. до н. э. уже имели ряд колоний на Черноморском побережье. Большинство исследователей гениохи также признаются одними из предков абхазского народа.

В целом же и во второй половине I тыс. до н. э. Юго-Восточное и Восточное Причерноморье занимали в основном абхазо-адыгские сообщества. В этот период налаживаются тесные связи этих сообществ с древнегреческим этническим миром. Примечательно, что именно тогда, с подачи носителей абхазского языка, переводятся на греческий язык местные имена целого ряда этнических сообществ. Так, например, название одного из сообществ Юго-Восточного Причерноморья *хои* или *хоу*, упоминаемое Ксенофонтom (конец V в. до н. э.) было переведено на древнегреческий язык из абхазского значения *хоу*, букв. «длинноголовый», что на древнегреческом «макрокефалы», т. е. «длинноголовые»; Гиппократ (V–IV вв. до н. э.) говорит о *фасианах-апсилах* как об упитанных, жирных людях, исходя из перевода созвучного с этнонимом *апсил*

абхазского слова *апсыла* – «жирный, упитанный» [18, 95]; древнегреческое *фтейрофаги* – «вшееды» представляет собой также перевод адыгского *цыфа* – «люди», «человек», из созвучного с ним абхазского *џафа* – «вшеед» [355, 401–404]; древнегреческое *макропोगоны* («длиннобородые») также является переводом имени этнического *псоу* из созвучного с ним абхазского слова *џоу* (*џаџау*) – «длиннобородый»; *Гипейские* горы, т. е. *Конские* горы Страбона (название северных отрогов Кавказа), – из абхазского *Ашышьхақәа* (*Ашџышьхақәа*) – «горы Ашовых», перевод из созвучного абхазо-абазинского слова *ашышьхақәа* // *аџышьхақәа*, букв. «конские горы», и т. д.

В самом конце I тыс. до н. э. существенно меняется этнополитическая ситуация в Малой Азии, на Юго-Восточном и Восточном Причерноморье. Эти изменения были вызваны разгоревшейся борьбой государства Селевкидов с Римом, ослаблением и распадом Селевкидской державы, усилением Понтийского государства, противостоянием Понта и Рима, расширением границ Римской империи. Все эти бурные события не могли не отразиться на судьбах многих народов Малой Азии, Закавказья, Юго-Восточного и Восточного Причерноморья. В этот период происходит переселение народов, меняются этнические и этнополитические границы, появляются новые этнические имена.

В конце II в. до н. э., уже при понтийском царе Митридате VI Эвпаторе, Малая Армения и Колхида были присоединены к Понту. За антипонтийское восстание *колхи-фасиане* лишаются собственной государственной власти. С деятельностью Митридата увязывают переселение одного из древнеабхазских сообществ мосхов (масхов, басхов) из Мцхетского царства в Северную Колхиду [350, 265], по-видимому, с ним же связано появление *гениохов* и *лоадзов* из исторической Северо-Западной Абхазии на территории колхов-фасианов. Немного позже здесь возникает царство под именем древнего абхазо-абазинского княжеского рода *Лау* или *Лауадз*, что передается в источниках как *Лаз*, *Лазы*.

В результате подобных действий понтийских царей, перемещения и смешения родственных этнических групп в I–II вв. н. э. на Юго-Восточном и Восточном Причерноморье сформировались такие царства, как *Царство махелонов и гениохов*, *Царства лауазов* (лазов), *апсиров*, *абазгов*, *санигов* и *зегов*. Среди них к концу III в.

первенствующее положение стало занимать *Царство лауазов* (*лазоѵ*). В IV в. оно начинает выступать в качестве объединителя абхазо-абазинских царств Восточного Причерноморья. Более того, в середине V в. лауазский царь Губаз предпринимает неудачную попытку освобождения страны от византийской зависимости. Вслед за этим Царство лауазов оказывается в водовороте арабско-византийских войн, для него наступает период тяжелых испытаний. Уже в 20-е гг. VII в. византийцы лишают страну царской власти, правители Лазики уже именуются патрикиями. Последние порой находят убежище в Абасгии, а абазгские цари позволяют себе восстанавливать их в прежних владительных правах.

На рубеже VII–VIII вв. завершается консолидация двух наиболее крупных абхазских сообществ – *абазгов* и *апсилов* – под самоназванием *апаса* // *абаза*, усеченно – *апса* (апсуа), во мн. ч. *апсар*, т. е. «абхазы». Апсарам, т. е. абхазам, оказывается под силу создание в VIII в. независимого абхазского раннефеодального государства, объединившего все абхазо-абазинские этнические сообщества Причерноморья от р. Чорох до р. Кубань.

Образование Абхазского царства – *Аѳсѳара*, букв. «Царство абхазов», с общеабхазским царем *аѳсѳа*, т. е. «царь абхазов», явилось одним из важнейших этапов многовековой истории абхазо-абазинского этнического мира. С VIII по X в. Абхазское царство представляет собой раннефеодальное общеабхазское монациональное государство, простиравшееся по Черноморскому побережью от р. Кубань до р. Чорох, с юго-запада на восток – от моря до Лихского хребта. Христианство, национальное мировоззрение народа и нормы общежития *Апсуара* являлись идеологической основой Абхазского царства.

Это был период подъема абхазского народа. Возникновение такого крупного монационального на первых порах государства содействовало упрочению этнической общности людей, объединенных единством происхождения, территории, языка, культуры. Оно знаменовало собой разрушение племенных преград, усиление процесса консолидации абхазских племен в единую народность. Царство абхазов, которому удалось добиться независимости и ликвидации иноземного засилья, создавало благоприятные условия не только для образования единой народности в результате экономического, политического и культурного сближения род-

ственных абхазо-абазинских сообществ, но и для ассимиляции некоторых входящих в его состав неабхазских племен [24, 417]. Достижение единства народа становится основой для внутреннего развития Абхазского царства и его внешнеполитической деятельности.

В IX–X вв. вступает в активную фазу этнополитическая экспансия абхазов в восточном направлении. Абхазское царство посредством дипломатических и военных действий ведет борьбу за обладание землями Восточного Закавказья. Противниками здесь выступали грузинские раннефеодальные политические образования, а также такой серьезный соперник, как Армянское царство Багратидов. Здесь же были сфокусированы политические интересы арабов, византийцев, алан. Однако абхазам удается закрепить за собой Картли и распространить свое влияние на Кахети и Эрети. Окончательное присоединение Картли к Абхазскому царству находит отражение в одном из титулов абхазского царя Баграта II (по грузинскому счету – Баграта III): «царь абхазов и картлийцев». Последующие абхазские цари прибавляют к данному титулу названия новых, присоединенных к Абхазскому царству территорий.

В X–XI вв. происходит перерастание Царства абхазов в многонациональное абхазское государство – в Абхазскую империю. В XII в. при Давиде IV Абхазское царство становится единственным независимым и могучим государством на всем Кавказе. Наивысшего своего расцвета оно достигает при царице Тамаре на рубеже XII–XIII вв.

Абхазские цари с самого начала ведут активную строительную деятельность. Строятся города, дороги, мосты, страна укрепляется крепостями и облагораживается строительством многих христианских храмов.

Абхазы проявляют терпимость к представителям других национальностей и религий.

Народы Абхазского многонационального государства обладали правом писать и служить Богу на своем родном языке, при этом все они восславляли как Господа Бога, так и абхазских царей.

Судя по средневековым грузинским, армянским, арабским, персидским, греческим источникам, а также по титулатуре абхазских царей и названию государства, абхазы в Абхазском государ-

стве, просуществовавшем более 500 лет, ни с кем не делили свою гегемонию.

Абхазы придавали большое значение сохранению в Абхазском царстве династии абхазских царей Леонидов (Аносидов). На протяжении всего периода существования царства абхазам удавалось сохранять традицию преемственности. При этом имело место продолжение династии Леонидов (или же Аносидов) и по женской (материнской) линии. В первый раз, в конце X в., абхазский царь Баграт II (он же III) получил абхазский престол по линии своей матери – абхазской царевны Гурундухт из рода Леонидов. Подобное происходило и в XIII в. при абхазской царице Тамаре, от которой унаследовал царский престол ее сын Георгий Лаша, а затем, от ее дочери Русудан, – сын последней Давид Нарин.

Началом распада Абхазского многонационального государства явилось завоевание его восточной части монголами в 1225 г. и признание абхазской царицей Русудан в 1243 г. верховной власти хана Батыя. Распад Абхазского многонационального государства продолжался долго, болезненно и завершился лишь в XV в.

Абхазы вышли из созданного ими многонационального государства с значительно растраченными этническими ресурсами. Процесс ассимиляции абхазов, оставшихся на некогда завоеванных ими территориях, в особенности в среде картвельских народов, продолжался вплоть до XIX в. Свидетельством этого являются многочисленные грузинские, мегрельские и сванские фамилии, производные от абхазо-абазинских, адыгских родовых имен и фамилий. Количество носителей этих фамилий в Грузии сегодня составляет около одного миллиона человек.

Абхазы оставили заметный след в топонимии Закавказья, в языках и культуре народов Кавказа. Главное – абхазы VIII–XIII вв. остались в разноречивых письменных источниках и в памяти народов как освободители и объединители кавказских народов, носители и распространители высокой христианской и рыцарской культуры.

В целом же есть основание говорить о том, что абхазо-абазинский этнический мир своими корнями уходит в глубину тысячелетий. Он развивался в контакте с древними цивилизациями Малой Азии, Ближнего Востока, Закавказья и Северного Причерноморья.

Предки абхазов и абазин в II–I тыс. до н. э. играли заметную роль в Малой Азии и в Юго-Восточном и Кавказском Причерноморье. В I–VII вв. они представлены целым рядом отдельных царств в Причерноморье. С VII в. они консолидируются в один раннефеодальный народ, создают в VIII в. свое национальное государство, распространяют свое влияние в XII–XIII вв. на все Закавказье. История абхазо-абазинского народа не заканчивается этим периодом. Однако освещение дальнейшей их истории не входит в задачу данной работы. Этот период абхазо-абазинской истории давно ждет специального, цельного и глубокого исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Челеби Эвлия.** Книга путешествия. Вып. III. – М., 1983.
2. **Арканджело Ламберти.** Описание Колхиды, называемой теперь Мингрелией (с картою), 1654 г. // СМОМПК. Выпуск 43. – Тифлис, 1913.
3. **Путешествие Шардена по Закавказью в 1672–1673 гг.** – Тифлис, 1902.
4. **Вахушти Багратиони.** История царства Грузинского. – Тбилиси, 1976. (Перевод с грузинского Н. Т. Накашидзе.)
5. **Вахушти, царевич.** География Грузии. – Тифлис, 1904.
6. **Броневский С.** Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Ч. 1. – М., 1823.
7. **Дюбуа де Монпере.** Путешествие вокруг Кавказа. – Сухум, 1937.
8. **Путешествия профессора Нордмана по Закавказскому краю** // Журнал Министерства народного просвещения. – СПб., 1839.
9. **Дзидзария Г. А. Ф. Ф.** Торнау и его кавказские материалы XIX века. – М., 1976.
10. **Званба С. Т.** Абхазские этнографические этюды. – Сухуми, 1982.
11. **Услар П. К.** Этнография Кавказа. Языкознание. Абхазский язык. – Тифлис, 1887.
12. **Март Н. Я.** О языке и истории абхазов. – М. – Л., 1938.
13. **Мачавариани К. Д.** Описательный путеводитель по Сухуму и Сухумскому округу. С историко-этнографическим очерком Абхазии. – Сухум, 1913.
14. **Воробьев Н.** О несостоятельности притязаний грузин на Сухумский округ (Абхазию). – Ростов-на-Дону. 1919.
15. **Кудрявцев К.** Сборник материалов по истории Абхазии. – Сухум, 1922.
16. **Басария С. П.** Абхазия в географическом, этнографическом и экономическом отношении. – Сухум, 2003.

17. **Ашхацава С. М.** Пути развития абхазской истории. – Сухум, 1925.
18. **Гулиа Д. И.** История Абхазии. Т. I. – Тифлис, 1925.
19. **Анчабадзе З. В.** Из истории средневековой Абхазии (VI–XVII вв.). – Сухуми, 1959.
20. **Анчабадзе З. В.** История и культура древнейшей Абхазии. – М., 1964.
21. **Анчабадзе З. В.** Очерки этнической истории абхазского народа. – Сухум, 1976.
22. **Очерки истории Абхазской АССР.** Ч. I. – Сухуми, 1960; Ч. II. – Сухуми, 1964.
23. **Инал-ипа Ш. Д.** Абхазы. – Сухуми, 1965.
24. **Инал-ипа Ш. Д.** Вопросы этно-культурной истории абхазов. – Сухуми, 1976.
25. **Турчанинов Г. Ф.** Памятники письма и языка народов Кавказа и Восточной Европы. – Л., 1971.
26. **Дзидзария Г. А.** Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. – Сухуми, 1982.
27. **Дзидзария Г. А.** Формирование дореволюционной абхазской интеллигенции. – Сухуми, 1979.
28. **Дзидзария Г. А.** Очерки истории Абхазии (1910–1921). – Сухуми, 1963.
29. **История Абхазии.** – Сухуми, 1986.
30. **Кварчия В. Е.** Ойконимы Абхазии в письменных источниках. – Сухуми, 1985.
31. **Лакоба С. З.** Очерки политической истории Абхазии. – Сухуми, 1990.
32. **Абхазия: документы свидетельствуют.** 1937–1953 гг. (Сост. Сагария Б. Е., Ачугба Т. А., Пачулиа В. М.). – Сухуми, 1992.
33. **Бигуаа В. Л.** Аҭсны аҭоурых. – Акуа, 1992.
34. **История Абхазии.** – Гудаута, 1993.
35. **Лавров Л. И.** Абазины // Кавказский этнографический сборник. Т. I. – М., 1955.
36. **Алексеева Е. П.** Абазины // В кн.: Очерки истории Карачаево-Черкесии. Т. I. – Ставрополь, 1967.
37. **Данилова Е. Н.** Абазины. – М., 1984.
38. **Абазины.** – Черкесск, 1989.

39. **Тхайцухов М. С.** Очерки истории абазин конца XVIII–XIX вв. – Сухуми, 1992.
40. **Ломтатидзе К. В.** Тапантский диалект абхазского языка. – Тбилиси, 1944. (На груз. яз.)
41. **Ломтатидзе К. В.** Ашхарский диалект и его место среди абхазско-абазинских диалектов. – Тбилиси, 1954. (На груз. яз.)
42. **Генко А. Н.** Абазинский язык. – М., 1965.
43. **Сердюченко Г. П.** Язык абазин. – М., 1955.
44. **Табулова Н. Т.** Грамматика абазинского языка. – Черкесск, 1976.
45. **Татишвили В.** Грузины в Москве. Исторический очерк (1653–1722). – Тбилиси, 1950.
46. **Летопись Картли** (Перевод, введение и примечания Г. В. Цулая). – Тбилиси, 1982.
47. **Григолия Константин.** О чем поведала «Картлис цховреба». – Тбилиси, 1973.
48. **Сенковский О.И.** Некоторые сомнения касательно истории грузинов. – М., 1856.
49. **Папаскир А. Л.** Обезы в древнерусской литературе и проблемы истории Абхазии. – Сухум, 2005.
50. **Народы мира.** – М., 1938.
51. **Гунба М. М.** Абхазия в первом тысячелетии н. э. – Сухум, 1989.
52. **Гумба Г. Д.** Значение терминов «Грузия» и «Сакартвело» в средневековых источниках. – Сухум, 1994.
53. **Цитата взята из работы:** Жордания Ф. Хроника абхазских царей // Духовный вестник Грузинского Экзархата. № 13–14. – Тифлис, 1902.
54. **Воронов П.** Абхазия – не Грузия. – М., 1907.
55. **Ингороква П.** Георгий Мерчуле – грузинский писатель X века. – Тбилиси, 1954.
56. **Ломтатидзе К. В.** О некоторых вопросах этнической принадлежности и расселения абхазов // Мнатоби, № 12. – Тбилиси, 1956. (На груз. яз.)
57. **Анчабадзе З. В.** Вопросы истории Абхазии в книге П. Ингороква «Георгий Мерчуле – грузинский писатель X века» // Труды АБИЯЛИ. Т. XVII. – Сухуми, 1956.

58. Бгажба Х. С. Некоторые вопросы этнонимии и топонимии Абхазии в связи с работой Павла Ингорюк «Георгий Мерчуле» // Труды АБИЯЛИ. Т. XVII. – Сухуми, 1956.
59. Газ. «Ахалгазрда коммунисти» от 2 марта 1956.
60. Гордадзе Торнике. Морально-идеологические препятствия к урегулированию грузино-абхазского конфликта // Кавказский акцент, № 16 (1–15 августа 2000 г.).
61. Гамахария Д., Гогия Б. Абхазия – историческая область Грузии. – Тбилиси, 1997.
62. Ачугба Т. А. Этническая «революция» в Абхазии. – Сухум, 1995.
63. «Кавказский акцент», № 8. 2001.
64. Марыхуба И. Р. Об Абхазии и абхазах. – Сухум – Акуа. 1993.
65. Марыхуба И. Р. Абхазские письма (1947–1989). Т. I. – Акуа (Сухум), 1994.
66. Марыхуба И. Р. Очерки политической истории Абхазии. – Акуа (Сухум), 2000.
67. Сагария Б. Е. О «белых» и «черных» пятнах в истории Абхазии. – Гагра, 1993.
68. Воронов Ю. Н. Абхазы – кто они? – Гагра, 1993.
69. Воронов Ю. Н. Колхида на рубеже средневековья. – Сухум, 1998.
70. Лакоба С. З. Столетняя война Грузии против Абхазии. – Гагра, 1993.
71. Лакоба С. З. Асланбей. – Сухум, 1999.
72. Лакоба С. З. Ответ историкам из Тбилиси. – Сухум, 2001.
73. Инал-ипа Ш. Д. Садзы. – М., 1995.
74. Инал-ипа Ш. Д. Антропонимия абхазов. – Сухум, 2002.
75. Куправа А. Э. Из истории абхазской традиционной культуры. – Сухум, 1998.
76. Куправа А. Э. Из истории абхазской антропонимии. – Сухум, 2003.
77. Ачугба Т. А. Отечественная война Абхазии и «грузинские беженцы». Т. I. – Сухум, 2003.
78. Ачугба Т. А. Отечественная война Абхазии и «грузинские беженцы». Т. II. – Сухум, 2005.
79. Ачугба Т. А. О проблемах национального самосознания населения юго-восточной Абхазии. – Сухум, 2006.

80. **Хварцкия М. Ш.** История фальсификации и фальсификация истории. – Сухум, 1997.
81. **Аджинджал Е. К.** Из истории абхазской государственности. – Сухум, 1996.
82. **Аджинджал Е. К.** Из истории христианства в Абхазии. – Сухум, 2000.
83. **Аджинджал Е. К.** Приоритеты исторического абхазоведения. – Сухум, 2005.
84. **Бутба В. Ф.** Племена Западного Кавказа по «Ашхарацуи». – Сухум, 2001.
85. **Бутба В. Ф.** Труды. – Сухум, 2005.
86. **Чачхалиа Д.** Абхазская православная церковь. – М., 1997.
87. **Чачхалиа Д.** Хроника абхазских царей. – М., 2000.
88. **Амичба Г. А.** Культура и идеология раннесредневековой Абхазии (VI–VIII вв.). – Сухум, 1999.
89. **Амичба Г. А.** Абхазия в эпоху раннего средневековья. – Сухум, 2002.
90. **Амичба Г. А.** Труды. – Сухум, 2004.
91. **Шамба Г. К.** Абхазия в I тысячелетии до нашей эры. – Сухум, 2000.
92. **Шамба Г. К.** Древний Сухум. – Сухум, 2005.
93. **Кварчия В. Е.** Топонимика Абхазии. – Сухум, 2003. (На абхаз. яз. – «Ацсны атопонимика».)
94. **Кварчия В. Е.** Историческая и современная топонимия Абхазии. – Сухум, 2006.
95. **Гицба Т. Ш.** Абхазские топонимы Кавказских гор и горных троп. – Сухум, 2002. (На абхаз. яз.)
96. **Ворошилов В. И.** Топонимы Российского Черноморья. – Сочи – Майкоп, 2005.
97. **Ворошилов В. И.** Убыхи. – Сочи – Майкоп, 2006.
98. **Иеромонах Дорофей (Дбар).** История христианства в Абхазии в первом тысячелетии. – Сухум, 2005.
99. **Бигуаа В.** Абхазский исторический роман. – М., 2003.
100. **Маан О. В.** Абжуа. – Сухум, 2006.
101. **Аристава Ш. К., Чкадуа Л. П.** Грамматика абхазского литературного языка. – Сухум, 2003.
102. **Касландзия В. А.** Абхазско-русский словарь. Т. I и II. – Сухум, 2005.

103. Начкебия С. Б. Русско-абхазский археологический словарь. – Сухум,
104. Хеция А. Д. Словарь спортивных терминов (абхазско-русский, русско-абхазский). – Акуа (Сухум), 2002.
105. Саманба Л. Х. О границах полисемии и омонимии (на материале абхазского языка). – Сухум, 2002.
106. Саманба Л. Х. Лексические и лексико-грамматические омонимы абхазского языка. – Сухум, 2001.
107. Джонуа Б. Г. Заимствованная лексика абхазского языка. – Сухум, 2002.
108. Гублиа Р. К. Абхазо-адыгские этимологии. – Сухум, 2004.
109. Дзидзария О. П. Историко-этимологический анализ отраслевой лексики абхазо-адыгских языков. – Сухум, 2009.
110. Ионова С. Х. Абазинская топонимия. – Черкесск, 1993.
111. Замятнин С. Н. Палеолит Абхазии. – Сухум, 1937.
112. Соловьев Л. Н. Первобытное общество на территории Абхазии. – Сухуми, 1971.
113. Трапш М. М. Труды. Т. I. – Сухуми, 1970.
114. Замятнин С. Н. Навалишенская и Ахштырская пещеры на Черноморском побережье Кавказа // Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода. № 6–7, 1940.
115. Крайнов Д. А. Новые мустьерские стоянки Крыма и Кавказа // Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода. № 9, 1947.
116. Тих Н. А. Предыстория общества. – Л., 1970.
117. Бунак В. В. Происхождение речи по данным антропологии. – М., 1955.
118. Ветров А. А. Семиотика и ее основные проблемы. – М., 1968.
119. Рогинский Я. Я., Левин М. Г. Происхождение человека и древнее расселение человечества. – М., 1951.
120. Ломтатидзе К. В. О функции редупликации в абхазском // Известия Института языка, истории материальной культуры. Т. V–VI, 1940.
121. Bouda K. Azechiv fur vergleichele Phonetik. Band, 3. Heft III.
122. Шинкуба Баграт. Собрание сочинений. Том шестой. – Сухум, 2008.

123. Кварчия В. Е. Некоторые этимологические заметки // Труды Абгосмузея. Вып. IV. – Сухуми, 1974.
124. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2. Т. II.
125. Косвен М. О. Этнография и история Кавказа. – М., 1961.
126. Чурсин Г. Ф. Материалы по этнографии Абхазии. – Сухуми, 1957.
127. Соловьев Л. Н. Об итогах археологических раскопок в гроте Хупынипшахва в 1960 г. // ТАИЯЛИ. Т. XXXII. 1961.
128. Лукин А. Л. Неолитическое селище Кистрик близ Гудаут // СА. 1950, № XII.
129. Бжания В. В. Древнейшая культура Абхазии (эпоха неолита и ранней бронзы). – М., 1966.
130. Державин Н. С. Абхазия в этнографическом отношении // СМОМПК. Вып. 38. 1907.
131. Шакрыл К. С. Очерки по абхазско-адыгским языкам. – Сухуми, 1971.
132. Шагиров А. К. Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков. А – Н. – М., 1977.
133. Гублия Р. К. Абхазо-адыгские этимологии. – Сухум, 2004.
134. Инал-ипа Ш. Д. К вопросу о матриархально-родовом строе в Абхазии // ТАИЯЛИ. Т. XXV. 1954.
135. Салакая Ш. Х. Абхазский нартский эпос. – Тб., 1976.
136. Инал-ипа Ш. Д. Памятники абхазского фольклора. – Сухуми, 1977.
137. Ардзинба В. Г. Нартский сюжет о рождении героя из камня // Древняя Анатолия. – М., 1985.
138. Пиотровский Б. Б. Археология Закавказья. – Л., 1949.
139. Формозов А. А. Каменный век и энеолит Прикубанья. – М., 1965.
140. Соловьев Л. Н. Энеолетическое селище у Очамчирского порта в Абхазии // СМИА. Т. I. 1939.
141. Савельева Т. Н. Как жили египтяне во времена строительства пирамид. – М., 1971.
142. Шахнович М. И. Первобытная мифология и философия. – Л., 1971.

143. **Цыганенко Г. П.** Этимологический словарь русского языка. – Киев, 1970.
144. **Дзидзария Г. А.** Из истории мореходства в Абхазии // Труды СГПИ им А. М. Горького. Т. XII. – Сухум, 1959.
145. **Инал-ипа Ш. Д.** О мореплавании в Абхазии в античный период и феодальную эпоху // Труды АбНИИ. Т. XXX. – Сухуми, 1960.
146. **Инал-ипа Ш. Д.** Страницы исторической этнографии абхазов. – Сухуми, 1971.
147. **Дзидзария О. П.** Морская лексика в абхазском языке. – Сухуми, 1989.
148. **Бгажба Х. С.** Бзыбский диалект абхазского языка. – Тбилиси, 1964.
149. **Мшвениерадзе Д. М.** Строительное дело в древней Грузии. – Тбилиси, 1952.
150. **Климов Г. А.** Этимологический словарь картвельских языков. – М., 1964.
151. **Кварчия В. Е.** Животноводческая (пастушеская) лексика в абхазском языке. – Сухуми, 1981.
152. **Джанашиа Н. С.** Статьи по этнографии Абхазии. – Сухуми, 1960.
153. **Услар П. К.** Этнография Кавказа. Языкознание. II. Чеченский язык. – Тифлис, 1888.
154. **Климов Г. А.** Кавказские языки // Языки мира. – М., 2001.
155. **Чикобава А. С.** Введение в языкознание. Ч. I. – М., 1952.
156. **Николаев С. Л., Старостин С. А.** Северо-кавказские языки и их место среди других языковых семей Передней Азии // Лексическая реконструкция и древнейшая история Востока. Ч. 3., – М., 1984.
157. **Старостин С. А.** Культурная лексика в общесеверокавказском словарном фонде // Древняя Анатолия. – М., 1985.
158. **Дьяконов И. М.** Языки древней Передней Азии. – М., 1967.
159. **Дунаевская И. М.** О структурном сходстве хаттского языка с языками Северо-Западного Кавказа // Исследования по истории культуры народов Востока. – М. – Л., 1960.
160. **Гиоргадзе Г. Г.** К вопросу о локализации и языковой структуре касских этнических и географических названий // Переднеазиатский сборник. [1]. – М., 1961.

161. Меликишвили Г. А. К изучению древней восточно-малоазийской этнонимии // ВДИ. I. 1962.
162. Трубачев О. Н. История сложных терминов родства. – М., 1959.
163. Чирикба В. А. Баскский и северокавказские языки // Древняя Анатолия. – М., 1985.
164. Шагиров А. К. Абхазско-адыгские языки // Языки Мира. – М., 2001.
165. Шагиров А. К. К выявлению генетически общих элементов лексики абхазо-адыгских языков // Этимология. 1964. – М., 1965.
166. Папаскир А. Л. Обезы в древнерусской литературе и проблемы истории Абхазии. – Сухум, 2005.
167. Люлье Л. Я. Общий взгляд на страны, занимаемые черкесами (адыге), абхазами (азега) и другими смежными с ними народами. Черкесия (Историко-этнографические статьи). – Краснодар. 1927.
168. Бгажба Х. С. Этюды и исследования. – Сухуми, 1974.
169. Никонов В. А. Этнонимия // Этнонимы. – М., 1970.
170. Амичба С. А., Гублия Р. К. Абхазский язык. – Сухуми, 1984.
171. Гамкрелидзе Т. В. К проблеме историко-этимологического осмысления топонимии древней Колхиды // Вопросы языкознания. № 4, 1992.
172. Бганба В. М. К вопросу о происхождении и этноязыковой принадлежности некоторых этнонимов // Абхазоведение. Вып. 1. – Сухум, 2000.
173. Самсон Чанба. Ишымтақэа. – Акуа, 1986.
174. Аверкьев И. С северо-восточного побережья Черного моря // Кавказ (очерк III). № 74, 1866.
175. Хан-Гирей. Записки о Черкесии. – Нальчик. 1978.
176. Путешествие И. А. Гюльденштедта по Грузии. Т. I. – Тбилиси, 1962.
177. Чичинадзе З. Д. Превращение в магометанство грузин или отатаривание Грузии. – Тифлис, 1915.
178. Новый полный географический словарь Российского государства, или Лексикон. Ч. I. – М., 1788.

179. Дзидзигури Ш. В. Грузинский язык. – Тбилиси, 1968.
180. Дьяконов И. М. Предыстория армянского народа. – Ереван, 1968.
181. История древнего мира. Часть. 1. – М., 1985.
182. Древние цивилизации. – М., 1989.
183. Вильхельм Гернот. Древний народ хурриты (Перевод с немецкого – И. М. Дунаевский). – М., 1992.
184. Вейнберг И. П. Человек в культуре древнего Ближнего Востока. – М., 1986.
185. Токарев С. А. Религия в истории народов мира. – М., 1965.
186. Бардавелидзе В. В. Древнейшие религиозные верования и обрядовое графическое искусство грузинских племен. – Тбилиси, 1957.
187. Шахнович М. И. Первобытная мифология и философия. – Л., 1971.
188. Чурсин Г. Ф. Материалы по этнографии Абхазии. – Сухуми, 1957.
189. Всемирная история. Т. I. – М., 1955.
190. Крывлев И. А. Раскопки в «библейских» странах. – М., 1965.
191. Авдиев В. И. История Древнего Востока. – М., 1948.
192. Джанашиа Н. С. Статьи по этнографии Абхазии. – Сухуми, 1960.
193. Стучевский И. А. Корни мифа о Христе. – М., 1958.
194. Ардзинба В. Г. Нартский сюжет о рождении героя из камня // Древняя Анатолия. – М., 1985.
195. Редер Д. Г. Мифы и легенды древнего Двуречья. – М., 1965.
196. Гордезиани Р. В. Кавказ и проблемы древнейших среднеземноморских языковых и культурных взаимоотношений. – Тбилиси, 1975.
197. Марр Н. Я. Средства передвижения, орудия самозащиты и производства в доистории // Избранные работы. Т. 3. – Л., 1936.
198. Марр Н. Я. К семантической палеонтологии в языках неяфетических систем // Избранные работы. Т. 2. – Л., 1936.
199. Амичба Г. А. Абхазия и абхазы средневековых грузинских повествовательных источников. – Тб., 1988.

200. Дьяконов И. М. Люди города Ура. – М., 1990.
201. История Древнего Востока. – М., 1988.
202. Керам К. Узкое ущелье и Черная гора. – М., 1962.
203. Карта (К–2). Турция. ГУГК, 1980. – М., 1981.
204. Коков Д. Н. Из адыгской (черкесской) ономастики. – Нальчик. 1983.
205. Меликишвили Г. А. Наири-Урарту. – Тбилиси, 1954.
206. Пейсонель М. Исследование торговли на черкесско-абхазском берегу Черного моря в 1750–1762 гг. // Материалы для истории черкесского народа. Вып. 2. – Краснодар, 1927.
207. Коков Д. Н. Адыгская (черкесская) топонимия. – Нальчик, 1974.
208. Турчанинов Г. Ф. Открытие и дешифровка древнейшей письменности Кавказа. – М., 1999.
209. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. IV. – М., 1973.
210. Цыганенко Г. П. Этимологический словарь русского языка. – Киев, 1970.
211. Фадеев А. В. К вопросу о феодализме в Абхазии. – Сухум, 1931.
212. Касландзия В. А. Абхазско-русский словарь. Т. II. – Сухум, 2005.
213. Грамматика абхазского языка. Фонетика и морфология. – Сухуми, 1968.
214. Авдиев В. И. История древнего Востока. – М., 1969.
215. Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ. 2, 1947.
216. Бакрадзе Д. М. Очерк Мингрелии, Самурзакани и Абхазии // Кавказ. № 49, 1860.
217. Белл Д. С. Журнал о пребывании в Черкесии в 1837, 1838 и 1839 гг. – Beli J. S. Journal of a residence in Circassia during the years 1837, 1838 and 1839, vol. 1. London, 1840.
218. Рейнеггс Я. Всеобщее историко-топографическое описание Кавказа. II. – СПб., 1787. (На нем. яз.)
219. Марр Н. Я. Избранные работы. Т. IV. – Л., 1937.
220. Салакая Ш. Х. Абхазский народный героический эпос. – Тбилиси, 1966.

221. **Инал-ипа Ш. Д.** Об абхазо-адыгских этнографических параллелях // Ученые записки АДИЯЛИ. Т. IV (История и этнография). – Краснодар, 1965.
222. **Первухин М. К.** Страна белых гор (Албанские впечатления) // Природа и люди. № 11, 1916.
223. **Латышев В. В.** Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ. № 1 (23), 1948.
224. **Гамкрелидзе Т. В, Иванов В. В.** Индоевропейский язык и индоевропейцы. Т. II. – Тб., 1984.
225. **Шакрыл К. С.** Очерки по абхазско-адыгским языкам. – Сухуми, 1971.
226. **Kuipers A. N.** Phoneme and Morpheme in Kabardian s-Gravenhage. 1960.
227. **Персидско-русский словарь.** Т. 2. – М., 1970.
228. **Трубачев. О. Н.** Происхождение названий домашних животных в славянских языках. – М., 1960.
229. **Абаев В. И.** Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I. – М. – Л., 1958.
230. **Чикобава А. С.** Грамматический анализ чанского (лазского) диалекта. – Тбилиси, 1936.
231. **Чикобава Арн.** Морфологические встречи абхазского языка с картвельскими языками // Изв. ИЯИИМК. – Тб., 1942.
232. **Ломтатидзе К. В.** О некоторых вопросах этнической принадлежности и расселения абхазов // Мнатоби. № 12, 1956.
233. **Драчук В.** Дорогами тысячелетий. – М., 1977.
234. **Баюн Л. С.** Некоторые вопросы реконструкции общеанатолийского глагольного строя // Древняя Анатолия. – М., 1985.
235. **Меликишвили Г. А.** К истории древней Грузии. – Тбилиси, 1959.
236. **Хачатрян В. Н.** Восточные провинции Хеттской империи. – Ереван, 1971.
237. **Словарь иностранных слов.** – М., 1949.
238. **Большая советская энциклопедия.** Второе издание. Т. II.
239. **Мровели Леонти.** Жизнь Картлийских царей: Извлече-

- ние сведений об абхазах, народах Северного Кавказа и Дагестана Перевод с древнегрузинского, предисловие и комментарии Г. В. Цулая. – М., 1979.
240. Гумба Г. Д. Об истоках исторической концепции грузинского историка XI века Леонтия Мровели // Абхазоведение. Выпуск II. – Сухум, 2003.
241. Микеладзе Т. К. К вопросу о периодизации истории древней Колхиды. – Тбилиси, 1973.
242. Шакрыл К. С. К истории абхазской письменности // Труды Сухгоспединститута. Вып. X–XI. – Сухуми, 1958.
243. Бжания Ц. Н. Из истории хозяйства и культуры абхазов. – Сухуми, 1937.
244. Дьяконов И. М. История Мидии. – М. – Л., 1956.
245. Бгажба О. Х. Лакоба С. З. История Абхазии. – Сухум, 2006.
246. Русско-абазинский словарь. – М., 1956.
247. Ган. К. Ф. Поездка в Мегрелию, Самурзакань и Абхазию (летом 1900 г.) // Кавказский вестник. № 4, 1902.
248. Соловьев Л. Н. Новый памятник культурных связей Кавказского Причерноморья в эпоху неолита – стоянки Воронцовский пещеры // ТАИЯЛИ. Т. XXIX. 1959.
249. Очерки истории Грузии. Т. I. – Тбилиси, 1989.
250. Меликишвили Г. А. Урартские клинообразные надписи. – М., 1960.
251. Микеладзе М. Т. Исследования по истории древнейшего населения Колхиды и Юго-Восточного Причерноморья. – Тбилиси, 1974.
252. Инадзе М. П. О времени образования колхидского царства по данным древнегреческих авторов // Вопросы древней истории. – Тбилиси, 1973.
253. Глейе А. К. К истории северокавказских языков // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 37. – Тифлис, 1907. Отд. III.
254. Андреев Ю. В. Об историзме гомеровского эпоса // Вестник древней истории. 1984, № 4.
255. Яйленко В. П. Архаическая Греция и Ближний Восток. – М., 1990.
256. Гомер. Одиссея. – М., 1982.

257. **Корнелий Тацит.** Сочинения. 2-е издание. – СПб., 1993.
258. **Откупщиков Ю. В.** Карийцы в Причерноморье (ономастика) // Кавказ и Среднеземноморье. – Тб., 1980.
259. **Куфтин Б. А.** Материалы к археологии Колхиды. I. – Тбилиси, 1949.
260. **Марковин В. И.** Дольменная культура и вопросы раннего этногенеза абхазо-адыгов. – Нальчик, 1974.
261. **Лавров Л. И.** Дольмены Северо-Западного Кавказа // Труды АБИЯЛИ. XXXI. – Сухуми, 1960.
262. **Сегерт Станислав.** Угаритский язык. – М., 1965.
263. **Гомер.** Одиссея // Жуковский В. А. Собр. соч. Т. IV. – М. – Л., 1960.
264. **Литературная энциклопедия.** Т. I. 1930.
265. **Джанашвили М. Г.** История Грузии. Т. I. – Тбилиси, 1906.
266. **Джавахишвили И. А.** История грузинского народа. Книга I. – Тбилиси, 1913. (На груз. яз.)
267. **Анчабадзе З. В.** 50 лет Советской Абхазии. – Сухуми, 1971.
268. **Дзидзария Г. А.** Труды. III. – Сухум, 2006.
269. **Ельницкий Л. А.** Из исторической этнографии древней Колхиды // ВДИ. № 2, 1938.
270. **Страбон.** География. – М., 1994.
271. **Стефан Византийский.** Из описания племен Перевод П. И. Прозорова // Известия древних писателей (греческих, латинских) о Скифии и Кавказе. Т. I. Греческие писатели. СПб., 1890.
272. **Античные источники о Северном Кавказе** (состав. В. М. Аталиков). – Нальчик. 1950.
273. **Цулая Г. В.** Мифические тайны пещеры Абрскила // ТА-ИЯЛИ. XXXIII–XXXIV. – Сухуми, 1969.
274. **Цулая Г. В.** К истории имени Абраскил // СЭ. № 6, 1966.
275. **Акаба Л. Х.** Из мифологии абхазов. – Сухуми, 1976.
276. **Георгика.** Т. IV. Вып. I. – Тбилиси, 1941.
277. **Каухчишвили Т. С.** О некоторых сведениях Ликофрона и его схолиастов // Кавказ и Среднеземноморье. – Тбилиси, 1980.
278. **Писаревский Н. П.** Местные традиции кораблестроения и мореплавания в Понте Эвксинском // Кавказ и Среднеземноморье. – Тбилиси, 1980.

279. **Лордкипанидзе О.** Древняя Колхида (Миф и археология). – Тбилиси, 1979.
280. **Аджинджал Е.** Абхазская культура и античная традиция // Алашара. № 2, 1982. (На абхаз. яз.)
281. **Сихарулидзе Ю. М.** Топонимика Юго-Западной Грузии. Книга 1. Батуми, 1958. (На груз. яз.)
282. **Бижев. А. Х.** Абадзехи // Адыги. – Нальчик, 1991. № 2.
283. **Инал-ипа Ш. Д.** Об этногенезе древнеабхазских племен. – М., 1964.
284. **Шакрыл К. С.** Труды. Статьи и очерки по вопросам абхазского языка и фольклора. – Сухуми, 1985.
285. **Меликишвили Г. А.** Кулха // Древний мир. Сбор. ст. – М., 1962.
286. **Лордкипанидзе Д. Д., Микеладзе Т. К.** Восточное Причерноморье (Колхида) VII–V вв. до н. э. // Античные письменные источники и археология Причерноморья в VII–V вв. до н. э. Материалы международного симпозиума по древней истории Причерноморья. – Тбилиси, 1990.
287. **Инадзе М. П.** Причерноморские города древней Колхиды. – Тбилиси, 1968.
288. **Генко А. Н.** Абхазо-русский словарь. – Сухум, 1998.
289. **Джанашия С. Н.** Сочинения. Т. III. – Тбилиси, 1959.
290. **Лавров Л. И.** О происхождении народов Северо-Западного Кавказа // Сб. материалов по истории Кабарды. – Нальчик, 1954.
291. **Латышев В. В.** Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ. № 1, 1947.
292. **Меликишвили Г. А.** Диаухи // ВДИ, № 4 (34). – М. – Л., 1950.
293. **Новый и полный географический словарь** Российского государства, или Лексикон. – М., 1788.
294. **Мартт Н. Я.** Кавказоведение и абхазский язык // Этапы развития яфетической теории. – Л., 1933.
295. **Латышев В. В.** Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ. № 3, 1947.
296. **Турчанинов Г. Ф.** Φθεῖρφαυοί писателей классической древности // Иберийско-кавказское языкознание. – Тбилиси, 1946.

297. Меликишвили Г. А. К вопросу об этнической принадлежности народа кашки // Разыскания. Т. III. – Тбилиси, 1953.
298. Коков Д. Н. Адыгские этнонимы. – Нальчик, 1979.
299. Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ, № 4. 1947.
300. Меликишвили Г. А. Возникновение Хеттского царства и проблема древнейшего населения Закавказья и Малой Азии // ВДИ. № 1, 1965.
301. Всемирная история. Т. II. – М., 1956.
302. Абхазия и в ней Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь // Сост. И. Н. 1898.
303. Латышев В. В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Т. I. – СПб., 1890.
304. Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ. № 2 (24), 1948.
305. К–1. Карта Кавказского края. Сост. Генеральным штабом Отдельного Кавказского корпуса. – Тифлис, 1842.
306. К–2. Турция. ГУГК. М., 1981.
307. К–3. Карта Кавказских земель, изданная Семеном Броневским к описанию Кавказа. – СПб., 1823.
308. К–4. Административная карта Грузинской ССР. – Тбилиси, 1938.
309. К–5. OSMANISCHES REICH und SEINE SCHUTZSTAATEN (im XVII ten Jahrhundert). 1871.
310. К–6. Грузинская ССР. ГУГК СССР. 1987.
311. Сердюченко Г. П. Основные грамматические особенности языков Западного Кавказа. – М., 1955.
312. Чикобава А. С. Введение в языкознание. Ч. 1. – М., 1952.
313. Клычев Р. Н., Чкадуа Л. П. Абхазский язык // Языки мира. Кавказские языки. – М., 2011.
314. Шакрыл К. С. Аффиксация в абхазском языке. – Сухум, 1961.
315. ЦГВИА, ВУА, № 18510.
316. Тураев Б. А. Классический Восток. Т. I. – Л., 1924.
317. Гюльденштедт И. А. Путешествие Гюльденштедта по Грузии. Т. II. – Тбилиси, 1964.
318. Мурзаев Э. М. Словарь народных географических терминов. – М., 1984.

319. **Жан де Люк.** Описание перекопских и ногайских татар, черкесов, мингрелов и грузин // Записки Императорского Одесского общества истории и древностей. Т. XI. – Одесса, 1879.
320. **Челеби Эвлиа.** Путешествие турецкого туриста по восточному берегу Черного моря // ЗООИД. Т. IX. 1875.
321. **Ламберти А.** Описание Колхиды или Мингрелии // Записки Императорского Одесского общества истории и древностей. Т. X. – Одесса. 1877.
322. **Гумба Г. Д.** К вопросу идентификации р. Эгрисцкали Джуаншера Джуаншериани // Абхазоведение. Вып. III. – Сухум, 2004.
323. **Такайшвили Е. С.** Три хроники. Источники грузинских летописей // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. (СМОМПК). Вып. 28. – Тифлис, 1900.
324. **Абегян М.** История древнеармянской литературы. – Ереван. 1975.
325. **Апакидзе А. М.** Мцхета – древняя столица Картлийского царства. – Тбилиси, 1959. (На груз. яз.)
326. **Дьяконов И. М.** Хетты, фригийцы и армяне // Переднеазиатский сборник. Вып. I. – М., 1961.
327. **Обращение Грузии** (Редакционная обработка, исследование и комментарии М. С. Чхарташвили). – Тбилиси, 1989.
328. **Воронов Ю. Н.** Древняя Апсолия. – Сухум, 1998.
329. **Бгажба О. Х.** Где проходила «Клисура» Джуаншера? // «Абхазоведение». Вып. II. – Сухум, 2003.
330. **Адонц Н.** Армения в эпоху Юстиниана. – Ереван, 1971.
331. **Джавахишвили И. А.** История грузинского народа. Книга вторая. – Тбилиси, 1965.
332. **Гаглойти Ю. С.** Аланы и вопросы этногенеза осетин. – Тбилиси, 1966.
333. **Кварчия В. Е.** Об абхазских этнонимах аиарс «осетин», асоана «сван» // Вопросы кавказской филологии и истории. – Нальчик, 1982.
334. **Латышев В. В.** Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ. № 3, 1948.

335. **Абаев В. И.** Осетинский язык и фольклор. – М. – Л., 1949.
336. **Латышев В. В.** Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ. № 1, 1948.
337. **Еремян С. Т.** Опыт восстановления первоначального текста «Ашхарацуйца» // Историко-филологический журнал АН Арм. ССР. – Ереван, 1973.
338. **Цулая Г. В.** Джуаншер Джуаншериани. ЖВГ. – Тбилиси, 1986.
339. **Беридзе М. И.** Персидские элементы в топонимии Джавахети // Ономастика // Под общей редакцией акад. Ш. В. Дзидзигури. – Тбилиси, 1987.
340. **Кварчия В. Е.** О границах исторической и современной Абхазии. – Сухум, 2011.
341. **Джонуа Б. Г.** Русско-абхазский словарь. – Сухум, 2010.
342. **Орбелиани С. С.** Словарь грузинского языка. – Тифлис, 1929.
343. **Гумба Г. Д.** К вопросу об этнической принадлежности кавказских мосхов (масхов – месхов) // Первые международные Инал-иповские чтения. – Сухум, 2011.
344. **Марр Н. Я.** К истории передвижения яфетических народов с юга на север Кавказа // Известия Академии наук. № 6, 1916.
345. **Меликишвили Г. А.** К истории древней Грузии. – Тбилиси, 1959.
346. **Каухчишвили С. Г.** Сведения византийских писателей о Грузии. Т. II. – Тбилиси, 1965.
347. **Ган. К.** Известия др.-греческих и римских писателей о Кавказе. Ч. I. – Тифлис, 1884.
348. **Историки Греции.** – М., 1976.
349. **Трапш М. М.** Труды (Древний Сухум). Т. 2. – Сухуми, 1969.
350. **Гениохи.** Реальная энциклопедия классической науки о древности (Паульса). Изд. Вильгельм Крокк. – Штутгарт. 1912. (На нем. яз.)
351. **Латышев В. В.** Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе // Записки классического отделения Императорского Русского археологического общества. Т. II. Вып. 1. – Санкт-Петербург, 1904.

352. **Гамрекели В.** О племени двалов // Материалы грузинской этнографии. Т. IX. – Тбилиси, 1957.
353. **Латышев В. В.** Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Т. I. Греческие писатели. Вып. 3-й. – Санкт-Петербург, 1900.
354. **Ельницкий Л. А.** Из исторической этнографии древней Колхиды // ВДИ. 2, 1938.
355. **Турчанинов Г. Ф.** Φθέρωφαοί писателей классической древности // Иберийско-кавказское языкознание. – Тбилиси, 1946.
356. **Габуния З. М., Кварчия В. Е.** Вопросы истории Абхазии и абхазской письменности в трудах Г. Ф. Турчанинова // Вопросы кавказской филологии и истории. – Нальчик, 1982.
357. **Март Н. Я.** О языке и истории абхазов. – Ленинград, 1938.
358. **Струве В. В.** Этюды по истории Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии. – Л., 1968.
359. **Чикобава А. С. П.** Услар и вопросы научного изучения горских иберийско-кавказских языков // Иберийско-кавказское языкознание. VII. – Тбилиси, 1955.
360. **Меликишвили Г. А.** К вопросу об этнической принадлежности кашков // Обозреватель ИИД. Т. III. – Тбилиси, 1953.
361. **Ардзинба В. Г.** Некоторые сходные структурные признаки хаттского и абхазо-адыгских языков // Абхазоведение, № 3. – Сухум, 2009.
362. **Волкова Н. Г.** Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. – М., 1979.
363. **По обе стороны Большого Кавказа.** Сборник документов. Т. I. Абазины и «черкесский» вопрос // Автор-составитель Мусса Экзеков. – СПб., 2012.
364. **По обе стороны Большого Кавказа.** Сборник документов. Т. II. Абхазы. – СПб., 2012.
365. **Инал-ипа Ш. Д.** Труды. Т. III. – Сухум, 2011.
366. **Куправа А. Э.** Вопросы традиционной культуры абхазов. – Сухум, 2008.
367. **Ачугба Т. А.** Этническая история абхазов XIX–XX вв. – Сухум, 2010.

368. **Архимандрит Дорофей (Дбар).** Православная церковь в Абхазии: Прошлое, настоящее, будущее. 1-й том. – Новый Афон, 2012.
369. **Абхазы** // ответ ред. Ю. Д. Анчабадзе, Ю. Г. Аргун. – М., 2007.
370. **Древнегреческо-русский словарь.** – М., 1958.
371. **Новогреческо-русский словарь.** – М., 1980.
372. **Русско-новогреческий словарь.** – М., 1983.
373. **Это ли забота о стране и о справедливости?! // Ахалгазырда комунисти.** 6 мая 1989 г. (На груз. яз.)
374. **Абхазы** (издание второе, исправленное). – М., 2012.
375. **Газ. «Свободная Грузия».** 29 сентября 1992 г.
376. **Маан О. В.** Из истории торгово-экономических связей древней и средневековой Абхазии. – Сухум, 2012.
377. **Тхайцухов М. С.** Абазины. – Черкесск – Карачаевск. 2006.
378. **Цвижба Л. И.** Этно-демографические процессы в Абхазии в XIX веке. – Сухум, 2001.
379. **Бгажба О. Х.** Черная металлургия и металлообработка в древней и средневековой Абхазии (VIII в. до н. э. – XV в. н. э.). – Тбилиси, 1983.
380. **Авидзба А. Ф.** Отечественная война (1992–1993 гг.). Вопросы военно-политической истории Абхазии. – Сухум, 2008.
381. **Авидзба А. Ф.** Абхазия и Грузия: завтра была война. – Сухум, 2012.
382. **Гицба Т. Ш.** Страна древних абазгов. – Сухум, 2012.
383. **Искусство Абхазского царства VIII–XI веков.** Христианские памятники Анакопийской крепости (А. С. Агумаа, Д. В. Белецкий, А. Ю. Ендольцева). – Санкт-Петербург, 2011.
384. **Абхазия и абхазы в российской периодике (XIX–XX вв.)** (составители Агуажба Р. Х., Ачугба Т. А.). Книга I. – Сухум, 2005.
385. **Абхазия и абхазы в российской периодике (XIX–XX вв.)** (составители Агуажба Р. Х., Ачугба Т. А.). Книга II. – Сухум, 2006.
386. **Материалы по истории Абхазии XIX века** (составитель Г. А. Дзидзария). Т. I. – Сухум, 2008.

387. **Материалы по истории Абхазии XVIII–XIX вв.** (составители А. Э. Куправа, С. Т. Салакая, А. Ф. Авидзба). Т. II. – Сухум, 2011.
388. **Материалы по истории Абхазии XIX века** (составители А. Э. Куправа, С. Ш. Салакая, А. Ф. Авидзба). Т. III. – Сухум, 2012.
389. **Абхазия – документы и материалы (1917–1921 гг.)** (составитель Р. Х. Гожба). – Сухум, 2009.
390. **Материалы по истории Абхазии советского периода. Т. I** (составитель Куправа А. Э.). – Сухум, 2012.
391. **Пачулия В. М.** Грузино-абхазская война 1992–1993 гг. – Сухум, 2010.
392. **Воронов Ю. Н.** Археологическая карта Абхазии. – Сухуми, 1969.
393. **Климов Г. А.** Кавказские языки. – М., 1965.
394. **Боденштедт Фридрих.** По Большой и Малой Абхазии. О Черкесии. – М., 2002.
395. **Герберштейн Н. С.** Записки о московитских делах. – СПб., 1908.
396. **Пейсонель М.** Исследование торговли на черкесско-абхазском берегу Черного моря в 1750–1762 гг. // Материалы для истории черкесского народа. Вып. 2. – Краснодар. 1927.
397. **Тхайцухов М. С.** Этнокультурные связи абазин в XIX – нач. XX в. Автореф. канд. дис. – М., 1985.
398. **Бгажба О. Х., Лакоба С. З.** История Абхазии. Учебник. – Сухум, 2006.
399. **Гюльденштедт И. А.** Географические и исторические известия о новой пограничной линии... – СПб., 1779.
400. **Гамба Жан Франсуа.** Путешествие в Закавказье. Ч. I // Перевод с французского на грузинский язык Я. Г. Мгалоблишвили. – Тбилиси, 1987.
401. **К–7.** Cart des pays voisins la mer Caspienna. 1723 (par G. Delisle), Paris, 1723. – ЦГВИА.
402. **К–8.** Charte der Laendr am Caucasus. Weimar, 1802, 1804 (сост. Рейнеке).
403. **К–9.** Карта земель, лежащих между Черным и Каспийским морями (1786 г.);

- К–10.** Карта Кавказских гор с границами обитающих в них народов (1786 г.);
- К–11.** Карта (Большая Абхазия, Малая Абхазия, Мингрелия, Имеретия, Гурия). Изд. Б. М. и Б. Г.
- 404. К–12.** Карта Кавказских земель с частью Великой Армении, изданная Семеном Броневским к описанию Кавказа. – СПб., 1823.
- 405. Марковин В. И.** Дольмены Западного Кавказа. – Москва, 1976.
- 406. Ушаков П. Н.** Народы и языки Кавказа // Народы Кавказа. № 1, 1921.
- 407. Копсергенова Валентина.** Шумеры. – Черкесск, 2012.
- 408. Мифы народов мира** (гл. ред. С. А. Токарев). – М., 1987.
- 409. История всемирной литературы.** Том первый. – М., 1983.
- 410. Дьяконов И. М., Афанасьева В. К.** Я открою тебе сокровенное слово. – М., 1983.
- 411. Дирр А.** Язык убыхов // Рус. перевод Габуниа З., Сакиева Р. – Нальчик, 1996.
- 412. Прокопий Кесарийский.** История воин римлян с персами // Кн. II. СПб., 1880.
- 413. Пазов С. У., Татаршао А. Х.** Абазины – древний народ Кавказа // Бибаркт – Эльбурган. – Черкесск, 1996.
- 414. История Армении Фавстоса Бузанда.** Кн. III. – Ереван, 1953.
- 415. Армянская география VIII в. по Р. Х.** – СПб., 1877.
- 416. Кишмахов М. Х.-Б.** Проблемы этнической истории и культуры убыхов. – Сухум – Карачаевск, 2012.
- 417. Карбущенко П. Я.** Грузинские витязи в шкуре «Астраханского тигра» // Астраханский меридиан. Альманах. Выпуск I, 2010.
- 418. Пахомов А.** Исторические записки по истории Абхазии и князей Шервашидзе // Исторический вестник. Т. 7. – Тбилиси, 1953. (Издано И. Антскава и Г. Дзидзария.)
- 419. Джанашиа С.** Труды. Т. VI. – Тбилиси, 1989. (На груз. яз.)
- 420. Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа.** IV, 1884.

-
421. **Кварчия В. Е.** Тенденциозность или дилетантство // Бзыбь. № 5, 1990.
422. **К–13.** Карта народов, обитающих между морями Черным и Каспийским. – ЦГВИА, Ф. ВУА, д. 1060, л. 79 «а».
423. **Черкесия в картах XIV–XIX веков.** – Краснодар, 2011.
424. **Нарт Сасрыква и девяносто девять его братьев** // Абхазский народный эпос (сост. Ш. Д. Инал-ипа, К. С. Шакрыл, Б. В. Шинкуба). – Сухум (Акуа), 1962. (На абхаз. яз.)
425. **Ионова С. Х.** Абазинские фамилии и имена. – Черкесск, 2006.
426. **Джавахишвили И. А.** Основные историко-этнологические проблемы Грузии, Кавказа и Ближнего Востока древнейшей эпохи // ВДИ. № 4, 1939.
427. **Бгажба Х. С.** Бзыбский диалект абхазского языка // Исследование и тексты. Сухум, 2006.
428. **Дж. Белл (Белл Д. С.).** Журнал пребывания в Черкесии в 1837, 1838 и 1839 годах. Т. II. – Лондон, 1840. (На англ. яз.)
429. **Джанашиа С. Н.** Труды. Т. II. – Тбилиси, 1925. (На груз. яз.)
430. **Прокопий из Кесарии.** Война с готами. – М., 1950.
431. **«Картлис цховреба».** Т. I. – Тбилиси, 1955. (На груз. яз.)
432. **Каухчишвили С. Г.** Сведения византийских писателей о Грузии. Т. III. – Тбилиси, 1936.
433. **История Грузии.** Т. I. – Тбилиси, 1972.
434. **Агафий.** О царствовании Юстиниана. – М., 1953.
435. **Дж. Белл.** Журнал пребывания в Черкесии в 1837, 1838 и 1839 годах. Т. II. – Лондон, 1840. (На англ. яз.)
436. **Элиава Г. В.** Топонимика Абашского и Гегечкорского районов. – Тбилиси, 1977. (На груз. яз.)
437. **Джанашвили Н.** Абхазия и абхазы // ЗКОИРГО. Кн. 16. – Тифлис, 1894.
438. **Джанашиа С.** Черкесский (адыгский) элемент в топонимике Грузии // Мацне (Сообщения Грузинского филиала АН СССР). Т. I. № 8. – Тбилиси, 1940.
439. **Инадзе М. П.** К истории Грузии античного периода (автореферат канд. дис.). – Тбилиси, 1953.
440. **Иеромонах Дорофей (Дбар).** История христианства в Абхазии в первом тысячелетии. – Новый Афон, 2005.

441. **Латышев В. В.** Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ. № 4, 1948.
442. **Еремян С. Т.** Страна «Махелония» надписи Кааба-и-Зарадушт // ВДИ. № 4, 1967.
443. **Абхазы (азега).** (Введенский А. Н.) // ССКГ. Вып. VI. – Тифлис, 1872.
444. **Поспелов Е. М.** Географические названия России. – М. 2008.
445. **Кабардинский фольклор.** – М. – Л., 1936.
446. **Очерки кабардино-черкесской диалектологии** // Под ред. М. А. Кумахова. – Нальчик, 1969.
447. **Кадыр Натхо.** Черкесская история. – Майкоп, 2012.
448. **Ал-Идриси.** География Идриси. – Париж, 1840. (На франц. яз.)
449. **Новосельцев А. П., Пашуто В. Т.** Внешняя торговля Древней Руси (до середины XIII века) // История СССР. 1967, № 3.
450. **Анчабадзе З. В.** Избранные труды. Т. 2. – Сухум, 2011.
451. **Джанашиа С. Н.** Тубал – Табал, Тибарен, Ибер // Труды. Т. III, 1959.
452. **Коновалова И. Г.** Восточная Европа в сочинении ал-Идриси. – М., 1999.
453. **Флавий Арриан.** Путешествие по берегам Черного моря. Грузинский перевод греческого текста, комментарии и карта Н. Кечакмадзе. – Тбилиси, 1961.
454. **Абхазы** (ответ. ред. Ю. Д. Анчабадзе, Ю. Г. Аргун). Издание второе, исправленное. – М., 2012.
455. **Трапш М. М.** О некоторых итогах археологических исследований в с. Цебельда Сухумского района // ТАИЯЛИ. Т. XXXII, 1961.
456. **Шамба Г. К.** Ахаччарху – древний могильник нагорной Абхазии. – Сухум, 1970.
457. **Леквинадзе В. А.** Понтийский лимес // ВДИ. № 2, 1969.
458. **Бернштам А. Н.** Очерк истории гуннов. – Л., 1951.
459. **Милованова Наталья.** Абхазия христианская. – Сухум, 2014.
460. **Леквинадзе В. А.** Монументальные памятники Западной Грузии I–VII вв. Автореферат докторской диссертации. – М., 1973.

461. **Леквинадзе В. А.** О древнейшей базилике Питиунта и ее мозаиках // ВДИ. № 2, 1969.
462. **Очерки истории Грузии.** Том II. – Тбилиси, 1988.
463. **Агатангелос.** История Армении.
464. **Бриллиантов А.** О месте кончины и погребения св. Максима Исповедника // Христианский Восток. Т. V. Вып. I. – Петроград, 1917.
465. **Затейшвили С. Г.** Сведения об аланах в «Хронографии» Феофана // Древнейшие государства на территории СССР. – М., 1976.
466. **Амичба Г. А., Папуашвили Т. Г.** Из истории совместной борьбы грузин и абхазов против иноземных завоевателей. – Тбилиси, 1985.
467. **Латышев В. В.** Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ, 1947–1949.
468. **Жузе Г.** Грузия XVII столетия в изображении антиохского патриарха Макария. – Баку, 1927.
469. **Джанашиа С.** Труды. Т. I. – Тбилиси, 1949. (На груз. яз.)
470. **Леквинадзе В. А.** О постройках в Западной Грузии // ВВ. 1973, Т. 34.
471. **Бакрадзе Д.** Кавказ в древних памятниках христианства. – Тифлис, 1875.
472. **Косумова С. Ю.** Южный Азербайджан в III–VII вв. – Баку, 1983.
473. **Реза Э. О.** Азербайджан и Арран. – М., 2012.
474. **Аджинджал Е. К.** О титулатуре абхазских царей. – Сухум, 2014.
475. **Джафаров Ю. Р.** Гунны и Азербайджан. – Баку, 1983.
476. **Александр Широкоград.** Война и мир Закавказья за последние три тысячи лет. – М., 2009.
477. **Прокопий Кесарийский.** О постройках // ВДИ. № 4, 1939.
478. **Лев Гумилев.** Древняя Русь и великая степь. – М. 2008.
479. **Георгика.** Т. IV Ч. II. – Тбилиси, 1952.
480. **Хотко С. Х.** История черкесов. – Санкт-Петербург, 2001.
481. **«Жизнь Грузии».** Под ред. С. Г. Каухчишвили. – Тбилиси, 1953. (На груз. яз.)

482. Кекелидзе К. Этюды из истории древнегрузинской литературы. Т. IV. – Тбилиси, 1988.
483. Neuman C. Fr. Das Rusland und Circessen. – Stuttgart – Tübingen, 1840.
484. Маан О. В. Проблемы этнического развития и традиционно-бытовой культуры абхазов. – Сухум, 2014.
485. Авидзба Аслан. Проблемы военно-политической истории Отечественной войны в Абхазии (1992–1993 гг.). Книга I. Книга II. – Сухум, 2013.
486. Ардзинба В. Г. Заметки к текстам хеттских ритуалов // ВДИ. № 3, 1977.
487. Ардзинба В. Г. Ритуалы и мифы Древней Анатолии. – М., 1982.
488. Агуажба Р. Х. Из истории кавказской диаспоры: абхазы, убыхи... – Сухум, 2014.
489. Энциклопедический словарь. Т. 1. – С-Петербург, 1890.
490. Энциклопедический словарь (Граната). Т. 1. – С.-Петербург, 7-е издание.
491. Меликсет-Бек Л. М. По следам перипла Аррианы // Труды АБИЯЛИ. Том XXX. – Сухуми, 1959.
492. Большая энциклопедия. Т. 1. – С-Петербург, 1896.
493. Чирикба В. К. К вопросу об абхазских заимствованиях в мегрельском языке // ВЯ, № 4. – М., 1998.
494. Чирикба В. К. Абхазские заимствования в мегрельском языке // ВЯ, № 3. – Сухум, 2009.
495. Дзидзария Г. А. Труды. I. – Сухум, 2002.
496. Волкова Н. Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX века. – М., 1974.
497. Матиане Картлиса // Перевод, введение и примечания М. Д. Лордкипанидзе. – Тбилиси, 1976.
498. Люлье Л. Я. Черкесия. – Северо-Кавказский филиал традиционной культуры М.Ц.Т.К. «Возрождение», 1990.
499. «Кавказский гербовник» В. Цихинского. См. материалы из «Википедии».
500. Грузинские фамилии. Материалы из Википедии.
501. Лавров Л. И. Абазины (историко-этнографический очерк) // Кавказский этнографический сборник. – М., 1955.

502. **Дирр А.** Материалы к изучению языка и быта абхазцев // СМОМПК. Вып. 44. Отс. 4. – Тифлис, 1915.
503. **Марр Н. Я.** Из абхазских личных имен... // О языке и истории абхазов. – М. – Л., 1938.
504. **Телефонный справочник 1990.** Сухумская городская телефонная сеть. 1990 год.
505. **Джанашия С. Н.** К генеалогии рода Бараташвили // Труды. Том II. – Тбилиси, 1952. (На груз. яз.)
506. **Чхатарашвили К.** Надпись Абуласана Иобисдзе из Цебельды и ее историческое значение // ВИГФЭ. VI. – Тбилиси, 1990.
507. **Джанашия С. Н.** Труды. Т. IV. – Тб., 1968. (На груз. яз.)
508. **Лавров Л. И.** Историко-этнографические очерки Кавказа. – Л., 1978.
509. **Валентина Амичба.** Словарь личных имен абхазов. – Сухум, 2012.
510. **Ломтатидзе К. В.** Абхазское слово ауафы – «человек» // Моамбе. 1943. Т. IV, № 7. (На груз. яз.)
511. **Гвритишвили Д. В.** Из истории социальных отношений в позднефеодальной Грузии (сатавадо – сеньории). – Тбилиси, 1961.
512. **Дасания Д. М.** Из истории изучения абхазских фамилий (до 1961 года включительно) // Абхазоведение. – Сухум, 2009.
513. **Цулая Г. В.** Из грузино-абхазской антропониимии // Этнографическое обозрение. № 1. – М., 1999.
514. **Джонидава Н.** Колхские фамилии и имена. – Тбилиси, 1966. (На груз. яз.)
515. **Амичба Георгий.** Средневековая Абхазия в грузинских нормативных источниках. – Сухум, 2011.
516. **Сенковский О. И.** Некоторые сомнения касательно истории грузинов. – Сухум, 2008.
517. **Фадеев А.** Краткий очерк истории Абхазии. Часть первая. – Сухум, 1934.
518. **Картлис цховреба.** Т. I. – Тбилиси, 1955. (На груз. яз.)
519. **Карла Серена.** Путешествие по Абхазии. – М., 1999.
520. **Вахушти.** Описание Грузинского царства. – Тбилиси, 1941. (На груз. яз.)
521. **Сабанисдзе И.** Мученичество Або Тбилели (см. Кекелид-

- зе К. Памятники древнегрузинской агиографической литературы. – Тбилиси, 1956).
522. **Зухба С. Л.** Из жизни аджарских абхазов // Современное абхазское село. – Тбилиси, 1967. (На абхаз. яз.)
523. **Лордкипанидзе М.** Политическое объединение феодальной Грузии. – Тбилиси, 1963.
524. **Вахушти.** «Жизнь Грузии». 1913. Издание 3. Чичинадзе. (На груз. яз.)
525. **Кекелидзе К.** Памятники древнегрузинской агиографической литературы. – Тбилиси. 1956.
526. **Известия Государственной академии истории материальной культуры.** Вып. 91. – М. – Л., 1934.
527. **Багрянородный К.** «О фемах» и «О народах». – Москва, 1899.
528. **Бгажба О. Х.** Так где же все-таки находился Сотириуполис Константина Багрянородного? // Абхазоведение. V–VI вып. – Сухум, 2011.
529. **Псевдо-Арриан.** Обезд Эвксинского Понта // ВДИ. № 4, 1948.
530. **Кулаковский Ю.** Где был построен императором Юстинианом храм для абхазов? // Археологические известия и заметки. № 2. – Москва, 1897.
531. **Житие Константина Философа** // Труды славянской комиссии. Т. I. – Л., 1930.
532. **Нуцубидзе Ш.** История грузинской философии. – Тбилиси, 1960.
533. **Смоленский С.** Воспоминания кавказца (Из записок юнкера) // Военный сборник. Том. I. XXXVII, отд. I. 1872.
534. **Инал-ипа Ш. Д.** Ступени к исторической действительности. – Сухум, 1992.
535. **Записки Императорского Новороссийского университета.** Т. I. Вып. I–II. – Одесса. 1867.
536. **Сказание о Вавилонском царстве** // Памятники литературы Древней Руси. – М., 1992.
537. **Кожин В. В.** Судьба России: вчера, сегодня, завтра. – М., 1997.
538. **Дзидзигури Ш. В.** Грузинский язык. – Тбилиси. 1968.
539. **Картлис цховреба. Т. II.** – Тбилиси, 1959.

540. **Краткая священная история.** Переведена на абхазский язык под руководством И. Бартоломея. Издание общества восстановления христианства на Кавказе. – Тифлис, 1866.
541. **Мачавариани К. Д.** Акәра бгыыц. Жәа-закәанк. Аныхәарақәа. – Қарт, 1910.
542. **Апсуа бызшәа ажәар.** 1. – Акәа, 1986.
543. **Шьакрыл К. С.** Апсуа бызшәа бзыцтәи адиалект ажәар. – Акәа, 2014.
544. **Ранович А. Б.** Эллинизм и его историческая роль. – М., 1950.
545. **Болтунова А. И.** Возникновение классового общества и государственной власти в Иберии // ВДИ. № 2, 1956.
546. **Ушаков П. Н.** Народы и языки Кавказа // Народы Кавказа. – Тифлис, 1921.
547. **Кукба В. И.** Избранные труды. – Сухум, 2007.
548. **Джонуа Б. Г., Касландзиа В. А.** Краткий абхазско-русский, русско-абхазский словарь. – Сухум, 2011.
549. **Большая энциклопедия.** Т. I. – С.-Петербург, 1896.
550. **Генко А. Н.** Абхазо-русский словарь. – Сухум, 1998.
551. **Гублия Р. К.** Об абхазских лексических заимствованиях в картвельских языках. – Сухум, 2002.
552. **Любкер Фридрих.** Словарь античности. – М., 2005.
553. **Щеглов Г. В., Арчер В.** Словарь античности. – М., 2006.
554. **Шьакрыл К. С.** Апсуа бызшәа бзыцтәи адиалект ажәар. – Акәа, 2014.
555. **Грамматика абхазского языка.** – Сухум, 1968.
556. **Гублия Р. К.** Очерки абхазской этимологии. – Сухум, 2013.
557. **Джонуа Б. Г.** Русско-абхазский словарь. – Сухум, 2010.
558. **Торотадзе А. Г.** Краткий русско-грузинский словарь. – Тбилиси, 1969.
559. **Дзидзария О. П.** Некоторые абхазизмы, представленные в картвельских языках // Современные проблемы кавказского языкознания и фольклористики. – Сухум, 2000.
560. **Большая советская энциклопедия.** Издание второе. Т. 47.
561. **Кварчия В. Е.** К этимологии слова «шамахамзар» // Известия АБИЯЛИ. Т. VI. – Тбилиси, 1977.

562. **Аджинджал Е. К.** Изображение на абхазских коврах XIX в. // Античность и античные традиции в культуре и искусстве народов Советского Союза. Тезисы Всесоюзной конференции. – М., 1974.
563. **Языки мира.** Кавказские языки. – М., 2001.
564. **А. Миллер.** Из поездки по Абхазии в 1907 г. // Материалы по этнографии России. Т. I. – СПб., 1910.
565. **«Жизнь Грузии».** Свод царя Вахтанга, изд. 3. Чичинадзе. – Тифлис, 1913.
566. **Глonti А. А.** Топонимические разыскания. – Тбилиси, 1971. (На груз. яз.)
567. **Цхадая П. А.** Топонимия горной Мегрелии. – Тбилиси, 1975 (автореф. канд. дис.).
568. **Елиава Гиви, Шенгелия Григол, Парулава Гиви.** Топонимика Чхороцкуйского района. – Тбилиси, 1983. (На груз. яз.)
569. **Трапш М. М.** Труды. Т. 4. – Сухуми, 1975.
570. **Цагаева А. Д.** Топонимия Северной Осетии. Ч. I. 1971.
571. **К–21.** Квартирная карта Абхазии 1843 года.
572. **К–22.** ЦГАА – карта итальянца Фредуча (1497 г.).
573. **К–15.** Карта «Иверская земля» (1743 г.). ЦГВИА.
574. **К–14,** см. К–8.
575. **Абрюцкий 2-й.** Статистический взгляд на Абхазию // Тифлисские ведомости. № 27–29, 1831.
576. **К–18.** Карта Черного моря в древности. Понт Эвксинский. Описи капитана-лейтенанта Е. Монганари (1828–1836). – Николаев, 1840.
577. **Амичба Г. А.** Новый Афон и его окрестности. – Сухуми, 1988.
578. **Хрестоматия по древнегрузинской литературе** // Сост. С. И. Кубанейшвили. Т. I. – Тбилиси, 1946.
579. **К–16.** Карта Исмаила Абульфеды (1331 г.).
580. **К–17,** см. К–5.
581. **К–19,** см. К–8.
582. **К–20.** Брульенная карта Абхазии (1813 г.). ЦГВИА.
583. **К–23.** Карта театра войны в Азии. Съёмки шт.-кап. Петрова, Андреевского и др. – Тифлис, 1845.
584. **Вахушти.** История Грузии // Картлис цховреба. Т. 4 – Тбилиси, 1973. (На груз. яз.)

585. Дадияни Н. История Грузии // СМОМПК. Вып. 35. – Тифлис, 1902.
586. Воронов Ю. Н. В мире архитектурных памятников Абхазии. – М., 1978.
587. Карла Серена. Путешествие по Абхазии. – М., 1999.
588. Журнал Министерства народного просвещения. Часть XVI. – СПб., 1837.
589. Джанашиа Н. С. Давайте работать // Сухумский вестник. № 99–100, 1915.
590. Шамба С. М. Монетное обращение на территории Абхазии (V в. до н. э. – XIII в. н. э.). – Тбилиси, 1987.
591. Шамба С. М. Гюнос – I. – Тбилиси, 1988.
592. Дзидзария О. П. Море и абхазы. Историко-лингвистический очерк. – Сухум, 2002.
593. Дзидзария О. П. Некоторые абхазизмы, представленные в картвельских языках // Современные проблемы кавказского языкознания и фольклористики. – Сухум, 2000.
594. Чирикба В. А. Баскские и северокавказские языки // Древняя Анатолия. – М., 1985.
595. Валерий Бигуаа. Вопросы традиционной религии и бытовой культуры абхазов. – Сухум, 2012.
596. Хонелия Р. А. Политические взаимоотношения Абхазского царства и Царства армянских Багратидов в IX–X веках // Автореферат кандидатской диссертации. – Ереван, 1967.
597. Чирикба В. А. Расселение абхазов и абазин в Турции // Джигетский сборник. Вып. I. – М., 2012.
598. Литература Древнего Дворечья // ИВЛ. Т. – М., 1983.
599. Гумба Г. Д. Аланы, асы и дигоры по «Ашхарацуицу» // Вестник Академии наук Абхазии, № 2. – Сухум, 2007.
600. Хонелия Р. А. Некоторые исторические и источниковедческие разыскания по истории Абхазии и абхазов по данным армянского историка X в. Иованнеса Драсханакертци... // Вестник Академии наук Абхазии, № 2. – Сухум, 2007.
601. Бердзенишвили Н., Джавахашвили И., Джанашиа С. История Грузии. Часть I. – Тбилиси, 1946.
602. Агрба И. Ш. Абхазо-аланские взаимосвязи в процессе

- христианизации (первая треть X в.) // Абхазоведение. – Сухум, 2007.
- 603. Иоани де Галонифонтибус.** Сведения о народах Кавказа (1404 г.) (из сочинения «Книга познания мира»). – Баку, 1980.
- 604. Гунба М. М.** Абхазия во II тысячелетии н. э. (XI–XIII вв.). – Сухум, 1999.
- 605. Лордкипанидзе М. Д.** История Грузии XI – начала XIII века. – Тбилиси, 1974.
- 606. Асохик.** Всеобщая история Степаноса Таронского, Асохика по прозванию, писателя XI столетия. – М., 1861.
- 607. Воронов Ю. Н.** Научные труды. Т. IV. – Сухум, 2014.
- 608. Челидзе Вахтанг.** Исторические хроники Грузии (XI–XII). – Тбилиси, 1988. (Перевод с грузинского А. Бешташвили.)
- 609. Мухелишвили Д. Л.** Из исторической географии Восточной Грузии. – Тбилиси, 1982.
- 610. Минорский В. Ф.** История Ширвана и Дербенда. – М., 1968.
- 611. Метревели Р. В.** Царица Тамар. – Тбилиси, 1991. (На груз. яз.)
- 612. История и восхваление венценосцев.** Пер. К. С. Кекелидзе. Изд-во АН ГССР. – Тбилиси, 1954.
- 613. История Грузии** (учебник). – Тбилиси, 1979.
- 614. Челеби Эв.** Книга путешествий // Записки Императорского Одесского общества истории и древностей. Т. IX-A. – Одесса, 1875.
- 615. Шакирбай Г. З.** Абхазские топонимы Большого Сочи. – Сухуми, 1978.
- 616. Чачхалиа Д. К.** Историческая топонимика Большого Сочи XIX века... // Джигетский сборник. Вып. I. – Москва, 2012.
- 617. Грузинская народная песня.** В трех томах. – Тб., 1960. (На груз. яз.)
- 618. История и восхваление венценосцев.** Издание К. Кекелидзе. – Тбилиси, 1941.
- 619. Хрестоматия древнегрузинской литературы.** Составитель – С. Каухчишвили. Т. II. – Тбилиси, 1949.

620. **Вахания О. В.** Абхазские народные игры. – Сухуми, 1959.
621. **Маан О. В.** Апсоара в социальных отношениях абхазов (XVIII – первая половина XIX века). – Сухум, 2012.
622. **Бердзенишвили М. М.** Границы грузинского государства в начале XIII века // Грузия в эпоху Руставели. – Тбилиси, 1966.
623. **Амичба Г. А.** Верховая езда абхазов. – Сухуми, 1978. (На абхаз. яз.)
624. **Маан О. В.** Культурно-этнические контакты абхазов в раннем средневековье. – Сухум, 2014.
625. **Аджинджал Е. К.** Церковь и государство: политика и суверенитет в Абхазии X в. // Актуальные проблемы истории народов Кавказа. – Сухум, 1996.
626. **Амиранашвили Ш. Я.** История грузинского искусства. Т. I. – Москва. 1950.
627. **Милованова Наталья.** Абхазия христианская. – Сухум, 2014.
628. **Грен А. Н.** Династия Багратидов в Армении // Журнал Министерства народного просвещения (ЖМНП). № 11, 1893.
629. **Мачавариани К. Д.** Корнет К. Ш. Лакербай. – Сухум, издательство ЦГП «Алпха».
630. **Мачавариани К. Д.** Некоторые черты из жизни абхазцев. Положение женщины в Абхазии // СМОМПК. Вып. IV. – Тифлис, 1884.
631. **Гожба Руслан.** К изучению обычного права и ораторского искусства у абхазов // Мосты. – Сухум, 1998.
632. **Марков Евг.** Очерки Кавказа. – СПб. – М., 1887.
633. **Леонид А.** Абхазия и ее христианские древности с картой абхазского приморского берега в пользу миссионерской абхазской школы. – М., 1887.
634. **Леквинадзе В. А.** Вислая печать Константина Абазгского // Мацне (Сообщ. АН Груз. ССР). Т. XVI. 5. – Тбилиси, 1955.
635. **Жордания Ф.** Хроники и другие материалы по истории Грузии. I. – Тб., 1893.
636. **Месхия Ш. А.** Дидгорская битва. – Тбилиси, 1972.
637. **Тодуа М.** Грузино-персидские этюды. III. – Тбилиси, 1979.

-
- 638. Капанадзе Д. Г.** Медная монета грузинского царя Давида, сына Георгия // Эпиграфика Востока. XII, 1958.
- 639. Капанадзе Д. Г.** Новый тип монеты Давида Строителя // Византийский временник (ВВ). Т. VIII. – М., 1956.
- 640. Бунятов З. М.** Грузия и Ширван в первой половине XII века // Грузия в эпоху Руставели. – Тбилиси, 1966.
- 641. Кедрин Г.** Георгика. V. – Тбилиси, 1963.
- 642. Асатиани Л. Ю.** К этимологии грузинских гидронимов RIONI I ARAGWI // Ономастика Кавказа. – Орджоникидзе, 1980.

УКАЗАТЕЛИ

Материалы абхазо-абазинской лексики

А

- аамста // аамыста 232, 358, 359,
365, 369
аамстар 369
аамстара 358, 365, 495
аамсташэара 365, 504
аамыстцэа 358
аанда 123
аара 33, 82, 375
аарцшра 376
аарыхра 44
ааха 373

Б

- аб 31, 38, 72, 85, 104, 105, 125,
126, 141
аба 38, 105, 125, 171
абаа 123, 257, 304, 306, 370,
438, 450
абаагэара 370
абаагэашэ 370
абаажэ 370
абаандастэра 370
абаандашы 370
абаандара 370

- абаарыпхра 370
абаахжэара 370
абаацых 370
абагэаза 375
абадихуа 105
абаза 2, 54, 55, 59, 60, 61, 62,
63, 65, 67, 85, 98, 119,
173, 200, 256, 270, 273,
276, 278, 279, 285, 307,
314, 315, 354, 355, 356,
374, 538, 545, 589
абара 82
абакта 377
абду 38, 103
абер 378
абжы 31
абжягара 367
абжяаказашэ 367
абжяаказара 367
абжяацаажэашэ 367
абжяацаажэара 367
абжяазра 373
абжягашэ 367
абжягара 367
абжягацэа 367
абза 76
абзабаа 379
абицара 42

абиашъа 38, 104
абиашъца 38
абирак 368
абналар 376
абша 41, 74, 159
абрагъ 376
абса 371
абхъа 38
абцара 46
абша 41, 74, 159
абцар 370, 371, 382
абыз 61
абызшъа 61
абымба 44
абырфын 44
абыста 45
баба 38, 78, 81
бабаду 38
башы // бшы 41

В

авба 377
авбара 377
авара 117

Г

ага 98, 117, 186, 374
агара 186, 187, 227, 260
агаза 366
агмыг 366
агмыгра 366
агха 376
агыруа 174, 182, 259, 362,
495

ГӘ

агуара 222, 260, 449
агуара ду 260
агуараанда 260
агуарата (агәарата) 260
агура 256
агәагъра 373
агәашара 126
агәашара 126
агәарц 123
агәарабжъара 260
агәарата 260
агәәанызаара 373
агәшара 376
агәрага 365
агәараргага 376
агәыц 369
агәыбган 377
агәыжъ 126
агәымшәа 373
агәыргәыр-ра 31
агәыргын 379
агәырцса 377

Г

ага 160, 363, 382
агар 363, 382, 495
агара 372
агарра 363, 382
агацәа 372
агба 374
агбашаха 375
аггара 375

ГЪ

агъыч 366, 376
агъычра 366, 376
агъырра 31

Д

адауарта 74, 376
адауауа 74, 376
адгылара 367
адгъылбжъаха 375
аджар (ацъар) 229
адикуан 378
адукъа 80
адхра 367
адтца 367
адцалара 367
адцара 367
адыд 31
адыд-ра 31
адыр 365
дадах 358, 409
даду 38

Ж

ажра 370
ажыга 39

ЖЪ

ажъагъырџага 124
ажъахъа 160
ажъи 160

ажъыра 160
ажъыракъ 160
ажъырныхъа 160

ЖӘ

ажәла 42, 356
ажәлантә 42
ажәлар 42, 43, 108, 356, 360
ажәлар реизара 43, 367
ажәџа 43
ажәџан 73
ажәцар
ажәцара 372
ажәылара 372
жәафыхы 369

З

азаандак 371
азаара 74
азар рашәа 369
азарашәа 507
азин 375
азинеилагара 375
азинхъара 375
азтцара 376
зкъыхы 369
зыкъыхы 369

З

аз 375
азаакәрылара 375

азааркэрылара 375
 азаахра, аркьарсианра 378
 азба 375, 382
 азбаара 126
 азбао 375, 376, 382
 азбара 375, 382
 азбарта 376
 азбатэ 376
 азбахэ 376
 азсао 375
 азсара 43, 375
 азхылара 375
 азхыцра 375
 азхыцырта 375
 азыцара // азырпара 172
 азыбжъаха 375
 азыбжъахала 375
 азыцгара 363, 375
 азыкэ 375
 азырга 365
 азышышыра 375

И

аиааира 153, 373
 аиара 76, 167
 аиаша 366
 аиашара 366
 аибапкара 326
 аибарцшра 506
 аибатира 377
 аибашьы 372
 аибашьра 43, 372
 аибашьцэа 372
 аибашьыга 370
 аибашьырта 105
 айҕкаао 367
 айҕкаара 367
 айҕыбаара 160
 аизара 367
 аизыказаашьа 367
 айкэшахатра 367
 айкэырхара 373
 аила 108, 109, 124, 363
 аилага 109
 аилагара 109, 376
 аилажъра 109
 аилажэра 109
 аилапса 109
 аилар 108, 109, 363
 аилартэара 160
 аилатэара, аилацэажэара 367
 аилахэыра 379
 аилахара 80
 аилазара 379
 аилыргара 376
 аимадара 359, 373, 382
 аимдара 376
 аимдарақэа 376
 аимтэара 372
 аинаалара 373
 аинкъара 373
 аисах 373
 айтахара 373
 аитныцсахлара 379
 аиха 160
 аихацгылара 506
 аихабы 105
 аихабыра 105, 361
 аицхыраара 506
 иахуа 105
 игэаҕыуацэоу 373
 ихакэитыу 378, 379

К

акакара 31
 акалра 157, 159
 аканџа 374
 аката 375
 акаџбеи 366
 акаџбеира 366
 акашәара 370
 акнаҳара 368
 акра 284, 375, 377
 акыдыршәыла 44
 камар 43, 141, 171, 228, 229, 374
 кыта 83, 163, 190, 205, 216,
 281, 442, 541

КӘ

акәалзкыаџ 371
 акәалзхылпа 371
 акәалзы, 157, 158 371
 акәылашы 372
 акуаала 158
 акуа-ра 158
 акушара 372
 кәалзы 157
 куараса 221

Қ

акыта 357, 495

ҚЪ

акъаадпара 379

акъақбашы 366
 акъар 379
 акъачақъ 368
 акъачақъра 368
 акъыра 380
 акъырсиан 378
 акъырсианра 378
 қъырса 378

ҚӘ

акәпәра 376
 акәитра 375
 акәнага 379
 акәны 44
 акәра 379
 акәхра 373
 акәылаш 43, 366, 372
 акәылар 43, 366, 372, 376
 акәымчра 368
 акәыршә 44
 акәыцьма 194
 акәызбара 377
 акәызра 368
 акәзаара 368

Ќ

акәма 371
 акыга 39
 аканчаазара 44

ҚЬ

акъала 366

КӘ

акәакәара 373
 акәыркәыр 366
 акәырча 370
 акәыш 365

Л

ала 31, 109, 124, 361, 363, 382, 441
 алаа 43, 361, 362, 363
 алаазара 47
 алабакьяшы 367
 алабашья 371
 алага 361, 362, 382
 алактаә 371
 аламыс // анамыс 365
 аламысда 366
 аламысдара 366
 аласа 44
 аласалых 44
 алахэыла 379
 алахыча 47
 алахынтца 77
 алахэара 367
 алашара 86, 445
 алашарба 375
 алеишэа 365
 алкаа 367
 алу 283, 363
 алурашэа 507
 алцха 378
 алыг 366
 алыпшаах 365
 алых 365, 367
 алыхеизара 367

лахыы 77
 лацарамза 46
 лаша 86, 256, 383, 384, 487

М

ам 31
 амаалыкь 378
 амаана 373
 амаат 379
 амадара 359, 367
 амазара 379, 383
 амакарра 373
 аманыза 371
 амар 43, 72, 141, 166, 228, 229, 374
 амара 72, 82, 166
 амарда 99
 амарцья 229
 амаха 125
 амахе 125
 амахагья 366
 амахэ 38
 аматц 362
 аматцушы 362, 495
 аматура зкәу 362
 амацэа 160
 амацэаз 160
 амаза 367
 амазаба 375, 382
 амазабаә 375, 382
 амазажэа 367
 амазаныкэгаә 367
 амазарах 376
 амдыр 366
 амза 79
 амҗеи 366
 амҗыш // амҗыша 106

амитə 366
 амла 31
 амџаџгаџ 369
 амџаџгара 369
 амџакра 372
 ампыџахалара 372
 амра 72, 79, 150, 151, 152, 166,
 209, 229, 450
 амрагылара 166
 амраныхџа 152
 амраташџара 167
 амри 366
 амсырџаад 70
 амуча 366
 амхра 367
 амхара 38, 39
 амхџыр 368
 амџаџаџџара 366
 амџхџ 379
 амџхџаџ 366
 амч 368, 372
 амчра 368, 372
 амчыџџџ 106, 107
 амшаџ 378
 амшаџышџт 378
 амшгаџ 366
 амшгара 366
 амшын 43, 117, 172, 374
 амшын ага 117
 амшынеисра 375
 амшынынџџара 43, 374
 амшынынрыџџ 374
 амшынуаа 374
 амшынуаџ 374
 амшынхџа 375
 амыр 151, 209
 мара 71, 72, 103, 167, 525
 марда 99, 445
 мчыла 368

мшаџы 378

Н

ан 31, 37, 38, 73, 77, 78, 79, 81,
 82, 99, 152, 388, 395, 516
 ана 31, 37
 анага 79, 365
 анаџџра 377
 анаџџа 82
 анан 78, 378
 нан, нана 37
 анана 37
 анан // нан 78
 анан ду // нанду 37, 38, 78
 ананамга 363
 нанах 358
 нанхџа 37, 46, 78, 152, 378
 анапхаџ 374
 анапхара 374
 анапхгара 361
 анапынџа 367
 анаџшџы 369
 анаџшра 369
 анбан 515, 516
 анду 38
 ани 31, 37
 анибарџџара 372
 анхаџы 108, 361, 362, 495
 анхаџы хыџџшы 108, 362, 495
 анхаџы џџџа 361
 анхаџыџџлар 356
 анхџа 38
 анџџа 38, 71, 77, 80, 152, 377,
 378, 421, 502, 503, 507
 анџџа иныџџара 379
 анџџа иныџџара, анџџаиныс 379
 анџџа рашџа 379

анцэаиныс 379
 анцэаихацафы 378
 антэара 373
 анцэатэра 378
 анцэахатара 378
 анцэахэы 378
 анцэахша 379
 аншьа 38
 аныкэцара 368
 аныкэара 37
 аныкэра 379
 анымха-хымтэа 363
 аныцс ныха 378
 аных 380, 434
 аныха 378, 434
 аныхацаа 378
 аныхабаа 378
 аныхра 380
 аныхэа 37, 77, 378
 аныхэара 37, 77
 аныхэарта 379
 аныхэапхьыз 379
 анышэ 37
 анышэара 367
 анышь 74, 374
 нан // нана 37
 нанах 358
 нанду 37, 38, 78
 нанду ду 37, 38
 нанхэа 37, 46, 78, 152, 378
 нацха 79

П

ап 63, 72
 апап 378
 апкага 39

апкара 43, 326, 372
 апра 228
 апсха, апсхара 334, 345
 апсу 76, 83, 84
 апсы 149, 247
 апсыла, апсыла 174, 184, 383
 270, 544

Ц

ац 127
 ацагъа 366
 ацара 172, 379
 ацаратра 379
 ацарды 371
 ацасашэа 61
 ацёыга 39
 ацкага 39
 ацкара 368
 ацкаракэа 368
 ацра 43, 371, 374, 382
 ацра 43
 ацрагба 374
 ацса (этноним) 54, 61, 69, 85,
 144, 270
 ацса (пихта) 32
 апса (пика) 371
 апса (цена) 379
 ацсаца 379
 ацсадгьыл 357
 ацсамшын 374
 ацсара 379
 ацсаса 47
 ацсахы 374
 ацсахра 374, 379
 ацсныжэлар 356
 ацсныхэша 127

апстыр, апстар 369
апсуа 60, 63, 67, 69, 83, 84,
144, 262, 354, 356, 359,
374, 384, 506, 545
апсуара 365
апсхәрашәа 507
апсха 203, 334, 345, 359, 360,
383, 545
апсхара 359, 360
апсшәахәара 365
ацсы 81, 149
ацсышәара 365
ацхамшья 366
ацхаста 380
ацхацара 372
ацхашьяа 366
ацхашьяра 366
ацхныга 39
ацхныга 39
ацхыкәра 368
ацхьягыла 360, 365, 369
ацхьазара 379
ацҕыга 39
ацш 74
ацш 46,347
ацша 31
ацша 31
ацшаара 376
ацшра 108, 360
ацшра 108
ацшыра 369
ацшырта 369
ацшыхәы 369
ацшыхәра 369
ацшь 195, 357
ацшья 378
ацшьяаы 378
ацшьяаыра 378
ацшьяра 378

ацшьятыц 378
ацшьяш // ацшьяша 106
ацыжәара 372
ацыза 43, 360, 369, 494
ацынгыла 372
ацынгылара 372
ацынзар 371
ацыра 371, 372, 382
ацырак 371, 372, 382
ацыракра 371
ацырга 379
ацыргара 379
ацырра 371, 382
ацырсал 375
ацыцшөы 369
ацыцшырта 369
цста 159
цсы 31, 76, 112, 175, 258

Р

ар 108, 124, 153, 163, 181, 360,
368, 369, 374, 394, 487,
516, 541
арац 126, 127
ара 82, 127
арагара 363
арахәаазара 44
арацәа 127
арацәарца 160
арга 43, 153, 154, 374
аргыккра 373
аркәыцәа 369
армәа 370
армчы 368
арпра 39
арпыга 39
арпыза 360

арра 43, 374
аррашәа 507
аррымәа 370
аруаа 368
аруаә 368
архәта 369
архәхара 379
архара 379
архәра 372, 376
аршәага 374
аршәара 373, 374
арәара 124
арцыза 369, 494
арпыс 391
арытәа 160
арыцха 363
арыцхара 363

С

аса 32, 371
асабша 106
асакара 126
асара 126
асра 32, 44
асырта 44
асырты 44
сабыш, цабыш 106
сарды 44

Т

аткәа 373
аткәара 373
атса 100, 159, 160
туахыбза 130

ТӘ

атәра 357
атәы 357, 362, 370, 495
атәы 362
атәыла 43, 108, 357, 372
атәыларбгара 43
атәылахычаә 369
атәым 368
атәымцъара 368
атәыра 43, 357

Т

аҭаара 33
аҭаацәа 33, 42
аҭакра 377
аҭакпхықәра 368
аҭара 42
аҭарнак 494
аҭархара 372
аҭарцәра 33, 373
аҭахара 372
аҭиира 374
аҭиитә 379
аҭиә 374
аҭиәы 379
аҭира 379
аҭыц 33
аҭыць 160
аҭзы 33
тамада 383
тацаагарашәа 507

ТӘ

аҭәара 160

У

ауаажәлар 356
 ауаахә 368
 ауалхәә 380
 ауаәра 365, 506
 ауаәшьра 376
 ауаәы 364, 365, 394, 507, 575
 аугә, ауыңә 45
 ауархал 44
 ауаса 126
 ауасаазара 47
 ауасахьча 47
 аужьра 377
 ауоу 507
 аура 82, 100, 364, 382
 аусбарта 368
 аушьтра 377
 уа, уаа 394, 539
 уаәцас 364
 уард 267

Ф

афлыка 374
 афы 72
 афырхата 373
 афырхатара 374

Х

ахага 366
 ахагара 366
 ахада 42, 360, 515
 ахадара 515
 ахазына 368

ахазынатра 368
 ахақәитра 368, 373
 ахақәцара 368
 хамыжә 73
 ахан 128, 368, 388
 ахантәаөы 367
 ахара 377
 ахарапса 380
 ахаратәра 377
 ахатәра 365
 ахатыңуаә 360
 ахахә, ахаху 33
 ахатца 373
 ахатцара 373, 506
 ахатцарашәа 507
 ахаш // ахаша 106
 ахашәала 362, 379, 495
 ахылаңшы 360
 ахыркы 150
 ахыркра 150
 ахеикәырхара 368
 ахәа 371
 ахылаңш (ахылаңшы) 360
 ахылаңшы 360, 494
 ахыргәгәарта 370
 ахысра 372
 ахыңхьазара 379
 ахыхьчара 373
 ахың 371
 ахыңи ахумпали 34
 ахышакәа 81
 ахкәа 82
 ахра 97
 ахра ашәа 507
 ахтыс 367
 ахы 42, 232, 277, 360, 371
 ахықәкы 367
 хага 79, 397
 хамыжә 73

хан 128, 199, 252, 256, 360,
388, 391, 409, 420, 439,
441, 463
ханга 79, 397
хатыц 71
хыри-хыц 34

ХӘ

ахә 379
ахәаахәтәы 379
ахәаахәтра 379
ахәаахәтцәа 499
ахәәҗра 375
ахәаш // ахәаша 106
ахәра 372
ахәрашәа 507
ахәрбггыц 372
ахәпса 379
ахәта 380
ахәтаа 380
ахәуәы 362
ахәура 362
ахәхәхәтра 379
ахәшьара 379
ахәыз 45
ахәымпал 371
ахәыч 45
ахәыштаара 33
хәта 73
хәыда 379

ХЬ

ахьажь 31
ахьпара 161

ахьацшра 108
ахьи 161, 233
ахьиира 161
ахьәеижь 161
ахьтәы 161
ахьхәра 377
ахьча 369, 452
ахьчаә 369
ахьчара 369
ахьы 71, 161
хьызрацара 43
ахьыматәа 161
ахьымзг 366
ахьыра 161
ахьырхәыц 161
ахьыртәатәа 161
ахьыршәыгә 161
ахьыпса 161
ахьыцшра 108, 362
ахьыцшы 108, 362, 363
ахьышьтра 108
ахьз 366, 507
ахьзы 161
ахьзыркра 161
ахьзыркы 161
хьызрацара 43

Х

ах 42, 71, 90, 108, 148, 203,
357, 358, 359, 361, 382,
430, 494, 526
аха 42, 115
ахабәа 41
ахаза 380
ахакыа 33
ахамта 358

аҳара 42, 361
 аҳарак 42
 аҳаса 100
 аҳақа 33
 аҳацха 33
 аҳаша 33
 аҳацшьяцера 42
 аҳацы 33
 аҳитэара 368
 аҳитэарта 368
 аҳитарнакца 494
 аҳкэажэ 358
 аҳкэажэду 358
 аҳмада // ҳамада 359
 аҳмадара 357
 аҳмыста 358
 аҳра 71, 357, 358
 аҳраду 358
 аҳтны 203, 358
 аҳтнырпар 358
 аҳты 90, 91, 203
 аҳца 82, 360, 494
 хабшы 159

ҲӘ

аҳәа 31
 аҳәа 371
 аҳәаа 373
 аҳәаада 373
 аҳәаанырца 373
 аҳәааркра 373
 аҳәаахча 369
 аҳәхәага 39
 аҳәынтқар 360
 аҳәынтқарра 360

аҳәыхә 31
 аҳәышәт 370

Ц

ац 32
 ацабыш // асабыш 106
 цабыш 106
 ацха 44
 ацеира 150
 ацкыатыц 378
 ацута 357
 ацха 44
 ацха 79
 цба 107
 цей-цей 150
 цихе 204, 370, 382, 450, 520
 цыр-цыр 150
 цыр-цыр 150
 цабыш 106, 107

ЦӘ

ацәа 31, 44
 ацәагәара 45
 ацәапәыга 366
 ацәгъа 376
 ацәгъара 376
 ацәгъаршы 366
 ацәгъаршра 366
 ацәгъаура 376
 ацәгъахәа 376
 ацәгъахәара 376
 ацәкәырпа 375
 ацәматәа 45
 ацәыз 375, 376

Ц

атцабырг 366
 атцара 364, 384
 атцартыша 376
 атцас 364, 382
 атцафа 173
 атахара 373
 атацгэы 45
 атыхра 376

ЦӘ

атцәгәара 45
 атцәхәа, атцәыхәа 45

Ч

ач 259, 383, 386
 ача 45, 46, 154
 ачаала 46
 ачагъа 46
 ачажәла 46
 ачаз 46
 ачакәа 46
 ачала 345, 383
 ачалаа 46
 ачалт 46
 ачара 46, 262, 364
 ачаргә 46
 ачарта // ачатра 46
 ачархәа 374
 ачархәара 374
 ачарз // ачарыц 46
 ачафага 46
 ачахра 46

ачачаб 46
 ачачра 46
 ачаць 46
 ачашә 46
 ачашыла 46
 ачгара 46, 378
 ачгахъа 378
 ачгъахъа 46
 ачеи-цъыка 46
 ачу 125
 ачха 46
 ачхәар 46
 ачхара 368, 506
 аччархә 366
 аччархәра 366
 ачымазара 383
 ачыс 46, 364
 чы 125, 388

Ч

ачапырхәа 44
 ачацшьа 369
 ачацшьара 369
 ачоу бызшәа 182, 262
 чрыху, чырыху 263

Ї

аѣаазара 47
 аѣага 39
 аѣаба 125
 аѣагашәа 507
 аѣада 125
 аѣафра 46
 аѣар 369

аҕар рашәа 369
 аҕаш // аҕаша 106
 аҕбыга // ачапыга 46
 аҕгәара 260
 аҕеи 365
 аҕеира 365
 аҕеңәа 229, 369
 аҕеңәа рашәа 507
 аҕы 160, 175, 229
 аҕыриашара 377
 аҕыуаа 369
 аҕыуаа 369
 аҕыхыча 47
 аҕыңга // аҕыңга 376
 ҕада 125

Җ

аҗагылара 372
 аҗаңгара 376
 аҗаргылара 376
 аҗата 39
 аҗатахыа 39, 379
 аҗырпштәы 366
 аҗырпшыга 366

Ш

аш 32, 44, 277, 390, 427
 ашаҕәа 81
 ашара 81, 378
 ашас 380
 ашаха 44
 ашахат 376
 ашахатра 376
 ашаңәа 378

ашашәа 44
 ашы 45
 ашлых 44
 ашра 81
 ашта 383
 ашхәа 43, 374
 ашхәар 43, 369, 374
 ашхәар рашәа 507
 ашхәатәарта 375
 ашшара 126
 ашы 45, 80, 81, 285
 ашың 32
 ашыпшбгың 368
 ашышра 368
 шамахамзар 380, 577

ШЬ

ашыа 32
 ашыакар 369
 ашыакаруаа 369
 ашыакадәара 372
 ашыакауаа 369
 ашыамака 47
 ашыамакаазара 47
 ашыанца 32
 ашыаныза 371
 ашыара 379
 ашыахага 373
 ашыклацшра 376
 ашыра 43, 105, 372
 ашыта 376
 ашытазааа 376
 ашытақәа 376
 ашыталара 376
 ашытра 108, 377
 ашыхаазара 44

ашьхар 186, 187
 ашьхара 126
 ашьхараа 186, 187
 ашьхарпы 114

ШӘ

ашәа́кыа 374
 ашәаныза 371
 ашәаы 374
 ашәара 374, 380
 ашәаргэында 374
 ашәарта 374
 ашәартара 374
 ашәатэы 380
 ашәахтэ 380
 ашәахыа // ашәахы 106
 а-шәи-шәи 31
 ашәи-шәи 31
 ашәкэы 132
 ашәырхы 369
 шәырхы 369

Ә

әәа
 әәатра 124
 әәаша // әәаш 106
 әәашыа 366
 әәны 128
 әәсара 115
 әәғы 371
 әәынтра 124
 әәытца 172

Ц

а́цыр 160
 а́цых 370
 а́цыз 158, 159, 160
 а́цымаазара 47
 а́цымагэара 260
 а́цымахыа 47
 а́цыуа 160
 а́цышыара 379
 цы́хи 63, 64, 370

Именной указатель

А

Абаев В. И. 126, 230, 560, 566
 Абаза 55, 56, 57, 59, 60, 66,
 139, 200, 220, 273, 393,
 398, 467
 Абазасдзе 398, 474
 Абазасдзе Чила 359
 Абакели 398
 Абакелия 398
 Абардзуаа 405

Абат 398, 399, 405
 Абатаа 405
 Аба́таа 398, 399
 Абаш 398, 446, 447, 586
 Абашидзе 398
 Абашишвили 398, 407
 Абашия 398
 Абдаа 398, 399
 Абдаладзе 399
 Абдиа 398, 399
 Абдиашвили 399

- Абдлаа 399
Абду // Абди 103
Абегян М. 565
Абесалашвили 399
Або 331, 346, 347, 501, 575
Абрас 399, 401
Абсирт, Апсирт 148, 149
Абугба 399
Абугу, 399
Абук 399
Абукашвили 399
Абук-ипа 399
Абуладзе 399
Абуласан 485, 575
Абуласан Иобисдзе 575
Абуль-Касим 340
Абу-Садж 340
Абутидзе 399
Абухба 399
Абхадзе // Апхадзе 399
Абхазава 393, 399
Абхазури 393, 399
Абхази // Апхази 399
Абхазишвили 393, 399
Абхаидзе // Апхаидзе 399
Абшиладзе 399
Абыгу 399
Абыдба 398, 399
Абысал 399
Абыта 398, 399, 405
Авдиев В. И. 559
Аверкьев И. 557
Авидзба А. Ф. 23, 568
Авидзба В. Ш. 26
Авраам 85
Агатангелос 254, 573
Агафий 289, 292, 293, 571
Агигаа 399, 407
Агрба В. Б. 26
Агрба И. Ш. 579
Агсабадзе 399
Агуажба Р. Х. 24, 26, 568, 574
Агуса 399
Агусаба, Агуасба 399
Адарнас 338, 339
Адеишвили 399
Адерк 196
Аджинджал Е. К. 23, 535, 553, 573, 578, 581
Аджинджал И. А. 7
Адонц Н. 261, 565
Адриан 264, 286, 313, 350
Азарталы 112
Азиру 103, 104, 109, 110, 112
Азо 191, 192, 205, 206, 207, 208, 213
Азон 205, 206, 207
Аиба 399, 541
Аимхаа 400, 412
Аимхээр 400
Аир // Аираа 144
Ак, Акаа, Акаба 400, 412
Акаба Л. Х. 8, 151, 562
Акабадзе 400
Акаладзе 400
Акал-ипа 400, 413
Акалцба 413
Акауба // Акоюба, Акауа, Кауа 400
Акашба // Акшба 414
Акка 83
Акобидзе 400
Акобия 400
Акуадзба 416
Ақаџба 414
Алавидзе 400

- Алда 433, 473, 474, 475, 520
 Александр Македонский 191, 192, 205, 206, 207
 Александр Широкоград 17, 461, 573
 Алексеева Е. П. 11, 550
 Алексей Комнин 485, 486, 489
 Ал-Идриси 282
 Алоу 282, 400, 418
 Алп-Арслан 476, 477
 Амаан // Маан 400, 419
 Аманели 400, 420
 Аманелисдзе 400, 420
 Амиран 151, 152
 Амиранашвили Ш. Я. 525, 581
 Амичба В. А. 9
 Амичба Г. А. 9, 23, 384, 385, 434, 505, 553, 558, 573, 577, 578, 581
 Амичба С. А. 9, 557
 Аммиан Марцелин 195
 Ан, Ануа, Анруа 400
 Ананаа 400, 452
 Ананеишвили 400
 Анастасий 294, 295
 Анда 400
 Андреев Ю. В. 561
 Андрей Боголюбский 455
 Андриадзе, Андрибава 400
 Аниттас 94
 Анос 332, 333
 Антадзе, Антия 400
 Антиох 208
 Антоний Сагиридзе 483
 Ант, Антеиаа, Антеиба 400
 Ануа 39, 400
 Ануашвили 400
 Анхиал 244, 246, 247
 Анчаа 247
 Анчабадзе З. В. 8, 10, 18, 20, 34, 37, 42, 146, 148, 149, 170, 222, 226, 550, 551, 562, 572
 Анчабадзе Ю. Д. 24
 Анчабадзе, Анчапидзе, Анчпадзе 400
 Анчба 247
 Аншба А. А. 9
 Апакиа 400, 401
 Апакидзе А. 197, 401, 565
 Аполлоний Родосский 177, 178, 180, 185
 Аппиан 196, 212, 230
 Апраксидзе 401
 Апса 401, 405, 422
 Апсандзе 393, 401
 Апсандзе // Абсандзе 393, 401
 Апсирт 148, 149, 387, 432
 Апсоа-ипа 393, 401
 Апсха 194, 209, 359, 451, 507
 Апхазова 399
 Апшилава 393, 401
 Апшиладзе 401
 Апшилашвили 401
 Апагъаа 398, 400, 401
 Апагъа-ипа 400
 Апагъаиа 398, 400, 401
 Апакъаиа 398, 400, 401
 Апсоа 577
 Апсха 108, 345, 360, 383, 493, 526, 527
 Апсха Чала 345, 527
 Ар 401, 422, 507
 Ара 92, 117, 401, 422
 Аран // Арин // Арын (Арын-ба, Арын-ба) 102

- Арашидзе 401
Арбели 401
Арбидзе 401
Аргишти 138, 139, 540
Аргун Р. О. 337
Аргун Ю. Г. 9
Ард 199, 401, 402, 422
Арда 401
Ардава 401
Ардавадзе 401
Ардауа 401
Ардба 401
Ардзинба В. Г. 9, 10, 52, 86,
538, 555, 558, 567, 574
Ардзинба Х. 26
Арешидзе 401
Арешисдзе 401
Аристава Ш. К. 24
Аристакес Ластивертский 530
Аристарх 238
Аристотель 225, 230
Арихуа (Арихэа) 401
Арканджело Ламберти 5, 185,
222, 223, 549
Арриан (Флавий) 154, 177, 223,
225, 243, 245, 271, 285,
313, 572
Арт (Арт) 401
Артба 401
Артбеладзе, Артмеладзе 402
Артемидор 230
Артмеладзес 402
Арток 212
Арухадзе 402
Архвадзе 402
Архимандрит Леонид 509
Архуа 401, 402, 422
Архуадзе 402
Арчаа 402, 448
Арчава 402
Арчавадзе, Арчевадзе,
Арчвадзе 402
Арчер В. 577
Арчил 13, 312, 319, 320, 321,
322, 323, 324, 519
Арчуа 402, 422, 448
Арчы 402
Арш 393, 401, 402, 453
Аршак 212
Аршба 401, 402
Аршба Н. В. 9, 25
Аршисдзе 343, 393, 402
Арын 102
Арыхуаа 401
Арыш 393, 401, 402, 453
Арышиани 402
Асаба 402
Асабашвили 402
Асабуа 402
Асабуашвили 402
Асанбадзе 402
Асанидзе 402
Асатиани Л. Ю. 582
Асланбей 57
Асохик 340, 464, 468, 469, 580
Аспанели 192, 208
Асыкутар 402
Асыкутараа 402, 425
Аталиков В. М. 562
Атеи (Аҭеи) 402
Атеишвили 399
Атрак 480
Аҭеиаа 399, 402
Аҭеиба 402
Аубла 101, 194, 196, 203, 209,
212, 399, 402, 408, 527

- Аублаа 399, 402
Афанасьева В. К. 570
Ах(а)ба 402
Аха 70, 71, 231, 232, 233, 277, 402
Ахаа 277, 402
Ахабадзе 402
Ахавадзе 402
Ахба 231, 402
Ахбая 402
Ахобадзе 402
Ахобая 402
Ахоуаа 402, 423, 424
Ахуаа (Ахэаа) 403
Ахуашвили 403
Ахуба (Ахэба) 403
Ач 99, 247, 259, 261, 316, 325, 386, 387, 396, 397, 400, 403, 414, 418, 421, 427, 439, 443, 449, 526, 527
Ачба 101, 247, 252, 259, 392, 396, 397, 401, 403, 418, 427, 439, 452
Ачу 429
Ачуа 403, 429
Ачуаа 429
Ачуадзе 403
Ачугба Т. А. 10, 22, 24, 26, 550, 552, 567, 568,
Ачха 526, 527
Ачыгуба // Ачыкуба 429
Аш И. К. 56
Аше 252, 277, 278, 316, 386, 428, 527
Ашот II Ергат 496
Ашот Багратуни 338
Ашот Железный 341
Ашот Куропалат 335, 343, 464, 519, 520
Ашхацава С. М. 7, 459, 499, 513, 550
Ашардан 406
Аяш 91
- Б**
- Баалоу 395, 403, 405
Баароу 274
Бабал 403, 404
Бабалия 403
Бабана 403
Бабанишвили 403
Бабил 403, 404
Бабилава 403
Бабилашвили 403
Баблиа 403
Баблидзе 404
Баблуа 403
Баблуани 404
Бабоко 404
Бабоу 404, 405
Бабукашвили 404
Бабуташвили 404
Бабутидзе 404
Бабуцидзе 404
Бабыгу 259, 404
Бабыку (Бабыкы) 404
Бабыт 404
Бабыуа 404
Бабыуаа 404
Бабыца 404
Баг 278, 392, 404, 405, 422, 448
Багаа 278, 404, 448
Баг-ба 404

- Багбая 404
Багваши 391, 392, 404, 418, 422, 467, 474, 475
Багваши // Багаш 404
Багваши 338, 404, 475
Багишвили 405
Баграа 404
Баграат II Регвени 465
Баграат II, (Баграат III) 331, 333, 345, 456, 470, 504, 520, 524, 529, 530, 547
Баграат III 16, 17, 331, 333, 456, 465, 469, 470, 471, 472, 473, 524, 529, 531, 532, 546
Баграат IV 520, 521, 532
Багу 405, 406
Багуа 405, 406
Багуаа 405
Багушвили 405
Баж (Бажә) 405
Бажа 405
Бажаа (Бажәаа) 405
Баз 99, 307, 405
База 405
Бакатар 339
Бакрадзе Д. М. 16, 111, 559
Бакур 332
Бала 405
Балавадзе // Баловадзе 405
Балуа 405
Балуквадзе // Болуквадзе 405
Барака (Баракаа) 405
Баракадзе 405
Баракаи (Баракааи) 405
Барас 399
Бараташвили 391, 397, 398, 405, 407, 502, 575
Бардавелидзе В. В. 558
Бардзаа 201, 405
Бардзан 405
Бардзанидзе 405
Бардзания 405
Бардзба 405
Бардзы (Барзы) 405
Барнук 256, 269, 295
Бартом 196, 212
Барчан 388, 419, 420
Барчы 388, 419
Басария С. П. 6, 384, 549
Басил 256, 405
Басиладзе 405
Басилба 405
Басилба-й, Башилбай 405
Батишвили 405
Бах (Баҭ) 404
Бахба (Баҭ-ба) 404
Бахбава 404
Бахбая 404
Баюн Л. С. 560
Бгажба О. Х. 9, 10, 24, 26, 349, 561, 565, 568, 569, 576
Бгажба Х. С. 8, 9, 19, 61, 200, 385, 433, 434, 461 552, 556, 557, 571, 557
Бганба В. М. 25, 63, 385, 557
Белл Дж. 56, 278, 279
Бер 405
Берадзе 405
Берая 405
Бердзенишвили К. И. 62
Бердзенишвили Н. А. 7, 202, 390, 579
Берже А. 278
Берзек 388, 420
Беридзе 405, 566

Берия 18, 405
Бернштам А. Н. 572
Бесс 301
Бесс 301
Бжания В. В. 9, 36, 555
Бжания Ц. Н. 9, 561
Бигуаа В. А. 23, 163, 553
Бигуаа В. Л. 11, 80, 81, 550
Бижев А. Х. 563
Бирдж 405, 406
Блуаа 405
Блуашвили 405
Бобуа 404, 405
Бобуадзе 405
Боденштедт Фридрих 569
Болотов В. 349
Болтунова А. И. 577
Борена 521
Боуда К. 52
Бриллиантов А. 573
Броневский С. 6, 56, 549
Броссе М. 14, 329, 409, 457, 465, 511
Брунф 348
Буаа 406
Буава 406
Буадзе 406
Буачидзе 406
Буга 336
Бугба 399, 405
Бугушвили 405, 406
Букия 399, 404
Бунак В. В. 31, 554
Бунятов З. М. 582
Бурчуладзе 388, 406
Бутба В. Ф. 23, 329, 553
Быгу 405, 406
Бырдж 201, 202, 405, 406

Бырдзба 405
Бырдзы 274, 405
Бырчыл 505

В

Вардан (Փարдан) 176, 247, 248, 284, 285, 389, 395, 396, 398, 406, 420, 477, 481, 484
Варданисдзе 389, 406
Варданишвили 406
Василий Абасг 504
Василий (император) 469, 472, 473, 504, 512, 529
Вахания О. В. 497, 581
Вахвахишвили 406
Вахох 406, 424
Вахтанг VI 13, 14, 15
Вахтанг Горгасал 266, 289
Вахтанг Гургаслан 15
Вахушти 6, 14, 15, 16, 20, 262, 321, 327, 328, 329, 330, 331, 335, 338, 346, 397, 409, 435, 436, 437, 438, 456, 457, 465, 472, 492, 498, 501, 549, 575, 576, 578
Введенский А. Н. 278, 572
Вейнберг И. П. 558
Весконт 285
Ветров А. А. 554
Виктор Лангуа 24, 461
Вильхельм Гернот 558
Возба 256, 423
Волкова Н. Г. 567
Волкова Н. Г. 567, 574

Воробьев Н. 7, 549
Воронов П. 6, 551
Воронов Ю. Н. 9, 22, 27, 226,
274, 304, 322, 340, 436,
478, 491, 492, 552, 565,
569, 579, 580
Ворошилов В. И. 23, 231, 279,
361, 317, 553

Г

Габа 406
Габадзе 406
Габраа 406
Габрава 406
Габри-ипа 406
Габуния З. М. 25, 567
Гаг 406
Гаги 406
Гагиаа 406
Гагиладзе 406
Гагошидзе 406
Гагуа 406
Гамахария В. 19, 440, 552
Гамба 56, 569
Гамба Жан Франсуа 569
Гамкрелидзе Т. В. 62, 124, 557
Гамрекели В. 567
Ган. К. Ф. 561
Гардапхадзе 406
Гванадзе 407
Гврителишвили Д. В. 407, 575
Гекатей Милетский 170, 171,
173, 174, 176, 196, 215,
218, 219, 221
Гелланик 215, 216, 224
Гельгамеш 81

Генаба 228
Генараа ркуара 228
Генараа рзыхь 228
Генко А. Н. 12, 59, 231, 551,
563, 577
Георгиев В. 52, 122
Георгий (сафарбей) 57
Георгий II 342, 343, 439, 477,
502, 521, 522, 524, 529
Георгий III 472, 520, 522, 524,
534
Георгий IV 521, 532
Георгий V 522, 534
Георгий Абазг 504
Георгий Агцепский 337, 434
Георгий Агцупский 337, 391,
527
Георгий Мерчуле 18, 19, 505,
551, 552
Георгий Чачба 57
Гераклид 224, 225
Герберштейн С. 55, 569
Гергадзе 407
Германоизишвили 397, 407
Геродиан 240, 271
Геродот 44, 69, 110, 111, 156,
158, 169, 170, 171, 174,
177, 179, 184, 191, 198,
217, 218, 223
Гецадзе 407
Геч 98, 284, 396, 398, 405, 407,
412, 413, 414, 418, 422
Гечаа 407, 418
Гечба 396, 397, 398, 405, 407,
412, 413, 414, 422, 502
Гиач 284, 396, 398, 405, 407,
412, 413, 414, 418, 422
Гиачба // Гечба 396, 398, 405,

- 407, 412, 413, 414, 422
Гигаа (Гыигаа) 407
Гигава 399, 407
Гигаури 407
Гигашвили 407
Гиоргадзе Г. Г. 52, 556
Гиппократ (Иппократ) 174,
184, 270 195, 543
Гицба Т. Ш. 23, 272, 317, 553,
568
Глейе А. 67, 91, 131, 263, 264,
537 561
Глонти А. А. 431, 578
Гогия Б. 19, 440, 552
Гоглойти Ю. Г. 193
Гогошидзе 406
Гогуадзе 407
Гогуш 406, 407
Гогушвили 407
Гожба Руслан 569, 581
Гозар 332, 333
Гомер 145, 561, 562
Гонглибасдзе 407
Гонория III 491
Гоов 223
Гордадзе Торнике 19, 552
Гордезиани Р. В. 431, 558
Госташабишвили 397, 407
Готуадзе 407
Гоу 223
Гочава 407
Грамматик Абазг 504
Грен А. Н. 69, 91, 581
Григол Кахетинский 335
Григол Орбелиани 335, 496,
497
Григолия Константин 551
Гуагу 407
Гуагуа 407
Гуагуш (Гэагэышь) 407
Гуана 407, 443
Гуача 408
Гуачаа 408
Гуачуа // Гочуа // Гучуа 408
Губа 253, 255, 258, 387, 408
Губаа 58, 255, 387, 408
Губадзе 255, 408
Губаз 251, 255, 256, 265, 266,
268, 290, 387, 408, 545
Губаз I 256, 387, 408
Губаз II 256, 268, 290, 292,
387, 408
Губза 387, 408
Губзы 387
Губла 101, 104, 132, 408, 424
Гублия Р. К. 9, 25, 370, 555,
557, 577
Гуда 394, 408, 445
Гудаа 287, 408, 445, 501
Гудава 394, 408
Гудавадзе 408
Гудадзе 408
Гулардава 165
Гулария 165
Гули 395, 408
Гулиа Д. И. 7, 11, 69, 70, 71,
74, 91, 111, 148, 149, 186,
203, 221, 222, 226, 227,
263, 264, 385, 432, 550
Гулиашвили 408
Гум 98, 408, 437
Гумаа (Агумаа) 408
Гумба 228, 408
Гумба Г. Д. 2, 23, 26, 188, 197,
240, 254, 255, 321, 561,
565, 566, 579

Гумбадзе 408
 Гумбараа 408
 Гумбаридзе 408
 Гумбовы 408
 Гунба М. М. 8, 9, 272, 288, 321,
 323, 324, 325, 335, 348,
 461, 551, 551, 580
 Гурандухт 321, 324, 344, 345,
 463, 464, 465, 466, 467,
 470, 473, 476, 519, 520
 Гурген 267, 338, 339, 342, 465,
 467, 469
 Гурундухт 480
 Гурцкая А. 26
 Гухашвили 417
 Гуч 407, 408
 Гуча 407, 408
 Гучуашвили 408
 Гуыда 408
 Гыц 407, 408
 Гыцаа 407, 408
 Гыцба 408
 Гьаргаа (Гьаргьаа) 408
 Гюльденштедт 6, 55, 59, 564,
 569
 Гяргя (Гьаргьа) 408

Д

Давид IV (Строитель) 381,
 391, 427, 479, 481, 486,
 521, 531, 532, 533, 534
 Давид Куропалат 463, 464,
 465, 466, 467, 469
 Давид Нарин 492, 547
 Давид Сослан 486, 490
 Давид Улу 492
 Дад 389, 391, 408, 409, 411
 Дада 389, 408, 409
 Дадашь 408, 409, 410
 Дадиан 389, 391, 409, 440, 491
 Дадиани 388, 389, 409, 420,
 436, 440, 441, 579
 Дадиани Н. 579
 Дадишкелиани 410
 Дадышь 409, 410
 Дамназ 251, 255
 Данилова Е. Н. 11, 550
 Дараха 410
 Дарахвели 410
 Дарахвелидзе 410
 Дарахуа 410
 Дарахуаа 410
 Дардан 492
 Дасания Д. 385, 575
 Дгебадзе 410
 Дгебуадзе 410
 Дгеиба 410
 Делаа 410, 411
 Делба 410, 411
 Делисле 56, 435
 Делы 410, 411
 Деметра 332
 Демна 482, 483
 Державин Н. С. 555
 Державин Н. С. 555
 Джаа 410
 Джабава 410
 Джабели 410
 Джабуа 410
 Джавахишвили И. А. 7, 62, 88,
 91, 131, 146, 148, 170,
 188, 198, 340, 431, 562,
 565, 571
 Джамит (Цьамыт) 410

- Джанашвили М. Г. 146, 148, 562
 Джанашиа Н. С. 7, 20, 62, 91, 226, 240, 261, 556, 558, 579
 Джанашиа С. Н. 7, 20, 62, 265, 273, 304, 321, 331, 348, 384, 385, 386, 388, 396, 397, 407, 430, 431, 452, 454, 461, 509, 563, 571, 572, 575
 Джапуа З. Д. 9, 26
 Джафар 475
 Джафаров Ю. Р. 573
 Джахадзе 410
 Джахая 410
 Джахуа 410, 427
 Джелал-ед-дин 491, 535
 Джеррах ибн Абдуллах 311
 Джибладзе 410
 Джинджаладзе 410
 Джинджараа 410, 411
 Джинджарадзе 410
 Джинджи (Цыңцы) 410
 Джинджолава 410
 Джомидава 411, 575
 Джонуа Б. Г. 24, 554, 566, 577
 Джуаншер 311, 318, 322, 326, 333, 434, 437, 566
 Джулухидзе Г. 20
 Джумутя 411
 Джынджал (Цыңцал) 410
 Джынджалаа (Цыңцалаа) 410
 Джынджба (Цыңцба) 410
 Джынджуа (Цыңцуа) 410
 Джьамытаа (Цьамытаа) // Чамытаа 410
 Дзадз (Заз) 411
 Дзадза (Заза) 411
 Дзадзаа 411
 Дзадз-уа (Зазуа) 411
 Дзадзуашвили 411
 Дзадзыра (Зазыра) 411
 Запаш (Зацшь) 411
 Запашаа 411
 Запашба (Зацшьаа, Зацшьба) 411
 Дзари (Зари) 411
 Дзариа (Зари-а) // Дзидзариа (Зизариа) 411
 Дзаридзе 411
 Дздзари (Ззари) 411
 Дзе-р 411
 Дзидзария Г. А. 8, 10, 549, 550, 556, 562, 574
 Дзидзария О. П. 25, 26, 554, 556, 577, 579
 Дзидзигури Ш. В. 558, 576
 Дзиндзибадзе 411
 Дзодзуашвили 411
 Дзыга (Зыга) 411
 Дзыгуа (Зыгуа) 411
 Дидебашвили 411
 Дидибадзе 411
 Димитрий 332, 333
 Диоген 230
 Диодор Сицилийский 154, 165, 225, 230
 Дионисий 155, 226, 229, 230, 231
 Дионисий Периегет 155, 165, 226, 230 231
 Дирр 93, 570, 574
 Дмитрий 336, 344, 345, 462, 463, 473, 474, 481, 482, 534

Дмитрий II 336
 Дмитрий III 344, 463
 Дмитрий IV 534
 Дол 410
 Долбадзе 411
 Долидзе 411
 Доргодел 477
 Дорофей (Дбар) 23, 553, 568, 571
 Досифей 223, 332, 513
 Драчук В. 560
 Думаа 411
 Дум-ба 411
 Думбадзе 411
 Дунаевский И. М. 52, 88, 558
 Дыд 411
 Дыдын 411
 Дьяконов И. М. 52, 87, 88, 91, 93, 98, 104, 113, 131, 166, 170, 178, 180, 197, 431, 556, 558, 559, 561, 565, 570
 Дюбуа де Монпере 6, 222, 433, 549

Е

Ебралидзе 411
 Евнапия (Евагрия) 301
 Евстафий 155, 165, 181, 296, 312, 354
 Евфимий Ивер 504
 Евфрат 67, 100, 101, 113, 116, 121, 127, 128, 129, 131, 139, 300, 308, 510, 537, 539
 Еджы (Ецъы) 411

Ейба 399
 Елена 474, 521
 Елиава Гиви 578
 Ельницкий Л. А. 562, 567
 Емухвари 400, 412
 Емхаа 400, 412
 Еник 412
 Енукидзе 412
 Енукой 412
 Енык 412
 Еныкъаа 412
 Епифан Константинопольский 309
 Еремян С. Т. 566, 572
 Ефрем Мцири 504
 Еш (Эш) 412
 Ешаа // Иашаа 412
 Ешба // Иашба 412

Ж

Жан де Люк 185, 565
 Жванаа (Жэанаа) 412
 Жванба (Ажэанба) 412
 Жваны (Жэаны) 412
 Жордания Ф. 398
 Жъанта 412

З

Загошвили 412
 Закарейшвили П. 21
 Замназ 251, 255
 Замятнин С. Н. 7, 27, 554
 Занта 412
 Зантарадзе 412

- Зантарая 412
 Зантария 412
 Зата 412
 Затейшвили С. Г. 573
 Зауа 138, 412, 540
 Званба С. Т. 6, 549
 Зепискуа 412
 Зепишвили 412
 Зимарх 293
 Зинаида Рихтер 509
 Зоу 138, 412, 540
 Зоуаа 412
 Зоурым 83
 Зурабишвили 398, 407, 412
 Зухба С. Л. 9, 151, 576
 Зыцарь Ю. В. 52

И

- Иакут (Якут) 147
 Иаралишвили 398, 407, 412
 Иашвили 412
 Ибн-ал-Асир 481
 Иванэ Абазас-дзе 392, 494
 Иванов В. В. 124, 560
 Иванэ Марушис-дзе 463, 464
 Изяслав II 521
 Илиава Г. 446
 Инадзе М. П. 62, 156, 188, 226, 271, 561, 563, 571
 Инал-ипа 412
 Инал-ипа Ш. Д. 8, 9, 22, 42, 51, 52, 62, 63, 88, 92, 102, 114, 116, 122, 130, 131, 140, 141, 146, 147, 148, 149, 151, 155, 161, 170, 178, 186, 187, 194, 221, 222, 226, 231, 232, 233, 251, 252, 253, 255, 259, 274, 277, 279, 290, 302, 304, 317, 356, 357, 358, 360, 384, 385, 386, 387, 389, 393, 394, 395, 431, 432, 444, 448, 449, 450, 461, 495, 498, 505, 512, 513, 527, 537, 539, 542, 550, 552, 555, 556, 560, 563, 567, 571, 576
 Иналискуа 412
 Иналишвили 412
 Ингороква П. 18, 19, 20, 62, 187, 198, 199, 200, 220, 227, 250, 261, 326, 347, 349, 437, 450, 471, 551, 552
 Иоане Сабанисдзе 346, 347
 Иоане Шавлиани 337
 Иоанн 291, 303, 325, 326, 333, 344, 463, 466, 469, 473, 501, 504, 512, 580
 Иоанн Златоуст 299
 Иоанн Петрици 504
 Иоанн Шильтбергер 512
 Иоване 55, 416, 466
 Иоване де Галонифонтибус 55
 Иованнес Драсханакерти 496
 Иованнес Драсханакертци 458, 579
 Ионова С. Х. 25, 554, 571
 Иотамишвили 398, 407, 412
 Ираклий 242, 269, 294, 308
 Ирина 333, 334
 Ирку А. 102, 132
 Исмаила Абульфеды 435, 578

Иствинэ 332
Исхак бен Исмаил 336
Итакси 310

К

Кабадзе 412
Кабаиа 412
Кабарда Тамбиев 285
Кабах 412
Кабахь 412, 415
Кабба 413
Кабуладзе 412
Кавадзе 412
Кавтаришвили 398, 407, 413
Каджипаисдзе 413
Кадыр Натхо 572
Казан 413
Казанадзе 413
Казанба 413
Казандба 413
Кака 394, 413
Какаа 394, 413
Какаба // Какуабиа // Какоба 413
Какабадзе 413
Какава 394, 413
Какашвили 413
Каку 413
Какуаа 413
Какуба 413
Какубаа 413
Какубава 413
Какубери 413
Кал 400, 413
Калаа, 400, 413
Каладзе 413

Калгъы, Колгъы 161
Калдиани М. 437
Кал-ипа 400, 413
Каллимах 175
Камушадзе 413
Камыш 413
Камышьяа 413
Канджария В. Х. 351, 511
Канчаели 413, 414
Кап 413
Капа (Қап, Қапа) 413
Капаа 413
Кападзе 413
Капанадзе Д. Г. 582
Капарук 295
Капба (Қапба) 413
Капланишвили 398, 407, 413
Капш (Қапшь) 413
Капшадзе 413
Капшба 413
Капшьяа 413
Кар 92, 413
Караа 413
Карабущенко П. Л. 13, 461
Карашвили 413
Карая 413
Карба 413
Карла Серена 322
Картам 195, 196, 212
Касландзия В. А. 24, 553, 559
Кассий Дион 238
Касумова С. Ю. 306, 307
Каухчишвили С. Г. 7, 165, 215, 265, 566, 571
Каухчишвили Т. С. 562
Кахидзе М. 20
Кац 413, 414
Кацадзе 414

- Кацба 413, 414
Кацв (Қацә) 414
Кацваа (Қацәа-аа) 414
Кацвба (Қацәба) 414
Кацобашвили 414
Кацы 413, 414
Кач 413, 414
Кача 413, 414
Кача 414
Качабаа (Қачабаа) 414
Качабава 414
Качаели 414
Качба 414
Качеишвили 414
Качибадзе 396, 397, 414
Качибасдзе 391, 397, 414
Качибая 407, 414
Каш 414, 422
Кашабадзе 414
Кашба 414, 422
Кашибадзе 414
Кашибая 414
Кашмаридзе 414
Кашуа 414
Кашуашвили 414
Кашуба 414, 422
Каю (Қаә) 414
Каюба (Қаәба) 414
Квабулисдзе 414, 416
Квадзадзе 414
Кварчия В. Е. 550, 553, 555,
556, 565, 566, 567, 571,
577
Квирикашвили 414
Квирик 340, 343, 344, 472,
476, 520, 521
Квирквелия 414, 417
Квиркия 414
Кебадзе 414
Кедрин 582
Кекелидзе К. 347, 384
Келешбей Чачба 57
Керам К. 559
Кехир 175
Кечакмадзе Н. 272
Киач (Қъач) 418
Киачаа (Қъачаа) 418
Киачба, Киачуа (Қъачуа) 418
Киачели 414
Кик 414, 415
Кикаа 414, 415
Кикаба // Кикба 414, 415
Кикабидзе 415
Кикава 414, 415
Кикадзе 415
Кикураа 414, 415
Кил (Қыыл) 415
Килаа 415
Киладзе 415
Кил-ба 415
Килба Э. К.
Килбая 415
Кил-дзы 415
Киндза // Кинца 102
Киндзе (Кинза) 415
Кинцурашвили 415
Кинцыр 415
Кип 415
Кипал 415
Кипиани 415
Кипш 415
Кипшба 415
Кипшидзе 415
Кипший 415
Кирт 415, 417
Киртадзе 415

- Киртбая 415
Кисслинг 170, 214, 231, 244,
246, 247, 249, 250, 253
Кичма // Кишма 414, 415
Кичмай 278, 415
Кичмаридзе 415
Кишмария 415
Кишмахов М. Х. 24, 129, 274,
570
Кишмахуа 415
Клавдий Птолемей 217, 218,
230
Клапрот Ю. 6
Климов Г. А. 556, 569
Клычев Р. Н. 564
Кмыш 413
Кобаладзе 415
Кобалиа 139, 415
Кобанра 416
Кобахидзе 415
Кобахия 415
Кобулашвили 415
Кожин В. В. 576
Коидзе 415
Коков Дж. Н. 102, 107, 283,
385, 559, 564
Колба 161
Колбая 161
Колдани М. 437
Комушадзе 413
Конджария В. Х. 9
Коновалова И. Г. 282, 572
Константин II 311, 333, 334,
528
Константин III 339, 341, 342,
502, 522, 530
Константин V 311, 333, 334
Константин VI 334
Константин Абазгский 511,
526
Константин Багрянородный
348, 350, 351
Копалиани 139, 415
Копсергенова Валентина 570
Корнели Тацит 142, 147
Косвен М. О. 555
Кота 407, 415
Котба 415
Котуа // Кодуа 407, 415
Котуашвили 415
Котыуа 416
Коцадзе 415
Коцба 415, 416
Кочиашвили 415
Кочибая 415
Кочуа 416
Кошадзе 415
Кошарадзе 416
Кошуадзе 416
Коява 416, 417
Крайнов Д. А. 554
Крывлев И. А. 558
Ксенофонт 44, 145, 155, 170,
171, 173, 174, 176, 177,
183, 184, 188, 191, 243
Куабан 416
Куабулел 412, 416
Куабулели Отаго Чачасдзе
389
Куадз (Кэз) 416
Куадзаа 414, 416
Куадззба (Кэзба) 416
Куапал, Купалба 412
Куапахь 412, 415
Куапахьа 412
Кэапахьынаа 412

- Куапыл 389, 391, 412, 414, 415, 416, 417, 477
 Куардзы 233
 Куарчеи, Куарчия, Кварчия
 Куач 415, 416
 Куача 415, 416
 Куачба 416
 Куаш 415, 416
 Куаша 415, 416
 Куашба 416
 Кубанишвили 416
 Кубраа 416, 417
 Куд 163, 194, 416, 417
 Кудба 416, 417
 Кудбая 417
 Куджба 194, 330
 Куджи 193, 194, 195, 212, 266,
 Кудрявцев К. 7, 226, 265, 461,
 514, 549
 Куеи (Қәеи) 415, 417
 Куеиаа 417
 Куеиба (Қәеиба) 417
 Куй 417
 Куй 417
 Куйперс А. 125
 Кук 417
 Кукаа 417
 Кукба В. И. 577
 Кукба Кукуба 417
 Кукул 417
 Кукулаа 417
 Кукулава 417
 Кукуладзе 417
 Кул 162
 Кулаа 162, 220
 Кулаковский Ю 348, 576
 Кумахов М. А. 52, 572
 Купал 139, 200, 258, 284, 412,
 414, 415, 416, 417
 Купалба 139, 200, 412, 414,
 415, 416, 417
 Купалишвили 417
 Купарадзе 417
 Куправа А. Э. 8, 9, 10, 22, 385,
 394, 417, 506, 507, 552,
 567, 569
 Купрадзе 417
 Купреишвили 417
 Курик (Кәырыкъ) 417
 Курикба 414, 417
 Курику 417
 Курча 416, 417
 Курчаа 416
 Курчеиаа 416
 Курчей 395, 416
 Курчишвили 417
 Кут 163, 194, 416, 417
 Кутателадзе 417
 Кутатели 417
 Кутба 416, 417
 Кутибашвили 417
 Кутивадзе 417
 Кутит 417
 Кутлу-Арслан 484
 Куфтин Б. А. 7, 146, 148, 562
 Кухал 417
 Кухашвили 417
 Кухуа 417
 Кухуаа (Кәыхәаа) 417
 Кухуашвили 417
 Куч (Қәыч) 417
 Куча 417
 Кучайдзе 417
 Кучашвили 417
 Кучба 416, 417
 Кучберия 417

Кучуа 417
 Куычаа 417
 Куышба 416
 Кшынба 416
 Кыпший 415
 Кырт (Кырт) 417
 Кыртаа 417
 Кыртба 417
 Кач 414
 Кача 414
 Кæба 414

Л

Лаба 57, 418
 Лабадзе 418
 Лабахуа 418
 Лабия 418
 Лавров Л. И. 11, 165, 550, 562, 563, 574, 575
 Ладз 252, 387, 418
 Лаз 251, 253, 255, 504, 544
 Лазба 251
 Лакоба Н. А. 21, 513
 Лакоба С. З. 10, 22, 24, 550, 552, 561, 569
 Лангуа В. 461
 Лапа (Лапа) 418
 Латышев В. В. 173, 184, 284, 542, 559, 560, 563, 564, 565, 566, 567, 572, 573
 Лау 101, 205, 251, 252, 253, 255, 278, 282, 287, 387, 400, 403, 418, 439, 450, 544
 Лауаа // Лоуаа 418
 Лаудз 544

Лауар 252
 Лаудзы 387, 418
 Лаураа 418
 Лафон Р. 52
 Лаша 86, 146, 256, 259, 384, 456, 472, 487, 488, 490, 491, 500, 522, 525, 535, 547
 Лев Гумилев 311, 573
 Лев Исавр 295, 296, 310, 323
 Левин М. Г. 554
 Леквинадзе В. А. 572, 573, 581
 Ленорман 111
 Леон 312, 315, 319, 320, 321, 323, 324, 325, 326, 327, 329, 330, 331, 332, 333, 334, 335, 343, 344, 346, 354, 355, 360, 437, 462, 501, 502, 519, 520, 523, 527, 530
 Леон I 315, 319, 321, 323, 324, 325, 333, 334, 335, 346, 355, 360, 437, 501, 519, 527
 Леон II 324, 325, 326, 327, 330, 331, 333, 335, 346, 519, 527
 Леонид А. 581
 Липарит 338, 391, 392, 404, 467, 476
 Липарит Багваш 474, 475
 Липаритисдзе 418
 Ломоури Н. Ю. 62
 Ломтатидзе К. В. 7, 12, 19, 129, 204, 394, 431, 551, 554, 560, 575
 Лонгуа В. 461
 Лордкипанидзе М. Д. 20, 362,

- 460, 529, 533, 574, 580
 Лордкипанидзе О. 563
 Лоу 99, 101, 128, 205, 251, 252,
 279, 282, 287, 387, 391,
 392, 395, 400, 403, 418,
 439, 442, 450, 467
 Лоуадз 252
 Лукан 225, 497
 Лукин А. Л. 7, 36, 555
 Лукулл 238
 Лух 418
 Лухава 418
 Лухадзе 418
 Лухба 418
 Лухвадзе 418
 Лухошвили 418
 Лых 418
 Лыхны 91
 Лыхуаа (Лухэаа) 418
 Лыхуба 418, 450
 Лэнг Д. 499
 Любкер Фридрих 577
 Люлье Л. Я. 56, 59, 287, 557,
 574
- ## М
- Маад 418
 Маад-ипа 418
 Маан 388, 391, 395, 400, 418,
 419, 420
 Маан О. В. 2, 3, 23, 26, 499,
 506, 553, 568, 574, 581
 Маг 418
 Маги (Магь // Макь) 418
 Магиаа (Магъаа) 418
 Магиба (Магъба) 418
 Маграа (Магъраа) 418
 Маградзе 418
 Магь 418, 419
 Мадба 418
 Мадебадзе 418
 Маджар 418
 Маджарадзе 418
 Маз 418, 419
 Мазаа 418, 419
 Мазиашвили 419
 Мазишвили 419
 Макап Месхи 504
 Макаш (Макаш) 419
 Макашидзе 419
 Макашевидзе 419
 Макашуа 419
 Макерадзе 419
 Макиар 419
 Макир 419
 Максим Исповедник 292, 294,
 573
 Макъыраа (Макъыраа) 419
 Маллас 264
 Маллас 264
 Маласса 255
 Малиа Е. М. 9
 Мамац 419
 Мамацаа 419
 Мамацашвили 419
 Марган 388, 400
 Марганадзе 419
 Маргания 388, 419
 Марганидзе 419
 Марго 419
 Маргошвили 419
 Маргошидзе 419
 Маргошия 419
 Маргуш 419

- Мард 388, 389
Марджанишвили 419
Мариам 473, 474, 477, 520, 521
Марин 152, 296
Мария 478
Марк Аврели 245
Маркиан 265
Марков Евг. 581
Марковин 562, 570
Марр Н. Я. 6, 52, 54, 62, 68, 69, 82, 91, 124, 131, 146, 147, 151, 152, 198, 204, 255, 262, 359, 370, 390, 431, 515, 537, 549, 558, 559, 566, 567, 575
Марушисдзе 419, 463, 465, 466, 469, 470, 472
Марчан 388, 419, 420
Маршава 419, 420
Маршан 388, 391, 395, 409, 439, 440, 447, 485, 527, 530
Маршания 419, 420
Маршьян 388, 406, 409, 419, 420
Маршьянкул 409, 419
Маршьянха 419
Марыхуба И. 22, 552
Марышь 388, 396, 400, 405, 406, 409, 418, 419, 420, 421, 422, 462, 530
Марышьхан 420
Масуди 141
Мата 420
Матарадзе 420
Матиташвили 420
Мату 420
Матуа 420
Матуадзе 420
Матуашвили 420
Матыт 420
Мах 420, 421, 424
Махар 420
Махараа 420
Махарадзе 421
Махарашвили 421
Махария 421
Махошвили 421
Мача (Мача) 200, 421
Мачаа 397, 421
Мачабели 397, 403, 421, 452
Мачавариани К. Д. 6, 421, 507, 508, 509, 549, 577, 581
Мачаидзе 200, 421
Мачаишвили 200, 421
Мачар 200, 397, 421
Мачара 200, 421, 436, 445, 452
Мачараа 397, 421, 452
Мачарадзе 421
Мачарашвили 421
Мачахели 200
Мдавей (Мдафои) 421
Мдивани 421
Мдоу 395, 421
Мды 117, 421
Мдыуаа 421
Мебуришвили Т. 20
Мекер 419
Мела 214, 219
Меликишвили Г. А. 7, 20, 52, 62, 88, 113, 114, 116, 122, 131, 131, 138, 139, 140, 145, 146, 147, 156, 164, 166, 178, 180, 182, 183, 188, 197, 204, 216, 227, 228, 245, 248, 249,

- 288, 431, 540, 557, 559,
560, 561, 563, 564, 566,
567
- Меликсет-Бек Л. М. 574
- Ментуахатеп 71
- Менуа 136, 137, 138, 139, 162,
540
- Мермерой 291, 308
- Мернептах 120
- Мерчуле 18, 19, 388, 419, 421,
505, 551, 552
- Месхия Ш. А. 581
- Мессарош Ю. 122
- Метревели Р. В. 580
- Мибчуани 222, 226
- Микава 394, 421
- Микадзе 421
- Микаиа 421
- Микашавидзе 419
- Микашевидзе 421
- Микеладзе 421
- Микеладзе М. Т. 561
- Микеладзе Т. 156, 197, 563
- Микелбая 421
- Мики 421, 422
- Миллер А. 578
- Миллер Вс. 151
- Милованова Наталья 572, 581
- Минорский В. Ф. 580
- Мир 312, 319, 320, 323, 324
- Мирван 211
- Митридат VI Евпатор 196,
205, 214, 234, 235, 236,
237, 238, 244, 248, 253,
312, 544
- Митридат Лаз 504
- Михаил III 336
- Михаил VII Дуки 478
- Мишвеладзе Р. 20, 421
- Мишвели 421
- Мишвелиани 421
- Мкаш 419, 421
- Мкиал (Мкьал) 421
- Мкиалаа 246, 421
- Мкиалба (Мкьал-ба) 246, 421
- Модебадзе 418
- Мровели Л. 23, 187, 188, 203,
206, 209, 212, 213, 328,
329, 438, 451, 560, 561
- Мува-тталла 112
- Мукбаниани 422
- Мурван ибн-Мухамед (Мурван
Кру) 296
- Мурван Кру 296, 311, 312, 318,
322
- Мурзаев Э. М. 564
- Мурсилис II 98, 114, 119, 175
- Мусхелишвили Д. Л. 20, 481,
580
- Мутавакиль 336
- Мхеидзе 421
- Мхитар Айриванский 63
- Мхьеиаа 420, 421
- Мхьеиба 420
- Мшвал 421
- Мшвениерадзе Д. М. 556
- Мшэал 421
- Мшэалаа 421
- Мыдавей (Мыдаџеи) 421
- Мыква 422
- Мыку (Мыкә) 422
- Мыкуаа (Мықәаа) 422
- Мыкуба 422
- Мырчыл 505
- Мюллер Ф. 537

Н

Набед 291
 Накаш 419, 422
 Накашиа 419, 422
 Накашидзе 422, 549
 Нан 37, 46, 78, 152, 422, 445
 Нанаа 39, 422
 Нанба 39, 422, 452
 Нанейшвили 422
 Напса 422
 Напша 422
 Насра 338, 339
 Наут 121, 122
 Начкебия С. Б. 554
 Недков Б. 282
 Нианиа 477, 478
 Нижарадзе Н. 263
 Никм-Адду III 103, 110
 Никм-Эпа 103, 110
 Николаев С. Л. 556
 Николай Мистик 341, 522, 523
 Никонов В. А. 61, 557
 Никонор Александрийский 240
 Никифор III Вотаниат 478, 521
 Нимфодор Сиракузский 185
 Новицкий Г. 278
 Новосельцев А. П. 282, 572
 Нойман Ц. 187
 Нордман А. 6
 Нуцубидзе 576

О

Овидий 230
 Озган 388, 395, 420, 422
 Озраа 256

Озхан 422
 Олтак 237, 238
 Олу Аббас 282
 Опсит 255, 268, 290, 301, 302, 303, 304, 306, 387
 Орбели 222, 226, 227, 241, 401, 402, 422, 483
 Орбелиани 202, 262, 390, 496, 497, 566
 Орджоникидзе 18
 Орчвадзе 422
 Орчуа 402, 422
 Орчук (Орчыкә) 422
 Орчукба 422
 Орчы (Уарчы) 422
 Отаго 389
 Откупщиков Ю. В. 142, 157, 156, 562

П

Павел Алепский 440
 Паг (Цаг) 278, 404, 422, 448
 Пагаа 278, 422, 448
 Пагава 422, 448
 Пазов С. У. 95, 570
 Пазраа 173
 Пайчадзе Г. 471
 Пал (П̄ал) 422
 Палаа 422
 Палаванхосрошвили 398, 407, 422
 Пал-ба 422
 Палиа 422
 Палиашвили 422, 497
 Паллас П. 6
 Папаскир А. Л. 24, 460, 461, 465,

- 466, 511, 517, 551, 557
Папаскири З. 471
Парулава Гиви 578
Пахомова А. 570
Пачулия В. М. 10, 24, 569
Пейсонель М. 55, 59, 559, 569
Первухин М. К. 560
Перизгет, Периегет 155, 165,
226, 230
Петр Первый 531
Пиотровский Б. Б. 40, 555
Писаревский Н. П. 562
Питханас 94
Плиний 189, 190, 218, 219, 225,
226, 230, 240, 242, 243,
245, 253, 257, 272, 388,
389
Плиний Секунд 230, 235, 243
244, 271
Плутарх 238
Помпей 196, 212, 225, 236, 237,
238, 270
Помпоний Мела 216, 218, 219,
220, 223, 225, 226, 230,
243, 245
Порданис 247
Поспелов Е. М. 572
Прокопий Кесарийский 271,
276, 288, 290, 291, 313,
570, 573
Псевдо Александр 15
Псевдо-Арриан 274, 275, 576
Псевдо-Орфей 225
Псевдо-Скилек Кариандский
162, 170, 171, 175, 177,
178, 215, 216, 217, 218,
224, 225, 230
Птолемей 190, 212, 230, 240
- Р**
Рад // Рат // Раџ 422
Раевский Н. 278
Рамсес II 110, 120
Ранович А. Б. 577
Рати 392, 404, 422, 467, 468
Ратиа 392, 422
Ратиани 422
Ратишвили 392, 422
Ребия-Ханум 435
Редер Д. Г. 80, 558
Реза Э. О. 573
Рейнеггс Я. 2, 118, 559
Ресмаг 271, 298
Риб-Адди 104, 107
Ригвадин 299
Рихая 422
Рихуа 401
Роман III 474, 520
Рогинский Я. Я. 554
Розен Г. 6
Русудан 457, 472, 486, 491,
492, 521, 522, 535, 547
Рухадзе 422
Рыхва 401
Рыхуа 401
- С**
Саба 402
Сабаи 402
Сабанисдзе И. 330, 575
Сабо Орбелиани 202
Савромат 265
Сабуа 402
Савельева Т. Н. 555

- Сагария Б. Е. 8, 9, 10, 22, 550, 552
Салакая Ш. Х. 9, 151, 555, 559
Саманба Л. Х. 24, 554
Самсон Чанба 557
Сан // Цан 402, 422, 424
Санишвили 422
Саурмаг 194, 197, 210, 211
Сегерт 562
Сезострис 110, 111
Сембат 464
Сенковский О. И. 15, 166, 263, 575
Сергий 309
Сердюченко Г. П. 12, 59, 551, 564
Сибадзе 425
Сизов В. И. 435
Симон Кананит 349, 350, 351, 501
Сихарулидзе Ю. 202, 261, 262, 563
Скепарна 290, 301, 302, 306
Скилак Кариандский 170, 171, 175, 176, 178, 217, 224
Смоленский С. 511, 576,
Сободок 238
Соловьев Л. Н. 7, 32, 554, 555, 561
Сотерих 291, 292
Сотискуа 422
Сотишвили 423
Сохадзе 423
Спадаг 271, 313
Спенсер Э. 255
Сталин 18
Старостин С. А. 556
Стахемфак 313
Стефан Византийский 148, 240, 271, 284, 562
Страбон 155, 170, 177, 179, 181, 205, 212, 215, 216, 225, 226, 230, 231, 237, 239, 240, 241, 243, 245, 284, 361, 562
Стратофил 299
Струве В. В. 567
Стучевский И. А. 558
Сулейман Ибн-Исам 296, 312, 320, 354
Сумбат 339, 340, 469, 520, 530
Суппилиум 119
Сухишвили 423
Сықәтар 425
- ## Т
- Табор 311
Табулова Н. Т. 551
Тавадзе 423
Такайшвили Е. 330, 331, 332, 333, 565
Там, Тамба, Тамбия 280
Тамара 86, 485, 486, 487, 489, 490, 522, 525, 534, 535
Тенин, Тинен 337, 338
Таргамос 116
Тария 217
Тата 98
Татаршао А. Х. 95, 570
Татиба (Ғаґ-ипа) 423
Татишвили В. 551
Татта 98
Татташь 98
Тау 423

Тауа 423
 Тацит 15, 225, 230, 562
 Тбели 341, 423, 467
 Тердат 291
 Тиглатпаласар I 86, 87, 130,
 131, 140, 539
 Тигран II 235, 236
 Тимосфен 239
 Тирдат III 254
 Тирибаз 191
 Тих Н. А. 30, 554
 Тодуа М. 581
 Токарев С. А. 67, 77, 558
 Томашева 222
 Томсон 123
 Тораа 217
 Тория 217
 Торнау Ф. Ф. 6, 59
 Тортия 216
 Торуа 217
 Торчуа 217
 Тота 423
 Тотибадзе 423
 Тот-ипа 423
 Трам 281
 Трапш М. М. 8, 9, 433
 Траян 286
 Тромбетти А. 52
 Трубачев О. Н. 52, 88, 537, 557
 Трубецкой Н. С. 49
 Тсибадзе 425
 Тсикишвили 423
 Туана 292
 Тугов В. Б. 95
 Тураев Б. А. 198, 564
 Турчанинов Г. Ф. 9, 107, 132,
 157, 224, 550, 559, 563,
 567

Тхайцухов М. С. 60, 551, 568,
 569
 Трыш 121

У

Уаз 256, 257, 304, 395, 423
 Уазаа 423
 Узба (Возба) 423
 Уардан 406
 Уахох 406, 424
 Уаххацит, Уахсит 98
 Убло 194, 196, 213
 Узбая 423
 Улигаг 303
 Урушадзе 423
 Урыш (Урышә) 423
 Услар П. К. 6, 49, 59, 61, 66, 69,
 91, 221, 227, 549, 556
 Ушаков П. Н. 67, 91, 173, 263,
 264, 537, 570, 577

Ф

Фавстос Бузанд 129, 570
 Фадеев А. В. 7, 223, 559
 Фарандат 174
 Фарнаваз 192, 193, 207, 208,
 209, 210
 Фарнаджом 211, 212, 214
 Фарнак 234
 Фасмер М. 559
 Феодор 332, 333
 Феодора 291, 302, 334
 Феодорит Кирский 299
 Феодосий 325, 331, 332, 333,

335, 336, 344, 345, 383,
462, 519, 527, 528
Феодосий Гангрский 294
Феофан Исповедник 293, 310
Феофил 336
Феофилакт 325, 501
Феохристом 336
Финиктиос 332
Формозов А. А. 40, 555
Форрер Э. 52
Фредуче 253
Фридрих Мюллер 67, 537

Х

Хаба 423
Хабиашвили 423
Хабита 423, 424
Хабы 423
Хабыта 423
Хавадзе 423
Хагба Л. Р. 25
Хада 292, 360
Халбад Т. Х. 9
Хамыш 413
Хамыш (Хамышь) 413
Хан Гирей 56, 65
Хантипа 389, 409
Хар 423
Хара 423
Харабадзе 423
Харабашвили 423
Харакс Пергамский 239
Харебашвили 423
Хар-ипа 423
Харипаа 423
Хат 423, 424

Хатидзе 423
Хатишвили 424
Хатуа 423, 424
Хатхуа (Хатхуа) 424
Хатшепсут 71
Хау 402, 423, 424
Хачатрян В. Н 114, 560
Хварцкия М. 22, 553
Хетум 492
Хециа 421, 424
Хеция А. Д. 24, 25, 554
Хиба 231
Хибба 233
Хинтбая 424
Хинтибадзе 424
Хинтибидзе 424
Хирхуф 71
Хиуйт Дж. 25
Хишапсау 71
Хобидашвили 424
Ховадзе 423
Ходж 424
Ходжаа 424
Хонелия Р. А. 9, 250, 458, 579
Хорава 424
Хорадзе 424
Хосрой Нуширван 15
Хосров 268, 290, 301, 306, 308,
309, 480
Хотко С. 254, 313, 573
Хоу 402, 423, 424
Хох (Хуа-ху) 424
Хохадзе 424
Хохашвили 424
Хохба 406, 424
Хохобая 424
Хохуа 424
Хочаа (Хочаа) 424

Хочава 424
 Хочадзе 424
 Хрушкова Л. Г. 9, 348
 Хуаа (Хэаа) 402, 424
 Хуабыта 423, 424
 Хуадж 424
 Хуар 424
 Хуараа (Хэараа) 424
 Хуачаа 424
 Хубла 408
 Хублаа 408
 Хубулава 424
 Хубуладзе 424
 Худж (Хэыць) 424
 Худжаа 424
 Худжадзе 424
 Хуху 424
 Хухуа 424
 Хухуа (Хэыхэаа) 424
 Хухуашили 424
 Хучадзе 424
 Хынт(Хынтэ) 424
 Хынтба (Хынтэба) 424

Ц

Цабадзе 424
 Цагаева 578
 Цанаа 65, 394, 402, 422, 424
 Цанава 394, 422, 424
 Цанба 422
 Царагба 424
 Царба 425
 Царбадзе 425
 Царбая 425
 Цата 387
 Цатава 387

Цати 269
 Цатиашвили 387
 Цафий 268, 290
 Цвиджа (Цэыцьба) 425
 Цвиджаа 425
 Цвижба (Цэыцьба, Цэызба) 425
 Цвижба Л. И. 23, 568
 Цвинария И. И. 9
 Цвыдж (Цэыць) 425
 Цвыдз (Цэыз) 425
 Цеи 425
 Цеи-ба 425
 Цеквава 425
 Цеквадзе 425
 Цекуа (Цекэа) 425
 Цекуаа (Цекэаа) 425
 Церетели Г. В. 124
 Ци 403, 424, 425
 Цибадзе 424, 425
 Цикишвили 425
 Цинцабадзе 425
 Цинцадзе 425
 Цирбая 425
 Цис 425
 Цисба 425
 Цисишвили 425
 Цискра 425
 Цицибадзе 425
 Цицишвили 390, 425
 Цицуашили 425
 Цкис 423, 425, 443
 Цкит 402, 425
 Цкиш 423, 425, 443
 Цкишаа 425
 Цкуит 402, 425
 Цкуитаа 425
 Цкуитар 425

Цулая Г. В. 151, 209, 225, 387,
458, 513, 551, 561, 562,
566, 575
Цух 423, 426
Цухаа 423, 426
Цухуба 423, 426
Цхадая П. А. 444, 578
Цхвицхвишвили 425
Цхуцху 425, 426
Цхуцхуба 425, 426
Цыба 425
Цыбаа 425
Цыганенко Г. П. 559
Цыбьтыр 425
Цыкиш 425
Цыкутар 425
Цымцаа // Цынцаа 425
Цымцба // Цын-цба 425
Цымцы // Цынцы 425
Цыс 425
Цысба 425
Цыскраа 425
Цыц 425, 426, 443, 447
Цыцаа 425, 426
Цыцуа 425, 426
Цюх 423, 426

Ч

Чавчавадзе 426
Чаговадзе 426
Чагуа 426
Чагуаа 426
Чаква 258, 259, 260, 426, 445,
449
Чакватадзе 426
Чаквашвили 426
Чаквитадзе 426
Чаквитая 426
Чакотадзе 426
Чакуа 426, 445
Чакуат 426, 428
Чакуатаа 426, 428
Чакуату 426
Чала-мепе 383
Чамагуа Л. 26
Чамит, Чамыт 410, 411
Чанба Р. К. 9
Чанба С. Я. 63
Чанчибадзе 426
Чарая П. 370
Чар-ба 426
Чарбадзе 426
Чарг // Чарк 426, 427
Чаргадз (Чаргаз) 426
Чаргадзе 426
Чаргазия 426
Чаргеишвили 426
Чаргуаа // Чаркуаа 426
Чарквиани 427
Чаркишвили 427
Чаураа 429
Чаурели 429
Чах 427
Чахаа 427
Чахвадзе 427
Чахели (Чохели) 427
Чахуа 427
Чач 138, 259, 386, 387, 389, 390,
391, 396, 397, 403, 426,
427, 428, 429, 430, 527, 540
Чачаа 426, 427, 428, 429, 430
Чачава 427, 428

- Чачасдзе 389, 390, 428
Чачба 57, 91, 390, 391, 395,
399, 401, 403, 426, 427,
428, 429, 430, 453, 492
Чачибая 428
Чачхалия Д. К. 23, 317, 330, 434
Чеговадзе 428, 429
Челеби Эвлия 55, 185, 442, 549
Челидзе Вахтанг 580
Чивадзе 428
Чигава 428, 429
Чиджавадзе 428
Чикава 428
Чикарели 428
Чикашвили 428
Чикваидзе 428
Чикватадзе 428
Чиквашвили 428
Чикивитадзе 428
Чикобава 7, 49, 68, 128, 204,
263, 428, 429, 431, 556,
560, 564, 567
Чиковани 428, 429
Чикоидзе 428, 429
Чикорая 428
Чикорели 428
Чикотадзе 428
Чикоташвили 428
Чингис-хан 491
Чирикба В. А. 25, 52, 371, 557,
579
Чичак 311, 333, 518
Чичин (Чычын) 428
Чичинадзе З. Д. 261, 428, 557,
576, 578
Чкадуа Л. П. 9, 24, 553, 564
Чкуа (Чқәа) 429
Чкуаба 429
Чмакур 429
Чолокашвили 429
Чолокवादзе 429
Чолокуа 429
Чолокуа 429
Чолокуаа 429
Чохели 427, 429
Чуа 403, 429
Чуаз 251, 395, 403, 429
Чуарели 429
Чуашвили (Чаушвили) 429
Чукба // Чыкуба 429
Чурсин Г. Ф. 7, 35, 195, 555, 558
Чуу 428, 429
Чуураа 429
Чух 429
Чухба // Чыхба 429
Чхаидзе 429
Чхатарашвили К. 575
Чыгаа 64
Чыгу (Чыгә) 429
Чыгуаа 428, 429
Чыгуба 64, 429
Чык-ипа (Чық-ипа) 429
Чыкуа (Чықәа) 429
Чыкуаа 428, 429
Чыкуба 428, 429
Чыкубар 429
Чыкураа 428, 429
Чымыт 410
Чырг // Чырк 426, 427
Чыргба // Чыркба 426
Чыуа 403, 428, 429
Чыху 429
Чыхуа // Чухуа 429
Цъаа 410

Ш

Шагиров А. К. 125, 230, 555,
557

Шакирбай Г. З. 317, 580

Шакрыл К. С. 8, 9, 161, 555,
560, 561, 563, 564

Шакрыл Т. П. 25

Шамба Г. К. 9, 23, 553, 572

Шамба С. М. 10, 579

Шамши Адад 163

Шанава А. Б. 337

Шарашия 429

Шардан 121

Шарден 5, 223, 549

Шат-ипа 422, 423, 429

Шахнович М. И. 555, 558

Шаш 137, 138, 209, 316, 386,
387, 405, 406, 427, 429,
540

Шаше 138, 209, 252, 386, 387,
427, 429, 527, 540

Шеварднадзе Э. 20

Шервашидзе 57, 390, 391, 399,
427, 428, 430, 513, 570

Шинкуба Баграт 554, 571

Шота Руставели 13, 581, 582

Шоуа И. 26

Шухардт Г. 52

Шырпас (Шэырпыс) 430

Э

Эджибадзе 411, 430

Эджибия 411, 430

Элиава Г. В. 571

Эмин Н. 458

Энгельс Ф. 43, 555

Ю

Юлиан 271, 288, 286

Юрий (Георгий) 487

Юстиниан 15, 267, 294, 301,
565, 571

Юстиниан II 294, 295, 310

Я

Яйленко В. П. 561

Яков 85

Якут (Иакут) 147

Яшвили 412

Теонимы. Мифологические образы. Святилища**А**

Абзу, Апсу 75, 76, 81

Абрскил // Абырскил 151, 152,
209

Абсирт // Апсирт 148

Аг-ных 148

Адад // Адыд 80

Адапа 76

Аҭышьашьан 37, 47

Ажәәан 73

Ажьырныхәа 160

Аиат, Аиет, Аэт 148, 155

Аит, Ҳаит 76, 148
 Аитар 47, 79, 80
 Айа, Эйа 155
 Аиларныха 363
 Алаверди 341, 502
 Алышкыынтыр 47
 Аман апа 72
 Амаран 152
 Аматаеира 128
 Амза 79, 152
 Амзаныхэа 152
 Амиран 151, 152
 Амонхатеп 71
 Амра 79, 204, 205, 209, 210
 Амраныхэа 152
 Амрос-гель 152, 209
 Амыр 151
 Ан, Ану 77, 79
 Ана // Нан 37
 Анакопийский (Ново-
 Афонский) храм 501
 Анана 37, 44, 78, 79, 451, 452
 Анана Гунда 44, 78
 Анана Шацаа 78
 Анана Хибла 78, 79
 Ананду 78
 Анан-Лдзаа-ных 252
 Анаца-анага 79
 Антар 79
 Анубис 72
 Анцэа 38, 71, 77, 80, 377, 378,
 421, 502, 503, 507
 Анцэа дукэа 80
 Анчи 503
 Анчисхати 452, 503
 Аншар 77, 81

Аныцс 72, 73
 Аныцс ныха 73
 Аныха 378, 434
 Аныхэара 37, 77, 378
 Апсу 75, 76, 77, 81, 83, 142
 Апсха 194, 209, 359, 451, 507
 Арго 153, 154
 Аргонавты 142, 152, 153, 185,
 240
 Арёя 152, 175
 Армаз 204, 209, 210
 Аттис 78, 79
 Афы 72
 Афырхатца 373
 Ахетатон 71
 Ахыы Зосхан 71
 Ахэарах 47
 Аёышыашыан 37, 47
 Ашаку 81
 Ашнан 80

Б

Бедиа 327, 328, 329, 330, 438,
 470, 502
 Бедийский храм 470, 502, 523,
 529

В

Варда 389
 Вачнадзинский храм 502
 Великая Богиня 78

Г

Геката 150, 165
Гелиос 148, 152
Гильгамеш 81
Гурпаранцаху 123

Д

Джабран 37, 47
Джаджа 46
Джихан 438, 439, 440, 443
Дорт-Килиссе 502

Е

Ерыш 44

Ж

Жэабран 37, 47
Жэгараа 73

З

Зевс 151
Зихская епархия 348

И

Иаса-Қырыса 378
Иахуа 105
Иверская Лавра 504

Иверский монастырь 504
Инанна 79, 83
Ишкур 81
Иштар 79

К

Кадеш 102
Кибела 78
Кибла 78
Киево-Печорский монастырь 503
Кирке 165
Кишар 77, 81
Крестовый монастырь 504
Криос 152
Криос 152
Кубаба 78
Куадаш 102
Куджи 193, 194, 208, 210, 329, 438
Кукун 44
Кул Ахмат 162
Кумурдский храм 502
Кутаисский кафедральный собор 503
Кячский храм 502

Л

Ламма 77
Лахама 77
Лахара 80
Лакма 77
Лашкендарский храм 502
Левкотей 212, 237
Лооский храм 501
Лыхненский храм 501

М

Мард 388, 389
 Мардук 77
 Мача-ныха 200
 Медея 153, 165, 214, 239, 542
 Моквский кафедральный собор
 501
 Мумму 76
 Мцхетос 451
 Мюссерский храм 501

Н

Набу 81
 Нан 37, 46, 78, 152, 422, 445
 Нанна 78
 Нанхэа 37, 46
 Нарт 73, 571
 Нарцхьоу 51
 Нуна 72

П

Пархал 502
 Персей 150
 Прометей 150, 151

С

Самшвилдский кафедральный
 собор 502
 Сатаней 39, 40
 Софийский собор 503
 Стробил 151

Т

Таргамос 116, 328
 Тиамат 76

У

Уа Ра ду 72
 Уахсит 98
 Уашхо 122, 222
 Уашхау 122, 123
 Улликумми 83, 114, 115
 Умма 83
 Уплос 208, 209, 451
 Уплос 209, 213

Ф

Фрикс 152

Х

Хазарталы 112
 Хазрет-Али 112
 Хандзта 454
 Хэажэарцыс 51
 Хибла 78
 Хонский собор 336, 441, 502
 Хору Аха 70, 71
 Храм апостола Симона
 Кананита 501
 Храм Свети-Цховели 503
 Хубаба 81
 Хумбаба 81
 Хырка 150

Ц

Цирцея 142, 150, 154, 214

Ч

Чкондидский храм 342

Чхан 439

Чыгэрныха 64

Ш

Шамаш 81

Шьашэы (Шашвы) 48, 160

Э

Эа // Эйа, 76

Эгрос 182

Эгрос 187

Энки 83

Эредви 341, 453, 502

Эреду 81

Эт-ных 148

Я

Яхве 105

Географические названия**А**

Аацы 114, 144, 246

Абаза (м-ть) 200

Абаза (область) 139

Абаза (страна) 55, 56, 57, 66,
273

Абазакыт 257

Абазгия 286, 288, 298, 306,
313, 327, 346, 348, 349,
493, 526

Абазинское (Абхазское) море 57

Абазия 66, 99, 120

Абасгия 274, 289, 294, 295,
298, 300, 308, 309, 313

Абасилети 199

Абаск 273, 274, 275, 276, 298,
313

Абаския 257

Абаскос 274

Абасса 66, 147

Абассия 257

Абастумани 200, 201, 327, 346,
444

Абасхети // Абасхия 199

Абаша 147, 257, 438, 441, 447

Абашья 147, 441

Абжарские высоты 259, 448

Абиси 202

Абиссиния 69, 70

Абсарети 146

Абсари 146

Абсилети 199

Абсне 56, 66, 118

Абу 169, 171, 188, 340, 482,
521, 522

Абхаз (гор.) 142, 307

- Абхазашьи нохора 445
Абхазети 16, 56, 345, 457, 472
Абхазия 6, 7, 10, 17, 18, 19, 23,
24, 27, 56, 57, 58, 59, 60,
63, 64, 66, 91, 130, 137,
140, 141, 174, 182, 255,
257, 262, 282, 314, 322,
324, 326, 331, 346, 348,
356, 357, 455, 457, 460,
462, 463, 466, 471, 492,
493, 498, 500, 501, 503,
519, 532, 535, 549, 550,
551, 552, 553, 555, 558,
564, 568, 569, 570, 571,
572, 575, 580, 581
Абхазская Республика 18
Абхазская Тапанта 316
Абхазское княжество 57, 347
Абхазское море 57
Абхазское царство 17, 19, 318,
327, 331, 337, 341, 342,
349, 350, 443, 456, 457,
459, 460, 462, 471, 472,
478, 482, 491, 492, 493,
503, 516, 518, 528, 531,
545, 546, 589
Агара 187, 188, 189, 202, 260,
450
Агвара, Агуара 260, 446
Агварта, Агуарта 446
Аггара 202
Агры 117
Агрышьха 117
Агуа 330, 434
Агудзера 445
Агура 189, 190
Агуркура 447
Агуры 189, 444
Агца 434
Агырны 66
Адерба 315, 316
Аджария 182, 261, 262, 444
Адзиква 452
Адзлагарадз 176
Адзлагарахук 36
Адзыггара (Азыггара) 229
Адлер 199
Ажашвара 259
Азанта 41, 294 412
Азара 279, 281
Азараба 279
Азербайджан 268, 307, 336,
480, 488, 489 573
Азмахи 446
Азов 257, 279, 280
Азовское море 279, 280
Азраха 138
Азыггара 292
Аибга 56, 144
Аибыхутца 144
Аиркэа рызха 144
Аиц 144
Аишьха 144
Айа // Эйа 115, 142, 143, 144,
147, 155, 184, 190 199,
588
Айа-Колхида 164
Акамписис 92
Акапское плато 272
Аккад 83
Акомпсеон 242
Акра 101, 284
Акуа 84, 101, 225, 330, 436,
552, 554, 571
Акуи 29
Акула 144, 162

- Акул-пацхьра 162
Алаверди 341, 502
Алада 454
Аланда 114
Алания 328
Алахадзы 501
Алгети 452, 453
Алзи 113, 116
Алупка 283
Алушта 283
Амарети 166
Амберд 489
Амби 104
Амзара 28
Амкува 91
Аммур 104, 110
Амхел // Амхиал 246
Амшен 172
Анакэациа 433
Анакэациацха лбаа 433
Анаклия 328, 438
Анакопа 433
Анакопийская крепость 391,
432, 434
Анакопир 433
Анакопия 319, 328, 350, 355,
432, 433, 434, 473, 474,
475
Анакрия 438
Анакуа 433
Анакэациа 433
Анакэаццха лбаа 433
Анакуфа 433
Ананури 451
Анапа 99
Анкара // Ангора // Анкира 91
Антемунта 218, 219, 240, 281
Антикита 281
Антиохия 501
Анхуа 28, 246, 433, 434
Анчи 449, 452, 502
Анчисхати 452, 503
Апарон 172, 174
Апаса 98, 119
Апзарус 307
Апианча 28
Апсар 92, 144, 146, 147, 149,
155, 169, 171, 173, 182,
183, 186, 188, 191, 193,
239, 242, 249, 253, 260,
266, 270, 307, 318, 337,
347, 348, 355, 432, 433,
542
Апсара 55, 149
Апсарети 146
Апсарея 92, 146, 331
Апсашы цкургили 445
Апсилия 271, 274, 286, 288,
289, 294, 295, 301, 302,
306, 313, 322, 355, 435,
565
Апсирта 149, 154
Ацсны 11, 23, 54, 58, 66, 69, 91,
182, 227, 262, 357, 360,
353
Апсхара 545
Ацсынду 66, 357
Ацсындузза 357
Ацсынкьаьаду 66, 357
Ацсынра 357
Ацсынтэыла 66, 357
Ацсынхэычы 66
Ацшьдэны 99
Ацшьырдэны 120
Апушта 295
Апхаз 64, 459

- Апхазашига 447
Арабис 175
Арагва 203
Аракс 117, 201
Арарат 166
Арацани 117
Араштуа 117, 118
Аргвети 326, 327, 338, 392,
443, 468, 477
Арголида 154
Аргос 154
Аргуна 9, 445
Ардаган 199
Ардобиль 307, 490
Ариан-Картли 205, 206, 207
Арион 169, 171, 188
Арипса 92, 113, 175
Ариши 340, 453
Арлан 199
Армаз, Армази 203, 209
Армения 234, 235, 236, 243,
544, 565
Армянское нагорье 121
Арпа 56, 92, 146
Арпас 92, 146, 175
Арран 307, 573
Арапха 127
Артаани 199
Архаб 171
Архаве 171
Архаџа 171
Археополь, Археополис 240,
257, 266, 322
Арцава 97, 118, 119, 120, 128,
143
Арчвашьи каре 448
Асаз 201
Ассирия 87, 107, 108, 136
Асува, Ассува 98, 99
Асурастан 196, 207
Асхи 440
Атени 475
Аттикита 281
Аха 70, 71, 231, 232, 233, 277,
402
Ахаду 232
Апхазети 59, 66
Ахач 232
Ахеиус 230
Ахейзос 433
Ахеунт 232, 275, 276, 277, 280
Ахея 122, 230, 253, 258, 277,
278, 589
Ахиява 118, 119, 120
Ах-су 493
Ахча 452
Ахчипсы, Ахчыпсы 232, 273
Ахыр 92, 97, 99
Ац 29, 114
Ацана 257, 449
Ацкур (Ацкури) 201, 454
Ацци 113, 114, 115, 116, 119,
144, 175, 539
Ачааркыт 257
Ачабети 396, 452
Ачандара 41
Ачанра 182
Ачара (Ачара) 182, 261, 262,
263, 444
Ачара 263
Ачарисцкали 261
Ачгуай 259, 260
Ачгуара 29
Ачква 259
Ачмарда // Чамарда 99

Ачы // Ачи 259
Ашвыркыт 257
Аше 252, 277, 278, 316, 386,
428, 527
Ашэдэны 120
Ашэы (Ашу, Ашвы). 278
Ашхарпайя 114
Ашшур 81, 83
Ашышьхақәа (Ашэышьхақәа)
544
Аю-Даг 221
Аяш 91

Б

Баагуаш (Баагэшә) 338
Баба-квари 260
Багажиашта 29
Багазкей 90, 91
Багрипта 58
Базалети 211, 327, 344
Базз 307
Базза 307
Баз-кыт 99
Байлакан 307
Баназ 92, 97
Барак 101, 274
Бардава 488
Барза 307
Барзанда 307
Басиани 145, 147, 448, 489
Басий 275, 276
Басилети 256
Басла-та 102
Басхог 199
Бата 258, 351
Батуми 145, 258, 259, 437, 563

Башкапсара 41
Бгардэны 99, 120
Бебрек 91
Бедиа 327, 328, 329, 330, 438,
470, 502
Бедиачук 330
Бердуджи 207
Бехириада 174, 176
Бжана 56
Бзана 259, 446
Бзыбь 41, 221, 231, 571
Бзып 101, 189
Бзыпта 189
Бибаркыт 257
Библ 102, 104
Биджнис 489
Ближний Восток 561
Бобоква 259
Бобоквара 449
Боболо-квари 260
Бозок 91, 92
Большая Абазы 56
Большая Абхазия 56, 57, 66,
570
Большой Медерес 97
Большой Ромбит 284
Боргис 274, 275
Боржоми 201
Боспор 205
Боспорское царство 196, 236
Брухонт 274, 276
Бредза 341
Буколус (Бухлоон) 293
Буланная 253
Бурка 274, 275
Бухлоон 292, 293, 328
Бырцә 28, 274
Бырызшьха 274

В

Вавилон 498, 512
Ваке 327
Вардан 176, 247, 248, 284, 285,
389, 396, 406, 420, 477,
481, 484
Вардцихе 267
Веджини 341
Великая Абхазская стена 222
Великая абхазская стена 322
Великая Армения 243
Византия 268, 269, 288, 289,
290, 300, 309, 323, 336,
519, 528
Вица // Вице 172
Волга 311
Вох 129, 137, 145

Г

Гавазни 340
Гагра 63, 232, 501, 552
Гал 29, 33, 97, 586
Галис 87, 88, 91, 93, 94, 113,
119, 131, 537
Ганджа 489
Гандза 480
Гармозика 204
Гарни 491
Гарп 101, 246
Гатукай 56
Гвалашара 445
Гвамарда 445
Гвандра 306, 445
Гванкити 443
Гвара 260, 449

Гвард (Гуарда) 28
Гуалдхвы (Гәалдәхәы) 162
Гегути 442, 483
Гедиз 97, 98
Гелати 483, 490
Геленджик 230, 278
Генараа ркуара 228
Генрыпш // Гинрыпш 228
Гераклея 489
Гераклов мыс 275
Гечрипш 28
Гиаргямишь (Гьаргьамышь)
101
Гиен 190, 217, 239
Гиенос 190, 227
Гиппейские горы 284
Гиши 480
Главный Кавказский хребет
162, 348, 351
Глубокая 242
Горда 441, 450
Гори 450
Греция 176, 365, 561
Грузинская ССР 564
Грузия 6, 13, 16, 17, 18, 19, 23,
66, 357, 457, 458, 459,
462, 492, 503, 551, 568,
573, 581, 582
Гуадиху 36
Гәалдхәы 162
Гуара (Гвара) 449
Губа 253, 255, 258, 387, 408
Губаа 58, 255, 387, 408
Губаады (Губаадәы) 58, 255
Губазеули 256, 449
Губла 101, 104, 132, 408, 424
Гудаа 501
Гудааси 445

Гудоута 29, 36, 550
Гудоу 189
Гулистан 480
Гулрыцшь 221
Гум, Гума 33, 98, 259, 273, 448
Гумати 448
Гумста 28
Гумсы 189
Гумыста (Гумиста) 28, 189, 328
Гурджи-Богаз 493
Гурия 189, 256, 444, 570
Гюэнос 501

Д

Дагва, Дагуа, 259
Даиохи // Диауехи 129
Дайаэни 129, 130, 131, 136,
539, 540, 588
Даренда 99
Дарьяльский проход 225, 241,
311
Двалети 494
Двана (Дэфана) 260
Двин 489
Двуречье 74, 75, 81, 83, 84
Деврез 92
Дербент 481, 482, 521
Джавах 138, 540
Джавахети 138, 145, 199, 344,
462, 469, 478, 487, 540,
566
Джавахский округ 468
Джам 117
Джампал 260
Джаника 181
Джейхан 98, 99

Джикети 64, 327, 343, 393, 453
Джикетия 317, 349
Джихан-Кудж 438, 439, 440
Джубга 278, 316
Дзепшишха 316
Диауехи // Диаохи 129, 136,
540
Дидоети 194, 211
Диоскуриа 190, 218, 219, 223,
243
Диоскуриада 217, 225, 239,
240, 243, 543
Дирапс 92, 176, 177
Дранда // Даранда 99
Дуабзу 92, 449
Дурдзукети 211
Дурыпш 252
Дутха 172

Е

Евфрат 100, 101, 113, 116, 121,
128, 129, 300, 510, 537,
539
Египет 69, 70, 71, 85, 104, 127,
198, 588
Егревике 190
Егриоз 92
Егры 79, 92, 187, 189, 216, 328,
329, 397
Егырны 91
Еея 284
Елыр (Илори) 29
Ениапан 91
Ефес 98
Ешкыт 257

Ж

Жибиани 448

З

Забаха 138, 199, 540

Закавказье 16, 40, 92, 124, 136,
164, 165, 167, 170, 185,
192, 206, 207, 287, 295,
297, 308, 309, 315, 318,
320, 335, 336, 342, 359,
455, 462, 477, 478, 488,
490, 492, 493, 502, 503,
514, 517, 518, 528, 531,
548, 569, 588

Замуа 117, 118

Зана 446

Занапа 99

Западная Грузия 19

Зенджан 490

Зефирий 180

Зиата 102

Зигана 247, 277

Зиганис 501

Зигополь 247, 277

Зихия 313, 314, 349, 350

Знаква 259

Зоу 138, 412, 540

Зуа 137, 138, 540

Зыгэда, Зыхэда 437

Зыхэа 437

Зыхуны 66, 262

И

Иашымюа 315

Ибериа, Ивериа 211 166, 235,
238

Иерусалим 105

Имер 166

Имерети 16, 166, 444

Имер-хеви 193

Ингур 55, 93

Инджик 56

Ипп 241

Ираклий 242, 269, 294, 308

Иран 117, 290, 490, 500

Исид 242

Исис 239

Искурия 223

Исфахан 478

Итиль 311

Ишу-ва 98, 99

К

Кабарда 285

Кабуранда 114

Кавказ 40, 60, 139, 141, 142,
164, 285, 286, 293, 304,
306, 308, 311, 318, 342,
438, 497, 557, 558, 559,
562, 573

Кавказское Причерноморье
136, 588

Кавро 223

Кадеш 101, 102

Кадош // Кодош 101

Казвин 490

Какара 445, 447

Канак 92

Кара-Хисс 112

Карачал 97

Кария 143

- Карс 490
Карт, Картл 98, 203, 204, 210
Картерон Тейхос 221
Картл (Картли) 203, 204
Картли 13, 17, 191, 192, 193, 196, 197, 203, 204, 205, 206, 207, 208, 210, 211, 212, 213, 266, 267, 290, 311, 312, 318, 320, 322, 323, 330, 333, 335, 336, 337, 338, 339, 340, 341, 342, 343, 344, 345, 346, 347, 351, 359, 387, 392, 396, 397, 404, 407, 419, 427, 443, 452, 453, 458, 459, 462, 463, 464, 465, 466, 467, 472, 475, 476, 477, 478, 485, 487, 499, 505, 519, 520, 530, 531, 546, 551
Карты 98, 204
Каска 113, 119
Каспия 307
Катиора 191, 489
Кახети 137, 211, 340, 343, 351, 464, 546
Кацахура 447
Кацувадна 116, 119
Кацхур 316
Качаети 259
Кбааде 58
Квараши 448
Квачара (Куачара) 33, 35
Квирила 188, 189, 210, 259, 443, 444
Келасур 29, 271, 272, 297, 321, 322, 328, 435, 436, 437
Келькит 116, 181
Кепрюкёй 91
Керасунт 245, 489
Керкемиш 101
Керч, Керчь 284
Кеч 97, 98, 284
Кечи-барлу 97
Кианей 195, 241
Кигн 224
Киев 556, 559
Кижинара 448
Киликия 235
Киндза 101, 102, 415
Кинчха 441
Кирки-пал 97
Кирцха 445
Кистрик 36, 555
Кита 147, 164, 190, 441, 541, 542
Клардж 162, 541
Кларджети 163, 164, 184, 191, 210, 335, 336, 338, 343, 351, 454, 459, 465, 469, 473, 478, 502, 519, 520
Клде-Кари 338, 392, 404
Клисура 311, 322, 565
Клухор 162, 220
Клыхура 162, 220
Кобалаури 258
Кобалети 258
Кобалта 258
Коблиани 139, 200, 201
Кобулети 139, 258, 389, 416
Кодор 114, 156, 188, 221, 222, 223, 225, 240, 291, 294, 447
Кодоре 447
Кодори 259, 435, 437, 447, 448
Козан 99

- Колика 218, 219
Колхида 22, 28, 140, 154, 155,
161, 163, 164, 184, 186,
187, 188, 190, 196, 220,
225, 234, 237, 238, 250,
264, 268, 294, 308, 537,
541, 544, 552, 563, 588,
589
Колхидское царство 144, 145,
155, 165, 168, 190, 541
Колы 162, 219, 220
Коман // Куман 91
Константинополь 265, 266,
267, 300, 473, 476, 486,
501
Корак 221, 225
Коракс 221, 222
Кораксийская страна 219
Кораси 222
Кордула 245
Корчев 284
Красная поляна 58, 255
Ксани 335
Куазан 99
Куанапа 99
Куапсе 277
Куараши 259
Куардзышха 223
Кубань 55, 56, 63, 66, 97, 146,
187, 252, 280, 281, 283,
284, 285, 315, 317, 323,
346, 350, 351, 389, 519,
545
Кудепста 29
Кудырта 189
Куерцхоба 336
Кула 98, 162
Кулеси 436
Кул-иани 162
Кул-рхуа 162, 220
Кулха 91, 139, 140, 141, 144,
145, 154, 155, 156, 161,
163, 164, 184, 541, 563
Кулзхэы 162, 220
Кум 98
Кумманна 99, 100
Кура 92, 139, 145, 171, 199,
201, 202, 203, 204, 210,
213, 214, 450, 542
Курса 223
Куссар, Кушшар 94
Кута 83, 147, 194, 441
Кутаиси 190, 210, 241, 259,
266, 267, 321, 322, 327,
330, 336, 346, 360, 438,
441, 442, 443, 444, 448,
457, 470, 475, 480, 481,
483, 487, 491, 502, 524
Кутатиси 330
Кушшара 94
Кызыл-Ирмак 91, 92, 93
Кындыг 114
Кырка 92, 97
Кэргитика 189
Кюр-дере 28
Кяхта 100
Қырттэыла 66
- Л**
- Лаба 57, 418
Лагаш 82
Лазика 250, 251, 253, 255, 269,
278, 286, 287, 288, 289,
294, 306, 308, 309

Лазистан 489
Лазское царство 249, 254, 271
Лауаз 252
Лахарха 445
Лаша 86, 146, 256, 259, 384,
456, 472, 487, 488, 490,
491, 500, 522, 525, 535,
547
Лаше 256
Лдзаа 252, 253
Лдзаа-ных 252
Леабхазе 445
Леапшиле 445
Левкотей 212, 237
Ле-Мустье 28
Лечкоп 29, 33
Лиаше 201
Лидия 119, 167
Лимна 175
Лиран 307
Лихи 326, 327, 329, 333, 450
Лихский хребет 267, 348, 450,
462, 476, 477
Лоар 253
Лео 251, 275, 279, 316
Лео // Лоу 251, 279
Лоре 480
Лоукыт 205
Лоцобани 393, 453
Луша 249, 250
Лыхны 29, 36, 91, 159, 252,
436, 439

М

Макопсе 277
Малая Абаз 56, 57
Малая Абхазия 56, 63, 64, 66,
314, 357, 570
Малая Азия 67, 120, 235, 497
Малая Хазария 187
Малтаква 259, 449
Малый Заб 117
Малый Мендерес 98
Малый Ромбит 285
Марага 307
Марану 490
Мараш 99
Мари 83
Мартвили 439, 440, 477
Мартэyla 440
Марту 75
Маршыа 447
Марыпс 174
Марыху 174
Масаитика 275
Масик 198
Масис 116
Матий 242
Матраха 282, 283
Матрега 283
Махелония 247, 277, 572
Мацеста 275, 276, 317
Мача-ныха 200
Мачара 200, 421, 436, 445, 452
Мачар-цкали 200
Мачарыцшь 200
Мачахели 200
Мачи 452, 454
Мачис-цкали 454
Мачихел 200
Мегрелия 55, 91
Медедсиз 99
Майотис лиман 280
Маква 259

Мезиг 274, 275, 276
Мезыб 101
Мелид-Камману 130
Меотида 55, 315
Месопотамия 74
Метрега 280
Мецкет 316
Мзым 189
Мзымта 29, 189, 232, 255, 272,
274, 275
Мисиминия 292, 293, 306
Миссир 70
Мисия 118, 119
Митанни 107, 110, 127, 128
Мкелрыпш 246
Могр 242
Моква (Мыкә) 29, 201, 240
Москва 435, 570, 576, 580, 581,
584, 585
Мосхийские горы 197
Мохва 201
Мрамба 151
Мсыр 70, 198, 284
Мтиулети 194, 195, 211
Мурат 117
Мухирисис 267
Мухнари 327
Мцхета 197, 198, 203, 206, 207,
213, 565
Мцхетское царство 196, 206,
209, 588
Мцы 275
Мчышь-та 102
Мыгды 117
Мыскет // Мыцкет 275
Мысра 275
Мысуа 275, 317

Н

Наа 221
Наана 221
Наапхазу 447
Набжьал 445
Надиквара 260, 449
Наири 118, 131, 140, 540, 559
Накалакеви 147, 240, 322, 439
Нанду 445, 447
Напацхара 446
Напсаяская гавань 331, 347,
348
Напхьека 447
Нарджхьоу 330
Нароу 447
Нарцу 447
Нахичеван 490
Нацха 445
Нацхаду 447
Незип 101
Нелкари 211
Неса 94
Несис 275
Нечепсухо 55, 250, 251, 278,
313, 314, 348, 350
Нижний Яштух 28
Никопея 319, 434
Никопсия 55, 251, 314, 348,
350, 351, 433, 493
Никофия 433
Нитика 275
Новгород 485
Новороссийск 55
Новый Афон 144, 146, 432,
433, 568, 571, 578

О

Овсети 481
Одемиш 97
Одзр(а)хе 138
Одзрхе 327, 339, 346
Одиний 175
Озраха 256
Окаце 441
Окваре 260, 449
Окриба 327
Опшквити 442, 443
Орду 47, 179, 191
Оронт // Оронта 102
Осетия 502
Отап (Уатап) 28
Отхара 41, 144, 162
Очамчира 29, 36, 190
Ошки 503

П

Пагр 230, 278
Пазар 171
Пакваши 447
Палеостоми 444, 259
Палестина 90, 104, 504
Палус Меотис 280
Пантикапей 153, 165, 214, 284,
294, 542
Парнаут 201
Парсава 117
Парсуа 117, 118
Пасис мта 448
Пахулан 328
Паххува 113, 116, 129, 539
Цашьгуашь 448
Пелопонес 154

Пений 224
Персия 117, 206, 207
Петра 531, 267, 268
Питиа 351
Питиунт 239, 290, 298, 299,
300, 309, 313
Пицунда 252, 491, 501
Полемоний 245
Понт 154, 156, 234, 238, 578
Понтийское море 347, 501
Порданис 175, 247, 249
Порчис-Цкали 493
Посхови 201
Поти 190
Приазовье 279, 537
Пса 202
Псарон 172, 173, 174
Псат 285
Псахара 28
Псин, Псинун 66, 355
Пскал 221
Псоу 58, 144, 219, 232, 246,
272, 273, 274, 275, 276,
279, 297, 298, 313, 316
Псху 223, 232, 273
Псыж 283
Псырдзха 432, 433
Пурусханда 114
Пуста 292, 294
Пустус 295
Пханакопи 433
Пхови 494
Пшада 316
Пшап 101

Р

Разбойничья река 239

- Рани 16
Рача-Лечхуми 327
Риза 171, 172, 277
Рим 235, 238, 265, 298, 299
Риони 55, 145, 147, 150, 156,
183, 188, 189, 190, 193,
195, 242, 257, 259, 265,
266, 267, 268, 269, 315,
322, 327, 329, 330, 346,
347, 348, 441, 448
Рис 239
Рица 172
Роан 195, 241
Родополь 267
Ром-Гур 490
Российская империя 58
Россия 58, 66, 357
Русина 284
Рустави 478, 480
- С**
- Сапагуе (Сапагуе) 448
Саджа-су 201
Садз 56
Садзели 201
Садзен 314
Садзны 314
Сазара 199
Сакара 443
Сакартвело 16, 23, 457, 458,
459, 551
Сакурат 468
Салуа 98, 113, 117
Самачабло 452, 454
Самсун 489
Самухи // Шамухи 116
Самцхе 163, 197, 198, 199, 206,
345, 454, 469
Самшвилде 397, 478, 480, 502
Сандрыцшъ 65
Санигеле 257
Санигия 288, 289, 314, 317,
349
Санихеви 257
Саницкали 257
Сант-Ашель 28
Сарды 120, 167
Сахара 126
Са-чанра 261
Сванети, Сванетия 195, 290,
327, 329
Свания 267
Себастополь, Севастополис
271, 296, 300, 501
Севастополь 224, 225, 240,
271, 272, 313, 354, 435
Северное Причерноморье 236,
244, 537
Северный Кавказ 60, 139, 164,
285, 286, 304, 306, 308,
342, 438
Сеихан 98
Сенаки 240, 257, 322
Сидень 245
Сидерон 292, 293, 295, 296
Сикана 247, 277
Синоп 489
Синопэ 92
Сирия 90, 111, 112, 182, 196
Сканда 267
Сквирча 260
Скопель 284
Скотор 294
Скра 202, 203

Скурча 223, 260
Собги 319, 437, 438
Согум 435
Сотирополь, Сотирополис 349,
350, 351
Сочи 63, 114, 138, 194, 225,
230, 242, 253, 315, 316,
317, 387, 427, 540, 543,
553, 580
Спери 481, 493
Сперское море 207
Среднеземноморье 143, 562
Старая Абаша 257
Старая Ахея 230
Старая Лазика 251, 253, 255,
278
Старый Сенаки 257
Страна мосхов 199, 206, 211,
213, 235
Страна реки Сеха 97
Страна фасианов 183, 187,
188, 191, 196, 206, 207,
588
Супса 92, 256, 257, 449
Сурамский перевал 190
Сурамский хребет 55, 450
Сурий 196
Сухма 117
Сухум 1, 2, 23, 90, 101, 116,
190, 217, 225, 240, 246,
259, 322, 349, 354, 436,
437, 549, 550, 551, 552,
553, 554, 555, 556, 557,
559, 561, 562, 563, 564,
565, 566, 567, 568, 569,
570, 571, 572, 573, 574,
575, 576, 577, 579, 580,
581, 584, 585

Схалта 259

Т

Табал 99, 572
Табахмела 490
Тавр 100
Таврида 153
Тавриз 490
Тагилан 159, 296
Тагилони 159, 217
Таик 130
Таманский полуостров 280,
537
Тамань 280, 281, 282
Таматарха 280, 281, 282, 283
Там-кыт 99
Тамрюк 280
Танаис 218
Тао 130, 335, 336, 338, 339,
343, 345, 351, 459, 460,
462, 463, 464, 465, 466,
469, 470, 471, 473, 519,
520
Тао-Кларджети 465, 469, 519,
520
Тапанта 316
Тарс // Тарсус 99
Тарсур 99
Тарсус 98, 99
Тархан 281
Тахитара 448
Тбилиси 9, 10, 13, 19, 22, 98,
204, 209, 337, 383, 397,
450, 452, 453, 475, 476,
480, 481, 485, 491, 492,
513, 549, 551, 552, 556,

557, 558, 559, 560, 561,
562, 563, 564, 565, 566,
567, 568, 569, 570, 571,
572, 573, 574, 575, 576,
577, 578, 579, 580, 581,
582, 584
Тегарама 113, 116
Темрюк 280, 281
Терек 311, 494
Техура 147
Тзибил 291, 302
Тигранакерт 236
Тир 104
Ткуарчал // Карчал 97
Тмутаракань 252, 280, 281,
282, 283, 351
Тохма 99
Трабзон 176
Трапезунт 176, 177, 239, 347,
348, 350, 489
Трахея 290, 302, 303, 304, 305,
434
Триалети 166, 338, 392, 464,
467, 473, 480
Троя 220, 231
Ту 316
Туапсе 60, 101, 230, 252, 253,
255, 348, 493
Туби 56
Тубун, Тхубун 435, 436, 437
Турция 47, 98, 357, 559, 564
Тушети 494
Тушпа 118
Тхина 447
Тхубун 436
Тцахар 292, 235
Тшырпан 210

У

Уаз-абаа 257, 304, 305
Уарпа 56, 146
Убух 56
Угарит 101
Укрух 348
Умма 82
Уплисцихе 209, 339, 342, 450,
451, 463, 464, 465, 467
Урарту 118, 136, 139, 145, 164,
167, 183, 540, 542, 559
Урта 444, 449, 452
Урук 83
Урыстэyla 66

Ф

Фазис 92, 146, 147, 150, 155,
156, 243, 286, 346, 355
Фасид 241, 242
Фасис 110, 145, 147, 150, 183,
188, 189, 190, 191, 193,
195, 196, 215, 216, 225,
239, 242, 266, 271, 286,
310, 322, 542, 543
Фаша 55, 147, 315
Финикия 107, 132

Х

Хабх 63, 140, 141, 541
Хабхи 63, 130, 131, 140, 141,
144, 155, 539, 540, 541,
588
Хабшы 41

Хав-тчитч 469
Хазария 311, 334, 337
Хайа 115, 131, 144, 540
Хайаса 112, 113, 115, 116, 119,
129, 144, 539
Хала 175, 260
Халдия 348, 349
Халкидоне 297
Халцыс 175
Хандзта 449, 445, 454
Хани 199
Ханис цкали 256, 454
Харес 240, 241
Хариен 218, 240
Хариент 240, 241
Хатти 91, 93, 94, 95, 538
Хаттское царство 90, 94
Хахули 503
Хахха 100, 101
Хацци 114, 115
Хачыпсы 232
Хаша 100, 202, 445, 450
Хашпсы 202
Хашупсе 272
Хашури 202, 450
Хашша 100, 101
Хашшу 100, 101
Хеви 494
Хевсурети 494
Хеирады 174
Хемува 113, 117
Херки 327
Херобий 239
Хецера 444
Хибула 445
Хирпис 56
Хирху 444
Хихадзири 257

Хоби 202, 328, 329, 438, 449
Ходжалы 97
Хойрады 178, 179
Хони 199, 336, 440, 441, 500
Хопа 172, 449, 476
Хоста 29, 63, 64
Хуаджал 97
Хуап 29, 101, 172, 173, 246
Хуаста 63
Хубушкиа 118
Хупати 476
Хупынипшахва 29, 34, 35, 555
Хыныс 117
Хыпс-та 102
Ҳабы 41
Ҳабы 41

Ц

Цабал 99, 291, 403, 410, 438
Цандрыпшь 64, 65, 330
Царства гениохов 249
Царство абазгов 297
Царство абхазов 456, 457
Царство махелонов и гениохов
243, 244, 245, 544, 589
Цачхур 259, 448
Цачхура 448
Цебelda 34, 35, 295, 572
Цибилиум 296, 501
Циви 240, 257
Ципнигвара 449
Цихе-Годжа 257, 439
Цихе-годжи 193
Цихе-Годжи 240, 266, 311, 318,
320, 322, 346
Цихе-Гуджа 266

- Цицибаиашы нохори 447
 Цкрыш 121
 Цкуара 259, 449
 Цре 201
 Цукети 454
 Цумур // Сумур 101
 Цусхвадж 316
 Цухма // Сухма 116
 Цуцхвати 443
 Цхом 116, 322, 435, 436, 437
 Цхум 312, 354, 435, 436, 437
 Цхуми 354, 435, 437
 Цхыбын 437
 Цыра 201
- Ч**
- Чабалаури 453
 Чаква 258, 259, 260, 426, 445, 449
 Чаквити, Чаквиджи 445
 Чакыт 99
 Чал 97
 Чалан-Усун 493
 Чамарды 99
 Чампали 260
 Чанети 493
 Чаника 181
 Чаны 182, 262
 Чапала 453
 Чатал 97
 Чачубети 453
 Чаши 56
 Чвинта 201
 Черкесия 66, 262, 557, 571, 574
 Черное море 55, 57, 121, 171, 172, 176, 259, 275, 348, 351
 Чин 97
 Чине 97
 Чиха 336, 337, 439, 443
 Чихан 439, 440, 494, 502, 527
 Чихская область 443
 Чкондиди 311, 438, 439, 440, 477, 502
 Чми 494
 Чорох 55, 86, 92, 113, 114, 129, 131, 136, 137, 145, 146, 147, 155, 171, 173, 175, 183, 186, 188, 189, 200, 204, 214, 242, 243, 249, 253, 260, 261, 262, 263, 265, 266, 346, 347, 348, 350, 351, 355, 430, 432, 444, 462, 502, 519, 537, 539, 542, 545
 Чорохи 262, 263
 Чубурхиндж 28
 Чухукыт 316
 Чхара 336, 439, 443, 527
 Чхвиш, Чхвиши 443
 Чхиквта 453
 Чыгәрханыха 64
 Чыгәрхэа 64
 Чыгқыта 64
 Чыгрыпшы 64
 Чыгурха 64
- Ц**
- Цьгыта 63, 64
 Цьикети 64
 Цькыта 64

Ш

Шабуран 481, 482
 Шавшети 138, 423, 467, 469,
 478
 Шаки 481, 533, 534
 Шамкор 481
 Шамухи 116
 Шамхор 488, 489
 Шапкы 319
 Шапсих 56
 Шарван 480, 481
 Шахе 230, 232, 272, 273, 275,
 276, 277, 280, 350
 Шахы 277
 Шашети 138, 387
 Шаши 56, 427
 Шашил // Шашил-уни 137
 Шашилети // Шешелети 137
 Шашилқыт 137, 387, 427
 Шашилу 137, 138
 Шашилуни 540
 Шаш-куара 137
 Шемаха 307, 380, 381
 Шемахийские горы 494
 Шэача 65
 Ширван 380, 381, 390, 480,
 482, 488, 493, 521, 534,
 535, 582
 Шоропани 210, 336
 Шубара 260
 Шубарта 130
 Шумера 83
 Шумере 74
 Шумеры 570
 Шурисцихе 343, 393

Шхангери ипацэа рхэы 316
 Шхара 448
 Шьам 112

Э

Эгейское море 92
 Эгер 186, 187, 188, 189, 227
 Эгриси 16, 186, 187, 188, 189,
 191, 192, 193, 194, 195,
 196, 206, 207, 208, 210,
 211, 227, 251, 266, 289,
 311, 312, 318, 321, 322,
 323, 324, 326, 327, 328,
 329, 330, 333, 334, 346
 Эгрис-Цхали 186, 188, 189,
 193
 Эгры 92, 97, 187, 188, 189, 190,
 330
 Эгури 189
 Эгырта 189
 Экректика 190, 216
 Эредви 341, 453, 502
 Эре-ду 81
 Эрети 191, 192, 207, 340, 341,
 342, 351, 453, 480, 481,
 546
 Эрзерум 488, 489
 Эрцаху 480
 Эрцух 480

Я

Ялта 283, 284
 Яшимва 315
 Яштух 28, 35

Этнические названия

А

- Абадза 54, 65
 Абадзе-чиль 54, 314
 Абадзех 54 65, 307
 Абаза // апаса 2, 54, 55, 56, 57, 59, 60, 61, 62, 63, 65, 66, 67, 85, 98, 119, 139 173, 200, 220, 256, 270, 273, 276, 278, 279, 285, 307, 314, 315, 354, 355, 356, 374, 393, 398, 467 538, 545, 589
 Абазги 18, 19, 20, 60, 61, 173, 272, 273, 276, 279, 288, 302, 303, 308, 310, 311, 313, 354, 356
 Абазинцы 59, 60, 101
 Абазины 5, 11, 54, 57, 59, 60, 65, 83, 102, 160, 186, 398 550, 567, 568, 570, 574
 Абаса 60, 98, 147, 200, 273, 441
 Абасги 67, 272, 276, 288, 289, 297, 300, 301, 303, 308, 309, 310, 311, 313, 349, 350, 457
 Абаск, абаски 62, 271, 272
 Абассины 60
 Аббаз, аббазы 60
 Абеслинцы 60
 Абешла 85, 86, 87, 130, 538, 542
 Абешлайцы, апешлайцы 85, 86, 87, 88, 130, 539
 Абжуа 23, 553
- Абжыуаа 65
 Абисар 85, 86, 88, 94, 270, 538 588
 Абиша 85, 86, 88, 270, 538, 588
 Абкац 141
 Абсары 146
 Абхазо-адыги 87, 88, 261, 588
 Абхазы 5, 9, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 24, 25, 37, 54, 55, 57, 58, 59, 60, 62, 63, 64, 65, 70, 79, 80, 83, 86, 87, 91, 112, 122, 125, 127, 130, 141, 144, 146, 151, 155, 159, 160, 163, 174, 182, 185, 186, 198, 199, 200, 204, 211, 214, 231, 232, 247, 250, 252, 257, 262, 263, 264, 268, 273, 276, 278, 279, 283, 285, 307, 314, 315, 337, 338, 354, 355, 356, 360, 380, 381, 385, 386, 397, 399, 409, 428, 430, 431, 433, 441, 451, 455, 457, 459, 463, 471, 475, 487, 488, 493, 497, 498, 503, 505, 507, 510, 517, 526, 538, 541, 545, 546, 547, 550, 552, 558, 568, 571, 574, 579, 589
 Авазги 354
 Авгаз 141
 Агыруа 61, 174
 Аджам, аджамква 117
 Адыги 70, 87, 88, 261, 278, 280, 314, 563, 588

- Азегә 278, 279, 280, 314, 557, 572
Азра 63, 138, 257, 278, 279, 280, 307
Азыхә 66, 262
Аибга 56, 65, 273, 316
Аир, аираа 144
Айәос 184, 270, 542
Айцы 144, 154, 155
Аккадцы 75
Ақыртуа 61, 98, 204, 383, 394
Аланы 195, 268, 276, 286, 293, 307, 310, 565, 579
Албанцы 122
Алты Кесек Абаза 220
Амориты 75
Ампревты 242
Амшенские армяне 172
Анчи́лы 246
Аппаиты 181
Апса 54, 61, 69, 85, 86, 146, 202, 256, 270, 285, 354, 355, 356, 357, 387, 401, 405, 422, 487, 538, 541, 545
Апсақәа 202
Апсацәа 401
Апсуа // апсуаа 60, 63, 65, 67, 69, 83, 84, 144, 262, 354, 356, 359, 374, 384, 506, 545, 577
Апсар 86, 92, 130, 144, 146, 147, 149, 155, 169, 171, 173, 182, 183, 186, 188, 191, 193, 202, 239, 242, 249, 252, 253, 260, 266, 270, 307, 318, 337, 347, 348, 354, 355, 356, 357, 383, 432, 433, 446, 487, 488, 538, 542, 545, 589,
Апсары 87, 155, 188, 242, 247, 253, 270, 286, 355, 432, 487
Апси́лы 18, 19, 20, 61, 62, 84, 91, 137, 146, 155, 174, 214, 242, 249, 253, 270, 271, 272, 273, 279, 286, 288, 289, 291, 297, 298, 302, 311, 349, 350, 354, 356
Апхаза 141, 399
Апхази 141, 397, 399
Апхазк 141
Апхазни 141
Апхас 141
Апши́лы 146
Арабы 126, 127, 293, 295, 296, 309, 311, 318, 320, 347, 354, 546
Арнауты 122
Армяне 116, 172, 211, 212, 213, 338, 339, 565
Асадз, асазуа 61, 65, 275
Ассирийцы 87
Ауапс 195
Аублаа 399, 402
Аубых 65, 116
Афгазы 55, 60
Ахеи 215, 218, 230, 231, 232
Ахейцы 122, 226, 230, 231, 253, 277, 589
Ахмениды 191
Ахчипсы 65, 273
Ачоу 182, 259, 262
Ашәамахь 116
Ашәуа 65

Ашуйцы 83, 102, 277
Ашхаруа, 186, 187
Аэтиды 152

Б

Базы 158, 173, 290
Баракай 274
Баски 52
Басхег 285
Басилбай, Башилбай 198
Бехиры 176, 245
Бжана 56
Бжедуги 55
Бизеры 170, 173
Брухи 274, 276
Будины 217
Булгары 268, 307

В

Вельты 217
Вехиры 170, 176
Византийцы 267, 268, 290,
292, 293, 303, 304, 308,
309, 323, 339, 475, 528,
545

Г

Гелоны 215, 217, 218, 221, 223,
224, 589
Гениохи 70, 122, 215, 218, 221,
224, 225, 226, 227, 230,
231, 242, 243, 244, 245,

246, 249, 250, 253, 264,
273, 312, 497, 543, 566, 589

Гэымаа 65
Гиппоподы 217
Готы 298
Греки 102, 119, 149, 153, 157,
177, 179, 206, 222, 228,
311, 326, 450
Грузины 15, 16, 17, 18, 19, 20,
56, 259, 311, 318, 383,
457, 459, 471, 530, 551
Гуайе 232
Гумаа 65
Гурийцы 186, 189, 327, 346

Д

Дандарии 238
Джики, джихи 64, 273, 279,
312, 314, 315, 349
Длинноголовые 173, 227, 248,
543
Дрилы 171, 176, 181, 245
Дурдзуки 211

Е

Евреи 211
Египтяне 46, 71, 73, 109, 111,
555
Ефиопы 111

Ж

Жане 55

З

Забаха 138, 145, 199, 540
Зехи 276, 278
Зиги 122, 215, 230, 231, 247,
276, 277, 279, 314
Зидриты 244, 248, 249
Зилхи 276, 277
Зихи 122, 165, 276, 277, 279,
280, 314

И

Иберийцы 238
Иберы // иверы 212, 457
Имеры 166
Иниохи 224, 225
Иранцы 117, 219
Ирон 195

К

Кабардинцы 54, 285, 314
Кабилухи 139, 200
Камариты 226, 227, 228, 229
Карбоны 217
Кардухи 170
Карийцы 143, 562
Картвелы 16, 17, 458, 530
Картлийцы 17, 208, 212, 213,
339, 343, 458, 462, 466,
467, 530, 531
Картлосаны 206
Карты 98, 204, 435, 436, 462
Каски 86, 87, 113, 119, 129,
130, 538
Касоги 87, 113

Катарза 163
Кахи 462, 464
Кашаги 87, 113
Кашки 86, 87, 88, 94, 539, 564
Керкеты 181, 215, 216, 219,
221, 588
Керкиты 181
Кешаги 87, 113
Киммерийцы 164, 165, 166,
167, 168
Колика 218, 219
Колхи 19, 44, 67, 69, 70, 111,
153, 154, 155, 156, 158,
161, 162, 164, 169, 170,
171, 174, 184, 186, 188,
191, 212, 213, 217, 220,
225, 237, 239, 242, 243,
244, 247, 250, 253, 256,
264, 270, 286, 388, 542,
544, 588
Колхи-фасианы 184
Колы 162, 219, 220, 221, 225,
589
Кораксы 215, 218, 219, 221,
222, 224, 228, 225, 258
Косоги 87
Кулар 163, 164, 169, 173, 184,
541
Куссары 94, 95

Л

Лазы 242, 249, 250, 251, 253,
254, 264, 265, 268, 269,
290, 271, 286, 287, 288,
289, 308, 544
Лаконцы 226, 231

Лау 101, 205, 251, 252, 254,
253, 255, 271, 278, 282,
287, 387, 400, 403, 418,
439, 450, 544

Лауар 254

Лезгины 227

Леки 192, 207, 208

Лидийцы 168

Луша 249, 250

М

Макроны 169, 170, 177, 180,
181, 244, 245

Макропогоны 215, 218, 219,
227, 544, 589

Мары 170, 174, 420

Мары 75, 103, 169, 170, 174,
388

Маскуты 198

Махелоны 244, 245

Махороны 245

Махош 55

Мегрело-чаны 226

Мегрелы 56, 174, 182, 204, 259,
269, 394, 438

Меланхлены 215, 217, 218,
219, 221, 225

Меланхлены 214, 218, 589

Меоты 165, 166, 215, 280

Месхи 199, 462

Метаннийцы 111

Мзаа 273

Мисимияне 18, 214, 291, 293

Монголы 419

Моссиники 169, 170, 171, 177,
178, 179, 198

Мосхи 169, 170, 173, 179, 180,
196, 197, 198, 199, 204,
211, 214, 215, 224, 588

Мудави 285

Мушки 197

Мысаа 119

Мысыл-пара 198

Н

Наири 118, 131, 140, 540, 559

Натухайцы 54, 314

Ногайцы 220

О

Обезы 19, 24, 59, 461, 503, 511,
551, 557

Овсы 192, 195, 207, 208, 211

Осетины 195, 207, 208, 339

П

Персы 117, 211, 213, 267, 290,
291, 306

Пёх 63, 116, 129, 130, 140, 145,
176, 274, 539

Пигмеи 20

Р

Раны 372, 462

Римляне 235, 236, 264, 298,
305, 309

С

Садзы 22, 58, 63, 65, 199, 273,
312, 314, 349, 552
Салты 253
Салы 217, 218
Самырзаканаа 65
Сан 65, 178, 179, 182, 273, 275,
279, 402, 422, 424
Саниги 18, 61, 179, 257, 271,
272, 273, 274, 276, 279,
288, 312, 313, 314, 349,
350, 355, 543
Санники 242, 244
Санны 181, 182, 241, 243, 244,
245, 253, 257
Санны-гениохи 243, 244
Сапиры 180
Сарацины 331
Сармат 284
Сваны 225, 241, 242, 253, 254,
289, 493
Селевкиды 192, 208
Синды 153, 165, 215
Скиф 224
Скифины 171
Скифы 195
Сомехи 116

Т

Тавры 153, 165, 214, 542
Таойцы 339, 462
Таохи 128
Тапанта 220, 277, 282, 285,
314, 316, 390
Тибарены 170, 179, 180, 181, 245

Тореты 215, 216, 218, 221
Туахы 130, 131
Туахы 130, 136, 539
Тубало-тибарены 180
Турки 56, 476, 478, 489
Турки-сельджуки 476, 489

У

Убыхи 23 24, 54, 58, 65, 67,
116, 129, 171, 184, 222,
274, 276, 279, 314, 539,
553, 574
Урартийцы 139, 541
Урумейцы 87

Ф

Фазиани, фасианы 147, 155,
184, 188, 191, 237, 242,
270
Франко-фригийские племена
87
Фтейрофаги 173, 215, 218, 223,
224, 227, 241, 544, 589

Х

Хабх, хабхи 63, 130, 131, 140,
141, 144, 155, 539, 540,
541, 542, 588
Хайасцы 119
Халды 175, 181
Халдей 170
Халибы 156, 158, 170, 175,
178, 179

Хапиры 109
Хатты 88, 90, 93, 94, 95, 363,
537, 588
Хетты 90, 95, 110, 538, 565
Хетты-неситы 538
Хои 170, 173, 174, 232, 543
Хоу 173, 174, 247, 543
Хурриты 83, 100, 127, 128,
363, 558

Ч

Чан 71, 178, 179, 182, 183, 389
Чаны 179, 181, 182, 183, 245,
261, 262, 265
Черкесы 65, 101, 102, 216
Чоу 182, 262, 263, 265, 269

Ш

Шаки 481, 533, 534

Шапсуги 54, 65, 112, 222, 278,
314
Шацсыгә 112
Шашил 137, 139, 198, 247, 387,
427, 540
Шашки 138, 139, 540
Шашы 316, 527
Шумеры 74, 75, 570

Э

Эгры 186, 188, 249, 269
Экехерийцы 175
Эллины 177, 179, 217, 223, 231,
365
Эры 14, 15, 23, 28, 205, 214,
215, 462, 553

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

а) в названиях архивных и научных учреждений, сборников и журналов:

АБИЯЛИ – Абхазский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа (ныне Абхазский институт гуманитарных исследований). Сухум

АБНИИ – Абхазский научно-исследовательский институт. Сухум

АБНИИК – Абхазский научно-исследовательский институт краеведения. Сухум

АГУ – Труды Абхазского государственного университета. Сухум

АДИЯЛИ, АдНИИЯЛИ – Адыгейский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории (ныне Адыгейский институт гуманитарных исследований). Майкоп

АКАК – Акты, собранные Кавказской археологической комиссией. Тифлис

БСЭ – Большая советская энциклопедия

ВВ – Византийский временник

ВДИ – Вестник древней истории. Москва

ВИГФЭ – Вопросы истории Грузии феодальной эпохи. Тбилиси

ВУА – Военно-ученый архивный фонд ЦГВИА (ныне РГВИА). Москва

ВЯ – Вопросы языкознания. Москва

ЖВГ – Жизнь Вахтанга Горгасала

ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения. Санкт-Петербург

ЗКОИРГО – Записки Кавказского отдела императорского Русского географического общества. Тифлис

ЗООИД – Записки одесского общества истории

ИИЯИМК – Известия института языкознания и истории материальной культуры

- ПС* – Переднеазиатский сборник
СППИ – Сухумский государственный педагогический институт. Сухум
СМИЯ – Сборник материалов по истории Абхазии. Сухуми
СМОМПК – Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис
ССКГ – Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис
СЭ – Советская этнография. Москва
ТАГМ – Труды Абхазского государственного музея. Сухуми
ТАИЯЛИ – Труды Абхазского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Сухум
ТФ – Тифлиссские ведомости
ЦГВИА – Центральный государственный военно-исторический архив
ЦГП «Алпха» – Центр гуманитарных программ. Сухум

б) в названиях языков:

- абаз.* – абазинский
абхаз. – абхазский
абж. – абжуйский
абис – абиссинский
авар. – аварский
адыг. – адыгский
аккад. – аккадский
ассирийск. – ассирийский
бзыб. – бзыбский
груз. – грузинский
др.-абхаз. – древнеабхазский
др.-арм. – древнеармянский
др.-греч. – древнегреческий
др.-еврейск. – древнееврейский
еврейск. – еврейский
египет. – египетский
и.-е. – индоевропейский
итал. – итальянский
каб. – кабардинский
кирг. – киргизский
лакск. – лакский

лат. – латинский
мегр. – мегрельский
нем. – немецкий
ног. – ногайский
осет. – осетинский
перс. – персидский
русск. – русский
садз. – садзский
сван. – сванский
тур. – турецкий
тюрк. – тюркский
убых. – убыхский
угарит. – угаритский
урарт. – урартский
хатт. – хаттский
хетт. – хеттский
хурр. – хурритский
шумер. – шумерский

в) некоторые другие сокращения:

букв. – буквально
в. – век
г. – год
г. – гора
Абаш. р-н – Абашский район
Гагр. р-н – Гагрский район
Гал. р-н – Галский район
Гуд. р-н – Гудаутский район
Гул. р-н – Гулрыпшский район
Зугдид. р-н – Зугдидский район
Мартв. р-н – Мартвильский район
ед. ч. – единственное число
м-сть – местность
мн. ч. – множественное число
Очам. р-н – Очамчырский район
пос. – поселок
р. – река
с. – село

с // с – сельский совет (сельсовет)

тыс. – тысяча, тысячелетие

Ткуар. р-н – Ткуарчалский район

церк. – церковный

Чхороц. р-н. Чхороцкуйский район

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
ГЛАВА I. Из истории древнейшей Абхазии	27
ГЛАВА II. Этюды из истории языка и этногенеза абхазо-абазинского народа	49
§ 1. О родстве и особенностях кавказских языков.	49
§ 2. Абхазо-абазинские языки, наречия и о наименованиях их носителей.	52
ГЛАВА III. Ареал распространения абхазо-адыгских языков в эпоху древнейших цивилизаций	67
§ 1. Протоабхазы и Египет	69
§ 2. Предки абхазо-абазинского этноса и народы древнего Двуречья.	74
ГЛАВА IV. Абхазо-абазинские этнические сообщества в первой половине II тыс. до н. э.	85
§ 1. Абиша или Абисар	85
§ 2. Абхазо-адыги и хатты	88
ГЛАВА V. Абхазо-абазинский этнический мир в контексте истории Малой Азии XV–XI вв. до н. э.	97
ГЛАВА VI. Южное Закавказье, Юго-Восточное и Кавказское Причерноморье в первой половине I тыс. до н. э.	136
§ 1. Этнические сообщества Юго-Западного Закавказья по данным урартских источников. Царство Дайаэни или Диаохи	136
§ 2. Народ и страна Хабхи	140
§ 3. Страна и царство Айа // Эя	142
§ 4. Корабль «Арго»	153
§ 5. Колхи и Колхида	154
ГЛАВА VII. Абхазо-абазинские сообщества во второй половине I тыс. до н. э.	169
§ 1. Этнический состав населения Юго-Восточного Причерноморья	169

§ 2. Страна фасианов	183
§ 3. Мосхи и Мцхетское царство	196
1. Мосхи	196
2. Мцхетское царство	206
§ 4. Северо-Западное Причерноморье	214
1. Керкеты (южные)	215
2. Торетика	216
3. Гелоны	217
4. Меланхлены или макропогоны	218
5. Кораксы и колы	219
6. Фтейрофаги – «вшееды» или «шишкоеды»	223
7. Гениохи	224
8. Ахея и ахейцы	230
ГЛАВА VIII. Этнополитические образования	
Юго-Восточного и Восточного Причерноморья в	
I в. до н. э. – VII в. н. э.	234
§ 1. Из истории международных отношений конца	
I тыс. до н. э. и I в. н. э.	234
§ 2. Колхида в конце I тыс. до н. э. – I в. н. э.	237
§ 3. Царство махелонов и гениохов	243
§ 4. Абхазо-абазинские ладзы (лоадзы) и	
Лазское Царство	249
§ 5. Царства апсилов, абазгов, санигов и	
зегов в I–VII вв.	269
1. Этническая характеристика и вопросы локализации	269
2. Царство апсилов	285
3. Царство абазгов (абасгов)	297
4. Царства санигов и зегов	312
ГЛАВА IX. Раннефеодальное Абхазское царство	318
§ 1. Образование объединенного абхазского государства.	
Абхазское царство VIII–X вв.	318
§ 2. О границах Абхазского царства в VIII–X вв.	345
ГЛАВА X. Свидетельства абхазского и	
абазинского языков	354
§ 1. Феодалная народность <i>абхазы</i> или <i>абаза</i> // <i>апаса</i>	
(<i>апсуа</i>) // <i>апсар</i>	354
§ 2. Из абхазской лексики государственного	
строительства и социальных отношений	356

1. Термины, связанные с нормами поведения	364
2. Термины, обозначающие людей непристойного (преступного) поведения	366
3. Нейтральные (общие) термины	367
4. Армейская терминология	368
а) наименования родов войск, военачальников и армейских занятий	368
б) крепостные строения и вооружение	370
в) война, военные действия	372
г) героизм, трусость, измена	373
д) термины, связанные с морем и военно-морскими силами	374
5. Термины, связанные с юридическим и обычным правом	375
6. Христианская терминология	377
7. Термины товарно-денежных отношений	379
§ 3. Абхазо-абазинские родовые и фамильные имена в грузинской и мегрельской антропонимии	385
1. Абхазские родовые имена в грузинской антропонимии	386
2. Абхазские фамильные окончания	393
3. Древнеабхазские фамилии с окончанием на <i>ба, па, уа</i> в грузинской антропонимии	396
4. Словарь абхазо-абазинских родовых и фамильных имен, преобразованных в формы грузинских фамилий	398
§ 4. Об абхазском (абхазо-абазинском) вкладе в топонимию Закавказья средних веков	431
ГЛАВА XI. Абхазское многонациональное государство, или Абхазская империя, XI–XIII вв.	456
§ 1. Еще раз об историографии Абхазского царства	456
§ 2. Преобразование Абхазского царства в Абхазское многонациональное государство – Абхазскую империю	462
§ 3. Государственный и социальный строй, экономика, быт и культура Абхазского царства (VIII–XIII вв.)	493
1. Государственный и социальный строй	494
2. Войска и вооружение	495
3. Экономика Абхазского царства VIII–XIII вв.	498
4. Церковь и культура	501

§ 4. О языке письма и общения в Абхазском царстве	510
§ 5. Династические браки, характеристики и титулатура абхазских царей.	518
1. Династические браки	518
2. Характеристики царей	522
3. Титулатура абхазских царей.	526
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	537
ЛИТЕРАТУРА	549
УКАЗАТЕЛИ	583
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	657

В. Е. КВАРЧИЯ

ИЗ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ
АБХАЗСКОГО (АПСУА // АБАЗА) НАРОДА,
ИЛИ
О ЯЗЫКЕ И ИСТОРИИ АБХАЗОВ И АБАЗИН

В. Е. КԂАРЧИА

АԂСУА // АБАЗА ЖԂЛАР РХЫЛԂШԂԂРА
АԂОУРЫХ АХԂԂԂ,
МАМЗАРԂЫ
АԂСУААИ АШԂУААИ РБЫЗШԂЕИ РԂОУРЫХИ РЗЫ

Редактор И. Г. Шоуа
Набор: Л. Р. Чамагуа, А. Ш. Гурцкая, Х. Ш. Ардзинба
Корректор И. Н. Кварчия
Компьютерная верстка А. Ш. Беренджи

Формат 60х90 $\frac{1}{16}$. Тираж 1000 экз.
Физ. печ. л. 41,5.
